

А. А. СЕРДЮКОВ

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

*Роман-история
в двух частях*

Часть первая

Екатеринбург 2022

Научный редактор: Грибан И. В.,
кандидат исторических наук, доцент
Корректор: Адясова О.А.

Сердюков, А. А.

Человек своего времени : роман-история в двух частях. Часть первая / А. А. Сердюков ; под научной редакцией И. В. Грибан. – Екатеринбург : [б. и.], 2022. – 325 с. – Текст : непосредственный.

В романе-истории А. Сердюкова «Человек своего времени» повествуется о советском образе жизни, трагических событиях в Советском Союзе на рубеже 80–90-х годов XX века, финалом которых стали разрушение СССР – одной из супердержав мира, преемника России – страны с древнейшей и богатейшей историей, падение советской власти и реставрация капитализма в России.

Предисловие

Годы неудержимо все дальше уносят в прошлое «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» – крушение одной из супердержав мира – Советского Союза, впервые в истории продемонстрировавшего свой особый путь развития, альтернативный капиталистическому Западу, но острые дискуссии по поводу случившегося со страной до сих пор не утихают. Выдвигаются различные версии распада СССР, однако ни одна из них не дает исчерпывающего правового ответа на вопросы: почему произошло разрушение мощной державы, какие силы внутри страны и за ее пределами в этом повинны? Пожалуй, неоспоримым является лишь то, что если бы КПСС, инициатор перестройки, реализовала свои первоначальные замыслы, СССР встретил бы новый XXI век обновленным и сильным.

В связи с этим возникает вопрос: что же случилось с партией, опытной и закаленной политической организацией, обладавшей притягательной социалистической идеологией? Почему она в перестроечные годы потеряла авторитет и доверие среди советских граждан? Что побудило часть высшего руководства КПСС, партийно-советской номенклатуры поменять свои коммунистические убеждения на социал-демократические и, даже, – на либеральные взгляды? Что их заставило фактически оказаться в лагере «прорабов» перестройки, развязавших антикоммунистическую и антисоветскую истерию и добившихся запрета многомиллионной партии, объединявшей в своих рядах сознательную, наиболее активную часть советского общества? Какие чувства испытывали рядовые коммунисты, наблюдая за организованным судилищем «по делу КПСС» – старейшей марксистско-ленинской партии, прошедшей многие суровые испытания, в том числе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и под руководством которой была создана социалистическая супердержава мира?

Главный персонаж романа – Вадим Андреевич Звездин. Он – не представитель ни правящей элиты, ни силовиков и ни герой. Он кандидат исторических наук, доцент. Как большинство советских людей – сторонник перестройки, которая могла бы вывести страну из охватившего кризиса с последующим ее успешным развитием. Однако критически относится к тому, как она осуществляется. Размышляет и стремится понять, почему в принципе необходимая в правящей партии дискуссия относительно перестройки переросла в острую политическую борьбу за власть, перечеркнула ее первоначальные замыслы; почему руководители КПСС и Советского государства с таким упоением восприняли гласность, породившую оппозицию, которая воинственно выступила против самой партии и всего советского; надо ли было создавать высший дополнительный орган государственной власти – Съезд народных депутатов, прохождение которых воспринималось рядовыми гражданами не более как политическое шоу, а их

решения в конечном счете вели к углублению экономического и политического кризиса в стране, а в итоге – к разрушению СССР и падению советской власти.

Впитавший с юности социалистические идеалы и ставший членом КПСС будучи рабочим крупного промышленного предприятия, Звездин остается верен этим идеалам и в условиях развернувшейся в стране антикоммунистической, антисоциалистической истерии. Выступая на кафедре, в студенческой аудитории, на митинге, в рабочей аудитории, он защищает достижения социализма, в том числе и в решении национального вопроса; положительно отзываясь о роли КПСС, Сталина в социалистической модернизации страны, не замалчивая при этом имевших место трудностей, ошибок, недостатков, нарушений социалистической законности. И пытается объяснить, почему их не удалось избежать в то бурное созидательное время.

Однако его пропагандистская работа являлась не более как «гласом вопиющего в пустыне». И это он все больше понимает, видя, как народ, прежде всего рабочий класс, потворствует разрушителям своей советской Родины, не препятствует реставрации капитализма в стране. В этом его трагедия как человека своего времени, верившего в коммунистическое будущее и стремившегося своей повседневной профессиональной и общественной деятельностью приближать это будущее и все более сознающего, как в условиях огульного охаивания советского прошлого обесценивается вся его работа как историка КПСС, а стало быть, и большая часть сознательной жизни. Как советский человек, человек своего времени, он болезненно воспринимает известия о Беловежских соглашениях и расстреле Верховного Совета Российской Федерации.

Основной персонаж романа Вадим Звездин – это не псевдоним автора, хотя есть много схожего с его биографией. И все же Звездин – литературный образ, воплотивший в себе немало число историков, работавших на кафедрах истории КПСС в вузах СССР.

Роман-история «Человек своего времени» состоит из двух частей. Его первая часть была издана в 2016 г. В предлагаемой читателям переработанной и вновь публикуемой первой части и одновременно - второй, повествуется об участии в трудовой, общественно-политической жизни и досуге главного и других персонажей на рубеже 1950-1960 гг. – времени проб коммунистического бытия и больших планов и надежд на будущее; и восприятию ими радикальных перемен в стране в 1991-1993 гг., когда КПСС оказалась под запретом, СССР был разрушен, Верховный Совет РСФСР – расстрелян, советская власть в суверенной России - упразднена.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Октябрьский праздник наступил как-то неожиданно, буднично. Не было той традиционной шумихи и суеты при подготовке к нему ни со стороны центральных властей, ни на местах. О наступившем празднике напоминали лишь повешенные кое-где на домах красные флаги. Да и они, заплетаясь от порывов ветра, выглядели совсем не по-праздничному, тоскливо.

Не чувствовалось праздника и среди собравшихся у Главпочтамта горожан, которые молча начали строиться в колонну для шествия на площадь 1905 года. У демонстрантов не было в руках ни ярких транспарантов, ни портретов членов Политбюро и вождей пролетариата, ни в изобилии красных гвоздик. Лишь кое-где дети своим заразительным смехом разгоняли на какое-то мгновение царившую подавленность толпившихся демонстрантов.

Но вот, наконец, под звуки военного оркестра демонстрация не сразу, притормаживая, двинулась по проспекту Ленина в направлении центральной площади города Свердловска, переименованного полтора месяца назад в Екатеринбург.

Вадим Андреевич и его жена Мария Григорьевна пристроились к колонне демонстрантов. Рядом не оказалось ни друзей, ни знакомых: то ли они вообще не пришли, то ли не удалось их отыскать в не по-праздничному настроенной толпе. Они шли молча. Изредка, когда движение приостанавливалось, перебрасывались словами по поводу нынешнего Октябрьского праздника. Выйдя на площадь, демонстранты остановились у памятника Ленину. Прозвучали гимны Советского Союза и России. Вадим Андреевич и Мария Григорьевна, как и другие демонстранты, положили красные гвоздики к постаменту памятника вождю. Потом начался митинг. Выступавших на митинге – работницу Уралмашзавода Ткачеву, завкафедрой из Уральского лесотехнического института Самарскую, ветерана Великой Отечественной войны Малюшина и других, призывавших к защите идеалов Октябрьской революции и Ленина от поругания и глумления, – трудно было слушать из-за шума и крика митингующих на противоположной стороне от памятника Ленину, около здания Горсовета. Оттуда неслись антикоммунистические выкрики. Там же, над толпой, вдруг появился броский плакат: «Почему преступников-фашистов судили в Нюрнберге, а коммунистическую банду не судят!»

«Вот он, подарок Ельцина Октябрьскому празднику – резанула страшная мысль Вадима Андреевича. – А что будет дальше? Вновь гражданская бойня?»

Увлекаемый толпой, он вскоре оказался в гуще потасовки, начавшейся между сторонниками и противниками коммунистов. Кто-то из ветеранов вырвал из рук дезовцев антикоммунистический плакат (1). Его тут же бросили на землю и растоптали.

Потасовка начала принимать угрожающий характер. Милиция, до этого занимавшая позицию сторонних наблюдателей, наконец, вмешалась, стала разнимать дерущихся, устроила между ними стенку.

Чтобы успокоить митингующих, председатель горисполкома Скрипченко громко в микрофон объявил, что хлеб в магазинах города есть, хлеб будет, и призвал всех жить по совести, быть терпимыми друг к другу, чтобы праздник не стал линией раздела. Толпа несколько успокоилась. Вадим Андреевич и Мария Григорьевна еще немного постояли на площади, а потом, не встретив никого из друзей, отправились домой...

После демонстрации, чуть отогрившись дома, Вадим Андреевич пошел за хлебом. У хлебного магазина толпился в очереди народ. Пристроившись в хвост очереди, он, все еще находясь под впечатлением событий на центральной площади города, с нарастающей тревогой наблюдал то за трепетавшими от порывов колючего ветра флажками, небрежно повешенными на некоторых домах, то за угрюмо стоявшей толпой, то смотрел безразлично вслед пробегавшим изредка машинам. Тревожно становилось не из-за того, что может не хватить хлеба (кто-то выкрикнул не занимать очереди), – его, профессионального историка, все больше беспокоили начавшиеся столкновения различных политических сил как в своем городе, так и в стране. К чему может привести это растущее противостояние сторонников и противников Октября сейчас, после запрета КПСС, не трудно предвидеть: к серьезной дестабилизации обстановки в стране, к голоду, а может – страшно даже подумать – к очередной гражданской войне в России на исходе двадцатого века.

Вадим Андреевич до сих пор не мог забыть тот голод в военные и первые послевоенные годы, когда приходилось есть все более-менее съедобное, особенно весной, да и летом, пока не начинали подкапывать еще не выросшую на приусадебном участке картошку.

В последнее время, когда полки в магазинах опустели и длинные очереди за покупкой продуктов даже по талонам стали нормой, Вадим Андреевич брал с собой что-нибудь почитать: жалко было терять время! На сей раз он прихватил «Комсомолку». Развернув газету и быстро пробежав глазами по ее заголовкам, остановился на статье С. Плужникова «Алмазы для диктатуры пролетариата». Попробовал читать, но не получилось, не мог сосредоточиться. Из головы не выходило услышанное утром сообщение «Радио России» о запрете КПСС. Если верить диктору, комментировавшему указ президента Ельцина, Коммунистическая партия квалифицировалась как государственная структура, носившая явный антинародный, антиконститу-

ционный характер. А поэтому ее деятельность прекращалась на территории Российской Федерации, организационные структуры распускались.

Этим своим указом Ельцин добил парализованную партию, в которой сам состоял не одно десятилетие, занимая в ней высокие должности. Вообще логика развивавшихся в стране событий вела к этому, особенно после августовских дней, но Вадим Андреевич никак не ожидал, что запрет партии последует в самый канун государственного праздника – 74-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Преднамеренно это сделано или случайное совпадение – не важно! Главное – к празднику советским людям преподнесен подарок! И какой! От него можно не только содрогнуться, но получить смертельный нокаут. Но кто-то же и аплодирует свершившемуся акту, как мог убедиться Вадим Андреевич на центральной площади города, откуда только что вернулся. Там пошла стенка на стенку, и только вмешательство милиции предотвратило драку.

Углубившись в свои размышления, Вадим Андреевич не обращал внимания ни на стоящих рядом людей, ни на их разговоры. Отвлекала его на какое-то мгновение лишь дрожь, разливавшаяся по всему телу от холодного порывистого ветра. И тогда он начинал потихоньку притопывать ногами по грязному асфальту, в надежде хоть немного согреться, оставаясь при этом во власти все тех же тревожных размышлений.

Но вот в очереди началась перебранка. Нервный, простуженный голос «да угомонитесь вы, совки» вывел Вадима Андреевича из безразличного состояния ко всему происходящему. Он понял, что прокричал стоявший перед ним мужчина лет тридцати пяти в очках. Но на него никто не обратил внимания, крик продолжался:

– Она здесь не стояла, норовит без очереди купить хлеб! Больно умная!

– Я занимала очередь за этим мужчиной, его предупредила, что на немного отлучусь. Ребенок дома больной.

Только теперь дошло до Вадима Андреевича, что перебранка касалась и его. Действительно, кто-то занимал за ним очередь, но кто именно – не знал, просто не обратил внимания. И вот теперь перед ним стояла молодая женщина и доказывала, что ее очередь за этим мужчиной, т. е. за ним, Звездиным, а он, пытаясь понять что к чему, молчал.

– Мужчина, вы помните, я занимала за вами очередь, – обратилась к Вадиму Андреевичу молодая женщина в надежде на его поддержку.

– Да, конечно, она занимала за мной очередь, – не то оправдываясь перед женщиной, не то убеждая стоявших за ним в очереди, произнес он тихо и не совсем уверенно. Это еще сильнее возбудило очередь. Теперь посыпались бранные слова не только по адресу молодой женщины, но и его. Стоящий перед ним мужчина в очках посоветовал ему не вступать: дескать, бабы сами разберутся.

– Ничего подобного! – решительно возразил Вадим Андреевич. – Она действительно занимала очередь!

И тут же, взяв женщину за руку, буквально втолкнул ее в очередь перед собой. Все это произошло настолько неожиданно, что женщина не успела даже что-то сказать. Очередь также не сразу поняла, в чем дело. Но, опомнившись, она зашумела, послышались ругательства в его адрес и женщины. Однако продолжалось это недолго, вскоре все успокоились, и стало угнетающе тихо.

Эпизод с женщиной прервал рассуждения Вадима Андреевича о смысле происходящих событий в стране. Он попытался вновь вернуться к ним, но не получалось. Слово «совки», брошенное человеком в очках в адрес стоявших в очереди людей, разбудило в Вадиме Андреевиче протестное чувство, желание броситься в словесную схватку с этим человеком. Слово «совки» все чаще стало встречаться в периодической печати, оно проскакивало у некоторых коллег-кафедралов. Он не мог принять это слово как новую новацию наступивших перемен, ибо видел в нем нечто оскорбительное для себя, для людей, живших и создавших в свое, советское, время. И когда слышал слово «совок», неважно от кого, ему тут же хотелось начать дискуссию, используя крепкие слова вплоть до нецензурной лексики.

Вадим Андреевич уже собрался начать разговор с человеком в очках, который, не отрываясь, что-то читал в газете. Но очередь подошла к самой двери магазина. Здесь толпилось много людей. Некоторые, вдруг оказавшиеся у двери, пытались нагло, вне очереди пролезть в магазин. Сдерживая их, он с трудом протолкнул в магазин впереди стоящую молодую женщину, а затем, работая локтями, пробился туда же и сам. Двигаясь за ней, он уже более спокойно подошел к продавщице, взял пару буханок хлеба, рассчитался и не без труда выбрался из магазина на улицу. Очередь по-прежнему оставалась длинной. Проходя мимо нее, Вадим Андреевич не заметил, как поравнялся со своей знакомой по очереди. Она вдруг повернулась к нему и мягким, немного дрожащим голосом заговорила:

– Я благодарю вас за помощь. Без вашего участия точно осталась бы без хлеба. Люди стали звереть. Вот до чего довели народ. Из-за куска хлеба готовы твою глотку перегрызть!

Только теперь Вадим Андреевич разглядел лицо молодой женщины. Оно было приятным, более того – красивым. Глаза, ресницы, брови, нос, губы – все это было выполнено природой на высшем уровне. Вадиму Андреевичу захотелось задержать ее внимание, лучше рассмотреть это великолепное творение природы.

– Я, прежде всего, поздравляю вас с Октябрьским праздником!

– Какой праздник! – воскликнула она. – Люди, как сумасшедшие, рыскают по магазинам, чтобы хоть как-то отовариться продуктами.

– Знакомый рабочий-уралмашевец на мое поздравление ответил так: сегодня мы не празднуем, а скорее хороним Октябрь!

– Так считает и мой папа, – призналась она и повернулась, чтобы уйти.

– А вы как считаете?

– А мне все надоело: и пустые полки магазинов, и словесный понос современных политиков и депутатов. Скорее бы все это кончалось!

Сделав небольшую паузу и улыбнувшись, скорее вынуждено, в знак благодарности собеседнику, добавила:

– А вас еще раз благодарю и всего доброго.

Потом резко прибавила шаг и скоро скрылась в людской толпе.

* * *

Об этой встрече с молодой женщиной в той взвинченной очереди Вадим Андреевич вспомнил, когда ехали в троллейбусе вместе с женой на поминки Вени Вепрева, многолетнего друга, умершего ровно год назад. Все, что происходило у магазина, вселяло тревогу за будущее. Своим беспокойством он хотел поделиться с женой, но Мария Григорьевна, занятая своими думами, слушала его вяло, без особого интереса. Для нее, как и для большинства граждан, магазинные очереди с криками и драками становились обычным делом.

Когда приехали к Вепревым, там уже были в сборе все, кто считал своим долгом почтить память Вени. Увидев привычную компанию, Вадим Андреевич никак не мог себе представить, что это поминки, а не очередное праздничное застолье. Ему казалось, что вот-вот из кухни выйдет Вения и привычно скажет: «Ну что, гости дорогие, – садимся, время не ждет!» Но его не было, он ушел в мир иной.

Смерть Вени была внезапной. Год назад, седьмого ноября, Вепревы отмечали новоселье (они, наконец, получили двухкомнатную квартиру в хорошем микрорайоне города), а утром его не стало. Кончина Вени всех потрясла: ведь ему было немногим за пятьдесят.

На том вечере Вения, как всегда, в меру пил, курил, шутил. Когда женщины запели «Лаванду», он подпевал, хотя и не обладал вокальными способностями. Никто не мог предположить, что уже на следующий день утром его не станет. Диагноз после вскрытия оказался неожиданным для всех: сердечная недостаточность. Как-то с трудом верилось, что именно это послужило причиной его внезапной смерти. Тем более что сам Вения на последнем вечере не то шутя, не то всерьез бросил, что, дескать, врачи ему сказали, что если он себя пока нормально чувствует (у него болели ноги, давал о себе знать избыточный вес), то только благодаря сердцу. Возможно, он знал о болезни своего сердца, но не говорил об этом ни родным, ни друзьям, чтобы лишний раз их не беспокоить. Ведь также поступает и он, Вадим Андреевич, зная, что сердце его тоже начинает барахлить: иногда появляются ощущения сжатия в грудной клетке, покалывание в левую руку и лопатку, легкое головокружение при резком вставании. На медицинском языке – это признаки одной из форм ишемической болезни сердца, которая сопровождается сужением просвета коронарных артерий. Но, зная об ишемической болезни своего сердца, он пока об этом не говорит ни

жене, ни детям. Почему? Не хочется пугать их своей патологией, не хочется, чтобы его везде и всюду оберегали как «сердечника». Вадима Андреевича успокаивало то, что ишемической болезнью подвержен в мире и в СССР примерно каждый шестой мужчина в возрасте 40–60 лет, и они живут. Возможно, так рассуждал и Веня, не допускал мысли о скорой смерти.

Вера, теперь уже вдова Вени, пригласила всех к столу. За год без мужа она сильно сдала. Видно, что еще не пережила эту большую утрату, но держалась, не давая волю слезам. За стол все сели молча. Роман, брат Веры, быстро наполнил водкой рюмки, стоявшие рядышком на столе, потом их подал всем и предложил помянуть Веню. После нескольких рюмок вначале тихо, затем все громче заговорили о безвременной его кончине, о светлой памяти о нем. Кто-то с состраданием произнес: «Царство ему небесное!» Начали вспоминать о наиболее запомнившихся встречах с Веней, разговорах с ним, о запоминающихся чертах его характера.

Вадим Андреевич больше молчал. Перед его глазами то всплывали, то исчезали картинки незабываемых встреч с Веней, то вдруг в памяти воспроизводились отрывки увлекательных бесед и дискуссий с ним. Веня был эрудированным человеком: мог часами рассказывать о металлургии и организации металлургического производства (по образованию инженер-металлург, работал на одном из заводов Свердловска), спорить по вопросам внутренней и внешней политики Советского Союза, поддерживать дельный разговор на исторические темы, высказывая, где это было уместно, свои суждения. Сейчас Вадиму Андреевичу вспомнилась его последняя встреча с Веней на вечере, вечере-новоселье. На вечере о многом говорили. Зашел разговор и о книге А. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Его начал Веня. Он только что ее прочитал, и ему хотелось поделиться мнением о прочитанной книге прежде всего с ним, Вадимом Андреевичем, как профессиональным историком. Веня начал с того, что он потрясен этой книгой, что Солженицын изложил правдивую историю нашего недавнего прошлого. Ему пытался возразить его старший брат Михаил, утверждая, что у Солженицына много надумано, не везде сходятся концы с концами (2). Вот, например, по сталинским репрессиям. По нему выходит, что почти вся страна сидела в ГУЛАГе. А кто же тогда воевал против гитлеровцев и победил их? Заключенные, что ли? В ответ Веня заявил, что и штафбаты сражались и еще как! На что Михаил возмущенно бросил: если они на фронте где-то и были, то только на подхвате. А ковали победу не заключенные, а все советские люди под руководством ВКП(б) и Сталина! Это – исторический факт, и от него никуда не поперешь.

Вспоминая тот прошлогодний спор между братьями, Вадим обратился к сидящему рядом Михаилу:

– Ты помнишь тот свой спор с Веней по книге Солженицына «Архипелаг Гулаг»?

– Ну как не помнить, – отозвался Михаил. – Я и сейчас считаю, что в книге много вранья, хотя в чем-то Солженицын прав. Не надо была столько людей сажать понапрасну.

– А ты как историк что можешь сказать, насколько прав и не прав Солженицын? – адресовал Михаил свой вопрос Вадиму.

– Эту книгу прочитал, причем некоторые страницы перечитал по несколько раз, – начал не спеша Вадим Андреевич. – Впечатление от книги осталось тяжелое и противоречивое. Солженицын с каким-то дьявольским вдохновением, пожалуй, впервые так подробно и живо описал историю организации в советской стране исправительно-трудовых лагерей, нарисовал жуткую картину царивших в них порядков. Все бы ничего, если бы им двигало желание своей книгой помочь властям навести в ИТЛ в частности и тюрьмах вообще хотя бы тот элементарный порядок, который предусматривался советским законодательством. Да, законы были суровые, но и время было такое же, суровое. Советская власть, устояв и победив в открытой против нее вооруженной борьбе, продолжала и в мирное время испытывать на себе давление антисоветских сил как внутри страны, так и за ее пределами. Их главной целью становилась теперь дискредитация действий новой власти. Для этого использовались различные приемы и методы по принципу: чем хуже советской власти – тем лучше для ее противников. В руководстве тех же ИТЛ очень часто оказывались в силу своей образованности лица – ярые противники Советской власти, которые действовали именно по такому принципу. О них рассказывает и сам Солженицын (3).

Вадим Андреевич остановился с рассказом, пригубил вместе со всеми рюмку и дальше продолжил:

– Книга, ставшая доступной для всех, словно взрыв водородной бомбы, потрясла советское общество. Если такой высокообразованный специалист, как Веня, воспринял «откровения» Солженицына за чистую монету, то что же можно в таком случае говорить о других советских гражданах, менее подкованных в вопросах истории, идеологии и политики? Да что рядовые граждане! Многих профессиональных историков, не говоря уже о политологах, журналистах, некоторых деятелях культуры и литературы, тоже захлестнула антикоммунистическая антисоветская волна, искусно поднятая Солженицыным.

– Сегодня она смыла партию, а завтра смоем и советскую власть, – бросил реплику до этого молчавший Роман.

– Помнится, Веня считал, что если бы эту книгу опубликовали в свое время в Союзе, а не ждали, пока это сделают на Западе и начнут ее нелегально подбрасывать советским людям, – заметил Михаил, – то, возможно, такого фурора она не произвела бы. Да еще провели бы по ней научно-практическую конференцию с приглашением самого Солженицына, бывших лагерников, работников юстиции и милиции, историков. Смотришь, ситуация была бы иной и с книгой, и с ее автором.

– Вряд ли с такой конференцией что-то получилось бы дельное, – возразил Вадим Андреевич. – Солженицын твердо стал на антисоветскую тропу, его «Архипелаг ГУЛАГ» стал мощным идеологическим средством в борьбе капиталистического Запада против СССР и всего социалистического содружества.

– Слушай, Вадим, кто такой Солженицын, почему он так взъелся на нашу страну? – поинтересовался Роман.

– Солженицын? Что о нем можно сказать? Сын крупного землевладельца. Осудили его, кстати, капитана Красной армии, в феврале 1945 года на восемь лет по 58-й статье за критику Сталина, которую он позволил себе в письмах к другу. Зачем ему нужно было это делать в то время, когда тяжелейшая война приближалась к победоносному для нас завершению, и Сталин как Верховный Главнокомандующий и Председатель ГКО сыграл выдающуюся роль, и это было признано во всем мире (4).

– Понятно, откуда у него антисоветизм – с детских пеленок. Ладно, оставим антисоветчика, давай помянем Веню! – предложил Михаил.

Выпили, закусили, а потом Михаил перевел разговор на другую тему:

– Наверняка, Вадим, слышал о запрете КПСС? Во дает наш Борис! Трудно поверить, чтобы коммунист-ленинец так поступил с родной ему партией, преподнес нам, рядовым коммунистам, такой «подарок» к Октябрьскому празднику!

– Во-первых, он уже не коммунист-ленинец, каким мы считали его и кем гордились вчера, а ярый антикоммунист, – бросил Вадим Андреевич. – А во-вторых, это уже третий указ президента Ельцина, запрещающий КПСС (5).

– От Ельцина можно было этого ожидать, – вмешался в разговор Роман. – До удобного случая проявить свои истинные намерения он отлично исполнял роль замечательного коммуниста, чему дружно аплодировала вся ваша коммунистическая братия. А на самом деле – карьерист до мозга костей и вел великолепно свою житейскую партию в этом направлении. Вспомни-ка, как он поступил с домом Ипатьева? За одну ночь убрал! А как за этот дом боролись Николаев и Рябов, чтобы сохранить его для истории – ведь в нем пришел конец династии Романовых – и что же? Разве он последовал примеру своих предшественников на посту первых лиц областной партийной организации? Как бы не так! Приказали сверху – под козырек, и дело в шляпе! (6)

– Но были и другие примеры, – возразил Михаил. – Ельцин поднял строительную индустрию нашей области, основательно занимался развитием тяжелой промышленности, благоустройством нашего родного Свердловска, улучшением снабжения населения и многим другим. Почему мы вдруг об этом стали забывать?

– Никто не забывает этого, но это он делал все ради своей карьеры, – буркнул Роман. Разве тебе ликвидация Ельциным КПСС ни о чем не гово-

рит? По-моему, теперь и ежу ясно: им двигала по жизни карьера, а не какие-то там коммунистические идеалы и цели!

– Ты слишком утрируешь! – возразил Михаил.

– Тогда объясни мне, дураку, зачем он прихлопнул партию, не спросив об этом ее членов и тебя тоже как правоверного коммуниста?

– Ну, уж только не по карьерным соображениям, а скорее от бессилия довести начатую перестройку, которая, можно сказать, захлебнулась от бестолковщины со стороны высшего партийного, да и не только партийного, руководства. А вообще с этой перестройкой с самого начала не все было понятно не только мне, инженеру-технологу, но и рабочим, по крайней мере, нашего цеха. Вспомни, как все начиналось? Кричали везде и всюду о кризисе. Как тогда это объясняли: произошло падение темпов экономического роста – сокращение прироста промышленной продукции, продукции сельского хозяйства; приостановился рост производительности труда. Наш цех тоже сократил объемы выпускаемой продукции. Но сократил потому, что полтора года занимались установкой поточной линии с использованием автоматики; потом шло ее освоение, отработка технологии и т. д. Цех два года подряд план не выполнял! Но из-за этого начальника цеха не уволили, наоборот, похвалили. К началу перестройки цех успешно освоил новое оборудование и дела пошли. А вот сейчас, за время перестройки, цех по всем показателям скатился вниз, и никто не знает, что от него останется вообще. А у вас, на камвольном комбинате, что-нибудь делалось в плане реконструкции? – обратился Михаил к Роману.

– Делалось, и немало, – согласился Роман. – Построили и оснастили высокопроизводительным оборудованием новый корпус, освоили и внедрили в производство новое химическое волокно – нитрон. Наш камвольный комбинат первым в СССР освоил технологию его применения.

– Я думаю, – перебил Михаил Романа, – изначально принятая политика ускорения социально-экономического развития вполне вписывалась в то, чем мы уже занимались. Надо было лишь ускорить реконструкцию предприятий на основе широкого использования достижений научно-технического прогресса, дать хороший толчок этому процессу. А для этого требовалось: выделить хорошие деньги и необходимые материальные ресурсы! Администрация и партийная организация цеха подготовили свои предложения по комплексной механизации и автоматизации всего производственного процесса, сведению до минимума ручного труда на вспомогательных операциях. Дирекция завода эти предложения поддержала, и они были включены в заводской план на двенадцатую пятилетку. Но вместо ускорения вскоре началась перестройка и все пошло-поехало черт знает куда! Появились кооперативы, в которых собрались одни жулики. Они-то правдами, а больше неправдами стали таскать из цеха и завода все, что плохо лежит, продавая и перепродавая ворованное за приличные деньжата. Честно трудиться стало бессмысленно, выгодней стало спекулировать.

А тут еще и гласность грянула: говори, что попало – все сойдет, только делу, как говорится, не впрок! А департизация вообще всех шокировала – и коммунистов, и даже беспартийных. Секретарь парторганизации цеха Славников, инженер-механик, толковый мужик, руководивший запуском и отладкой поточной линии, с горечью воскликнул, когда получил распоряжение немедленно распустить партийную организацию: «Они что там, все рехнулись? Чем думают!»

– И после всего этого ты считаешь, что Ельцин прихлопнул партию от бессилия что-то толковое сделать в перестройке? – хихикнул Роман.

– Может, еще и от обиды, которая поразила его душу после того, как его несправедливо турнули из кандидатов в Политбюро и с поста первого секретаря Московского горкома партии. Не знаю...

– Мужики, может, хватит болтать о политике, вы же не на митинге, а на поминках, – не выдержала Полина, жена Романа, и, повернувшись к Вадиму Андреевичу, предложила:

– Вадим, скажи что-нибудь о Вене, вы же хорошими друзьями были!

Вадим Андреевич поднялся, взял рюмку с водкой и, убедившись, что все приготовились его послушать, начал горестно поминать друга:

– Все это время, пока мы вспоминали добрыми словами Веню, я мысленно перебрал многие свои встречи и беседы с ним, как бы заново пережил последнее с его участием наше застолье-новоселье годичной давности. Трудно говорить о нем, сознавая, что его больше нет с нами. Я до сих пор никак не могу с этим смириться: кажется, вот-вот он выйдет из кухни и с какой-то неуловимой, свойственной только ему доброй улыбкой пригласит нас всех к столу. Он был гостеприимным человеком, любил хорошую компанию, интересные беседы, не навязывая никому своего «я». Его, нашего современника, отличали такие черты, как порядочность, честность, верность своему слову. Веня работал инженером-металлургом, хорошо знал и также хорошо выполнял свое дело; не терпел показухи, критиковал недостатки, не взирая «на лица» – будь то начальник или рабочий. Я ему как-то сказал: тебе, Веня, пора быть в партии. Знаете, что он ответил: пока таких людей, как нашего Тимохина принимают в ряды КПСС, мне там не место. Он потом рассказал, кто такой Тимохин: карьерист до мозга костей, стремился, чего бы это ни стоило, занять кресло начальника одного из отделов, хотя как специалист был никудышный, и все об этом знали. Но ему удалось пролезть в партию и без особых проблем получить желаемую должность. Потом посмеивался над партией, а в разговоре один на один, не стесняясь, мог и такое завернуть: нужна мне эта партия, как зайцу стоп-сигнал! Вот таких «timoхиных» в КПСС оказалось слишком много, и они сегодня правят в стране бал.

Вадим Андреевич глубоко вздохнул, а потом продолжил:

– Я не знаю, как бы Веня расценил запрещение Ельциным КПСС. Могу лишь сказать: к Ельцину он относился с нескрываемой симпатией, ожи-

дал, что он наведет порядок в работе не только партийных организаций, но и местных органов власти, а также в управлении хозяйством области. Вени переживал за судьбу партии не меньше, чем сами коммунисты, хотя он и не был членом КПСС. В этом я смог убедиться во время нашего последнего разговора год назад, на новоселье. Его беспокоила развязанная антикоммунистическая истерия в стране.

– А может, и к лучшему, что запретили КПСС, – прервала Вадима Андреевича Полина. – Смотрите, до чего докатились! Хлеб, молоко, сахар, крупы, яйца, масло, мыло ... Куда все это подевалось? В магазинах шаром покати! Где же видано, чтобы в мирное время нельзя было свободно купить продукты первой необходимости. У нас что, только что война отгремела? Страну довели перестройкой до того, что стали попрошайками у Запада их гуманитарной помощи (7)! Почему партия такое допустила? Поживем без нее – может, лучше будет.

– Не думаю, что с запретом КПСС все быстро образуется, – возразил Вадим Андреевич. – А вот, что ситуация дойдет до крайнего беспредела – в этом можно не сомневаться. К сожалению, что произошло сегодня и что может случиться завтра, как говорится, одному богу известно. Мы многого не знаем из того, что сегодня творится в нашей стране и что будет завтра. Гадать бесполезно. Давайте лучше вернемся к памяти Вени. Он прожил интересную жизнь. Жаль, что она так рано у него оборвалась. Сколько он мог бы сделать для себя, своей семьи и общества. Так пусть же добрая светлая память о нем всегда будет с нами!

Все выпили молча. После небольшой паузы Вадим Андреевич предложил поднять рюмки в честь Октябрьского праздника:

– В этот грустный день поздравляю всех вас с 74-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, великим праздником нашей Великой страны, праздником наших замечательных достижений и светлых надежд!

* * *

Вадиму Андреевичу и Марии Григорьевне пришлось долго стоять на троллейбусной остановке: машины ходили редко. Добрались домой поздно. Уже в постели Вадим Андреевич почувствовал не просто усталость, а предательски подкрадывающееся недомогание. «Отосплюсь, все пройдет», – подумал он и тихонько, чтобы не разбудить быстро засыпавшую жену, натянул на себя одеяло.

Уснул не сразу. Мысли о прошедшем дне его не покидали. То прокручивался в голове вновь и вновь ельцинский запрет партии и невольно возникал вопрос: а что будет дальше, то перед глазами мелькали агрессивно-шумная площадь 1905 года, угрюмая очередь за хлебом, поминальный обед по случаю годовщины со дня смерти Вени. Уже засыпая, почувствовал нарастающий жар. Но он не очень соображал, откуда идет этот жар.

Какие-то красные круги поплыли перед глазами. Вот они совсем приблизились к нему, стало совсем жарко. Потом эти круги удалились, преобразовались в нечто волнообразное. Вдруг откуда-то послышался знакомый голос: брось цепляться, пускайся в свободное плавание! А он, Вадим, стоит непонятно на чем, за что-то цепляется, чтобы не унесла накатывающаяся бордовая волна. Опять раздался тот же голос: смелей, смелей бросайся в плавание со мной вместе! Кто же это так настойчиво зовет? Вепрев? Конечно же, он! Вот он необычно легко скользит на огнедышащей волне, которая вот-вот его накроет. Вот уже стало хорошо видно его лицо. Но почему оно красное и такие же красные волосы? Вепрев пытается подать ему свою руку, но вдруг он стал быстро удаляться.

– Ну, проснись, проснись же, наконец, будет легче.

Вадим Андреевич с трудом открыл глаза и увидел перед собой взволнованную жену. Она все еще продолжала его трясти за плечо, приговаривая «ну, проснись же». А когда увидела, что он, наконец, открыл глаза, с облегчением вздохнула:

– Ну, слава богу, живой, а то черти что в голову полезло!

Она положила свою руку на его лоб.

– Да ты весь горишь... – взволновано произнесла Мария Григорьевна.

Она быстро поднялась со стула, стоявшего около кровати, вышла из комнаты и вскоре возвратилась с градусником. Замерили температуру – зашкаливало за 39 градусов! Затем подала аспирин. Вадим Андреевич проглотил таблетку, хлебнул несколько глотков воды. По-прежнему было жарко. Жена укрыла его вторым одеялом.

Некоторое время Вадим Андреевич лежал неподвижно, словно боясь помешать действию аспирина в организме. Началось сильное потение. Белье становилось неприятно влажным.

– Еще немного потерпи, надо пропотеть, потом сменим белье и постель, – уже спокойно распорядилась Мария Григорьевна.

– Легко сказать: потерпи, – пробормотал Вадим Андреевич. – Разве во всем мокром приятно лежать?

Пот с ресниц стал попадать в глаза. Высокая температура – признак ангины. В этом был убежден Вадим Андреевич, ибо она его не раз настигала, причем всегда неожиданно. Как-то после очередной ее вспышки молодая врач, очевидно, недавняя выпускница мединститута, порекомендовала ему удалить гланды. Он уже было согласился на такую операцию. Однако решил все же предварительно побывать на приеме у специалиста. Осматривала пожилая женщина-врач. Она несколько раз требовала шире раскрыть рот, потом вдруг спросила о работе и, узнав, что он работает педагогом, порекомендовала: «Вам нельзя удалять гланды, иначе вы можете скоро оказаться профнепригодным. Надо хорошо подлечить горло, избегать простудных заболеваний». Опытная врач прописала ему амбулаторное лечение, после которого ангина надолго отступила.

И вот она, ангина, снова о себе дала знать. Все бы ничего, если бы не сердце, которое начало трепетать. Выдержит ли оно такую температуру? Внезапная смерть Вени давила на сознание, холодила душу. Все, конечно, бояться смерти, хотя одни свой этот страх умело подавляют, а другим не удается избавиться от панических мыслей приближающегося жизненного финиша.

Не очень радостные мысли еще долго продолжали терзать Вадима Андреевича. Лишь под самое утро он немного забылся. А когда проснулся, почувствовал себя лучше. Температура спала. После смены нательного и постельного белья настроение улучшилось. «Пронеслось, похоже», – подумал он с облегчением, лежа в сухой постели.

Жена настоятельно предлагала утром вызвать на дом врача, но Вадим Андреевич, почувствовав возвращение жизненных сил, спокойно сказал:

– Делать этого не надо. Праздник дает возможность поваляться в постели, и болезнь окончательно отступит.

Глава вторая

Он бодро шел навстречу ноябрьскому холодному ветру. Утренняя свежесть его не раздражала, а скорее, наоборот, радовала, придавала дополнительные силы. Привык с юных лет идти наперекор ненастной погоде, если она где-то его вдруг заставала: то ли во время катанья на лыжах зимой, то ли летом при большой грозе. Сейчас же, когда вышел из общего душного вагона, в котором ехал из Свердловска до Ирбита, этот освежающий утренний ветер благоприятно действовал на него, настраивал на хорошие мысли. Не расстроило его и то, что не оказалось ни рейсового автобуса, ни попутной машины, чтобы доехать до деревни Любина, где проживали родители. Пришлось пойти пешком. И вот теперь в хорошем настроении он шагал по широкой, немного разбитой дороге, обнимаемый колючим ветром. Дорога была не очень преступной: лужицы, покрытые тонким льдом, чередовались подмерзшими кочками грязи и гривами скользкой от слабого морозца травы. Это несколько замедляло его движение. Но там, где дорога выдавалась лучше, он ускорял свой ход, наверстывая упущенные метры дороги.

Скоре показалось из-за серых поредевших туч солнце. Оно не грело, но ласкало душу своим пусть и не ярким светом.

Путник не знал, сколько километров ему придется прошагать до деревни. Впервые он побывал в ней в августе после демобилизации из армии – сюда на жительство родители переехали из Кемеровской области два года назад, когда ему приходилось еще нести воинскую службу. Тогда же, в августе, по этой дороге от Любиной до Ирбита он проехал рейсовым автобусом. Но как-то не додумался присмотреться к ней, не поинтересовался расстоянием от деревни до города. Теперь же немного об этом сожа-

ля, но, чтобы не заикнуться на таком досадном упущении и как-то «убить» дорожное время, дал волю более приятным воспоминаниям.

Из всего пережитого за последние три месяца после армейской жизни больше всего радовало устройство рабочим на Химмашзавод. Поэтому все мысли сейчас завертелись около этого события. Как же все это произошло?

Приехав в конце августа в Свердловск, не сразу смог поступить работать на какое-нибудь предприятие. Куда не обращался бы с просьбой о работе, ответ был почти одинаков: работа есть, а общежития – нет. Две ночи подряд пришлось ночевать на железнодорожном вокзале. Отчаявшись от неожиданно навалившейся безысходности, поехал в город Березовский. Там устроился шоферить в одну из автоколонн. Но желание работать и жить в Свердловске не покидало: в городе было много вузов и можно было поступить учиться в один из них, а точнее – в Уральский госуниверситет на исторический факультет. Стать профессиональным историком было мечтой со школьной скамьи. Устроиться на работу в Свердловске помог случай. Взяв три дня отпуска без содержания и оказавшись в городе, вновь начал названивать на предприятия. При очередном таком звонке из телефона-автомата в отдел кадров одного из заводов услышал все тот же ответ: на работу принимаем, но не располагаем жильем. Это был не первый звонок в тот день с отрицательным ответом. Он настолько расстроился, что вышел из себя и готов был вслух выругаться, но воздержался: у телефонной будки стоял незнакомый мужчина и просматривал газету в ожидании, когда освободится телефон. Пришлось придержать свои нервы и спокойно повесить телефонную трубку. Но, открыв дверку телефонной будки и намереваясь из нее выйти, услышал:

– Звоните еще, я не тороплюсь. – И улыбнулся. Глаза незнакомца светились добротой и сочувствием. – Да, да звоните, я подожду!

– Спасибо, – пришлось ответить незнакомцу. Но тот почему-то неожиданно поинтересовался:

– Вы, наверное, работу ищете?

Пришлось признаться, что именно так, и рассказать, что пока с работой ничего не получается из-за отсутствия общежитий на предприятиях.

– Я вижу, вы после армии. Попробуйте связаться с нашими заводами-гигантами – Уралмашем, Уралэлектроаппаратом, Химмашем, Турбинкой. Там постоянно требуются рабочие, и если к ним поступают молодые люди после армии, – им в первую очередь предоставляют место в общежитии. Вот тут рядом с Центральной гостиницей остановка троллейбуса первого маршрута. Не теряя времени, садитесь в троллейбус и езжайте на нем до конечной остановки. Выйдете из машины и увидите трехэтажное здание, в котором находится управление Уралхиммашзавода. Там вы найдете отдел кадров завода, где, возможно, и решите свою проблему с трудоустройством.

Мужчина замолчал. Внимательно посмотрел на молодого человека в солдатской форме, стремясь, видно, убедиться, все ли тот понял, потом не

спеша свернул газету и, получив от него в знак признательности «спасибо», зашел в телефонную будку.

Увидев приближающийся троллейбус, бросился к указанной остановке, на ходу поблагодарив незнакомца за такой неожиданный и вдохновляющий совет. Машина под первым номером подошла переполненная пассажирами. Хотя и не без труда, но все-таки удалось втиснуться в салон и занять более-менее терпимую стоячую позу. Вскоре троллейбус тронулся. Все в салоне дружно качнулись: кто-то кого-то толкнул, кто-то кому-то наступил на ногу или руку придавил; поднялся шум. Но как только машина набрала скорость и пошла ровней, стоявшие в салоне пассажиры устроились поудобнее, шум прекратился. За окнами троллейбуса замелькали многоэтажные дома, деревья, кустарники. Вскоре пейзаж сменился: начались обычные деревенские, кое-где покосившиеся домики. Как-то стало на душе беспокойно: не проехал ли Химмаш? Спросил об этом кондуктора. Та уставшим голосом ответила, что сейчас проезжаем Уктус, потом будет Нижнеисетск, а дальше – Химмаш.

Дорога была не очень ровная, со многими поворотами, и троллейбус то набирал скорость, то ее сбавлял. В салоне стало свободней: больше пассажиров сходило, нежели заходило. После очередного поворота машина покатила по ровной улице, разделенной аллеей, и вскоре замерла на конечной остановке. О ней громко объявила кондукторша.

Трехэтажное здание управления завода действительно, как и объяснял незнакомец, было хорошо видно с троллейбусной остановки. Оно было здесь единственное на небольшой предзаводской площади, отличавшееся своей незатейливой архитектурой. Так что расспрашивать о нем кого-то не потребовалось. Быстро, буквально пробежал мимо клумбы в центре площади, на которой лежали еще не убранные, совсем недавно радовавшие людей, а теперь покрытые легким инеем цветы. Остановившись у дверей заводоуправления, спросил у человека, выходящего из здания, как пройти в отдел кадров, и с ходу получил нужный ответ.

Начальник отдела кадров, мужчина лет сорока с лишним, с чисто бритым лицом, при галстукке, внимательно выслушал и, когда узнал, что перед ним стоит демобилизованный солдат, спросил, кем бы он хотел работать, по какой специальности. Получив ответ, что по любой, позвонил, как стало понятно, начальнику заготовительного цеха. После короткого с ним разговора предложил работу рихтовщика и тут же попросил документы. Паспорт, военный билет были, конечно, с собой, а вот трудовая книжка находилась в отделе кадров автобазы. Начальник отдела кадров ограничился лишь беглым просмотром поданных документов, спросил мимоходом, как с жильем. Вот тут пришлось поволноваться: а вдруг последует отказ в работе, как уже получал на других предприятиях, если скажешь, что надо жилье. Вспомнились слова незнакомца, что Химмаш – крупное предприятие, имеющее общежития, и какая-то мелькнула надежда

на благоприятный исход. А начальник, сделав вид, что не заметил некоторого замешательства вчерашнего воина, вновь поднял трубку. Его разговор по телефону с ЖКО завода и теперь ему помнится слово в слово:

«Жилищно-коммунальный отдел? Наталья Константиновна? Здравствуйте! Как у нас с местами в общежитиях? Как, никак! Бронь для кого? Вот и хорошо. Направляю к вам демобилизованного солдата. Поселите! Прописка? Какая у него прописка, он после армии».

Начальник отдела кадров слушал молча, что ему говорили на другом конце провода, а потом потребовал решительно:

– Поселите до праздника! Он устраивается в заготовительный цех рихтовщиком. Передайте коменданту общежития, чтобы она взяла у него документы и поселила. И с пропиской пусть займется сразу же. Не успеет до праздника прописать – пускай это сделает после праздника».

От услышанного разговора начальника отдела кадров с кем-то из ЖКО завода сразу отлегло от сердца: его принимают на завод работать и дают общежитие. Положив телефонную трубку, он посоветовал сейчас пойти к начальнику заготовительного цеха (завтра с утра у него оперативка) и договориться с ним о конкретной работе и, если предложенное устроит, – написать заявление о приеме на работу в цех. Потом, если время позволит, или завтра с утра надо подойти в ЖКО завода и получить направление на поселение в общежитие. Начальник отдела кадров не спеша достал из лежащей на столе стопки бумаг чистый листок, быстро записал на нем его фамилию, имя и отчество, наложил свою резолюцию и, подавая листок, сказал: «Это в бюро пропусков завода, оно рядом с проходной. Действуйте!»

С переполненным чувством, что все удачно складывается, буквально выбежал с заводоуправления и через пару минут был уже у бюро пропусков. Подал паспорт. Ждать пришлось недолго. Получив обратно паспорт вместе с пропуском, прошел проходную и оказался на территории завода. Поразили огромные, по обе стороны широкой проезжей части, заводские корпуса, плывущий из них монотонный гул. Куда идти? Где заготовительный цех? Спросил у проходившего мимо рабочего. Тот ответил, что надо идти прямо по этой самой дороге, потом свернуть вправо, а там и цех замаячит.

Так и сделал. Идти пришлось недолго. Цех встретил шумом мостовых кранов, скрежетом гильотинных ножниц, резавших металлический лист, тяжелыми вздохами штамповочного пресса, пронзительным воем наждачных машинок, перестуками кувалд и молотков. Все это было непривычно и настолько оглушало, что когда спросил у молоденькой разметчицы, как пройти к начальнику цеха, то не расслышал ее ответа. Она улыбнулась и громко повторила еще раз сказанное.

В тесной приемной начальника цеха приветливо встретила миловидная секретарша вопросом: «Вы к Александру Николаевичу?» Получив утвердительное «да», она зашла в кабинет начальника цеха и тут же вышла с добродушной улыбкой, сказав «заходите».

Вероятно, от охватившего вновь волнения как-то неловко открыл дверь и, перешагнув еле заметный порожек, остановился в нерешительности. Начальник цеха, не отрываясь от просмотра лежащих на столе бумаг, подал усталый голос: «Проходите и присаживайтесь». Потом, после небольшой паузы, отодвинув бумаги на край стола, поднял глаза на посетителя, продолжил:

«Нам требуются рабочие разных специальностей. У вас, если я правильно понял начальника отдела кадров, нет заводской профессии. Поэтому могу предложить для начала поработать рихтовщиком, а дальше будет видно. Согласны?»

Не раздумывая, сразу согласился. Конечно, хотелось выполнять такую работу, где бы можно было поскорее и больше подзаработать и иметь возможность быстрее приодеться, скинуть солдатскую робу. Но об этом нельзя было сказать начальнику: вдруг он, услышав такое, вообще откажет в приеме на работу в цех. Тем временем начальник нажал кнопку, и тут же вошла секретарша, которую попросил позвать бригадира Воронова.

Воронов себя ждать не заставил. Это был мужчина около 50 лет, плотного телосложения. Он был в рабочем, хорошо простиранном комбинезоне, в руках почему-то держал вачеги. Диалог между начальником цеха и бригадиром, услышанный им, впервые переступившим заводской порог, был не только любопытным, но и обнадеживающим:

«Иван Никифорович, – обратился к бригадиру начальник цеха. – Тебе нужны рабочие?»

– Нужны. Хотим перейти на трехсменку.

– Тогда принимай демобилизованного солдатака. – И добавил: – Только не держи долго в учениках, видишь, парень после армии! Ему надо подзаработать, приодеться и быстрее адаптироваться к гражданской жизни.

– Посмотрим, как работать будет.

– Посмотри, но не тяни резину!»

И обращаясь уже к нему, будущему рабочему, начальник цеха сказал, что надо написать заявление с просьбой о приеме на работу рихтовщиком и оставить его у секретаря.

Воронов подождал, пока было написано заявление, а потом вместе вышли из приемной начальника цеха. По цеху шли молча: из-за шума разговаривать было трудно. Подойдя к рабочему месту бригады, он указал на большую круглую плиту: «Вот здесь мы и трудимся!».

Потом позвал двух молодых рабочих, которые ручными пневматическими машинками старательно зачищали кромки деталей. Когда те подошли и сняли предохранительные очки, Воронов представил им нового рабочего бригады. Первым протянул свою руку рабочий, подошедший первым: «Будем знакомы. Я – Игорь Мурашов, рядом со мной – Николай Христосенко, наш Мыкола Христос!»

Все дружно рассмеялись, смеялся и Николай, который, не обижаясь, проронил: «Петрович шутит!»

Знакомство на этом закончилось. Надо было торопиться в жилищно-коммунальный отдел завода, чтобы до конца рабочего дня устроиться в общежитие. Об этом сказал бригадиру и новым знакомым. Бригадир, подавая руку, тепло, по-отечески сказал: «Устраивайся в общежитие. На работу выйдешь после праздника в первую смену к 8-00».

Такое решение бригадира обрадовало его: ведь предстояло еще уволиться с работы в автоколонне, а для этого потребуются день-два. И главное, после нудного мытарства в поисках работы, можно было встретить Октябрьский праздник дома вместе с родителями и младшими братьями, как следует отдохнуть, снять накопившуюся в последнее время не столько физическую, сколько душевную усталость, которая давала о себе знать.

Попрошавшись с бригадиром и рабочими его бригады, поспешил в ЖКО завода. В нем безо всякой задержки выдали направление на поселение в общежитие. Добрался до него довольно быстро. Его комендант, дама средних лет, находилась на месте. Она взяла направление, внимательно несколько раз перечитала, словно изучая его. Потом с тяжелым вздохом промолвила: «Вот так всегда. Без городской прописки вселяй человека в общежитие...». Она взяла его паспорт и военный билет, внимательно полистала их и, убедившись, что все в порядке, документы сунула в свою папку и предложила вместе с ней пройти в комнату.

Четырехместная комната под номером пять находилась на первом этаже (общежитие было двухэтажное) рядом с дежурной комнатой и выходом из общежития. Комендант указала на кровать, которая была свободная и отныне становилась его; рядом стояла прикроватная тумбочка.

Передавая ключи от комнаты, она предупредила, что их надо сдавать дежурной, но дала понять, что их можно изготовить для собственного пользования, как это делают другие. Она ушла, оставив его одного в комнате. Осматривая ее, он как-то не верил, что теперь это его жилье. Вот она, его кровать, на которую можно упасть и поваляться, не встречая осуждения молчаливого или открытого с чьей-то стороны. Несколько минут постоял у своей кровати, словно убеждаясь, что отныне это кровать его, а не кого-то другого. Хотелось упасть на нее и полежать, расслабиться, успокоиться, немного отдохнуть. Но спохватился: надо было ехать в город Березовский, уволиться с работы в автоколонне, взять трудовую книжку. Хорошо, если с этим удастся управиться за день-два. И, удивительно, удалось! К вечеру добравшись в Берёзовский, переночевав в представленном при устройстве шофером в автоколонну общежитии, в течение следующего дня уволился, несмотря на уговоры и разные посулы начальника автоколонны. К празднику Октябрьской революции преподнес себе большой подарок – стал рабочим прославленного завода!..

С удовольствием перебирая в памяти все подробности своего устройства на работу и в общежитие, путник не заметил, как подошел к Любине. От быстрой ходьбы настолько согрелся, что на лице появились капельки пота. Да и погода изменилась: совсем перестал дуть холодный ветер, из-за облаков все чаще выглядывало солнце, лужицы совсем освободились от ледяной корки. Трудно верилось, что всего несколько дней назад стояла зимняя стужа с сильным морозом.

***

О своем приезде домой на Октябрьский праздник он заранее матери не сообщил: не думал, что так неожиданно удастся, наконец, и с работой, и с общежитием определиться, да еще получить возможность katнуть на праздник домой. Все, конечно, могло быть иначе. Разве мог он что-то определенное написать матери, не зная, как сложится его завтрашний день? Нет, конечно. И вот теперь, открыв калитку, он своим неожиданным появлением сильно удивил мать, которая на скрип калитки повернулась и увидела его. Она на какое-то мгновение даже растерялась, потом быстро придя в себя и бросив кормить гусей, кинулась ему навстречу:

– Вадик, сынок родной, приехал! Мое сердце чувствовало, что ты приедешь. Я даже сон видела хороший о тебе. Ну, пойдем в хату! Устал с дороги, да и есть хочешь.

Дома, как дома: все по-свойски просто и понятно безо всяких условностей. Войдя в хату, мать тотчас засуетилась на кухне: надо было скорее покормить сына. А Вадим, остановившись в небольшой прихожей, снял шапку, куртку, солдатские сапоги, надел лежавшие шлепанцы и направился в горницу. Подойдя к столу, на него выложил из своей сумки скромные гостинцы: конфеты, печенье.

– Ну, зачем тратишься на гостинцы, они ведь денег стоят, – озабочилась мать, увидев лежащие на столе покупки.

– Но ты же сама так всегда поступаешь и говоришь: негоже с пустыми руками домой возвращаться и в гости приходить, – отшутился Вадим.

– А как же иначе, – согласилась мать. Она убрала со стола конфеты, печенье и отнесла все на кухню; не задерживаясь там долго, вернулась опять в горницу со скатертью в руке. Сначала она убрала со стола скатерть красивую, праздничную, аккуратно ее сложила и положила в комод, занимавший почетное место в горнице. Потом стол накрыла другой скатертью, более скромной, специально предназначенной для приема на ней пищи. После этой незамысловатой операции стала накрывать стол для обеда.

Матери было за сорок. Несмотря на то, что часто недомогала (давали о себе знать перенесенные психологические травмы минувшей войны), всякая работа у нее, как говорится, кипела. Это хорошо Вадим знал. И вот теперь, наблюдая за матерью, за тем, как она без всякой суеты, быстро заставляла стол разной пищей, радовался за нее, за ее терпение вот так дер-

жаться молодцом, хотя это, как он сознавал, ей дается нелегко. Когда мать накрыла стол, она позвала Вадима:

– Садись, сынок, за стол, поешь. Небось, проголодался? Мы только что все пообедали, садись и ешь.

В это время зашел отчим-отец. Он затапливал баню и, освободившись, зашел в горницу поприветствовать приехавшего пасынка.

– Здорово, как доехал? – подал он свою крепкую мозолистую руку.

– Нормально, по-солдатски! Из Ирбита пешком шпарил! – Вадим тоже пожал руку отчиму. Так сложилось с детства, что он не называл его «папой». Может потому, что отчим тогда часто напивался, скандалил с матерью, хотя к нему он и относился по-отцовски. Когда партизанил (в то военное время они сошлись с матерью), его, мальчишку, с собой брал помогать перевозить и прятать партизанское имущество. После войны учил всему житейскому: строительному и столярному делу, занятию пчеловодством, косьбе; не давал в обиду, если кто-то из старших пытался его поколотить на улице; иногда, под настроение, минуя мать, давал немного денег на личные расходы. Однако Вадим, становясь взрослым, не смог пересилить себя, чтобы забыть его частые пьянки и скандалы, и назвать чужого дядю отцом. Поэтому к отчиму обращался с какими-либо просьбами чаще через мать, а если ее рядом не было, старался не произносить слово «папа». Вот и сейчас, поздоровавшись с отчимом, Вадим уже по привычке не сказал «папа», хотя готов был, наконец, разрушить эту, в принципе не мешавшую его нормальным отношениям с ним, зыбкую грань отчуждения.

Тем временем отчим присел на стул и стал расспрашивать Вадима о его делах.

– Говоришь, устроился на завод и получил место в общежитии. А на какую специальность?

– Пока приняли рихтовщиком, а дальше будет видно!

– Рихтовщиком? – переспросил отчим. – Как я понимаю, рихтовать – значит что-то править, выправлять. А здесь, как говорится, была бы сила – ума не надо!

– Пока буду заниматься рихтовкой, – не придавая особого значения сказанному отчимом, промолвил Вадим. – Конечно, эта специальность не ахти какая, но с чего-то же надо начинать. Дальше будет видно.

Дальнейший разговор с отчимом прервался появлением в горнице сводного брата Валерия. Широко, как-то еще по-детски улыбаясь, он подошел к Вадиму и по-мужски крепко пожал ему руку.

– Здоров, братишка! Рад, что ты приехал!

– Здоров, коли не шутишь! Присаживайся к столу и составь мне компанию. Отец, видишь, не подвигается, – встретил брата Вадим.

– Да мне некогда посиживать, – буркнул отчим. – Надо за баней смотреть! Через пару часов будет готова и можно мыться.

Он вышел из горницы. Вадим и Валера остались вдвоем.

– Садись за стол и поешь со мной, – вновь позвал брата Вадим. – За столом и поговорим.

– Мы только что пообедали, – сказал Валера, присаживаясь к столу.

– Хорошо, тогда так посиди и посмотри, как я улетаю, – засмеялся Вадим, хлебая щи вприкуску с хлебом.

Валера был старший из сводных братьев. Его с детства Вадим больше опекал, и поэтому у него с ним были не только по-настоящему братские чувства, но и дружеские отношения. Этому нисколько не мешала разница в возрасте – восемь лет. Приехав домой после демобилизации из рядов Советской армии, Вадим подарил Валере солдатский ремень, значок парашютиста, а между Ваней и Витей – младшими сводными братьями – разделил другие армейские принадлежности. Валера учился в восьмом классе, его школа находилась в соседнем селе. Особыми успехами в учебе не блистал, хотя природой не был обделен способностями. Его больше интересовали автомобили, тракторы, мотоциклы, комбайны и другая техника.

– Как у тебя с учебкой? – поинтересовался Вадим.

– Так себе. Как говорит мама, учусь через пень-колоду.

– И что это означает?

– Что означает, спрашиваешь? А означает то, что еду на тройках и тройками погоняю!

– Почему так?

– Вадь, перестань донимать этими вопросами. Тут меня и так терзают почти каждый божий день: то мама теребит за учебу, то батька грозится ремнем угостить.

– Учиться надо, а не гонять лодыря, тогда и родителям будет спокойнее жить, – усмехнулся Вадим. – Сегодня, брат, без образования – никуда.

– Не переживай – восьмилетка будет, а дальше жизнь покажет куда рвануть!

– Молодец, так и действуй, – успокоился Вадим и тут же перевел разговор на другую тему:

– Как обстоят дела дома?

– Да все по-старому: мама по-прежнему работает в доме инвалидов сестрой-хозяйкой, а папа – в колхозе на зерносушилке.

– А братья как учатся?

– Витька во втором классе азы знаний штурмует, Ванька – в пятом.

Словно почувствовав, что о них пошел разговор, младшие братья, толкая друг друга, буквально ввалились в горницу.

– Вадик, салют! – вместе, в один голос прокричали они. И начали, перебивая друг друга, расспрашивать у Вадима о Свердловске, о заводе и возьмет ли он их когда-нибудь с собой, чтобы посмотреть город и, особенно, побывать в цирке. Сколько бы еще продолжался этот радостный гомон – трудно сказать, но его остановила вошедшая в горницу мать:

– Что расшумелись, дайте брату отдохнуть с дороги! А ты, Валерка, пойди помоги отцу воды натаскать в баню, – распорядилась она.

Все дружно удалились из горницы. Мать, уходя, взяла с собой со стола посуду и уже у двери заботливо проронила:

– Отдохни маленько, потом в баню сходишь, а вечером всей семьей посидим за столом и поговорим.

После того как ушли братья и мать, в горнице стало совсем тихо. Вадим, плотно поев, присел на диван, находившийся рядом, но скоро сон его свалил – сказалося ночное бдение в общем вагоне поезда. Сколько проспал – сразу не понял. Разбудил Валера:

– Подъем, пора у лазню!

– Куда? – едва приоткрыв глаза, ничего не соображая, переспросил Вадим.

– Ты что, забыл белорусскую мову? – рассмеялся Валера. – В баню пойдешь?

– Ах, в баню. Так бы сразу и сказал! Пошли.

Вадим быстро встал, взял со стула приготовленное белье и вместе с Валерой отправился в баню. Она находилась рядом, во дворе. Вслед за Вадимом и Валерой прибежали и младшие братья. Все быстро разделись в предбаннике, где было тепло, затем вошли в баню, встретившую жаром.

– Кто первым будет париться? – деловито спросил Валера.

– Вадик, Вадик! – дружно, в один голос зашумели младшие братья. И, подталкивая старшего брата, продолжали:

– Ты же солдат, из армии недавно, вот и покажи нам, как надо париться!

Делать было нечего, пришлось уступить. Вадим забрался на полок и скомандовал:

– Ну-ка, Валера, поддай парку!

Валера плеснул на жарко накаленные камни воды из медного кувшина, отчего со страшным шумом и свистом поднялись клубы обжигающего пара, которые мгновенно окутали парилку. Почувствовав нарастающий жар, Вадим стал активно работать веником: хлестать по плечам, спине, животу, ягодицам, ногам. Тело покраснелось, стало почесываться, отчего становилось приятно, хотя и нестерпимо жарко.

– Еще прибавить жарку? – пробился голос Валеры сквозь густой пар. Его силуэт, как и силуэты братьев, сидящих на скамейке, едва просматривались в этом медленно покачивающемся мареве.

– Хватит! – решительно отказался Вадим и, быстро соскочив с полки, бросился в предбанник. Младшие братья быстро попарились, затем, не задерживаясь, помылись, оделись и поспешили вместе с Вадимом домой.

Мать и отчим мылись недолго. Первой из бани пришла мать. Немного отдохнув и переодевшись, она начала готовить ужин.

– Вадик и Валерка, накройте стол той же самой обеденной скатертью, – подала из кухни свой голос мать.

Подошел из бани и отчим. Весь распаренный, он с шумом прошел в небольшую комнатку, находившуюся рядом с кухней (там была спальня родителей), упал, кряхтя, на свою кровать. Спустя минут пятнадцать-двадцать поднялся, переоделся и вышел в горницу. Стол был уже накрыт.

– Фрося, а что будем пить? – осведомился отчим, рассматривая закуски на столе. В центре стояла гусятница, в которой лежал целиком запеченный гусь и от которого несло нежным запахом жаренного мяса.

– Фрось, а Фрось, а что все-таки будем пить при такой замечательной закуске? Может, по рюмашке водочки в честь приезда Вадима?

– Завтра праздник, завтра и водочка будет, а сегодня обойдемся наливкой, – решила мать. – Графин с ней стоит в буфете.

Отчим достал графин с настойкой, потом принес с кухни морс. Мать подала команду:

– Вот теперь все садимся за стол!

Находясь в приподнятом настроении, она первой начала не поздравлять, а скорее изъясняться:

– Счастье матери, когда все ее дети сидят рядом, за одним столом, хотя бы в предпраздничные и праздничные дни. Каждой матери хотелось бы их удержать около себя, но она прекрасно понимает, что это невозможно: время идет, дети растут и разбегаются по своим дорогам жизни. Но как хорошо, когда они вот так вдруг соберутся за одним столом и каждого можно обнять и поцеловать. Вот тогда и старость, не очень радостная пора жизни у человека, проходит легче, спокойнее. Поэтому не забывайте, мои родные, простую житейскую заповедь: чаще навещайте родителей, скрашивайте их старость, чтоб она у них не была одинокой и горькой.

Мать замолчала. Отчим, используя возникшую паузу, стал наливать в стаканы матери, Вадима и свой настойку, а в стаканы Валеры, Вани и Вити – клюквенный морс. Затем начал резать на небольшие ломти запеченного гуся.

– Мама, а чем начинен гусь? – поинтересовался Вадим, когда в разрезанной тушке показалось содержимое

– Тертая картошка: подсоленая, поперченная, другими присмаками приправленная да в печке вместе с гусем запеченная, – весело, с юмором, отозвалась мать.

Настойка не то что водка, но все же давала о себе знать: наступившее легкое опьянение подняло настроение Вадима. Ему стало хорошо от того, что дома, рядом мать, отчим, младшие братья, что есть постоянная работа на заводе, что устроен в благоустроенное заводское общежитие, что послезавтра уедет из дома туда, где ждут и новая работа, и новые друзья. А теперь можно с удовольствием расслабиться, послушать мать, которая была замечательной рассказчицей. Свой разговор она сопровождала виртуозным

движением рук и, если требовалось по содержанию рассказа, – красноречивой мимикой.

– Мама, а какой из дней 6 ноября стал для тебя наиболее памятным? – спросил Вадим, улучив удобный момент в разговоре матери.

– Да разве все упомянешь, какими были когда-то эти дни! Много было всякого, сынок. Были и такие дни, о которых вспоминать тяжело.

Мать задумалась. Видимо, не очень ей хотелось ворошить в памяти то, что могло вызвать все еще не потухшую до конца душевную боль, хотя и прошло с тех пор немало времени. После минутного молчания она повела свой рассказ:

– Перед самой войной, как раз 6 ноября, я похоронила Андрея, своего мужа и твоего, Вадимка, отца. Беда пришла неожиданно-негаданно.

Мать молча вытерла платком вдруг навернувшиеся слезы. Отчим, видимо знавший всю эту историю, удалился непонятно зачем на кухню. А мать не спеша продолжила:

– Андрей приехал к нам, в нашу деревню, после окончания учительского техникума. Его сразу же назначили директором нашей начальной школы. Вел он все уроки, но больше – в третьем и четвертом классах. А в первом и во втором детей учила Клава, Клавдия Ивановна, из наших, деревенских. Образование у нее было небольшое – всего семь классов. Она работала лет пять, а может и больше, была уже в годах. Дети ее любили, да она и сама относилась к ним по-матерински. Когда Андрея назначили директором, Клава забеспокоилась – а вдруг уволит из-за недостатка образования. До Андрея бывший директор об этом ей чуть что сразу напоминал. Андрей же, побывав у нее на уроке, даже ее похвалил за умение ладить с детьми и учить их письму, чтению, счету.

Андрей и сам отдавал душу и сердце своим ученикам, не жалел ни времени, ни сил для того, чтобы они становились грамотными, быстрее набирались ума и разума. На уроках всегда стремился вызывать их интерес к учебе, приводя в пример наших деревенских безграмотных мужиков. Запомнилось, как он проводил уроки пения после уроков, вечерами, при свете керосиновой лампы. Собирались все школьники от первого до четвертого класса. Андрей хорошо пел и играл на гармошке. Он заранее давал задание детям выучить текст песни. А в школе уже хором разучивали ее мелодию. Первым запевал Андрей, а за ним – дети. Помнится песня «Там, вдали за рекой». Андрей сам любил эту песню и хотел, чтобы дети ее любили. Но как-то не сразу она у них получалась. Репетировали долго. А потом дети ее спели как раз на празднике Октябрьской революции, который проходил в школе. Концерт ставили школьники под руководством Андрея. Сам Андрей читал стихи, пел вместе с учениками, играл на гармошке. А вот когда дети хором запели «Там, вдали за рекой», – мурашки побежали по коже. А у кого-то из тех, кто был на концерте, да и у меня самой, покатались из глаз слезы. Так они душевно спели эту песню.

Андрей не раз устраивал праздничные концерты, а иногда и танцы в школе. Клуба ведь не было в нашей деревне. Андрею было тогда всего двадцать два года, он был всегда заводилой чего-нибудь интересного. Многим нашим девочкам и даже замужним бабам он нравился: красивый, умный, обходительный, большой шутник. И мне Андрей тоже нравился. Но он оставался недотрогой. Может потому, что учительство не позволяло ему вести себя так, как вели наши деревенские хлопцы, которые могли что угодно ляпнуть, напиться, подраться из-за девок и еще что-нибудь натворить. Андрей был не такой, хлопцы его уважали.

Я тогда работала в школе. Окончила пять классов и дальше учиться не захотела. Мать и батька и так и сяк уговаривали не бросать школу – не послушала. Пошла работать в нашу школу. В ней до приезда Андрея работали всего два учителя. Меня взяли на хозяйственные работы: топить печки, убирать классные помещения. Отвечала за небольшую школьную библиотечку, а когда кто-то из учительниц заболел – вела уроки. В то время пять классов – это было уже образование, и мне доверяли заниматься с детьми. Когда появился в школе Андрей, мне стукнуло восемнадцать годов. По работе приходилось часто с ним встречаться, обсуждать что-то по школе, иногда он давал кое-какие поручения. Так мы сблизились и пристроились друг к другу. Я всегда приходила в школу рано утром, чтобы печки протопить, навести порядок. Андрей же приходил обычно к началу занятий. Как-то он пришел пораньше, посмотрел, чисто ли в учебных помещениях, дотронулся рукой до печки и вдруг подошел ко мне, говорит: «Ну что, святая Евфросиния, все в порядке?» Он так в шутку иногда называл меня, связывая это со святой Евфросинией Полоцкой (1). И не дожидаясь пока я что-то скажу, вдруг заявил: «Прошу тебя стать моей женой!» Я так растерялась, что не знала, как быть. А он, глядя мне в глаза, на полном серьезе сказал: «Передай своим родителям, что сегодня приду свататься!» Хорошо помню, что это была пятница. Побежала домой, не совсем соображая, что на самом деле происходит, не сон ли это. Дома меня с испугом встретила мама, воскликнув: «Что случилось!» А я не знала, что и как сказать. Помню, она мне подала кружку с водой, глотнула пару раз и, набравшись смелости, ответила: «Андрей замуж зовет, сегодня вечером придет свататься». Для мамы такая новость тоже стала неожиданностью, но она спокойно, не выдавая своего волнения, согласилась на мое замужество, если я сама не против этого. Я была не против. Правда, за мной ухаживал наш деревенский хлопец, Денис, но что Денис, если замуж позвал Андрей, который мне очень нравился.

Мама в нашей семье была главной, батька редко когда ей перечил. Так было и на этот раз. Когда тата пришел на обед, а он где-то плотничал, она тут же дала ему наказ срочно сходить в соседнюю деревню, где находился сельмаг, и купить там водки и не какой-нибудь, а русско-горькой.

Неудобно было по такому случаю угощать жениха, да еще учителя, самогонкой; заказала печенье, конфеты и еще чего-нибудь вкусного.

Вечером Андрей, как и обещался, пришел к нам вместе с Иваном Марковичем, у которого он квартировал. Мама и тата прифрантились по такому случаю. Подошел дядька Ефим – наш сосед, брат батьки. Повел разговор Иван Маркович. Он еще тот краснобай был: все кругом да около. Андрею надоело его слушать. Он встал, подошел к моим родителям и, называя маму и тату по имени и отчеству, попросил у них моей руки. Вот так все произошло. Потом была веселая свадьба, гуляла вся наша деревня Светлое Поле. Когда мы поженились, батька звал Андрея пожить пока у нас дома, но он не согласился. Стали жить в маленькой комнатухе в школе. Школу построили где-то в начале 30-х годов. Это был пятистенный дом с голландками в обеих классных комнатах. В одной из комнат, которая была побольше, отгородили специальную комнатуху для школьной библиотечки. Вот в нее мы и вселились. Книжные шкафы перетащили в классы. После женитьбы Андрей сразу же загорелся построить свой дом. Деньги он получал как учитель и как директор добрые, было чем платить нашим деревенским мужикам, которые подрядились строить нам дом. И они быстро это сделали. Получился не дом, а настоящие хоромы по тогдашним нашим деревенским меркам: большие окна, высокие потолки, хорошо обструганные стены, кирпичные и хорошо выбеленные печка в одной, голландка – в другой. У входа в дом – крыльцо со встроенной скамейкой. Не верилось, что это наш, лучший в деревне дом. Ты, Вадимка, родился, и привезли нас с тобой из больницы прямо в новый дом. Сколько было радости! Счастливый Андрюша никак не мог сразу подобрать самое лучшее место в доме для твоей кровати, которую старательно смастерил твой дедушка Совостей. Казалось, этому счастью не будет конца: мы были молоды и у нас так все хорошо складывалось.

Но счастье оказалось недолгим. В сентябре Андрей заболел, в ноябре, когда тебе, Вадик, было несколько месяцев, его не стало.

– Что же случилось? – перебил рассказ матери Вадим. Он впервые слушал из уст матери такие подробности о своем отце. Раньше она ограничивалась лишь коротким пересказом о каких-то отдельных эпизодах из ее семейной жизни с Андреем. Иногда Вадим пытался узнать больше о своем отце, но мать всякий раз под любым предлогом уходила от такого разговора. И он, повзрослев, понял, что мать избегала подробных рассказов о его отце потому, что не хотела портить отношений со своим нынешним мужем. И вот сегодня она вдруг разговорилась.

– Что же случилось, спрашиваешь? – переспросила мать. – А случилось то, чего никто никак не ожидал. Весной, в марте, Андрей уехал утром в Березовку на совещание директоров сельсоветских начальных школ. В Березовке находилась средняя школа, вот в ней и проходило совещание с участием ответственных работников из района. После совещания наме-

чалось комсомольское собрание. Андрей как директор школы и как руководитель наших комсомольцев, а их было вместе с Андреем всего пять, должен был присутствовать и там, и там. Утром его отвез в Березовку Иван Маркович. Чтобы не держать его весь день в Березовке, Андрей отпустил Марковича: решил, что домой доберется самостоятельно, пешком, да и идти то надо было всего около трех километров. И когда там все закончилось, а закончилось поздно, он пешком отправился домой. Из трех километров примерно полтора надо было идти лесом. Потом мне Андрей рассказывал, что произошло. Когда он зашел в лес, вдруг впереди через дорогу перескочила стая волков. Андрей был не из робкого десятка. Мы часто с ним ходили на танцы в соседние деревни, иногда километров за пять и больше. Обычно возвращались поздно ночью лесом. Мне становилось жутковато, к нему прижималась, а он – хоть бы что. Посмеивался надо мной: говорил, что природы не надо бояться. До этого он не раз возвращался один ночью из той же Березовки – и ничего. А на этот раз его встретили волки. Наверное, ему лучше бы вернуться назад, в Березовку, в школе переночевать (там была комната для приезжих). Так нет, пошел вперед, надеясь, что волки убежали. Но не тут-то было. Они его поджидали, сверкая глазами. Что делать? Возвращаться обратно – поздно. Волки – сообразительные, дерзкие животные, могли принять это за слабость и трусость встретившегося им человека и броситься всей стаей на него и порвать на куски. И Андрей пошел дальше вперед, не деля никаких провоцирующих движений. Становилось жутко. Нервы напряглись до предела. А волки, пропустив его, пошли рядом с ним по обе стороны дороги и так сопровождали, пока лес не кончился. Вот после встречи с волками Андрей и заболел. Болезнь подкралась неожиданно. Я начала замечать, что с ним что-то происходит: мужик стал чахнуть. Спрашивала: «Андрюша, ты не заболел?» А он все отнекивался. В мае по-настоящему заболел. Свезили его в Березовку, к фельдшеру. Тот ничего опасного не признал – сказал, что это от усталости, перенапряжение нервов, и посоветовал после окончания учебного года хорошо отдохнуть и подлечиться в санатории. С помощью районо он получил путевку в санаторий. В нем лечился в июле. Вроде поправился, посвежел. Но вот начался учебный год, ему опять стало плохо. Как-то ночью проснулся и будит меня: смотри, Фроська, какое-то чудовище по потолку ползет! Тебе показалось, говорю, там никого нет. А он все твердит, что ползет что-то страшное. Кое-как его успокоила, а утром увезли в районную больницу. Через неделю Андрей умер.

– От чего он умер? – спросил Вадим, взволнованный рассказом матери.

– А кто его знает, толком мне в больнице не объяснили. Медсестра шепнула, что вроде бы от скоротечной чахотки. Но Андрей не говорил мне, что он болел когда-то чахоткой.

Воспоминания об Андрее сильно расстроили мать. Она старательно вытерла повлажневшие глаза и, тяжело вздохнув, продолжила:

– Беда не приходит одна. Не успели оклематься от одной смерти, как пришла новая беда: убили моего батьку и твоего дедушку Совостея. И произошло это тоже 6 ноября 1941 года уже во время начавшейся войны, принесшей столько горя людям. Та осень и начало зимы выдались особенно студеными. Уже в ноябре ударили морозы. И вот вечером, 6 ноября, в нашу деревню пришла небольшая группа партизан, чтобы отогреться и в тепле отоспаться (2). Батьке было далеко за шестьдесят, но он, как и многие другие старики нашей и соседних деревень, пошел партизанить. Батька пришел домой, а остальные заночевали в крайней хате, у Костусихи: из нее в случае чего можно было убежать в лес – он находился рядом. Костусиха жила с дочкой – глухонемой с детства. Муж ее Костусь помер, а два сына ушли с Красной армией. Сама Костусиха часто болела, хотя еще и не была совсем старой.

Полиции приехали на трех подводах ночью. Их было человек пятнадцать, а может больше. При въезде в деревню их встретил партизан, карауливший у хаты Костусихи. Он спросил у полицейав: кто вы такие? Те ответили: свои. Когда партизан присмотрелся к людям, сидевшим на подводах, понял, что это полиция. Выстрелил, чтоб предупредить своих товарищей об опасности. Партизаны выбежали из хаты кто в чем и, отстреливаясь, побежали к лесу. За ними погнались полиция. Когда началась стрельба, батька соскочил с полатей, где он спал, спросонья забегал по хате, не зная, что делать. А мама ему и говорит: «Полезай под печку, там тебя не найдут!» Но батька не послушался: накинул на себя козушок, схватил винтовку и выбежал во двор. После смерти Андрея и мама, и тата жили со мной в новом доме, а в старой хате, хотя ее и протапливали, не жили. Батька, чтобы отвести от нас беду, тайком перебрался от нового дома к старой хате (он находился рядом), а там, через калитку, тайком вышел на улицу и побежал по ней из деревни, прикрываясь тенью забора. Но полиция заметили его и открыли стрельбу. Боже мой, как же было страшно! Блики винтовочных выстрелов разрезали ночную темноту, казалось, что от разразившегося грохота вот-вот посыплется стекла из оконных рам. Скоро все стихло. Мама вышла во двор и услышала разговор полицейав, которые шли по улице. Из их разговора она поняла, что батьку убили. Вернувшись в хату, мама заголосила, да так сильно, что я даже не знала, как ее успокоить. Да я и сама стала плакать, уж больно жалко было тату. И ты, Вадимка, тоже разревелся. Когда началась стрельба, я прижала тебя к себе и залезла на печку.

Помолчав, мать продолжила:

– Немного успокоившись, мама позвала меня пойти с ней и привезти батьку домой, пока на морозе его тело не задубело. Взяли санки, на которых дети катаются с горок, и пошли искать батьку. Нашли за деревней, на дороге, он лежал ничком. У самого леса настигла его пуля. Перевернули батьку на спину. Его лицо, покрытое вперемешку снегом и кровью, было неподвижным. Он был мертв. С большим трудом уложили труп на санки и пота-

шили домой. Ноги покойника, не вместившиеся на санках, волочились по дороге, но на это мы с мамой не обращали внимания. Нам хотелось как можно быстрее дотащить мертвого батьку до дому, пока не рассвело и полиция нас не заметила. Дома его уложили на две вместе сдвинутые лавки. Мама сняла с него кожаную, верхнюю повседневную одежду, одела выходную, завязала на голове пулевую рану, из которой сочилась тонкой струйкой кровь. Потом зажгла свечку и поставила у изголовья покойника и сама прилегла рядом с ним. И после всего этого дала волю своим слезам. Она плакала всю оставшуюся ночь. Я пыталась успокоиться и уснуть, но не могла – плач мамы рвал и мою душу. А она плачет, плачет, вдруг с горя начнет причитать: «А мой ты, Совостейка, куда тебя черти погнали, хвореть твой бок! Сидел бы под печкой и остался бы живой!» Мама, бывало, ругаясь с бабушкой из-за чего-нибудь, приговаривала: а хвореть твой бок, табачная твоя набойка. Тата много курил, у него в зубах, как я помню, постоянно торчала люлька. И вот мертвого она от свалившегося горя ругала словно живого. Когда стало светать, мама немного успокоилась. Утром пришел дядька Ефим. Он быстро сколотил гроб и под вечер в тот же день, 6 ноября, батьку похоронили в перелеске недалеко от нашей деревни. Вот такие, сынок, были праздничные дни в те годы, о которых сегодня тяжело вспоминать.

Мать смолкла. Чувствовалось, что воспоминания о пережитом горе в недалеком прошлом дались ей нелегко, вызвали у нее стрессовое состояние и слезы. Чтобы как-то отвлечь мать от ненароком потревоженного горя, которое все ее никак не отпускало, Вадим решил поведать, что для него предпраздничные дни в этом году оказались удачными и радостными: устроился на работу, получил городскую прописку и поселился в заводское общежитие. А дальше? А дальше – получить высшее образование! Правда, он еще не знал, как будет добиваться этого: то ли поступит на дневное, то ли на вечернее, а может на заочное отделение одного из свердловских вузов; не решил еще и какому вузу отдать предпочтение: университету или политехническому институту. В средней школе его особенно увлекали и литература, и история. В армии и сейчас, после армии, он невольно задумывался о будущей специальности. Научно-техническая революция, о которой много писали и говорили как о наиболее характерной черте послевоенного времени, неизменно поднимала престиж инженерно-технического образования. И Вадим стал колебаться: остаться верным своей школьной мечте и стать профессиональным историком или поступить прагматично – получить инженерную специальность. Поэтому, рассказывая матери о своих делах и планах, он ничего не мог сказать больше, кроме как о желании поступить учиться в вуз.

– Это хорошо, сынок, – сказала, немного успокоившись, мать. – Когда мы поженились, Андрюша меня убеждал, что я должна обязательно окончить десятилетку. «Неграмотный человек – тот же слепой и не может строить новую жизнь», – часто повторял он. А глядя на только что родив-

шегося тебя, говорил: «Наш малец пойдет в жизни дальше нас с тобой». Так что твой родной отец порадовался бы твоему стремлению получить высшее образование.

Мать, посмотрев на ходики, предложила:

– Время уже позднее, давайте пить чай!

Она быстро убрала со стола опорожненную гусятницу, тарелки с обглоданными гусиными косточками и все унесла на кухню, а оттуда вернулась с вазой, наполненной конфетами и печеньем.

– Это гостинцы Вадика, – с нескрываемой гордостью пояснила мать. – Угощайтесь!

Отчим, не теряя времени, принес самовар, из которого вырывался густой пар.

Чаепитие продолжалось недолго. Было уже за полночь и всем хотелось отоспаться перед завтрашним праздничным днем.

* * *

Гости стали собираться после полудня. Первыми пришли соседи – Петр и Иван со своими женами. Вскоре подошел со своей женой Тоней Юра – сын отчима от его первого брака с Варварой. И Варвара и Юра жили здесь, в Любине. Но если Варвара, так и не вышедшая больше замуж, ревностно обходила стороной избу новой семьи бывшего мужа, то Юра изредка навещался к отцу, то ли за какой-нибудь надобностью, то ли просто перебраться о том о сем. Юра уважительно относился к новой жене отца Фросе, считал Валеру, Ваню и Витю своими братьями.

Когда гости собрались и расселись за празднично накрытым столом, мать усадила рядом с Иваном Вадима. Валеру она тоже хотела посадить за праздничный стол (мол, уже стал взрослым), но тот наотрез отказался, заявив, что пойдет в кино – в клубе демонстрировался фильм «Жестокость». В кино убежали и младшие братья.

Открыл застолье отчим. Подняв рюмку, наполненную водкой, он поздравил всех с праздником Октября, отметил, что его празднование стало доброй традицией, и, пожелав всем праздничного настроения и хорошего отдыха, первым осушил рюмку, крикнув с удовольствием. Его примеру последовали гости. Атмосфера за столом постепенно становилась непринужденной, праздничной. Особую активность проявляли мужчины. Закусив первые рюмки водки солеными огурцами, селедкой, винегретом, они дружно заговорили о пельменях как о закуске, с которой можно пить до бесконечности. Мать, выполняя пожелания гостей, поднесла первую партию дымящихся пельменей, раззадоривших стол. Стало шумно. Пошли разговоры, шутки, прибаутки. Но вот попросил слово Петр Боровских, ветеран войны и труда. До выхода на пенсию работал на шахте, в забое.

– Давай, Петро, – поддержал его отчим.

– Вот ты, Михаил, правильно сказал, что отмечать годовщину Октябрьской революции стало доброй традицией. Согласен, но хочу добавить: с каждым годом празднование проходит веселее, потому что меняется к лучшему наша жизнь, праздничный стол становится богаче. Были времена, когда в этот день и пожевать то нечего было. А сегодня, смотри-ка, стол накрыт почти по-барски!

Боровских замолчал, выждал, пока подвыпившие гости немного успокоятся, и продолжил:

– Я думаю, что если в нашей стране дела пойдут так же хорошо и дальше, то начнем жить если не в роскоши, то уж точно в достатке. Вот сейчас объявили о строительстве коммунизма в стране (3). Как обещает Никита, есть будем досыта, а все остальное приложится.

– И пить будем досыта! – весело воскликнул Иван.

– Пить будем в меру, – успокоил Ивана Петр и предложил выпить в честь праздника Октябрьской революции.

Все дружно поддержали тост. Правда, отчим после очередной выпитой рюмки не удержался:

– Да ничего из этой затеи, Петро, не получится! Бесхозяйственность, безответственность и подхалимаж погубят все дело. Нужен настоящий хозяин!

– А разве не настоящий хозяин нынешний председатель здешнего колхоза, – возразил ему Боровских. – Смотри-ка, как за несколько лет он навел порядок в хозяйстве, поднял трудовую дисциплину и дела пошли в гору, люди стали жить лучше и веселее. Я согласен с тобой, Михаил, что руководителем должен быть грамотный, деловой человек, а не какая там размазня.

– Он-то хозяин, но временно назначенный, вот в чем дело! А колхозники – какие они хозяева? Для них колхозная работа – пень колотить да день проводить!

– Ну, не скажи! Одно дело – работаю на дядю-частника, а другое – на общее благо и на себя!

Неожиданно возникший спор между отчимом и Боровских относительно будущего страны заглушило начавшееся дружное пение «Уральской рябинушки». Первой ее запела Нюра, а затем песню подхватили и другие.

Вадим, который прислушивался к не совсем праздничному разговору отчима и Боровских, тоже переключился на пение и потерял нить их спора. Но вскоре они и сами, прекратив спор, подали свои голоса в общий хор. Вадиму бросилось в глаза, что в этом многоголосом хоре почему-то не оказалось матери – хорошей певуны, обладавшей неплохими вокальными данными. Но вот она появилась в горнице не одна, а вместе с Верой – дочерью Ивана и Нюры.

– А с кем Павлика оставила? – не очень ласково встретил дочку отец.

– Павлик вместе с нашими ребятами ушел в кино. А я пригласила Веруню на наш праздник, что ей одной дома делать, – заступилась за Веру мать.

Иван больше ничего не сказал и продолжил пение. А Вера села на свободный стул рядом с Тоней. Мать услужливо подала ей тарелку с пельменями, вилку, рюмку с вином и предложила выпить. Вера сделала пару маленьких глотков и поставила рюмку на стол, взглянув как бы невзначай на Вадима. Тот уловил ее взгляд, улыбнулся. Она ответила тем же.

Празднование продолжалось. Началось беспорядочное пение. Отчим, уже изрядно захмелевший, но еще не потерявший над собой контроль, наполнил свою очередную рюмку, затем, как он обычно проделывает навеселе, перекрестил ее, сопровождая это действие словами «изыди нечистая сила и останься одно лекарство», красиво выпил, крикнул и сразу, не закусывая, затыкнул свою любимую песню:

«Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой...»

Его звонкий, приятный баритон заглушил другие голоса и скоро все начали ему подпевать. А когда он кончил петь, Боровских поднялся и, держа в руке рюмку с водкой, каким-то несвойственным ему, сипловатым голосом с трудом выдавил:

– Мефодич, давай Соколовского гитару!

Отчим лукаво подмигнул и попросил мать принести ему гитару. Пока она ходила за ней, получился небольшой перерыв. Мужчины, воспользовавшись им, стали выходить из-за стола, чтобы покурить. Поднялась и Вера. Она шагнула к отцу и спросила:

– Пап, ты не возражаешь, если мы с Вадиком отсюда сляжем на танцы в наш клуб? Он ведь ни разу в нем не был!

– А как Вадим, он не против танцев?

Иван посмотрел на Вадима, явно ожидая его решения.

– Нет, я не против, я – за, – не раздумывая, ответил Вадим и добавил: – Здесь становится как-то душно!

– Ну, что же, идите на танцы, если здесь стало душно, – буркнул Иван, прикуривая папиросу.

Вадим и Вера оделись. Выходя из избы, они услышали перебор струн гитары и начало пения:

«Соколовский хор у “Яра”
Был когда-то знаменит.
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит...»

Короткий ноябрьский день сменил длинный вечер. Стало совсем темно. Оказавшись на улице, Вадим и Вера увидели вдаль, около клуба, одиноко мерцающую в темноте лампочку.

– Пойдем в клуб? – первым нарушил непривычную уличную тишину Вадим.

– Знаешь, я что-то раздумала. Не хочется видеть там наших местных пижонов, которые больше куражатся, чем нормально танцуют.

– Тогда погуляем, подышим свежим воздухом, – предложил Вадим.

– Пожалуй, ты прав! Отдохнем от винно-водочного перегара, – согласилась Вера.

– Куда пойдем?

– Пойдем по улице, но в противоположную сторону от клуба, – предложила Вера.

И они пошли по деревенской темной улице навстречу холодному, пронизывающему ветру. Вадим подхватил Веру под руку – так удобно было идти по неровной и скользкой дороге.

Вадим познакомился с Верой еще в августе, когда он после неудачного поступления в Челябинский политехнический институт приехал к матери (его как отличника боевой и политической подготовки досрочно демобилизовали для поступления в вуз). Отец Веры, узнав, что приехавший сын Фроси от ее первого брака служил в той же самой, что и он, 98-й воздушно-десантной дивизии, решил познакомиться с вчерашним десантником. И вот как-то субботним вечером, после работы, прихватив на всякий случай поллитровку, завернул к Земляных. По-соседски это было обычным делом: сбежались, поговорили о том о сем, а при необходимости – подсобили друг другу в хозяйстве. Поэтому для Ивана не составляло никакого труда без приглашения заглянуть к соседу. Михаил и на сей раз пригласил добродушно своего соседа в избу. Фрося быстро, на скорую руку накрыла стол. Вадим, чтобы не мешать беседе с соседом, собрался было удалиться, но его остановил Иван: «Не уходи, я пришел специально, чтобы с тобой познакомиться, как со своим однополчанином» Сели вместе за стол. И уже за рюмкой разговорились: да, служили в одной, 98-й воздушно-десантной дивизии, но в разных ее подразделениях; Иван – в 217 полку, а Вадим – в батальоне связи. Во время прохождения Иваном воинской службы соединением командовал генерал-майор Алимов, а Вадим нес службу при командире генерал-майоре Евдане (4). Конечно, было много общего в службе в ВДВ, но было и то, что отличало подготовку десантников в конце сороковых и во второй половине пятидесятых годов. Ивану явно пришлось по душе вчерашний десантник. А незадолго до отъезда Вадима он вдруг попросил его подсобить сметать в стог сено, привезенное домой с покоса. Отказываться было неудобно. С утра пораньше Вадим

завернул к Ивану. Во дворе он и встретил Веру. Однако тогда с ней пообщаться не пришлось: надвигалась гроза, и надо было как можно быстрее сметать сено. Узнал лишь мимоходом, что она только что окончила десятый класс, мечтает выучиться на агронома.

Новая встреча с Верой обрадовала Вадима. Он хорошо рассмотрел ее в горнице, когда она в нарядном платье вошла вместе с матерью. И убедился: она хороша собой. Теперь же, идя с Верой рядом, он ощущал, что в нем росло желание как можно больше побыть и пообщаться с ней.

– Тетя Фрося надеется, что ты вернешься домой и станешь работать здесь, в нашем колхозе, – напомнила о себе Вера задумавшемуся Вадиму.

– Теперь уже не вернусь, поздно! Я устроился работать на хороший завод, получил городскую прописку, место в благоустроенном общежитии. Что еще надо? Трудись во славу Отечества! А дальше – получение высшего образования, ибо без него в наше время далеко не уедешь.

– И в какой вуз собираешься поступать?

– Еще не решил. В школе нравилась история; мечтал стать историком. Но наступили другие времена. Сегодня в почете инженерное образование и оно к тому же более денежное.

– Ты думаешь, нашему обществу, строящему коммунизм, не нужны грамотные историки? – Вера внимательно посмотрела на Вадима и, не дожидаясь его ответа, продолжила:

– За ответом далеко ходить не надо. Нам в десятом классе преподавала историю Ирина Александровна Ломова. Между собой мы называли ее Иркочкой-бабулькой за ее преклонный возраст. Знаешь, как она вела у нас историю? Положит перед собой учебник, прочитает пару абзацев, а потом комментирует прочитанное. Иногда доходило до смешного. Вот, например, как мы изучали постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Она принесла на урок это постановление и поручила его прочитать перед всем классом Саше Нисковских. Ну а тот прочитал, да еще как! Играя голосом, как заправский актер, он весь класс рассмешил, хотя надо, чтобы мы, слушая его, серьезно задумались над тем, о чем идет речь в документе. Ирина Александровна, возмущенная нашим поведением, ничего не могла придумать лучшего, как обязать нас на зубок знать это постановление. А может, надо было нам хорошенько объяснить, что к чему. Ведь до сих пор даже в нашей деревне не утихает спор: кто-то ругает Сталина, кто-то его защищает, а кто-то вообще молчит. Дядя Миша, твой отец, семья которого тоже пострадала во время коллективизации, считает, что негоже так поступать с Генералиссимусом Советского Союза, с именем которого связаны и наши беды, и наши победы и величайшая из них – победа над фашистской Германией (5).

– Если есть те и другие суждения – значит истина находится где-то посередине, – заметил Вадим.

– А кто же будет искать эту истину? – спросила Вера. – Кто? И надо ли ее искать?

– Думаю, что надо, – спокойно ответил Вадим.

– И я тоже так считаю, потому что расколотое общество не может успешно строить свое будущее. А историческую истину искать – задача историков-ученых, а доносить ее до своих учеников должны историки-учителя, ты согласен?

– Согласен.

– Вот и стань настоящим историком, дай зеленый свет своей мечте!

– Ладно, подумаю. А какие твои планы?

– Те же самые, о которых я тебе говорила – поступить в сельхозинститут и получить агрономическое образование.

– В этом году не пыталась поступить?

– А зачем! Ведь нужен производственный стаж. Вот поработаю пару лет в родном колхозе, а потом двинусь в институт. – Прикрывая лицо от мокрых снежинок, поднимаемых и закручиваемых сильными порывами ветра, Вера съежилась от холода. – Вроде температура на ноле, а становится зябко! Давай-ка двинем назад, домой.

Вадим не возражал. Они повернули обратно и скоро оказались у дома Веры. Приостановившись у калитки, она, улыбаясь, посоветовала:

– Не задерживайся долго с выбором своей профессии и не забывай нашу деревушку!

И ушла, захлопнув калитку.

* * *

Вадим вернулся домой, когда празднование уже закончилось, гости разошлись. Мать, встретив его, поинтересовалась:

– Как тебе здешние танцы?

– Я не был на танцах, мы с Верой просто гуляли.

– Вон что! Она хорошая, – принялась мать расхваливать Веру. – Красивая, умная, работающая и обходительная с людьми. Отец держит ее в строгости.

Мать хотела сказать что-то еще, но ее остановил голос отчима:

– Фрось, а Фрось, пить хочу!

– Скоро ли ты угомонишься, – возмутилась она. – Напился и спи, нечего куролесить!

Мать подала отчиму кружку с водой. Сделав несколько глотков, он вернул ее матери, потом поднялся с постели и вышел на кухню.

– А как тебе Верка? – оживился он, увидев Вадима. – Аппетитная девочка, кровь с молоком!

Не получив никакого ответа от Вадима, он замурлыкал какую-то песенку и удалился в свою комнату. А мать предложила Вадиму попить чаю, но он отказался:

– Пойду спать! Завтра надо рано встать, собраться, чтобы не опоздать на автобус.

– Хорошо, сынок, я тебе постелила на диване в горнице. Ребята уже спят.

* * *

Комната, где спали младшие братья, находилась рядом с горницей, а родительская спальня – рядом с кухней. Вадим тихонько разделся, чтобы не разбудить братьев потушил свет и собрался было лечь. Но тут вышел Валера.

– Ты что, не спишь?

– Тише-е, – прошептал он. – Ваньку с Витькой разбудишь. И продолжил: – Когда дадут тебе отпуск, ты, наверное, в Белоруссию поедешь?

– Возможно, а что?

– Помнишь, ты мне еще до армии рассказывал, что где-то в Рутковском болоте, на небольшом островке хранится клад? Вот мы с тобой вместе его поищем, только возьми меня с собой!

– Я еще не знаю, когда у меня будет отпуск. Потом решим. А пока давай-ка спать!

Неудовлетворенный таким ответом Валера вернулся в свою комнату. Вадим, не теряя больше времени, лег в постель. Однако уснуть сразу не удалось: то начинал думать о своем родном отце и его скоротечной смерти, то о дедушке, так нелепо погибшем в самом начале войны, то вдруг перед глазами всплывал образ Веры – красивой и умной девушки, кто набегали мысли о предстоящей работе. Все это быстро, словно в калейдоскопе, менялось, пока, наконец, куда-то совсем не исчезло. Сон одолел его только под утро. Проснулся, когда уже рассвело, и день медленно вступал в свои права.

– Выспался, сынок, – встретила его мать, когда он, приведя себя в порядок, пришел на кухню. – Я уже драников напекла, садись, поснедай.

Вадим быстро поел и стал собираться в дорогу. Мать, занимаясь своим делом на кухне, одновременно поглядывала незаметно в сторону сына, укладывавшего свою дорожную сумку. Когда сын свои сборы закончил, она подала ему небольшой сверток:

– Возьми, это я тебе в дорогу приготовила. Тут всего понемногу: хлебушка, мясца, несколько сваренных яиц, баночка смородинового варенья. И в дороге поешь, и в общежитии – не бежать же сразу, по приезде, в столовку, а может она уже и закрыта будет.

Мать хотела что-то еще сказать, возможно, более важное, но воздержалась. И только когда Вадим собрался уходить, она все же не выдержала:

– Если у тебя не сладится с работой на заводе, возвращайся к нам, домой. Тут и работа найдется, да и мне будет спокойнее. Знаешь, я все еще никак не могу привыкнуть к этой деревне – какой-то чужой она мне кажется, хотя люди добрые. Ты будешь рядом – и я буду чувствовать себя

увереннее. И невесту искать долго не надо – вон Вера, какая хорошая ба-
рышня!

– Мама! И Вера, и я собираемся учиться дальше. Да у нас с ней нет
ничего такого, чтобы заводить разговор о свадьбе.

Вадим обнял мать, давая тем самым понять, что разговор на данную
тему исчерпан.

– Ну, как знаешь, тебе строить свою жизнь. Я-то добра тебе хочу!

Она сунула Вадиму в руки деньги:

– Возьми, тут немного, только на первое время. А там – на свою зар-
плату взберешься, легче будет!

Пришел проститься и отчим:

– Работа работой, но нас с матерью не забывай, чаще навещайся до-
мой!

До автобусной остановки Вадима проводил Валера.

– Я помню, Валерка, наш разговор, – слегка толкнул идущего рядом
брата Вадим. – Мы с тобой обязательно побываем в Белоруссии. Я там тебе
многое покажу и о многом расскажу. А пока, братишка, подтянись с учебой!

Автобус неожиданно вынырнул из-за поворота и вскоре тормознул на
остановке. Не мешкая, Вадим простился с братом и вскочил в салон маши-
ны. Наблюдая из окна набирающего скорость автобуса за медленно уда-
лявшимся Валерой, он почувствовал щемящую боль расставания с мате-
рью, младшими братьями и отчимом. Но вот за поворотом скрылась фигу-
ра Валеры и еще большая тоска сковала Вадима.

Глава третья

Надежды Вадима Андреевича справиться с болезнью, не прибегая к
помощи врачей, не оправдались. Болезнь не отступала – температура то за-
шкаливала за 39 градусов, то падала после принятия жаропонижающих таб-
леток. Вызвали на дом врача. Врач – женщина лет сорока с лишним, удачно
сохранившая свою привлекательность, смерила температуру и давление у
больного, внимательно осмотрела полость рта и сделала свое заключение:

– Острое воспаление слизистой оболочки зева, увеличение миндалин,
фолликулярная ангина.

– Какое лечение? – спросила Мария Григорьевна, находившаяся тут
же, рядом.

– Полоскание, согревающие компрессы на шею. Я выпишу рецепты
на лекарства – антибиотики, сульфаниламидные препараты.

Врач выписала несколько рецептов, объяснила Марии Григорьевне
как, сколько раз и каких таблеток принимать в день. Потом выписала
больничный лист.

– Лечитесь, дня через три придете ко мне на прием. Посмотрим, как
идет ваше выздоровление.

Она поднялась со стула и вышла из комнаты. Ее проводила Мария Григорьевна. В коридоре они между собой о чем-то переговорили, но Вадим Андреевич не расслышал суть разговора. Жена, проводив врача, вернулась в комнату.

– Как ты себя чувствуешь? – справилась она у мужа.

– Голова не болит, но когда говорю и при глотании чувствуется боль.

– Тебе надо отлежаться, – посоветовала жена. – Я сейчас схожу в аптеку и выкуплю лекарства. Когда у тебя занятия? Может, позвонить на кафедру и договориться о подмене?

– Хорошо, позвоню, – согласился Вадим Андреевич. Потом вдруг ни то в шутку, ни то всерьез заявил:

– Слушай, может мне для быстрого выздоровления использовать царский метод лечения?

– Что за метод? – заинтересовалась Мария Григорьевна.

– Метод такой. Русский царь Алексей Михайлович, когда заболел и когда у него поднималась высокая температура, чтобы ее сбить, пил холодный квас и клал на живот лед.

– И вылечивался?

– История умалчивает, насколько это ему помогало. Известно лишь, что после одного из таких сеансов он вскоре скончался.

– Ты этот метод хочешь использовать? На тот свет торопишься?

– Пошутил, – успокоил Вадим Марию.

Мария Григорьевна ушла. Вадим Андреевич решил еще немного поваляться на софе. Прикрыл глаза. Вдруг вновь замаячила картинка ночного сна. К чему это? Кажется, у Достоевского подмечено, что в болезненном состоянии сны отличаются яркостью и необычайным сходством с действительностью (1). Какая же в его сне приоткрывается для него действительность? Может, скорая смерть? Ведь звал же Веня к себе!

От этой набежавшей мысли у Вадима Андреевича похолодело на душе. Чтобы выбросить ее из головы, он резко поднялся с софы, вышел в прихожую и взял с тумбочки свежую почту. Потом вновь вернулся в комнату, сел на софу и стал просматривать газеты. Начал с «Правды». На ее первой странице были помещены несколько фотографий, посвященных событиям 7-го ноября в Москве. На одной из них выделялся четко заснятый транспарант «Прости, распятая Россия!» Затем взял «Российскую газету». Вот он, указ Президента России «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Вадим Андреевич на одном дыхании прочитал Указ. Потом стал еще раз его перечитывать, вникая в смысл каждого предложения и даже слова.

«...КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямое подчинение КПСС. Руководящие структуры КПСС осуществляли свою собственную диктатуру, создавали

за государственный счет имущественную основу для неограниченной власти» (2).

Вадим Андреевич задумался. «Да, что КПСС, в самом деле, не являлась партией чисто парламентской, было хорошо известно Ельцину, – мысленно рассуждал он. – Ее исторической миссией было создание коммунистического общества – общества, граждане которого были бы абсолютно равны в правовом, национальном, имущественном, социальном и культурном отношениях, без частной собственности, которая уже по факту своего существования делит людей на богатых и бедных. Ее руководящие органы, совместно с советскими органами, составляли вертикаль законодательной и исполнительной государственной власти, а первичные парторганизации действовали как общественные. Такая конструкция власти, дополненная общественными организациями, творческими союзами, которые разделяли социалистические идеалы, и поддерживаемая трудовыми коллективами, позволяла в целом успешно решать созидательные задачи. Наличие же у номенклатуры партбилетов удерживало их от соблазна обогатиться за счет нетрудовых доходов и от вседозволенности в общественной жизни и в быту. Все это было хорошо ведомо Ельцину. И вообще что тут преступного. Все партии, и не только коммунистические, придя к власти, чтобы выполнить данные народу обещания, по-своему организуют свою партийно-государственную деятельность».

Чем больше Вадим Андреевич вникал в содержание Указа, тем ему становилось яснее его несправедливость и политическая подоплека: ликвидировать КПСС вообще. Хорошо, что у Ельцина хватило совести не допустить шельмования «рядовых членов партии, не имеющих отношения к произволу и насилию, творимых от их имени, вводить запреты на профессии». Это несколько его успокоило, хотя общий настрой стал болезненно гадким. На него как на коммуниста, стремившегося своей повседневной работой и образом жизни нести высокие коммунистические идеалы, ложится тяжелое оскорбительное клеймо члена антинародной и даже преступной организации, что все чаще можно теперь услышать на различных митингах и просто сборищах.

Погруженный в свои размышления Вадим Андреевич не заметил, как в комнату вошла жена.

- Я выкупила все, что тебе предписала врач. Как ты себя чувствуешь?
- Изучал указ Ельцина «О деятельности КПСС и КП РСФСР».
- Тебе, большому, сейчас это надо? Указ есть, компартию разгонят!
- Мне как историку важно понять, почему это произошло. Кто он, сегодня, Ельцин: ловкий конъюнктурщик или вынужденный перевертыш?
- Тут нечего гадать: жизнь покажет, кто твой Ельцин, – попыталась успокоить Вадима Андреевича Мария Григорьевна. – А вообще он почувствовал, что Горбачев ни бе, ни ме, вот и потянуло товарища на его место.
- Не так, дорогая, все просто, как ты себе представляешь.

– Хорошо, продолжай думать. Но тебе надо вначале вылечиться, а уж потом угнетай себя политикой! А пока позвонил на кафедру, предупредил о своей болезни? – перевела разговор Мария Григорьевна в практическое русло.

– Сейчас позвоню.

Вадим Андреевич набрал телефон кафедры. Трубку поднял заведующий.

– Алло, Михаил Павлович?

– Да, Вадим Андреевич, я слушаю...

– Михаил Павлович, я приболел немного и, очевидно, не смогу провести на этой неделе занятия.

– Что у вас по расписанию?

– Лекция. Тема та же, что значится в кафедральном календарном плане.

– Хорошо, подменим или отменим, а пока поправляйтесь. В предстоящую среду – кафедра, вопросы – плановые.

Заведующий, как показалось Вадиму Андреевичу, хотел что-то еще сказать, но почему-то передумал, а лишь переспросил его, понял ли.

– Понял, Михаил Павлович, надеюсь, что до среды поправлюсь и на заседание кафедры приду.

Вадим Андреевич положил трубку

– Ну, вот, Маша, обо всем с завкафедрой договорились.

– Хорошо. Что-нибудь поешь?

– Нет. Пойду немного полежу, наверное, опять температура поднимается.

Вадим Андреевич, оставив почту на столе, перешел из гостиной комнаты в спальную. В ней было свежо. Лег в кровать, и сразу стало легче. Попытался отвлечься от всяких мыслей, чтобы уснуть, но не получилось. Эволюция Ельцина от коммуниста-ленинца в антикоммуниста никак не укладывалась в голове Вадима Андреевича. Что подтолкнуло этого любимца коммунистов и беспартийных граждан пойти на такой беспрецедентный и рискованный шаг? Ведь с запретом КПСС в стране пойдут такие неконтролируемые разрушительные процессы, от которых никому мало не покажется. Подумал ли Ельцин об этом? Был ли сделан им и его командой серьезный аналитический прогноз относительно возможных последствий ликвидации мощнейшей общественно-политической организации, объединяющей наиболее активную часть населения страны? Похоже, нет! Видимо, не нашлось в команде Ельцина политиков, обладающих даром аналитического прогноза (3). Вместо того чтобы использовать огромный потенциал КПСС в интересах проведения реформ, пошли по пути шельмования коммунистов, оплевывания всего советского, достигнутого под руководством этой партии.

Так размышляя, Вадим Андреевич провалялся в кровати до самого вечера, пока не позвала его жена вместе поужинать.

– Как, немного полегчало? – встретила на кухне мужа Мария Григорьевна.

– Кажется, да, – успокоил ее Вадим Андреевич. И чтобы снять у жены нервное напряжение, вызванное его болезнью, с напускнутой веселостью поинтересовался:

– Чем будем сегодня питаться?

– Как чем? – откликнулась Мария Григорьевна. – Гвоздь нашего ужина – жареный карп! Мне удалось купить несколько штук у гастронома, на улице. Только привезли рыбу из Рефта и народу – никого. Потом уж народ стал набегать, образуя длиннющую очередь. Так что я оказалась почти первым покупателем. Кроме карпа – картошка отварная, хлеб, чай с сахаром и лимоном.

– Где наша студентка?

– Даша уже вернулась из института, а сейчас где-то гуляет с подружкой.

– Натали звонила, что там у них дома делается?

– Звонила, чувствует себя нормально. Ярослав после работы опять поехал «бомбить».

Вадим Андреевич гордился своими дочками. Старшая – Наташа – успешно окончила госуниверситет, экономический факультет, и вышла замуж за Ярослава – выпускника УПИ. Ждут потомство, чему все рады, хотя и переживают за исход родов. Дашка, младшая дочь, учится в институте народного хозяйства, на четвертом курсе. Сейчас, да еще при такой нестабильности в стране, дочери и зять своим присутствием и своими рассудительными беседами помогают и ему, стареющему, как говорится, держаться в седле.

– Не будем дожидаться Даши, давай будем ужинать, – решила Мария Григорьевна.

У Вадима Андреевича не было абсолютно никакого аппетита. Но чтобы не расстраивать жену, он с трудом съел кусочек рыбы, пару картофелин, выпил стакан чаю.

– Ну, я пошел, – сказал Вадим Андреевич, поднимаясь со стула.

– Что так быстро, ничего не поел? – расстроившись, жена посмотрела на мужа.

– Что-то нет аппетита. Пойду в свою комнату, там посижу и что-нибудь почитаю. От лежания бока начинают болеть.

– Не засиживайся долго. С болезнью шутки плохи, можно и осложнение подхватить.

Оставив жену на кухне, Вадим Андреевич перешел в небольшую комнату, служившую ему рабочим кабинетом. Здесь имелось все необходимое для его научной и педагогической деятельности: библиотека, насчитывающая несколько сотен книг, причем не только по истории, но и по другим направлениям знаний; несколько изношенный, но вполне пригодный еще для работы письменный стол, настольная лампа, пара стульев и, конечно же, телевизор. Сама обстановка этой небольшой комнаты, ставшей за многие годы такой привычной, его настраивала на рабочий лад.

Зайдя в комнату, он машинально включил свет и принялся доставать папки из книжного шкафа. Наконец, увидел ту, которая его интересовала: «Свердловская областная парторганизация». В ней были собраны материалы о деятельности партийной организации Свердловской области в послевоенный период. Оставаясь под сильным впечатлением ельцинского указа о запрете КПСС, Вадим Андреевич решил еще раз пересмотреть все имеющиеся материалы, касающиеся деятельности Ельцина, чтобы понять, почему именно он оказался могильщиком этой старейшей партии в стране.

* * *

Восхождение Ельцина на вершины партийной и государственной власти началось с 1976 года, когда его избрали первым секретарем Свердловского обкома КПСС. До этого он был известен довольно узкому кругу людей: строителям, аппаратчикам обкома партии (он возглавлял строительный отдел), части местной интеллигенции. Возглавив областную партийную организацию и развернув активную партийно-хозяйственную деятельность, он стал быстро приобретать популярность среди не только коммунистов, но и жителей Свердловской области.

Вадима Андреевича привлекли тогда прагматичные выступления первого секретаря обкома партии по вопросам экономического и социального развития области, его стремление внедрять ленинский стиль в работе партийных организаций. Свое понимание ленинского стиля работы Ельцин изложил на XXI Свердловской областной отчетно-выборной конференции, проходившей в январе 1979 года: «Ленинский стиль – богатейшее достояние нашей партии, он формировался и развивался на основе незыблемого единства марксистской теории и практики, глубокого знания законов общественного развития, гармоничного сочетания революционного размаха с коммунистической деловитостью; впитал в себя энтузиазм и оптимизм победившего рабочего класса, многолетний опыт, мудрость и энергию партии» (4).

Ельцин добивался того, чтобы коммунисты с честью и достоинством несли это высокое звание и не роняли его; в противном случае – им не место в рядах КПСС. «...Тревожит, – отмечал он в своем отчете на XXIII областной отчетно-выборной конференции (январь, 1984 г.), – что в некоторых партийных комитетах и организациях отсутствует принципиальная требовательность к руководящим кадрам, они уходят из-под крити-

ки непосредственно в первичных организациях, что в ряде случаев приводит к безответственности и провалам в работе, злоупотреблениям и недостойному поведению руководителей». И далее он привел такие, не очень радужные данные: за три года 200 должностных лиц были исключены из членов КПСС, 1400 – получили партийные взыскания (5).

Выступления Ельцина на областных партконференциях, партийно-хозяйственных активах, на радио и разного рода встречах отличались деловитостью и в меру – критичностью. Свердловск, благодаря его стараниям, хорошел на глазах; в городе начали строить метро; прилавки промтоварных магазинов и даже продовольственных становились богаче. О Ельцине стали много говорить, распространять легенды: то он по ночам гоняет на машине по городу и наводит порядок там, где по каким-то причинам его нет; то утром, совершая спортивную пробежку, по пути заглядывает в продовольственные и овощные магазины, а потом, в обкоме партии, на внеочередном совещании работников торговли их распекает со знанием дела так, что те такую взбучку запоминают надолго; то неожиданно появляется в хлебном магазине небольшого городка области, покупает булку хлеба и просит продавца ее разрезать. Та, увидев Ельцина с хлебом и что хлеб некачественный, приходит в состояние шока. А он спокойно просит ее завернуть хлеб и со свертком направляется в местный горком партии, где на срочно созванном совещании руководителей города отчитывает их не только за плохое качество хлеба, но и слабую работу по развитию городского хозяйства и благоустройству города.

Люди, узнавая о таких действиях первого секретаря обкома партии, с удовольствием об этом рассказывали и пересказывали на работе, кухнях, застольях и просто на улице или в магазинах, при этом обязательно подчеркивая, что Ельцин – настоящий коммунист и таких бы больше, смотришь, и дела пошли в стране гораздо лучше.

Ельцин не уходил от самых острых вопросов. Вспомнилась Вадиму Андреевичу встреча первого секретаря обкома КПСС с преподавателями-обществоведами вузов Свердловска в Доме политпросвещения. Встречи руководителей области, города, а также с известными учеными страны, с работниками вузов проходили регулярно, они становились доброй традицией. На них педагоги, что называется, из первых рук получали свежую информацию о состоянии дел в области и стране, об обстановке в мире.

Ельцин нечасто бывал на таких встречах из-за большой загруженности по работе. Но если требовалось дать обществоведам какую-то оперативную информацию – находил для этого время. Вот такая его встреча и состоялась вскоре после XXVI съезда КПСС. На ней Ельцин кратко рассказал о работе съезда, поделился о нем своими впечатлениями. Потом пошли устные вопросы и записки. Одна из записок особенно задержала его внимание. Он молча ее прочитал, а потом обратился к залу: «Вот тут поступил любопытный вопрос, но задающий его почему-то не указал сво-

ей фамилии. Вопрос вот какой: Борис Николаевич! На съезде вы выступали вслед за выступлением первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова, который до неприличия славословил в адрес сидящего в президиуме Л. И. Брежнева. Почему же вы, выступая вслед за ним, никак не отреагировали на дифирамбы своего коллеги по партии?» (6).

Вопрос был задан, что называется, на засыпку. В зале установилась смертельная тишина. Все, затаив дыхание, ждали, что ответит Ельцин, который и сам не избежал славословия в адрес партии и ее генсека (7). Ельцин несколько минут молчал, видимо соображая, как лучше ответить на острый вопрос, не роняя и своего имиджа руководителя ленинского типа и в то же время не переходя грань дозволенного при оценке данного случая на съезде. А он ответил просто: «Вы знаете, я впервые был на съезде КПСС. Очень волновался. Когда предоставили слово для выступления, волнение настолько стало сильным, что, идя к трибуне, я не чувствовал под собой ног. Что там говорил Медунов, я даже толком не расслышал, больше думал, как лучше выступить самому, донести до делегатов съезда то, что заботило нашу область. Текст моего выступления был утвержден на бюро обкома».

По тому, как зал вздохнул с явным облегчением, было видно, что ответ Ельцина удовлетворил присутствующих.

В 1985 году Ельцин перешел на работу в ЦК КПСС, где возглавил строительный отдел; в июне того же года его избрали на Пленуме секретарем ЦК, а в декабре все того же года пошел еще дальше – стал первым секретарем Московского городского комитета партии. Что бы ни писал Ельцин в своей «Исповеди...» по поводу перевода его на работу в Москву (не хотел, но подчинился партийной дисциплине), для него 1985 год стал звездным и головокружительным в партийной карьере: он взметнулся к самой вершине партийной власти.

Перебирая сейчас в памяти события тех лет, Вадим Андреевич вспомнил свой разговор с московским историком в архиве истории МГК и МК КПСС. Это было в январе 1986 года. Тогда ему удалось на несколько дней вырваться в Москву, чтобы поработать в московских архивах. И вот поджидая, пока выдадут заказанные дела, Вадим Андреевич вышел из читального зала и стал прогуливаться по коридору. Вскоре в коридоре появился еще один исследователь. Разговорились. Оказалось, что он тоже историк, москвич и тоже ждет свои дела. Обмениваясь по поводу возможного упрощения выдачи дел, как-то незаметно перешли на тему предстоящего XXVII съезда КПСС.

– Как работает у вас наш Ельцин, – не дождавшись, пока собеседник сам начнет что-нибудь о нем рассказывать, поинтересовался Вадим Андреевич.

– Работает, – ответил Александр Михайлович (так звали собеседника). – Моторный человек, раскрыл ряд громких преступных дел в сфере

торговли. Говорят, что после этого ему посыпались записки с угрозами подрезать крылья перестройке.

Несколько подумав, Александр Михайлович продолжил:

– В Москве – не в Свердловске. Тут за постсталинские годы сложилась мощная партийная бюрократия, которая срослась с такой же мощной торговой мафией, и ее выкорчевать – ох, как непросто!

– Но ведь ЦК рядом! Есть на что и на кого опереться, – поделился своим соображением Вадим Андреевич.

– Оно-то так, но и там работают люди, которые давно отошли от аскетического образа жизни. Пока «варяг» Ельцин подает надежд много, но как все будет на практике дальше – как говорится, поживем – увидим! Посмотрим, что скажет съезд.

Да, в то время на предстоящий съезд возлагалось много надежд. А для Ельцина он стал очередной ступенькой на пути к вершине партийной власти – его избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Как все замечательно складывалось у Ельцина! Разве он мог думать, что уже в 1987 году споткнется на пути своей партийной карьеры. Споткнется на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

* * *

Октябрьский пленум ЦК КПСС 1987 года. Он был посвящен рассмотрению вопросов, связанных с празднованием 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. И на нем критически, не совсем в духе предстоящего праздника, выступил Ельцин. Только теперь, после запрета партии, Вадим Андреевич пришел к пониманию, что постановление пленума, признавшего выступление Ельцина «политически ошибочным» и предусмотревшего в отношении его соответствующие оргвыводы, оказалось роковым не только для Ельцина, но для самой партии (8). Если бы сразу, в той же «Правде», был помещен стенографический отчет пленума и коммунисты смогли бы ознакомиться с выступлением Ельцина именно из стенограммы, а не из распространенной фальшивки с его выступлением, то наверняка не было бы тогда столь резкого осуждения, прежде всего рядовыми коммунистами, действий ЦК в отношении Ельцина. Не было бы и его безудержной героизации как мужественного борца против партийной номенклатуры и ее привилегий, как принципиального коммуниста, борющегося за эффективную перестройку. Кто тогда забросил на кафедру эту фальшивку – Вадим Андреевич до сих пор не знает (9). Но тогда все преподаватели дружно прочли ее текст, и никто из них не усомнился в его достоверности. Все сочли выступление Ельцина справедливым и выразили сожаление по поводу не очень разумного постановления пленума. Позже, в 1989 году, по решению XIX партконференции в «Известиях ЦК КПСС» была помещена стенограмма пленума, где имелся полный текст выступления Ельцина.

Вадим Андреевич, размышляя сейчас о ельцинском восхождении к вершинам партийной и государственной власти, вновь вернулся к октябрьскому пленуму, чтобы в его материалах попытаться найти ответ: когда, где и почему любимец коммунистов и беспартийных Свердловска и области изменил своим коммунистическим идеалам, стал могильщиком КПСС. Он снова стал перечитывать и анализировать и фальшивку, и стенографический отчет выступления Ельцина, а также выступления некоторых участников пленума.

***Машинописный текст выступления Б. Ельцина
на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС
(ходивший по рукам в 1987–1988 гг.)***

«Товарищи! Как и на всех присутствующих, доклад М. С. произвел на меня большое впечатление. Тот героический путь, который наш народ прошел за 70 лет социализма, отражен в докладе со всей сложностью. Да, мы первопроходцы и этим обусловлены тяжелые и мучительные страницы нашей истории. И, наконец, прав М. С.: если мы хотим уверенно идти вперед (надо) изучать ошибки на нашем пути, чтобы никогда не повторять их. В докладе дан подробный анализ бурной, противоречивой политической жизни на нашей планете, показана ведущая и, я бы сказал, основополагающая роль нашего государства в этой жизни. И мы вправе гордиться тем благородным положительным влиянием, которое оказывает наша страна на эти события.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что мы с большим воодушевлением выслушали ту часть доклада М. С., в которой показаны суть и перспективы совершающейся в нашей стране перестройки общественной жизни. Да, трудно переоценить значение перестройки нашего общества для судеб социализма на земле. Именно сейчас решается нами вопрос: быть или не быть социалистическому обществу на земле! И именно поэтому я хотел бы остановиться на некоторых явлениях, мешающих, тормозящих, а в некоторых случаях и останавливающих ход перестройки.

М. С. предлагал отложить обсуждение этих вопросов до окончания юбилейных торжеств, но я думаю, что торжественное настроение не мешает, а поможет нам со всей ответственностью и честно рассмотреть эти вопросы и дать ленинскую оценку.

Как вы знаете, в адрес Московского горкома, да и на мое имя приходит много писем трудящихся, в которых москвичи делятся своими мыслями, надеждами, связанными с ходом перестройки. Как читаешь эту почту, праздничное настроение улетучивается.

Мне трудно объяснить рабочему заводу, почему на 70-м году его политической власти он должен стоять в очереди за сосисками, в которых больше крахмала, чем мяса, а на ваших столах, товарищи, есть балык, икорка и другие деликатесы, полученные без хлопот там, куда его и близко

не пустят. Как я должен объяснять это ветеранам ВОВ и участникам гражданской войны, которых и осталось-то, по пальцам пересчитать. Вы видели список их праздничных заказов? А мне принесли, показали. И каково мне, когда они говорят, что это обеды с барского стола! Вы понимаете, чей стол они имеют в виду. Ведь это они, не щадя жизни, завоевали и вручили нам власть. Что я могу им ответить? Может, тов. Лигачев мне подскажет? Я думаю, товарищи, что все эти, как в народе говорят, кормушки являются застойными явлениями прошлого. И с этим пора кончать. А тем, для кого всевозможные привилегии являются главными в их партийной работе и жизни, я думаю, с ними не по пути.

Не надо на меня кричать, тов. Лигачев. И поучать меня не надо. Я не мальчишка, у меня такая принципиальная позиция. И я должен сказать вам, товарищи, что трудно работать, когда вместо конкретной помощи получаешь назидание и грубые окрики. И в этой связи я вынужден просить Политбюро избавить меня от мелочной опеки Раисы Максимовны, от ее почти ежедневных звонков и нагоняев.

Товарищи, вот у меня подготовлены невеселые цифры по г. Москве в различных ведомствах, но я не буду портить праздничное настроение присутствующим, тем более большинство присутствующих их знает. Вспомните, сколько было разговоров, сколько решений принималось, численность нашей бюрократии в большинстве ведомств не снизилась, а в аграрном, например, даже возросла! Вот где вязнут большие намерения и большие замыслы. Нам надо ясно понимать, что пока мы не разгромили армию бюрократов-волокиччиков, именно армию, перестройке хода не будет. И все наши постановления и указания отброшены потоком инструкций и циркуляров.

Не улучшаются дела и в торговле. Я вам докладывал, как обстоят дела в Москве. С тех пор мало что изменилось. И те же чиновники из министерств покрывают воруя всеми силами. И, думаю, не из гуманных соображений. Нет, тов. Чебриков, есть факты. Очень много разговоров, а дело не идет. И пока за всеми этими разговорами человеку пользы нет, а «кот Васька слушает, да ест». И ему наплевать на разговоры, пока у него кормушки не отняли. Пора употребить власть. Она у нас есть. Она нам вручена народом, и если мы... не используем ее, защищая истинно народные интересы от прожорливых котов, не будет у нас и результатов перестройки.

И еще тяжелый вопрос, может быть, самый тяжелый, доставшийся нам в наследство. Это – Афганистан. Примерно треть писем, приходящих к нам, так или иначе связаны с Афганистаном. Вы все знаете результаты опроса москвичей по этому поводу французским корреспондентом. И я думаю, по этому поводу двух мнений быть не может. Надо выводить откуда войска, и как можно быстрее. Я думаю, именно этим вопросом должен заниматься тов. Шеварднадзе, а пока он занимается другими, на мой взгляд, менее важными делами, и его месяцами в стране не бывает.

В конце своего выступления, товарищи, я хочу выразить глубокую убежденность в том, что сегодняшние трудности – это стартовые трудности переходного периода, партийная организация, опираясь на всех настоящих коммунистов города и всех москвичей-патриотов, сделает все, чтобы этот болезненный период как можно быстрее завершился победой перестройки, идеей обновления социалистического общества».

***Стенографический текст выступления Б. Ельцина
на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС***

«Доклады, и сегодняшний, и на 70-летие, проекты докладов обсуждались на Политбюро, и с учетом того, что я тоже вносил свои предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за это некоторое время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашаюсь с тем, что сейчас очень трудности большие в перестройке и на каждого из нас ложится большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде нужно было перестраивать работу именно партийных комитетов партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском Пленуме Центрального Комитета партии.

Я должен сказать, что после этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного духа, такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, надо, прежде всего, делать нам выводы на сегодняшний день. Надо, прежде всего, делать выводы в завтрашнее. Что нам делать? Как исправлять, как не допускать то, что было? А ведь тогда дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки, за 2–3 года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять 2–3 года, – это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сна-

чала был сильнейший энтузиазм – подъем. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит. Конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном этих всех документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально ничего за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже если сейчас очень сильно – а это необходимо – революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. И мы через два года перед людьми можем оказаться, ну я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше – он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшить ли институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того, как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. За это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит линии партии, и решениям съезда, и тем призывам, которые у нас друг к другу есть.

Я думаю, что еще один вопрос. Он непростой, но здесь Пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, то, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, – тяжелые уроки. Были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит – у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза, это – да, это нужно. А не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять

может стать «нормой». Мы этого допустить просто не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то определенным уже, недопустимым, так сказать, перекосам, но, тем не менее, первые какие-то штришки вот такого отношения есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее. (Пауза).

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанности кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии».

Стенографический текст своего выступления на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС Ельцин полностью воспроизвел в своей книге «Исповедь на заданную тему», признав тем самым его своим (10).

Из выступлений некоторых участников пленума

Е. Лигачев – член ЦК КПСС, секретарь ЦК, член Политбюро:

«... Прежде всего со всей ответственностью хочу подтвердить, о чем неоднократно заявлял в кругу своих товарищей и на Политбюро, и на Секретариате, что в моей работе и работе Секретариата действительно есть над чем подумать и что надо улучшать... Но вместе с тем я категорически отрицаю заявление товарища Ельцина, которое он сделал еще тогда, на предыдущем Пленуме, о том, что Секретариат... посылает людей, для того, чтобы собирать негативные материалы в партийных организациях.

... Я думаю, что ни на гран не преувеличу, если скажу: товарищ Ельцин фактически не принимает участие в работе Политбюро...

... О том, что был сильнейший подъем в народе, а теперь стала падать вера у людей, я считаю, это принципиально неправильно... Я всей душой чувствую, как член ЦК, что нас народ поддерживает... У нас есть все возможности для того, чтобы одержать успех... Если мы, конечно, не заговорим нашу перестройку, тогда мы не закопаем ее, а мы с вами не гробовщики, а первопроходцы. И я глубоко уверен, что партия одержит, несомненно, победу».

С. Шалаев – член ЦК КПСС, председатель ВЦСПС:

«... Для меня непонятно выступление Бориса Николаевича Ельцина еще по одной причине. Я думаю, если у него бывают какие-то отдельные замечания по работе тех или иных товарищей, то у него, как кандидата в члены Политбюро, было много возможностей встретиться, высказать эти

замечания, обсудить по-товарищески эти замечания, а не выносить сразу на суд Центрального Комитета партии...

И сейчас, в общем, нужны не амбиции, а от каждого из нас нужна очень и очень самоотверженная работа...».

Ф. Моргунов – член ЦК КПСС, первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины:

«Заявления, высказывания, мотивы товарища Ельцина – я на это смотрю как на явление не просто нормальное, а особенно нормальное. И оно есть результат той перестройки и демократизации, которая идет в партии по инициативе Политбюро. И это стало возможным, потому что каждый не только волен, а и может сказать то, что думает. Это по форме.

Что касается сути, то это другой вопрос. Перестройка – дело необыкновенно крупное, и если мы будем на местах уходить от требований Политбюро, от дисциплины и порядка, а прикрываться дома только хорошими речами, то мы перестройку подорвем...

ЦК КПСС, Политбюро, Секретариат очень правильно предъявляют претензии всем нам, и это мы на местах чувствуем, дисциплину, ответственность и порядок, желание Политбюро мобилизовать всех нас. Это, конечно, в какой-то мере достается и Московской городской партийной организации и, наверное, лично товарищу Ельцину. Вместо того, чтобы принять это как следует и в перестройку включиться на всю мощь, вот, по сути, Ваше заявление, товарищ Ельцин, – это заявление слабака, на которого в руководящих органах станет меньше...».

Н. Рыжков – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР:

«... Товарищ Ельцин и я – из одного города. Я знал его много лет, еще когда он не был секретарем обкома. Почему же это произошло сегодня? Думаю, что это не случайность... На мой взгляд, как только перешел он в Московскую партийную организацию, у него начал развиваться политический нигилизм... Стало нравиться, что его начали цитировать за границей всякие радиоголоса – что сказал Ельцин. Всякие публикации – что там сказал Ельцин. Начали цитировать кругом... По-видимому, товарищу Ельцину очень сильно понравилось это.

На мой взгляд, вот это и привело к тому, что у него развились непомерные амбиции просто-напросто...

Вот он сегодня и высказал все на этой трибуне. Я убежден, что мнение его абсолютно неправильное...».

А. Яковлев – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС:

«... Вероятно, Борису Николаевичу кажется, что он высказался здесь, на Пленуме, смело и принципиально. На самом деле, на мой взгляд, ни то, ни другое.

А если это так, то выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что он исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки тех принципиальных позиций, которые занимают Политбюро, Секретариат Центрального Комитета, из неверной оценки того, что на самом деле происходит в стране.

Разумеется, право каждого коммуниста... выступать на любом партийном форуме с любыми вопросами. Это правильно. Но гораздо важнее не это право, но то, ради чего осуществляется это право. Несомненно, в работе Секретариата есть недостатки. Но лучше не мне как члену этого Секретариата судить о его работе. Здесь на эту тему было много сказано. Добавлю лишь, пожалуй, что на Секретариате идут и споры, и дискуссии, иногда очень горячие... Это и есть выражение новой политической обстановки, за которую надо драться, но драться делом, а не демагогическими притязаниями на истину. Это говорит скорее о единстве и доверии, нежели о чем-то другом, о разладе или еще о чем-то.

Никто из нас, конечно, не ангел, это верно. Но ведь и Борис Николаевич, по-моему, происходит не из этого сословия.

Верно, что перестройка – дело трудное, и как однажды, а вернее не однажды, говорил Генеральный секретарь, никто и не присягал, что все делается правильно, что все тут истинное. Партия ищет, Политбюро ищет, Секретариат ищет. И первым делом, в том числе и прежде всего, первый секретарь Московского городского комитета партии должен вместе с партией искать и находить новые решения, а не то, что здесь сейчас происходит.

Борис Николаевич, на мой взгляд, перепутал большое дело, которое творится в стране, с мелкими своими обидами и капризами, что для политика, на мой взгляд, совершенно недопустимо, особенно когда он занимает такой высокий пост и партия ему доверила такое дело. Это, конечно, очень печально, что один из руководителей впал в элементарную панику. Такой, я бы сказал, произошел мелкобуржуазный выброс настроений, которые имеют место в обществе. Но приходится только сожалеть и недоумевать, что глашатаем этих настроений мелкобуржуазного свойства явился руководитель Московской организации...

Конечно, у него сыграло свою роль и личное. Как здесь уже говорилось, это – упоение псевдореволюционной фразой, упоение собственной личностью. Это всегда застилает глаза политикам...

В конечном счете здесь у нас прозвучало, к большому сожалению, самое откровенное капитулянтство перед трудностями, с которыми человек встретился, самое откровенное выражение того состояния, когда человек решил поставить свои амбиции, личный характер, личные капризы выше партийных, общественных дел».

Э. Шеварднадзе – член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР:

«Я согласен с товарищами, которые до меня выступали... Я бы не стал драматизировать выступление товарища Ельцина, но и не стал бы упрощать. Потому что мы находимся на сложнейшем этапе развития, и Центральный Комитет, Политбюро еще не все сказали, с какими трудностями предстоит столкнуться. Это и финансы, и наш бюджет, и многое другое.

... Мне, выполняя волю партии и Политбюро, иногда часами приходится разговаривать с зарубежными деятелями – президентами, премьер-министрами, министрами иностранных дел и т. д. И первый вопрос, главнейший вопрос, который они задают во время этих бесед, – о перестройке. Что происходит в Советском Союзе? Что в Политбюро, есть ли оппозиция? Какие силы? Какая расстановка? Часами допрашивают в буквальном смысле слова – и в Соединенных Штатах, и в Латинской Америке, и в Австралии... Все, в том числе и наши друзья, спрашивают: какова оценка пройденного пути?

Мы находимся на самом серьезном этапе... Я не хотел употреблять это слово, может быть, в моем выступлении многовато эмоциональности, но в какой-то степени сейчас это предательство перед партией. Может быть, я резковато сказал, но по-другому не могу. Люди ночами не спят и думают о том, соответствуют ли они занимаемым должностям на нынешнем переломном этапе...

Я думаю, что это не простое заявление и не простое выступление. Но Вам не удастся столкнуться Центральный Комитет с Московской городской партийной организацией. Нет, не удастся...

Вы хотите нам навязать другой стиль, критикуя стиль нынешний, который сформировался в муках и трудностях. Это стиль действительно творческий, коллективный, действительно ленинский. Но Вам не удастся навязать нам другой стиль. Не пройдет это у Вас! Мы не отступим от взятого курса, потому что поверили в него, и будем верить до конца. Потому что другого пути нет. Перед социализмом стоит проблема выживания, и это не мои слова, это то, что говорилось Генеральным секретарем от имени Политбюро Центрального Комитета нашей партии. Я согласен с товарищами, которые говорят, что это клевета на Политбюро. Клевета на Секретариат Центрального Комитета партии.

Как и всем другим, мне трудно говорить, но я охарактеризовал бы это выступление Бориса Николаевича как совершенно безответственное выступление. Как безответственность перед народом, перед своей партийной организацией, от имени которой он выступал с этой трибуны».

В. Затворницкий – член ЦК КПСС, бригадир комплексной бригады треста «Мосстрой» номер 1 Главмосстроя:

«... Как мы Вас уважаем, Борис Николаевич! Мы с Хрущевым, например, в полтора раза быстрее справились. А тут вот такая демократия – мы Вам все внушаем, внушаем. Так можно довнушаться, и вообще Вы забудете, о чем разговор – критикуют Вас или хвалят. Вы же шли к такой трибуне и споткнулись. Тут же Политбюро. Вы сами кандидат в члены Политбюро и спотыкались специально, чтобы зацепить товарищей. Видимо, Вы хотели все-таки прорваться в члены Политбюро. Это мое мнение личное.

Я Вас очень уважал, Борис Николаевич, и сейчас уважаю, но мне жаль, что Вы так здорово политически подвихнулись сегодня».

М. Горбачев:

«– Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК. Они тебе много сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение.

Б. Ельцин:

– Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, – это ошибка.

М. Горбачев:

– У тебя хватит сил дальше вести дело?

Б. Ельцин:

– Я сказал, что подвел Центральный Комитет партии, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро соответственно и от руководства Московской городской партийной организации» (11).

Перечитывая материалы пленума ЦК КПСС, Вадим Андреевич, конечно, знал, что сегодня нет ни того Политбюро, ни того Секретариата и ЦК, а КПСС – под запретом. Приходилось с горечью сознавать, как за последние четыре года Политбюро, штаб перестройки, не выдерживая яростного шельмования СМИ КПСС и ее историю, сдавал одну позицию за другой, а потом – и власть. Он до сих пор не мог понять, почему у тогдашних критиков Ельцина не нашлось ни умения, ни смелости обуздать газетно-телевизионную травлю партии, ее известных деятелей, рядовых коммунистов, использовать гласность в интересах обновления социализма; почему многие из руководства КПСС отказались от социалистических ценностей и капитулировали перед антикоммунистическими, антисоветскими силами, возвращенными гласностью.

Тот октябрьский пленум ЦК КПСС был предпраздничный, обнадеживающий. И выступления Ельцина и участников пленума были выступле-

ниями еще коммунистов, обеспокоенных растущими проблемами перестройки, недостатками в работе партийных организаций, необходимостью реформирования КПСС, сохранением единства ее рядов и единства действий руководящих органов партии. Критическое выступление Ельцина обошлось без резких выпадов против Лигачева, Шеварднадзе, Чебрикова, Р. Горбачевой, что имело место в фальшивке, хотя он довольно резко высказался по поводу недостатков в работе Секретариата во главе с Лигачевым и славословий в адрес генсека, идущих со стороны некоторых членов Политбюро и ЦК. Выступавшие единодушно осудили выступление Ельцина как несвоевременное и безответственное в условиях начавшейся подготовки к празднованию 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Говорили об особом, неадекватном его характере, о политической незрелости, нигилизме, неверной его оценке обстановки в стране; о том, что не выдержал трудностей перестройки и т. д. Исключением стало, пожалуй, выступление Затворницкого, заявившего по-рабочему, открыто о стремлении Ельцина «прорваться в члены Политбюро». И он оказался прав: Ельцин, спустя некоторое время, перевел внутривнутрипартийную дискуссию в русло политической борьбы за власть. Да, споткнулся Ельцин на том пленуме, но споткнулся на своем вопросе, вопросе о его освобождении от занимаемых партийных постов. Это было воспринято участниками пленума в конечном счете как его капитуляция перед трудностями. Почему он это сделал? Вряд ли по недомыслию! Скорее всего, выходя на предпраздничную трибуну пленума, он вовсе не исключал того, чтобы лишний раз засветиться перед участниками пленума в роли позиционирующего с претензией на лидерство в КПСС, потеснив с этой позиции Горбачева, а потом сменив его на посту генсека.

Уловил ли это тогда Горбачев, слушая то спонтанное выступление Ельцина?

Возможно, да, но слишком был уверен в непоколебимости своего положения как генсека.

Вадим Андреевич не первый раз задавал себе вопрос: если бы Ельцин тогда на октябрьском пленуме не освободили по его просьбе от занимаемых должностей кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК КПСС и он смог бы продолжить их исполнение с присущей ему напористостью, то могло бы случиться так, что на одном из пленумов его избрали бы генсеком? Вопрос, конечно, риторический, хотя и не беспочвенный. Многие в руководстве КПСС, не говоря уже о рядовых коммунистах и беспартийных, устали от «новомышленца» Горбачева, много говорившего о перестройке, но не сумевшего организовать ее выполнение, как она замыслилась первоначально. В этих условиях вполне могли бы избрать генсеком авторитетного в партии и народе Ельцина. Если бы это случилось, то наверняка новому генсеку удалось бы преодолеть фракционность в партии и в ее руководстве и обеспечить, опираясь на мощную поддержку

коммунистов, реформирование страны, пусть даже на путях конвергенции, как это предлагал академик Сахаров. Но этого не случилось, да и не могло случиться, поскольку сам Ельцин, настаивая на своем освобождении с ответственных постов, оказался не у дел.

На октябрьском пленуме 1987 г. Ельцин споткнулся на пути своей партийной карьеры, однако он оставался все же коммунистом и более того – членом ЦК КПСС. Если это так, то когда же он встал все-таки на антикоммунистическую тропу? Может, прав Роман, утверждавший на поминках Вени Вепрева, что Ельцин великолепно по жизни играл роль праведного коммуниста, а на самом деле был до мозга костей карьеристом, а не коммунистом? Но так ли это все было просто в действительности?

До запрета КПСС Вадим Андреевич оставался горячим поклонником Ельцина, называя себя ельцинистом. И если бы раньше кто-то сказал о карьеристских устремлениях Ельцина, он нашелся бы что ответить в защиту своего кумира. А сейчас? Пожалуй, и сейчас, когда Ельцин стал антикоммунистом, невозможно, однако, однозначно признать подобное утверждение.

Вадим Андреевич стал перебирать в памяти события, следовавшие после пленума, и участие в них Ельцина. Итак, после освобождения от занимаемых должностей кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК КПСС его направили работать в Госстрой СССР заместителем председателя в ранге министра. Так Горбачев пытался освободиться от своего конкурента, отстранив его от партийно-политической деятельности. Ельцин, казалось бы, должен смириться, получив такую высокую должность, как инженер-строитель по образованию. К тому же он оставался членом ЦК и депутатом Верховного Совета СССР. Казалось, трудись и радуйся жизни. Замечательный карьерный рост! Но карьера министра его не устраивала. Почему? Видимо, хотелось как крупному партийному руководителю и дальше заниматься перестройкой, продолжить карьерный рост именно по партийной линии? Или его, коммуниста, давила допущенная по отношению к нему несправедливость со стороны высшей партноменклатуры, и он жаждал реванша над обидчиками?

На эти вопросы Вадим Андреевич и теперь, когда, казалось, СМИ, используя свободу слова, все выкладывали наизнанку о каждой более-менее известной личности, даже в этих условиях на них он не мог себе ответить.

Ельцина-министра поддерживали друзья, оппозиция, письма, которые он получал в избытке от своих сторонников. Он полнокровно занимался партийно-политической деятельностью, надеялся добиться отмены решения октябрьского пленума 1987 года на предстоящей XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С трудом пробившись на нее и выступив, он обрушился с критикой в адрес Политбюро, партноменклатуры, обвиняя их в зажиме внутрипартийной демократии, доведении страны до кризисного состояния (12).

Вадим Андреевич взял с книжной полки стенографический отчет конференции, бегло просмотрел ельцинское выступление и задержался на просьбе Ельцина о его реабилитации:

«...И в выступлениях на конференции, и в моем выступлении полностью нашли отражение вопросы, высказанные мною на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решения Пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенность людям» (13).

Но конференция не удовлетворила просьбу Ельцина. Горбачев, председательствующий, даже не поставил вопрос на голосование об отмене постановления октябрьского пленума 1987 года, которое так угнетало его конкурента.

XIX-я партконференция... Ее результаты и историческое значение для судеб страны еще предстоит оценить ученым. Но то, что она даже не попыталась погасить конфликт между двумя влиятельными деятелями КПСС и тем самым остановить ползучий раскол партии, – это грубейшая ошибка конференции, которая ускорила процесс падения многомиллионной общественно-политической организации, объединявшей в своих рядах наиболее активную часть советского общества. Вряд ли являлось оправданным и решение партконференции пойти на реформирование политической системы, оставив в подвешенном состоянии экономику, что привело к пустым полкам в магазинах, недовольству населения исчезновением товаров первой необходимости и как результат – падению авторитета КПСС в обществе.

После XIX-й партконференции обиженный и мстительный Ельцин, пользуясь растущим авторитетом среди населения и оппозиции, буквально ополчился против партноменклатуры, включая Политбюро и генсека, за провал перестройки, торможение процесса демократизации партии и другие беды в стране. В своих публичных выступлениях на первых порах он не направлял открыто острие своей критики непосредственно в адрес Горбачева, хотя всем было понятно, что прежде всего именно генсек имелся в виду.

Припомнилась Вадиму Андреевичу встреча Ельцина с представителями общественных организаций и трудовых коллективов Свердловска, выдвинувших его кандидатом в народные депутаты СССР. Она проходила 22 февраля 1989 года во Дворце культуры «Урал». Он излагал свою программу действий в случае избрания его депутатом. Но вот его спросили: как он относится к Горбачеву, последовал следующий ответ: «Кто-то начинает меня выставлять альтернативой Горбачеву. Это не так, ни в коем случае! В стратегических вопросах внешней, внутренней политики я полностью поддерживаю товарища Горбачева и не собираюсь ни в коем случае противопоставлять себя ему» (14). Тогда это, без всякого сомнения, было сказано еще коммунистом Ельциным. А спустя два года Председа-

тель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин заявил совсем по-другому в телеинтервью: «Я предупреждал в 1987 году, что у Горбачева есть в характере стремление к абсолютной личной власти. Он все это уже сделал и подвел страну к диктатуре, красиво называя это президентским правлением. Я отмежевываюсь от позиции и политики Президента, выступаю за его отставку, передачу власти коллективному органу – Совету Федерации» (15). Это заявление им было сделано в феврале 1991 года после того, когда в 1990 году, на XXVIII съезде КПСС, он выбросил свой партбилет коммуниста, спровоцировав тем самым массовый выход из КПСС ее членов и кандидатов (16). Выходит, с февраля 1989 г. к июлю 1990 г., т. е. к XXVIII съезду партии, Ельцин сдал свои коммунистические позиции, стал антикоммунистом. Что подтолкнуло его на столь радикальный шаг?

Вадим Андреевич задумался, пытаясь восстановить в памяти наиболее значимые в 1989–1991 гг. события, которые толкнули Ельцина в объятия антикоммунистической оппозиции. Первое, что пришло в голову, – это шумный первый съезд народных депутатов СССР, проходивший в мае-июне 1989 года, и создание Межрегиональной оппозиционной депутатской группы, в состав которой на правах сопредседателя вошел Ельцин. Эта же группа на своем съезде в декабре 1989 года потребовала отмены 6-й статьи Конституции СССР, провозглашавшей КПСС «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» (17). Под давлением МДГ февральский Пленум ЦК КПСС 1990 года принял решение об отмене 6-й статьи Конституции СССР. В марте 1990 года третий внеочередной съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции СССР, и КПСС оказалась безвластной оппозиционной партией. Так бесславно из-за несостоятельности и предательства правящей верхушки КПСС завершилось более чем 70-летнее правление марксистско-ленинской партии, стремившейся построить в Советском Союзе коммунизм – самое справедливое бесклассовое и благополучное общество на земле.

После отстранения КПСС от власти для антикоммуниста Ельцина открылись новые возможности в покорении властных вершин. При мощной поддержке своих новых сторонников – антикоммунистической и антисоветской оппозиции – ему удалось на первом съезде народных депутатов РСФСР, проходившем в мае-июне 1990 года, избраться председателем Верховного Совета РСФСР. Правда, избраться на эту высокую должность помог депутат Алексей Казанник, уступив ему свое место в Верховном Совете. 12 июня 1991 года Ельцин был избран всенародным голосованием первым Президентом России.

Став президентом, а это была, по признанию Ельцина, диктаторская власть (в диктаторстве он ранее обвинил Горбачева, ставшего Президентом СССР), Ельцин с присущей ему решительностью пошел на разгром не только партноменклатуры, которая несколько последних лет его прессинговала,

но и всей КПСС. Спустя каких-то два с лишним месяца после восшествия на президентский трон, в августе, он принял указы «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» (18). С каким же самодовольством победителя он подписал один из этих указов на глазах ликующих депутатов-неолибералов российского парламента и униженного Горбачева, еще недавно всесильного генсека, а теперь бессильного Президента СССР. Это происходило 25 августа 1991 года во время встречи Горбачева с депутатами Верховного Совета России. Вадим Андреевич, как и миллионы телезрителей, наблюдал за этим телесюжетом позора, отчего становилось горестно и обидно, что это происходило в стране, демонстрировавшей недавно всему миру свое величие. Вечером того же дня Горбачев заявил по радио, что слагает с себя полномочия генсека КПСС и рекомендовал ЦК КПСС самораспуститься. А Ельцин, не теряя времени, добил партию своим третьим указом от 6 ноября «О деятельности КПСС и КП РСФСР».

Вот так коммунист-ленинец Ельцин расправился со своей партией, которая подняла его к властным вершинам в стране. Сделать из него антикоммуниста помогли, в том числе, ЦК, Политбюро во главе с Генеральным секретарем М. Горбачевым, посеявшие в КПСС «разброд и шатания» своей неумелой перестройкой и необдуманной поддержкой либеральных СМИ, чернивших прошлое и настоящее родной партии.

Было далеко за полночь, когда Вадим Андреевич, наконец, оторвался от чтения документов и материалов, размышлений по поводу трагедии КПСС и роли в ней Ельцина. Становилось гадко и тревожно на душе. Что можно дальше ожидать от Ельцина? Даст ли он добра на люстрацию обществоведов и, особенно, историков КПСС? С беспокойными чувствами Вадим Андреевич подошел к окну. Во дворе было непривычно темно. Фонари, обычно освещавшие его в вечернее и ночное время, не светились. И никто теперь не знал, когда они загорятся, вновь освещая дорогу людям.

Глава четвертая

Подходя к общежитию, в котором предстояло жить неизвестно сколько времени, Вадим почувствовал щемящую грусть по только что оставленному родительскому дому, по матери, братьям, отчиму. И одновременно подспудно его охватывало волнение от предстоящей встречи с жильцами по комнате и от того, как вообще будут складываться отношения с молодыми рабочими, проживающими в общежитии. Конечно, армия Вадима многому научила, включая совместному проживанию в казарме с такими же, как он, молодыми парнями, очень разными и по характеру, и по темпераменту, и по уровню интеллекта, и по пониманию жизненных ценностей. Но то было в армии со своей армейской дисциплиной и своими порядками. А здесь, на гражданке – совсем другое, непонятное, и от того – волнительное.

Вот с такими чувствами и волнением Вадим перешагнул порог общежития. Его встретила дежурная. Она узнала в нем нового жильца и поэтому без всяких расспросов пропустила, предупредив лишь, что комната его открыта, дома Виктор.

Вадим подошел к своей комнате и остановился у двери. На всякий случай решил постучать. Раздался негромкий голос:

– Заходите! Открыто!

Вадим зашел в комнату.

– О, привет, приехал! – встретил его Виктор, – Ты знаешь, мы тут тебя потеряли! Сегодня с утра приходили Игорь Мурашов и Николай Христенко. Интересовались, когда приедешь.

Поздоровавшись с Виктором, Вадим опустил на пол свою дорожную сумку и стал раздеваться. Попутно спросил:

– А где же Володя и Алексей?

С ними, как и с Виктором, Вадим познакомился накоротке – торопился поехать домой – и, естественно, ничего о них не знал. Но сейчас он поинтересовался этими жильцами комнаты скорее ради приличия и чтобы поддержать разговор с Виктором.

– Володя еще не вернулся от родителей – они где-то живут в центре города. А Алексей ушел к друзьям, – Виктор бросил взгляд в сторону и вдруг предложил:

– Давай-ка быстрее раздевайся, приводи себя в порядок после дороги и вместе почаем.

От этих слов Виктора у Вадима потеплело на душе, волнение спало.

– Хорошо, – согласился он, – я мигом, по-солдатски, приберусь и буду готов к чаепитию.

И Вадим быстро, не мешкая, снял куртку с плеч и повесил ее в шифоньер и также поступил с пиджаком; наверх шифоньера положил шапку-ушанку; солдатские сапоги сменил на шлепанцы, прихваченные из дома; переместившись к своей кровати, переоделся в трико.

А Виктор тем временем сходил в комнату дежурной за кипятком и принес его в графине. Затем, не торопясь, достал из своей тумбочки заварку и большую кружку и заварил в ней чай, потом наполнил им пару стаканов, находившихся тут же, на столе.

– Чай готов! – воскликнул Виктор с нескрываемым удовольствием.

– А мне потребуется еще минут пять – надо умыться с дороги, привести себя в порядок.

Вадим взял полотенце и вышел из комнаты. Ему не потребовалось много времени, чтобы, побывав в туалетной комнате и приняв необходимые процедуры, снять дорожную усталость, взбодриться. В приподнятом настроении он поспешил в свою комнату, готов был войти в нее, но воздержался. Его остановил доносившийся из комнаты разговор. Разговаривали на повышенных тонах двое, и не очень понятно, о чем. Прислушался.

– Витек, прошу по-человечески: займи столик¹, – уловил чей-то незнакомый голос Вадим.

– Борис, я же тебе русским языком объясняю: нет у меня денег, понятно!

Это был голос Виктора.

– Жмот, по-доброму прошу: выручи! С полочки весь долг верну.

Наступила пауза, которая сменилась скрипом сдвигаемого стола.

– Отстань! – раздался резкий голос Виктора.

Вадим не выдержал, решительно открыл дверь и вошел в комнату. И увидел возмутившую его картину: какой-то здоровяк держал Виктора за грудь и тряс его.

– Что за шум, в чем дело? – подал он свой голос.

Здоровяк оглянулся и, увидев Вадима, отпустил Виктора.

– А ты кто? – уставился он на Вадима. На какое-то мгновение глаза их встретились: одни раскаленные, злые, стреляющие, а другие – спокойные, смелые и решительные.

– А это не имеет значения, – как можно спокойнее ответил Вадим. – Зашел в комнату – веди себя как положено гостю, а иначе, как говорится, вон – бог, а вот – порог!

Вадим открыл дверь комнаты, а сам отошел в сторону, давая понять здоровяку, что разговор с ним окончен. Медленно передвигаясь к выходу, тот гневно бросил в адрес Вадима:

– Л-а-дно, с тобой мы разберемся!

Когда здоровяк вышел, сильно хлопнув дверью, в комнате стало тихо. Виктор молчал. Вадим также не сразу нашелся с чего начать разговор. От такой встречи с незнакомым ему человеком на душе остался какой-то неприятный осадок. Угроза его, конечно же, не испугала: служба в ВДВ воспитала в нем смелость и обучила кое-каким приемам самбо. Он мог при необходимости постоять не только за себя, но, если потребуется, и за других. Но как-то становилось нехорошо начинать жизнь на гражданке вот так, с угроз, благо, что не дошло до кулаков. К чему все это может привести?

Первым нарушил эту неприятную тишину Виктор. Он отошел от стола к окну, потом опять к нему вернулся.

– Не обращай, Вадим, внимания на этот эпизод. Тимченко Борис храбрый только пьяный, готов покуражиться. А трезвый – нормальный человек.

– Да мне что! Пожелает со мной разобраться – ну что же, разберемся. Почему он с тобой так нагло повел?

– Борис работает электросварщиком, кстати, в том же цехе, в котором и ты будешь работать. Зарабатывает прилично, но выпивоха еще тот: любит в ресторане посидеть, выпить с друзьями перед танцами, по праздни-

---

¹ 100 рублей до денежной реформы 1961 года.

кам. Перед получкой и авансом у него всегда денег нет. Вот и занимает. Добро, если бы на жратву, а не на очередную пьянку. Я ему несколько раз занимал, он до сих пор со мной не рассчитался полностью. А теперь пришел просить денег – друга встретил и надо, видишь ли, его угостить. Борису я не раз говорил, что на выпивку денег я не занимаю. Сам этим не увлекаюсь и других не поддерживаю.

Виктор смолк. Похоже, ему не хотелось продолжать разговор на эту тему.

– Понятно, – откликнулся Вадим и, чтобы не вынуждать Виктора к каким-то дальнейшим объяснениям, предложил:

– Садимся за стол, чай остывает!

– Да, конечно, – оживился Виктор. Он быстро достал из своей тумбочки сахар, печенье.

Вадим тут же выложил из дорожной сумки на стол положенные материю ему в дорогу кусок отваренного мяса, несколько круто сваренных яиц, краюху хлеба, баночку смородинового варенья. Порезав на ломтики мясо и хлеб, Вадим пригласил Виктора отведать домашней снеди.

– Угощайся, Витя, это мне мама в дорогу собрала. Но в поезде я как-то не собрался поесть.

– Спасибо! И ты не стесняйся, бери сахар, печенье.

За едой и чаем разговорились. Вадим, не вдаваясь в подробности, рассказал о своей армейской службе, о неудачной попытке поступления в Челябинский политехнический институт, о мытарствах с устройством на работу в Свердловске из-за отсутствия на предприятиях, куда обращался, общежитий. Но, в конце концов, повезло: приняли на Уралхиммашзавод с предоставлением места в общежитии и городской пропиской.

Виктор внимательно, не перебивая, слушал Вадима, а потом и сам немного поведал о себе. Окончил машиностроительный техникум и вот уже три года работает в отделе главного технолога завода, пока по работе претензий нет. Планирует поступить на заочное отделение УПИ – здесь, при заводе, имеется Учебно-консультационный пункт этого института. В армии не служил из-за плоскостопия. Родом из Калининской области.

Слушая Виктора, Вадим все больше проникался уважением и доверием к этому парню, молодому специалисту, которого всего пару часов назад знал только по имени и он был ему совершенно чужой, а теперь становится не просто знакомым, а близким человеком по совместному проживанию в одной комнате заводского общежития.

Как долго продолжалась бы неторопливая беседа – трудно сказать. Вообще Вадима это устраивало – он надеялся дожидаться Володю и Алексея и с ними познакомиться за чаепитием. Но время шло, а они не появлялись. Первым спохватился Виктор:

– Слушай, Вадим, время подошло ко сну. Мы все, кто в первой смене работает, поднимаемся рано – в половине седьмого. Надо ведь собраться,

что-то пожевать и вовремя прийти на рабочее место. Так что быстрее убираем все со стола и, айда, спать!

Уже лежа в чистой постели, Вадим поинтересовался у Виктора:

– А где же все-таки Алеша с Володей?

– Где Алексей – не знаю, а Володя наверняка на работу поедет из города, прямо от родителей, – ответил Виктор, погасив свет и укладываясь в кровать.

Вадим не мог сразу уснуть – разные мысли переполняли его голову: то только что прошедшая и успокоившая его беседа с Виктором; то напутственные, с нескрываемой печалью слова матери: «Может, ты и прав, что уезжаешь, хотя мне тяжело с тобой расставаться. Мне было бы спокойнее, если бы ты находился рядом, здесь семьей обзавелся. Ну, коли решил уехать – поезжай, сынок! Может, лучше, чем мы, устроишься в жизни. Мир не без добрых людей, старайся с ними водить дружбу, и они к тебе будут благосклонны. Не забывай нас, чаще пиши и домой навещайся. Мы всегда будем рады тебя встретить»; то предстоящий завтра первый рабочий день на заводе. Уже засыпая, Вадим вспомнил рассказ матери о его родном отце Андрее. Почему она только теперь решила так подробно рассказать о своем первом муже? Может, потому, что его, отслужившего три года в армии, посчитала вполне взрослым человеком, который может понять и оценить ее долгое молчание. «Как только окажусь в Белоруссии, в родной деревне, обязательно схожу на могилу отца и поклонюсь ему»...

Виктор проснулся первым.

– Вставай, друг, вставай! Работа ждет! – стал он поднимать Вадима.

Вадим вскочил, быстро, по-солдатски, оделся, сходил в туалет, заправил кровать и был готов отправиться на работу.

– Давай, попьем чайку, – предложил Виктор. – Вообще, можно в заводскую столовую зайти – она работает с семи утра. Многие так и делают, но я предпочитаю дома утром ограничиться чаем – есть сразу, после сна, не хочется. А уж в обед можно поесть, как говорится, под завязку.

– Слушай, а почему ты Алексея не будишь? – поинтересовался Вадим, осторожно прихлебывая из стакана горячий чай. Он только сейчас обратил внимание, что один из заявившихся ночью жильцов продолжал преспокойно спать.

– А ему во вторую смену, вот и отсыпается, – пояснил Виктор.

* * *

Вадим и Виктор быстро шли по полуосвещенной улице и вскоре влились в людской поток, устремленный в проходную завода. Для Вадима, знавшего о заводах и заводской жизни лишь по книгам, все тут теперь было впервые и необычно: рабочие и служащие, кто торопливо, а кто медленно шагавшие по небольшой предзаводской площади; музыка, раздающаяся из динамиков, закрепленных прямо над проходной, и наполнявшая

душу каким-то особым, трепетным волнением. Он шел к проходной завода в огромной толпе рабочих, и ему хотелось в полный голос, что есть силы крикнуть: смотрите, рабочие, я – с вами, я тоже – рабочий! Пройдя проходную, Виктор оставил Вадима, и теперь он один направился в свой цех.

* * *

У знакомой уже огромной круглой плиты, где находилось рабочее место Вадима, встретил бригадир Иван Никифорович Воронов. Взаимно друг друга поприветствовав, бригадир тут же распорядился:

– Сходи к завхозу и получи у него рабочую одежду, ботинки, вачеги, защитные очки, а потом пойди в душевую и переоденься в робу. Там дадут тебе место для повседневной и рабочей одежды.

– Дядя Ваня, я провожу Вадима к завхозу и в душевую, а то он не знает, где она находится, – предложил свои услуги подошедший Игорь.

– Хорошо, действуйте, только в темпе, – согласился бригадир. И, обращаясь к Игорю, добавил:

– Посмотри, чтобы завхоз выдал Вадиму как демобилизованному вину новую, а не бывшую в употреблении спецодежду, новые ботинки. А то он еще тот друг – возьмет да подсунет ему как новичку, не знающему здешние порядки, комплект спецовки, бывшей в употреблении.

– Понял, дядя Ваня! Мы пошли.

Игорь дернул Вадима за руку, и они вместе отправились в кладовую, находившуюся тут же, в цехе. Завхоз цеха Адам Семенович Бурковский, мужчина в годах, полный, встретил пришедших дружелюбно. Видимо, в порядке знакомства, он стал первым расспрашивать Вадима: где и в каких войсках служил, участвовал ли в армейской художественной самодеятельности.

– Пел со всеми в солдатском строю, – улыбнулся Вадим. – Бывало, старшина Бородин раз пять роту прогонит по плацу перед завтраком или после ужина – смотришь, она запела дружно и даже неплохо, почти как александровцы.

– Значит, вокальные данные есть, надо записаться в хор цеха! – на полном серьезе заявил Бурковский.

– Правильно, Адам Семенович, надо дембеля записать в хор. Кто в армии отслужил положенный срок – тот всему обучился и пению тоже.

Игорь по-дружески похлопал Вадима по плечу и, добродушно посмеиваясь, посоветовал:

– Записывайся, друг, меньше времени будет для скуки. Я тоже пою в хоре.

– Ладно, Игорь, пусть подумает Вадим, а пока ему надо расписаться за получаемую спецодежду, – поторопил Бурковский.

Завхоз подал Вадиму карточку, где значилась его фамилия и перечислены вещи, которые предстояло ему получить. После того как он не очень

замысловато черкнул свою фамилию, завхоз подал Вадиму новые рабочие брюки, куртку, ботинки, вачеги и защитные очки.

В гардероб и душевую Игорь повел Вадима через соседний механо-сборочный цех. Игорь пытался что-то объяснить своему подопечному, но голос его тонул в звенящем перестуке пневматических молотков, шуме тяжело ползущих мостовых кранов. Да Вадим и не очень слушал своего провожатого. Все его внимание переключилось на то, чтобы досрочно не получить производственную травму. Петляя вслед за Игорем мимо рабочих мест и нагромождений разных заготовок для собираемых аппаратов, Вадим с интересом поглядывал по сторонам, где рабочие занимались своим делом. Его охватывала какая-то непонятная робость перед величественной производственной картиной, где реально на глазах, а не в кино рождались сложнейшие аппараты для химической промышленности.

Заметив эту робость новичка, Игорь сквозь шум прокричал:

– Смелей, друг, это поначалу непривычно, а поэтому – жутковато! Несколько раз пройдешь через этот цех – освоишься, станет все привычным. Вообще-то есть здесь центральный проход, где ходить абсолютно безопасно, но я тебя, чтобы сократить время, повел напрямиком, по более короткому пути, по которому мы обычно ходим.

Когда, наконец, дошли до помещения, в котором располагались гардероб для рабочей и повседневной одежды и душевая, в нем Вадим неожиданно встретил Бориса – того самого детину, вымогавшего вчера вечером взаймы денег у Виктора.

– Привет, Боря, что так поздно? – удивился Игорь.

– Поддали вчера с друзьями, сегодня башка трещит. Думал, не поднимусь. Вообще-то у меня имеется отгул – перед праздником пришлось укалывать две смены подряд, выполняя срочный заказ. Начальник цеха пообещал дать отгул сразу после праздника, но спохватился: говорит, выйди девятого, свари большие днища, а потом отгуляешь. Вот и пришлось дыбать в цех с больной головой – пообещал.

– Борис, познакомься с моим новым другом – перевел на другую тему разговор Игорь, указывая на Вадима. – Парень после армии, служил в ВДВ, будет работать в нашей бригаде.

Борис внимательно посмотрел на Вадима и не очень внятно буркнул:

– Мы, кажется, уже знакомы. – Он молча подал руку Вадиму.

– Вадим Звездин, – представился Вадим, пожимая руку Бориса, который, не сказав больше ничего, вышел из душевой.

– Любопытно, когда вы успели познакомиться? – спросил, не выдержав, Игорь.

– Случайно, вчера вечером. Он заходил к нам в комнату. Просил у Виктора денег.

– И у него, конечно, их не оказалось, – не то шутя, не то всерьез отозвался Игорь.

- Да, у Виктора денег не оказалось, и Борис стал к нему приставать.
- Все обошлось мирно? Борис, окосев, – задиристый мужик.
- Все обошлось мирно. Правда, он пообещал со мной разобраться.

– Н-да, – усмехнулся Игорь. – Уж чего не отнимешь у Тимченко, так это, выпивши, брать ребят на испуг, особенно только что пришедших на завод, чтобы потом они у него в ординарцах ходили. Виктор – парень не плохой, но уж больно тихоня: там, где надо матюкнуть, дать отпор, он извиняться будет.

– Игорь, ты почему вернулся, что-то забыл здесь? – вдруг раздался звонкий голос гардеробщицы.

– Да нет, Петровна. Привел нового рабочего нашей бригады, ему надо определить место в гардеробе для рабочей и повседневной одежды.

Гардеробщица, уже немолодая, но еще сохранявшая свою привлекательность женщина, поинтересовалась у Вадима:

- Только из армии, что ли?

И не дожидаясь ответа, подала два номерка: для повседневной и рабочей одежды.

На переодевание Вадиму потребовалось несколько минут. Привыкший за три года армейской службы к солдатскому хэбэ, он, увидев себя в рабочей спецовке в зеркале, висевшем на стене у выхода из помещения гардероба, ахнул:

- Неужели это я!

Игорь, увидев его удивление, рассудительно заметил:

– Ничего, к гражданке быстрее привыкнешь, чем к солдатской жизни. Гражданка – все-таки более естественное человеческое бытие, чем служба в армии.

Когда они вернулись в свой цех, на рабочее место, тут уже кипела работа: Иван Никифорович ловко правил кувалдой на плите заготовки деталей, а Николай обрабатывал их пневматической машинкой.

– Все в порядке? – встретил бригадир Вадима и Игоря, когда те оказались у рабочей плиты.

- Так точно, – по-солдатски отрапортовал Игорь.

– Теперь за работу, – распорядился бригадир. – Ты, Игорь, сегодняestroполи у разметчиц. Мастер Блинов просил помочь девчатам: им в бригаду подали платформу с листами проката, ее надо быстрее разгрузить, а потом уже листы будешь краном подавать на разметку. Мостовой кран ждет тебя, давай, шуруй! А Вадим остается здесь, будет осваивать наше ремесло.

Игорь ушел и, как показалось Вадиму, без особого желания. Иван Никифорович помолчал, видимо ожидая, пока Игорь удалится, а потом, окинув Вадима с ног до головы быстрым взглядом, одобрительно произнес:

- В спецовке совсем другое дело, теперь можно и к работе приступить.

И дальше бригадир стал объяснять, что и как надо делать.

– Я уже говорил, – начал он, – что работа наша не сложная, однако, чтобы ее хорошо выполнять, требуются умение и навыки. Для начала надо хорошо усвоить технику безопасности на производстве. В нашем Красном уголке проводятся занятия по технике безопасности для новичков, поступивших на работу в цех. Узнай, когда они проходят, и походи на них, получи удостоверение об окончании курса. А пока послушай мой инструктаж: будь внимательным и осторожным при включении и выключении наждака, пневматической машинки, не забывай вовремя надеть защитные очки и вагечи. Все работы, связанные с мостовым краном, пока будут выполнять Игорь и Николай. У них имеются специальные бирки, дающие право во время работы пользоваться краном. Тебе тоже надо будет пройти инструктаж и получить бирку. И вот что еще я скажу тебе: цех – это не парк, где можно, не очень осторожничая, гулять; цех – это производственное помещение, в котором задействованы десятки машин, механизмов, различных приспособлений, электро- и газосварочных агрегатов. Около проходов – груды всяких заготовок из металла. Так что в цехе надо быть очень осмотрительным, чтобы по своей глупости не получить травму.

После небольшого инструктажа Иван Никифорович занялся обучением новичка.

– Видишь, на плите лежат стопки разных по размерам заготовок, а около них – такая же стопка бумажных листов, на которых вычерчены эскизы деталей. Мы эти заготовки обрабатываем, делаем из них детали, а затем готовые детали отправляем в механосборочные цеха. Так вот, перед тем как приступить к обработке заготовки, надо к каждой из них найти свой эскиз. Без эскизов заготовки – просто железки, из которых не сделаешь нужные детали.

На минуту бригадир смолк, внимательно посмотрел прямо в лицо Вадиму, видимо, стараясь понять, доходит ли до новичка сказанное им. Потом продолжил:

– На эскизе обязательно номер заказа и он же замаркирован на детали. Рихтовка вроде бы дело нехитрое, однако кувалдой надо пользоваться умело: ударять так и с такой силой, чтобы заготовка становилась деталью – была ровной, без вмятин. После правки деталь обрабатывается пневматической наждачной машинкой: снимаются заусенки, окалина, зачищаются торцы.

Для большей убедительности бригадир продемонстрировал сказанное на практике. Он взял заготовку и положил ее на плиту.

– Вот видишь, заготовка после ножниц оказалась выгнутой и даже перекосенной. Ее надо так выправить, чтобы она лежала ровно, не качаясь, без всякого зазора.

Иван Никифорович взял кувалду и несколькими не сильными, но точными ударами выправил заготовку-деталь. Она лежала на плите ровно, словно приклеенная, а следы кувалды на ней были едва заметны. Затем

бригадир, надев защитные очки, принялся ее обрабатывать пневматической наждачной машинкой: снял заусенки, оставшиеся на кромках детали после ее вырезки специальными ножницами по металлу, немного подчистил торцы.

– Деталь готова, можно сдавать ее ОТК. – Бригадир отложил в сторону машинку, снял очки и предложил Вадиму повторить то же самое. Стараясь не выдавать своего волнения, он надел защитные очки, вачеги, взял из стопки первую попавшуюся заготовку и положил ее на плиту. Она была не слишком кривой и это его подвело. Тремя сильными ударами перегнул заготовку в обратную сторону, оставив на ее поверхности вмятины, хотя и не очень глубокие. Не обращая внимания на бригадира, пристально наблюдавшего за его действиями, Вадим перевернул заготовку и, не сильно ударя кувалдой, выправил ее. Затем довольно успешно провел следующую операцию – зачистил машинкой кромки и торцы детали.

– Для начала неплохо, – оценил Иван Никифорович пробные рабочие действия новичка. – Ровней кувалду держи, смотри за толщиной заготовки и все пойдет как по маслу. Продолжай, не торопясь, доводить до ума лежащие в стопке заготовки.

Бригадир указал на стопку заготовок, откуда Вадим взял только что одну из них для демонстрации своих рабочих возможностей. Сам же он, захватив пачку нарядов, ушел, а Вадим, вздохнув с облегчением от сданного первого экзамена на рабочую профессию, приступил к работе. Заготовки были разные: с одними он справлялся легко и быстро, с другими – возился дольше. Работалось легко, никакой усталости не чувствовалось. Лишь мелкие капельки пота покрывали его покрасневшее лицо. Сколько он так, без отдыха, работал – не знал; не посматривал на часы, которые лежали в правом кармане спецовки. Остановил его подошедший Николай Христенко:

– Кончай пахать, пошли на обед!

– Как, разве уже время? – искренне удивился Вадим.

– Наш цех обедает в половине первого, запомни это, дембель, – назидательно произнес Николай. – Главное – не опоздать в столовую, а то будем торчать в очереди все обеденное время! И козла не когда будет забить.

Подошел Игорь:

– Ну как, Вадим, работается?

– Петрович, дембель трудился, как пчелка, не разгибая спины, – поспешил с ответом вместо Вадима Николай. – Армия, видно, уже воспитала его в духе коммунистического труда!

– Ладно, пошли в столовую, – оборвал Николая Игорь.

Все трое, взяв табельные пропуска, направились к выходу из цеха. На улице было прохладно, дул пронизывающий ветер. Идти пришлось через проходную – столовая находилась вне территории завода. Николай, как человек уже бывалый и знающий здешние порядки, побежал вперед, чтобы занять очередь. Вадим и Игорь также поспешили в столовую. Перед

тем как проследовать к Николаю, сдали свои куртки в гардероб, затем свернули к умывальнику, который был рядом, где помыли руки. Потом поднялись на второй этаж, в обеденный зал, и подошли к Николаю. Он, перепоручив очередь Игорю и Вадиму, тоже отправился помыть руки.

Говорливая очередь продвигалась довольно быстро. Вадим, ориентируясь на Игоря, стал проделывать то же, что и он, когда их очередь подошла к раздаче: взял поднос, на который поставил тарелку со щами, другую – с картошкой и мясом. На питье прихватил стакан компота. Еще хотел взять пару кусочков хлеба, но не увидел его на раздаче. Игорь, шедший впереди, заметив ищущий взгляд Вадима, пояснил:

– Хлеба нет на раздаче, он на столах бесплатный.

– Бесплатный? – удивился Вадим.

– Да, бесплатный! – подтвердил Игорь и добавил, полусерьезно, полшутя. – Бесплатный хлеб – от коммунистического завтра привет! Так что сегодня его можно есть вдоволь!

У кассы, когда Игорь и Вадим готовились рассчитываться за взятые блюда, их окликнул Николай:

– Что, очередь прошла?

– Ты бы подольше посидел в сортире, вообще не застал бы нас здесь, – отозвался Игорь. – Бери поднос, становись к нам.

Николай, быстро подхватив поднос, встал между Вадимом и Игорем. Ему, не без ворчания, сзади стоящие подали все, что он попросил из съестного.

Уже за столом, обедая, Игорь стал подшучивать над Николаем:

– Что, Мыкола, задержался в сортире? Пронесло что ли после праздника?

– Какой тебе сортир! В очереди у умывальника простоял, чтобы руки помыть.

– Надо было в цехе газировкой окатить свои натруженные ручки, – не унимался Игорь, – смотришь – не пришлось бы стоять в очереди!

– Какой молодец, что же ты в цехе не подсказал и сам пример не показал! – парировал Николай.

После небольшой паузы разговор перевели на другую тему. Первым начал Игорь:

– Со следующей недели наверняка будем работать в три смены. Бригадир, правда, об этом еще не сказал, но... – Игорь, увидев подходящего к столу со своим подносом бригадира, примолк, дождался пока тот подойдет к столу и только после этого продолжил разговор, явно скорректировав его с учетом присутствия самого бригадира:

– Но вот нам дядя Ваня и объяснит, как будем работать со следующей недели: в две или три смены.

– Ну что, хлопцы, уже поели, – осведомился бригадир, ставя свой поднос на стол.

– Заканчиваем, дядя Ваня, – ответил за всех Николай.

– Как будем работать со следующей недели? – переспросил бригадир, усаживаясь неторопливо за стол. – Перейдем на три смены. С Вадимом у нас в бригаде стало шесть человек – по два на смену. Вадим пойдет со мной в первую – ему надо еще освоиться с нашей работой; Игорь – ты во вторую, с кем пойдешь? С Николаем?

– Да, с Николаем, – согласился Игорь и тут же обратился к Христенко:

– Ты согласен на вторую?

– Согласен, – буркнул Николай.

– Значит, договорились. Кузеванов и Соснин поработают в третьей, – заключил бригадир. Все трое – Вадим, Игорь и Николай – пообедав, оставались на своих местах: как-то неудобно было покидать своего бригадира. Но тот, почувствовав намерение ребят его поджидать, снял с них это ненужное одолжение:

– Вы меня не ждите, пойдите, может, еще успеете козла забить.

– Дядя Ваня, после обеда мне опять идти на разметку? – спросил Игорь бригадира.

– А что, платформу еще не разгрузили? – поинтересовался в свою очередь бригадир.

– Почти разгрузили.

– А как с разметкой?

– Не все листы разметили. До конца смены разметчицам хватит работы.

– Придется тебе до конца смены строполить. Надо же подавать девчатам листы для разметки и переправлять их потом на газорезку или на ножницы. В их бригаде никто не имеет право пользоваться мостовым краном. Так что, давай сегодня до конца смены строполи, а завтра, если надо будет, отправим Николая к разметчикам.

– Хорошо, я понял, – ответил Игорь.

Больше не задерживаясь, все трое поднялись из-за стола и направились к выходу из столовой. Оказавшись на улице, Игорь, скорее, чтобы не молчать, завел разговор:

– Но как, Коля, тебе обед?

– Так себе, наравне с голодным жить можно!

– Что так?

– После праздника и перед авансом мои финансы поют романсы!

– Сказал бы, выручил, – сочувственно усмехнулся Игорь.

– Еще скажу, Петрович, – пообещал, несколько смущаясь, Николай.

* * *

В цехе было почти безлюдно и тихо. Только со стороны кузницы изредка доносился смех, отдельные неразборчивые выкрики и даже мат. Судя по всему, там в самом разгаре шла игра в домино.

– Пойдем, Петрович, забьем козла, – предложил Николай.

– Опоздали мы с козлом. Время обеденное уже заканчивается, а там желающих поиграть, как всегда, навалом. Идти, чтоб послушать матюги играющих – такого желания у меня нет. Пойди, послушай их красноречие, если тебе этого так хочется, а я уж как-нибудь перебьюсь.

Игорь смолк. Замолчал и Николай. Вадим тоже молчал, не зная, как себя повести в этой ситуации. Ему, конечно, хотелось бы побывать на кузнице, посмотреть, как играют здесь в домино (в армии он играл и не раз). Но с Николаем ему почему-то не хотелось, хотя тот наверняка рассчитывал на его, Вадима, согласие. Так, молча, они простояли несколько минут у двери цеха, пока пронзительный звонок из кабины мостового крана не вывел из этого молчаливого состояния. Все трое обратили внимание на крановщицу. Она что-то показывала Игорю. Игорь показал ей рукой в сторону разметки, затем повернулся к Вадиму и Николаю и, шутя, скомандовал:

– Ну, братва, пора за работу!

* * *

После обеда время для Вадима пошло как-то незаметно. Он продолжил заниматься рихтовкой заготовок деталей, делал это старательно, чувствуя пусть и не навязчивое наблюдение за его работой бригадира. Ему хотелось понравиться дяде Ване (как объяснил ему Игорь, бригадира в бригаде называли дядей Ваней за его честность, справедливость, требовательность, за его седины фронтовика Великой Отечественной войны), если не мастерством, то хотя бы отношением к делу. Правкой деталей занимался и сам бригадир. Николай обрабатывал тяжелые заготовки. Используя мостовой кран, он переворачивал их, очищал после газорезки от окалины, потом торцы зачищал наждачной машинкой. Готовую деталь с помощью все того же крана укладывал на специальную тележку и отправлял в сборочный цех. Он работал расчетливо, не спеша. Крановщица моментально отвечала на каждый взмах его руки, не дожидаясь, пока он прокричит «вира» или «майна».

Вадим, занятый рихтовкой, поглядывал в сторону Николая, любуясь его умением так ловко и легко работать. Это заметил бригадир. Подойдя к Вадиму, он предложил:

– Перекури! Заодно посмотри, как работает Николай. Сейчас у него неплохо получается. А совсем недавно он боялся мостового крана.

Бригадир, сняв вачеги с рук и бросив их на плиту, как бы между прочим заметил:

– У нас в бригаде все хорошо работают. Сачковать некогда. Все прекрасно понимают житейское правило: как потопашь, так и полопашь.

Потом он опять заговорил о Николае:

– Я не хотел брать Христосенко в бригаду: ведь из тюрьмы парень, а не из армии. Надавил парторг цеха. Говорит: помоги, Никифорович, молодому парню на путь истинный стать. Ты же – фронтовик, коммунист, авторитет-

ный человек в цехе. Кому, мол, как не тебе это сделать, сделать лучше других. Пришлось уступить. Поначалу тюремные замашки так и лезли из Николая: отлынивал от работы, допускал прогулы, даже пытался заваривать крутой чай на кузнице во время обеденного перерыва, когда там никого не было, и пить его, или как он называл – чифирить. Бригадой обсуждали его фокусы и предупреждали: если и дальше будет так продолжаться – выгоним к чертовой матери из бригады. Понял хлопец, что с бригадой шутки плохи, стал исправляться. Сейчас работает неплохо, хотя иногда нудит: и то ему не так, и это не этак. Выпить не прочь, особенно за чужой кошт. И пошуметь по пьянке может. Но все-таки хлопец помаленьку исправляется.

Последние слова бригадир произнес с явным удовольствием, давая понять, что в этом есть и его заслуга. Потом взял кувалду и стал править деталь. Его примеру последовал и Вадим.

Конец рабочей смены подошел неожиданно. Об этом Вадима известил Николай:

– Кончай работать, гудок скоро будет!

И, действительно, тут же, словно по заказу, в цехе раздался в чем-то схожий с паровозным свистком гудок, известивший об окончании рабочей смены. К табельной дружно потянулись рабочие. Кто-то из них еще оставался в рабочей спецовке, а кто-то вернулся из душевой, успев там помыться и переодеться.

Вадим и Николаем тоже подошли к табельной, где встретили Игоря. Получив пропуски, все трое вместе направились в душевую. Шли через механосборочный цех, тем же путем, которым Вадим проходил утром вместе с Игорем. Поэтому теперь он шел более уверенно, не опасаясь из-за неверного своего шага оказаться в опасной зоне или еще хуже – получить травму.

В раздевалке и душевой былолюдно и шумно. Все торопились быстрее скинуть с себя робу, стать под душ, переодеться в повседневную одежду и уйти с завода.

Вадим, впервые оказавшись в толпе полуобнаженных и обнаженных тел, держался за Игорем и Николаем. Это помогло ему, не теряя зря времени, получить у гардеробщицы свое наполовину солдатское обмундирование, протолкнуться в гардероб с рабочей одеждой и повесить там свою спецовку на выделенный для него номер, потом оказаться в душевой под душем. Теплые, горячие, а затем холодные струи воды ласкали тело, снимали усталость, бодрили. Исчезла подспудная подавленность, которая не покидала на протяжении всей рабочей смены. Стало необычно хорошо, радостно, хотелось запеть. Но в это время из соседней кабины раздался голос Николая:

– Кончай, дембель, размываться, выходим! Петрович уже одевается.

Когда Вадим и Николай вышли из душевой, Игорь, одевшись, собрался уходить.

– Братва, я тороплюсь на У КП, нехорошо опаздывать на занятия, тем более студенту первого курса. Пока! – и Игорь ушел.

Для Вадима быстрый уход Игоря оказался настолько неожиданным, что он не смог сразу сообразить, что-то ему сказать, хотя бы вдогонку.

О том, что Игорь поступил на заочное отделение Уральского политехнического института и теперь посещает занятия в его здешнем УКП, Николай рассказал Вадиму по пути в столовую.

– А ты собираешься поступать в институт? – спросил Вадим Николая.

– Мне бы для начала десятый класс закончить, а там будет видно, – ответил тот как-то неохотно.

В столовой народа было мало – не то, что в обеденное время. Очереди как таковой не было. Подойдя к раздаче, оба взяли все одинаково: по мясной котлете с картофельным пюре и стакану чая с сахаром, заплатили за все по два рубля с копейками. Рассчитавшись, каждый положил на свою тарелку по ложке бесплатной нашинкованной капусты, бачок с которой стоял рядом с кассой.

– Будет же время, когда вся пища будет бесплатной, – мечтательно произнес Николай, ставя свою тарелку с пищей на стол. – Не надо будет считать рубли и копейки от получки до получки. Захотел поесть – пожалуйста, бери себе на выбор или мясо, или котлеты, а может, рыбу, салаты, напитки разные – все, что душа пожелает. Вот это будет житуха!

– Мечтать – не грех, только до этого надо дожить, – прервал фантазирование Николая Вадим. – Знаешь, есть такая присказка: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

– А что, бесплатный хлеб, капуста, чеснок – это сказка?

– Конечно, не сказка. Но это далеко не то, о чем ты грезишь.

– Пусть пока не то, но для начала – неплохо. Такое начало мне нравится! А тебе?

– Еще бы! Кому не понравится бесплатно поесть! Но чтобы такое стало обыденностью, надо создать такое изобилие, ого-го!

– Ты сомневаешься, что такое изобилие можно создать?

– Не сомневаюсь. Но для этого надо всем трудиться не покладая рук, а не баклуши бить.

Вадим вовсе не собирался при этом как-то задеть самолюбие Николая, напомнив ему о его стремлении еще вчера по возможности отлынивать от работы, но получать зарплату и неплохую, – то, о чем ему, Вадиму, поведал о Николае пару часов назад бригадир. Да, об этом он не хотел сейчас Николаю говорить, а ограничился фактически повторением сказанного:

– Надо всем честно трудиться не покладая рук, чтобы иметь изобилие продуктов, разных товаров и многое другое, что делает жизнь человека счастливой и радостной.

Николай ничего не ответил на слова Вадима. Он старательно доел содержимое тарелки, выпил свой чай. Вадим тоже поторопился с ужином. Из столовой вышли вместе.

Пройдя предзаводскую площадь, Николай протянул Вадиму руку:

– До завтра. У меня встреча с одной чувихой, хочу к ней подклеить-ся. – И он ушёл.

* * *

Расставшись с Николаем, Вадим несколько минут стоял в задумчивости: то ли пойти домой, в общежитие, то ли погулять по поселку, в котором теперь он будет жить, начать знакомиться с ним ближе. И решил пройтись пока хотя бы по его главной улице. Наседавшие вечерние сумерки отступали перед светом уже загоревшихся уличных фонарей.

Глава пятая

Все преподаватели собрались, однако заседание кафедры задерживалось: неожиданно пригласили к ректору зав. кафедрой и вот теперь его поджидали с нетерпением и нескрываемой тревогой. Вообще периодические встречи заведующего кафедрой с ректором были обычным делом. Но сегодня, когда средства массовой информации, пользуясь свободой слова и своей независимостью, развернули нешуточную информационную войну против КПСС и всего советского, когда Коммунистическая партия РСФСР и КПСС оказались под запретом, – сегодня это неожиданное приглашение к ректору заведующего не сулило ничего хорошего для преподавателей кафедры. Правда, кафедру истории КПСС еще в апреле 1990 года переименовали в кафедру политической истории. Однако смена вывески вовсе не означала, что все историки КПСС в одночасье превратились в специалистов-историков иного профиля. Да и введенный новый учебный курс по факту не требовал серьезной переквалификации его преподавателей, поскольку по своему содержанию он мало чем отличался от курса «История КПСС».

Вопрос о запрете партии волновал всех присутствующих. Первой начала разговор Ольга Пантелеймоновна Ветракова, доцент, кандидат исторических наук. Среди своих коллег она отличалась повышенной эмоциональностью, неугомонностью при обсуждении не только каких-то острых, но даже незначительных вопросов, касались ли они исторических проблем или обыденной жизни.

– Как так можно? Взять и запретить ленинскую партию, – возмущенно начала Ольга Пантелеймоновна. – Никак нашего Ельцина зомбировали, когда был в Штатах!

– Его не зомбировали, его американцы поили и поили так, что он заблудился о своей коммунистической партийности, фактически там ее пропил, – включился в разговор Николай Александрович Войнов, доцент, кандидат исторических наук, полковник в отставке. – Напомню, что писала итальянская газета «Република» о поездке Ельцина в США в сентябре 1989 года. «За 5 дней и 5 ночей, проведенных в Соединенных Штатах Америки, он спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре

бутылки виски и несметное число коктейлей на официальных приемах... Для Ельцина Америка – праздник, сценические подмостки, бар, длиной 5 тыс. км. А для Америки Ельцин – новая чудесная игрушка, кукла с типично русским лицом, которая говорит то, что ни один русский не решался сказать раньше...». Почитайте эту статью итальянца Витторио Дзукконы, она опубликована в нашей «Правде» (1).

И вы убедитесь, что именно в США в Ельцина вдохнули антикоммунизм, развлекая его прелестями американской буржуазной демократии.

Николай Александрович дождался реакции своих коллег на сказанное им и, не дождавшись, продолжил:

– А питательной почвой для расцвета антикоммунизма Ельцина стала его карьеристская натура. В отличие от многих я не считал его коммунистом-ленинцем, хотя он прекрасно играл эту роль для достижения своих карьеристских устремлений. Умел хорошо всем втирать очки. Вспомните хотя бы такой эпизод. В 70-е годы в Свердловске проводилось Всесоюзное совещание по вопросам благоустройства городов. Свердловск был выбран для совещания такого уровня не без участия Ельцина: ему не терпелось быстрее показать всей стране начатую им работу по благоустройству нашего города. Но благоустройство шло ни шатко, ни валко: поправляли или устанавливали новые поребрики на обочине улиц и красили их, где-то латали проезжую часть. Причем все это делалось пока в центре города. Но когда в преддверии совещания неожиданно выяснилось, что город выглядел весьма неприглядно, первый секретарь обкома КПСС тут же распорядился срочно построить и покрасить заборы вокруг всех строек и свалок. Поскольку в наличии не оказалось приличной краски, то покрасили все в ядовито-зеленый цвет – надо же было выполнять распоряжение первого секретаря обкома партии. И вот когда повезли по городу участников совещания, те через окна туристских автобусов (а они высокие) увидели по верх заборов неприглядную картину. После этого случая товарищи Ельцина по партийной номенклатуре стали называть его в шутку волшебником изумрудного города.

– Николай Александрович! Но ведь этот эпизод говорит не только и не столько о втирании очков, сколько о сложившейся практике нашего коммунистического строительства, – вступил в дискуссию Леонид Федорович Турчак – новоиспеченный кандидат исторических наук. – Чтобы реально что-то сделать, надо было уметь крутиться, славословить, заискивать перед вышестоящей партноменклатурой, да еще секретаршам преподнести какой-нибудь презент. Только так можно было заручиться поддержкой влиятельных лиц и получить необходимое решение, включая, в частности, выделение необходимых финансовых ресурсов для благоустройства города. Ельцин – человек нашего времени и нынешней системы. Работая ни один год в партийных органах разного уровня, он хорошо овладел искусством лавирования в интересах дела, знал всю их подноготную.

– Я закончу свою мысль, Леонид Федорович, послушай, – остановил Турчака Войнов. – Так вот, когда после октябрьского пленума 1987 г. Ельцин понял, что пост генсека ему не светит, он переметнулся в стан антикоммунистической оппозиции, авторитет которой быстро рос в связи с провалами в перестройке.

– Обвинять Ельцина в карьеризме не стоит, – усомнился Турчак. – Что тут зазорного? Мы все стремимся чего-то добиться в нашей жизни: получить образование, ученую степень, занять более высокое положение в обществе. Разве это не карьеризм? Карьеризм. И мы прекрасно это знаем, но почему-то в понятие «карьера» обязательно вкладываем негативный смысл. Так нас приучили...

– И правильно сделали! – оживился Войнов. – Надо честно, своим трудом добиваться своей цели в жизни и признания обществом твоего доброго дела для людей, а не расталкивать, а то и крушить всех и все на пути к личной карьере.

– Думаю, что это к Ельцину не относится, – возразил Турчак.

– Как знать, – не унимался Войнов. – Запрет партии о многом говорит!

– Ельцин правильно поступил, что запретил КП РСФСР и КПСС, – заявил в ответ Турчак. – Они поддержали ГКЧП и вообще выступали против демократизации в стране (2).

– К сожалению, ни Компартия России, ни КПСС не поддержали ГКЧП, – возразил Войнов. – Среди бывших членов Политбюро, ЦК не нашлось ни одного смельчака, который призвал бы коммунистов, граждан страны выступить против ползучего капитализма, в защиту ГКЧП. Не сомневаюсь, этот призыв нашел бы поддержку у миллионов, и ГКЧП устоял бы. Ельцину пришлось бы или остепениться, или бежать в американское посольство. Тогда не потребовалось бы гкчепистам ехать на поклонение к Горбачеву в Форос, и, не беспокоясь о каких-то последствиях, демократично на съезде народных депутатов СССР отстранили бы его от власти, временно поручив исполнение обязанностей Президента страны Председателю Верховного Совета Лукьянову. И партия не была бы запрещена, и ситуация в стране была бы другая, и Ельцин стал бы шелковым, если бы захотел сохранить свое президентство.

– Ни Компартия РСФСР, ни КПСС не смогли поддержать ГКЧП, поскольку после отмены 6-й статьи Конституции СССР они, если были не в шоке, то близко к этому, не знали, как себя повести, оказавшись в оппозиции, – пояснил Вадим Андреевич. – А запрет КПСС фактически начался уже с указа Ельцина от 20 июля 1991 года «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» (3). Находясь в отпусках, мы с вами не обратили как-то внимания на этот указ, хотя он был направлен, прежде всего, против КПСС, ибо другие политические партии и их структуры только создавались. Данный указ

готовил россиян к полному запрету партии коммунистов. Причем не только россиян, но и граждан союзных республик. Не случайно ведь, когда 23 августа появился указ Ельцина «О приостановке деятельности Коммунистической партии РСФСР», последовали запреты компартий в союзных республиках: 23 августа – в Литве, 24 августа – в Молдавии, 25 августа – в Белоруссии, 30 августа – в Украине. Последней из республиканских компартий прекратила свою деятельность 2 октября 1991 года Компартия Таджикистана (4).

– Вот видите, не только в России, но союзных республиках запретили КПСС, – оживился Турчак. – О чем это говорит? О том, что она себя изжила, выродилась из революционной и созидательной в мещанскую, в карьеристский заповедник! Народ устал от партийных обещаний, избитых лозунгов, призывов, не дающих ничего нового.

– Ну, Леонид Федорович, это уж слишком! – взорвалась Ветракова. – Мы все в этой партии состояли. И не просто состояли, а как преподаватели истории КПСС были ее активными бойцами на идеологическом фронте. И ты тоже был бойцом этого фронта, а сейчас – капитулируешь? Может, тебе хорошо проплатили, чтобы ты со знанием истории партии измывался над ней!

Ветракова очень часто, особенно в полемике, обращалась к своим коллегам на «ты». Вот и сейчас, вступая в нешуточную дискуссию с Турчаком, она перешла в общении с ним на «ты».

– Успокойтесь, Ольга Пантелеймоновна! Родной партии, прежде чем начинать перестройку, следовало бы самой перестроиться, стать более привлекательной и эффективной.

– Хорошая мысль приходит опосля, – включился в разговор Сергей Васильевич Чебушев – доцент, кандидат исторических наук. – Сегодня все, кому не лень, говорят об этом. Справедливости ради надо сказать, что до и во время перестройки речь шла о реформировании партии. Но беда в том, что никто не знал толком, как это лучше сделать. Многие из тех, кто касался партийной проблематики, писали в основном о недостатках и упущениях в деятельности КПСС, используя при этом как общеизвестные факты, так и новые, выявленные в архивах или вдруг появившиеся в очередных чьих-то воспоминаниях. Но каких-то дельных рекомендаций по перестройке работы партийных организаций не поступало. В лучшем случае оправдывались те не до конца продуманные шаги по переустройству КПСС, которые стали делать по инициативе Горбачева. В этом я еще раз смог убедиться, прочитав только что новое исследование историков Наумова, Рябова и Филиппова «Об историческом пути КПСС. Поиски новых подходов» (5).

– Были вообще-то и разумные предложения, – подключился Вадим Андреевич. – Я имею в виду состоявшийся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в мае 1988 года «круглый стол» на тему: «Политический авангард общества в условиях второго этапа перестройки» (6).

Однако Горбачев не сумел или не хотел ими воспользоваться в своей практической деятельности.

– А я считаю, что реформирование партии в условиях начавшейся перестройки вообще не стоило затевать, – категорически высказался Войнов. – Разве можно было одновременно заниматься принципиально разными, я бы сказал, несовместимыми реформами: реформой партии – инициатора и руководителя перестройки, и непосредственно перестройкой всех сфер нашей жизни. Надо было просто, без лишней политической трескотни потребовать, и прежде всего Горбачеву как генсеку, от руководителей всех партийных органов повышение ответственности и исполнительской дисциплины. И только после реальных достижений в перестройке, при стабильной ситуации в стране осуществить демократизацию КПСС, сделать ее политическим авангардом советского общества.

– Правильно, Николай Александрович, – согласился с Войновым Вадим Андреевич. – Только на месте генсека должен бы находиться другой человек, реформатор, владеющий способностями аналитического прогноза, сильной политической волей и смело берущий на себя всю полноту ответственности за все происходящее в стране.

– Ельцин что ли? – бросил с явным негативным подтекстом Войнов.

– Не исключаю, хотя теоретических знаний у него маловато, – согласился с небольшой оговоркой Вадим Андреевич.

– Тогда Сталин-2, – воскликнул с какой-то напускной веселостью Турчак. – Быстро навел бы порядок, действуя по принципу: «Нет человека – нет проблемы».

– Не хватало нам еще одной сталинщины, – буркнула Марина Глебова-Беленко, ассистент кафедры.

– Названный вами, Леонид Федорович, принцип – не более чем его приписка Сталину, сделанная кем-то из неолибералов, – заметил Вадим Андреевич. – Вот если вы как историк найдете эту цитату непосредственно у Сталина – тогда вам карты в руки, а с меня презент – коньяк лучшей марки, который можно сегодня раздобыть в нашем городе. Ну а если не найдете – тогда вы берете назад это словосочетание, якобы принадлежащее вождю, а мне – коньяк дорогой марки. Пойдет? (7).

Турчак промолчал.

– Выходит, вы тоже не уверены, что эти слова принадлежат Сталину, – съехидничал Вадим Андреевич. – Зачем же нам, профессиональным историкам, повторять за кем-то то, что мы сами не встретили в источнике. Да, свобода слова позволяет говорить и писать о многих вещах, однако эту свободу не надо все-таки откровенно использовать для фальсификации исторических фактов и всякого рода измышлений в угоду конъюнктуре. Теперь о термине «сталинщина», который мы все чаще начинаем повторять вслед за некоторыми политиками и журналистами, не очень задумываясь при этом, какой в него вкладывается смысл. По-моему, тут все яснее

ясного: представить советский период нашей истории, связанной с именем Сталина, как цепь сплошных ошибок и преступлений. Этим термином сознательно перекрывается вся созидательная деятельность нашего народа в 30-е годы, его героическая и победная поступь в Великой Отечественной войне и послевоенном восстановлении страны. Поэтому надо, как мне представляется, лучше использовать понятие «сталинизм», вкладывая в него иной смысл, а именно теорию и практику социалистического строительства в экстремальных условиях.

– И таким образом оправдать сталинские репрессии! – воскликнул с возмущением Турчак.

– Не оправдать, а объяснить с учетом того сложного времени, когда в срочном порядке, преодолевая невероятные трудности, пришлось решать неотложные задачи модернизации страны, модернизации, как мы все считаем, догоняющей. – Вадим Андреевич смолк. Ему показалось, что он много говорит, к тому же не совсем по теме начавшейся дискуссии. Возможно, не надо было касаться вопроса о личности Сталина, трудного для объяснения и вчера, когда партия являлась правящей, а сегодня тем более, когда она оказалась под запретом.

– Историческая личность Сталина сегодня, к сожалению, становится жупелом в борьбе оппозиционных сил против КПСС, да и всего советского, – внезапно нарушил возникшую паузу Чебушев, – В свое время партия не смогла до конца разобраться в этом феномене своей собственной истории.

– А что, разве постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий» не решило эту проблему? – перебила Чебушева Беленко.

– Частично да, в смысле реабилитации невинно пострадавших во время репрессий. Но и это делалось в большой спешке, чохом под влиянием борьбы за власть в стране после смерти Сталина. Реабилитация, конечно, еще не означала демократизации самой партии и всей общественно-политической жизни в стране. Ведь социализм строился, как правильно заметил Вадим Андреевич, в экстремальных условиях, и это наложило свой отпечаток на новое государственное устройство. Поэтому надо было не ограничиваться постановлением с критикой лишь одного Сталина, обвинив его во всех смертных грехах. Было бы разумно в создавшихся условиях разработать и принять, допустим, на том же XX съезде научно обоснованную программу поэтапной демократизации самой партии и советского общества. В ней следовало бы дать критический анализ итогов социалистического строительства в 30-е годы, отметить успехи, недостатки, просчет, ошибки. В контексте такого анализа показать и роль Сталина, не возлагая при этом на него одного всю ответственность и вину за то негативное, что имело место в те годы, не исключая, разумеется, и массовые репрессии. Лейтмотивом программы наряду с очищением социализма 30-х годов от всего экстремального

должно было стать дальнейшее развитие страны в рамках социалистического выбора в строгом соответствии с принципами справедливости и гуманизма для максимального улучшения жизни людей.

– Жаль, что в ту ответственную пору вы, Сергей Васильевич, не оказались во главе КПСС, – снисходительно усмехнулся Турчак и продолжил: – Только не забывайте, что тогдашнее высшее партийное и государственное руководство, вышедшее из сталинской шинели, не могло последовать такому мудрому выходу из сталинской эпохи. Потребовалось время мирного и спокойного развития страны, чтобы убедиться в необходимости перестройки системы, так как в нормальных условиях она оказалась не в состоянии обеспечить успешное разрешение возникающих социально-экономических и иных проблем, модернизацию страны на базе новейших достижений науки, техники и технологии.

– Если «холодную войну» с ее разорительной гонкой вооружений вы считаете нормальными, благоприятными условиями для процветания страны, то глубоко заблуждаетесь, – парировал Чебушев.

Дискуссия все больше выходила за пределы темы о запрете партии, принимая затяжной характер. Но ее вдруг прервал Николай Алексеевич Горбунов – доцент, кандидат исторических наук:

– Коллеги, я предлагаю прекратить этот спор, поскольку он, по моему мнению, сейчас является малопродуктивным. Почему? Потому что, например, о Сталине каких-то новых документальных материалов в печати пока не появилось, чтобы радикально пересматривать оценку его роли, данную ранее в партийных документах. Давайте лучше поговорим, как будем строить нашу педагогическую и научную деятельность в условиях запрета Компартии России и КПСС.

– Как, без заведующего кафедрой? – спросила Ветракова.

– Да, надо подождать шефа, – согласился Чебушев.

* * *

Завкафедрой появился неожиданно. Его встретила Ветракова вопросом, волновавшим всех присутствующих:

– Ну что, Михаил Павлович, кафедру закрывают?

– Нет, – спокойно ответил заведующий. По его настроению было видно, что ничего трагического с кафедрой не произошло. Подойдя к своему рабочему столу, он, как обычно, объявил:

– Начинаем заседание кафедры.

Два года назад Михаил Павлович Селянинов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и тогда же возглавил кафедру истории КПСС, сменив в этой должности Вадима Андреевича. Вадим Андреевич, проработавший заведующим кафедрой немногим больше пяти лет и не защитивший за это время докторскую диссертацию, должен был уступить заведывание более преуспевающему руководителю.

К тому же и предпенсионный возраст не позволял Вадиму Андреевичу претендовать на второй срок оставаться во главе кафедры. Михаил Павлович был моложе: ему еще не было и пятидесяти. Главное, что обеспечило ему карьерное продвижение – успешная защита докторской диссертации. Среди коллег Селянинов слыл грамотным историком, хорошо знал проблемы исторической науки, «белые пятна» Отечественной истории. Являясь антисталинистом (его дядя подвергся репрессиям в 30-е годы), он, однако, свою оценку Сталина никому на кафедре не навязывал, терпимо относился к плюрализму мнений. Ученое звание профессора получил, будучи уже заведующим. Он довольно быстро вошел в роль руководителя кафедры. Поначалу часто советовался с Вадимом Андреевичем, особенно при решении наиболее сложных и ответственных вопросов кафедральной жизни. Но по мере того как входил в курс работы кафедры, общение с бывшим заведующим по кафедральным проблемам становилось все реже. Тем не менее отношения между ними оставались вполне цивилизованными; при необходимости, оставшись наедине, обсуждали самые щекотливые вопросы, порой жарко дискутируя.

Михаил Павлович начал не с вопросов плана заседания кафедры, утвержденного ранее, а с того, что предстояло сделать в ближайшее время с учетом изменившейся политической ситуации в стране и в связи с этим с предложений ректора.

– Кафедра остается, – прозвучал его голос в установившейся выжидательной тишине. – Но она переименовывается в кафедру Отечественной истории. Штат сохраняется тот же. Однако все мы должны в обязательном порядке в ближайшее время пройти переподготовку и получить соответствующий документ, дающий право на ведение учебных занятий по вводимому на кафедре учебному курсу «Отечественная история». Скорее всего, переподготовку будем проходить в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького.

– Слава богу, все обошлось, – с облегчением вздохнула Ветракова.

– В связи с переходом на преподавание нового учебного курса, – продолжал заведующий, не обращая внимания на вздох Ветраковой и последовавший еле уловимый шум от этого среди преподавателей, – нам необходимо незамедлительно приступить к методическому обеспечению нового курса – разработке программы, планов семинарских занятий, тематики рефератов и докладов, подбору соответствующей литературы.

– Когда переходим на преподавание нового курса? – прервал заведующего Чебушев.

– Полностью перейдем на новый курс с 1-го сентября следующего года, но уже в этом учебном году в рамках программы по политической истории должны больше уделять внимания гражданским аспектам нашей истории. Естественно, это потребует от каждого из нас очень серьезной

подготовки к лекциям и семинарам. Тем более что во втором семестре будем преподавать советский период, события и факты которого сегодня, в условиях гласности, трактуются весьма и весьма своеобразно, я бы сказал, слишком произвольно, как кому заблагорассудится, без учета порой исторических источников. Поэтому нам, историкам, надо максимально взвешенно подходить к изложению советского периода. Избавляясь от прежней партийно-идеологической зашоренности, не допускать в то же время в угоду конъюнктуре и его очернительства.

Михаил Павлович замолчал, посмотрел на всех присутствующих и, видимо, убедившись, что от него ждут чего-то еще, продолжил разговор, переведя его на другую тему:

– Партийная организация института распускается окончательно. И, обращаясь непосредственно к Звездину, добавил:

– Наша партгруппа тоже прекращает свое функционирование, а вы, Вадим Андреевич, освобождаетесь от партгруппорга кафедры.

– А как быть с партбилетами? – спросила Ветракова.

– Это на усмотрение каждого из нас, – ответил заведующий.

– Предлагаю всем выбросить партбилеты и быстрее отмежеваться от запрещенной партии, которая названа в Указе Президента антинародной, – посоветовал Турчак. – Не сегодня завтра ее вообще объявят преступной организацией и развернут кампанию люстрации против бывших коммунистов, занимавших какие-то руководящие должности в структурах КПСС, ее идеологов и пропагандистов. Мы с вами относимся к идеологическим работникам запрещенной партии.

– Только не надо паниковать и запугивать нас, – резко отреагировал Войнов. – Между прочим, в том же указе говорится о недопущении преследования граждан РСФСР за факт принадлежности к КПСС и Компартии РСФСР. Если все же режим Ельцина рискнет на подобный шаг – получит гражданскую войну. Я первый возьмусь за оружие.

– Только без громких заявлений, – вмешался в разговор завкафедрой. – Никто никого не собирается преследовать. Поменьше громких заявлений и стихийных действий. Кстати, на это обратил внимание и ректор. Относительно партбилетов – каждый решает самостоятельно, не дожидаясь каких-то указаний сверху. Я еще для себя не решил, как поступить с партбилетом.

– А я уже решил – выброшу и прощай, несбыточная коммунистическая мечта! – с каким-то диким восторгом объявил Турчак.

– Крысы первыми покидают тонущий корабль, – брезгливо ухмыльнулся Войнов. – Я оставлю партбилет при себе. С ним связана лучшая часть моей жизни.

– Я тоже оставляю партийный билет при себе, – вторил Войнову Вадим Андреевич. – Не могу предать тех, кто рекомендовал меня в ленинскую партию, кто давал мне наказ с честью и достоинством нести высокое

звание коммуниста по жизни, звание, которое подвигало миллионы партийцев на подвиг в труде и в бою.

Другие преподаватели промолчали. Они не сразу могли принять какое-то однозначное для себя решение. Завкафедрой, воспользовавшись неожиданной паузой, предложил внести некоторые дополнения в план работы методического семинара, в основном связанные с переходом на новый учебный курс. При их обсуждении Горбунов высказал свои соображения:

– Михаил Павлович, давайте на следующем методсеминаре обсудим такие злободневные проблемы, как августовский путч и запрет КПСС. До вашего прихода мы начали уже обмениваться мнениями по поводу последних событий. Но это происходило стихийно, эмоционально. Я думаю, нам надо всем серьезно подготовиться, обсудить вместе и выработать позицию кафедры по этим далеко идущим событиям.

Горбунов говорил медленно, нараспев, будто поджидая, пока сказанные им слова дойдут до слушателей. Его манера выступления буквально принуждала присутствующих прекратить не только разговоры, но и всякое шушуканье и все внимание сосредоточить только на нем. Это умение быстро завладеть и долго поддерживать внимание аудитории стало результатом многолетней педагогической деятельности Горбунова. Вот и сейчас он своим выступлением заставил своих коллег успокоиться и задуматься над его предложением об обсуждении последних событий в стране на очередном методическом семинаре.

– Я не против, – сказал заведующий. – Можно обменяться мнениями. Но каких-то решений или даже рекомендаций, обязывающих преподавателей, принимать не будем: процесс далеко еще не завершился. Бежать впереди паровоза – это удел политиков, а не историков. Нам нужны документы и время истории, чтобы подойти к более-менее объективной оценке того или иного события современности.

Никто не стал возражать сказанному заведующим кафедрой. Все согласились на очередном методическом семинаре просто обменяться мнениями по поводу текущих событий в стране. Селянинов поэтому не назначил специального докладчика. Он объявил о закрытии заседания кафедры и все, удовлетворенные информацией заведующего, не спеша стали расходиться.

* * *

Вадим Андреевич то ли от длительного пребывания на кафедре, то ли из-за недавней болезни почувствовал усталость и решил не задерживаться на кафедре, что обычно он часто делал, находя для этого подходящий повод. На сей раз, перебросившись несколькими незначительными словами с заведующим, направился домой. Подойдя к выходной двери института, он неожиданно встретил Надежду Владимировну Искорцеву. Она тоже не ожидала такой встречи. Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза. Первым нашелся Вадим Андреевич:

– Здравствуйте, Надежда Владимировна! Рад встрече с вами, давно не виделись.

– Здравствуйте, Вадим Андреевич! Я также рада вас видеть.

Она, немного помедлив, спросила:

– Заседание кафедры, наверное, закончилось? Мне бы Михаила Павловича повидать.

– Да, закончилось. Заведующий пока на месте, торопитесь.

Вадим Андреевич понял, что разговора с ней, хотя бы краткого, не получится, а хотелось бы пообщаться...

– Простите, Вадим Андреевич, я тороплюсь, – услышал он подтверждение своей догадки.

И она, оставив его, затерялась в студенческой толпе. Вадим Андреевич попытался разглядеть ее среди студентов, но, увы, не получилось. Выйдя из института, он не спеша направился к трамвайной остановке. Хотелось дольше побыть одному, хотя ноябрьская погода не очень располагала для прогулки. Но это его не расстраивало: главное – иметь возможность побыть наедине с собой, предаться навеянными встречей с Искорцевой воспоминаниям и в какой-то мере снять нервное напряжение еще одного прожитого дня.

Вадим Андреевич все реже вспоминал о ней, пытаясь забыть то время и те чувства, которые и радовали, и волновали, и пугали его. Как-никак он уже был не юношей, которого поразившая однажды любовь толкает на невероятные, порой необдуманные поступки. Ему стукнуло за пятьдесят, когда он был уже не тот, чтобы искать и находить какие-то приключения, хотя образ жизни в зрелом возрасте не исключал, разумеется, того, что в народе говорили: «Седина в бороду – бес в ребро».

Все произошло накануне перестройки. На кафедру истории КПСС приняли на должность зав. кабинетом выпускницу исторического факультета Надежду Грязнову. Он, в то время еще зав. кафедрой, взял ее с тем расчетом, чтобы через год-другой направить как обладательницу «красного диплома» в целевую аспирантуру и получить в результате молодого квалифицированного историка. Такая практика подготовки вузовских преподавателей из числа молодежи, сложившаяся в советской высшей школе, себя вполне оправдывала. Она позволяла планомерно, без суеты пополнять педагогический коллектив кафедры молодыми специалистами, в том числе и вместо уходящих на заслуженный отдых педагогов, не допуская при этом падения уровня научно-педагогической деятельности кафедры. Для Надежды в данной ситуации все складывалось как нельзя лучше. Но жизнь внесла свои коррективы. Проработав менее полгода, она вышла замуж и вскоре ушла в декретный отпуск. Вернулась на кафедру спустя три года. За это время целевое место в аспирантуру, которого добивался он для Надежды Грязновой (после замужества она стала Искорцевой), пришлось отдать Екатерине Фроловой, тоже выпускнице истфака, принятой на кафедру ассистентом. Она

успешно окончила аспирантуру с представлением диссертационной работы и ее защитила, стала работать старшим преподавателем. Искорцеву, вернувшуюся из декретного отпуска, пришлось вместо аспирантуры восстановить в прежней должности – заведующей кабинетом кафедры истории КПСС. Ее на время отпуска заменила Татьяна Михайловна Петухова, пенсионерка, в недавнем прошлом школьный учитель истории.

Надежда Искорцева вновь быстро включилась в работу кабинета и кафедры, стала надежным помощником заведующего кафедрой. Она сходу схватывала даваемые ей поручения, оперативно, без лишних расспросов и уточнений, качественно и в срок их выполняла. Ее работа устраивала и радовала его как заведующего. Однако часто, общаясь с ней, он начинал ловить себя на мысли, что она все больше нравится ему не только как исполнительная работница, но и как молодая привлекательная женщина. Ее женские прелести, которые ранее не проглядывались у выпускницы, сейчас, после рождения дочери, невольно притягивали к себе его внимание, хотя он и старался не показывать это никому. Находясь наедине с ней, у него вдруг возникало необузданное желание приблизиться вплотную к ней и, не дай бог, обнять ее. И тогда приходилось быстро уходить из кабинета истории на кафедру, где, занимаясь текущими кафедральными делами, приходил в себя, и рассудок постепенно брал верх над страстью. Он отдавал себе ясный отчет, что между ними не может быть никаких иных отношений, кроме как деловых, хотя бы потому, что он намного старше ее. К тому же он и она – семейные люди. А как будут относиться к нему на кафедре, да во всем институте, узнав о романе заведующего кафедрой с подчиненной? Эти мысли сильно давили на его сознание, хотя и не могли в нем погасить невольно вспыхнувшее весеннее чувство к этой молодой женщине. Это и радовало, и волновало его – ведь это был, можно сказать, своеобразный подарок судьбы на закате жизни. Но и беспокоило, потому что подспудно в нем маячило другое чувство: предательство по отношению к своей семье – жене и детям. Тем более что у него с женой сохранялись не только взаимные чувства любви, но и ответственность за семейное благополучие.

Оказавшись в таком необычном, двойственном состоянии души, когда, как говорится, и хочется и колется, он был вынужден держать себя в приличных рамках и на работе, и дома, не давая нигде не малейшего повода для всяких пересудов о его отношении к своему заведующему кабинетом. Конечно, его увлечение Искорцевой подталкивало чаще обычного под разным предлогом заходить в кабинет, чтобы подольше пообщаться с ней. Беседы касались не только непосредственно работы кабинета, ее секретарских поручений по кафедре, но и житейских тем. Она же, видимо, не подозревая об увлеченности шефом ею, подробно рассказывала ему о том, чем живет неофициально коллектив института, кто с кем здесь встречается и не только по деловым соображениям и весьма неохотно – о своих семейных делах. Из ее слов он узнал, что дочке Вике два годика, муж работает

где-то в охране, неплохо получает, но стал злоупотреблять пивом, и на этой почве у нее с ним иногда происходят скандалы. Однажды, зайдя в кабинет, встретил Тарчука наедине с Искорцевой. Раньше как-то не обращал особо внимания, кто ходит в кабинет и сколько в нем проводит времени. Но теперь же его это сильно взволновало: настроение резко упало, сердце застучало, лицо, он почувствовал, стало наливаться краской. Тут же припомнились брошенные как-то мимоходом слова Селянинова: наш Леня никак глаз положил на нашу Надежду, уж больно часто он пасется у нее в кабинете. Тогда он не придумал особого значения сказанному, а теперь убедился, что умозаключение Селянинова, пусть зыбкое, имеет основание.

Турчак, увидев зашедшего в кабинет заведующего кафедрой, почему-то тут же ушел, чем поднял в нем ревностную планку. Пришлось напрямую, без лишних слов спросить Искорцеву, чем занимается в кабинете Турчак, почему часто и подолгу здесь просиживает. Она покраснела, а потом откровенно ответила, что не знает, чего этот настырный человек добивается от нее, замужней женщины; приходит, рассказывает всякие небылицы, которые порой даже неудобно слушать, отрывает от работы. Недолго думая, он предложил свою услугу: поговорить с Турчаком на предмет того, чтобы он без надобности не отвлекал заведующую кабинетом от выполнения ею своих обязанностей. На что она ответила, что разберется с ним сама: дескать, не к лицу заведующему вникать в это дело. Помолчала, потом вдруг резко повернулась к нему и неожиданно спросила его, не ревнивый ли он человек. Сходу не нашелся, что ей ответить. Она же посмотрела на него, как ему показалось, интригуяще, затем подала отпечатанный протокол заседания кафедры. Взяв протокол, он торопливо вышел из кабинета. По пути на кафедру его охватило радостное чувство чего-то необычного и многообещающего, – то чувство, которое он впервые испытал, когда по-юношески влюбленный в свою одноклассницу осмелился проводить ее домой, в соседнюю деревню, после успешного окончания 9-го класса и завершения учебного года. Это было так давно, прошло столько много времени, а то весеннее чувство, которое он тогда испытал, вдруг сегодня вернулось, не растворившись в сонмище прожитых им лет.

Вадим Андреевич так увлекся приятными воспоминаниями, что не заметил, как подошел к трамвайной остановке и сколько долго на ней простоял. К реальности его вернул приближающийся трамвай. Людская толпа, до этого молча стоявшая на остановке, с шумом рванула в открывшиеся двери вагона. Она буквально внесла в трамвай и Вадима Андреевича.

* * *

Дома Вадим Андреевич рассказал жене в общих чертах, не вдаваясь в подробности, о заседании кафедры. Та проявила почему-то интерес к судьбе партбилетов, когда и кому их надо будет сдать после запрета ККСС, хотя сама не состояла в партии.

– Это решает каждый по-своему, исходя из своих убеждений. Я, как и некоторые члены нашей кафедры, оставляю его себе, другие думают, как поступить. Лишь один наш молодой кандидат наук откровенно заявил, что партбилет выбросит.

– А преследовать не будут за хранение билета запрещенной партии? – забеспокоилась Мария Григорьевна.

– Думаю, что до этого не дойдет. В противном случае это станет ярким образчиком надругательства над демократией, под флагом которой сегодня вершатся в стране все, и даже не очень понятные гражданам, дела.

– Ладно, будем надеяться, что все образуется, – немного успокоилась Мария Григорьевна и предложила поужинать.

После ужина Вадим Андреевич удалился в свою комнату. Оказавшись наедине с собой, он достал партийный билет (в последнее время он хранил его в особой папке в столе) и стал внимательно его рассматривать, будто бы впервые видел эту книжечку. Привычная фотография Ленина – основателя Коммунистической партии. Тут же до боли знакомые слова: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Припомнилось другое высказывание Ильича: «Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше!»

А как сильно сказал в свое время С. М. Киров по поводу партбилета: «Партия у нас не принудительная, но если ты, мил человек, взял партийную книжечку в карман не за страх, а за совесть, то знай, для чего ты ее держишь, открой глаза на нашу коммунистическую программу».

Эти Кировские слова Вадим Андреевич прочитал в реферате одной студентки, посвященном партийному билету. Они были вынесены ей в качестве эпиграфа. И он их заполнил надолго.

Студенческие рефераты иногда являлись не более как компиляциями опубликованных чьих-то статей, реже монографий на заданную тему. Но вот реферат той студентки подкупал своей искренностью. Он до сих пор помнил ее имя и фамилию – Катя Сенюшкина. Во введении она писала, что партбилет – эта маленькая красная книжечка, словно вписала в себя великую революционную страсть, мужество, опыт созидания, духовную мощь коммунистов. Партийный билет вдохновлял на ратные подвиги как в годы воин, так и в мирное созидательное время.

При воспоминании о содержании реферата перед глазами Вадима Андреевича всплыл облик белокурой, синеокой, очень симпатичной девушки. Тогда, весной 1974 года, когда в КПСС шел обмен партийных документов, Катя обратилась к нему с просьбой одобрить тему реферата, которую она определила сама, – тему о партийном билете. Он одобрил тему и порекомендовал к ней дополнительную литературу. Где Катя сейчас? Стала ли она коммунистом? А если стала – как она поступит со своим партбилетом, когда больше нет такой партии?

Перелистывая странички своего партбилета, Вадим Андреевич вспомнил свое вступление в КПСС. Это произошло вскоре после XXII-го съезда партии, принявшего программу построения коммунистического общества в нашей стране. Было почетно связать свою судьбу с партией в ответственный для нее момент, когда она непосредственно приступала к реализации своей исторической миссии – созданию самого процветающего и справедливого общества на Земле, о котором мечтали лучшие умы человечества. Кто бы мог подумать в 1961-м году, что не только не будет создана в обозначенные сроки материальная база коммунизма (правда, не все и тогда этому верили), но и что, и это самое немислимое, не станет в 1991 году самой Коммунистической партии. Она падет в результате непомерных амбиций своих лидеров, невероятной пассивности рядовых коммунистов, безразличия рабочих к судьбе своей партии, антикоммунизма части продвинутой интеллигенции. Партия под запретом и что же будет дальше? Ведь она, словно коллективный монарх, обеспечивала единство страны и ее стабильность, преемственность во власти в рамках советского общественного строя и в конечном счете поступательное движение общества по пути социально-экономического и культурного прогресса. Что будет дальше со страной, когда не стало основного ответчика за ее судьбу, каковым была КПСС – этого Вадим Андреевич не мог даже предположить: слишком быстро и алогично менялись события, что не позволяло делать какие-то разумные умозаключения.

Глава шестая

Окрыленный своим положением рабочего, новыми друзьями и всем, чем жил коллектив цеха, считая себя теперь его частицей, Вадим не заметил, как пролетел ноябрь, наступил и был на исходе декабрь месяц. Стремительно приближался Новый, 1961 год. Его друзья Игорь и Николай несколько раз пытались с ним обговорить, как лучше встретить Новый год, с кем и куда пойти. Но он всякий раз уходил от такого разговора: ему не хотелось идти в какую-либо тем более незнакомую компанию и главным образом из-за отсутствия приличного костюма и не менее приличной обуви (он все еще носил солдатское хэбе и ходил в кирзовых сапогах). Вадим считал, что появление его почти в солдатском наряде в праздничной компании, может, и не будет вызывать у присутствующих издевательский смех и сожаление, но ему-то от этого не будет легче.

Когда до Нового года оставалось не более недели, о новогоднем празднике вдруг заговорил Володя Островцев. С этим парнем, соседом по проживанию в одной комнате, у Вадима сразу сложились доброжелательные отношения. Володе импонировало то, что Вадим служил в армии, в воздушно-десантных войсках. Он видел в нем старшего и надежного товарища. Вадима же привлекал Володя тем, что в отличие от многих сверст-

ников он искренне сожалел, что не мог по состоянию здоровья отслужить положенный срок в армии; был не по возрасту самостоятельным в своих суждениях и действиях. Имея возможность без особого труда поступить в УПИ (блестяще окончил среднюю школу, а отец – ведущий инженер «Свердловэнерго» – работал совместителем в УПИ), он избрал свой путь: поступил на вечернее отделение машиностроительного техникума и устроился учеником токаря на Химмашзавод. А чтобы меньше слышать родительских упреков и вздыханий по поводу неразумного, как они считали, решения сына, Володя поселился в заводское общежитие. Домой, к родителям, ездил лишь по выходным дням и то не всегда.

И вот теперь, оставшись вдвоем в комнате (Алексей ушел к своей подруге, а Виктор что-то смотрел по телевизору в Красном уголке), Вадим и Володя говорили о том о сем, а потом заговорили и о предстоящем Новом годе.

– Ты где собираешься встречать Новый год? – поинтересовался Володя.

– Еще не решил, возможно, уеду домой, к родителям.

– Слушай, поедем встречать наступление Нового года к моей двоюродной сестре Людмиле Светогоровой, – вдруг предложил Володя – Она живет недалеко, в Уктусе.

Вадим немного подумал, а потом с едва уловимым сожалением ответил:

– Знаешь, Вова, я не смогу принять твое предложение.

– Почему?

– Там соберется своя компания, знающие друг друга, а я окажусь в положении белой вороны.

– Да нет же, на вечере будут и такие, которые впервые встретятся!

– К тому же и наряд у меня не ахти какой: москвичка, брюки солдатские, да сапоги кирзовые. Своим присутствием буду лишь всех шокировать. Ни одна девица не посмотрит в мою сторону. Нет, пока я не могу пойти в приличную компанию.

– О компании я уже тебе сказал, и пускай тебя не волнует, кто на вечере будет. Ты же служил в армии, да в каких еще войсках! Набрался такой самостоятельности и смелости, что дай бог каждому иметь все это! Так что в любой компании ты легко найдешь свое место. И в этой тем более. Теперь о наряде. Между прочим, он не так уж и плох, и я бы им гордился, если бы, как ты, отслужил три года в армии. Это же хорошая витрина! Каждая разумная девица, увидев парня в таком наряде, обязательно клонет: здоров, смел, самостоятелен, чем не жених!

Володя немного помолчал, а потом вдруг повернул тему разговора в несколько иное русло:

– Но если тебе так хочется быть в костюме – не проблема. Более-менее приличный костюм стоит где-то в пределах 900–1 000 рублей. Сколько ты получил расчет?

– Я проработал не весь месяц, да еще учеником, получил всего 350 рэ.

– Не густо. Вот что сделай: напиши заявление на имя директора завода с просьбой выписать аванс не 200, а больше – 900 рублей. Ты после армии, таким директор сочувствует. Он ведь не только хороший администратор, но и активный общественник: член Чкаловского РК КПСС и заводского комитета партии, депутат Свердловского городского Совета. Так что пойдет навстречу! А с обувью решим так: недавно папаня купил мне туфли по ошибке на размер больший – 43-й, вместо 42-го. Ты какой носишь?

– 43-й.

– Замечательно! Тебе эти туфли подойдут. Я их ни разу не надевал, и ты ими можешь воспользоваться. А вообще я тебе отдам их так, насовсем, и это будет моим новогодним презентом тебе.

– Спасибо, но такой подарок, при всем уважении к тебе, принять не могу по этическим соображениям. Если туфли подойдут – обязательно рассчитаюсь за них.

Предложение Володи встретить Новый год у его двоюродной сестры заинтересовало Вадима. Володя, разумеется, был прав: замыкаться, никуда не ходить из-за отсутствия костюма, туфель – глупо, ибо это время, прекрасное время ранней молодости, потом не вернешь. Тем более проблемы с нарядом можно решить, оказывается, в два счета. Только надо постараться, проявить настойчивость.

– Хорошо, Вова, я принимаю твое предложение, правда, с одним условием: если удастся приодеться, – с небольшой оговоркой согласился Вадим.

– Давай, действуй, у тебя все получится! – улыбнулся довольный Володя.

* * *

Новая рабочая неделя Вадима проходила в третью смену. Конечно, работать ночью было тяжело: где-то в районе 3–4-х часов утра страшно донимал сон, и с ним приходилось бороться больше, чем заниматься обработкой заготовок деталей. Но зато был свободен день, и можно было заняться какими-то своими, неотложными делами.

Вадим написал заявление на имя директора завода, в котором постарался обосновать свою просьбу на разрешение аванса в сумме 900 рублей. Показал его Игорю. Тот внимательно прочитал, выразил сомнение, что на такую сумму вряд ли директор даст «добро», посоветовал пойти самому на прием с этим заявлением.

– Если ты оставишь заявление у секретаря в приемной директора – считай, что будет отказ, или в лучшем случае его перебросят на рассмотрение начальника цеха. А тот разрешит, традиционно, не более 200 рублей. Предварительно запишись на прием к директору завода.

Вадим так и сделал. В назначенные день и время он подошел в приемную директора. Ждать пришлось недолго. Секретарша пригласила зайти в кабинет. Он зашел, сказал «здравствуйте», сразу же подошел к столу, за которым сидел директор, и подал ему свое заявление. Директор молча взял заявление, быстро пробежал его глазами, а потом спросил:

– Вы когда поступили на наш завод?

– В ноябре, перед Октябрьским праздником, – не задумываясь, ответил Вадим.

– Сколько получили в расчет?

– 450 рублей. Тут Вадим немного лукавил: он получил меньше ровно на сотню.

– В чьей бригаде работаете?

– Воронова.

Директор взял ручку и размашисто, наискось написал сверху на заявлении: «В бух. Разрешаю» и расписался. Возвращая Вадиму заявление, сказал, наставляя молодого рабочего:

– Быстрее осваивайте рабочую профессию, выходите на высокий квалификационный разряд, а там и зарплата будет иная – намного выше.

Принимая из рук директора свое заявление, Вадим, волнуясь и не совсем соображая, как себя повести в сложившейся ситуации, неожиданно выпалил:

– Спасибо! Поздравляю вас с наступающим 1961-м годом!

Директор явно не ожидал новогоднего поздравления от молодого рабочего. Его озабоченное лицо вдруг сменилось нескрываемой легкой улыбкой.

– Рановато, молодой человек, поздравляете с Новым годом, – добродушно заметил директор. – И ваш цех, и весь заводской коллектив продолжают напряженно трудиться над выполнением государственного производственного задания. Вот выполним плановое задание декабря и четвертого квартала 1960-го года в целом – тогда достойно встретим Новый год! – И, поднявшись со своего кресла, подал свою руку Вадиму:

– А пока успехов в работе и жизни!

Вадим ощутил крепкое рукопожатие директора завода. Только теперь он разглядел его: седеющая шевелюра, привлекательные черты лица, острый взгляд нестареющих глаз.

Выйдя из кабинета директора завода, Вадим почувствовал радостное облегчение. Оно еще больше усилилось после того, когда секретарша, взяв из его рук заявление и увидев на нем положительную резолюцию, сочувственно промолвила:

– Я сама отнесу заявление в бухгалтерию, завтра получите деньги в заводской кассе.

Вечером, собираясь на работу в третью смену, Вадим поделился своим успехом с Володей. Тот, выслушав его внимательно, признался:

– По правде говоря, я не совсем был уверен, что что-то получится из подброшенной мной идеи. Хотя, конечно, не исключал, что этот номер может пройти, ибо слышал немало лестных слов о нашем директоре завода. Хорошо, что ты сам пошел на прием, а не оставил свое заявление в приемной. (Вадим не стал распространяться о том, что пойти на прием к директору завода его надоумил Игорь.) Точно заволокнули бы, и неизвестно, сколько и когда получил бы. Так что тебе крупно повезло! Теперь осталась самая малость: получить деньги и сгонять в универмаг «Пассаж». В нем большой выбор костюмов и по фасону, и по цене. В универмаге можно будет подобрать под костюм сорочку и галстук. Все это надо сделать до конца недели, чтобы перед самим праздником не пороть горячку. А Люське передам, что мы вдвоем приедем к ней встречать Новый год.

Вадим, конечно, не мог не поделиться со своими друзьями, работавшими вместе с ним в третью смену, о своем решении встретить Новый год в Уктусе. Первым возмущился Николай:

– Ты что, друг, откалываешься от нас? Тянул резину с ответом, когда мы тебя с Петровичем донимали с новогодним праздником, и вдруг на тебе: в Уктус собрался к какой-то чувихе! Знаешь, за такой облом в тюрьге по рогам бьют!

– Успокойся, Христос, здесь тебе не тюрьма, – вмешался Игорь. – Каждый решает сам для себя, как считает нужным. – И он тут же поинтересовался у Вадима. – Слушай, как ты на Уктус вышел?

– Володя Островцев пригласил встретить Новый год вместе с ним у его двоюродной сестры дома, в Уктусе, – честно признался Вадим. – Какая компания там будет – не знаю.

– Ну что же, неплохо! – оценил Игорь. – Володя парень неплохой и компания, в которую он тебя пригласил, наверняка нормальная, не безумная.

Игорь хорошо относился к Островцеву. Николай же видел в Володе папиного и маминого сынка, которому, чтобы почувствовать почем фунт жизненного лиха, не худо было бы побывать там, где Макар телят не пас. Вот и сейчас, услышав, что Вадима уговорил Островцев встречать с ним Новый год непонятно у кого в Уктусе, он воспринял это болезненно:

– Тоже мне нашел фраера, с кем можно куда-то идти! Коснись чего-то, этого маминого сынка как ветром сдует.

– Ладно, Мыкола, не будем нервничать, – остановил Игорь горячность Николая. – Может, Вадим там свою любовь встретит, чем черт не шутит, когда не спит! Мы тоже с тобой найдем с кем и как встретить Новый год, не расстраивайся понапрасну; не лыком ведь шить!

Вадим с облегчением вздохнул, понял, что вдруг возникшую неприятную ситуацию в отношениях с друзьями удалось разрулить благодаря рассудительности Игоря. До конца рабочей смены больше разговоров о новогоднем празднике не возникало, что вполне устраивало Вадима. Изредка перебрасывались отдельными фразами, но они касались выполняемой работы. Лишь в душевой Игорь поинтересовался, когда он, Вадим, поедет в магазин, чтобы приодеться к празднику.

– Сегодня же. С утра немного прикорну, а потом, после обеда, получу деньги и скатаю в магазин. Островцев предлагает завернуть в Пассаж – там большой выбор костюмов.

– Он коренной свердловчанин, знает лучше, что где и почему, – согласился Игорь. – Прихвати его с собой, вдвоем будет легче и быстрее подобрать нужные вещи.

– Вообще-то он сам предложил свои услуги, – признался Вадим.

– Вот и хорошо, – одобрил Игорь. – Возьмите с собой и Колю. Что-то, глядишь, посоветует и город посмотрит. Я бы с удовольствием поехал, но у меня вечером занятия на УКП.

– Я не против с Вадимом поехать, если только не просплю, – буркнул Николай.

На такой ноте взаимопонимания друзья и расстались...

Лежа в своей кровати, Вадим почувствовал исподволь нарастающее волнение: сможет ли сегодня после обеда получить деньги, не задержится ли Володя на работе, удастся ли сходу подобрать более-менее приличный костюм и не сорвется ли вообще эта уткуская затея. Он до сих пор не был уверен, что пригласит его некая Люся к себе домой на новогодний вечер, совсем не зная его. Это пока Володя так решил, ему захотелось вместе с ним побывать на этом новогоднем вечере. А как еще Люся посмотрит? Надо ли приглашать незнакомого ей человека в компанию, где будут близкие друзья и наверняка родственники!

С неослабевающим волнением и закрадывающимся сомнением Вадим незаметно уснул. Проснулся и ужаснулся: была половина четвертого. Заводская касса работала до пяти. Надо было во чтобы то ни стало успеть, пока не закрыли кассу, получить деньги.

Быстро собрался и, не теряя времени, не дожидаясь Николая, который, возможно, еще спал, отправился в заводоуправление, где помещалась касса. Успел. У кассы стояли не более пяти человек. Вот, без задержки, подошла его очередь. Вадим назвал свою фамилию. Кассир стала перебирать ведомости, пока не нашла ту, где она значилась. Когда кассир передала Вадиму ведомость, чтобы расписаться за получаемую сумму денег, ему бросилось в глаза, что в ней числилось всего десять человек, в том числе и он. Денежные суммы у всех были разные.

Получив 900 рублей, Вадим буквально вылетел из заводоуправления и направился к проходной, где его должен был поджидать Володя после ра-

боты. Но его еще не было. Пришлось пережить несколько утомительных минут. Когда он, наконец, вышел, возбужденный Вадим бросился ему навстречу:

– Все в порядке, деньги получил!

– Хорошо, – улыбнулся Володя и с каким-то не свойственным ему азартом, scomандовал: – Тогда вперед, в магазин!

Уже в троллейбусе он сообщил Вадиму, что Люся приглашает его на новогодний вечер.

* * *

Универмаг «Пассаж» находился в самом центре города. Его трехэтажное серое здание вполне вписывалось в другие строения, создававшие неповторимый колорит и привлекательность центральной городской площади. Среди них своими колоннами, пилястрами, лепниной выделялось, конечно, монументальное здание Свердловского городского Совета, которое венчал шпиль с курантами и звездой. За эти архитектурные «вредные излишества», подвергнутые резкой критике Хрущевым, председатель горисполкома Землянченко поплатился своим постом. В архитектурный ансамбль площади входит и памятник Ленину. На постаменте из темно-серого гранита возвышается семиметровая фигура Ильича. Памятник Ленину и трибуна при нем олицетворяли назначение площади как центральной, на которой проводятся торжественные и другие значимые городские мероприятия.

Вадим уже несколько раз был на этой площади и кое-что успел узнать из ее истории. Теперь же, быстро шагая по ней вместе с Володей в универмаг, он лишь мельком окинул ее взглядом: времени не было, чтобы здесь остановиться, еще раз хорошенько все рассмотреть, почувствовать дыхание индустриального города-труженика.

Универмаг «Пассаж» поразил Вадима своей многолюдностью. Люди толпились на всех этажах, во всех секциях. Шла бойкая предпраздничная торговля.

– Где же могут быть костюмы? – спросил Вадим у Володи, еле поспевая следовать за ним. А он, словно лоцман, проводящий судно по сложному фарватеру, обходил плотно толпившиеся группы людей или аккуратно проталкивался через толпу, и вскоре они оказались у той секции, где продавали костюмы.

– Ну вот, мы у костюмов, – блеснув очками, победоносно объявил Володя. У прилавка, где он остановился, народу было немного.

– Очередь небольшая, – успокоил Володя Вадима. – Скоро займемся примеркой костюма для тебя.

И действительно, очередь продвигалась быстро. Когда она подошла, Вадим и Володя зашли в секцию и занялись выбором костюма. Своими советами помогала продавщица – женщина средних лет. Примерив несколько костюмов, Вадим остановился на шевиотовом темно-синем ко-

стюме. Ему с детства нравился почему-то этот цвет. Мечтал когда-то о костюме такого цвета. И вот теперь, когда продавщица предложила для примерки очередной костюм, он вначале обратил внимание на его цвет.

– По цвету подойдет, надо померить, – вдохновился Вадим. И, не раздумывая, примерил на себе понравившийся костюм.

Володя как заправский специалист придирчиво осмотрел костюм, убедился, что он ладно «сидит» на Вадиме, и после этого вынес свой вердикт:

– Пойдет!

Вадиму тоже понравился костюм. Видя в нем себя в зеркале, он ахнул: неужели это он? Хорош молодец! Даже его фигура, от рождения не совсем атлетическая, но в результате ежедневных физических тренировок во время прохождения воинской службы в ВДВ приобретающая спортивный вид, в костюме выглядела солидной и привлекательной. Вот теперь можно и в уктускую компанию подаваться!

Сняв костюм, Вадим передал его продавщице, которая тут же упаковала покупку. Рассчитываясь за нее, он несколько смутился: костюм стоил больше той суммы, на которую рассчитывал: вместо 900 рублей – 1 025. А еще надо купить сорочку и галстук. В прицеле денег хватало на покупки, но ведь надо было еще энную сумму вложить в новогодний вечер, да еще иметь не копейки до полочки и на питание. Но не стал здесь говорить о своих затруднениях Володе. Он и так много делает для него. «Если не хватает денег, займу у Игоря» – успокоил себя Вадим.

Рассчитавшись за костюм, а затем за сорочку и галстук, Вадим готов был покинуть универмаг. Но его остановил Володя:

– Тебе надо еще купить боты, они всего ничего стоят.

– Зачем? – не понял Вадим. – Вроде мы с тобой договорились, что ты мне продашь свои полуботинки!

– Да, но они не утепленные. Представь себе, что тебе придется в новогоднюю ночь с какой-нибудь девицей гулять! Закоченеешь в туфельках, и вся прелесть новогодней ночи превратится в настоящий кошмар. Не до разговоров и вздохов будет!

Володя хитровато ухмыльнулся. Его доводы оказались сногсшибательными. Пришлось купить еще и боты, которые в молодежной среде почему-то окрестили «прощай молодость».

Возвращались на Химмаш домой оба в приподнятом настроении. Для Вадима главное препятствие, которое удерживало от поездки в Уктус, осталось позади. Володя был доволен тем, что помог товарищу решить его предпраздничные проблемы.

– Я уточню у Люськи, чего и сколько нам надо купить, – нарушил затянувшееся молчание Володя. – Она, кстати, учится в техникуме совторговли на вечернем отделении и одновременно работает в столовой. Так что толк знает и в продуктах, и в сервировке стола.

– Это хорошо, – отозвался Вадим, не очень вникая в смысл сказанного.

Прибыв домой, в общежитие, не успев переодеться, Володя вдруг предложил Вадиму еще раз примерить костюм вместе с сорочкой, галстуком и туфлями, чтобы убедиться, что все здесь в порядке и ничего непредвиденного не возникнет перед отъездом в Уктус. Однако Вадим, сославшись на то, что скоро надо идти на работу, от примерки отказался.

– Хочу, Вова, немного поваляться на кровати перед работой в третью смену. Завтра, не торопясь, примерим.

Володя не стал настаивать. А Вадим, быстро переодевшись в трико, упал на кровать. Ему ни о чем больше не хотелось говорить, надо было немного передохнуть перед работой и, может, если удастся, чуть вздремнуть. Он лежал тихо, закрыв глаза, делая вид, что засыпает. Володя его не тревожил. А когда явились Виктор и Алексей, он их предупредил, чтобы не шумели и дали человеку хоть немного поспать.

Вадим же при всем своем желании уснуть так и не смог. Разные мысли лезли в голову: и только что купленный костюм, первая в его жизни такая радостная покупка; и предстоящая вечеринка в Уктусе; и друзья по рабочей смене, которые наверняка начнут расспрашивать о покупках и о его поездке в Уктус неизвестно к кому. Теперь, когда это становится реальностью, вдруг поднялось какое-то навязчивое беспокойство: как представиться незнакомой компании, как в ней себя вести? Хорошо Володе, он там свой! А он, Вадим, окажется на вечере не иначе как белой вороной. Умел бы играть на гитаре – смотришь и привлек бы к себе внимание! В свое время отчим предлагал учиться играть на гитаре, говорил, что слух есть! Так не послушался, настойчивости не хватило. А как бы это умение пригодилось сейчас!

* * *

Наступил последний день уходящего года – 31 декабря. В этот день вся бригада работала в первую смену: занимались в основном уборкой рабочего места и цеха. Предпраздничная рабочая смена была укороченной. Поэтому постарались задание выполнить до обеда, чтобы потом спокойно пойти домой и подготовиться к новомуднему празднику. После работы Вадим не стал долго задерживаться ни в душевой, ни в столовой – его ждал дома, в общежитии, Володя, с которым надо было до поездки в Уктус решить кое-какие дела. Игорь и Николай, расставаясь с ним, пожелали хорошо встретить Новый год, пить в меру, не быть букой в компании, хорошо повеселиться, чтобы потом было, о чем вспомнить.

* * *

Выехали в Уктус в половине одиннадцатого вечера. В троллейбусе Володя рассказывал истории из своей школьной жизни, шутил, старался поднять Вадиму настроение. Оно и в самом деле у него было неважное, скорее всего, от переизбытка чувств. После троллейбуса, идя рядом с Володей по незнакомой улице, он взял себя в руки, успокоился. У него вдруг

откуда ни возьмись заиграло любопытство: кто и как его встретит. Долго идти не пришлось: вот остановились у калитки, вошли во двор одноэтажного, старой постройки дома. Пропустив вперед Володю, Вадим медленно двинулся за ним. А тот, как бывалый здесь человек, решительно открыл дверь небольшой утепленной веранды, затем – дома, и вместе вошли в слабо освещенный коридор.

– Здесь живут две семьи, коридор и кухня – общие, – пояснил Володя. – Наша дверь – налево.

Он постучал. Дверь открыла девушка в цветастом фартуке. А когда она вышла в коридор, Володя весело представился:

– А вот и мы!

– Наконец-то, уже все собрались, ждем вас! – радушно воскликнула она.

– Люся, познакомься, это – мой друг Вадим Звездин!

– Людмила!

Она, улыбаясь, подала руку Вадиму. Он взял ее руку и несмело, тихонько пожал ее. Людмила, не придав этому значения, стала поторапливать своих гостей быстрее раздеться. Вешалка, прикрепленная к стене, находилась рядом. Вадим не мешкая снял шапку, полупальто, боты, наскоро поправил прическу. То же самое проделал и Володя.

– Заходите, друзья-кавалеры! – Людмила открыла дверь, и они все вместе вошли в ярко освещенную комнату. – Встречайте запоздавших! – громко объявила она и тут же стала их представлять. – Это мой двоюродный братик Вова, а это – его друг Вадим; они живут вместе в одной комнате в заводском общежитии и работают на одном заводе – на Химмаше. – Все присутствующие внимательно посмотрели на вошедших парней и, ничего не говоря, дружно зааплодировали.

Вадим, ослепленный ярким светом, сумел разглядеть среди присутствующих лучше других парня, вальяжно сидевшего на диване. Неторопливо поднявшись, он обратился к Людмиле:

– Людок, представь меня персонально своим гостям.

– Пожалуйста, – согласилась Людмила. – Прошу любить и жаловать: студент УПИ Станислав Морденков.

Чтобы избежать возникшей неловкости из-за выходки Морденкова, она поспешила представить всех своих гостей, а потом незаметно скрылась в смежной комнате. Вадим, воспользовавшись отсутствием хозяйки вечера и пока никем не отвлекаемый, осмотрелся в комнате. Она показалась ему не очень большой, но и не маленькой – гораздо большей той комнаты в общежитии, в которой живут они, четверо молодых рабочих. Справа, в углу комнаты, стоял комод, на котором соседствовали телевизор и радиола с горой пластинок. По центру, между окнами (их всего было два), занимал место диван, где только что восседал Морденков. Слева, в углу, красовалась на невысокой подставке метровая елка, украшенная как само-

дельными, так и фабричными игрушками, рядом с которыми поблескивали притаившиеся лампочки – гирлянды. Центр комнаты занимал уже накрытый стол. На нем теснились бутылки с напитками (шампанское, водка, вино), тарелки с разными закусками.

Вадим не успел все рассмотреть, что находилось на столе, и оценить, как оно было со вкусом расставлено. Его внимание отвлекла вышедшая из смежной комнаты Людмила.

Все обернулись в ее сторону. В праздничном наряде она выглядела необычно красивой: чуть ниже среднего роста в темном платье с декольте, подчеркивавшем ее ладно скроенную фигуру, прибранные с поблескивающими украшениями черные волосы, играющая на лице улыбка, черные с черными ресницами глаза, – все это делало ее неотразимой.

– Хороша герла, не правда ли? – подтолкнул в бок Вадима оказавшийся рядом Морденков. И, не дожидаясь какой-либо реакции на брошенные им слова со стороны малознакомого парня, продолжил:

– Я с ней встречаюсь с лета и никак не могу ее охмурить. Дикарка какая-то! Впервые пригласила к себе домой, посмотрим, что выйдет...

Он хотел что-то сказать еще, но Людмила распорядилась садиться за стол. Все гости, находившиеся в состоянии ожидания, зашумели, задвигались, стали садиться за стол парами. Вадим растерянно смотрел на происходящее, не зная, с кем и где ему сесть. На помощь пришла Людмила:

– Вадим, а ты что стоишь? Твое место рядом с Жанной! – И тут же она обратилась к рыжеволосой девушке, уже сидевшей за столом слева от нее:

– Жаночик, возьми на свое попечение Вадика! Он парень после армии, стеснительный. Смотри, чтоб он не заkis у нас на вечере.

Жанна взглянула на Вадима, улыбнулась. Вадим, больше не терзаясь, подошел и сел на стул рядом с девушкой, которая должна составить ему компанию на этом вечере.

– Будем знакомы, – первым начал он.

– Тебя уже неплохо представили, – отозвалась она. – Да и до этого о тебе мне Людмила рассказывала.

– Вы работаете с Людмилой вместе?

– Мы учимся вместе.

Дальнейший разговор прервала Людмила:

– Все разместились? Хорошо. Давайте проводим уходящий 1960-й год! Остались его считанные минуты.

Она быстро окинула своим взглядом хорошо сервированный стол и с удовольствием оповестила:

– Здесь все имеется – есть выпивка и закуска. Гвоздь новогоднего застолья – оливье!

– Что это такое? – заинтересовалась одна из девушек.

– О нем потом, вначале попробуйте. Мужчины, приступайте к праздничной работе!

Вадим огляделся. Он понял, что должен ухаживать на вечере за Жанной. Но рядом с ним сидела еще одна дама – Лариса. Правда, вместе с ней находился ее муж Саша (при знакомстве Вадим узнал, что Ялунины – молодожены). Так что он будет проявлять заботу на вечере о своей жене, и это успокоило и одновременно вдохновило Вадима. Рядом с Ялуниными сидели Володя и его подруга Лена, а дальше – Петя, младший брат Людмилы, со своей одноклассницей Светой (оба заканчивали десятилетку). Морденков уселся с Людмилой, по правую сторону от нее.

Мужчины, услышав команду хозяйки приступить к праздничной работе, бросились открывать бутылки с вином и водкой и наполнять хмельным напитком рюмки, а дамы тут же потянулись за закусками.

– Какое вино предпочитаете? – с напускной веселостью спросил Вадим Жанну, стараясь одновременно продемонстрировать и свою галантность.

– «Черные глаза». – Она глазами показала на бутылку с вином с романтическим названием.

Вадим взял бутылку, без особого труда открыл ее и наполнил вином Жаннину рюмку. Себе же налил в рюмку «Столичной».

– За уходящий год с его успехами, радостями и печальями! – громко провозгласил Володя. – За то, что мы живем и радуемся жизни!

Легкий перезвон рюмок, взаимные поздравления создавали атмосферу начавшегося праздника. Вадим дотронулся своей рюмкой до рюмок Жанны и Людмилы, дотянулся до Володиной рюмки, с кем-то еще чокнулся и выпил. Горький напиток легко, не задерживаясь во рту, покатился в желудок, обжигая его. Эту неприятную для желудка горечь Вадим быстро подавил салатом оливье. Стало приятно на душе от выпитой рюмки водки и приятной закуски, от начавшегося свободного, беспорядочного разговора. Лариса, соседка Вадима, старательно уплетая салат, вновь напомнила о своем вопросе:

– Людка, а Людка, ты все-таки расскажи об оливье: из чего и как его готовить? Ты видишь, он всем нравится!

Лариса, лучшая подруга Людмилы по школе, теперь работала на инструментальном заводе – там же, где трудился и ее муж Саша. Ее интерес к малоизвестному салату был понятен: ей, начинающей жене, надо было осваивать премудрости семейной жизни, включая, разумеется, приготовление вкусной пищи.

Людмила, посмотрев на всех сидящих за столом и, видимо, убедившись, что ее рассказ об оливье заинтересует и других, начала:

– Этот салат был любимой закуской у зажиточных людей еще до 1917 года. Об этом нам говорила преподавательница нашего техникума Вера Захаровна Артамонова – знаток кухни.

– Это что-то вроде винегрета, – не выдержал Петя.

– Не-е-е, – возразила Людмила. – До революции оливье считался роскошным блюдом: при его приготовлении брали в определенном количестве

и составе вареную картошку, раковые шейки, ломтики говяжьего языка, черную икру, маринованные огурчики, вареные перепелиные яйца и другие деликатесы, их мелко нарезали и перемешивали. Конечно, из названных ингредиентов чего-то могло и не быть. Перед употреблением добавляли сметану. Получался вот такой салат. У меня – проще, такого набора ингредиентов нет. Я использовала вареную картошку, язык говяжий, вареные куриные яйца, зеленый горошек, морковь, маринованные огурцы, майонез. Все это мелко крошила, а потом перемешала с майонезом.

– Люда, ты потом мне дашь рецепт оливье, – попросила Лариса. – Я попробую его сделать дома и угостить своих домочадцев.

– Хорошо, а сейчас Новый год подходит, давайте встречать! – веселоскомандовала Людмила.

– Мужики, открываем «Шампанское» и наполняем им фужеры! – выкрикнул Стас.

Вадим, не имея большой сноровки в раскупоривании бутылок с «Шампанским», как-то удачно с этим справился сейчас и, не дожидаясь пока то же самое сделают другие, наполнил фужеры Жанны, Людмилы и Ларисы, а потом – свой. Петя тем временем включил телевизор, зажег гирлянду елки и потушил в комнате свет. В телевизоре стрелки часов показали ровно двенадцать, возвестив о наступлении Нового, 1961 года. Под звуки Гимна Союза ССР все дружно грянули:

– С новым годом, ура!

Зазвенели бокалы с искрящимся шампанским, начались объятия и поцелуи. Вадим, который все чаще поглядывал в сторону Людмилы, увидел в мерцающем полумраке, как Стас прижал ее к себе и пытался поцеловать в губы, но она ловко увернулась, подставив ему свою щеку. Вадим на какое-то мгновение оказался в растерянности, не зная, как поступить: то ли обнять и поцеловать Жанну, то ли ограничиться взаимными с ней поздравлениями. На помощь пришла сама Жанна. Уловив нерешительность своего кавалера, она, не раздумывая, коснулась своими губами его щеки. Вадим, следуя примеру Жанны, тут же обнял ее и тоже поцеловал в щеку. Неожиданный обмен поцелуями снял ту скованность, которая до этого незаметно царила между Вадимом и Жанной, сдерживая застольную взаимную свободу общения.

Перезвон рюмок и фужеров, произносимые тосты, разговоры и смех создавали неповторимую праздничную атмосферу вечера, когда всем становилось хорошо и весело, не хотелось ни о чем думать, кроме как быть активным участником всего происходящего за праздничным столом. Вот поднялся Стас и в стремлении выделиться, обратить внимание всех присутствующих на себя громко провозгласил:

– Дамы и господа, то бишь бабы и мужики! Наша встреча Нового года только началась и продлится до двух часов ночи, пока кремлевские куранты своим боем не известят о вступлении страны в 1961 год. Так что у нас, в отличие от москвичей, есть возможность наслаждаться встречей Нового

года почти два часа. Подыдем же еще раз бокалы за неудержимо шагающий по огромной нашей стране многообещающий Новый, 1961 год!

Все дружно подняли свои рюмки и фужеры. Стас, чтобы остаться во внимании компании, пафосно продекламировал по-латыни:

– Gaudeamus igitur juvenes dum sumus!

Помолчав, насладившись в душе своей эрудицией и вниманием присутствующих (никто сходу не мог понять, о чем идет речь), он снисходительно перевел:

– Будем веселиться, пока мы молоды!

Все восприняли переведенные слова с латыни на русский язык с восхищением, отдавая должное эрудиции кавалера Людмилы. А та тоже с восторгом смотрела на своего друга. Вызвав восторг у компании и Людмилы своим знанием латыни (так, по крайней мере, подумали сидящие за столом), Стас тут же воспользовался благоприятной для него ситуацией: сев на свое место, он обнял и поцеловал Людмилу, поцеловал прямо в губы. Как показалось Вадиму, она особо и не сопротивлялась этому. Ему стало как-то не по себе. «Неужели Стас и впрямь собирается в новогоднюю ночь охмурить Людмилу, о чем он ему, Вадиму, не зная его, перед застольем случайно сообщил». От этой промелькнувшей мысли в нем вдруг поднялось чувство ревности. Жанна, поняв причину столь быстрой перемены настроения у Вадима, тихонько, чтобы не услышала рядом сидящая Людмила, шепнула:

– Не расстраивайся, Людмила не из тех, кто от поцелуя млеет и готова позволить большее. Я ее хорошо знаю.

– Да мне что, каждый поступает так, как считает нужным, – так же тихо, стараясь скрыть свои вспыхнувшие эмоции, ответил Вадим. И чтобы прекратить разговор о Людмиле и Стасе, перевел его на другую тему:

– А у тебя кто-то есть?

– Да, – безо всякого кокетства призналась Жанна.

– А почему его нет с тобой на нашем вечере?

– Поссорились, он пошел на новогодний вечер в УПИ, а я – сюда.

– Он студент?

– Да, сокурсник Стаса.

– Причина ссоры?

– Об этом не будем говорить.

– Потому что его любишь?

– Об этом тоже не будем говорить, тем более сейчас, на вечере.

В разговор вмешалась Людмила:

– Вы о чем шушукаетесь?

– Да все о том же, – засмеялась Жанна.

– Может, пора уже потанцевать?

– Давно пора, Люда!

– Вова, Петя, – обратилась Людмила к своим родственникам, – перетасщите стол в мамину комнату, потанцуем!

– Правильно, – подал свой голос молчавший до этого Саша. – Засиделись, надо хоть немного подвигаться!

Все дружно встали и вышли из-за стола. Володя и Петя осторожно, чтобы не уронить ничего на столе, перетаскивали его в смежную комнату. Потом Петя на правах хозяина подошел к радиоле, открыл ее, поместил в нее пластинку и нажал клавишу. Полилась знакомая мелодия танго. Мигом сомкнулись пары и не спеша зашевелились в такт звучащей музыки. Вадим пригласил Жанну. Он неплохо танцевал танго, освоил его в армии на вечерах в клубе своей части. Чаще танцевали ребята без девчонок, а сами с собой. Но иногда, по большим праздникам, в часть приглашали девчонок с подшефной трикотажной фабрики. Вот тогда получались настоящие танцы, когда каждый молодой солдат, чтобы привлечь внимание прекрасного пола, стремился блеснуть своим умением танцевать.

Теперь же, танцуя с Жанной, Вадим тоже старался как можно лучше продемонстрировать свое танцевальное мастерство. Легкость его движений оценила и Жанна. Она положила свои руки на плечи Вадима и, чтобы не молчать, спросила:

– Ты, наверное, в школе посещал танцевальный кружок?

– Нет. Я родился и провел свое детство и частично юность в небольшой белорусской деревушке. В нашей школе были какие-то кружки, но я их не посещал. Нам, подросткам, нравилось толкаться на взрослых вечеринках, где в основном танцевали польку, вальс да еще краковяк. Глядя на взрослых, на их танцульки, мы тоже стихийно учились этим танцам.

– Что это за танец – краковяк, я о нем ничего не слышала?

– Это польский танец. Музыка его мелодична, танцевальные движения – быстры. Краковяк танцуют и в Белоруссии.

Жанна хотела что-то еще спросить, но стало не до этого: вместо спокойного танго перешли на экспрессивный рок-н-ролл. Началась танцевальная сутолока, поднялся неистовый шум, рождаемый громкой ударной музыкой, резкими движениями танцующих и их какими-то нечеловеческими восторгами. Особенно старались Стас и Володя. Оставив своих партнерш – Людмилу и Лену – они легко, в такт музыке работали ногами, руками и всем телом.

– Жанна, извини, я пока так не могу, – признался Вадим, прекращая танцевать. – Но к новой нашей встрече, если она, конечно, состоится, я постараюсь одолеть рок-н-ролл. У меня есть хороший учитель этого танца – Володя. Смотри, как он прекрасно танцует!

Жанна ничего не сказала, а лишь слегка улыбнулась. Вместе они отошли в сторонку, чтобы не мешать танцующим, и стали за ними наблюдать. Неизвестно, сколько продолжалась бы эта демоническая пляска Стаса, Володи и присоединившегося к ним Пети, если бы их не остановила Лариса:

– Может, хватит беситься! Давайте-ка перед встречей Нового года по московскому времени станцуем нестареющий вальс!

Танцующие рок-н-ролл послушно прекратили свой визг и кривляния и замерли в ожидании.

– Танцуем дамский вальс, танцуют все! – громко объявила Лариса. И более спокойно обратилась к Пете:

– Смени пластинку, дай вальс.

Петя быстро сменил пластинку, и раздались чарующие звуки вальса. Лариса первой, подхватив своего мужа Сашу, закружилась в вихре объявленного ею же танца. Вадим, немного волнуясь, с нетерпением ожидал приглашения на танец. Он любил этот танец и умел его хорошо танцевать. И сейчас ему очень хотелось с кем-нибудь покружиться в вихре вальса. «Но с кем? Жанна почему-то медлит с приглашением, – подумал Вадим. – А Людмила? Она точно выберет Стасика!»

Но Людмила, минуя Стаса, подошла к Вадиму:

– Приглашаю на дамский вальс!

Ее добродушная улыбка обожгла Вадима. Он почувствовал, как мгновенно разливается по всему его телу жар, предательски выплескиваясь и на лицо. Мерцающие лампочки новогодней елки скрывали от Людмилы его состояние. В танце Вадим успокоился, но не сходящая с лица партнерши улыбка продолжала будоражить его.

– Какая красивая мелодия! – не переставая кружиться, прервал молчание Вадим.

– Это вальс «Память цветов», – пояснила Людмила.

– Я о таком вальсе впервые слышу и впервые танцую под такую красивую мелодию и с такой красивой девушкой!

– Будет что вспо-ми-на-ть! – рассмеялась Людмила, вовлекая Вадима в круговорот вальса. И он принял вызов своей партнерши: подхватил и закружился с ней так, что и танцующие пары, и елка с мерцающими лампочками, и комод с телевизором и радиолой, и даже стены комнаты – все это смешалось в одном удивительном непрерывном круговом движении, в котором ему виделись лишь хорошо поблескивающие глаза партнерши. Этот бешеный темп танца продолжался несколько минут. Их примеру следовала еще одна пара – Лариса и Саша. Остальные оставались пока в роли наблюдателей. Но вот голос Володи остановил вальсирующих:

– Люди, пора за стол! Время московское подходит, надо завершить встречу Нового года!

– Мы с тобой еще потанцуем? – спросил Вадим Людмилу, внимательно глядя в ее глаза и не отпуская партнершу после смолкшей мелодии вальса.

– Конечно, и не только вальс! А сейчас давай за стол, а я пойду за горячим...

Все расселись на прежние места и, приготовившись к встрече 1961 года, замерли в ожидании, когда стрелки часов на Спасской башне

Кремля, появившиеся на экране телевизора, покажут московские 24-00. Ждать пришлось недолго – стрелки сошлись на ожидаемых цифрах. Вырвавшаяся из телевизора мелодия Гимна Советского Союза нарушила минутную тишину в комнате. Как и в первый раз, все дружно прокричали: «Ура!» А тост неожиданно произнес Саша:

– Друзья! Мы до сих пор находимся под большим впечатлением полета нашей станции «Луна-2» на Луну в сентябре 1959 года. Ведь это был первый полет в мире с Земли на другое небесное тело. На лунной поверхности остался вымпел с изображением герба СССР. То, что это сделала наша страна, вызывает у нас, советских людей, законную гордость. Предлагаю поднять наши бокалы за полеты в космос, чтобы в освоении космического пространства Советский Союз шел всей планеты впереди!

Все дружно поддержали тост Саши. После того как выпили и закусили и после небольшой паузы с рюмкой в руке поднялся Стас:

– Саша произнес прекрасный тост. Однако давайте спустимся на нашу грешную землю, вернемся к нашей обыденности. Немецкий философ Мессинг как-то сказал: «Радоваться в одиночку грустно!» Мы сегодня собрались здесь, чтобы вместе отметить наступление Нового года. Нас собрала гостеприимная Люда. Мой тост: за наши встречи в новом году!

Вадим, не дожидаясь, пока тост Стаса начнут «материализовывать», быстро поднялся и громко, чтобы все услышали, произнес:

– В дополнение к тосту Стаса: прошу поднять наши рюмки и бокалы за очаровательную хозяйку нашего вечера, за Людмилу!

Вадим под аплодисменты, чтобы не создавать неудобства для Жанны, вышел из-за стола и, подойдя вплотную к Людмиле, поцеловал ее в щеку. Под несмолкающие аплодисменты вернулся на свое место.

– А ты, парень, оказывается, не такой уж и робкий, каким тебя представляла мне Людмила! – встретила его Жанна.

– А что особенного! Она хозяйка этого вечера и достойна особого внимания.

– Собирался что-то сказать в адрес Людмилы и Стас, но ты его обошел, молодец! Он, похоже, подобного от тебя не ожидал. Смотри, как бы не заиграла у него мужская ревность!

– Не драматизируй, Жанна, – подключилась к разговору Людмила. – В новогоднюю ночь все свободны и ждут чего-то необычного. У нас тут только Ялунины – молодожены.

Новогоднее застолье продолжалось. Тост предложил Володя:

– Я поднимаю свой бокал за всех присутствующих здесь прекрасных дам, украшающих наш новогодний вечер! – Уже закусывая и оставаясь пока еще во власти своего тоста, и чтобы как-то больше заинтриговать дам, он вдруг вспомнил Стендаля. – Знаете, французский писатель Стендаль как-то изрек: большинство мужчин просят доказательств любви, ко-

торые, по их мнению, рассеивают все сомнения; для женщин, к несчастью, не существует таких доказательств.

– Если уж заговорили о дамах, то и я кое-что скажу вам, – не удержался Стас, повернувшись к Людмиле. – Царь Соломон, иудейский правитель в далеком прошлом, оставил потомкам весьма неглупую притчу. Суть ее в следующем: три вещи непостижимы для человека и четвертую он не понимает: это – пути орла на небе, пути змеи на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице.

Четвертую вещь он явно, что всем было понятно, адресовал Людмиле.

Вадиму захотелось как-то тоже себя проявить в хмельной компании. Но как? Он быстро стал перебирать в своей памяти знания из литературы и истории, забавные эпизоды и случаи из своей жизни. Вспомнилась игра, с которой его познакомил в армии сослуживец Санька Чигринов. «Да, пожалуй, ею можно воспользоваться», – решил Вадим и, выждав паузу, предложил компании:

– Чтобы не скучать на исходе новогодней ночи, давайте сыграем в одну игру. Согласны?

– Сог-ла-сны! – раздался дружный ответ.

– Хорошо. Каждый из вас берет листок бумаги и карандаш и пишет пять наиболее почитаемых вами животных, птиц, насекомых, обитателей морей и т. д. Только пять и не более, причем строго под номерами: 1, 2, 3, 4, 5. То, что вы напишете, я затем прокомментирую, используя другие слова. В результате мы узнаем о каждом из нас много любопытного.

Петя принес ручки, карандаши, бумагу и все занялись сочинительством. Вадим тоже взял листок бумаги и карандаш. После короткого размышления, вспомнил и написал на листке слова, которые в сочетании с другими словами давали неожиданный юмористический ответ: 1 – на работе; 2 – дома; 3 – в любви; 4 – думает о себе; 5 – на самом деле.

Когда все справились с заданием, Вадим собрал себе их листочки и разыграл очередность в игре. Первым оказался Стас, за ним – Жанна, дальше шли Саша, Лариса, Людмила, Володя и другие.

– Мы начинаем игру, – залихватски объявил Вадим, скрывая свою улыбку. – Я, Стас, буду читать написанное тобой медленно, чтобы все слышали, и давать свой комментарий. Понятно?

– Что тут понимать, все яснее ясного!

– Тогда читаю.

Стас поднялся и громко произнес:

– Гражданки и граждане, внимание! Объявившийся среди нас кудесник сейчас раскроет тайны моей жизни!

Вадим тем временем зычно прочитал:

– Под первым номером у Стаса значится «лев!» – И сходу кратко прокомментировал:

– Такой ты на работе, то бишь в учебе. Дальше. Вторым в шпаргалке записан «тюлень». Таким ты являешься дома. Третьим в списке – «волк». Это – в любви! Опасайтесь, барышни, Стаса-волка! На четвертом месте оказался «орел». Так Стас думает о себе! Ну, и на пятом, последнем месте стоит, кто, вы думаете? «Пантера!» Это – истинный Стас!

Каждый из зачитанных и прокомментированных Вадимом номеров с названием животных или птиц, насекомых, обитателей морей вызывали у всех неудержимый смех. А когда чтение и комментарии закончились, разлился такой хохот, что казалось, ему не будет конца. Это поначалу привело в смущение Стаса, но, когда он нечто подобное услышал и о других, вызывавшее взрыв смеха, он успокоился и развеселился. Особенно приводило всех в неописуемую веселость, когда разговор заходил о любви. По игре получалось, кто и как вел себя в любви: Жанна – уткой, Саша – котом, Лариса – попугаем, Людмила – голубем, Володя – китом, Петя – лошадьё, Лена – куницей, Света – лягушкой.

Игра, так возбудившая всех, завершилась на исходе новогодней ночи.

– Друзья, скоро наступит утро, можно немного вздремнуть перед тем, как будем встречать первый день нового года, – остановила шум развеселившейся компании Людмила. И, не дожидаясь ее реакции, распорядилась:

– Мальчики располагаются в этой комнате – кто на диване, кто на кресле, а кому-то достанется по раскладушке. А мы, девчонки, отдохнем в маминной комнате.

* * *

Вадим, сидя на диване и отвалившись на его спинку, не мог сразу уснуть. В таком же положении рядом, на диване, находился Саша, начавший храп которого больше всего мешал Вадиму погрузиться в сон. На своих раскладушках тихо посапывали Володя и Петя. В кресле, находившемся в углу комнаты рядом с выходной дверью, пристроился Стас. От него не исходило никаких звуков.

Сон постепенно овладел Вадимом. Он почувствовал, что стал куда-то проваливаться. Но спал недолго. Проснулся от того, что было жарко и сильно хотелось пить. Попробовал хоть как-то слюной утолить жажду – не получилось. Решил сходить на кухню: там наверняка можно что-то найти попить. Поднялся и тихонько, чтобы никого не разбудить, вышел в коридор. Оказавшись у кухонной неплотно закрытой двери, остановился, услышав возню и еле уловимые слова:

- Отпусти, а то кричать стану...
- Не отпущу, пока...
- Буду кричать...
- Твой крик утонет в моем страстном поцелуе...

Вадим понял: Стас добивается Людмилы. Не раздумывая, открыл дверь и шагнул на кухню. В несколько рассеянной тусклым светом от окна темноте различил две тени, прижавшиеся у стены около умывальника.

– Отпусти ее, – решительно потребовал Вадим.

– А, это ты, солдафон, откуда свалился! Канай отсель, пока не поздно!

Это был голос Стаса, который все еще держал в своих объятиях Людмилу.

– Отпусти, а ина-аче-е... – процедил сквозь зубы Вадим.

– Что иначе, хочешь попробовать науку бокса на прочность собственной челюсти? – Стас отпустил Людмилу, которая быстренько выскользнула из кухни. Сам же он, приняв боксерскую стойку, готов был ударить Вадима. В полумраке Вадим не мог разглядеть лицо Стаса, но почувствовал охватившую его ярость: ведь он, Вадим, помешал его попытке удовлетворить разбушевавшуюся в нем страсть. Нечто подобное в таких случаях происходит среди животных, когда самцы готовы перегрызть друг другу глотку. Удар Стаса мог угодить в челюсть Вадима, если бы он от него ловко не увернулся. Применив прием самбо, которому его обучили в ВДВ, Вадим с грохотом уложил Стаса на пол. Тот попытался вырваться, но не получилось. Подержав его немного в болевом состоянии, Вадим, отпуская, предупредил:

– Поднимайся и уматывай отсюда, пока цел!

– погоди, я с тобой еще разберусь, – поднявшись с пола и отряхнувшись, пригрозил Стас.

– Зачем же откладывать?! Чтобы не разбудить спящих и их не беспокоить, выйдем во двор и там поговорим по-мужски. – Вадим почувствовал, как у него быстро нарастает желание проучить этого самовлюбленного нарцисса. Он весь сгруппировался, готовясь к драке. Но Стас его вызов не принял. Ничего больше не сказав, он покинул кухню, сильно хлопнув дверью. Вадим, нащупав в темноте выключатель, зажег свет. Сон как рукой сняло, и даже жажда пропала. И все же он поближе подошел к столу, на котором было много всякой посуды и несколько бутылок. Среди них он нашел бутылку крем-сода, открыл ее и прямо из горлышка выпил почти весь сладкий газированный напиток. Собрался уходить с кухни, но тут в дверях неожиданно появилась соседка:

– Что тут у вас происходит?

– Ничего особенного, – как можно спокойнее ответил Вадим. – Зашел чего-нибудь попить, но в потемках что-то обронил.

Не дожидаясь реакции соседки, Вадим покинул кухню и вернулся в комнату. Все по-прежнему спали. Стаса в кресле не было: то ли он гулял где-нибудь на улице, то ли вообще убрался восвояси. Вадим опять пристроился на диване и попытался уснуть. Однако сон долго не приходил. Вадим не мог никак избавиться от того, что только что произошло на кухне...

– Андреич, просыпайся, труба зовет!

Вадим открыл глаза и увидел Володю, который тряс его за плечо, приговаривая:

– Долго спишь, пора за стол. Пока все не разъехались, надо хотя бы накоротке отметить наступление первого дня в Новом году. Все готово!

За столом, когда все расселись, не оказалось Ялуниных, Светы (она жила по соседству и ушла ночевать домой) и Стаса. Почему-то обратили больше внимания на отсутствие Стаса.

– Люда, а где же наш Стасик? – первой справилась Жанна.

Людмила незаметно переглянулась с Вадимом, чуть покраснела, а потом, стараясь скрыть свое волнение, довольно спокойно отрезала:

– Домой уехал!

И чтобы избежать дальнейших, неприятных для нее расспросов, стала вдруг декламировать:

«По земле шагают годы –

Старый год и Новый год:

Уходящего на отдых,

Новый год сменять идет...»

– Он уже сменил! – поправил сестру Петя.

– Понятно! – с каким-то скрытым намеком отозвалась Жанна.

Но на это никто не обратил внимание. Все дружно выпили, закусили горячими пельменями, пошли рассказы, шутки. Вспомнили новогоднюю ночь, игру-шутку, предложенную Вадимом; говорили, что кому приснилось во время краткого новогоднего сна. Так незаметно пролетело время. Стали расходиться где-то около двух часов дня. Вышли из дома все вместе и гурьбой направились к троллейбусным остановкам. Первым подошел троллейбус, идущий в город.

– Это наш! – воскликнул Володя.

Как только машина остановилась, Жанна, Лена, а за ними Володя с Петей вошли в салон. Дверки троллейбуса захлопнулись, и он медленно тронулся. Вадим и Людмила остались вдвоем на безлюдной остановке.

– Мне в обратную сторону, на Химмаш, – проводив быстро удаляющийся троллейбус, напомнил о себе Вадим. – Остановка на противоположной стороне.

– Я всех сегодня провожаю и тебя провожу, – неохотно улыбнулась Людмила.

– И Стаса тоже проводила бы? – не удержался Вадим.

– А почему бы и нет, – искренне изумилась Людмила. – Он был мной приглашен на вечер как гость; соблюдая элементарную порядочность, надо было его и проводить как гостя, несмотря на его такую оскорбительную выходку. Но он смылся, не дожидаясь утра, видно, стыдно стало...

Они вместе бойко перебежали на другую сторону улицы и не спеша подошли к остановке.

Наступила пауза, Людмила что-то хотела еще сказать, но почему-то колебалась, сдерживала себя.

– Мне понравился вечер, я впервые так интересно и в такой веселой компании встречал Новый год, – прервал затягивающееся молчание Вадим. Ему не хотелось напрямую, в лоб, расспрашивать о ее отношениях со Стасом. Потом этот эпизод со Стасом, может, он зря встрял в их отношения!

Людмила подхватила начатый разговор:

– Я старалась, чтобы всем было хорошо. И все получилось вроде неплохо. Вот только мне Стас изрядно испортил праздник. Я ему никакого повода не давала, чтобы вести так со мной.

– Перебрал, вот и нахамил, – попытался успокоить ее Вадим, – Так случается с нашим братом. Потом, когда хмель пройдет, начинаешь сожалеть о случившемся. Но если есть взаимная любовь, то рано или поздно приходит и взаимное прощение. Все образуется и у тебя со Стасом, не переживай.

– Откуда ты взял, что я переживаю? У нас со Стасом не было ничего даже близкого к любви. Изредка встречались с ним и то чаще ради того, чтобы составить компанию влюбленным Жанне и Диме. Дима и Стас – друзья. Через Жанну и Диму я познакомилась со Стасом. Пригласила его к себе на новогодний вечер как хорошо знакомого и компанейского парня. На вечере должен был быть и Дима, но в последний момент влюбленные поссорились.

– Выходит, компанию Жанне должен был составить я вместо Димы? – уточнил Вадим.

– И да, и нет, – ответила Людмила. – Разговор о тебе шел, когда мы с Вовой обсуждали новогодний вечер. Тогда еще ссоры между Жанной и Димой не было и оба они вместе собирались на вечер. Под вопросом стояло приглашение Стаса. Его пригласили в самый последний момент, когда стало ясно, что Димы не будет.

Откровения Людмилы вернули Вадиму те чувства к ней, которые вспыхнули у него во время вечера и которые его стычка со Стасом чуть не похоронила. Теперь же, слушая ее, он подумал: «А ведь Стас, заметив нарождающуюся взаимную симпатию его и Людмилы, решился на крайний шаг: во что бы то ни стало добиться ее, и тогда она никуда не денется – будет его».

– Люда, а можно задать один вопрос, может, не совсем приятный? – отвлекся от своих мыслей Вадим.

– Ну что же, давай свой вопрос.

– А как получилось, что ты со Стасом оказалась вдруг на кухне?

– Очень просто. Когда все пристроились хоть немного поспать, я тихонько вышла на кухню, чтобы там прибраться: ведь кухня на две семьи, и оставлять беспорядок на ней – негоже. Занявшись мытьем посуды, не заме-

тила, как пришел Стас. Объяснил мне, что вышел покурить. Но курить он не стал, а начал развлекать меня всякими рассказами. Когда я более-менее прибралась на кухне и собралась уходить, он неожиданно выключил свет и стал ко мне приставать. Вот так все и получилось. Спасибо, что подошел вовремя, не знаю, чем это все закончилось, если бы не ты. Еще вопросы будут?

Людмила испытующе посмотрела на Вадима.

– Будут, – последовал его ответ. – Только вот времени нет для дальнейшего разговора, мой троллейбус подходит. Есть предложение: встретиться нам на этой остановке в субботу, в шесть часов вечера.

– Хорошо, – успел расслышать Вадим, заскакивая в троллейбус. Уже в салоне отходящей машины, через окно, он увидел, как Людмила слегка помахала ему рукой. То же самое повторил и он, хотя вряд ли она увидела его ответный жест в окне быстро удалявшегося троллейбуса.

Глава седьмая

Вадим Андреевич шел на лекцию к своим студентам-словесникам по шумному коридору института. Он не торопился, но и не задерживался при встрече со знакомыми преподавателями, студентами, учившимися в разные годы у него: взаимные приветствия ограничивались либо быстрым рукопожатием, либо краткими «привет», «здравствуйте», либо еле заметным кивком головы. Углубленный в свои размышления, он не очень отвлекался на приветствия, на шум в коридоре, исходивший от толпившихся у дверей своих аудиторий студентов. Его занимала мысль о предстоящей учебной лекции, ее содержании. Главное, вокруг чего неотступно вертелась в голове мысль – надо ли подробно излагать материал об образовании РСДРП. По мнению завкафедрой Селянинова, сегодня этот сюжет «не в жилу», т. е. не согласуется с происходящими событиями в стране, особенно после запрета КПСС, и поэтому целесообразно ограничиться лишь констатацией того, что на рубеже XIX–XX веков в России шел процесс образования политических партий. Это было, конечно, не решение кафедры, а всего лишь пожелания ее заведующего. Тем не менее большинство преподавателей восприняли это как своеобразное предостережение на тот случай, если в стране произойдет нечто непредвиденное, может быть, более ужасное, чем запрет КПСС. Естественно, тогда каждый преподаватель будет отвечать за свои поступки персонально без ссылок на решения кафедры или требований заведующего. Вадим Андреевич, как и некоторые другие преподаватели, посчитал совет завкафедрой не более как его перестраховкой. Возможно, ему так и надо поступить, чтобы отвести от кафедры лишние зацепки для ее закрытия из-за каких-то ретроградских решений – пусть не кафедра, а персонально каждый из педагогов несет ответственность за содержание своих лекций и практических занятий, если они у них в чем-то не соответствуют духу перемен. Вадим Андреевич прекрасно понимал мотивы, которыми руководствовался в

данном случае Селянинов, и открыто не осуждал его за это. Сам же он при этом придерживался собственной позиции: освещать в равной степени историю создания всех политических партий в России, в том числе и РСДРП, несмотря ни на какие конъюнктурные соображения. История должна всегда оставаться наукой, нести объективные знания как о прошлом нашей страны, так и о мировой цивилизации в целом.

Рассуждения о содержании предстоящей лекции, о позиции заведующего кафедрой в обеспечении учебного процесса в условиях продолжавшейся сумятицы в стране сопровождали Вадима Андреевича до самой аудитории. Зайдя в нее и увидев встречающих его дружным вставанием студентов, он отбросил всякие сомнения и решил читать лекцию так, как ее подготовил – рассказать обо всех партиях, которые появились в России в рассматриваемый период. Когда студенты успокоились, не спеша достал из папки тезисы своей лекции, затем, выждав, пока в аудитории наступит абсолютная тишина, продиктовал тему лекции, ее основные вопросы. Как-их-то расспросов со стороны студентов по объявленной теме не последовало. Вообще в практике чтения учебной лекции у Вадима Андреевича выработалось свое правило: оставлял десять минут до перерыва, чтобы дать студентам время задать ему вопросы, возникшие у них как непосредственно по теме лекции, так и по текущим событиям внутри страны и за рубежом. Если у них не появлялось к преподавателю вопросов, то им предстояло в течение десяти минут дать письменный ответ на один из сюжетов только что прослушанной лекции. Студентам не очень нравились такие контрольные, поскольку они, не зная заранее о ней и о сюжете, который мог стать темой контрольной, вынуждены были на протяжении всей лекции, не отвлекаясь ни на что, слушать и записывать ее основные тезисы. Ненаписанная или плохо написанная контрольная работа могла негативно отразиться на промежуточной аттестации, зачете и даже экзамене. Мини контрольные помогали не только отслеживать посещение студентами лекций, но и подталкивали лектора их совершенствовать с учетом получаемой обратной связи с аудиторией.

Начав чтение лекции и почувствовав, что излагаемый материал студенты воспринимают вполне адекватно, Вадим Андреевич полностью успокоился, вошел в свою рабочую колею. Он решил не делать сегодня мини контрольной, а дать возможность студентам в течение десяти минут задать ему интересующие их вопросы, в том числе и по текущим событиям в стране, и получить на них от него ответы.

Сначала Вадим Андреевич кратко описал социально-экономическое положение России на рубеже XIX–XX веков, потом перешел к освещению процесса образования политических партий в стране. Особо подчеркнул, что появление оппозиционных организаций было вызвано возросшей активностью значительной части тогдашнего российского общества, добивавшейся демократических перемен в стране. Но как в бытность препода-

вания «Истории КПСС», он начал с рассказа о росте рабочего движения и распространения марксизма в стране. Он был убежден, что поступает правильно, поскольку рабочий класс является основной производительной силой, а марксизм – его идеологией. Да и исторически организованность социал-демократии шла активней. Из этих соображений первоначально остановился на истории появления и деятельности первых марксистских кружков, сыгравших исключительную роль в пропаганде нового философско-революционного учения в российском обществе (1). Не мог не сказать о выдающейся роли Г. В. Плеханова и В. И. Ленина в развитии марксизма применительно к российской действительности и соединении его с рабочим движением.

Студенческая аудитория, молчаливо слушавшая и кое-что записывавшая, вдруг оживилась, когда речь зашла о I съезде РСДРП и о численности делегатов на нем.

– Всего девять делегатов? – раздался чей-то студенческий голос.

– Да, всего девять делегатов, но они представляли шесть организаций: петербургский, московский, екатеринославский и киевский «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», группу киевской «Рабочей газеты», а также еврейскую организацию «Бунд», – не нарушая логики изложения лекции, подтвердил Вадим Андреевич и спокойно продолжил дальше. – Направить больше делегатов на съезд не представлялось возможным по конспиративным, организационным и финансовым соображениям. Съезд проходил в Минске 1–8 марта 1898 г.

– Почему в Минске, а не в Петербурге или Москве? – нарушил тишину все тот же голос.

Вадим Андреевич сделал паузу, убедился, что вопрос заинтересовал многих студентов, ответил:

– В Минске, потому что в то время это был тихий провинциальный город Российской империи, в котором не существовало такой изощренной полицейской слежки, как в столичных городах. Хотя известно, что и в Минске рыскало несколько агентов московской охраны, но им так и не удалось ничего узнать о съезде. А он проходил конспиративно, под видом вечеринки по случаю именин жены Румянцева в небольшом домике на Захарьевской улице (позже, в советское время, проспект Ленина). Сам Румянцев – железнодорожник, исповедовал социал-демократические идеалы.

Чтобы поддержать интерес студентов, Вадим Андреевич рассказал о своем посещении незадолго до перестройки Дома-музея первого съезда РСДРП в Минске.

– Во время Великой Отечественной войны домик, где проходил съезд, был уничтожен гитлеровцами, как и тысячи других зданий города. После войны его в точности восстановили, воспроизвели до деталей и обстановку квартиры, какой она была во время съезда.

– А сейчас Дом-музей существует, его не закрыли? – последовал очередной вопрос.

– В Белоруссии, как и у нас, проходят большие перемены, о судьбе этого музея в нынешних условиях мне пока ничего не известно.

Не дожидаясь новых вопросов, Вадим Андреевич поспешил завершить разговор о I съезде РСДРП и, не делая никакой паузы, начал рассказ о Викторе Курнатовском – одном из тех, кто стоял у истоков социал-демократического движения. Он всегда, если позволяло время, рассказывал об этом удивительном мужественном революционере, который, усвоив однажды идеалы справедливости, равенства и добра, ни под каким предлогом, если это даже грозило жизни, не изменял им, был «бойцом, оказавшимся крепче стали» (2).

Рассказывая о Курнатовском, Вадим Андреевич внимательно наблюдал за реакцией студентов. Ему было приятно сознавать, что они слушают внимательно и, возможно, как и он, восхищаются этим необыкновенным человеком.

Лекционное время быстро шло на убыль. Вадим Андреевич мельком взглянул на свои наручные часы. «Подробно осветить сложный процесс зарождения многопартийности в царской России вряд ли удастся до перерыва», – подумал он. И моментально решил: «Перейду на тезисное изложение вопросов появления партий в стране, а более основательно они и их революционная деятельность будут рассмотрены на предстоящих семинарах. А чтобы семинары прошли интересно и познавательно, студентам дать задание подготовить рефераты по данной тематике».

Приняв такое решение, Вадим Андреевич свернул разговор о Курнатовском и приступил к тезисному изложению возникновения политических партий в России и организаций на рубеже XIX–XX веков: РСДРП, эсеров, кадетов, октябристов, анархистов, черносотенцев (3).

– А сейчас, пожалуйста, вопросы...

Наступила выжидательная тишина. Она длилась недолго. Вот взметнулась вверх рука студента из среднего ряда аудитории. Вадим Андреевич узнал его – это был Сергей Максимушкин, хороший, старательный студент.

– О Викторе Курнатовском, – поднявшись, начал Сергей. – Конечно, это сильная личность. Но, согласитесь, все-таки он был романтиком-идеалистом. Может и нужны были в то время такие люди, как Курнатовский. А нужны ли они сегодня? И были ли таковыми члены КПСС – партии, которую только что запретили? И почему ее запретили?

Развернутый вопрос требовал такого же развернутого ответа. Но запрет КПСС Вадим Андреевич воспринял критически, и говорить об этом сейчас ему не хотелось. Тем не менее студенту следовало отвечать и отвечать убедительно.

– Действительно, первые социал-демократы во многом были романтиками, однако называть их идеалистами в собственном смысле этого слова

будет несправедливо. Почему? – Вадим Андреевич чуть задумался над тем, как лучше построить ответ и, не томя студентов, продолжил. – Их нельзя называть идеалистами, потому что их цели, планы и действия строились не на песке, а на базе марксизма – научной теории, объясняющей закономерности общественного развития. Убедившись в правоте марксистского учения и взяв его на вооружение в своей борьбе против несправедливости и угнетения в мире капитала, они, истинные социал-демократы, так просто, а уж тем более по конъюнктурным соображениям, не изменяли своим убеждениям, даже если за это приходилось расплачиваться жизнью.

– Но убеждения могут меняться по мере приобретения каких-то новых знаний, накопления собственного житейского опыта, – продолжил Максимушкин.

– Конечно, могут, – согласился Вадим Андреевич. – Но это не одномоментный акт, а длительное и порой очень мучительное переосмысление всего того, чему верил и за что боролся, отдал этому, может, полжизни, а может, всю сознательную жизнь. Что касается современных коммунистов, то надо иметь в виду следующее. Наше время – другое, оно отличается от того, что было на рубеже XIX–XX веков. Перед поколением нынешних наших коммунистов стояли иные цели и задачи: не освобождение труда из-под власти капитала, а подчинение его, раскрепощенного, созиданию во благо всего трудового народа. Это их отличало от своих предшественников, а роднили – базовые ценности марксизма-ленинизма. В КПСС в подавляющем большинстве состояли честные, порядочные люди, подтверждавшие на деле высокое звание коммуниста. Хотя в последние годы в рядах партии оказалось и немало карьеристов, для которых партийность служила лишь ширмой для прикрытия своих корыстных устремлений. Что же касается причин запрета КПСС – я отсылаю вас к президентскому Указу от 6 ноября, где о них говорится. Больше ничего сказать не могу. О случившемся сожалею: многомиллионная партия, объединявшая наиболее активных советских граждан, исключена из общественно-политической жизни. Не стало той организованной силы в обществе, которая обеспечивала единство нашего многонационального государства, его стабильность и поступательное развитие.

Вадим Андреевич не заметил, как подошло время перерыва. Объявив об окончании учебного занятия, он был готов вместе со студентами покинуть аудиторию. Но уйти не успел, его остановили несколько студентов, задержавшихся у преподавательского стола.

– Вадим Андреевич, как вы думаете, при Сталине могли бы запретить партию?

Это спросил студент Истомин, но его тут же урезонил другой:

– Что гонишь, и так все понятно: вождь быстренько всех этих вылупившихся дерьмократов спровадил бы в ГУЛАГ!

– Но почему же, вот так сразу – и в ГУЛАГ, – остановил студента Вадим Андреевич. – Репрессии в 30-е и первые послевоенные годы были по-

рождены в первую очередь невероятными трудностями социалистической модернизации страны, восстановлением народного хозяйства и переходом к мирной жизни после тяжелейшей войны, которую вынес наш народ. Думаю, Сталин как руководитель правящей партии ни при каких обстоятельствах не пошел бы на ее запрет. Почему? Во-первых, он был из тех коммунистов, кто побывал в ссылках за свои убеждения, внес свой вклад в становление большевистской партии, способствовал ее приходу к власти в России. Во-вторых, обладая способностями аналитического прогноза и сильной волей, Сталин принял бы более взвешенную программу перестройки, подобрал и направил на ответственные участки квалифицированных специалистов и установил бы жесткий контроль как за их работой, так и за ходом выполнения намеченных мероприятий в целом. Что получилось с перестройкой? Из-за несовершенства самой концепции перестройки, ее программы, непоследовательности в реализации мероприятий страна вместо прогресса покати-лась буквально к катастрофе. Партийное и советское руководство, не найдя выхода из создавшейся критической ситуации, растерялось, ничего лучшего не могло придумать, как заняться бичеванием советской системы. Этим умело воспользовались противники КПСС, обвинив ее во всех наших бедах. Кто запретил партию? Президент Ельцин, позиционировавший себя до и в начале перестройки коммунистом-ленинцем.

Вадим Андреевич внимательно посмотрел на студентов, а потом у него нелепо вырвалось крылатое латинское изречение:

– Errare humanum est.

Не дожидаясь, пока студенты спросят, о чем это изречение, он его перевел: «Человеку свойственно ошибаться».

Потом, чтобы завершить беседу со студентами, поинтересовался:

– У вас следующая – что за пара?

– Античка, – хором ответили те.

– Ну что же, вам пора на занятия, а интересующие вопросы по истории и текущим событиям мы с вами обсудим на последующих лекциях и семинарах. А пока – до свидания!

* * *

После лекции Вадим Андреевич заглянул на кафедру. На ней он стал заведующего, сидевшего в гордом одиночестве.

Обменявшись взаимными приветствиями, сразу перешли к обсуждению последних новостей.

– Михаил Павлыч, как ты расцениваешь новые акции президента Ельцина?

– Ты имеешь, Вадим Андреич, в виду перевод под юрисдикцию российских властей общесоюзных структур, включая Госбанк СССР? (4)

– Да.

– Что могу сказать: дело пошло к упразднению Советского Союза!

– К расчленению исторически сложившейся великой страны! Как это согласуется с Конституцией СССР?

– Гарант конституции – президент СССР Горбачев – уже потерял реальную власть. Поэтому конституция сегодня – бумажка для других нужд.

Михаил Павлович, не желая дальше вести разговор на волнующую тему, прервал его и спустя пару минут вдруг поинтересовался:

– Как прошла лекция? Ты, кажется, собирался подробно изложить процесс создания политических партий в России на рубеже веков? (Оставшись наедине, они обращались друг к другу на «ты».)

– Да, я остановился на образовании партий, но не так подробно, как следовало бы. Слишком мало времени дается на эту тему. Лекция прошла нормально, задавали вопросы.

– Будь осмотрительным, Вадим Андреевич, не выпячивай откровенно свои коммунистические убеждения. Наступает не то время, чтобы строить из себя правоверного коммуниста.

– В этом, по-моему, и трагедия КПСС. Правящая партийная номенклатура, оказавшись не в состоянии справиться с кризисом социализма, стала выбрасывать на помойку свои коммунистические идеалы, а рядовые коммунисты в своем большинстве замерли в ожидании: а что будет дальше? Вместо того чтобы заявить протест против этого произвола организованно, в масштабах страны.

– Беда в том, что все мы, коммунисты, привыкли, точнее – нас приучили – ждать партийные установки сверху и их беспрекословно выполнять. Демократический централизм, практикуемый в партийной жизни и вкось, и вкривь, отучил первичные партийные организации, рядовых коммунистов, от самостоятельности в своих решениях и действиях.

Селянинов замолчал, видимо, ожидая реакции своего собеседника. Тот не заставил себя долго ждать:

– Это, Михаил Павлович, так и не совсем так. Вспомни наши партийные собрания, на которых заинтересованно и горячо обсуждались все принципиальные вопросы институтской жизни, подвергались резкой критике ректорат, деканаты, партком за упущения в учебной, научной и воспитательной работе, в хозяйственной деятельности. И сколько разумных предложений поступало от коммунистов, многие из которых находили отражение в решениях партийных собраний и парткома. На районных, городских и областных партконференциях также было немало и критики, и разумных предложений делегатов. Так что демократический централизм не являлся уж таким сдерживающим тормозом для коммунистов в проявлении ими самостоятельности и инициативы. Нет, здесь что-то другое – партия, прошедшая такие невероятные испытания и немало сделавшая для блага народа, покорно положила себя на плаху.

– А что может быть здесь такое другое? – задумчиво задал вопрос, больше себе, заведующий кафедрой и тут же ответил: – Обюрокращивание

партийного чиновничества снизу доверху посредством того же демократического централизма.

– А я думаю, не последнюю роль здесь сыграл феномен Ельцина, породивший много надежд и ожиданий, а затем в одночасье их жестоко разрушивший, – высказал свое мнение Вадим Андреевич. – Решение Ельцина о запрете партии шокировало настоящих коммунистов, причем не только из числа его противников, но и сторонников. По этой причине до сих пор подавляющее большинство партийцев не могут прийти в себя, находятся в оцепенении.

Заведующий кафедрой промолчал. Звездин не стал дальше продолжать разговор на злободневную тему. Очевидно, это устраивало и заведующего. Он повел речь о другом:

– На днях на кафедру заходила Искорцева. Интересовалась: можно ли поступить в заочную аспирантуру?

– И что ты ей ответил?

– Неопределенно. Сам знаешь, в какой ситуации находимся: хотя вроде бы кафедру и не собираются закрывать, но как знать – возьмут и ее прихлопнут. Сегодня слишком все быстро меняется. Кроме того, переход на новую учебную дисциплину потребует в первую очередь большой методической работы, которую придется в срочном порядке выполнять, даже в ущерб научной. Так что твоей подопечной ничего больше сказать не мог, кроме как посоветовать набраться терпения и ждать лучших времен.

– Хорошо, что хоть какую-то оставил ей надежду на будущее. Она – толковая дама, ей надо дать шанс стать вузовским преподавателем. Я в свое время не смог по независящим от меня причинам ее протолкнуть в аспирантуру.

Звездин подал руку заведующему и, сказав «пока», направился к выходу с кафедры.

* * *

Напоминание заведующего кафедрой о встрече с Искорцевой и фактически его отказ ей в аспирантуре невольно заставили Вадима Андреевича задуматься о том, почему ему не удалось, оставаясь еще заведующим, решить эту проблему. Покинув институт и по пути домой, он попытался восстановить в памяти все свои действия, связанные с решением вопроса с аспирантурой для Искорцевой. Да, она очень стремилась попасть в аспирантуру. И он, учитывая ее способности и, чего греха таить, увлеченность ею, попытался ей в этом помочь. Пошел на то, что сделал новую заявку на место в аспирантуру специально для нее. Правда, в аспирантуре не сразу пошли навстречу: ведь Искорцева продолжала работать заведующим кабинетом, а не преподавателем кафедры. Пришлось заверить в отделе аспирантуры, что поскольку она поступает в аспирантуру по целевому направ-

лению кафедры, то потом, после аспирантуры, будет работать преподавателем кафедры.

Вадим Андреевич до сих пор не забыл, какую доставил радость Искорцевой своим сообщением о направлении ее в целевую аспирантуру. Это он сделал в ее день рождения, 5 июля. Многие преподаватели уже ушли в отпуск. Из кафедралов присутствовали на чаепитии Ветракова, Фролова, Турчак, он, заведующий, и подруга именинницы, работница библиотеки Лена Демчук. В небольшой компании, собравшейся в кабинете истории, было домашнему просто, тепло и весело. Как руководитель, первым начал он. Поздравив Искорцеву с днем рождения, выдав в ее адрес несколько приятных комплиментов, в заключение после короткой паузы вдруг объявил, что кафедрой сделана заявка на предоставление места в аспирантуре специально для именинницы. Услышав это, все дружно зааплодировали, а Искорцева от такого неожиданного «сюрприза» не знала, как себя повести. На помощь пришла Ветракова. Она говорила долго, витиевато. Турчак, захвативший с собой гитару, пропел имениннице старинный русский романс о любви. Не остались в стороне Фролова и Демчук, они тоже постарались найти теплые слова в адрес Надежды по случаю ее дня рождения.

Чаепитие было недолгим. Вначале ушла Ветракова, объяснив свое «исчезновение» со столь приятного торжества неотложными домашними делами. Ее примеру последовали Фролова и Турчак. Задержалась Демчук – она помогла убрать все со стола и привести в порядок кабинет. А когда все было сделано, Лена тут же покинула кабинет. Оставшись наедине с Искорцевой, он еще раз поздравил ее с днем рождения и не удержался – поцеловал именинницу. Она, скорее всего, не ожидавшая такого от своего шефа, растерялась, потом улыбнулась, приняв поцелуй как еще одно допустимое поздравление в день рождения.

Вспоминая теперь тот памятный день, Вадим Андреевич почувствовал нарастающее волнение, то волнение, которое он испытывал тогда, находясь вдвоем с Искорцевой.

Проблема с аспирантурой в то время его занимала немало, и он стремился, пока был заведующим кафедрой, для Искорцевой решить ее положительно. Но не успел этого сделать до своего переизбрания на должность заведующего кафедрой на второй пятилетний срок. Был уверен, что здесь все пройдет без особых сложностей. Но ошибся: на второй срок заведующим кафедрой его не избрали. В парткоме и ректорате объяснили, что кандидат наук по существующему правилу может избираться на эту должность только на один срок – пять лет, а на второе пятилетие рекомендуется в порядке исключения (с докторской диссертацией работа у него, действительно, затормозилась на неопределенное время в связи с переменами в стране). Когда же он напомнил секретарю парткома, что его оставить на второй срок просит кафедра и ранее не возражал партком – получил

неожиданный ответ: заведующий кафедрой истории КПСС должен быть не только доктором наук, но и политически грамотным руководителем.

Да, напомнили довольно осторожную им критику ЦК КПСС по поводу разнuzданной перестройки на открытом партсобрании института, и партком вместе с ректоратом занялись поисками новой кандидатуры на заведование кафедрой истории КПСС вместо него, не ставя об этом в известность его, еще остававшегося в этой должности.

В партком на собеседование приглашались Селянинов и даже Турчак. На кафедре установилась атмосфера неопределенности. Менялось отношение преподавателей и к нему – с официально уважительного на отношение сочувствия. В трудной ситуации оказалась Искорцева, она буквально не знала, как себя вести в данной ситуации: то ли по-прежнему, как ни в чем не бывало, сохранять более чем уважительные отношения с шефом, слагающим с себя полномочия заведующего, то ли потихоньку, не броско, от него отмежевываться и тем самым избежать возможные препятствия на пути в аспирантуру при новом заведующем кафедрой по чисто субъективным соображениям последнего. Она избрала второй вариант: решила встречаться с ним как можно реже, только по крайней необходимости. Он не осуждал Искорцеву за это, понимал ее опасение вновь оказаться вне аспирантуры. В то же время менявшееся на глазах отношение к нему человека, которого благодворил, вызывало горечь, приводило его в подавленное состояние. А если он видел рядом с ней Турчака (после беседы с ним в партком на кафедре поползли слухи о вероятности его утверждения за кафедрой), начинало закипать и чувство ревности.

После некоторых маневров партком и ректорат остановились на кандидатуре Селянинова: он был несколько моложе, к тому же подготовил и защитил докторскую диссертацию, что и сыграло решающую роль при его назначении заведующим кафедрой. При передаче Селянину кафедральных дел попросил его решить до конца вопрос с аспирантурой для Искорцевой, попросил, хотя ее отношение к нему, бывшему заведующему, становилось далеко не прежним и даже, как ему казалось, безразличным. Несмотря на ее непонятное отношение к нему, он все же поинтересовался у заведующего кафедрой в начале нового учебного года, как обстоит дело с аспирантурой. На что тот ответил: «Искорцева продолжает работать заведующим кабинетом. Что же касается места в аспирантуре для Искорцевой – Селянинов ничего конкретного сказать не мог». Стало ясно: он не будет проявлять того рвения относительно аспирантуры для Искорцевой, которое в свое время исходило от него. Вскоре это поняла и она. Убедившись, что аспирантура ей вновь «не светит», Искорцева ушла в школу работать историком.

Вот так получилось, что он не смог ей помочь с аспирантурой. А теперь она пытается все же поступить в аспирантуру хотя бы заочно. Молодец! Но пойдет ли ей навстречу в новых условиях Селянинов? Вряд ли. А он, Вадим Андреевич, спустя несколько лет как расстались, готов ли

Искорцевой оказать помощь с аспирантурой? Пожалуй, да. Пусть даже уже и нет унесенного временем его увлечения ею. Но как? Теперь у него, к сожалению, никаких возможностей для этого не было.

Глава восьмая

Предстоящее свидание занимало Вадима и дома, и на работе. Какое-то подспудное щемящее чувство наполняло душу, не давало ему покоя. Конечно, у него, как, наверное, у каждого школьника в пору наступившей юности, были свои увлечения кем-то, но они воспринимались совсем по-другому, в них присутствовало нечто романтическое, непостижимое. То были школьные годы с их радостями, переживаниями и большими надеждами. Но они прошли, наступила пора молодости – более ответственное и прагматичное время, когда романтика любви может перерасти в нечто большее, возможно, в супружескую семейную жизнь. Поэтому от предстоящего свидания он, полный молодой энергии и задора, ожидал не просто подтверждения знакомства и возможных периодических встреч, а большой любви.

Вадим был уверен, что встреча с Людмилой состоится. В этом его убеждали откровенный разговор с ней на остановке и теплое расставание. Хотя как знать: Стасик вдруг заедет к ней на неделе, попросит у нее прощения за свою дурную выходку на новогоднем вечере, она простит, а ему, Вадиму, во время встречи скажет: извини, друг, мы помирились со Стасом. Может быть такое? А почему бы и нет!

Так рассуждая, Вадим решил пока ни с кем не делиться о предстоящем свидании. Однако уже в первый рабочий день нового года, в дневную смену, когда из-за отсутствия работы (были задержки с подачей заготовок деталей для их обработки) приходилось больше сидеть или слоняться от безделья по цеху, – вот, чтобы убить время, занялись рассказами, кто, как и где встречал Новый год. Первым проявил инициативу Николай:

– Мы с Петровичем праздновали встречу Нового года в заводском клубе. В нем было все: елка, буфет, оркестр и полно народу. Веселись на полную катушку. – Обратившись к Игорю, сказал: – Я вот только сожалею, что с тобой после буфета расстался.

– С кем и куда ты отвалил, не дождавшись меня, пока я выйду из буфета – это меня озадачило! – отозвался Игорь. – Туда-сюда посмотрел – нет моего Коли, словно сквозь землю провалился.

– Я, выйдя из буфета, встретил знакомую чувиху, – начал откровенничать Николай. – То се, слово за слово, узнал, что она одна, без лера², я к ней и подклеился на вечер. Вместе с ней встретили ее знакомую компанию, побывали в буфете, потом танцевали вокруг елки. Попробовал ее

---

² Лер – ухажер.

обжимать: сначала слегка – она ничего; потом посильней – она резко оттолкнула меня и ушла. Попробовал найти ее – куда там, слишком много народу было, она где-то затерялась в толпе, я ее не нашел. Расстроился, вернулся в буфет, принял на грудь еще, не скупясь, потом пошел тебя, Петрович, искать, а вот что было дальше – не помню.

– А дальше вот что было, Христос, – продолжил Игорь. – Ты ко мне подошел – я танцевал с Галкой с разметки. Не обращая на меня внимания, стал приставать к ней с поцелуями, смущая ее. Я тебя старался как-то остановить, урезонить – ты ни в какую, не слышишь и не видишь меня. Пришлось тебя слегка оттолкнуть – ты упал. Я понял, что друг до полусмерти пьян и его надо быстрее проводить в общежитие, домой, пока не попал в какой-нибудь переплет. Что мы с Галкой и сделали, а потом с ней прогуляли до утра по нашему поселку. Погода для этого была подходящая. А ты, друг, как встретил Новый год в Уктусе? – закончив разговор о себе, Игорь обратился к Вадиму.

– Я замечательно встретил! Такой встречи Нового года в моей жизни еще не случалось. По накалу праздничного настроения, веселья для меня это была чудесная «Карнавальная ночь».

– Подругу там встретил? – поинтересовался Николай.

– Встретил и о свидании с ней договорился! – с нескрываемой гордостью похвастался Вадим.

Дальнейшую беседу прервал подошедший секретарь партийной организации цеха Науменко.

– Что, друзья-товарищи, бездельничаем, – ни то шутя, ни то всерьез приветствовал он сидящих на плите молодых рабочих. – А где ваш бригадир?

– Да вон он идет, – показал рукой Игорь на шагнувшего не спеша по пролету Воронова.

Увидев находящегося на рабочем месте бригады парторга цеха, бригадир прибавил шагу и вскоре подошел к нему.

– Что же получается, Матвей Данилович? – начал с вопроса свое приветствие бригадир. – В начале месяца – баклуши бьем, а в конце месяца – штурмуем! И когда это безобразие прекратится? Говорим об этом на каждом углу, обсуждаем на партийных собраниях и принимаем решения – и никакого толку! Все как было – так и остается!

– Не все от нас зависит, Иван Никифорович. На днях состоится заседание парткома, на котором будет специально обсуждаться вопрос о повышении ритмичности работы завода и выпуска продукции. Надеюсь, принятые меры помогут устранить этот перекос в работе нашего цеха и предприятия в целом. А пока, в утешение, сообщу некоторые итоговые неплохие данные о работе заводского коллектива за декабрь и четвертый квартал 1960 года. Они должны появиться в заводской многотиражке.

Науменко достал свою записную книжку и, чтобы преодолеть грохот в цехе, громко, без запинки, заглядывая в нее, огласил итоговые данные о работе предприятия:

– За четвертый квартал: по выпуску валовой продукции план выполнен на 105,2%, по выпуску товарной продукции – на 107,7%, по производительности труда – на 103,2%. – Сделав паузу, парторг продолжил: – А вот по выпуску продукции химического машиностроения – только на 96,2%.

На этом он остановился, захлопнул свою записную книжку и собрался уходить, но его остановила неожиданно подошедшая Лиза Бочарова, комсорг цеха:

– Задержитесь, Матвей Данилович, дело есть. – И тут же, широко улыбаясь, обратилась к рабочим, стоявшим рядом: – Привет рабочему классу!

– Здравствуй, здравствуй, Лиза, с чем к нам пожаловала? – первым отозвался бригадир.

– Я, собственно, к Вадиму... – она запнулась вдруг, будто бы вспоминая его фамилию.

– Звездину, – подсказал Науменко. – Пора комсоргу знать фамилию своего комсомольца.

– Фамилию я его знаю, но мне хотелось произнести имя и фамилию на одном дыхании, звучно, вот так: Вадим Звездин! Красиво звучит?

– Да уж, – согласился парторг.

– А теперь к делу. – Бочарова сделала серьезной, с ее красивого лица мгновенно исчезла улыбка, уступив место озабоченности. – Оперативная группа комсомольской организации нашего цеха оказалась без руководителя. Ее возглавлял Саша Мухин, он хорошо работал. Саша ушел в армию. Решением комсомольского бюро на опергруппу рекомендовали Виктора Зырянова, но он, к сожалению, не справился с данным ему поручением. Мы, в бюро, долго думали и решили, что наиболее подходящей кандидатурой будет Вадим Звездин. Он – после армии, энергичный, пока не имеет комсомольских поручений. – И тут же комсорг обратилась к бригадиру: – Иван Никифорович, а как наш комсомолец проявляет себя на работе?

– Как проявляет? – переспросил бригадир, посмотрев на Вадима. Затем рассудительно ответил: – Наша профессия рихтовщика несложная, более физическая, как говорится, сила есть – ума не надо! Вадим быстро освоил все рабочие операции, трудится добросовестно, не сачкует.

– Это хорошая кандидатура, Лиза, – заключил Науменко. – Думаю, он справится с этим поручением, наладит работу нашей комсомольской опергруппы.

– А ты, Вадим, как смотришь на это поручение? – спросила комсорг Вадима.

– Поручение для меня неожиданное, надо подумать. К тому же я абсолютно не знаю, что надо будет мне делать, – последовал несколько неопределенный ответ Вадима.

– Об этом не беспокойся, – оживилась Лиза. – Мы введем тебя в курс этой работы на заседании комсомольского бюро, на котором утвердим твою кандидатуру в качестве руководителя опергруппы, а в комитете комсомола завода получишь необходимый инструктаж. Только, пожалуйста, быстрее думай – время не терпит!

Бочарова и Науменко ушли вместе, что-то на ходу еще обсуждая. А в бригаде тоже началось обсуждение только что сделанного Вадиму предложения.

– Слушай, Вадь, зачем тебе нужна эта обуза, откажись, пока не поздно, – высказался Николай. – Ты в армии отмантулил три года и, баста! Теперь надо столько же на гражданке побыть и вольной птицей полетать: что хочешь, то ворочу, с кем гуляю – не скажу. А дальше – будет видно!

– Да, Николай, тюремной философией так и прет из тебя, – вмешался бригадир. – Ты никак не можешь усвоить простую истину: нормальная жизнь, в которой нет места пьянству, хулиганству, другим антиобщественным проявлениям, а есть дружба, любовь, взаимоуважение, счастье и веселье, – такая жизнь не создается по щучьему велению, каким-то волшебником. Таковой ее мы делаем сами, коллективно. Если кто-то из нас будет голову прятать в песок, а задницу греть на солнце – далеко не уедем, и коммунизма нам не увидать, как своих ушей!

– Свои уши я зрю каждое утро в зеркале, – усмехнулся Николай.

– В зеркале-то можно увидеть и коммунизм уже сегодня, – съязвил бригадир.

– Давайте лучше поговорим о чем-то другом, – прервал назревающий спор между бригадиром и Николаем Вадим. – Я подумаю и решу, как мне здесь поступить. А пока я хотел бы вот о чем спросить: какую продукцию выпускает завод, куда она идет, ее назначение. Парторг назвал несколько показателей, характеризующих работу нашего завода, но они мне не совсем понятны.

– Вот когда человек, только что поступивший на завод, заинтересуется его историей, выпускаемой продукцией – сразу видно, что он не летун-временщик; он поступил на завод с надеждой не только на большие заработки, но и со стремлением связать с ним свою дальнейшую судьбу, – сменил тон разговора бригадир. – Тебе, Вадим, начинающему рабочему, думающему, как лучше устроить свою жизнь, полезно узнать как можно больше о нашем заводе, о его людях, знаниями и трудом которых создаются сложнейшие машины и аппараты для химической промышленности и других отраслей народного хозяйства. Может, после этого ты настоящему полюбишь наш завод, он станет для тебя родным.

Бригадир смахнул вачегами окалину с плиты, потом положил на нее те же самые вачеги и сел на них.

– Садитесь, хлопцы, займемся политучебой, пока производственной работы нет, – добродушно предложил Воронов парням. – Только что-

нибудь подложите под себя – дощечки или вачеги, а то, сидя на железной плите, можно простудиться.

Бригадир немного помолчал, видимо, собираясь с мыслями и поджидая, пока его слушатели усядутся на плите.

– Так вот, друзья, наш завод рождался в муках военного лихолетья, – начал свое повествование Воронов – Строить его начали еще до войны, но не хватило силенок, и стройку заморозили. Возобновили строительство завода в 1941 году, когда началась война. В конце августа – начале сентября в Свердловск прибыли эшелоны с оборудованием киевского завода «Большевик» – единственного в стране до войны поставщика химической аппаратуры из специального чугуна. Эвакуация завода произошла из-за того, что Киев могли в любой момент захватить немцы. А что значило оставить врагу такой завод? Усилить его экономически в войне с Советским Союзом. Поэтому завод быстро демонтировали и отправили на Урал; стали его восстанавливать в Свердловске, на площадке, где начинали строить Уралхиммашзавод. Прибыли сюда из Киева инженерно-технические персонал и рабочие завода «Большевик» со своими семьями. Их приехало более тысячи человек. Киевляне и стали основной ударной силой в возведении для них родного и одновременно нового завода химического машиностроения. Работать приходилось в тяжелейших условиях: жили в землянках, питались скудно, трудились под открытым небом, строили цеха и монтировали оборудование при температуре минус 30 градусов мороза и ниже. Особенно морозным выдался январь 1942 года. Ветераны рассказывают, что температура иногда падала за 40 градусов ниже нуля.

Бригадир замолчал. Возможно, он вспомнил то суровое время, которое ему тоже пришлось пережить: фронт, ранение, госпиталь и демобилизация. На Химмаш поступил в январе 1945 года. Конечно, ситуация была уже здесь другая, несколько лучшая, но трудностей еще хватало.

– Дядя Ваня, что же было дальше? – вывел из задумавшегося раздумья бригадира Вадим. – Когда завод был пущен и что он производил в войну?

– Днем рождения нашего завода считается 28 февраля 1942 года. В этот день была принята военным представителем первая крупная партия минометов, изготовленная коллективом Уралхиммаша и запакованная для отправки на фронт. Как видите, завод построили в кратчайшие сроки. Вот вам, молодому поколению, пример как надо работать, чтобы достичь желаемого результата. Это был подвиг рабочих, инженеров, техников, первого директора завода Валерьяна Петровича Курганова, на плечах которого лежала вся ответственность за строительство и своевременный пуск завода, за организацию производства необходимой продукции для фронта; это был подвиг, совершенный ими во имя Победы и нашей с вами мирной счастливой жизни. Подвиг коллектива завода в годы войны был высоко оценен Правительством: в 1945 году завод наградили орденом Трудового Красного Знамени, а многих работников – орденами и медалями Советско-

го Союза (1). В войну, как я уже сказал, завод выпускал минометы, а также авиабомбы, изготовил оборудование для Уральского алюминиевого завода, ставшего в военные годы основным поставщиком алюминия для авиационной и танковой промышленности. В конце войны коллектив завода стал переходить на выпуск мирной продукции: изготовил шахтное оборудование для освобожденного Донбасса, начал производить редукторы, теплообменную аппаратуру, автоклавы, расточные и строгальные станки, товары народного потребления. Сейчас основной продукцией завода являются вакуум-фильтры различных наименований и электролизеры. Вакуум-фильтры – аппараты для фильтрования жидкостей. Например, в целлюлозно-бумажной промышленности они используются для промывки целлюлозы. Электролизеры применяются для производства хлора, фтора, хлоратов и другой продукции химической промышленности.

Закончив свой рассказ о рождении завода и выпускаемой им продукции в военные и послевоенные годы, Воронов спросил: – Будут еще вопросы?

– У меня вопрос, дядя Ваня, – первым подал свой голос Игорь. – Все в цехе знают, что на завод вы пришли в самом конце войны и работали электросварщиком. И сварщиком классным вас считают до сих пор. Но вы перешли на малоквалифицированную работу – стали рихтовщиком. Зачем вам это нужно было? Наверняка и в зарплате потеряли?

– Профессию сварщика я освоил еще до войны и работал по этой специальности в Нижнеисетской артели «Смычка», – несколько подумав, продолжил свой рассказ бригадир. – Из артели ушел на фронт, оставив дома жену с двумя маленькими ребятишками – пятилетней Катей и шестимесячным Павликом. Павлик умер в январе 42-го от простуды. Воевал на разных фронтах. Контузило на Калининском фронте в декабре 41-го года в боях под Москвой; тяжелое ранение получил летом 1944-го года под Бобруйском при освобождении Белоруссии. Нас, тяжелораненых, находившихся между жизнью и смертью, перед отправкой в госпиталь, навестил командующий 1-м Белорусским фронтом, Маршал Рокоссовский. Он по-отечески поблагодарил за стойкость и мужество в боях против немецко-фашистских захватчиков во имя спасения нашей Родины, сказал, что Родина-мать ваш подвиг не забудет. Потом он подошел к каждому из нас и, прощаясь, напутствовал добрым словом. До сих пор хорошо помню слова, сказанные мне Маршалом: «Крепись, боец Красной армии, и помни: ты победил лютого врага в этой кровавой войне; держись, и ты обязательно победишь свою смерть; знай, ты нужен своей Отчизне и твоей семье». После госпиталя комиссовали, и для меня война закончилась. Приехал домой, устроился на Химмаш электросварщиком и проработал им лет десять. Потом пришлось оставить эту профессию – стали болеть глаза; нахватаюсь за смену «зайчиков», а после смены дома места не нахожу из-за острой рези в глазах. Сказались здесь и контузия, и ранение. Врачи посоветовали сменить

работу. По решению партбюро возглавил бригаду рихтовщиков, состав которой часто менялся: одни уходили из-за небольшого заработка и работы не по душе; другие приходили и тоже оказывались временщиками по этим же причинам. Короче, бригада не справлялась с растущим объемом работы, ставила под срыв выполнение цехом производственного задания. Надо было что-то делать. Вот меня как коммуниста и направили сюда, в отстающую бригаду, навести порядок.

Бригадир поднялся, взял вачеги и, отряхивая их, добавил: – Справиться с текучестью полностью не удастся, но костяк бригады сложился: Алексей Кузеванов работает больше десяти лет, Захар Соснин – около десяти, я разменял шестой год. Хотелось, чтобы и вы, хлопцы, задержались в бригаде подольше. Зарплата наша – сдельная, она зависит от того, как и какие идут заказы и как мы поработаем. Вот если все здесь идет нормально, то и зарплата выходит приличная, не меньшая чем у электросварщиков...

Бригадир, давая понять, что разговор окончен, достал из кармана брюк наручные часы, внимательно всмотрелся в пожелтевший циферблат, на котором еле различались потертые цифры, и, разобравшись во времени, воскликнул: – О, время обеда! Давайте на обед, а после обеда посмотрим, чем заняться. И тут же поинтересовался: – А вы старые деньги на новые поменяли?

– По-ме-ня-ли, – нараспев, без особого энтузиазма откликнулся Николай. – Была куча, а стала горстка, не знаешь, как ими пользоваться теперь, чтоб не прогореть где-нибудь.

– Деньги надо не только уметь зарабатывать, но и расчетливо их тратить, – заметил бригадир, когда уже они вчетвером неторопливо шли в столовую...

После обеда тоже пришлось больше просиживать, нежели работать. Лишь к концу рабочей смены стали поступать заготовки деталей, однако их обработкой предстояло заняться уже второй смене. Так решил бригадир. Перед тем как всем отправиться в душевую, он распорядился:

– До конца этой недели в первую смену мы работаем с Вадимом, во второй остаются Кузеванов и Соснин, а в третью пойдете, друзья, вы. Он указующе посмотрел на Игоря и Николая.

* * *

В общежитии, дома, Вадим застал Володю, валявшегося на своей кровати с «Вечерним Свердловском» в руках. Увидев появившегося в дверях комнаты друга, он, ничего не говоря, быстро вскочил с кровати, взял со стола письмо и, подняв его высоко над своей головой, размахивая им и смеясь, стал нараспев приговаривать:

– Танцуй, старик, танцуй, старик, тебе письмо!

– Откуда? – спросил Вадим, стремясь быстрее узнать его адресат.

– Пока не сбцаешь – не скажу!

Пришлось пару присядок выполнить, пока, наконец, Володя отдал письмо. Оно было из Новосибирска от Любы Гриньковой. Он ждал от нее письмо с нетерпением, вернее, ответ на свое письмо, отправленное ей в начале ноября – сразу, как только устроился рабочим на Химмаш. Надеялся получить от нее весточку к Новому году, но она до него долетела вот только в январе.

Вадим быстро переоделся и, устроившись на своей кровати, распечатал конверт, достал из него ровно сложенные листочки, распрямил их и начал про себя читать:

Вадик, здравствуй!

Письмо твое получила. Рада, что ты устроился работать на такой прославленный завод.

Я по-прежнему работаю на стройке крановщицей. Интересуюсь спортивной жизнью, «болею» за хоккеистов, как сборную страны, так и нашу местную команду «Сибсельмаш». В свободное от работы время посещаю кино и театры, слежу за новинками в литературе. В общем, не позволяю себе скучать. Теперь отвечаю на твои вопросы. Ты спрашиваешь, как я оказалась в Новосибирске? Но мы с тобой об этом говорили после выпускного вечера, когда расставались; потом, кажется, я писала кое-что об этом в одном из своих писем тебе в армию. Если ты пожелал узнать больше о новосибирской моей эпопее, то – пожалуйста.

Итак, после школы я, Лина, Саша, Тамара и Аня после некоторых размышлений и колебаний подали в РК ВЛКСМ заявление с просьбой поехать на строительство Братской ГЭС. Но нам путевок «не хватило». Видимо, здесь не обошлось без «помощи» отца Лины – главного инженера нашего леспромхоза, известного человека в районе, стремившегося дать дочери высшее образование. Но я о стройке не переставала думать. Правда, в Братск я не решилась поехать одна. Из Новосибирска старший брат написал мне, что в их городе ведется большое строительство, и на стройке места хватит и для меня. Вот и прикатила в Новосибирск и не раскаиваюсь. Сходила с братом к нему на завод. Все было интересно, но не понравилось. Был набор на курсы крановщиков – о большем я и не мечтала. И вот уже четвертый год вкальваю, как говорят у нас. Ни на что стройку менять не думаю. Идешь по городу и видишь: стоит новый дом, и радостно становится от сознания того, что здесь есть доля и моего труда – помогала каменщикам, монтажникам, плотникам, сантехникам, отделочникам. А что может быть приятнее этого! Не менее чем в 20 домов и зданий Академгородка вложен мой труд, а в них живут люди, ведут свои исследования ученые.

Мне приходится кочевать с одной стройки на другую по всему городу. Вот когда едешь на работу или с работы, то нередко встречаешь и тех, кто на спецуру мою поглядывает косо.

*... Что всякая блатная рвань
Стоит с распухшей мордой, модной гривой.
Ей в диковинку костюм рабочий мой,
Мазутный спутник мной любимый...
Я рада, что дома росли именно так,
Как куртка их рабочая растила.*

Кончаю, об этом не в меру расфилософовалась. Теперь о моих сердечных делах и о моем замужестве. Если тебе интересно это знать... ну, в общем, так: действительно, пока семьей обзаводиться не собираюсь. Был тут у меня друг, да сплыл. Слишком большой подлостью от него несло, что поначалу я не замечала. А теперь для меня все женихи – подлецы, стоит ли на них молиться? Может, тебе это и неприятно от меня слышать, но это так. Права я или нет – время покажет.

Я, кажется, ответила на твои вопросы. Пока все.

Поздравляю с Новым, 1961-м годом! Пусть грядущий год принесет тебе много радостей и минимум печали!

С приветом, Люба!

Новосибирск, 20.12.1960-го года.

Дочитав письмо, Вадим задумался. Его больше всего задело откровение Любы о женихах как подлецах. С чего бы она так резко негативно о них отозвалась. Кто ее друг, так насоливший ей? О нем она ему в своих письмах не писала. Да он и сам ее не спрашивал об этом. Взаимная переписка на протяжении трех лет укрепила его дружеское отношение к ней. Была теплая встреча с ней в Новосибирске, на вокзале, когда он возвращался из армии, досрочно демобилизовавшись в связи с поступлением в Челябинский политехнический институт (он, получив на руки проездные документы, телеграфировал ей, указав день и время прибытия поезда в Новосибирск). Она просила его сделать остановку хотя бы на пару дней – отказался, мотивируя тем, что опаздывает на вступительные экзамены. Обещал приехать после поступления в институт. В институт не поступил – провалился на математике (письменно). Вместо Новосибирска уехал домой, к родителям, которых не видел более трех лет. Ехать к ней в солдатской робе не захотел – решил приодеться, а потому и устроился на Химмаш, откуда и написал ей письмо, в котором кроме всего прочего проявил заинтересованность в ее сердечных делах и замужестве. Зачем это надо было делать? Чтобы выяснить ее отношение к нему перед тем, как ехать к ней в Новосибирск? Но ведь она просила, настойчиво просила его задержаться в Новосибирске хотя бы на пару дней, видимо, для того, чтобы объясниться, снять все неясные вопросы в отношениях между ним и ею.

– Что, старик, задумался, – оторвал Володя Вадима от его размышлений, навеянных письмом. – О чем пишет тебе подруга новосибирская?

– Одноклассница, – уточнил Вадим, все еще оставаясь под впечатлением от письма. – О чем пишет? О своей работе, о том, как проводит свое свободное от работы время. – Немного помолчав, вдруг выдал то, о чем не собирался вслух произносить при Володе: – Знаешь, Вова, независимо от того, как будут складываться мои дальнейшие отношения с Любой, я всегда буду ей благодарен за письма, которые она писала мне все три года моей службы в армии. Ты не представляешь, что значило для солдата получать от девчонки письма! Это трепетное ожидание этих писем, это праздник их получения, это уважительно-завистливое отношение к тебе со стороны друзей-сослуживцев! Ее письма делали мою солдатскую жизнь нормальной, без всякого страдания по гражданке, и в чем-то даже – героической: ведь она знала, что я служу в войсках Советской армии, да еще в каких – воздушно-десантных! И я был уверен, что моей армейской службой Люба тоже гордится!

– Старик, расскажи, если, конечно, можно, больше о своей однокласснице и ваших отношениях?

Володя удобней уселся на своей кровати и приготовился слушать. Вадим тоже улучшил свое сидячее положение на кровати и, отложив в сторону письмо, не спеша повел свой рассказ:

– Все началось весной 1955 года. Родители мои в поисках лучшей жизни по вербовке переехали на постоянное местожительство из Белоруссии в Кемеровскую область, в небольшую деревню Соболево. Я же приехал к ним летом, окончив девятый класс Березовской средней школы. Лето пролетело быстро, надо было собираться в незнакомую для меня школу, чтобы продолжить учебу в десятом классе и получить аттестат зрелости. Школа находилась в рабочем поселке Гудок, в пяти километрах от Соболева, если идти напрямую, через тайгу; а если добираться по обходной дороге, то наберется намного больше. Побывал в этой школе 30 августа, сдал свои документы.

Директор школы – невысокого роста с бритой головой толстяк – кратко рассказал о школе, о десятом классе, выделив при этом, что десятый класс в школе один, класс сильный и дружный. Расставаясь со мной, директор напомнил: «Десятый класс занимается в первую смену, приходите к 8 часам утра, не опаздывайте». Наступило 1-е сентября. Рано утром я побрел в незнакомую школу, через тайгу. Иду, а ноги стали какими-то чужими, непослушными, еле отрываются от земли. Так и хотелось вернуться домой, не ходить вообще в школу, оставить на потом окончание десятого класса, после армии. Но что-то во мне говорило: «Иди, не отступай, дашь раз слабинку – последуют второй и третий, и многие другие разы, и об успехах в жизни надо будет забыть».

И я шел, шел, с трудом преодолевая себя, преодолевая метры и километры тяжелой таежной дороги. Конечно, опоздал к началу занятий. Самым неприятным стало то, что на крыльце школы меня встретили дирек-

тор и завуч. Директор приветствовал меня словами: «Что у вас, в Белоруссии, принято опаздывать на уроки?» И, не дожидаясь моей реакции, более добродушно предложил: «Идите в класс». Директор первым направился к классу, а я, не чувствуя ног под собой, поковылял за ним. Когда он вошел в класс, ученики приветствовали его дружным вставанием. Подойдя к учительскому столу, директор четко, бархатным голосом объявил: «В вашем классе будет учиться новый ученик – Вадим Звездин. Он приехал к нам из Белоруссии, там он окончил девять классов. Прошу всех вас относиться к нему как к своему равному однокласснику и не допускать в отношении него каких-либо хулиганских выходов. При необходимости – окажите помощь в учебе».

Пока директор меня представлял классу, я стоял у двери, готовый в любой момент сорваться и бежать отсюда. Но что-то меня опять удерживало здесь. И даже тогда, когда весь класс вдруг повернулся в мою сторону и стал меня с любопытством рассматривать, я, не двигаясь, стоял, как вкопанный, на одном месте. Директор же, не теряя больше времени, попросил учителя продолжить урок, а мне показал парту, за которую я должен был сесть. Она примыкала к учительскому столу и была свободной. С каким-то невероятно тяжелым чувством я прошел через весь класс и сел за указанную парту. Директор вышел, а учитель (его звали Василий Васильевич) принялся рассказывать что-то из Горького. До конца урока по литературе внимательно слушал учителя, не допуская ни малейшего движения. И только когда прозвенел звонок на перерыв и ученики с шумом стали покидать на время класс, я вздохнул с облегчением.

Около месяца мало с кем в классе общался, оставаясь больше наедине с собой. Росло желание бросить школу. Мое подавленное настроение первой заметила Люба Гринькова. Она чаще других стала со мной общаться, узнала, что я в родной белорусской школе входил в редколлегия общешкольной стенгазеты (где в основном рисовал) и как-то незаметно вовлекла в работу стенной газеты еще чужой, но постепенно становившейся для меня своей школы. Она же втянула и в жизнь класса, сделала меня «своим» среди десятиклассников.

В Гудковской средней школе по инициативе комсомольского бюро школы (в его состав входила и Люба) и при согласии директора и учителей старшеклассники на большой перемене танцевали. Поначалу меня это очень удивляло: в нашей Березовской школе ничего подобного на большой перемене не происходило. Да, вечера школьные были, но после уроков, накануне праздников или в честь особо важных событий в школе. А тут ежедневно на большой перемене – танцующие. Потом мне Люба объяснила, что таким образом на перемене у старшеклассников быстрее снималась психологическая усталость от очередного урока, да и шума становилось меньше в школе из-за беспорядочной беготни учеников на перемене, их визга и воплей.

Я, конечно, не сразу стал танцевать: как-то было непривычно, стеснялся. На помощь пришла опять Люба. На одной из таких танцевальных перемен она решила меня пригласить потанцевать. И как я ни упирался, ссылаясь на свое неумение танцевать и на то, что в пимах (за окном стоял мороз ниже 30 градусов) ничего не получится, пришлось все же ей уступить.

– Ты что, на самом деле не умел танцевать? – удивился Володя.

– Умел, но только вальс и польку. В нашей деревне, да и в Березовской школе, танцевали только польку, вальс, еще краковяк.

Вадим немного помолчал, а потом продолжил:

– Танцевальный дебют сблизил меня с Любой. После этого мы с ней танцевали часто, мне стали нравиться танцевальные перемены. Немного освоил танго и фокстрот, хотя этими танцами я более-менее прилично овладел в армии. Но не только танцы сблизжали нас. У меня появились проблемы с учебой: с математикой из-за ее запущенности в восьмом и девятом классах; с русским языком – допускал ошибки при написании сочинений, путая русское правописание с белорусским. Я уже не говорю о своей разговорной речи, в которой присутствовало много белорусских слов или неверно произносимых русских. Это вызывало у одноклассников дружеский хохот. Вот все эти свои проблемы при поддержке Любы я смог решить. Выпускные экзамены сдал успешно. До сих пор до мелочей помню наш выпускной вечер. После торжественной части, получения аттестатов зрелости и застолья, где, кстати, присутствовали и родители, мы, выпускники, долго, пока не взошло июньское солнце, бродили по нашему рабочему поселку, вспоминая о школьных днях и делясь своими планами на будущее.

На выпускном вечере и когда гуляли по поселку, Люба и я часто оказывались рядом. Когда все стали расходиться, проводил ее домой. По пути она сказала, что с подругами собирается поехать на строительство Братской ГЭС, но это лишь планы, в которые решили, как она сказала, пока никого не посвящать, и попросила меня об этом тоже не трезвонить. Я в свою очередь сообщил, что жду повестку в армию и мечтаю поступить в военное летное училище. Расставаясь, я не удержался и поцеловал ее. Она немного смутилась, а потом вполголоса спросила: «Это что, серьезно?» На что я, застеснявшись вдруг, ответил: «Возможно!»

Договорились о взаимной переписке. Люба дала новосибирский адрес своего старшего брата, чтобы я из армии конверт подписал по нему, указав, что письмо для Любы, а брат в любом случае, где бы она ни находилась, его передаст ей. Я пообещал, что сразу же по прибытии в воинскую часть pošлю письмо по указанному адресу.

Вот так мы расстались с Любой. Меня призвали в армию в июле. В Кемерово всех июльских призывников переделали в солдатское обмундирование и отправили на Алтай убирать урожай. С Алтая я написал письмо Любе в Новосибирск и вскоре от нее получил ответ, где она сообщила, что поступила на курсы крановщиков и пока живет у брата. Я, есте-

ственно, сразу же ей ответил, написал о своем солдатском житье, больше, конечно, – об уборке урожая. Так между нами завязалась переписка, которая по сей день продолжается.

– Иначе не назовешь это, как почтовый роман, – улыбнулся Володя. – А как дальше будут строиться ваши отношения?

– Не знаю, – задумчиво произнес Вадим. – Если бы я получил письмо от Любы до Нового года, до встречи с Людмилой, да и по содержанию оно было несколько иным, то можно было говорить о продолжении почтового романа до свадебного его завершения.

– А что, в своем письме она дала тебе отбой? – заинтересовался Володя.

– Да вроде бы нет, – вздохнул Вадим. – Понимаешь, в своем письме я напрямую спросил, есть ли у нее жених, и собирается ли она замуж. Ответ был категоричный: жених сплыл, замуж не собирается.

– Выходит, ожидая встречи с тобой, ради тебя она отшила всех возможных женихов! – воскликнул Володя. – Это она сделала для дальнейших отношений с тобой!

– Если верить тому, что Люба написала в своем письме, то наши отношения оставались на уровне школьного товарищества, – обронил Вадим. Потом, подумав, спохватился: – А может, нет? Может, такой была ее реакция на то, что не задержался у нее в Новосибирске проездом по пути в Челябинск и не возвратился к ней, как обещал, после экзаменов в ЧПИ (пусть неудачных), а вместо Новосибирска поехал домой, к родителям, а потом – в Свердловск.

В Свердловске встретил Людмилу.

– Скорее всего, так оно и было, она тебя ждала, – предположил Володя. – Думаю, что почтовый роман, несмотря ни на что, тебе надо продолжить до его логического завершения. В отпуск сгоняй в Новосибирск...

– У меня сейчас есть Люда. В ближайшую субботу еду к ней на свидание. Так что Новосибирск отпадает.

– Хорошенько подумай. Один вечер и одно свидание не могут и не должны перечеркнуть более чем трехгодичную дружбу – заметил Володя. – Она, поддерживая с тобой переписку, тебя ждала.

– Может, ты прав, – согласился Вадим. – Но в жизни бывают такие моменты, когда одна встреча перечеркивает многолетнюю дружбу и даже семейную жизнь. Как раз это и есть тот случай...

Володя собирался что-то еще сказать, но не успел: с работы возвратились Виктор и Алексей. Оказавшись дома, в своей комнате, они с шумом стали переодеваться, наперебой рассказывая о своих полученных за день впечатлениях. А когда переодевание закончилось, Виктор предложил почасничать. И все с ходу его поддержали. За чаем пошли разговоры понемногу обо всем по принципу – не молчать, не создавать атмосферы скуки, а отдыхать, снимать дневную психологическую и физическую нагрузку и тем самым настроить себя на здоровый сон и новый рабочий день.

* * *

Первая новогодняя трудовая неделя близилась к концу. Вадим, готовясь к свиданию, решил заранее приобрести билеты в кино. С этой целью в пятницу, после работы, отправился в город. В троллейбусе после шумного цеха казалось совсем тихо и его, сидящего на мягком сидении, незаметно одолела легкая дремота. Так в полузабытьи он и ехал. Если бы водитель не объявила его остановку, пожалуй, оказался бы на вокзале – на конечной остановке троллейбуса. Но, услышав название своей остановки, мгновенно очнулся, быстро вышел из троллейбуса и пешком, по проспекту Ленина, направился в клуб Дзержинского, в котором временно размещался кинотеатр «Совкино».

В кинотеатре «Совкино» демонстрировался художественный фильм «В старом Чикаго». О картине ходили разные слухи: кто-то считал, что фильм стоящий, а другие, наоборот, – не очень, и не считали нужным на него тратить время. Зная мнения об этой картине, Вадим исходил не столько из ее содержания, сколько из того, что клуб Дзержинского находится в центре города. Если Людмила смотрела этот фильм, то можно будет билеты кому-то продать, а самим погулять по проспекту Ленина и, если она согласится, посидеть в кафе. Ну а если все-таки она его не смотрела – перед началом сеанса заглянуть в буфет и в нем, на ее усмотрение, чем-нибудь вместе угоститься.

С такими радужными мыслями Вадим подошел к клубу Дзержинского. У кассы не было практически очереди: стояли всего шесть человек. Поэтому он без задержки купил билеты на 20-35 вечера и с хорошим настроением отправился домой.

* * *

Долгожданный день первого свидания, наконец, наступил. С утра Вадим стал готовиться к предстоящей встрече: старательно поутюжил брюки и сорочку, вычистил утепленные полуботинки. Радовало наступившее вдруг потепление: на улице было около 10 градусов ниже нуля.

От этой приятной и в то же время волнительной суеты Вадима никто не отвлекал. Володя еще вчера уехал в город, к родителям – мать настоятельно попросила приехать домой, чтобы вместе с семьей отметить Рождество (православный праздник выпал на субботу 7 января). Алексей и Виктор с утра ушли по своим делам.

Около двух часов дня, когда Вадим закончил свои сборы на свидание и готов был пару часов поваляться в кровати, в комнату вошел Игорь и предложил отметить Рождество.

– В нашей комнате уже собралась компания, не хватает только тебя, пошли!

– Петрович, ты же коммунист-материалист, а в духовную жизнь лезешь, надумал праздник религиозный отметить! Как это согласуется с

коммунистической моралью! – ни то серьезно, ни то шутя напомнил Вадим.

– Вот и будем согласовывать! – шутливо парировал Игорь. – Рождество – праздник наших предков, и его не надо забывать! Пошли, нас ждут!

– Но у меня сегодня свидание, причем первое! Не могу же я, поддавши, на него явиться! Что подумает обо мне Людмила? Да ей и думать долго не придется, сразу будет видно – алкаш и только!

– Ладно, будешь пить минералку, пошли, не тяни резину! – настаивал Игорь.

Дальше отпираться было бессмысленно, пришлось согласиться.

* * *

В комнате Игоря действительно собралась небольшая компания, готовая отметить Рождество. Стол накрыли по-холостяцки: несколько бутылок водки и минеральной воды, селедка, колбаса, сыр, огурцы маринованные и хлеб. Все было порезано и разложено в несколько тарелок.

– Наконец, все в сборе, садимся за стол, – скомандовал Николай Христосенко и, не дожидаясь пока все рассядутся, стал разливать водку в граненые стаканы.

– Не наливай по полному стакану, быстро окосеем, – предупредительно заметил Борис.

В одной комнате с Игорем и Николаем жили Борис Рыжиков и Толя Дудкин. Оба они работали в механосборочном цехе завода.

Когда все расселись, разобрали стаканы с водкой и вилки, Игорь поднялся и провозгласил тост:

– Выпьем, други, за нашу православную историческую традицию – Рождество Христово! Пусть она не теряется совсем в созидательных буднях нашего времени и помогает нам вершить большие дела во благо всех и каждого в отдельности!

Все встали, дружно чокнулись стаканами и до дна их осушили. Вадим также активно поддержал тост, хотя в его стакане вместо водки была минералка. Он налил ее сам в другой стакан, незаметно отодвинув в сторону с водкой. Дальше такой номер не прошел, заметил Борис:

– В чем дело, Андреич? Трезвей всех хочешь быть?

– Да нет, Боря, – шепнул своему соседу по столу Вадим. – У меня сегодня свидание, первое свидание с девушкой, которую мало еще знаю. Как она поступит, если приду на встречу с ней под мухой? Может, возьмет да уйдет, а я не хочу ее терять, нравится она мне.

– Понятно. Но для храбрости стоит все-таки немного принять, запах на улице быстро улетучится.

– Пока, Боря, воздержусь, чтоб потом не сожалеть о несостоявшемся свидании из-за каких-то ста грамм выпитой водки.

– Как знаешь, Андреич, смотри сам, – отстал Борис.

Тем временем застолье продолжалось. Подогретые спиртным парни развеселились, стали вспоминать, кто и как праздновал Рождество. Дошла очередь и до Вадима рассказать об этом.

– Как помню, – начал он, – Рождество, а у нас, в Белоруссии, – Коляды, мы, дети, ждали с нетерпением, чтобы во время празднования вдоволь и вкусно поесть. Дело в том, что в первые послевоенные годы жилось голодно. Но к этому празднику родители подкапливали кое-какие продукты, гнали самогонку, готовили праздничные блюда. Особенно вкусной была верещага.

– Что за блюдо? – заинтересовалось застолье.

– Отварное мясо в мучном соусе. Напоминает гуляш с хорошим подливом, только мясо нарезано покрупней.

– Неплохо нам бы сейчас такое блюдо на закуску, – пробормотал Толя.

– Но такое блюдо готовили только на Рождество и то, когда немного стали жить лучше – где-то в начале 50-х годов, – пояснил Вадим.

Водка и не очень богатая закуска скоро дали о себе знать: компания зашумела, говорили кто о чем, не слушая друг друга. Николай, изрядно захмелевший, затянул свою украинскую песню:

«Чорнии брови, карии очи –
Темны як ничка, ясни як день...»

Его приятный тенор разлился по всей небольшой комнате, заглушил, а потом и остановил беспорядочный шум; кто-то прокричал: «молодец, Христос» и стал подпевать, а кто-то, не дожидаясь общей команды, наливал в свой стакан водку, потихоньку потягивал ее, закусывая маринованным огурцом.

Вадиму, остававшемуся трезвым, сначала было даже интересно наблюдать за своими пьянеющими друзьями, их развязными разговорами и поведением. Но вскоре он почувствовал, что здесь, в этой пьяной компании, становится лишним, не может вести себя так беспешабашно и смешно. Ему хотелось быстрее покинуть это застолье. Когда же, наконец, стрелки его наручных часов показали без четверти 17, он с какой-то неподдельной радостью, не делая лишних шумовых движений, чтобы внимание пьяных друзей не обращать, которым потребовалось бы объяснять, куда и зачем пошел, покинул комнату. Однако уйти незамеченным Вадиму не удалось: за ним последовал Игорь, знавший о его предстоящем свидании.

– Уже уходишь, Андреич? – остановил Вадима на лестничной площадке Игорь.

– Да, Петрович, время подходит...

– Ну, давай, друг, не подкачай! Как поется в песне, в любви надо действовать смело.

Игорь похлопал Вадима по плечу и шутливо пробасил:

– Встретишь подругу и вспомни совет Козьмы Прутковка: зри в корень.

Троллейбус, словно по заказу, катил быстро. На остановках машина не задерживалась, поскольку на них желающих поехать стояло мало – два-три человека. Вадима устраивала повышенная скорость троллейбуса – он был уверен, что на свидание не опоздает. И действительно, в назначенное время он уже находился на троллейбусной остановке «Гончарном», где должна состояться встреча с Людмилой Светогоровой. Но пока ее не было. Вадим терпеливо похаживал по остановке, то и дело посматривая в ту сторону, откуда она должна подойти. Стало закрадываться сомнение: придет ли она вообще.

Она появилась неожиданно, когда он уже потерял надежду встретиться с ней и готов был отправиться восвояси. Его остановил и заставил обернуться легкий толчок в спину: перед ним стояла Людмила. Она улыбалась, и эта ее подкупающая улыбка вернула то щемящее волнение, которое только что испытывал он, подъезжая сюда, к месту встречи.

– Что, заждался? – спросила она, сохраняя на своем красивом лице добродушную улыбку.

Вадим посмотрел на свои часы: была половина седьмого вечера. Людмила почувствовала его реакцию и поспешила объясниться:

– Извини, мамка задержала. Просила никуда не уходить – дома вместе отметить Рождество. Праздник-то семейный. Вовка смотался к своим друзьям. Вот она и упросила меня не покидать ее в этот вечер. Да надо было помочь ей накрыть праздничный стол – мамка пригласила в гости своих коллег-учителей.

Людмила внимательно посмотрела в глаза Вадима, пытаясь понять его реакцию. А он, особо не расстроившись из-за ее задержки (главное – пришла), предложил ей пойти в кино.

– Я купил билеты в «Совкино» на фильм «В старом Чикаго». Поехали!

– Знаешь, я не могу...

– Почему? Ты смотрела эту картину?

– Нет, я ее не смотрела. Видишь ли, я пообещала мамке домой вернуться, вернуться одной или вдвоем, но обязательно вернуться. Пришлось признаться, что иду на свидание. Но она, недолго думая, пригласила и тебя. Я тоже тебя приглашаю к нам на праздник, а эту картину потом посмотрим. Согласен?

– Как-то все это неожиданно, – нерешительно выдал из себя Вадим. – Я – чужой, буду выглядеть на вашем семейном праздничном вечере белой вороной.

– Он не совсем семейный, на нем будут мамины гости. А ты – мой гость, я тебя приглашаю.

– Хорошо, принимаю твоё приглашение, – согласился Вадим, осознавая, что если он откажется сейчас от ее приглашения, рассчитывать на

дальнейшие с ней встречи вряд ли придется. Видимо, для нее сейчас его согласие имеет какое-то принципиальное значение.

– Но как-то неудобно прийти в гости, на праздник, ни с чем, – рассудил Вадим. – Надо что-то купить в качестве презента?

– Можно коробку конфет, – посоветовала Людмила. – По пути зайдём в магазин купим. Пошли, а то мамка, наверное, уже волнуется, что меня нет.

Людмила подхватила под руку Вадима, и они сначала направились в гастроном, находящийся недалеко от остановки. Народу в нем было немного. Вадим, не теряя время, купил коробку конфет, и теперь он уже, взяв под руку Людмилу, пошagal к ней домой, слегка волнуясь перед предстоящей встречей с Людиной мамой и ее коллегами.

Мама Людмилы – Лидия Николаевна, – с нетерпением поджидавшая дочку, с облегчением воскликнула, увидев ее с молодым человеком в распахнутой двери коридора коммунальной квартиры:

– Наконец, пришли! Мои гости уже здесь. Быстрее раздевайтесь и – за стол. Люся, поухаживай за молодым человеком.

– Мама, познакомься: это – Вадим, друг Володи. Я тебе о нем немного рассказывала, – представила Вадима своей матери Людмила.

– Лидия Николаевна, – отрекомендовалась мать. – Очень приятно познакомиться; рада, что вы приняли Люсино и мое предложение разделить вместе с нами рождественскую трапезу.

Вадим, быстро освободив коробку конфет от упаковочной бумаги, подал ее, несколько смущаясь, Лидии Николаевне:

– Поздравляю вас с Рождеством!

– Спасибо, и вас тоже, – ответила она и повторила свое приглашение садиться за праздничный стол.

В ярко освещенной комнате, в той, где неделю назад Вадим встречал Новый год в веселой компании, Лидия Николаевна представила его своим гостям:

– Алексей Митрофанович, Анастасия Петровна и Галина Романовна! Прошу любить и жаловать моего гостя и приятеля Людмилы – Вадима, молодого рабочего Уралхиммашзавода.

И тут же обратилась к Вадиму:

– Это мои коллеги по работе, учителя.

Взглянув вскользь на накрытый по-праздничному стол и убедившись, что все здесь в порядке, Лидия Николаевна с нескрываемым удовольствием объявила:

– Прошу всех за стол!

Гости заняли свои места за праздничным столом. Вадим также, не дожидаясь дополнительного приглашения, сел на свободный стул; с ним рядом, принесся недостающий стул, пристроилась Людмила.

Лидия Николаевна подождала, пока гости удобно разместятся и успокоятся, и на положении хозяйки вечера, немного волнуясь, заговорила о празднике, по поводу которого собрались:

– Сегодня хотя и не принято в нашей стране официально, широко и гласно отмечать Рождество Христово, его празднуют как верующие, так и многие неверующие. Да, наше государство светское, школа отделена от церкви, и это правильно. Но ведь церковь тоже, по-своему, несет добро людям. Сегодня мы говорим о переходе к коммунистическому строительству, о воспитании нового человека. Как я понимаю, человек будущего – это не только высокообразованный, но и сочетающий в себе доброту и нравственность. В дело воспитания наших людей свой вклад может внести и церковь...

Гости внимательно слушали Лидию Николаевну, Вадим также стремился ничем не нарушать установившуюся тишину, пытаясь вникнуть в смысл того, о чем говорила хозяйка. Он лишь изредка поглядывал на Людмилу, сидящую рядом, почти вплотную с ним, и он чувствовал тепло ее тела, будоражившего его. Ему казалось, что она слушает спич матери не очень внимательно, снисходительно, еле заметно равнодушно улыбаясь.

Лидия Николаевна тем временем перешла к рассказу о самом празднике.

– Вы знаете, что Рождеству предшествует рождественский пост, который длится 40 дней – с 28 ноября по 6 января и заканчивается сочельником; в этот день после вечерней церковной службы, называют ее подругому всенощной, начинают праздновать Рождество. В сочельник еще едят постную пищу: селедку, уху, рыбу, картофель и т. п. Разговляются понастоящему 7-го января – в первый день Рождества – и едят все скоромное в остальные дни праздника. У меня сегодня на столе, как видите, все скоромное: студень, салат мясной, колбаса, сыр, огурцы собственного посола, а на горячее будет курица и еще кое-что. Для дам – настойка клюквенная, для мужчин – водочка. В завершение трапезы – торт и чай.

Лидия Николаевна сделала паузу, подождала, пока будут наполнены рюмки, а потом, когда гости изготовились выпить в честь праздника, она их остановила:

– Еще немного терпения. Верующие люди начинают трапезу после молитвы. В Рождество вместо обычной молитвы «Отче наш» поют стоя рождественский тропарь.

– Надеюсь, мы не будем его петь, – не выдержал Алексей Митрофанович.

– Нет, конечно, но я хочу вас познакомить с содержанием этой рождественской молитвы.

И она тут же, сохраняя церковно-православное произношение, стала декламировать:

«Рождество Твое, Христе Боже наш,
возсия миру свет разума,
в нем бо звездам служащий
звездой учахуся
Тебе кланяться, Солнцу правды,
и Тебе ведети с высоты Востока
Господи, слава Тебе!»

– Ну вы даете, Лидия Николаевна, – не выдержав, хихикнул Алексей Митрофанович.

– Вот теперь поднимем наши рюмки и приступим к праздничной трапезе, – сказала Лидия Николаевна, никак не ответив на эмоциональный всплеск своего коллеги.

Затишье, установившееся за столом на время рождественских слов хозяйки вечера, нарушили, наконец, перезвон рюмок и легкий шорох принимаемой пищи. Молчаливая трапеза продолжалась недолго. Первым нашелся Алексей Митрофанович:

– Ваше поздравительное выступление, Лидия Николаевна, натолкнуло меня на кое-какие размышления. Может, я ошибаюсь, но такое тонкое знание православной догматики говорит о том, что вы, извините, готовитесь встать или уже встали на церковную тропу.

– Церковные обряды, Алексей Митрофанович, я восприняла от своей мамы, человека действительно верующего. И я их не забываю, потому что это – прежде всего память о матери, которая дала мне жизнь. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы и мои дети тоже знали обряды православной церкви, хотя бы для сохранения добрых семейных традиций. Что же касается меня – какая я верующая! Церковь не посещаю, не пошусь сама и детей своих не призываю к этому – они натерпелись голода за время войны. А вот знать религиозные праздники нам, учителям, считаю, не грешно, чтобы убедительно отвечать школьникам на их вопросы по поводу этих праздников, формировать у них уважительное отношение к тому, что почитали их далекие и близкие предки, и, конечно же, – к семейным ценностям.

– Хорошо, убедили, что вы атеист, – улыбнулся Алексей Митрофанович. – Но вот относительно того, что церковь может сыграть какую-то позитивную роль в воспитании нового человека, человека будущего – согласиться проблематично. Почему? Потому что сама проблема воспитания человека, а тем более – коммунистического будущего – весьма сложная, и решаться она должна не красивыми словами, а конкретными делами во всех сферах жизни и в русле заявленных коммунистических идеалов. Христианские ценности, хотя в чем-то и совпадают с коммунистическими, однако далеко не являются тождественными. Что же касается непосредственно религии как идеологии, кстати, средневековой, то она как служила, так и служит интересам господствующих классов. К тому же она ото-

рвана от реальной земной жизни, базируется на мифах и мистике, на признании существования бога – иллюзорного образа, наделенного сверхъестественными свойствами, и безудержном поклонении его культу. Христианская идея воздаяния, в частности, обещает страждущим и обездоленным обретение счастья и свободы в царстве небесном и не зовет людей к борьбе против всякого угнетения и насилия, к созиданию справедливой благополучной и счастливой жизни для всех на нашей Земле. Церковь, очевидно, смогла бы сыграть какую-то роль в формировании современного человека, если бы отказалась от многих религиозных постулатов, не позволяющих ей сегодня спуститься на грешную землю. Но она этого не делает и не сделает, ибо в таком случае потеряет свое изначальное предназначение. А посему, религия как была, так и остается, по образному выражению классиков марксизма-ленинизма, «опиумом для народа» (2).

– Я не согласна с такой оценкой роли религии в нашем современном обществе, Алексей Митрофанович, – вмешалась в разговор Галина Романовна. – При всех издержках, которые имели место в отношениях между советской властью и церковью, религия не исключается из нашей сегодняшней жизни. Имеется законодательная база, на которой строится деятельность церкви. Ведь ЦК КПСС осудил оскорбительные выпады против духовенства и верующих, которые допускались в атеистической пропаганде. Так что свобода совести советского человека, его право на отправление религиозных обрядов обеспечиваются, религиозность не мешает ему трудиться и жить по-коммунистически.

– Но одновременно ЦК партии потребовал от партийных органов активизации научно-атеистической пропаганды, считая ее важнейшим направлением идеологической работы, – напомнил Алексей Митрофанович. – Речь идет о быстрейшем преодолении религиозных предрассудков в сознании советских людей как пережитков прошлого (3). В процессе воспитания, прежде всего, подрастающего поколения, должна решаться одна из главных задач: выработка у него иммунитета против религиозного заболевания. Да, заболевания. Скажу больше: если не удастся сформировать нового человека с атеистическим мировоззрением – судьба коммунистического проекта зависнет, он останется прекрасной мечтой.

Вадим впервые слушал такие разные рассуждения о Рождестве и религии, о воспитании нового человека. И хотя он кое-что и знал о Рождестве, Пасхе и других религиозных праздниках, но не придавал им какого-то особого значения, кроме как по-праздничному, вкусно, вдоволь поесть и хорошо повеселиться; не задумывался о том, верит ли он в бога или нет. Бабушка его, Кристина, была глубоко набожной, но после одного драматического случая ее вера в Господа Бога сильно пошатнулась. Было это летом 1944 года. Немцы, отступая под ударами Красной армии, подожгли и их деревню Светлое Поле. Хаты загорались одна за другой, тушить их было некому: мужчины находились либо на фронте, либо – в партизанах.

Ему, Вадиму, до сих пор помнится, как тогда бабушка, взяв иконку, стала неистово молиться, прося Господа Бога, Царицу Небесную уберечь от огня хату. Но ее мольбу они не услышали: хата вспыхнула как свечка, и вскоре от нее остались одинокая печка с торчащей трубой да дымящиеся головешки. Убитая горем бабушка бросила прямо на пепелище иконку, из ее груди вырвался крик отчаяния: «Господи, где ты! Сколько можно просить тебя, боже, о помощи? Ци, ты, не чуешь и не видишь горе людское, ци теб-бя нема на белом свете!» После этого случая она не стала ходить в церковь (в соседней деревне находилась церковь, но, отступая, немцы ее сожгли, и верующие собирались на месте бывшей церкви, чтобы послушать обедню захавшего священника); молилась дома по большим православным праздникам, но скорее по привычке. Правда, бабушка настояла на том, чтобы его, Вадимку, окрестили перед школой. Она искренне считала, что христианская вера обережет душу внука от всякой нечисти.

Беседы за столом постепенно перешли с рождественской темы на школьную реформу (4). Профессиональный спор развернулся вокруг проблем школы, что для Вадима не очень было понятно, и он никак не мог включиться в разговор. Это заметил Алексей Митрофанович.

– Коллеги, мы начинаем превращать наш праздничный вечер в педсовет. Давайте отойдем от этого и поговорим о чем-нибудь другом, не требующем напряжения наших извилин. А пока сделаем небольшой перерыв. Пойдемте, молодой человек, покурим, – обратился он к Вадиму.

– Только не выходите во двор, там холодно. Покурите на кухне, у форточки, – предупредительно посоветовала Лидия Николаевна.

На кухне Вадим и Алексей Митрофанович застали Людмилу. Она только что вымыла тарелки и теперь насухо протирала их полотенцем. Это была та самая кухня, где в новогоднюю ночь у Вадима из-за Людмилы произошла стычка со Стасом. Тогда он был просто гость, спаситель ее, а теперь кто? Он мельком взглянул на Людмилу, она ответила ему таинственно притягательной улыбкой, которую не заметил (или сделал вид, что не заметил) Алексей Митрофанович. Он лишь, уставившись на нее, добродушно хихикнул:

– Кому праздник, а кому – праздничная суета и работа.

– Кому-то же надо совмещать празднование с кухней, – рассмеялась Людмила и, прихватив чистые тарелки, удалилась с кухни.

– Как давно вы знаете Людмилу? – поинтересовался Алексей Митрофанович у Вадима, когда они остались вдвоем.

– Познакомились, встречая этот Новый год.

– В армии служили?

– В прошлом году демобилизовался.

– В каких войсках служили?

– В воздушно-десантных.

– Войска серьезные, в них призывают не всех, – немного помолчав, заметил Алексей Митрофанович. А потом продолжил разговор о Людмиле:

– Семейю Светогоровых знаю с довоенных времен. Дружили семьями. Добровольцами – я и Иван, отец Людмилы, – ушли на фронт. Только вот я вернулся с войны, хотя и не обошлось без ранений, а он – нет. Погиб в 45-м в боях за Берлин. Не вернулся с фронта и отец Лидии Николаевны, дедушка Людмилы, Николай Федорович. Он пропал без вести в 42-м. До сих пор о нем ничего неизвестно. В 43-м умерла мать Лидии Николаевны. Женщина осталась одна, без мужчин, с двумя малышами на руках. Справилась с трудностями, подняла детей. Конечно, школа, чем могла, помогала Лидии Николаевне – прекрасному учителю математики. Мы с ней незадолго до войны окончили наш пединститут. Люсенку я знал с пеленок. Ее детство, как и многих других детей, родившихся накануне или в годы войны, было голодным, холодным и безрадостным. В школу пошла после войны. Училась старательно. У меня, по физике, получала только повышенные оценки: «хорошо» и «отлично». По математике тоже неплохо училась – тут мама, математичка, старалась ее натаскивать знаниями. Я настраивал Людмилу на вуз – получить высшее инженерное образование. Наше время – не лириков, а физиков и инженеров. Только инженерно-техническое образование может сделать жизнь успешной в наше время – время научно-технической революции. Но, к моему великому сожалению, вопреки моим советам, да, наверное, и маминим тоже, она сделала по-своему: окончив десятый класс, поступила в техникум советрговли на вечернее отделение и устроилась работать в столовую. Свое решение объяснила просто: хватит на маминой шее сидеть, пора самой зарабатывать на жизнь. Вот так поступает нынешняя молодежь, ставшая раньше своего времени, не по возрасту самостоятельной. Это суровое детство в годы войны сделало ее таковой.

Алексей Митрофанович задумался. Сделав пару затяжек, он потушил папиросу и бросил окурочек в мусорную корзину. То же самое повторил и Вадим (он не курил, но в компании иногда позволял себе просто побаловаться папиросой). Перед тем как покинуть кухню, Алексей Митрофанович неожиданно спросил Вадима:

– А вы собираетесь получить высшее образование?

– Да, – лаконично ответил Вадим, полагая, что больше вопросов касательно его планов получения высшего образования не последует. Но ошибся. Алексей Митрофанович проявил свой интерес дальше:

– Если не секрет, в какой вуз собираетесь поступать?

– Никакого секрета нет. Думаю поступить в университет, на исторический факультет.

Вадим, пожалуй, впервые твердо заявил здесь, учителю физики, о своем намерении приобрести специальность историка. Тот после некоторого раздумья высказался о его планах насчет получения высшего исторического образования философски:

– Я по образованию – физик. Мне нравится преподавать физику. Это действительно серьезная наука о свойствах и строении материи, о законах ее движения и изменения. Здесь, как говорится, ничего не прибавить и не убавить. Иначе говоря, в физике как науке нет места для субъективизма. Да, здесь могут быть научные гипотезы, но они не имеют ничего общего с вольной, субъективной трактовкой событий и фактов прошлого, что имеет место в исторической науке.

– Но как можно замалчивать или исказить исторические даты, документы, которые есть и до нас дошли, и они, несомненно, останутся в истории, – возразил Вадим. – Например, состоялся в 1956 году XX съезд КПСС, он принял ряд важных решений, в том числе осудил культ личности Сталина! Разве это неправда? Разве его можно вычеркнуть из нашей истории?

– Подобные события остаются, конечно, в истории, – согласился Алексей Митрофанович – Другое дело, как их трактуют и как преподносят ученику, студенту и просто обывателю. Очень часто тот или другой историк, я уж не говорю об ученых и политиках, вещает историческую правду со своей колокольни. Они не придерживаются законов развития человеческого общества, поскольку эти законы, на мой взгляд, довольно условные, ими можно без зазрения совести манипулировать. Вот вы говорите о XX съезде партии и его решениях. Им предстоит еще выдержать испытания историей и исторической памятью народа.

Алексей Митрофанович немного помолчал, затем не спеша продолжил. – Знание, уважение истории собственной страны – это отличительная черта человека высокой культуры. Я тоже стремлюсь к этому: интересуюсь нашей и, по возможности, зарубежной историей, помню годы правлений многих князей, царей, императоров; события, сказавшиеся на судьбе страны. Но я все-таки не профессионал-историк, для меня история – своеобразное хобби.

Слушая Алексея Митрофановича, Вадим силился понять: одобряет он или не одобряет его выбор стать профессиональным историком. Улучив подходящий момент, спросил:

– Алексей Митрофанович, а как вы относитесь к историкам-профессионалам? Нужны ли они современному обществу?

– История – базовая дисциплина для формирования патриотического сознания и гражданственности, прежде всего у учащейся молодежи. Поэтому нужны историки-профессионалы. Только они могут на основе глубокого изучения архивных материалов, исторических источников воссоздать картину прошлого, показать успешную или не очень, а может в чем-то и не отвечающую интересам страны деятельность государственных лиц разного ранга в различные исторические эпохи. Только историки-профессионалы могут сформулировать неопровержимые уроки прошлого для настоящего. Все это, разумеется, важно для патриотического воспитания. Но есть одно «но». Историки как обществоведы вообще вынуждены

результаты своих исследований подстраивать и подавать, учитывая существующую политическую и идеологическую конъюнктуру. В этом отношении естественники более независимы в своих научных изысканиях.

Алексей Митрофанович пристально посмотрел на Вадима, ожидая его реакции на то, что было сказано. Но Вадим промолчал, не зная, что ответить учителю физики.

Неожиданно на кухню зашла Людмила.

– Уважаемые мужчины, там вас дамы ждут! – с каким-то особым пафосом воскликнула она. И тут же свой пафос сменила на другой, вопросительный, тон:

– Дядя Леша, вы не против того, если мы с Вадимом уйдем сейчас с праздничного вечера, чтобы немного подышать свежим воздухом?

– Конечно, нет! Дело молодое, – усмехнулся Алексей Митрофанович.

– Тогда замолвите за нас слово перед мамой и гостями, – попросила Людмила.

– Хорошо, будет сделано, – изъявил свою готовность Алексей Митрофанович, и они втроем направились в комнату, к гостям.

* * *

После душевной комнаты, пропитанной запахами водки, настойки, различных закусок и человеческого пота, улица бодрила свежестью январского зимнего вечера. Для Вадима, находящегося под хмельком, идущего с девушкой, о которой в последнее время много думал, наступила почти сказочная идиллия. Все было хорошо: и летящие в темноте снежинки, и легкое дуновение ветра, и снежные заносы, и сугробы, встречающиеся на пути. Ему было приятно идти вместе с Людмилой по этим темным и заснеженным улицам, улочкам и переулкам Уктуса, разговаривать с ней и слушать ее. Они ходили, говорили обо всем, не замечая ни усиливавшегося ветра, ни заносов и сугробов, ни времени. Им вдвоем было хорошо и легко бродить по вечернему и ночному поселку, потому что в это позднее, безлюдное время их никто не отвлекал, им никто не мешал оставаться наедине. Было далеко за полночь, когда они, наконец, вспомнили о времени.

– Пора расставаться, – первой спохватилась Людмила.

Вадим ничего не ответил. Он лишь сильнее прижал к себе девушку. А потом произошло то, что должно было произойти между ними, испытывающими прилив душевной близости: их губы сомкнулись в желанном, жарком поцелуе.

– До новой встречи, – тихонько промолвила Людмила, едва освободившись от поцелуя. И не задерживаясь больше, быстро ушла к себе, домой, помахав рукой Вадиму.

Расставшись с Людмилой, Вадим поспешил на троллейбусную остановку. Было около трех часов утра наступающего нового дня – воскресенья. Этот день для него теперь был не только выходным, когда не требова-

лось торопиться на работу в свой цех; он стал началом первой в его жизни настоящей любви.

Глава девятая

26 ноября 1991 года «Известия» поместили очередной проект, пятый по счету, «Договора о Союзе Суверенных Государств». Первый проект «Союзного договора» был опубликован в «Правде» 24 ноября 1990 года. Затем появились в периодической печати последующие редакции разрабатываемого нового союзного договора (1). Быстро пробежав глазами очередной проект судьбоносного для страны документа, Вадим Андреевич с некоторой долей ехидства воскликнул: «Последний довод королей³: либо усеченная федерация или конфедерация, либо “суверенитет” для каждой из союзных республик с не просчитанными ближайшими и отдаленными последствиями для них! Воля советского народа по сохранению Советского Союза, выраженная на референдуме 17 марта 1991 года, – по боку!»

Вадим Андреевич не считал себя крупным специалистом в области межнациональных отношений в стране, хотя сфера его научных интересов несколько лет тому назад переместилась в эту плоскость. Более того, после XXIV съезда КПСС, сделавшего вывод о возникновении новой исторической общности людей – советского народа, он рискнул пойти на докторскую диссертацию, сформулировав ее тему следующим образом: «Советский народ как новая историческая общность людей: проблемы формирования и развития» (2). Он разделял мнение своих коллег, что такой вывод съезда, пожалуй, поспешный, что его надо рассматривать скорее как тенденцию развития межнациональных отношений в стране. Однако не согласился с ними относительно того, что тема недиссертательная, поскольку многие документы недоступны историку, к тому же они не имеют еще исторического возраста.

Несмотря на не очень обнадеживающее заключение коллег по избранной им теме для докторской диссертации, Вадим Андреевич продолжал сбор и систематизацию материалов по проблеме межнациональных отношений в СССР. К началу перестройки подготовил обоснование диссертационного исследования и собирался его представить для одобрения во Всесоюзный совет по координации научно-исследовательской работы в области истории КПСС и партийного строительства Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но не успел, а вернее сказать, уже не мог этого сделать в новых условиях: перестройка и ее главное «достижение» – гласность, когда многое из советской действительности стали ставить с ног на голову. Советских людей, поднявших свою страну на небывалую высоту

---

³ Латинское выражение: «Ultima ratio regum».

влиятельной сверхдержавы мира, несмотря на невероятные трудности и понесенные жертвы как в период мирного строительства, так и в годы тяжелой Великой Отечественной войны, стали в условиях разгульной демократии уничижительно обзывать не иначе, как «совками». Это клише настойчиво муссировалось в либеральных СМИ, насаждалось в быту. Даже среди историков истории КПСС то ли из-за отравляющего антикоммунистического угара, то ли по каким-то конъюнктурным соображениям слово «совок» все чаще стало мелькать в разговоре.

Вот в такой сгущающейся атмосфере «совковости» в общественно-политической жизни страны, захлестывающей и гуманитарные науки, становились невозможными серьезные научные изыскания по проблеме советского народа как новой исторической общности людей. Тем не менее, отслеживая перестроечные процессы в стране, Звездин не мог, хотя бы для себя, для внутреннего потребления, не анализировать то, что касалось межнациональных отношений.

Читая и перечитывая очередной проект союзного договора, сопоставляя его с предыдущими проектами, Вадим Андреевич вновь вернулся к вопросу, на который до сих пор не мог для себя однозначно ответить: зачем и кому потребовалось драматизировать межнациональные отношения, нагнетать националистические страсти? Ведь перестройка начиналась вовсе не с решения межнациональных проблем в стране. Более того, XXVII съезд, который дал старт преобразованиям, оптимистично констатировал, что «раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравенство во всех формах и проявлениях (3). После двух лет перестройки XIX партконференция тоже не усмотрела опасного обострения межнациональных отношений, хотя ситуация здесь складывалась не совсем благополучно: «Одним из величайших завоеваний социализма стал сложившийся союз равноправных наций и народностей, – утверждалось в резолюции конференции “О демократизации Советского общества и реформе политической системы”. – Это позволяет сегодня с большой убежденностью сказать, что и впредь единственно здоровой основой нашего развития может быть только последовательное проведение ленинской национальной политики» (4).

Правда, Горбачев в своем докладе на конференции все же коснулся возникших проблем в межнациональных отношениях, особо останавливаясь на путях их решения: «...В последние годы в процессе демократизации и гласности высвечиваются и такие проблемы, существование которых не всегда учитывалось, – например, вопросы, связанные с языком, культурой, литературой и искусством, историческими памятниками, охраной природы» (5).

Вадим Андреевич в рамках своего научного исследования неплохо знал о существующих проблемах в межнациональных отношениях в стране. Но как гражданин Советского Союза, этнический белорус, посто-

янно живущий в России, он на себе какого-либо их негатива никак не испытывал; везде, где бы в свое время ни пришлось бывать – в родной Белоруссии, Казахстане, Украине, Узбекистане и в других республиках и городах, – везде чувствовал себя довольно комфортно. Разве можно, например, забыть гостеприимство грузин, которое Вадим Андреевич почувствовал, будучи участником научной сессии профессоров и преподавателей в Тбилисском педагогическом институте им. А. С. Пушкина. В работе секции, которой руководила доцент Л. М. Чикваидзе, участвовали вместе с тбилисскими учеными-обществоведами и их коллеги, приехавшие, как и он, из разных городов Советского Союза – Свердловска, Ленинграда, Минска, Киева, Баку, Еревана. Обсуждался широкий круг проблем совершенствования педагогического образования, где должное место занимал и межнациональный аспект. Дискуссии проходили корректно, в доброжелательном тоне. А вечером, после завершения официальной части работы секции, Ламара Михайловна Чикваидзе пригласила к себе на дачу ее участников для неформального общения. Был хорошо накрыт стол с многочисленными холодными и горячими закусками и превосходным грузинским вином домашнего приготовления. Общались свободно на русском языке. Поскольку научная сессия проходила в канун Праздника Победы, то за накрытым столом больше говорили о минувшей войне, о ее тяготах, понесенных людских потерях, о героях и последствиях. Коллеги-грузины оказались особенно изобретательны по части произношения тостов в честь праздника Великой Победы. Конечно, не отставали здесь и гости. Когда подошла очередь Вадима Андреевича что-то сказать по поводу Дня Победы, ему вначале подали бокал-рог, наполненный вином. Не раздумывая, поздравил всех присутствующих с всенародным Праздником – праздником, который был оплачен кровью всех братских народов Советского Союза во имя жизни и счастья на нашей земле; особо отметил, что великая дружба наших народов, закаленная в кровопролитных боях против общего врага, будет и дальше служить гарантом для их безопасности и процветания. Под одобрительные аплодисменты опорожнил свой бокал-рог. Неформальное общение ученых завершилось пением. Пели советские, грузинские, украинские песни. А когда запели белорусскую песню «Косил Ясь конюшину», сильно захмелевшие мужчины (из женщин присутствовала лишь Чикваидзе), еле оторвавшиеся от своих насиженных стульев, стали подтанцовывать в такт песни, не отходя от своих столов...

По завершении научной сессии ее участники расстались друзьями и с большими планами на будущие встречи. Никто тогда не мог даже мысленно допустить, что спустя каких-то семь лет, 9 апреля 1989 года, произойдет Тбилисское «побище», которое не только поставит на неопределенное время крест на дружеских встречах ученых из разных уголков Советского Союза в гостеприимной Грузии, но и посеет кровавые зерна раздора между народами многонациональной страны. Как могло такое случиться? Кто

разогрел националистические страсти грузин? Диссиденты во главе с Гамсахурдиа? А разве Э. А. Шеварднадзе, вчерашний коммунист, член Политбюро ЦК КПСС, а ныне сторонник Движения демократических реформ, заявивший, что «национальные интересы никогда не угасали, они лишь загонялись под глыбы официальной доктрины, вульгарно и примитивно истолковывающей принцип интернационализма», не подбросил хвороста в раздуваемое пламя национализма вообще и грузинского в частности? (6).

Выходит, что выводы партийных съезда и конференции об «уничтожении национального гнета» в СССР, о «нерушимой дружбе народов», «сложившемся в нашей стране союзе равноправных наций и народностей» – это всего лишь «вульгарно и примитивно» истолкованный принцип интернационализма, под «глыбами» которого оказались похороненными национальные интересы. Здорово! И так, похоже, считали переговорщики в формате «9+1», т. е. руководители девяти союзных республик и президент СССР, предлагая очередные проекты нового союзного договора, которые все больше учитывали интересы лишь узкой кучки партийно-советской номенклатуры и примкнувшей к ней националистически настроенной интеллигенции, но не основной массы советских людей.

Возвращаясь вновь к трагическим событиям в Тбилиси и Казахстане в 1987 году, Вадим Андреевич объяснял их для себя провалом социалистической перестройки. Возможно, ситуация при подготовке нового союзного договора сложилась бы иначе, если бы вовремя была принята ЦК КПСС его концепция, а не в декабре 1990 года (7).

Вспомнилось Вадиму Андреевичу, что в феврале 1989 года в редакции журнала «Вопросы истории КПСС» состоялась обстоятельная беседа за «круглым столом» известных ученых-обществоведов, ответственных партийных работников, посвященная обсуждению «некоторых аспектов исторического опыта и современных проблем межнациональных отношений в СССР» (8). На нем было высказано немало разумных соображений. Больше всего его тогда затронуло признание профессора А. И. Доронченкова, что в последние несколько лет не защищено ни одной диссертации о советском народе, как будто его как общественного явления не было и нет (9).

А разве не прав был доктор философских наук Рамзан Абдулатипов, обративший внимание на неадекватность перестроечных процессов национальной политики КПСС (10). Признание зам. директора Института истории партии ЦК Компартии Эстонии, кандидата исторических наук Таммисту тоже чего-то стоило. Ведь он не только озвучил резолюцию Верховного Совета Эстонии, принятую в ноябре 1988 года, о необходимости разработки союзного договора, но сообщил, что ни Народный фронт Эстонии, ни другие общественные организации, не говоря уже о Коммунистической партии республики, не ставят вопрос о выходе Эстонии из состава СССР. Это делают экстремисты (11).

От долгих и утомительных размышлений Вадим Андреевич почувствовал душевную опустошенность и какую-то безысходность. Его все больше терзала мысль, что знания ученых-обществоведов в области межнациональных отношений, к которым он и себя относил, сегодня никому не нужны. Все делается в спешке, дилетантски. Пять проектов Союзного договора! О чем это говорит? О том, что люди, которые правдами и неправдами оказались разработчиками судьбоносного документа, либо не обладают достаточными знаниями национальной проблемы, либо крайний национализм лишил их рассудка. Будет ли реализован очередной проект Союзного договора, и как он будет реализован при запрещенной КПСС – это большой вопрос!

* * *

Мария Григорьевна вернулась с работы раньше обычного, не в духе (работала экономистом в одном из цехов крупного машиностроительного завода города). В таком раздраженном состоянии она все чаще возвращалась домой: то зарплату задерживали, то гнали на очередной митинг после работы, то в отделе нечем было заниматься, то дома не было продуктов, то просто давала о себе знать усталость от всего происходящего в стране. Сегодня она отпросилась с работы, чтобы отовариться карпами. Рыбу привозили через день из поселка энергетиков Рефтинской ГРЭС – там, в пруду станции, разводили карпа, продавали в поселке и частично завозили в Свердловск. В последнее время машина с рыбой из Рефта подъезжала к проходной завода, и тут же рыбу продавали заводчанам.

– С работы ушла пораньше, чтобы рыбы купить – так не хватило! В очереди около часа простояла зря, намерзлась, насмотрелась на драку из-за рыбы, – возмущалась Мария Григорьевна, снимая с себя пальто. – До чего довела перестройка, из-за какой-то рыбы люди готовы друг другу глотку перегрызть! Жили ведь нормально – так нет: захотелось большего, манны небесной! Вот и получили!

– Успокойся, кризис в стране, а отсюда – трудности, – увещевал жену Вадим Андреевич, вешая на крючок ее пальто.

– Опять временные трудности? Да они сопровождают всю нашу жизнь! – не унималась Мария Григорьевна. Лишь за ужином она немного успокоилась, стала расспрашивать у Даши, что нового в институте, потом разговорилась. Из разговора жены Вадим Андреевич узнал, что ситуация в ее цехе какая-то сумбурная: кто-то работает, кто-то митингует в пользу Ельцина, а кто-то просто валяет дурака; что в заводском Дворце культуры на днях будет проходить митинг в поддержку нового Союзного договора.

– Ты не знаешь, когда и во сколько состоится митинг? – прервал разговор жены Вадим Андреевич. – Мне хочется на нем побывать.

– Зачем тебе это надо? – взорвалась жена. – Зачем тебе нужна эта пустая говорильня? Разве там, наверху, кто-то прислушивается к тому, что

вы решаете на своем митинге? Черта с два! Вон прибалтов наши госсоветчики одним росчерком пера отпустили на все четыре стороны. Наплевали и на закон о порядке выхода из СССР, и на референдум о сохранении Советского Союза. Вы тут митингуете, а они плюют на ваши всякие там резолюции и втихушку решают все, как хотят и как им выгодно! Так что не ходи на митинг, нечего там пустословить. Побереги свое здоровье. – И более спокойно Мария Григорьевна предложила: – Поищи-ка лучше ты себе другую, более надежную и денежную работу; может быть, тебе в торговлю податься. Многие наши ИТР стали челноками, неплохо приторговывают. А что делать? Жить-то надо!

– Я за всю свою сознательную жизнь не продал ни одной иголки! А ты мне предлагаешь идти в торговлю. А знаешь ли ты, что торговля – это сплошная спекуляция и воровство?

– Сейчас не время оставаться чистоплюем. Не будешь торговать – станешь тротуары подметать! – съехидничала Мария Григорьевна.

– Лучше тротуары подметать, чем жульничать в комках. Это честнее и спокойнее, – парировал Вадим Андреевич.

– Посмотрим, что из твоего чистоплюйства получится! – резанула Мария Григорьевна и вышла с кухни, хлопнув дверь. За ней последовала и Даша.

Вадим Андреевич остался один в подавленном состоянии. Он уже не раз и не два оказывался в расстроенных чувствах, но сдерживал себя, чтобы не доводить всплеск эмоций жены до скандала с ней; понимал, что ей тоже несладко и на работе, и дома. На самочувствии ее, да и его, сказывалась, конечно, давящая усталость: вот уж который год им не удавалось из-за безденежья вырваться из дома на время отпуска и где-нибудь отдохнуть, расслабиться, хоть на немного отключиться от каждодневных домашних и всяких других забот. Еще недавно хорошей разрядкой служили фильмы. Теперь же городской прокат заполнили низкопробные зарубежные картины, в которых эротика занимала центральное место. Смотреть такие фильмы вместе с женой было как-то неловко. Поэтому путь в кинотеатры с недавних пор оказывался почти закрытым. Оставались театры, репертуары которых были в основном прежними, советскими, и посещение их доставляло истинное удовольствие.

Все еще находясь в подавленном состоянии, Вадим Андреевич вдруг вспомнил, что в киноконцертном театре «Космос» началась демонстрация нового фильма Эльдара Рязанова «Небеса обетованные». Режиссер талантливый, его картины пользовались неизменно большим успехом у зрителей. «Эту картину надо посмотреть, наверняка она интересная и безо всякого подвоха, и как-то развеется», – решил Вадим Андреевич. О своем намерении он рассказал Марии, которую застал за чтением «Аргументов и фактов» в ее комнате. Она не сразу, но приняла его предложение.

В зрительном зале киноконцертного театра «Космос» Вадим Андреевич и Мария Григорьевна быстро нашли свои места, обозначенные в купленных билетах. До начала сеанса оставалось еще несколько минут – время, позволявшее осмотреться в зале и, возможно, встретить здесь знакомые лица. Вадим Андреевич так и поступил. Он неторопливо окинул взглядом зрительный зал и – о, какая неожиданность! – увидел Искорцеву, сидевшую двумя рядами выше, в стороне, слева от него. Рядом с ней находилась Лена Демчук. Они о чем-то беседовали. Но вот Искорцева случайно взглянула в сторону Вадима Андреевича и, встретившись взглядом с ним, улыбнулась. Он ответил тем же и еле заметно помахал ей рукой. Потом повернулся лицом к экрану, но вновь появилось неудержимое желание еще раз взглянуть в сторону Искорцевой. Однако увидеть ее не успел: свет в зале потух, сеанс начался. Действия, разворачивающиеся в картине, постепенно захватили его, отвлекли внимание от неожиданной встречи с Искорцевой.

Чем глубже Вадим Андреевич погружался в содержание картины, тем больше он убеждался в том, что этот фильм Рязанова служит своеобразным предупреждением: если перестройка закончится полным провалом, то судьба многих брошенных стариков, бывших интеллигентов, окажется незавидной: им придется доживать свой век в одиночестве или коммуной на какой-нибудь городской свалке. От такой мысли у него похолодело на душе. Стараясь ее отбросить, стал внимательно следить за игрой талантливых актеров – Ахеджаковой, Баилашвили, Броневого, Гундаревой, Гафта, Карцева, Невинного, Немоляевой...

Сеанс окончился, и в зале вспыхнул яркий свет, ослепивший на какое-то мгновение зрителей. Моргая, они, словно по команде, дружно поднялись со своих мест и медленно потянулись к выходу.

Вадим Андреевич и Мария Григорьевна тоже встали и направились к ближайшей двери. Следуя за женой, он попытался разглядеть среди двигающихся к выходу зрителей Искорцеву, но так и не увидел ее. А хотелось встретиться и обмолвиться с ней хотя бы несколькими словами.

После уютного зрительного зала на улице оказалось не очень комфортно: дул северный пронизывающий ветер, который заставил ускорить шаг по пути к троллейбусной остановке.

– Ну как тебе новое произведение Рязанова? – поинтересовался Вадим Андреевич мнением жены.

– Грустное зрелище. Откуда он все это взял? На наших городских свалках, насколько я знаю, ничего подобного не было. Да и бомжей в нашем городе раньше не встречала. Это сейчас они появились кое-где во дворах; по утрам копаются в мусорных ящиках.

– Это фильм-предупреждение. Великий мастер, используя эзоповский прием, всех нас предупреждает: сдадите советскую власть, примите капитализм – большинство из вас окажется на мусорной свалке.

– Никто не собирается сдавать советскую власть, – спокойно возразила Мария Григорьевна. – И откуда у тебя такие мрачные прогнозы?

– Откуда, говоришь? Да только политические слепцы и еще равнодушные граждане не хотят понять, что под благовидными лозунгами перехода к рыночной экономике, после запрета КПСС, уже идет демонтаж советской власти. Хотя бы ради потехи провели референдум и спросили у народа о его согласии поменять социализм на капитализм.

Вадим Андреевич немного подумал, а потом скорее больше для себя, нежели для жены, с каким-то сарказмом произнес:

– Провели уже один референдум, ну и что же? Его результаты бросили псу под хвост!

* * *

Несмотря на доводы Марии Григорьевны не идти на митинг, Вадим Андреевич все-таки решил побывать на нем: ему, переживающему за судьбу Советского Союза, хотелось узнать мнения других как по очередному проекту Союзного договора, так и вообще о межнациональных отношениях в стране. В заводском Дворце культуры, куда он пришел, было многолюдно и шумно. Собранный люд горячо обсуждал происходящие события, кто-то предсказывал возможный их исход.

Вадим Андреевич, не задерживаясь в гардеробе и фойе, прошел в зрительный зал. С трудом отыскал в нем свободное место: оно находилось рядом с проходом, в пятом ряду. Когда он сел, мужчина-сосед предупредил:

– Здесь кто-то уже сидел, но ушел, ничего не сказав.

– Я понял, – буркнул Вадим Андреевич, удобнее усаживаясь в кресле.

В зрительном зале установилась напряженная, словно перед каким-то большим сражением, тишина. Вот, наконец, на сцену поднялись трое мужчин и сели за стол, непокрытый традиционно красной скатертью. На нем стояли графин с водой и несколько стаканов. Рядом со стаканами лежал микрофон. После короткого перешептывания один из мужчин (он сидел за столом посередине) встал, взял микрофон, еле заметным движением большого пальца левой руки слегка постучал в него и, убедившись, что он в рабочем положении, объявил:

– Товарищи! Митинг в поддержку Союзного договора считается открытым!

Выдержал небольшую паузу, видимо, в надежде, что вот-вот зазвучит Гимн Советского Союза и все сидящие встанут, как практиковалось в таких случаях совсем недавно. Но, не дождавшись ни того ни другого, открывший митинг продолжил:

– Товарищи, мы собрались здесь, чтобы высказаться по проекту Союзного договора, опубликованному только что в печати, и поддержать его...

Он хотел сказать что-то еще, но из зала кто-то ведущего перебил:

– А сколько еще таких проектов появится? Не пора ли кончать с пустой болтовней и бесконечным бумаготворчеством! Может, стоит, наконец, заняться конкретным делом?

Ведущий никак не отреагировал на реплику из зала. Он быстро передал микрофон сидящему справа от него соседу. Тот вскочил и буквально прокричал в микрофон:

– Вот тут из зала раздался недовольный выкрик: сколько еще появится проектов Договора! Отвечаю: сколько надо будет – столько и появится. Подготовить такой ответственный документ, как Союзный договор, который устраивал бы всех в нашей многонациональной стране, – это вам, товарищи-господа, не кружку пива выпить. Это – намного сложнее и ответственно.

Зал зашумел, протестуя против такого бесцеремонно нахрапистого начала митинга. Выступающий замолчал, а затем примирительно представился:

– Я – Ворфоломеев Николай Петрович, представляю здесь Демократическое движение реформ. Напомню присутствующим, что это движение сегодня возглавляют такие общепризнанные реформаторы как Борис Ельцин, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов. Они выступают за радикальные перемены в нашей стране и получают в этом все возрастающую поддержку населения.

Ворфоломеев попытался улыбнуться, налил из графина в стакан воды, сделал пару глотков, проверил микрофон, затем, сдерживая свои эмоции, продолжил выступление:

– После небольшой, так сказать, ремарки позвольте перейти к повестке нашего митинга. Итак, что касается Союза ССР – скажу откровенно: он обречен. Почему? Государственно-имперское образование под названием Советский Союз создавалось не демократическим путем, а в результате насилия, применяемого большевиками в отношении народов бывшей Российской империи. Так поступили с Украиной, которая, не успев определиться с самостоятельностью, оказалась во власти Гражданской войны; с помощью Красной армии была установлена советская власть в Закавказских республиках; то же самое имело место в Средней Азии и некоторых других регионах. Вопреки декларациям о равноправии и классовой солидарности, большевики изначально проводили сугубо централистскую политику, позволявшую им еще до официального провозглашения СССР выстроить своеобразную квазигосударственную конструкцию, отличительными чертами которой стали федерация, конфедерация и унитарное государство. Обладая монополией на власть, на толкование национальных интересов, большевики воссоздали унитарное государство наподобие Рос-

сийской империи, в котором демократии и свободы было ровно столько, сколько при царском режиме. Что же касается конституционной фишки о праве республик выхода из СССР, то она служила всего лишь прикрытием для подавления всякого стремления инородцев на свое самоопределение.

Ворфоломеев сделал короткую паузу, вытер платком вспотевшее лицо, глотнул из стакана воды и с новой силой продолжил свое вещание:

– И вот теперь в условиях демократии и гласности народы, покоренные ранее большевиками, получили реальный шанс на свое самоопределение и создание собственной государственности. Опубликованный нынче проект Союзного договора открывает им зеленый свет на пути к полной их независимости. Пускай они идут на все четыре стороны со своими национальными интересами, особенностями, традициями, со своим эгоизмом. И России будет без них легче и проще решать свои проблемы. Как говорится, «Баба с воза – кобыле легче».

Закончив половицей свое выступление, Ворфоломеев с довольным видом устался в зал, ожидая, по всей видимости, одобрительных аплодисментов. Но их не последовало, хотя зал зашумел. Было только непонятно, по какой причине шум возник: то ли в знак одобрения, то ли из-за несогласия присутствующих с выступающим. А тот, не дожидаясь пока зал успокоится, сел на свой стул.

Ведущий объявил следующего выступающего. Им был сосед по столу ведущего митинг, сидящий слева Николай Иванович Терентьев. Он без микрофона вышел из-за стола и напрямую обратился к залу:

– Уважаемые товарищи! Вы только что выслушали выступление Ворфоломеева. Можно только удивляться его изобретательности, чтобы в какие-то считанные минуты из Советского Союза – страны, в которой мы жили и живем, сделать националистического монстра, поставить ее на одну доску с царской Россией, олицетворявшей в действительности тюрьму народов. Хочу напомнить всем здесь присутствующим, в том числе и Ворфоломееву: Российская империя распалась в 1917 году в результате бездарного правления императора Николая II, не сумевшего вовремя решить многие жизненные проблемы, в том числе национальный вопрос, что привело к революции. Именно благодаря гению Ленина и мужественной деятельности большевиков, несмотря на невероятные трудности, включая Гражданскую войну, удалось собрать земли распавшейся Российской империи в новом государственном образовании под названием Советский Союз. Вы, господин Ворфоломеев, ничтоже сумняшеся, назвали СССР квазигосударственной конструкцией, т. е. мнимым ненастоящим государственным образованием. Почему? Оказывается, наше государство никак не соответствовало классическому определению: оно не было ни конфедерацией, ни федерацией, ни в чистом виде унитарным государством. Я согласен. Действительно, в советской федерации сочетались элементы того, другого и третьего. Но в этом и была большая заслуга Ленина, большеви-

ков, что они при восстановлении российской государственности пошли не имперским, не традиционным путем; они нашли такую конструкцию государственного устройства, которая в большей степени отвечала интересам нашего многонационального народа в то время. Что же касается насилия при собирании земель, то оно применялось там и тогда, где и когда буржуазно-помещичьи верхи, утратившие в 1917 году политическую власть, пытались при покровительстве извне, силой оружия вернуть свое господство, не допустить установление советской власти как в центральных районах, так и в национальных окраинах России. Вы, господин Ворфоломеев, изволили утверждать, что в СССР на протяжении всего периода подавлялось всякое стремление наций и народностей к самоопределению и вот, дескать, в условиях демократии и гласности они во весь голос заявили о своем желании иметь свою государственность. Я не буду здесь говорить об известных успехах союзных республик в социально-экономическом и культурном развитии. Скажу лишь, что проблему межнациональных отношений спровоцировала неудачная перестройка. А вот что касается желаний советских граждан жить в союзном государстве – это показывают итоги референдума СССР 17 марта: 76,4% голосовавших высказались за сохранение Союза Советских Социалистических Республик. Что, эти люди проголосовали за сохранение СССР из-под палки? Да, вы наверняка скажете, что в ряде республик референдум не проводился. Отвечаю: хотя и скромный, но это в первую очередь – результат вашей, демросовской антисоветской антигосударственной пропаганды! Тем не менее, несмотря на моральное давление со стороны оппозиции и блокирование ею избирательных участков, более 2 млн граждан Грузии, Литвы, Молдовы, Латвии, Армении, Эстонии сказали «да» Союзу ССР (12). Не хотелось бы углубляться в историю и занимать здесь ваше время, но все же вынужден коснуться победы советского народа в Великой Отечественной войне. Известно, что Гитлер, начиная войну с СССР, рассчитывал, что «покоренные большевиками народы» – такими теперь и вы их считаете – при первых же неудачах Красной армии дружно поднимутся на борьбу против ненавистного советского режима за свое национальное освобождение. Но фюрер просчитался. Наш многонациональный советский народ еще теснее сплотился и победил коварного врага. Да, национальные особенности, национальные традиции и в какой-то мере национальный эгоизм свойственны каждому народу. Но надо это не до крайностей культивировать, а спокойно воспринимать и учитывать в национальной политике государства, своевременно снимать возникающую напряженность в межнациональных отношениях. И дружба народов Советского Союза как важнейшее условие его стабильного развития будет оставаться нерушимой. Опубликованный очередной проект Союзного договора – последний рубеж на пути сохранения нашего многонационального государства. Если его не удастся удержать – наша великая держава распадется с непредсказуемыми последстви-

ями. Поэтому я прошу всех присутствующих здесь поддержать голосованием предлагаемый проект Союзного договора.

Закончив свое выступление, Терентьев вернулся за стол и сел на свой стул. Его проводил зал, хотя и не очень дружными, аплодисментами. Выждав несколько минут, ведущий митинга предложил желающим выступить. Но пока таковых не находилось, зал молчал.

Вадим Андреевич, внимательно прослушавший обоих ораторов, подумывал и о своем выступлении. Конечно, ему больше импонировало выступление Терентьева; критика им взглядов Ворфоломеева на проблему межнациональных отношений была содержательной и убедительной.

Пока Вадим Андреевич продумывал содержание своего выступления, на сцену поднялся рабочий Крайнов и рассудительно заговорил:

– Когда смотришь телевидение, слушаешь радио и выступающих на митингах, складывается странное впечатление: все правы. Вот только что перед нами выступили двое: и тот и другой прав. Выступит кто-то третий – и он будет прав! И я кое-что скажу сейчас – и тоже буду по-своему прав. А где же правда, чтобы она всех устраивала? Я думаю, надо идти от жизни. Мне, рабочему, непонятно, почему вдруг нас не стал устраивать Советский Союз. У нас на заводе работают люди самых разных национальностей – и работаем дружно, без оглядки на национальность. Даже Ельцин, будучи первым секретарем обкома партии, во время посещения завода завернул к нам в цех и, узнав о многонациональном составе нашего коллектива, воскликнул: вот вам на деле настоящая дружба народов Советского Союза! А сегодня и его не поймешь, чего он хочет, к чему призывает. Какое-то издевательство над народом! – такими словами закончил свое выступление Крайнов.

Зал несколько оживился. Под шумок неожиданно к сцене буквально подбежала молодая женщина и, не дожидаясь пока ее представят, громко заявила о себе:

– Я, Аня Степанова, работаю швеей в ателье. Не могу никак понять, что происходит в нашей стране. Началась перестройка – все ее с восторгом приветствовали. Перестройке шестой год, а что получили: пустые полки в магазинах, а теперь говорят, что скоро и Советского Союза не будет. А как с работой быть? У нас в ателье нет ни тканей, ни других пошивочных материалов, – неужели все скопом пойдем работать в комки? Жуть какая-то!

Степанова что-то еще говорила, но Вадим Андреевич уже плохо слушал ее: он готовился к выступлению, и поэтому все его мысли были заняты этим. Он из своего лекторского опыта хорошо знал, что аудитория внимательно слушает выступающего не более двадцати минут, а дальше у большинства слушателей внимание рассеивается; они вроде бы и слушают, но плохо воспринимают сказанное. Митинг длился уже около часа. Скоро собравшиеся зашумят, и выступать не будет никакого смысла. По-

этому Вадим Андреевич посчитал целесообразно выступить сразу же после Степановой.

Но Степанова не собиралась уходить. Она с жаром рассказывала о некоторых эпизодах из своей жизни, о том, что ее страшит в сегодняшней жизни.

– Может, и в самом деле Советский Союз как многонациональное государство столкнулся с какими-то трудностями, – звенел ее голос в притихшем зале. – Но мы, простые граждане, о них не думали, в повседневной жизни не ощущали. Я была во многих республиках – в Белоруссии, Украине, Латвии, Казахстане, Молдавии, – нигде никто мне не напоминал, что я русская и чтобы убиралась восвосяси. В Риге живет моя тетья. Она замужем за латышом. Живут дружно, имеют двоих детей. Я не раз бывала у них в гостях. Встречалась с хорошим парнем-латышом. Много бродили по прекрасной Риге, рассказывали друг другу всякие истории, но до разговора о национальных пристрастиях как-то не доходили. Собирались пожениться. Он хотел побывать в Свердловске. Не вышло, Латвия стала другой, независимой страной. Теперь, когда я слышу, что Советского Союза уже нет – мне становится страшно! Что будет с нами завтра? Кто ответит за всю эту неразбериху? Ельцин? А Горбачев, а народные наши избранники – они что, ни при чем? А коммунисты нашего города вместе с Кадочниковым – тоже ни при чем?

Не дожидаясь ответа на свои вопросы, возмущенная Степанова покинула сцену под громкие аплодисменты. Ее место без приглашения быстро занял Вадим Андреевич. Представился, взял микрофон, подождал, пока зал успокоится и обратит на него внимание и, убедившись, что присутствующие готовы его слушать, начал с ответов на вопросы Степановой:

– Вы, уважаемые товарищи, слышали вопросы только что выступавшей перед вами Степановой, которые можно конкретней так поставить: почему наша страна – Советский Союз – идет под откос, и кто за это ответит? Все, уважаемые товарищи, началось с перестройки. Да, она нужна была. Наши люди устали от постоянно повторяющихся дефицитов, хотя после той страшной разорительной войны прошло уже сорок лет; устали от сильно постаревшего нашего высшего партийного и государственного руководства, которое в силу своего возраста не могло адекватно реагировать на возникающие проблемы, особенно внутри страны. Однако руководство страны во главе с Горбачевым, затеявшее перестройку, не справилось со сложнейшими задачами обновления страны на путях социалистического выбора. Допускаемые просчеты, ошибки и бездеятельность в ходе реформ усложняли экономическую жизнь страны, ухудшали материальное положение народа, что вызывало его недовольство; бездумно насаждаемые демократия и гласность вели к вседозволенности, травмировали сознание и душу людей. Неудачная перестройка породила феномен Ельцина. В борьбе с Горбачевым за власть Ельцин и его сторонники пошли на опас-

ные для многонациональной страны действия: они стали играть на очень ранимых национальных чувствах, что привело к возрождению национализма и сепаратизма, к кровавым столкновениям на национальной почве. Так что за неразбериху и беспредел в стране одинаково повинны Горбачев, Ельцин и их сторонники, народные депутаты и, конечно же, местные партийные организации, пассивно взиравшие на все происходящее в стране.

Вадим Андреевич замолчал, давая возможность присутствующим в зале подумать о том, что он только что сказал. После минутного молчания продолжил:

– Выступавший перед вами участник Демократического движения реформ Ворфоломеев заявил: СССР обречен. К сожалению, он прав. Скажу больше: Советского Союза – страны, в которой мирно уживались миллионы граждан разных национальностей, – уже нет. Вот до чего доигрались горе-перестройщики! Опубликованный очередной проект Союзного договора – это пародия на СССР. В нем идет речь фактически о конфедерации суверенных, т. е. независимых государств. Иначе говоря, бывшие советские социалистические республики, составлявшие Советский Союз, получают статус независимых государств с непонятным общественным строем. Тем не менее я призываю всех поддержать данный проект Союзного договора хотя бы ради того, чтобы окончательно не разорвались экономические и социальные связи между народами бывшего Советского Союза и тем более – избежать кровавых разборок между ними на национальной почве. Пройдет какое-то время, националистические страсти спадут, люди поймут, что в тесном сотрудничестве и дружбе жить легче в современном сложном мире, и они пойдут на образование нового союзного федеративного государства.

Теперь о советской федерации. Ворфоломеев назвал ее «квазигосударственным устройством». А, на мой взгляд, здесь надо больше говорить об особенностях и принципах социалистического федерализма, насколько он отвечал интересам народов нашей страны, что, собственно, и сделал в своем выступлении Терентьев. Напомню, что СССР являлся, как записано в Конституции СССР 1977 года, «добровольным объединением равноправных Советских Социалистических Республик». «Добровольность» подтверждалась статьей 72 Основного закона: «За каждой союзной республикой сохраняется право добровольного выхода из СССР». Когда господин Ворфоломеев называет эту конституционную норму «фишкой», служившей якобы лишь прикрытием для подавления всякого стремления инородцев на свое самоопределение, то, очевидно, он имеет в виду здесь факт отсутствия до последнего времени специального закона о порядке выхода союзной республики из СССР. В связи с этим мне хотелось хотя бы на несколько минут задержать ваше внимание на сути национальной политики КПСС, которая проводилась в жизнь. Ее основные принципиальные положения были сформулированы Лениным и другими большеви-

ками еще до 1917 года. Наиболее дискуссионным было и остается положение о праве наций на самоопределение и образование собственного государства. Оппоненты Ленина и большевиков критиковали их за то, что они, т. е. большевики, выступают за децентрализацию крупного государства, что является регрессом с точки зрения исторического развития. Ленин настойчиво разъяснял и доказывал, что большевистская программа по национальному вопросу действительно предусматривала право нации на самоопределение и создание ими своей государственности. Однако это вовсе не означало, что большевики являлись сторонниками дробления государства, ибо это означало возвращение назад, в средневековье, к феодальной раздробленности. Многонациональное крупное государство может формироваться исключительно на добровольной и равноправной основе. Поэтому, признавая право наций на самоопределение и создание собственного государства, большевики тоже оставляли за собой право бороться за многонациональное единое государство, но построенное на добровольной и равноправной основе. Национальная государственность наций и народностей, которые желали оставаться в составе единого государства, обеспечивалась путем предоставления им широкой областной территориальной автономии с демократическим местным самоуправлением. Ленин подверг резкой критике идею «культурно-национальной автономии», которую исповедовали тогдашние буржуазные партии, прежде всего кадеты. По мнению Ленина, «культурно-национальная автономия» означала «именно утонченный и поэтому самый вредный национализм...» (13). К реализации своей программы по национальному вопросу большевики приступили сразу же, придя к власти в 1917 году. Уже в ноябре того же года ВЦИК (высший законодательный и представительный орган советской власти), Совет Народных Комиссаров – тогдашнее правительство, издали «Декларацию прав народов России», в которой законодательно закреплялись равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Отменялись все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. Были приняты другие законодательные акты, направленные на решение национальной проблемы в стране (14). Советское правительство предоставило независимость Финляндии, признало суверенитет Польши. Началось самоопределение белорусов, украинцев, народов Прибалтики, Кавказа, других народов, проживавших на территории бывшей Российской империи. Дальнейшие демократические преобразования в стране, – продолжил, сделав небольшую паузу, Владимир Андреевич, – осложнила начавшаяся Гражданская война, виновниками которой, кстати, являлись в равной степени все тогдашние политические партии России, а не одни большевики, как это утверждает нынешняя оппозиция. Тем не менее и в годы военного протывоборства различных политических сил в стране продолжалось формирование национальных

республик на территории распавшейся Российской империи. В них, по примеру и при поддержке Советской России, власть, вопреки сопротивлению национальной буржуазии, перешла к Советам, в которых решающую роль играли большевики. В годы Гражданской войны сложился военнополитический союз советских республик для совместной защиты завоеваний Октябрьской революции и власти Советов. После окончания войны встал вопрос о формах дальнейшей интеграции национальных республик – опыт Гражданской войны подтверждал, что лишь общими усилиями можно противостоять давлению внешних сил, успешно решить задачи восстановления разрушенной за годы Первой мировой и Гражданской войн экономики, а в последующее время – осуществить социалистическую модернизацию во всех республиках. После острых дискуссий было принято ленинское предложение о создании новой равноправной федерации «Союза Советских Республик Европы и Азии» и отвергнута сталинская идея «автономизации», т. е. вхождение Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии в Российскую Федерацию на правах автономии. В 1922 году прошли съезды Советов национальных республик, которые высказались за объединение в равноправный Союз Советских Социалистических Республик. Съезды одобрительно восприняли решение пленума ЦК РКП (б) от 6 октября 1922 года об оставлении за каждой из республик права свободного выхода из состава Союза, что диктовалось тогдашней остротой национального вопроса. В этом заключалась главная особенность советской федерации, ее демократизм. 30 декабря 1922 года в Москве прошел 1-й съезд Советов советских республик – РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, на котором были приняты Декларация об образовании СССР и Союзный договор. 2-й съезд Советов СССР в 1924 году принял первую Конституцию СССР. Таким образом, факт образования единого федеративного государства был закреплен Основным Законом страны.

Закончив небольшой экскурс в историю образования СССР, Вадим Андреевич решил остановиться на некоторых, как ему представлялось, наиболее важных дискуссионных вопросах.

– Я коснулся истории образования Советского Союза для того, чтобы вы лучше разобрались в том, о чем только что здесь вещал Ворфоломеев и говорят другие нынешние оппозиционеры по поводу советской федерации. Еще раз скажу: СССР был образован демократическим путем в результате добровольного объединения суверенных республик. Первоначально в него входили 4 союзные республики, а к началу перестройки – 15. Каждая из них получила атрибуты суверенного государства: конституцию, герб, флаг, гимн. Республики в братском союзе при взаимной помощи добились неоспоримых успехов в развитии своей экономики, социальной сферы, культуры, науки, образования на родном языке, здравоохранения, восстановили разрушенные в годы Отечественной войны города и села, возвели новые. Каждая из республик, следовательно, имела все необходимое для самостоя-

тельного существования вне Союза ССР. Однако ни одна из них не изъявляла желание воспользоваться своим конституционным правом и выйти из состава СССР. Более того, в ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР в 1977 году поступали и такие предложения, как отмена понятий «национальности и народности», замена их одним определением – «советский народ». О чем все это говорит? О том, что советская федерация обеспечивала интересы подавляющего большинства многонационального населения страны. Она являла собой образец такой интеграции, о которой европейцы, да что европейцы – земная цивилизация – может только мечтать! Вы, господин Ворфоломеев, можете, конечно, напомнить здесь присутствующим о деформациях в области национальных отношений в Советском Союзе, о сталинских репрессиях против целых народов – да, это, к большому сожалению, имело место. Но все это не надо возводить в некий абсолютизм, перечеркивая огромные достижения в национально-государственном строительстве. Все эти негативные проявления надо осудить, критически проанализировать, чтобы не допустить их рецидива в будущем и своевременно решать возникающие проблемы в межнациональных отношениях в рамках исторически сложившейся и оправдавшей себя советской федерации, не отвергая ее. Вы же, господин Ворфоломеев, когда называете Советский Союз квазигосударственной или, говоря по-другому, порусски, уродливой конструкцией, то не просто грешите истиной, а сознательно дискредитируете советский федерализм и тем самым содействуете его ликвидации. Если вся эта ныне ведущаяся игра с Союзным договором завершится полным провалом и Советский Союз распадется на ряд мини-государств – всем нам от этого мало не покажется!

Вадим Андреевич повернулся в сторону Ворфоломеева и специально для него повторил:

– Да, да, всем нам, простым советским гражданам, мало не покажется. Но только не вам, сторонникам рыночных отношений. Ибо разрушив многонациональный Советский Союз, вы успешно решите и другую, главную для вас задачу, о которой пока громко не кричите – упразднение Советской власти и восстановление капитализма в стране! Известно из истории: формирующаяся национальная буржуазия всегда стремится к созданию национального государства, в котором чувствует себя уверенно и комфортно. Вот вы к этому и стремитесь, усыпляя наших доверчивых граждан подобными выступлениями.

Спустившись со сцены, Вадим Андреевич направился к своему месту. Раздались аплодисменты, озадачившие его: приветствуют ли за удачное выступление или за то, что убрался с подиума? Но подойдя к своему креслу и сев, он услышал одобрение соседа:

– Хорошо выступили, хоть немного нам мозги прочистили, а то их совсем запудрили ретивые политики и их пособники.

После слов соседа Вадим Андреевич успокоился и попытался мысленно проанализировать свое выступление. Получалось, что оно было не такое уж и плохое, но вот закончил свое выступление все-таки не так, как хотел: зачитать обращение Съезда народных депутатов РСФСР к гражданам Белоруссии, России, Украины с призывом «сделать хотя бы шаг, одно усилие, чтобы предотвратить национальную катастрофу народов Белоруссии, России, Украины...» (15).

Тем временем кто-то из зала предложил подвести черту под выступлениями и принять резолюцию митинга о поддержке нового проекта Союзного договора. Предложение приняли без голосования. Ведущий сделал небольшое заключение. Закрывая митинг, он еще раз напомнил, что ситуация в стране крайне сложная, решается судьба Советского Союза и поэтому не надо стоять в стороне, слепо доверяясь политикам, а действовать, действовать активней, сплоченно выступить в защиту братского союза наших народов.

* * *

Выйдя из Дворца культуры, Вадим Андреевич неожиданно столкнулся с молодым человеком, в котором узнал бывшего своего студента. Тот, оказавшись рядом со своим в недавнем прошлом вузовским преподавателем-историком, после некоторой заминки приветствовал его:

– Здравствуйте, Вадим Андреевич! Вы меня не узнаете?

– Отчего же! Гордов Игорь. Только вот как по батюшке – не знаю.

– Игорь Сергеевич.

– Игорь Сергеевич, я вас сразу узнал, хотя вы возмужали и немного изменились и, конечно, в лучшую сторону.

– Спасибо за комплимент. Хочу заметить: стареющий человек вряд ли улучшает свой внешний вид, а тем более – здоровье.

– Но вы же не стареете, а мужаете, а это не одно и то же! Где вы сейчас работаете?

– На заводе, сменным мастером.

– Насколько я помню, вас, как успешно окончившего наш новый вуз по специальности «инженер-педагог», распределили в одно из престижных профтехучилищ Свердловска.

– Да, было такое, но как-то не прижился в педколлективе ПТУ, да и зарплата меня не устраивала. Вот и перешел работать на завод, где и зарплата повыше, и социальных благ больше.

– А какая обстановка сейчас на заводе, в цехе? Я имею в виду и работу, и морально-политический климат в коллективе.

– Как вам сказать: завод пока работает, хотя у рабочих растет тревога за завтрашний день. А как у вас вуз дышит в условиях этого беспредела?

– Вузам, в том числе и нашему, приходится сегодня больше думать не о развитии, а о выживании.

– Вы хорошо выступили, Вадим Андреевич, на митинге, – перевел на другую тему разговор Гордов. – Вместе с Терентьевым вы поставили демороса Ворфоломеева на место.

– Кто такой Терентьев? – поинтересовался Вадим Андреевич.

– Инженер-конструктор, работает на нашем заводе. В свое время провёл политзанятия у ИТР.

– Знающий товарищ, ничего не скажешь. Что же касается Ворфоломеева – возможно, как вы говорите, мы его на место и поставили. Но Ворфоломеевых в наши смутные дни становится все больше и больше, их влияние в нашем обществе после запрета КПСС набирает космическую скорость.

– Вадим Андреевич, у меня возникло несколько вопросов по ходу вашего выступления. Могу ли я вам их задать?

– Пожалуйста, только давайте отойдем от Дворца культуры и по пути поговорим.

Преподаватель и недавний студент направились на бульвар Культуры. А когда на нем оказались, Вадим Андреевич первым возобновил разговор:

– И какие же у вас возникли вопросы, Игорь? Да, вы не будете возражать, если буду к вам обращаться только по имени, как в бывалые студенческие годы? Так проще общаться, и разговор получится более откровенным.

– Нет, конечно.

– Тогда давайте ваши вопросы.

– В своем выступлении вы, Вадим Андреевич, отметили, что особенностью советской федерации было конституционное право союзных республик на их свободный выход из СССР. Но почему тогда в Конституции СССР не был закреплен механизм выхода республики из Советского Союза? Странно как-то получалось: право дано, а как его реализовать – ни гу-гу!

– Да, оно так, – усмехнулся Вадим Андреевич и, немного подумав, уже серьезно продолжил – Однако что тут странного? Конституция СССР – основной закон страны. Она отразила принципиальные положения национальной политики КПСС, в частности закреплялось право наций и народностей на самоопределение, а его практическая реализация должна была осуществляться и осуществлялась путем образования и развития их государственности в составе единого многонационального государства. Закреплять конституционно порядок выхода республики из СССР было в таком случае не обязательно.

– Ну а если бы какая-то республика вдруг изъявила желание получить свою полную независимость от СССР – как решалось бы ее конституционное право?

– Разумеется, партийному и государственному руководству страны пришлось бы решать данную проблему. Вначале по партийной линии стали бы разбираться, почему и кем поднят вопрос о выходе республики из Союза. Если при проверке не нашли каких-то серьезных ущемлений прав и свобод граждан республики по национальному признаку со стороны местных вла-

стей, а выявилось бы, что националистические настроения будируются, к примеру, определенной частью национальной интеллигенции, то в таком случае потребовалось бы провести республиканский референдум, чтобы узнать истинные настроения граждан. И только после их волеизъявления Верховному Совету СССР следовало принять соответствующее постановление. Вот такой, на мой взгляд, механизм мог быть запущен в отношении республики, пожелавшей продолжить самоопределение, вплоть до выхода из состава Советского Союза. Но я хочу еще раз вам повторить то, о чем говорил в своем выступлении: до перестройки и даже в ее начале ни одна из республик не ставила вопроса о своем выходе из СССР. Скажу большее: в рамках единого государства четко обозначился процесс формирования идентичности советского народа как новой исторической общности людей.

– И все же нельзя ли было эту «закавыку» убрать из Конституции 1936 года, тем более 1977 года, когда острота национального вопроса не была такой, как в 1922 году. Сегодня было бы меньше критики со стороны нынешних либералов в адрес Ленина, большевиков по поводу решения национального вопроса в нашей стране.

– Советская практика сожительства разных народов в рамках многонационального государства давала положительные результаты. Это во-первых. А во-вторых, отмена конституционного права на выход из состава СССР союзной республики рассматривалась бы компартиями союзных республик, их общественностью как возврат к старой имперской политике «великой неделимой Руси» со всеми вытекающими последствиями. Нынешнее обострение межнациональных отношений в стране – это неудачи в перестройке.

– А как насчет русификации нерусского населения страны? – перебил Вадима Андреевича Гордов.

– Вы, наверное, имеете в виду насаждение русского языка в республиках, о чем сегодня неустанно вопят националисты?

– В том числе...

– Русский язык стал языком межнационального общения. Это признают все. Однако этот факт следовало бы давно закрепить юридически, т. е. провести референдум в республиках по вопросу придания русскому языку статуса второго государственного. Тогда бы и разговор о «русификации» могло вообще не быть.

– Понятно. Можно еще один вопрос? По поводу репрессированных народов. Вы лишь мельком коснулись этого в своем выступлении, хотя об этом сегодня много пишут и говорят!

– Выселение из мест исконного проживания крымских татар и турок-месхетинцев, чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев, калмыков, немцев и прибалтов – одна из драматических страниц Великой Отечественной войны. Столь крайние меры были, конечно же, продиктованы

той жестокой военной обстановкой. Потребуется ни одно серьезное исследование, чтобы разобраться в причинах трагедии этих народов (16).

– Но ведь еще с хрущевских времен известно, что эти депортации не имели никаких разумных оснований, а проводились исключительно по прихоти Сталина. Разве это не так? – Гордов уставился на Вадима Андреевича, ожидая ответа.

– Это не совсем так, – спокойно возразил Вадим Андреевич. – Сегодня все наши беды связывают со Сталиным.

– Разве это не справедливо! – удивился Гордов. – Судьба человека, его жизнь чего-то стоила для Сталина, руководствовавшегося принципом: нет человека – нет проблемы!

– Эту фразу – нет человека и нет проблемы – Сталину, скорее всего, приписали в годы перестройки. Я много прочитал сталинских работ и в них такого выражения не встречал. Думаю, что Сталин, обладая даром аналитического прогноза, не мог допустить подобной «ляпы», понимая, во что она может обернуться для его карьеры. Что же касается причин репрессий названных народов, то объяснить их исключительно прихотью Сталина – не убедительно. Поэтому, как я уже сказал, потребуются основательные, непредвзятые исследования по данному трагическому эпизоду той кровавой войны.

– Вадим Андреевич, у меня еще есть вопросы, причем не только по теме межнациональных отношений. Но не смею вас больше задерживать. Хочу лишь обратиться к вам с просьбой: выступить перед рабочими нашего цеха, рассказать о современной ситуации в стране.

– Вы считаете, рабочим нужна такая лекция? Ведь сейчас сбрасывается в СМИ столько самой разной информации, что только успевай ее поглощать и переваривать!

– Поглощать-то поглощают, а вот переваривать разумно не получается – давятся! Так что надо помочь нашим рабочим понять, что происходит в стране и почему, заострить внимание на возможных последствиях всей этой кутерьмы для людей труда.

– Предсказать последствия происходящих сегодня событий никто не решится, слишком все запутано и неопределенно.

– И все-таки я вас прошу выступить перед коллективом нашего цеха, поделиться своими соображениями по поводу происходящего в стране.

– Хорошо. Когда?

– Я вам позвоню, вы можете дать мне свой рабочий телефон?

Вадим Андреевич продиктовал Гордову свой домашний и рабочий телефоны, и на этом они расстались.

Глава десятая

Вадим проснулся вместе с ребятами, но не стал подниматься с постели, а лишь молчаливо наблюдал, как они одеваются, заправляют свои кровати. Побеспокоил его внезапно Алексей:

– А ты что, друг, дрыхнешь, пора в столовую!

– Нет, куда торопиться, воскресный день, немного еще похраплю – буркнул Вадим, натягивая одеяло на голову.

– Как знаешь, мы пошли! – добродушно сообщил Алексей.

Когда все ушли и в комнате установилась тишина, Вадим попытался уснуть, но это ему сделать не удавалось: изредка раздавались шаги проходивших по коридору мимо комнаты жильцов, может быть, и гостей (было воскресенье) и мешали ему по-настоящему забыться. Находясь в состоянии не проснувшегося полностью человека, он, чтобы быстрее вновь отдаться полноценному сну, стал мысленно считать – так всегда поступал, если вдруг (хотя это случалось редко) появлялась бессонница. На сей раз счет цифр вместо глубокого сна воспроизводил картину вчерашнего рождественского вечера. То она вырисовывалась довольно четкой, и перед глазами всплывали знакомые лица, то вдруг картина терялась, и ее на какое-то мгновение с трудом удавалось вернуть и даже увидеть Людмилу, ощутить ее сладкие губы. И ему нравилась эта похожая на реальность, мелькающая в полусонной голове картина вечера.

Из полубытья Вадима вывел легкий стук в двери. Он открыл глаза и увидел входящих в комнату Игоря и Николая.

– Хватить спать, поднимайся, – первым подал свой голос Николай.

– Ты один, а где остальные? – справился Игорь.

– Володя еще дома, у родителей, а Алексей и Виктор с утра пораньше подались в столовую, а куда дальше они пойдут – бог их знает! – ответил Вадим, поднимаясь с кровати. Уже по пути в столовую Игорь завел разговор о праздновании Рождества.

– Где ты, Андреич, так долго вчера пропадал? Мы тебя поджидали, думали, что долго не удержишься на первом свидании.

– Я вчера был на рождественском празднике у своей будущей тещи, – в шутливо-задорном тоне пояснил Вадим. – А потом, после праздничного застолья, мы с Людой всю ночь гуляли по уктуским спящим улицам и переулкам, любовались красотой январской ночи и расстались до новой встречи жарким поцелуем! Домой добирался пешком. Первый троллейбус нагнал меня на Химмаше.

– Ну ты даешь! – воскликнул Николай. – Никак втюрился в уктуску по самые уши?

– Да, Коля, влюбился и, кажется, здорово!

– Чтоб не казалось – надо креститься! А пока – дернем пивка, оно в самый раз будет после рождественской пьянки, – предложил Николай.

В первую послерождественскую неделю Вадим вместе с бригадиром Вороновым работал в первую смену. В середине недели, придя на рабочее место, он застал комсорга цеха.

– Здравствуй, Вадим, я тебя поджидаю, – приветствовала Лиза, улыбаясь. – Подумал? Решил возглавить нашу оперативную комсомольскую группу?

– Привет, Лиза. Я подумал, но хочу тебя спросить.

– О чем?

– Комсомольское бюро еще не изменило своего решения относительно моей кандидатуры?

– Оно его и не принимало без твоего согласия! Ты-то согласен?

Вадим больше не стал задерживать на себе внимание комсорга и по-солдатски коротко и четко ответил:

– Да!

– Вот и хорошо! – засмеялась довольная таким ответом Лиза и, оставаясь в приподнятом настроении, пригласила Вадима на заседание бюро.

– Но я же нахожусь на работе, – напомнил комсоргу Вадим. – Тут без согласия бригадира не обойтись!

– Бюро состоится в обеденный перерыв, так что согласие бригадира не потребуетя...

Бюро проходило в Красном уголке цеха. Вадима представила Лиза и с ходу предложила утвердить его руководителем опергруппы. Возражений членов бюро не было. В заключение комсорг сказала:

– Мы надеемся, что Вадим оправдает наше доверие, опергруппа достойна будет выполнять свои обязанности. Чем будете заниматься – об этом конкретнее тебе, Вадим, скажут во время инструктажа в комитете комсомола завода, который состоится на следующей неделе. А пока познакомься с ребятами – членами нашей опергруппы. Кто-то из них работает в первую смену, а кто-то – во вторую и третью. Надо с ними встретиться и переговорить. Может быть, с кем-то придется расстаться, а вместо них – подобрать других, более ответственных ребят и, особенно, из тех, кто к нам в цех пришел после армии. Так что в подборе членов опергруппы, я думаю, особых затруднений не должно быть. Разумеется, я тоже не буду стоять в стороне. Если что-то от меня потребуетя – говори, будем решать вместе. Вопросы есть? Нет. Ты, Вадим, свободный, иди на обед.

Вернувшегося после обеда на свое рабочее место Вадима приветствовал бригадир:

– Ну что, женили? – Не дожидаясь реакции молодого рабочего, одобрительно рассудил:

– Это, понятно, дополнительная нагрузка, но кто как не вы, молодые, должны активно впрягаться в общественную работу, обновлять нашу жизнь, чтоб она у нас не захирела. Ну а теперь пошли трудиться!

* * *

В комитете комсомола завода все уже были в сборе. Вадим и еще двое ребят подошли, что называется, под занавес. Секретарь комитета ВЛКСМ, подождав, пока все рассядутся и успокоятся, перешел к деловому разговору:

– В наших заводских общежитиях, особенно в выходные и праздничные дни, культурный отдых молодежи нередко сопровождается пьянками и, даже иногда, драками. Культбытсоветы, конечно, проводят определенную работу, но не всегда им удается организовать такие мероприятия, которые заинтересовывали бы всех. Во многих случаях работа сводится к организации танцев в Красных уголках или коллективному просмотру спортивных и развлекательных телепередач. Инициаторами распития спиртного и хулиганских выходок чаще бывают те, кто недавно вернулся из мест заключения. Их проживает в общежитиях немного, это в основном молодые парни. Мы вовлекаем их в общественную работу, над ними шефствуют комсомольские организации цехов, квалифицированные рабочие-наставники. Тем не менее они еще допускают в своем поведении срывы, запивают. Вот это одна категория лиц, нарушающих общественный порядок. Другая категория нарушителей – молодые люди, но не наши заводские. Это либо молодые рабочие с завода железобетонных изделий, либо городская шпана. Они появляются обычно в наших женских общежитиях навеселе, пытаются качать свои права, свои порядки, создают тем самым конфликтную ситуацию, провоцируют драки. Учитывая все это, по рекомендации парткома завода и по согласованию со штабом заводской народной дружины был сформирован при комитете комсомола комсомольский оперативный отряд для дежурства в районе общежитий и заводского парка в субботние, выходные и праздничные дни. Это дало свои положительные результаты. Однако в последнее время дежурства стали нерегулярными, в некоторых цехах и отделах комсомольские опергруппы либо на грани распада, либо распались.

Смирнов замолк, внимательно посмотрел на присутствующих, словно пытаясь кого-то отыскать, и вдруг громко спросил:

– Здесь кто-то есть из заготовительного цеха?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Вадим не сразу сообразил, что это касается именно его, хотя он и знал, что больше из названного цеха, а это его цех, никого, кроме него, нет.

После паузы Смирнов повторил свой вопрос, но теперь Вадим быстро отозвался.

Смирнов чуть улыбнулся и, не придавая значения заминке со стороны ему еще мало знакомого комсомольца, вновь перешел на деловой тон:

– В заготовительном цехе, как меня проинформировала комсорг Бочарова, подобран новый руководитель опергруппы, и я сейчас его вам представлю.

Смирнов громко назвал имя и фамилию Вадима и попросил его подняться. И когда Вадим встал, Смирнов, улыбаясь, вновь повторил его имя:

– Вадим – руководитель опергруппы комсомольской организации заготовительного цеха. Присутствующие парни и девушки с нескрываемым интересом стали рассматривать Вадима. Установившуюся на какое-то мгновение тишину нарушил Смирнов:

– Вопросы есть к Вадиму?

– Давно из армии? В каких войсках служил? – Об этом его спросила сидевшая в сторонке симпатичная девушка.

– Демобилизовался в прошлом году, служил в воздушно-десантных войсках.

– С какого времени работаешь на заводе? – Этот вопрос задал сам Смирнов.

– С ноября прошлого года.

– Как обстоят дела с опергруппой?

– Знакомлюсь с ребятами-оперативниками, подбираю новых кандидатов. На днях проведем собрание группы.

– Хорошо, когда реально вы можете выйти на дежурство?

– Через пару недель, – немного подумав, ответил Вадим.

Смирнов, удовлетворенный ответом Вадима, обратился к присутствующим в зале комсоргам некоторых цехов и отделов с просьбой навести порядок в своих опергруппах и быть готовыми к дежурству:

– Дело идет к весне, а с ней, как вы знаете, связано не только пробуждение радужных эмоций у людей, но и оживление уличных хулиганских выходов и преступлений. Поэтому мы должны быть готовы их упреждать!

Смирнов высказал еще несколько пожеланий и закрыл совещание. При выходе из зала Вадима остановила и подала руку та самая симпатичная девушка, задававшая ему вопрос:

– Юля, зам. секретаря комитета ВЛКСМ. Если возникнут какие-то вопросы – приходите к нам, в комитет комсомола!

– Хорошо! – согласился Вадим, легко пожав девичью нежную руку.

* * *

Собрание опергруппы было решено провести на стыке первой и второй смен. Для Вадима прийти в цех задолго до работы (он трудился в третью ночную смену) было не очень удобно. Складывалась своеобразная парадоксальная ситуация: оставаться в цехе после собрания и слушать монотонный гул работающих механизмов не хотелось, и возвращаться домой, в общежитие, тоже не имело смысла, ибо все время уходило на ходь-

бу туда и обратно. Но и откладывать проведение собрания было нельзя: опергруппе предстояло уже в ближайшее время выйти на дежурство.

Еще до собрания Вадим переговорил со всеми членами опергруппы. Из них согласились и дальше оставаться оперативниками штамповщики Гена Махнев и Иван Шадрин, кузнец Паша Коротков, электросварщик Саша Погудин, стропальщик Юра Третьяков. Это были молодые парни, комсомольцы, не служившие в армии, за исключением Паши Короткова, который отслужил положенный срок в рядах Вооруженных Сил СССР и успел семьей обзавестись.

Вадиму удалось убедить стать оперативником кузнеца Алексея Степанченко – друга и соседа по проживанию в одной комнате. А тот уговорил вступить в группу Валю Синичкину (на нее Алексей положил глаз, о чем признался Вадиму). Крановщица Валя в свою очередь потянула за собой своих подружек – крановщицу Наташу Иваницкую и разметчицу Валю Столбову. Вадиму, конечно, хотелось вовлечь Игоря в опергруппу, но тот, как коммунист, уже имел партийное поручение и не мог подключиться к дежурству. С Николаем было сложнее: он не являлся комсомольцем, да и проявлявшиеся в нем от случая к случаю тюремные замашки вызывали сомнение в его полезности для группы.

Что же касается Володи и Виктора – они хорошие и надежные парни, но трудились в других подразделениях завода и не имели никакого отношения к заготовительному цеху.

Когда Вадим ознакомил Бочарову с составом опергруппы, та немало удивилась по поводу включения в нее девчат: зачем, дескать, они нужны, их придется охранять, а не наводить общественный порядок. Пришлось убеждать Лизу, что присутствие в группе девчат поднимет ее авторитет и доверие к ней.

Собрание оперативников открыла комсорг Бочарова. Она поблагодарила всех за согласие подключиться к активному участию по поддержанию общественного порядка, пресечению хулиганских поступков со стороны отдельных нерадивых граждан; особо обратила внимание на то, что сегодня, когда в стране разворачивается коммунистическое строительство, наведение образцового общественного порядка и его поддержание становятся особенно актуальной задачей. Наши люди в своей повседневной жизни должны видеть и ощущать перемены к лучшему во всем, в том числе и полнейшую безопасность во дворе, в парке, на стадионе, в общественных местах, на улице. И здесь нам, комсомольцам, вместе с народной дружиной и милицией придется ох как много трудиться! Трудиться не покладая рук! – завершила свой монолог Лиза. В заключение обратилась к Вадиму:

- У тебя, Вадим, есть что-то еще сказать?
- Все понятно, я попросил бы только парней немного задержаться.
- Зачем? – поинтересовалась Лиза.
- Нам надо кое-какие вопросы обсудить.

– А почему без нас? – спросила Валя Синичкина. – Мы тоже члены группы, и какие могут быть здесь от девчат секреты?

С ответом поспешил Степанченко:

– У нас состоится мужской разговор, а поэтому все дамы свободны!

Валя, пропустив сознательно мимо своих ушей слова Алексея, вплотную подошла к Вадиму и, глядя в упор ему в глаза, ужесточила свой вопрос:

– Так какие, мужики, у вас секреты?

Она игриво задержала свой взгляд на Вадиме, надеясь от него получить ответ.

– Никакого секрета тут нет, – в шутивно приподнятом тоне отозвался Вадим. – Всего-навсего мне захотелось посмотреть, какими физическими данными обладают наши парни, смогут ли они при необходимости хулигана укротить, и вас, прекрасные дамы, если потребуется – защитить.

Слушавшая разговор комсорг весело рассмеялась, а потом позвала девчат к выходу. Когда они все вместе покинули Красный уголок, Вадим пояснил ребятам, зачем он их задержал:

– Дежурство – есть дежурство, всякое можно встретить: дебош, драки, другие какие-то хулиганские проявления. Как вести себя в таком случае? Главное – не проходить мимо, не быть равнодушным к происходящему. Попытаться словесно урезонить хулигана или группу хулиганов.

– Ну да, если их будет несколько человек, то и сам можешь схлопотать, – ввернул Гена Махнев.

– А ты не жди, когда тебя начнут мурыжить, – подал свой голос Алексей. – Врежь хорошо главному, а остальные разбегутся.

– В драку ввязываться не надо, – продолжил Вадим. – Наша задача – общественный порядок поддерживать, а не драки разжигать. Основной метод работы – убеждение. Если это не действует – вызывать милицию. У каждого из нас будет телефон дежурного милиционера. Вообще-то мы будем ходить группой, и вместе нам будет проще справляться с хулиганами. Но может всякое быть. Допустим, идете вы в одиночку по улице и видите, как какой-то архаровец пристает к девушке или женщине, оскорбляет кого-то или угрожает кому-то. Тут вы должны обязательно вмешаться, защитить тех, кто подвергся насилию.

– Но каждый из нас при необходимости должен быть готовым дать сдачи хулигану, – заметил Алексей.

– Я с этим согласен. Но чтобы дать сдачи, надо не только проявить смелость, но и обладать хотя бы элементарными навыками самообороны. Кстати, умение себя защитить порождает собственную смелость и решительность.

После этих слов Вадим внимательно посмотрел на парней, которые его с интересом слушали. Он хотел спросить у них, знакомы ли они с приемами самбо, но потом решил посмотреть на практике, насколько они способны к самообороне.

– Я и Алексей служили в армии, получили там кое-какие навыки рукопашного боя. Сейчас мы вам их покажем, а заодно проверим ваши способности к самозащите.

Красный уголок не был приспособлен для подобного рода занятий. Поэтому Вадиму и Алексею приходилось ограничиваться лишь демонстрацией отдельных приемов самбо, вовлекая в борьбу и парней. Занятия продолжались с небольшими перерывами более часа. Расставаясь, договорились, что перед выходом на дежурство еще раз все встретятся для совместной тренировки, а пока каждый будет самостоятельно отрабатывать приемы самбо.

* * *

Вадим, наконец, собрался написать Любе, ответить на ее письмо. В армии это он делал сразу, получив от нее весточку. А вот теперь, на гражданке, все откладывал, откладывал, надеясь на более свободное время, а оно, время, неудержимо поглощалось трехменной работой, занятиями с опергруппой, начавшимися встречами с Людмилой. Задержка с письмом Любе начинала не просто угнетать Вадима; его начало давить нарастающее чувство предательства по отношению к ней – школьному товарищу, чьи регулярные искренние письма ему в армию согревали душу, помогали нести воинскую службу. Нет, он больше не мог тянуть с ответным письмом Любе, решил немедленно ей написать.

Немного поспав после третьей смены, Вадим принялся за сочинительство ответного письма Любе. Никто его не отвлекал (все друзья по комнате работали в первую смену), можно было спокойно сосредоточиться и собраться с мыслями. И как только в его избавившейся ото сна голове потекли упорядоченные мысли и начало вырисовываться содержание будущего письма, он взял ручку и стал не спеша писать:

Здравствуй, Люба!

Прости, что немного задержался с ответом. Все какие-то дела находились, а время на месте не стоит, вот и январь подходит к концу.

Немного о себе. В прошлом письме я уже кое о чем тебе рассказал: о неудачной попытке поступить в Челябинский политехнический институт, о посещении родителей, о приеме меня рабочим на завод Химмаш, что находится в Свердловске.

В этом письме я хочу поделиться своими первыми впечатлениями о городе Свердловске, о заводе, на котором работаю, о своих новых друзьях, о том, как провожу свое свободное от работы время.

Мое знакомство с этим городом началось довольно неожиданно. После дома родителей, где я немного побыл после армии, я приехал ранним августовским утром в Свердловск. Сойдя с поезда, вскоре оказался на привокзальной площади. Не ней стояли два троллейбуса и несколько ма-

шин, на которые падали скудные лучи лениво поднимавшегося солнца. Прошел площадь, незаметно вышел на широкую улицу, застроенную красивыми пятиэтажными жилыми домами с встроенными в некоторых из них магазинами – позже узнал: улица Свердлова. После нее, по другой улице, поднялся к Дворцу с колонами и остановился.

Он заинтересовал меня своей величественностью и необычной архитектурой. Восхищаясь Дворцом, не заметил, как подошла пожилая женщина и неожиданно спросила: «Интересуетесь архитектурой города?» Я поначалу опешил и не сразу сообразил, что ей ответить. Брякнул, что на ум пришло: красивое, мол, здание. А потом, спохватившись, спросил, что в нем размещается. А она не только вежливо ответила, а поведала нечто большее: «В этом великолепном здании нынче размещается городской Дворец пионеров, а в прошлом этот дворцовый ансамбль принадлежал богатеям Расторгуеву – Харитонову. Этим зданием восхищались и восхищаются все, кому доводилось бывать в нашем городе. Замечательно написал об этом дворцовом ансамбле в своих “Приваловских миллионах” Мамин-Сибиряк».

Женщина на минуту задумалась, ее блеклые глаза устремились ввысь, поверх Дворца пионеров, навстречу теплеющему августовскому солнцу. Потом она резко повернулась ко мне лицом и увлеченно, по памяти, процитировала сказанное Маминым-Сибиряком о Дворце: «Он занимал собой вершину горы и представлялся издали чем-то вроде старинного Кремля. Несколько громадных белых зданий, с колоннами, бельведерами, балконами, и какими-то странной формы куполами, выходили на небольшую площадь, а великолепными воротами, в форме триумфальной арки, – на Нагорную улицу...».

Она замолкла, а потом вдруг стала извиняться: «Простите, я, наверное, вас задерживаю, немного увлеклась! Вы знаете, когда я прохожу мимо Дворца пионеров, всегда испытываю какое-то трепетное чувство: может от того, что таких дворцов теперь не строят, или потому, что это прекраснейшее здание нашего города отдано пионерам, что, конечно же, замечательно».

Пионеры – наше будущее, они с юного возраста должны постигать все прекрасное! Советую вам прочитать «Приваловские миллионы» Мамин-Сибиряка, из этой книги многое узнаете об этом Дворце, и о городе нашем. И еще: о Дворце много легенд ходит». Женщина собралась уходить, но я ее остановил: «Скажите, а какие еще старинные интересные здания имеются в городе?»

«Их много и обо всех здесь не расскажешь. Вон, смотрите, на противоположной стороне улицы, почти напротив Дворца пионеров, среди других домов выделяется одноэтажный особняк. Это бывший дом инженера Ипатьева. В нем летом 1918 года расстреляли последнего русского царя Николая II вместе с членами его семьи».

«А что сейчас в этом доме?» – был мой вопрос.

«Областной партархив» – последовал ее краткий ответ.

Я не удержался и спросил, сколько проживает в городе людей, и она без запинки произнесла:

«Более 700 тысяч. Наш город – город заводов, фабрик, вузов, театров; город-труженик.

Нам, свердловчанам, все здесь любо и дорого», – с нескрываемой гордостью добавила незнакомя мне женщина и, не проронив больше ни слова, быстро ушла.

Вот такое было мое первое свидание со Свердловском, и оно меня подтолкнуло на любовь к этому городу, к его истории. Мне очень захотелось в нем остаться...».

Вадим перестал писать, задумался. О чем еще Любе написать? О работе? А надо ли ей, крановщице, сообщать о своей работе рихтовщика? Не ахти какая эта рабочая профессия, чтобы вызвала у нее какое-то восхищение. Посмеется только, да еще подумает: ну и выбрал себе работенку, не мог что-то лучшее подыскать. Конечно, можно будет, если потребуется, ей дополнительно объяснить, что это временная работа, согласился на нее, потому что не было пока другого выбора, и она поймет правильно. Можно черкнуть ей и о комсомольском поручении – возглавил опергруппу цеха. Это она точно одобрит. А вот надо ли Любе написать о встречах с Людмилой? Как она к этому отнесется? Ведь он, Вадим, до сих пор не знает, какое у нее отношение к нему: школьное товарищеское, а может, иное? Может, она из-за него, как считает Володя, порвала свои отношения с другом-подлецом; возможно, у нее вообще никакого друга-то и не было? Написала о нем, чтобы его, Вадима, подзадорить, вызвать в нем реакцию ревности? Если бы у нее на самом деле был жених, то она наверняка в своих письмах ему в армию каким-то образом сообщила, а уж тем более не приглашала бы остаться у нее в Новосибирске хотя бы на пару дней. Да, получая от нее письма, он все больше проникался к ней чувствами большими, нежели отношения школьной дружбы. Но, встретив Людмилу, понял, что такое любовь и что его привязанность к Любе – всего лишь школьное товарищество.

После таких вынужденных размышлений Вадим опять взялся за ручку.

Завод, на котором я сейчас работаю, является флагманом химического машиностроения в нашей стране. В бригаду рихтовщиков меня приняли как своего, хорошо; бригадир и члены бригады помогают быстрее освоить рабочую профессию. Она не очень сложная, но все-таки требует и умений, и навыков. Включился в общественную работу – руковожу опергруппой цеха. Свободного времени почти не бывает. Иногда с друзьями хожу в кино. Особо хочу сказать о встрече Нового, 1961 года. Знаешь, Люба, я впервые в своей жизни так замечательно проводил уходящий год и встретил приходящий новый.

На новогоднюю вечеринку в небольшую молодежную компанию меня пригласил мой хороший друг Володя Островцев. Все было: и застолье на уровне, и шутки-прибаутки, и танцы до утра. Познакомился с хорошей девушкой, с ней было интересно общаться и танцевать. Так что этот новогодний вечер надолго останется в моей памяти.

Теперь о своих планах. Уже в этом году попытаюсь поступить в Уральский госуниверситет на исторический факультет. Ты спросишь, почему на исторический? Ведь сегодня все стремятся приобрести инженерно-технические специальности. И это понятно. Наше время – время научно-технической революции. Получается, что я буду шагать по жизни не в ногу со своим временем. Но это не совсем так. Независимо от того, какие в будущем будут взяты высоты в механизации и автоматизации производства, насколько техника заменит человека в системе управления, все равно человек останется человеком со своими интеллектуальными запросами. А они будут удовлетворяться благодаря развитию гуманитарных наук, включая и историю, а также культуру. Так что специальность историка, я уверен, останется востребованной.

Пару слов о том, что тебя особенно коробит – о стилягах. Сначала хочу рассказать о моем друге Володе, о котором я уже в письме упомянул. Молодой парень, в прошлом году окончил десятилетку и сразу же поступил работать на завод Химмаш. Он, конечно, мог запросто стать студентом УПИ – престижного вуза в нашем городе – в его аттестате зрелости практически были одни пятерки, его отец – ведущий инженер одного из крупнейших предприятий города – ведет дипломников в этом институте. Но Володя решил самостоятельно, без родительской помощи и опеки, строить свою жизнь. Именно поэтому пошел после школы работать на завод, который находится подальше от дома, поселился в заводском общежитии. Кстати, его родители живут в 3-х комнатной квартире в центре Свердловска. В общем, Володя имел все условия, чтобы без всякого мыканья, житейских трудностей и забот учиться, проводить весело студенческое время и получить диплом инженера. Конечно, я не склонен видеть в данном поступке друга нечто героическое, – так поступают многие ребята, чье детство проходило в суровые годы войны. И все же не каждый, думаю, решится на такое житейское испытание, чтобы, пренебрегая комфортом, обречь себя сознательно на заведомо тернистый путь собственной самореализации. Добавлю еще: Володя сожалеет, что его не взяли в армию из-за плохого зрения; сейчас учится вечером в машиностроительном техникуме. Так вот, Володя одевается модно: короткие брюки-дудочки, пиджачок в клеточку, яркий галстук, туфли с острыми носами, носки в полоску, взбитая прическа. Таким его, стильным, можно видеть в выходные дни, на танцах. Он этим не кичится, ведет себя нормально. Назвать его стилягой я не могу. Стиляги в моем понимании – это определенная категория молодежи, ведущая праздный образ жизни, которая еще

не определилась со своими жизненными планами и страдающая извращенным культурным самовоспитанием. Она не столько красиво, модно одевается, сколько неряшливо и безвкусно. Стиляги ведут себя вызывающе в общественных местах. Они могут даже спровоцировать драки. Они не служат примером для подражания, скорее – наоборот. С откровенными и наглыми стилягами мне пока не приходилось сталкиваться...

Вадим призадумался. Его стычка со Стасом на новогоднем вечере в Уктусе – разве она была только из-за Людмилы? Разве развязанное поведение Стаса на вечере, его неприкрытое высокомерие по отношению ко всем остальным в компании, его слишком пестрый праздничный наряд, его, наконец, животное желание во что бы то ни стало овладеть Людмилой, – разве это не действия стиляги? Стычка его, Вадима, со Стасом произошла, конечно же, из-за Людмилы, хотя не будь он подогретый Стасовым отталкивающим поведением, возможно, с ним разговор был более мягкий, примирительный. Да, это было, пожалуй, первое столкновение, пусть и с не очень отъявленным стилягой, однако писать об этом Любе не стоит. Она, пожалуй, поймет его стычку со Стасом как ревностную стычку из-за Людмилы.

Вадим отложил письмо, прошелся по комнате, опять сел на стул, с которого только что поднялся, и стал перечитывать написанное им. Дочитав письмо, решил сделать небольшую приписку.

Постскриптум:

Я благодарю тебя за нашу школьную дружбу, за твои письма мне в армию, которые помогали нести нелегкую солдатскую службу, наполняя мою душу смыслом и радостью жизни.

Я их ждал с терпением, потом по несколько раз перечитывал, с гордостью показывал их и рассказывал о тебе своим друзьям-сослуживцам. Еще раз спасибо тебе за это. Я и дальше буду рад твоим письмам. Очень надеюсь, что в твоей жизни все сложится хорошо. Поверь мне, что не все женихи – подлецы.

С дружеским приветом и наилучшими пожеланиями, Вадим!

Свердловск, 18 января 1961 года.

Вадим аккуратно сложил исписанные листочки обычной ученической тетради и вложил их в конверт. Но не стал его заклевать: вдруг появится желание что-то добавить в письме. Положил пока письмо в тумбочку.

* * *

Субботним вечером в назначенное время опергруппа собралась в штабе народной дружины в заводууправлении. Встретил ее начальник штаба Антропов:

– Приветствую комсомольцев-оперативников, добровольных помощников заводской дружины в поддержании общественного порядка в нашем

поселке. Это благородное дело. Люди наши должны почувствовать во всем, в том числе и в обыденной жизни, что наступает время грандиозных свершений, что уходят в прошлое хулиганство, пьянство и всякие другие пороки, мешающие нам хорошо трудиться, спокойно отдыхать, безопасно гулять по поселку не только днем, но вечерами и ночью, в выходные и праздничные дни.

Антропов пожал всем оперативникам руки. Подойдя к Вадиму, задержался:

– Мне рассказывали о вас как об ответственном комсомольце. Нам таких бы побольше ребят и девочек – смотришь, и дела наши пошли бы лучше и бойчей, и жизнь стала бы веселей!

Отпустив руку Вадима, Антропов обратился ко всем присутствующим оперативникам:

– Ну что, друзья, есть какие-то вопросы? Если нет – спокойно, без приключений вам отдежурить! – Он тут же распорядился выдать группе красные повязки.

* * *

Выйдя из заводоуправления, Вадим глубоко вздохнул, наполняя прохладным январским воздухом свои дремавшие легкие. Стало необычно легко, даже весело. Такое же приподнятое настроение царило и у группы (на дежурство пришли все). «Вот что значат добрые напутственные слова, сказанные вовремя и по делу», – подумал Вадим, все еще находясь под впечатлением встречи с Антроповым.

– Командир, где пойдём: по улице Инженерной или Торговой? – спросила Валя Синичкина Вадима.

– Пойдем по Торговой, менее освещенной и более подходящей для хулиганских делишек, – поспешил с ответом Алексей.

– Хорошо, пойдём по Торговой, – согласился Вадим.

И группа, повязав друг другу на руки красные повязки, отправилась по улице Торговой к заводским общежитиям. Шли неторопливо – знали, что до места дежурства идти 10–15 минут; вечера же отдыха в общежитиях начинались обычно после двадцати, а стрелки часов показывали только без четверти девятнадцать. Поэтому торопиться было особо незачем, и Вадим предложил группе сначала прогуляться по парку. Так и сделали. Быстро прошли мимо общежитий и вскоре свернули в парк. Первое, что привлекло внимание – это ярко освещенный стадион. На его ледяном поле (заливку футбольного поля под каток обычно делали с первыми морозами) каталось несколько первых любителей катанья на коньках. Из репродукторов, установленных в нескольких точках вокруг стадиона, раздавалась захватывающая, жизнеутверждающая музыка.

– Пока на катке народу мало и все здесь спокойно, обойдем стадион справа по лесной тропинке парка и выйдем на его благоустроенную и освещенную территорию, – предложил Вадим.

– Зачем? – удивился Алексей. – Там всего лишь неосвещенная лыжня, а уже стемнело, и идти по ней в потемках – сам черт ногу сломает! И забудыг там даже днем с огнем не сыщешь.

– Зато прогуляемся, – поддержала Вадима Валя Синичкина.

Поскольку больше никто не возражал обойти стадион справа, пройти по лесному массиву парка, Вадим первым свернул на неровную, плохо уплотненную лыжню и не спеша пошел вперед. За ним потянулись гуськом Валя Синичкина, Алексей, Валя Столбова, Наташа Иваницкая, парни Иван, Гена, Саша, Юра. Замыкал движение группы Паша Коротков. Шли молча. Вскоре лыжня сменилась более просторной лесной тропинкой, и идти по ней можно было рядом вдвоем. Валя Синичкина, поравнявшись с Вадимом, подхватила его под руку. Алексей пошел рядом с Валею Столбовой, Иван – с Наташей; парни тоже разобрались по двое. Чем дальше уходили от стадиона, тем становилось темней, и все слабее доносились звуки музыки. Делалось как-то жутковато. Вадим почувствовал, как Валя прижалась к нему.

– Что, страшновато идти? – спросил он у нее, ощутив учащенное биение ее сердца.

– А как ты думаешь, вот возьмет, да и выбежит навстречу вдруг какая-нибудь зверюга и бросится на тебя, что тогда?

– Вряд ли здесь звери водятся, слишком шумно для них, – успокоил Вадим Валею.

– Эй, Сусанин, куда нас ведешь! – раздался голос Алексея. – Так и до Кольцово дотопаем.

Вдруг что-то рядом затрещало, раздался шум и глухой стук. Валя еще плотней прижалась к Вадиму.

– Что это такое? – Испуганный Валин голос заставил всех остановиться и прислушаться.

– Да ничего особенного, – как можно спокойнее откликнулся Вадим. – Это упала с сосны большая глыба снега.

– А кто ее сбросил? – подойдя ближе к Вадиму, спросила Наташа.

– То ли от собственной тяжести глыба упала – ее не выдержали ветки сосны, то ли ветер ее сдул. – Вадим был на сто процентов уверен в своем правильном ответе, поскольку в юности он не раз встречался с таким явлением, катаясь на лыжах с друзьями по заснеженному лесу. После небольшой вынужденной остановки группа двинулась дальше. Пройдя еще несколько десятков метров, они свернули влево и вскоре вышли на хорошо освещенную часть парка.

– Ну вот, первое испытание прошли успешно! – произнес Алексей – А теперь, айда в общежития!

Зашли сначала в мужское общежитие, поднялись на второй этаж, в Красный уголок. В нем несколько человек смотрели телевизор – шла трансляция хоккейного матча.

– У нас все спокойно, – встретил оперативников стоявший у двери Иван Караульных.

Его Вадим знал. Иван работал в цехе тяжелой химаппаратуры электросварщиком, был на хорошем счету и в своем цеху, и на заводе. Полгода назад женился, пока вместе с молодой женой обитал в отдельной комнате здесь, в мужском общежитии.

– Мужики, идите на базу, там сегодня танцы, – посоветовал Иван, не отрываясь от телевизора.

Базой называли одно из женских общежитий, в котором часто проводились вечера отдыха. Они проходили нетрадиционно, интересно. Заслуга в этом принадлежала Марии Федоровне Чуприковой – воспитательнице общежития. Это была обаятельная, среднего возраста дама, умевшая найти контакт даже с отпетым хулиганом. К ней мужики буквально липли, стремились, как некоторые из них признавались, «подбить к ней клинья». Но она не позволяла каких-то непристойных вольностей в своих общениях с мужчинами, тем более что была замужем, ее муж работал на заводе. Мария Федоровна имела музыкальное образование, опыт культурно-массовой работы, что и помогало ей в организации различных интересных воспитательных мероприятий. Многие общежитские парни и девчата предпочитали проводить свой досуг здесь, на базе, у Марии Федоровны, а не в заводском клубе.

Когда Вадим со своей группой вошел в общежитие, их встретила взволнованная Мария Федоровна:

– Хорошо, что вы подошли, тут у нас один пьянчуга распоясался, не можем никак его уговорить.

– Где он? – спросил Вадим.

– В Красном уголке.

– Алексей, Валя, Наташа и Паша! Вместе со мной идем в Красный уголок, а остальные оставайтесь здесь, на лестничной площадке, – распорядился Вадим.

Вместе с Марией Федоровной оперативники зашли в Красный уголок. Всем сразу же бросился в глаза сильно выпивший парень: стоя у радиолы, он то включал, то выключал ее и громко матерился. Мария Федоровна, подойдя поближе к Вадиму, тихонько объяснила, что парень после тюрьмы, а вытворяет все это из-за того, что его знакомая не хочет с ним танцевать и вообще – иметь с ним дело. Вот он и бесится. Парни хотели его урезонить, но он показал им нож. Поэтому они не стали с ним связываться.

– Я решила вызвать милицию, но хорошо, что вы вовремя подошли.

– Понятно, – бросил вскользь Вадим. – Валя, Наташа и вы, Мария Федоровна, остановитесь здесь, – попросил он дам, а сам вместе с Алексеем и

Пашей направился к пьяному дебоширу. Подойдя к нему, Вадим как можно спокойнее, но решительно его остановил:

– Может, хватит куражиться, людям настроение портить!

– А ты кто такой, чтобы права тут свои качать, – огрызнулся дебошир. – Канай, фраер, отсель, пока не поздно, а то...

– Я – дружинник, – перебил дебошира Вадим. – Если сейчас не прератишь безобразничать – вылетишь отсюда, как пробка!

– В гробу я видел дружинников и тебя с ними.

Вадим заметил, как правая рука дебошира быстро скользнула в брючный правый карман. Сомнений больше не было: он полез за ножом. Только какой там нож у него: перочинный или финка? Если перочинный ножик – ему надо будет достать его из кармана и открыть, а значит, будет какое-то время, чтобы отнять ножик у него без каких-то нежелательных последствий. Хуже, если у него финка и сейчас он ее вытаскивает из чехла прямо в кармане. В считанные секунды он может выхватить финку из кармана и кого-нибудь ею пырнуть.

Вадим в голове лихорадочно прокручивал возможность применения на тот и другой случай приемов самообороны, навыки которых осваивал в ВДВ. Дебошир тем временем осмотрелся вокруг, пытаясь таким образом отвлечь внимание Вадима и присутствующих в Красном уголке от возможных своих действий. Затем моментально выхватил из кармана финку. Вадим, ожидавший такой вариант, не раздумывая, сильно, наотмашь ударил ладонью левой руки по кисти правой руки дебошира, в которой была финка, а ладонью правой руки – по его шее. Финка выпала из его руки, но сам он, шатаясь, удержался на ногах. К дебоширу подскочили Алексей с Пашей, скрутили его и так заломили ему руки, что тот взмолился:

– Отпустите, больно!

Случившееся буквально шокировало всех, находившихся в Красном уголке. Никто не ожидал такой развязки. Первой подошла к Вадиму Мария Федоровна:

– Куда вы его теперь?

– Сдадим в милицию, пусть там с ним разбираются. Вот вещественное доказательство, – указал Вадим на самодельную финку, поднимая ее с пола.

Тем временем все оперативники, взволнованные ЧП, сбились в Красном уголке. В окружении Алексея и Паши стоял присмиривший дебошир. Его руки были свободны, сбежать он не собирался, понимая, что сделать это ему не удастся. Когда все немного успокоились, Вадим предложил дальнейший план действий группы:

– Сейчас мы сдадим нашего «героя» милиции, а потом продолжим дежурство: пройдемся по территории заводских общежитий, заглянем в некоторые из них, вновь прогуляемся по парку и посмотрим, как обстоят дела на катке, а дальше – будет видно.

– А может, кому-то из вас у нас здесь задержаться? Вечер только начинается, впереди еще различные игры. От этого «молодца» вы нас избавили, спасибо! Но к нам могут завернуть другие такие же алкаши – как нам быть? Сами мы с ними не справимся.

Мария Федоровна вопросительно посмотрела на Вадима, явно ожидая от него помощи.

– В самом деле, кому-то из нас надо здесь остаться, – обронил Алексей.

– Давайте так поступим: Алексей, Валя Синичкина, Иван и Гена остаются пока здесь, на вечере, а остальные идут со мной. Сначала сдадим дебошира милиции, а потом продолжим дежурство.

Никто не возражал против предложения Вадима. Разделившись на две группы, оперативники разошлись: одни остались в Красном уголке, другие направились в милицию.

По дороге в милицию дебошир вдруг отрезвел и начал просить оперативников отпустить его:

– Поймите, пацаны, если вы сдадите меня милиции – мне опять светит тюрюга. А я больше туда не хочу, вдоволь наелся тюремной баланды.

– Давно из заключения? – остановил Вадим взмолившегося дебошира.

– Недавно, месяцев шесть назад.

– За что срок мотал?

– За хулиганку!

– И вновь за старое взялся, видно, одного срока не хватило, чтобы ума набраться, – вмешался Паша Коротков. – Вот дадут еще один срок, может, и очуаешься.

– Я умоляю вас: не сдавайте меня в милицию, я ведь никому ничего худого не сделал. А что покуражился немного по пьянке, то клянусь, – больше такого не будет.

– А как насчет финки? – последовал вопрос Вадима.

– Хотел попугать лишь, в шутку, что ли, ради потехи!

– Ничего себе, ножом стал угрожать в шутку, ради потехи, – возмутилась Валя Столбова. – Кто тебе поверит? Не считай нас за дураков! Если бы парни тебя вовремя не скрутили – неизвестно, во что обернулась бы твоя шутка.

Вадим прекрасно понимал, что в случае сдачи дебошира в милицию его неминуемо ждет тюрьма и на более длительный срок, чем тот, который он уже отсидел. И исправит ли его тюрьма – это еще большой вопрос. Скорее искалечит ему всю его жизнь. Может, все-таки парня отпустить, поверив ему, и это будет больше побуждать его к недопущению антиобщественных проступков, нежели тюремное перевоспитание.

– Как тебя зовут и где работаешь? – спросил Вадим.

– Кирилл... Кирилл Банных, работаю слесарем в электроремонтном цехе.

– Живешь в заводском общежитии?

– Да.

Вадим задал Банных еще несколько вопросов: в каком общежитии и комнате проживает, знает ли комсорга цеха и секретаря комитета ВЛКСМ завода, есть ли прогулы. Его ответы показались ему убедительными, и он решил парня отпустить.

– Считай, что мы тебе поверили и поэтому – отпускаем. Но имей в виду, что если сказанное тобой окажется туфтой, а мы все, что ты сказал, обязательно перепроверим, – имей в виду, что твоя финка будет передана милиции, и она займется тобой. И еще: советуем не появляться на танцах в общежитии, из которого тебя только что мы вытурили. И впредь держи себя в руках, если не хочешь опять загреметь в тюрьму.

– Какие танцы, домой повалю!

– Давай, вали! Паша, отпусти его, пусть идет домой и проспится хорошенько, а после сна – пообщается со своей совестью на предмет дозволенности и недозволенности в обществе, в котором собирается нормально, по-человечески жить, трудиться и отдыхать.

Вадим посмотрел вслед быстро уходившему дебоширу Банных, которого он, возможно, спас от тюрьмы, поверив ему на слово о его желании исправиться и никогда больше не допускать каких-либо противоправных действий.

– Вадим, ты зря отпустил этого подонка, – усомнился Паша. – Он на тебя с ножом бросился, а ты его за это, считай, отблагодарил. Да и как на твое решение посмотрят в партбюро цеха и заводского комитета комсомола!

– Продолжим дежурство, – предложил Вадим, никак не отозвавшись на замечание Паши.

И группа не спеша тронулась обратно к общежитиям, прошла по небольшим улицам и переулкам. Зайдя в несколько общежитий и убедившись, что в них все в порядке, вновь направились в парк. Остановились у стадиона, чтобы поглазеть, как взрослые и дети беззаботно катались на коньках под задорную музыку. Вглядываясь в сияющие довольные лица легко скользивших на коньках пар и одиночек, взрослых и детей, Вадим вдруг вспомнил свое суровое детство. Все в нем было: страх и голод в войну, голод и нищета в первые годы после войны. Отсутствовали более-менее приличные одежда и обувь, элементарные школьные письменные принадлежности и учебники. В первый класс пошел в старых залатанных штанах, рубашке, сшитой матерью из домотканого грубого полотна, старой, заношенной фуфайке и лаптях. В руке – чудом сохранившийся во время войны отцовский поношенный портфель, а в нем – старенький букварь; вместо тетрадей – листочки газет, используемые для письма; стеклянная чернильница-неваляшка с чернилами, приготовленными из свеклы или сажи; самодельная ручка-палочка с перышком. У малышей, сейчас весело катающихся на большой, хорошо освещенной ледяной арене, – счастливое детство. Им хорошо. Они вообще не знают войны. А детям, чье

детство отобрала война, ставшим слишком рано взрослыми, как быть: сожалеть об утраченном детстве или радоваться мирной жизни, которая пусть и медленно, но улучшается (после окончания войны прошло слишком мало – всего 15 лет), а будущее – такое заманчиво-прекрасное. Нет, надо радоваться жизни, как бы ни терзало прошлое, ее улучшать своим повседневным трудом!

– Вадим, ты хорошо катаешься на коньках? – вернула Наташа его к происходящему рядом.

– Учусь, меня обучает этому занятию сосед по комнате Виктор. В детстве я катался на одном коньке, а сейчас осваиваю катание на двух.

– А как это, на одном коньке кататься? – поинтересовалась стоявшая рядом с Вадимом Валя Столбова.

– Очень просто: самодельный конек закрепляешь к обуви правой ноги, а в детстве это были лапти, позже – валенки, выходишь на лед и отталкиваешься левой ногой ото льда до тех пор, пока не наберешь скорость; потом отрываешь левую ногу ото льда и на одном коньке катишься с ветерком. Когда скорость падает – опять для разгона работаешь левой ногой. Вот так и катаешься на одном коньке.

– Интересно! – воскликнула Валя.

– Интересно, но лучше кататься на двух коньках при ярком свете и под бодрящую музыку, – вздохнул Вадим.

– А я научилась кататься на коньках в пять лет, – похвасталась Наташа. – Посещала кружок фигурного катания. Чемпионка из меня не вышла, но катаюсь неплохо.

– И как часто ты посещаешь каток? – любопытствовал Вадим.

– Как зальют каток – почти каждую субботу и воскресенье, иногда в будние дни; в общем, как позволяет время.

Вадим уже знал, что Наташа живет с родителями на Химмаше. Собирается поступать в УПИ. Пока же решила поработать на заводе, чтобы приобрести рабочий стаж. Родители, тоже работающие на заводе, узнав, что дочь хочет стать крановщицей мостового крана, попытались отговорить ее от этой затеи, но не получилось – дочь проявила характер и добилась своего.

За разговорами время шло незаметно. Когда Вадим посмотрел на свои часы, было без четверти одиннадцать вечера.

– Да, время нашего дежурства приближается к концу, – сообщил он своим оперативникам. – Сейчас еще раз пройдемся по парку, посмотрим, спокойно ли в общежитиях, а дальше – разойдемся по своим домам.

– Надо обязательно зайти на базу, может, там опять этот подонок завялся и выпендривается, – обеспокоился Паша.

– Зайдем, конечно, но там ведь Алексей с ребятами дежурит, – напомнил Вадим. – Если потребуется кого-то унять – уймут.

Как и решили, группа прошла по парку возле заводских общежитий и, не встретив ничего и никого подозрительно-опасного, завернула в женское

общезитие, на базу. В этом общезитии тем временем вечер подходил к концу. Мария Федоровна поторапливала всех расходиться. Увидев Вадима с группой, она с радостью воскликнула:

– Вечер прошел замечательно, спасибо комсомольцам-добровольцам! Так и впредь действуйте!

Подошел Алексей со своими ребятами. Валентина, оказавшись рядом с Вадимом, умоляюще обратилась к организатору вечера:

– Мария Федоровна, пожалуйста, не выключайте радиолу! Наши ребята только что зашли, они замерзли на улице, пускай согреются и немножко потанцуют!

– Только недолго, время позднее, – не устояла против Валиной просьбы Мария Федоровна, и чарующая мелодия танго «Цветущий май» продолжала разливаться в Красном уголке.

Валя тут же подхватила Вадима и медленно, слегка прижимаясь, повела его по кругу, делая несложные повороты в такт музыки. Он почувствовал, как ее теплота стала быстро передаваться ему, согревая и будоража его. Чтобы не ставить партнершу в неловкое положение, он пытался сильно не прижиматься к ней. Валя же, увлеченная танцем, не обращала на это внимания. Ей, как казалось Вадиму, было безразлично, как он себя ведет – прижимается к ней или нет; для нее важнее было то, что он хорошо танцует, и она от этого получает удовольствие.

Примеру Вали и Вадима последовали все оперативники: Алексей пригласил к танцу Наташу, Гена Махнев – Валю Столбову. Иван Шадрин, Юра Третьяков, Саша Погудин тоже нашли себе партнерш. Лишь Паша Коротков не танцевал. Подойдя к журнальному столику, где находилась радиолка, он стал пересматривать лежавшие рядом пластинки.

Танцевали недолго. После танго зазвучала проникновенная песенка «До завтра», извещавшая об окончании вечера.

– Жаль, что заканчиваются танцы, – вздохнула Валя, легонько оттолкнув от себя Вадима.

– Ничего не попишешь, порядок надо поддерживать, – улыбнулся Вадим. – Ты замечательная партнерша, и мы с тобой еще потанцуем много, много раз!

Покинув Красный уголок, вся группа остановилась на улице, у общезития, в ожидании дальнейших распоряжений.

– Ну что, друзья, дежурство наше подошло к концу, – громко объявил Вадим. – Возможно, у кого-то возникли какие-то вопросы по поводу дежурства – прошу?

– Какие могут быть вопросы, отдежурили и баста! – отозвался Саша Погудин. – А теперь – по домам!

– Хорошо. Все живущие в общезитиях – свободны, а Наташу надо проводить до дому. Кто составит ей компанию? – Вадим ожидающе посмотрел на оперативников.

– Какой разговор, все вместе проводим Наташку, – вызвалась Валя Синичкина.

– Тогда кто готов проводить – вперед! – скомандовал Вадим и первым тронулся с места.

Наташа Иваницкая жила по улице Инженерной, недалеко от клуба строителей. Поэтому группа, отойдя от общежитий, свернула на Инженерную и дальше проследовала по этой улице до Наташиного дома, никуда не сворачивая. Расстались у подъезда ее дома, сказав ей хором несколько приятных слов, пожелав сладких сновидений.

Проводив Наташу, оперативники еще некоторое время бродили по улицам мирно спавшего поселка, наслаждаясь прелестями январской, умеренно морозной и почти безветренной, ночи.

* * *

Встреч с Людмилой Вадим ждал с нетерпением. Они становились праздником для него, праздником особым, который не ограничивался беззаботным времяпрепровождением, а всякий раз наполнялся радостным, трепетным содержанием. Поэтому он заранее готовился к ним, не допускал опозданий на назначенное по взаимной договоренности время свидания. Переживал, когда приходилось переносить встречи из-за работы, особенно по будням, если оказывалась вторая или третья смена. А теперь вот выходило, что и в субботние, выходные и праздничные дни приходилось иногда лишаться радости встреч в связи с дежурствами и выполнениями других комсомольских поручений. Это Вадим понял, когда комсорг цеха Лиза Бочарова предложила ему возглавить опергруппу. Конечно, можно было категорически отказаться от этого поручения, сославшись на придуманные причины, но он же – комсомолец, а кто как не комсомольцы должны подхватить эстафету старших поколений в их созидательной деятельности и особенно теперь, когда разворачивается коммунистическое строительство.

Вчерашнее дежурство, первое для Вадима и ставшее для него своеобразным испытанием, прошло нормально, если не считать эпизод с Кириллом Банных, отчего остался неприятный осадок. «С этим парнем надо будет разобраться до конца», – мелькнуло в голове Вадима. Мысли его, однако, уже были заняты совсем другим: предстоящей встречей с Людмилой. Сегодня у него было не просто очередное свидание – сегодня они шли на концерт лауреата конкурса артистов эстрады Капитолины Лазаренко. Когда Вадим сообщил об этом Людмиле, она, конечно же, обрадовалась, но не удержалась, чтобы не полюбопытствовать, как ему удалось достать билеты: ведь в кассах купить их было весьма проблематично. Вадим ответил Людмиле загадочно: что, мол, не сделаешь для любимой. В действительности же билеты он приобрел в заводском комитете ВЛКСМ – в заводоуправлении был специальный человек, который занимался распространением билетов в театры и кино.

Концерты Капитолины Лазаренко проходили в помещении Свердловской филармонии. Вадиму достались билеты на воскресное представление, и это его вполне устраивало – в субботний вечер он был занят на дежурстве. Правда, оно начиналось в 16-00, что тоже было неплохо: после концерта оставалось время погулять по вечернему Свердловску.

Отоспавшись после дежурства (проснулся около одиннадцати утра), Вадим не торопясь привел в порядок себя, побывал в столовой и без четверти шестнадцать был уже у филармонии. Ждать подругу пришлось недолго – Людмила подошла неожиданно со стороны Дворца пионеров.

– Я добиралась первым троллейбусом и, проезжая мимо филармонии, увидела тебя, – поравнявшись с Вадимом, отпартовала она. – Сошла на остановке у Дворца пионеров.

Вадим пристально посмотрел в глаза любимой девушки, не удержался и поцеловал ее.

– Перестань, не надо, еще светло и люди кругом! – смутилась Людмила.

– А что лучше: целоваться или драться прилюдно? – пошутил Вадим.

– И то, и другое плохо, – парировала, улыбаясь, Людмила.

Не теряя времени, они зашли в филармонию, прошли в гардероб, а после него – в концертный зал. Он был заполнен до отказа. Места Вадима и Людмилы оказались в середине зала.

– Не совсем удобные места, – ни то возмущаясь, ни то оправдываясь, проронил Вадим.

– Не так уж плохо, все будет видно и слышно, – успокоила его Людмила.

Концерт начался выступлением инструментального ансамбля под управлением Выставкина.

Конферансье Ладыженский быстро овладел вниманием зала: его шутки-прибаутки приводили в восторг зрителей, которые то и дело одобрительно дружно аплодировали. Не меньшее удовольствие возбуждавшимся зрителям доставляли сатира, юмор, фельетоны, куплеты Лившица и Левенбука, оригинальный жанр Русанова и Лесман, выступления других актеров и, конечно же, завораживающее пение Капитолины Лазаренко.

Вадим, не отрываясь от происходящего на сцене, изредка поглядывал на Людмилу: ему хотелось видеть и представить ее реакцию на выступления артистов, понять, насколько его и ее восприятия сценического действия совпадают. Он даже пытался обратить на себя внимание подруги своим восторгом вслух на особенно восхитительные номера концерта. Однако она, прикованная вниманием к сцене, никак не откликнулась. И только после, выйдя на улицу, она дала волю своим эмоциям:

– Конечно, замечательно пела Лазаренко. Ее «Гитана» пронзила всю мою душу. А какое мастерство показали акробаты-эксцентрики Савельевы! До чего же огромны человеческие возможности! А как здорово читали стихотворение о комсомольце Лившиц и Левенбук! Знаешь, меня даже

бросило в дрожь, когда они, играя интонацией своих голосов, передавали тяжелую атмосферу готовящейся хулиганами расправы с неугодным им комсомольцем. Жуть какая! Сколько еще в нашей стране подонков! Разве с ними коммунизм построишь?

Немного придержав свои эмоции, Людмила спросила:

– Куда идем?

– Еще время не совсем позднее, поэтому есть предложение прогуляться до площади 1905 года и полюбоваться городской новогодней елкой.

Людмила не возражала. Вадим подхватил ее под руку, и они пошли вместе, счастливые, что находятся рядом, обогревают друг друга своим желанным теплом и что январская стужа им нипочем. Дойдя до перекрестка, свернули на улицу Первомайскую, по ней спустились на набережную городского пруда, а дальше – по набережной и по проспекту Ленина, не спеша, время от времени обнимаясь и целуясь, добрались до центральной площади города.

Главная елка города, украшенная игрушками и гирляндами из попеременно мерцающих разноцветных лампочек, сама площадь со снежным городком и ярким освещением символизировали нечто необычное и величественное. Гремела музыка. Она порой заглушала голоса подростков и взрослых, которые резвились на карусели, качелях, катались с катушек, теснились на других аттракционах.

– На каком аттракционе мы с тобой, дорогуша, позабудемся? – азартно выкрикнул Вадим, притягивая к себе Людмилу.

– Для начала освоим катушку, а там – посмотрим, – весело хихикнула Людмила, и вместе они устремились к ближайшей искусственной ледяной горке.

Оказавшись в толпе подростков и взрослых, они несколько раз скатились с ледяной горки, потом с разогнанным молодым задором поспешили на карусель и качели, участвовали в различных играх массовиков-затейников. И так развлекались беззаботно до тех пор, пока не стала пустеть площадь.

– Тю-тю, а время, время-то сколько! – спохватилась первой Людмила, показывая на ярко светившиеся часы на башне Горсовета.

Вадим взглянул на часы: стрелки приближались к одиннадцати вечера. Как бы хотелось и дальше вдвоем веселиться здесь, у главной елки города, да еще в незнакомой толпе, где на тебя и на твои ухаживания за любимой девушкой никто не обращает особого внимания! Но – время! Его не остановишь, с ним приходится считаться!

– Да, время стало работать против нас, – вздохнул Вадим. – Придется двинуться домой, пока троллейбусы ходят.

Они, не задерживаясь больше, поспешили к троллейбусной остановке, находившейся у пединститута. На ней останавливались троллейбусы не-

скольких маршрутов, включая четвертый, конечной остановкой его был Уктус.

– Смотри, уктуский стоит, бежим! – и Вадим, взяв за руку Людмилу, ускорил шаг. Людмила едва успевала семенить за ним. Они сходу заскочили в троллейбус, двери тут же захлопнулись, и машина тронулась. В салоне имелось несколько свободных мест. Удобно усевшись и оплатив проезд кондукторше, Вадим и Людмила тихонько начали делиться своими впечатлениями о только что проведенном у главной городской елки времени, вернулись к концерту Лазаренко и стали обсуждать его отдельные номера. Их увлеченную беседу спустя какое-то время прервала своим зычным голосом кондукторша:

– Конечная остановка, все выходим, машина идет в парк!

Пассажиры послушно вышли из троллейбуса (их было немного в это позднее время) и моментально исчезли в темноте ночи.

Людмила подхватила Вадима под руку, и они направились в сторону ее дома. А когда подошли к нему, она вдруг предложила:

– Послушай, Вадька, переночуй у нас. Время позднее, транспорт уже редко ходит, да и морозно!

Вадим, не раздумывая, отказался:

– Не буду стеснять твоих домочадцев, как-нибудь доберусь до Химмаша. Тем более что завтра у меня первая смена.

– Какое стеснение! Развернем раскладушку, спокойно переспшишь на ней и на работу успеешь – утром троллейбусы один за другим идут.

– Спасибо, я все-таки поеду домой – так лучше будет и для тебя, и для меня. Ты ведь не знаешь, как на это посмотрит Лидия Николаевна! Конечно, она как интеллигентный человек наверняка промолчит, но неизвестно, о чем подумает. Не забывай и своих соседей, как они истолкуют мою ночевку у вас. Нет, спасибо, я пошел.

Вадим поцеловал Людмилу и, не задерживаясь больше, отправился на остановку. Не дойдя пару десятков метров до нее, он увидел, как с остановки отошел химмашевский троллейбус. «Теперь долго не будет троллейбуса», – с сожалением подумал Вадим, провожая глазами быстро удаляющуюся машину.

Но ему повезло. Со стороны города, разрезая темень ночи светом своих фар, неожиданно вдали показалась легковушка. Когда она приблизилась, понял, что это такси. Конечно, она была занята (в свободной машине обычно мерцал зеленый огонек в правом углу лобового стекла). Но все-таки Вадим решил попробовать счастья: приближающемуся такси выбросил правую руку. И машина – о, счастье, поравнявшись с ним, резко притормозила.

– Тебе куда? – вылетело из уст шофера, едва Вадим приоткрыл переднюю дверку машины.

– На Химмаш.

– Садись.

Вадим быстро сел в машину, захлопнув за собой дверку. Шофер газанул, и такси рвануло с места, быстро набирая скорость.

– Поди-ка замерз? – раздался знакомый голос, и по нему Вадим узнал Валю Синичкину.

Он обернулся: на заднем сидении восседали Валентина и Алексей. Их лица украшала обоюдно-изумленная улыбка.

– Вы откуда валите? – на опережение задал свой вопрос Вадим, немало удивленный, как и они, внезапной встречей.

– Мы были на танцах в ДКЖ, а ты, дружище, где так долго задержался? – ответил и тут же спросил Алексей.

– Я провел этот вечер замечательно: сначала, естественно, с Людмилой, побывали на концерте Лазаренко; затем позабавились вместе у городской елки на площади 1905 года; в заключение подышали – и тоже вместе – январским воздухом.

– Не холодно было дышать, не простудились? – с явным намеком на что-то иное, слегка улыбаясь, поинтересовалась Валя.

Вадим, интригуя ее, в шутовском тоне ответил:

– Вдвоем не то что тепло, а жарко было! А вот, оказавшись один на остановке, мог дуба дать, если бы вы не подоспели. Долго такси ловили?

– Не очень. На вокзале очередь быстро идет, такси подходят одно за другим, – отозвался Алексей, прижимаясь к Вале.

Та попыталась, насколько это возможно в «Волге», дистанцироваться от своего кавалера, и сделала она это откровенно демонстративно, исходя из каких-то своих женских тактических соображений. Вскоре последовал довольно каверзный вопрос Вадиму:

– А что, уткуса тебя не приговорила к себе на ночевку? Ведь на дворе ночь, да и мороз – вон какой!

– Как видишь, нет.

Вадиму не хотелось признаваться в том, что Людмила на самом-то деле его звала переночевать у них дома, но он категорически отказался. Сказать сейчас Вале об этом выглядело бы не совсем прилично: во-первых, не хотелось в ее глазах предстать каким-то хвастунишкой, а во-вторых, – отталкивать ее от себя, чувствуя равнодушное отношение к нему этой симпатичной девушки.

– Вы все такие, Валя, только о себе думаете, – выдал Вадим, стремясь не омрачать ее настроение.

– Ну уж не скажи, – заметила на полном серьезе Валя. – Если по-настоящему любишь – на все пойдешь!

– Надеюсь, меня пригласишь на ночевку когда-нибудь, – вмешался в разговор Алексей.

– Посмотрим на твое поведение! – колко усмехнулась Валя и замолкла.

Дальше разговор не пошел. Валя, прикрыв глаза, наклонилась на плечо Алексея. Была непонятна ее реакция: то ли у нее пропал интерес в

дальнейшей беседе, то ли она действительно устала, и ей захотелось на время отключиться от всяких разговоров и немного отдохнуть.

Вадим тоже не стал больше проявлять инициативу в возобновлении разговора с Алексеем и Валей. Его даже устраивала установившаяся в салоне машины тишина, которую, как ни странно, дополнял ровный приглушенный шум мотора. Ему было приятно наблюдать за дорогой, быстро бегущей навстречу при свете фар, видеть снежинки, отлетающие в сторону от вихря, создаваемого мчавшейся машиной. Вглядываясь в мерцающую даль дороги, он невольно задумался о жизни, о ее быстром течении, о том, как научиться жить так, чтобы не сбиться с жизненного пути, пройти его достойно, с пользой и для себя, и для людей; вспомнил о Люде, которая, лежа в теплой постели, может быть, задумалась о нем.

Глава одиннадцатая

Ранним ноябрьским утром Вадим Андреевич отправился на работу: первая пара семинарских занятий начиналась в половине девятого, затем через окно – еще две пары. Он вышел из дома с некоторым запасом времени, шел не спеша по хорошо знакомой улице, по которой проходил не раз и не два. Все здесь ему было знакомо: по одну сторону улицы теснились еще не снесенные, двухэтажные бараки постройки 30-х годов, а по другую сторону возвышались многоэтажные жилые дома, возведенные совсем недавно. Украшением улицы служили кудрявые тополя, покрытые сказочным, слабо освещаемым уличными фонарями инеем.

Второстепенная по своей значимости улица в это раннее холодное утро была пустынной. Лишь на ее узком тротуаре в метрах пятидесяти впереди Вадима Андреевича через тополиные стволы просматривалась покачивающаяся одинокая фигура. Она двигалась не очень быстро, ее можно было обогнать, но этого сознательно Вадим Андреевич не делал: время позволяло ему идти не спеша, чтобы после сна немного развеяться, набраться бодрости на весь день. А день сегодня складывался довольно напряженным: после учебных занятий, после обеда, предстояло обсудить на методическом семинаре главные из текущих событий в стране – перестройку и августовский путч. Завкафедрой Селянинов не сразу согласился поставить на обсуждение эти острые темы, мотивируя тем, что перестроенный процесс еще не завершен, и давать какую-то историческую оценку его результатам преждевременно. В конце концов, по настоянию кафедралов, он все же согласился, но с условием ограничиться лишь обменом мнений и не принимать по обсуждаемым темам никаких решений, обязывающих преподавателей кафедры.

Размышляя о предстоящем трудовом дне, Вадим Андреевич не заметил, как его обогнал молодой человек. Поравнявшись с одиноко идущей фигурой, он подскочил к ней, сорвал у нее головной убор и бросился бежать.

– Помогите, по-мо-ги-т-е! – раздался голос пострадавшей.

Это был женский голос. Обескураженная неожиданно случившимся, женщина попыталась бежать за хулиганом, но поскользнулась и упала.

Вадим Андреевич, не раздумывая, бросился вдогонку за хулиганом, но тот бежал быстро, расстояние между ним и убегающим не сокращалось, а, наоборот, увеличивалось. Вадим Андреевич попытался прибавить в скорости, но не смог: сердце так заколотилось, что готово было вырваться из грудной клетки. От бессилия он заорал, что есть мочи:

– Ст-о-й, ст-о-й!

Но хулиган продолжал удаляться. Ему оставалось совсем немного, чтобы добежать до ближайших жилых домов и скрыться. И тогда Вадим Андреевич неожиданно для самого себя, громко, в приказном тоне закричал:

– Бросай головной убор! Стрелять буду!

И тут же выбросил вперед свою правую руку, демонстрируя готовность применить оружие.

Хулиган, услышав предупредительный окрик, оглянулся и, заметив выброшенную его преследователем руку, послушно бросил головной убор и моментально свернул за ближайший дом. Вадим Андреевич подбежал к выброшенному на проезжую часть улицы головному убору пострадавшей, а им оказалась норковая женская шапка, поднял шапку и подал ее подошедшей женщине.

– Спасибо вам! Никак не ожидала, что какой-то мерзавец сорвет у меня головной убор. Боже мой, до чего дожили!

– Успокойтесь, потерять норковую шапку хотя и жалко, но это не самое страшное! Страшнее – потерять голову!

Вадим Андреевич извинился перед женщиной, что не может больше задерживаться, и оставил ее. Немного удалившись от потерпевшей, он достал таблетку валидола (в последнее время валидол и нитроглицерин всегда были при нем), положил ее под язык. Пошел медленнее в надежде быстрее успокоить колотящееся сердце. Уже подойдя к своему вузу, он почувствовал некоторое облегчение, а переступив порог аудитории, на какое-то мгновение даже забыл о возмущении своего сердца. Студенты встретили Вадима Андреевича дружным вставанием – это его вдохновило и настроило на рабочий лад.

* * *

Семинар начался с того, что Вадим Андреевич по заведенному им порядку напомнил студентам обсуждаемую тему: «Реформы и появление политических организаций в России во второй половине XIX века». Такое название темы он сформулировал сознательно под воздействием неудавшейся перестройки в стране, которая привела к появлению многопартийности, а затем – к отстранению от власти КПСС, и неизвестно, что последует дальше и с какими последствиями. Заведующий кафедрой в принципе

не возражал против рассмотрения на семинаре реформ Александра II и контрреформ Александра III и появления оппозиционных движений и политических организаций в России во второй половине XIX века.

Во вступительном слове Вадим Андреевич обратил внимание студентов на необходимость понять суть реформ Александра II и Александра III, их восприятие тогдашним российским обществом: оправдали ли они ожидания основной массы населения страны; связаны ли реформы с появлением в стране оппозиционных движений и организаций. Немного помолчав, дополнил, что важно разобраться в реформах прошлого, чтоб лучше понять суть происходящих событий сегодня в нашей стране.

Дав возможность студентам подготовиться к семинару, достать и полистать свои конспекты, Вадим Андреевич громко объявил:

– Переходим к обсуждению первого вопроса «Реформы Александра II и Александра III: характер, содержание, результаты».

В аудитории установилась мертвая тишина. Выжидательную обстановку разрядила Ксения Берсенева. Она поднялась и, не покидая своего места, начала спокойно и уверенно отвечать на поставленный вопрос. Вадим Андреевич не стал ее перебивать просьбой выйти к кафедре, находившейся на преподавательском столе, как это обычно он делал. Считал, что, выходя с кафедры, студент, кроме лучшей демонстрации перед сокурсниками своих знаний, приобретает еще навыки публичного выступления. А это будущему специалисту, несомненно, пригодится.

Берсенева начала с того, что реформы 60–70-х гг., проводимые императором Александром II, носили либеральный характер, хотя сам реформатор не был либералом. Он проявил себя как прагматик. Именно поэтому допустил в свое окружение либералов-прагматиков, которые сыграли положительную роль в подготовке реформ. Студентка назвала Николая Милютину, который как член Редакционной комиссии принимал участие в доработке крестьянской реформы. Упомянула его брата Дмитрия Милютину, успешно осуществившего военную реформу.

Дальше Берсенева рассказывала о других реформах. Вадим Андреевич слушал ее удовлетворенно, не останавливая для уточнения чего-то из сказанного ею. Но когда она коснулась «гласности» как наиболее ярко выраженного признака начавшейся демократизации российского общества, его внимание резко обострилось, он стремился ничего не пропустить, что вещала студентка: об отмене жесткой николаевской цензуры на печатную продукцию, свободном распространении оппозиционных изданий – «Полярной звезды», «Голоса из России», «Колокола». Она утверждала, что гласность, наряду с тем, что привела к появлению оппозиционных групп и организаций в стране, мобилизовала консервативное дворянство в их противодействии либеральным реформам.

Слушая ее, Вадим Андреевич пожалел, что мало читал периодику и издания того времени. А ведь было бы интересно сравнить характер глас-

ности тогдашней с нынешней и узнать, которая из них была более конструктивной и менее агрессивно-разрушительной.

После выступления Берсеновой группа заметно оживилась.

Вот с места подал свой голос Никита Якимов с желанием высказаться по обсуждаемому вопросу. Вадим Андреевич, дав «добро», попросил его выйти к столу с кафедрой, что тот и сделал.

– Реформы шли со страшным скрипом, – начал на критической ноте Якимов. – Консерваторов-помещиков раздражали гласность, демократия, да и сама реформаторская деятельность императора. И они всячески противодействовали реформам, обвиняли Александра II в том, что он ведет страну к гибели. Что делает император? Потихоньку сворачивает демократию. Уже через полтора месяца после манифеста об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 года он отправляет в отставку активных разработчиков крестьянской реформы – либералов Милютина и Ланского. Подверглись гонениям ученый Кавелин, министр просвещения Головин и другие либерально настроенные государственные и общественные деятели. Крестьянам, разочарованным реформой, конечно, было не до демократии и гласности. Их ожидания не оправдались. Вся земля, которую они обрабатывали, так и оставалась помещичьей собственностью. Ее надо было выкупать у помещиков по установленной норме. Крестьян это не устраивало. Уже в 1861 году, вскоре после отмены крепостного права, начались крестьянские волнения. Вот таким началом реформ Александр II противопоставил себя и правым, и левым силам, как говорится, вызвал огонь на себя.

Якимов смолк, посмотрел на преподавателя, потом на студентов. Убедившись, что от него ждут продолжения, поведал дальше: – Считается, что наиболее удачной была судебная реформа. Но ведь сохранились сословные суды для военных и духовенства, которые рассматривали церковные и воинские преступления. А крестьянский волостной суд! Ведь он судил крестьян за мелкие проступки и правонарушения не по общероссийским законам, а по местным обычаям и мог приговорить виновного к телесному наказанию. Можно привести другие примеры, подтверждающие, что по большому счету говорить о демократии в России во время реформ Александра II не приходится!

Выступление Якимова привело к дискуссии, что взбудрило Вадима Андреевича, повысило его интерес к студенческим высказываниям.

Оппонентом Якимова выступила Полина Борисенко.

– Ты не прав, Никита, что при Александре II не было демократии. Если сравнить с Николаевским режимом, то можно убедиться, что во время реформ обществу сразу дали столько свободы, что оно не смогло ее нормально переварить, и избыток ее вылился в создание различных антиправительственных организаций и более того – в теракты против царских чиновников и самого царя. Давно известна истина – всякая демократия должна быть разумной и иметь свои границы.

– Я считаю, что трагедия Александра II была в том, что он сам, открыв зеленый свет гласности и демократии, не смог приспособиться к новым условиям, выработать гибкую тактику в проведении реформ, не пошел, например, на диалог с различными политическими силами, в том числе и с народниками, – вступила в разговор Наташа Орлюкова. – Некоторые историки справедливо считают, что реформатор не обладал последовательной и продуманной системой политических взглядов, хотя он был, конечно, образованным человеком. Одним из его наставников был Сперанский, получивший известность еще при Александре I, как думающий реформатор. Александр II владел многими иностранными языками – английским, французским, немецким, польским. Но не столько образованности, сколько его политической воли оказалось недостаточно для того, чтобы задуманные реформы успешно претворить в жизнь.

Наташу перебил неожиданно Иван Колбин:

– Трагедия Александра II была не только в том, что сам не смог приспособиться к новым условиям в стране, созданным им же. Трагедия его дополнялась любовной связью с княгиней Долгорукой-Юрьевской. Можно представить, какая разыгралась семейная драма в результате бурного романа императора с молодой красавицей-княгиней. В каком незавидном положении оказалась императрица Мария Александровна! Так что Александру II было не до реформ. Ему некогда было думать, как их лучше провести, не раздражая сильно ни правых, ни левых, какой предпринять маневр на пути реформирования страны. Реформами занимались чиновники, каждый из них тянул, как говорится, одеяло на себя, для своей выгоды.

Слушая выступления студентов, Вадим Андреевич и сам мысленно прокручивал процесс реформирования страны в 60–70-е годы XIX века. Сейчас, когда так неудачно завершилась нынешняя перестройка в СССР, он все чаще задавался вопросом: почему реформы Александра II не дали желаемого результата, т. е. не обеспечили бесповоротного прорыва страны на пути ее к капитализму? Только ли Александр II повинен в том, о чем говорят студенты? А были ли объективные причины, тормозившие реформирование страны? С этим вопросом он обратился к группе:

– Как вы думаете, а были ли другие причины, кроме недостатка политической воли у императора для успешного завершения проводимых реформ?

– Во-первых, Александр II был убит народолюбцами 1 марта 1881 года (1). А новый император Александр III отказался от продолжения задуманных его отцом реформ, стал проводить свои, отличавшиеся от отцовских. А во-вторых, – тут Орлюкова вдруг замолкла и задумалась. После некоторой заминки как-то неуверенно продолжила:

– Во-вторых, не было необходимой поддержки со стороны тех, кто был заинтересован в либеральных реформах, т. е. со стороны буржуазии.

– А была ли вообще в то время в России классическая буржуазия? – выкрикнул с места студент Ванюшин и сам же ответил: – Купчишки, лавочники, проходимцы, ворюги разного пошиба. Разве это – буржуазия?

– А почему бы и нет! – отрезала Орлюкова. – Все эти люди – с предпринимательской хваткой, даже воры!

– Вот-вот, даже проходимцы и воры, надраив парфюмерией свои лица, становились благородными буржуа, хотя по ним плакала тюрьма!

– Давайте перейдем к обсуждению контрреформ Александра III и ситуации в стране в 80–90-е гг., – остановил Вадим Андреевич начавшуюся перепалку между студентами. – Кто готов начать разговор?

Взметнулась рука Ани Путиловой.

– Вы готовы, пожалуйста, к кафедре.

Пока студентка не спеша шла к преподавательскому столу, Вадим Андреевич уточнил свой вопрос:

– Я прошу вас остановиться на сути реформ Александра III и на политической атмосфере в стране, порождаемой ими.

– Как уже сказала Наташа, новый император Александр III отказался от продолжения отцовских либеральных реформ. Почему? – с вопроса заявила о своей готовности порассуждать Аня Путилова. Она сделала небольшую паузу, чтобы обратить на себя внимание всей группы. Этому учил студентов Вадим Андреевич: начинать выступление только тогда, когда аудитория настроится слушать. Сейчас Аня так и поступила: она в ожидании посмотрела на своих сокурсников, и те ее поняли – успокоились.

Путилова продолжила:

– Александр III был вторым сыном Александра II и его не готовили к тому, чтобы заменить, когда настанет время, на престоле отца. Наследником престола считался цесаревич Николай – старший сын Александра II. В 1865 году Николай умер, и наследником становился Александр. Он прошел ускоренный курс обучения, необходимый для монарха. Его основным учителем был обер-прокурор Священного Синода Победоносцев, профессор права и консерватор. Будущий император под влиянием своего учителя не мог стать иным, кроме как консерватором. Победоносцев стал и ближайшим советником Александра III, идеологом его правления. Он был автором манифеста от 29 апреля 1881 года «О незыблемости самодержавия», в котором провозглашалось сохранение и укрепление самодержавного строя. «Манифест» окончательно похоронил проект министра внутренних дел Лорис-Меликова, который предусматривал привлечение выборных представителей от земств в комиссию для рассмотрения законопроектов. Считается, что если бы Александр III поддержал проект Лорис-Меликова, то монархией были бы сделаны первые шаги на пути к Конституции России. Однако новый император этого не сделал. Либералы ушли в отставку. Антидемократический курс правления Александра III был окончательно закреплен «Положением к охранению государственного

порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года. Документ давал право властям объявлять любую местность на чрезвычайном положении, прекращать деятельность местного самоуправления, предавать жителей по малейшему подозрению в причастности к каким-либо беспорядкам военному суду или ссылать их на пять лет без суда. Это «Положение» считалось временным, но оно практически действовало до 1917 года. Дальше последовали другие карательные меры и антидемократические действия, направленные на сохранение и упрочение абсолютной монархии.

Закончив свое выступление, Путилова быстренько вернулась на свое место. Вадим Андреевич не стал ее задерживать. Посчитав, что студентка охарактеризовала в основном верно суть контрреформ и ситуацию в стране во время правления Александра III, решил на этом ограничиться и подвести некоторые итоги по обсуждаемому первому вопросу. Но поднятая рука студента его остановила.

– У вас есть какие-то дополнения? Пожалуйста!

– Да, у меня есть некоторые дополнения, – подтвердил Глеб Горелых (он поднял руку) и, не дожидаясь каких-либо уточняющих вопросов со стороны преподавателя, заговорил:

– Вот тут Аня нам рассказала, как новый император Александр III железной рукой стал наводить в стране порядок, погасил гласность, установил жесткий полицейский режим. Плохо или хорошо? Аня, как я понял, считает, что это плохо. А я думаю, что это было не совсем плохо. Возьмите нынешнюю нашу перестройку и разнузданную гласность. К чему они ведут? Основательно раскачивают наше общество, разрушают экономику страны, растаптывают моральные ценности, гробят дружбу народов Советского Союза! Нечто подобное происходило и во время реформ Александра II. Поэтому жесткие меры Александра III по наведению порядка в стране успокоили тогдашнее российское общество, позволили заняться конкретными делами – развитием промышленности и добиться в этом немалых успехов. Особенно впечатляющим было железнодорожное строительство. Строились новые машиностроительные заводы, которые выпускали разнообразную продукцию: паровозы, двигатели, станки и многое другое. Росли добыча угля и нефти, выплавка чугуна. По личному распоряжению царя были запрещены ночные работы женщин и детей. Была отменена подушная подать с безземельных крестьян, фабричных и заводских рабочих, учреждена фабричная инспекция. Крестьянам, нуждавшимся в земле, разрешалось переселяться на казенные земли. А учрежденный Крестьянский земельный банк своими кредитами облегчал крестьянам способы покупки земли и обустройства своего хозяйства. В годы царствования Александра III развивалось женское образование. В частности, были открыты женские медицинские курсы, действовали с 1882 года Мариинские женские курсы для малообразованных девушек-горожанок. Известно, что император лично оказывал материальную поддержку писателям, компози-

торам, художникам, с которыми лично был знаком: Достоевскому, Чайковскому, Репину, Васнецову, Серову, Крамскому, Шишкину и многим другим. И нельзя, конечно, забывать, что при Александре III Россия ни с кем не воевала. В то время бытовал любимый афоризм: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать».

Вадим Андреевич с интересом слушал выступление Глеба Горелых. С удовольствием слушали его и студенты. Придерживаясь установленных официальных рамок толкования исторических событий, в том числе и времени правления Александра III, Вадим Андреевич тем не менее не возбранял студентам высказывать свое суждение с использованием иных, опускаемых в учебной и методической литературе фактов. Это оживляло аудиторию, развязывало дискуссию по обсуждаемому вопросу, что и требовалось для того, чтобы более-менее разобраться в обсуждаемом вопросе и выработать студентам свое мнение. Поэтому и сейчас он дал возможность сказать все, что Горелых знал и считал важным в правлении Александра III.

Оппонировать Горелых стала Путилова:

– По-твоему, Глеб, выходит, что если бы Александр III не скончался в 1894 году, то Россия продолжала бы развиваться, и никаких революций не произошло бы?

– Думаю, что да. Царь скончался в возрасте 48 лет от роду. Преждевременная смерть Александра III не позволила довести до конца те реформы, которые были задуманы им и его командой. А в его команде были образованные люди: Бунге, Вышнеградский, Витте, Победоносцев, Семенов Тянь-Шанский, известный ученый Менделеев и другие.

– Вышнеградский, между прочим, прославился как крупный биржевой делец, а Бунге за его либерализм отправили в отставку в 1887 году, – в запале бросила Путилова. – Что касается обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева – да, это был профессор права, преподавал одно время в Московском университете. Но он как никто другой обрушился с резкой критикой реформ Александра II, был вообще против всякого реформирования институтов государственной власти, считая их незыблемыми; выступал фанатично лишь за внутреннюю переделку людей на основе православной веры; отрицательно относился к западной демократии, называя ее не иначе как великой ложью нового времени. Поэтому говорить о том, что Александр III пошел бы на какие-то демократические перемены в стране – по меньшей мере заблуждение. Он прилагал максимум усилий к укреплению монархии и недопущению в России, по его же выражению, «безобразного выборного представительского начала». Вот какие были истинные цели Александра III, и не надо его идеализировать.

Горелых не стал отвечать на эмоциональную реплику Путиловой, когда та успокоилась. Вадим Андреевич, немного подождав и убедившись, что больше выступающих не будет, сделал несколько замечаний по результатам проходившей дискуссии, а затем предложил перейти к обсужде-

нию второго вопроса: «Появление оппозиционных движений и организаций в пореформенной России». Сходу желающих выступить не оказалось. Поэтому Вадим Андреевич предложил перейти к заслушиванию рефератов по данной теме. После некоторой заминки поднялся студент Алексей Садовников и как-то неуверенно обратился к Вадиму Андреевичу:

– Я подготовил реферат, но можно с ним выступить на следующем семинаре?

– Почему не сейчас? – удивился Вадим Андреевич. – Он же по теме нашего семинара!

– Недавно прошла общеинститутская комсомольская конференция, которая обсудила вопрос о реорганизации ВЛКСМ в свете решений XXII съезда комсомола, – объяснил свою просьбу Садовников. – Фактически речь идет о роспуске нашей комсомольской организации. Хотелось бы об этом поговорить, узнать ваше мнение о роспуске комсомола, кому он мешает?

– Ну что же, давайте обсудим этот вопрос, – согласился Вадим Андреевич. – Правда, время осталось маловато, но попробуем разобраться, что произошло с ВЛКСМ.

Вадим Андреевич интересовался судьбой комсомола в связи с начавшейся перестройкой. XXII чрезвычайный съезд ВЛКСМ признал «исчерпывающую политическую роль ВЛКСМ как федерации коммунистических союзов молодежи» и упразднил центральные структуры комсомола, – в принципе такое решение съезда было ожидаемо после августовских событий (2). Тем не менее оно им было воспринято с сожалением. Во-первых, потому что с комсомолом были связаны его лучшие годы юности и ранней молодости, а во-вторых, подрастающее поколение лишалось той романтики подвига, двигавшей по жизни советскую молодежь. О ликвидации ВЛКСМ Вадим Андреевич намеривался поговорить со студентами-комсомольцами на вечере «Вопросов и ответов», которые проводились в студенческих общежитиях регулярно в перестроечные годы. Поэтому сейчас, когда студенты выразили желание во время семинара поговорить о ситуации с комсомолом, он согласился и был готов к этому. И, не теряя времени, поспешил начать разговор.

– Программа перестройки деятельности ВЛКСМ, – начал Вадим Андреевич, – была изложена в «Программном Заявлении ЦК ВЛКСМ к XXI съезду комсомола». Она была помещена в «Комсомольской правде» 29 октября 1989 года и каждый комсомолец с ней мог ознакомиться. Не сомневаюсь, что вы также знакомы с этим документом. В нем дан обоснованный ответ на необходимость перестройки и дано ее содержание. Что не устраивало в комсомоле? Прежде всего, не устраивали «не только устаревшие формы и методы его работы, но и многие содержательные ценности»; отсутствие подлинной самостоятельности – на самоорганизацию, на действие; зависимость от командно-административной системы; бюрокра-

тизация комсомольских органов всех уровней. Поэтому в качестве главной задачи перестройки предусматривалось создание условий для раскрытия способностей каждого комсомольца, а также для «полнокровной деятельности первичных организаций». В документе утверждалось, что «главная сила обновления комсомола – это мы сами. Научимся вести дело так, чтобы комсомолец мог рассчитывать на поддержку своего союза и сам активно поддерживать – организация будет укрепляться. Не научимся – исход очевиден». И еще одна любопытная новация имелась в «Программном Заявлении ЦК ВЛКСМ...» Вот ее суть: «Главные вопросы жизнедеятельности ВЛКСМ должны решаться с участием всех комсомольцев через общесоюзные референдумы». Не думаю, что референдумы могли бы действительно стать средством для разрешения каких-то комсомольских дел, если бы программа перестройки комсомола будет на практике реализована. Все же эта норма, как правило, применяется для решения крупных общесоциальных проблем, а не вопросов общественных организаций.

Вадим Андреевич сделал небольшую паузу, потом продолжил. – Хочу обратить ваше внимание вот на что еще. В документе было подтверждено сохранение прежнего названия организации и что участие комсомола в создании коммунистического общества «является целью нашей организации»; подтверждено также сохранение и укрепление идейной связи с КПСС, поскольку комсомол в своей деятельности «исходит из стратегической цели КПСС – перестройки советского общества на основе творчески развиваемого марксистско-ленинского учения». Но было сказано и об обновлении взаимоотношений ВЛКСМ и КПСС. Речь шла о недопущении «слепого копирования организационных структур, форм и методов работы», что явилось одной из причин отрыва комсомола от интересов молодежи (3). Вот в чем были суть и смысл планируемой перестройки комсомола. Если бы удалось намеченную программу реализовать – здравствовать бы комсомолу и дальше, наполняя молодежь духом романтики и продвига в интересах своего Отечества.

– Почему же не удалось осуществить перестройку комсомола? – спросил Садовников.

– События в стране, которые сложились после августовских событий, – ответил Вадим Андреевич и уточнил: – указы Президента от 23 августа «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» и от 25 августа «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР». Эти указы предопределяли дальнейшую судьбу комсомола, его роспуск.

– А что предлагается взамен комсомолу? – подал свой голос Горелых.

– Правопреемником ВЛКСМ XXII съезд определил республиканские союзы молодежи.

– И чем они будут заниматься? – поинтересовался Горелых.

– Предполагается, что эти не политические, а общественные организации обеспечат свободное развитие молодежи, реализацию ее творческого потенциала.

– Вадим Андреевич, чем для вас был комсомол? – подала свой голос Путилова.

– В комсомол вступил в 8-м классе, гордился тем, что оказался в той организации, членами которой были Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, молодогвардейцы, героически отдавшие свои жизни ради спасения своей Родины. Их подвиги, подвиги других комсомольцев вселяли в меня романтику подвига, помогавшую добиваться, несмотря на трудности, неудачи, своих целей в жизни, делать людям добро. На ваш вопрос, чем для меня был комсомол, отвечаю: школой, подготовившей меня к жизни с ее заботами и радостями.

Вадим Андреевич, учитывая, что время семинара было на сходе, сказал в заключение: – Школу комсомола за всю его историю прошли около 200 миллионов юношей и девушек Советского Союза. Многие из нас достигли выдающихся успехов в своей жизни: стали известными учеными, писателями, партийными и государственными деятелями, военными, спортсменами, заслуженными работниками культуры и искусства, героями Советского Союза и Социалистического труда. Комсомол – это уникальная легендарная молодежная организация, какую еще не знал мир. Он награжден трижды орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции (4). Надеюсь, что вы будете помнить свою комсомольскую юность, расскажите о славных делах комсомола своим детям и внукам, а те – своим. Так, историческая память о комсомоле будет передаваться из поколения в поколение.

Дав домашнее задание, Вадим Андреевич отпустил группу на перерыв.

* * *

После проведенных еще двух пар семинарских занятий, Вадим Андреевич зашел на кафедру. Его встретила завкабинетом Ирина Троян (она сменила на этой должности Искорцеву):

– Вадим Андреевич, сегодня методсеминар не состоится, заболел ведущий кафедрой. Я уже всех об этом предупредила, а вы были на занятиях...

– Что с ним?

– Сказал, что грипп.

Вадим Андреевич вдруг почувствовал страшную усталость: сказались и утренняя встреча с хулиганом, и проведенные учебные занятия. «Может, и к лучшему, что семинар не состоится, – подумал он. – Настроение такое, что несколько не располагает к серьезному разговору на не менее серьезную тему».

Попрощавшись с завкабинетом, Вадим Андреевич отправился домой.

Глава двенадцатая

12 апреля 1961 года произошло событие, которое потрясло всех землян: гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин впервые в истории человечества шагнул в космос и тем самым открыл космическую эру в истории земной цивилизации (1).

Весть о полете Гагарина на космическом корабле «Восток» Вадим и Игорь встретили неожиданно, идя неторопливо на обед в столовую. Их внимание задержал вырвавшийся внезапно из репродуктора заводского радио, свисавшего над проходной, мощный голос диктора Всесоюзного радио: «Говорит Москва, работают все радиостанции Советского Союза...».

– Давай послушаем, – предложил Вадим. – Что-то важное будет передано.

Вадим и Игорь, как и шедшие рядом рабочие, остановились, прислушались. И действительно, диктор торжественно и с ощущаемым в его голосе волнением доносил сообщение ТАСС о беспрецедентном подвиге советской науки и техники – запуске космического корабля «Восток» с человеком на борту.

– Вот это здорово! – вырвалось у Игоря. – Наш советский человек в космосе!

Стоявшие рядом рабочие на какие-то доли секунды оцепенели от услышанного сообщения, потом дружно зашумели, беспорядочно бросая вверх свои головные уборы. Кто-то из быстро растущей толпы рабочих крикнул «Ура!», этот ликующий клич подхватили другие, и он, превратившись в какой-то немислимо мощный гул, заполнил часть внутриводской территории, заглушил однообразный шум, исходивший из рядом находившихся заводских корпусов.

– Это здорово и изумительно! Ай да молодцы наши ученые и инженеры, утери нос янкам! Ну-ка, Америка, попробуй нас догнать! – шумела возбужденная толпа.

Подхваченные ликующими рабочими Вадим и Игорь не заметили, как толпа протолкнула их через проходную. Оказавшись на предзаводской площади, они встретили на ней огромную массу людей, их лица светились неподдельной радостью, задорным смехом; то и дело сыпались взаимные поздравления, сопровождаемые взаимными поцелуями людей, ранее мало знакомых или совсем незнакомых.

Вадим и Игорь влились в это бурлящее людское море, волна всеобщего восторга захлестнула их.

Они забыли о столовой, желание поесть отошло куда-то на задний план.

– Ты не представляешь, Петрович, в какое мы с тобой время живем – время грандиозных планов и величайших событий, – воскликнул перепол-

ненный чувствами Вадим. – Нам будет о чем рассказать нашим детям и внукам!

– Но они, не исключено, будут свидетелями еще более масштабных событий, например, полетов на Луну, Марс, на другие планеты...

– Пусть так, но сегодня – это начало проникновения в великие тайны космоса, – перебил Игорь Вадим. – В этом величие события сегодняшнего дня, его не перекроют последующие, пусть не менее грандиозные, события в жизни людей.

Он хотел еще что-то сказать Игорю, но вдруг из репродуктора донеслось, что корабль «Восток» приземлился в заданном районе Советского Союза и что пилот-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин не получил ни одной травмы, ни одного ушиба и чувствует себя хорошо.

Диктор что-то еще говорил, но его голос буквально утонул в шуме ликующей толпы.

– Ур-а-а! Ур-а-а! – заорали, что есть мочи, в один голос Вадим и Игорь, солидаризуясь с праздничным настроением людей, толпившихся на предзаводской площади.

– В какое прекрасное время мы живем, Игорь! – не унимался Вадим. – Наши потомки будут нам завидовать, что мы были современниками и свидетелями таких грандиозных свершений.

– Однако обеденный перерыв закончился, пора в цех, – первым спохватился Игорь. И они, пробираясь сквозь возбужденную толпу, двинулись к проходной завода.

* * *

В цехе, как и на предзаводской площади, было шумно. Но не от работающих станков и механизмов, мостовых кранов (они на какое-то время все замерли), а от толпившихся рабочих в пролетах цеха и бурно обсуждавших космический полет Гагарина. Около одной из таких групп находился бригадир Воронов. Увидев Вадима и Игоря, которые направлялись к нему, он, не дожидаясь пока они окажутся рядом, в не свойственной ему манере крикнул:

– Ну, хлопцы, дожили мы до времен сказочных – человек в космос слетал! Смотришь, и до Луны скоро доберемся, а там и к планетам дальним двинем! Да, сказка становится былью, ничего не скажешь!

Бригадир лукаво подмигнул парням, а потом, сделав серьезный вид, предупредил: – Сегодня на стыке первой и второй смен будет митинг, посвященный космическому полету Гагарина. Явка обязательна, а пока займемся делом...

* * *

Митинг трудового коллектива цеха открыл секретарь цеховой партийной организации Науменко:

– Товарищи!

Сегодня, 12 апреля, впервые в мире в нашей стране запущен в космическое пространство корабль-спутник с человеком на борту. Им стал гражданин Советского Союза летчик, майор Юрий Алексеевич Гагарин (раздались дружные аплодисменты). Это величайшая победа отечественной науки, конструкторской и инженерной мысли, золотых рук наших рабочих. Полет советского человека в космос – это убедительное преимущество нашего общественного строя, его созидательных возможностей; это – очередной твердый шаг нашего народа под руководством КПСС по пути к коммунизму! Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим – покорителям космоса! Слава советскому народу – народу-победителю! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – организатор и вдохновитель всех наших побед!

Здравицы парторга цеха заглушили дружные аплодисменты присутствующих на митинге. После парторга слово взял начальник цеха Кондратьев. Он немного помолчал, собираясь с мыслями, и, подавляя свое заметное всем волнение, начал выступление:

– С трудом осознается, что свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества: о полетах человека в космос и на другие планеты. И вот начало этому положено. Вызывает гордость, что дорогу в космос проложила наша Родина, впервые отправив туда своего сына. Полет человека в космос, несомненно, станет для наших граждан, да и не только наших, а для людей всей Земли, вдохновляющим примером для новых дерзаний и грандиозных свершений. Думаю, что уже недалек тот день, когда космические корабли землян будут бороздить безбрежные просторы вселенной, посещать далекие планеты. Хочу особо подчеркнуть: запуск в космос специального корабля с человеком на борту – это свидетельство того, что наш народ, восстановив в кратчайшие сроки разрушенное в годы войны народное хозяйство, смог добиться серьезных успехов в создании современного научного, материально-технического и кадрового потенциала страны. Наш завод, являясь флагманом химического машиностроения в СССР, тоже вносит свой вклад, и немалый, в развитие экономики страны. Мы с вами как неотъемлемая часть заводского трудового коллектива причастны к выполнению заводом государственного плана, а стало быть, и к росту могущества нашей Отчизны. Полет нашего гражданина в космос вызывает не только законную гордость, но и обязывает еще лучше трудиться, повышать производительность труда, быстрее изживать недостатки в организации производства, не допускать нарушения трудовой дисциплины, что, к сожалению, у нас еще имеет место.

Выступление начальника цеха рабочие одобрили аплодисментами. После него слово взяла комсорг цеха Лиза Бочарова. Вадим заметил ее волнение. Но, подойдя к столу, она громко, четко заговорила:

– Уважаемые товарищи! Нет слов, чтобы выразить наше восхищение небывалым в истории человечества событием – полетом человека в кос-

мос. Нам, комсомольцам, особенно приятно сознавать, что первый разведчик космоса – наш современник и ровесник, комсомолец! Мы, как и все советские люди, гордимся этим величайшим свершением нашего времени! От имени комсомольской организации заверяю всех присутствующих, что комсомольцы нашего цеха, продолжая славные традиции Ленинского комсомола, будут работать еще лучше, по-коммунистически, приближая наше светлое будущее.

Я поздравляю комсомольцев, всех рабочих, ИТР с величайшей победой советского народа в освоении космоса!

Закончив выступление, Лиза под дружные аплодисменты отошла от стола – импровизированного президиума митинга – и остановилась рядом с Вадимом. Немного успокоившись, тихонько спросила у него:

– Ну как выступила?

– В точку, – успокоил Вадим все еще волновавшегося комсорга.

– Трудно подобрать какие-то неказенные слова, чтобы по-настоящему выразить свои чувства, да и чувства тех, кто здесь собрался – событие ведь невиданное! – прошептала Лиза.

Тем временем неожиданно к столу подошел бригадир штамповщиков Иваньков. Он был не из тех, кто особо отличался активностью в общественной жизни цеха; считал, что для выступления на общественно-политических мероприятиях есть штатные ораторы – парторг, комсорг, профорг да еще пара коммунистов. Зато в работе его железную хватку чувствовали не только члены бригады, но и инженерно-технологические службы цеха: спускаемые ими наряды на выполнение заказов, как правило, максимально учитывали трудозатраты. Рабочие бригады, в свою очередь, не допускали срывов по их вине в выполнении полученных заданий. Без задержки принималась выполненная работа ОТК, и своевременно закрывались наряды. Слыл активным рационализатором. Так что когда Иваньков подошел к столу с явным желанием высказаться, для многих это оказалось большой неожиданностью. А он спокойно, не совсем складно и не так восторженно, как другие, перед ним выступавшие, повел свой разговор:

– Я не собирался выступать. Послушаю, думаю, что другие скажут. Но вот, слушая выступающих, почувствовал вдруг, что совесть начинает давить: событие такое произошло, а ты, елки-палки, пытаешься отмалчиваться. Негоже, думаю, в такой вот день молчать – грех! Наш человек, можно сказать, побывал в гостях у самого бога – промолчать об этом, ну, никак нельзя! Что я хочу сказать? Конечно, полет Гагарина нас, рабочих, всколыхнул, заставил призадуматься, что мы делаем и ради чего. В повседневной будничной работе как-то об этом не задумываемся – начальству, мол, тут все видней, а нам, работягам, вроде бы это все до фени; для нас – ритмичная работа да хороший заработок. А теперь вот начинаешь соображать, что спину гнешь, оказывается, не только ради денег, но и ради успеха страны, ее славы. Хотя наверняка к космосу мы напрямую не имеем отношение, но, елки-

палки, сердца наши переполняет радость от того, что первым слетал в космос советский человек. Это наш общий успех и общая слава.

– Молодец, Иваньков, по делу сказал! – кто-то выкрикнул из толпившихся рабочих, спровоцировав шумные аплодисменты.

Не удержался от выступления и бригадир Воронов. Вадиму особенно хотелось услышать, что скажет его непосредственный начальник, коммунист, рассудительный человек, ветеран войны, хороший рабочий и семьянин. И он, не отрываясь, смотрел на своего бригадира, который произнес уже первые слова:

– Иваньков, противник публичных выступлений, не удержался, чтобы не высказаться по поводу полета Гагарина. Действительно, событие такое, что способно мертвого поднять из могилы, а уж тем более заставить прилюдно заговорить закоренелых молчунов. Не хочу повторяться, все было здесь хорошо и правильно сказано и о величии самого события, и о подвиге Гагарина, и о нашей гордости, международной славе. Все так. Но я хочу сказать о другом. Сегодняшний праздник науки и труда вдохновляет и обязывает всех нас подтянуться и в работе, и в быту, чтоб не получилось: хорошо сказали и тут же позабыли, а все как было – так осталось! Полет Гагарина, понятно, – и праздник наш, и гордость за нашу страну, и мировая слава нашей Родины. Но эту славу, чтоб она не замерзла, надо постоянно подогревать работай с огоньком, чтоб она у нас кипела, а не тлела. Вот тогда и новые замечательные успехи порадуют нас, и жизнь краше будет.

Воронова сменила у стола председатель цехкома Мария Агафонова. Она восторженно говорила о полете Гагарина, о повышении трудовой дисциплины, о социалистическом соревновании, о подготовке пионерских лагерей к летнему приему школьников. Агафонова явно затянула свое выступление. А когда перешла на пересказ текущих задач профсоюзной организации, рабочие и вовсе перестали ее слушать, зашумели, стали между собой обмениваться мнениями, касаясь космической одиссеи соотечественника. Секретарь партийной организации Науменко, видя это, поспешил закрыть митинг. Он еще раз всех поздравил с успешным полетом в космос гражданина Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина и объявил о начавшемся массовом гулянии на предзаводской площади.

* * *

После окончания рабочей смены Вадим и Игорь, не задерживаясь в душевой, подались на предзаводскую площадь. Гулянье здесь было в самом разгаре. Играл заводской оркестр. Танцевали все. Вадим и Игорь, не углубляясь в водоворот танцующей публики, направились к наскоро развернутым лоткам, где продавались различные напитки, включая водку, пиво, соки и газировку. Вдруг, откуда ни возьмись, на пути подвернулась Валя Синичкина. Она, полная восторга, обняла шедшего впереди Игоря, а потом – Вадима. И не только обняла Вадима, но и поцеловала. Ее губы,

твердые и сладкие, прильнули к его губам. Все произошло настолько неожиданно, что он, смутившись, не знал, как себя повести: то ли ответить взаимностью, то ли слегка оттолкнуть ее, дав понять о неприличии такого действия. А она, поцеловав Вадима, быстро, без лишних слов подхватила его, и они вместе растворились в танцующей толпе. Потеряв из вида друга, Игорь пошел к лоткам, куда тот тоже должен был подойти...

Гулянье на предзаводской площади продолжалось до позднего вечера. И только тогда, когда совсем стемнело и заморосил весенний холодный дождик вперемешку со снежинками, люди начали расходиться.

* * *

Апрель месяц, гагаринский месяц, принесший мировую славу СССР, а его гражданам – небывалую гордость за свою страну, – этот ликующий апрель подходил к концу. Взамен ему быстро приближались майские праздники.

Вадим весь этот месяц находился в повышенном возбужденно-радостном состоянии. Пожалуй, в его молодой жизни такого еще не бывало, чтобы столь длительно, на протяжении почти всего месяца, без перерыва сохранялось оптимистическое настроение. Трехсменная работа, необходимые по графику выходы на дежурство с опергруппой, которой он руководил, другие какие-то будничные, не праздничные дела перекрывались продолжавшимся народным ликованием по поводу полета Гагарина и встреч с Людмилой.

Наступил последний апрельский день. Было воскресенье. Алексей и Виктор ушли по своим делам, а Вадим с Володей остались вдвоем в комнате. Между делом разговор завели о предстоящем первомайском празднике.

– Ты куда, старик, двинешь свои стопы завтра? – поинтересовался Володя.

– С утра – демонстрация. Меня и еще несколько парней от нашего цеха включили в команду, которой поручено катить во время демонстрации тележку с заводской эмблемой. Сбор у заводоуправления в половине восьмого. Так что мне надо без опозданий прибыть к месту сбора. После демонстрации – свидание, а там посмотрим с Людкой, куда завернуть: в кафе, в кино или на танцы!

– Конечно, это замечательно! – позавидовал Володя. – А у меня сплошная проза. После демонстрации – домой, надо предков поздравить с праздником, главное – батю с Днем Победы; он у меня фронтовик, имеет много боевых наград. Может, компанию мне составишь? Родители будут рады, они у меня гостеприимные. Я им о тебе уже рассказывал, и они хотят с тобой познакомиться.

– Не знаю, как и быть, у меня ведь свидание, – замаялся в нерешительности Вадим.

Наступившую паузу вдруг нарушил легкий стук в дверь.

– Заходите! – первым громко откликнулся Володя.

Дверь открылась, и в комнату вошел седоволосый мужчина.

– Здравствуйте, молодые люди! – приветствовал парней мужчина. – Извините, что неожиданно к вам ворвался и, возможно, нарушил какие-то ваши планы!

– Вадим, это мой папа, познакомься!

Мужчина поближе подошел к Вадиму и первым протянул свою руку:

– Александр Федорович, – представился он и, внимательно рассматривая Вадима, воскликнул:

– Ба, да мы с вами где-то уже встречались!

– Да, мы с вами встречались у телефонной будки, что находится у Центральной гостиницы, – улыбаясь, ответил Вадим. Он сразу же вспомнил тот еще не угасший в памяти эпизод, который, можно сказать, вывел его тогда из тупикового состояния. Именно этот мужчина подсказал ему, на какие заводы надо стучаться с устройством на работу.

Вадим подал свою руку и, несколько смущаясь, произнес:

– Вадим Звездин.

– Вадим Звездин, – с неподдельным любопытством нараспев повторил Александр Федорович. – Редкая фамилия!

– В духе нашего космического времени, – деловито заключил Володя.

– Такой фамилией наградил моего дедушку Филиппа Кузьмича Болотнича сам Циолковский, – похвастался Вадим. – По рассказам мамы, а она узнала от своего мужа и моего отца Андрея, семья Болотничей в поисках лучшей доли покинула Белоруссию и волей судьбы оказалась в Калуге. Там среднего сына Филиппа, выделявшегося своими способностями к наукам, определили в епархиальное училище, в котором преподавал физику и математику Циолковский. Фамилия дедушки Болотнич вызвала у ученого неприятную реакцию, видимо, из-за того, что она ассоциировалась с болотом, и он, увлеченный реактивной техникой и полетами к далеким планетам, дал старательному юноше более светлое, романтическое прозвище – Звездин. Первоначально дедушка не отказывался от родословной фамилии Болотнич, хотя ему и нравилось такое прозвище. Епархиальное училище не закончил – пошел на подработки, чтобы помочь своей семье, испытывавшей большие материальные трудности. Постепенно увлекся социал-демократическими идеями. Включившись затем в революционную борьбу, использовал прозвище, данное Циолковским, как свой псевдоним, чтобы избежать преследований со стороны царских ищек не только собственной персоны, но, особенно, своих родителей. Накануне Первой мировой войны дедушка женился и окончательно сменил свою родословную фамилию Болотнич на фамилию Звездин. Родившийся сын Андрюша, мой будущий отец, имел уже узаконенную фамилию Звездин.

– Интересная история с приобретением фамилии, – задумчиво прооронил Александр Федорович. – А я вот ничего не знаю о происхождении сво-

ей фамилии Островцев. Думаю, найти объяснение происхождения всех русских фамилий – задача не из легких даже для ученых-ономастиков.

После небольшой паузы Александр Федорович спохватился: – Друзья, я специально приехал к вам, чтобы пригласить вас к нам в гости. Сразу после демонстрации заходите к нам. Я и Клава будем рады вас видеть у себя. Итак, до встречи, мы будем вас ждать!

Александр Федорович не стал задерживаться, несмотря на уговоры Вадима с Володией отвратить холостяцкого угощения по случаю Первомайского праздника: принять рюмку водки и бутерброд с колбасой. Однако он вежливо отказался, еще раз повторил приглашение, причем больше адресованное Вадиму, откланялся и ушел.

Оставшись вдвоем, Володя с явным удовольствием повторил свое предложение Вадиму:

– Надеюсь, ты теперь не сможешь отказаться посетить моих родителей завтра, после демонстрации. Ведь тебя, к тому же, пригласил и батя! А он ветеран войны. Для него Первомайский праздник еще и праздник Победы.

– Отказать ветерану Великой Отечественной войны, конечно, непристойно, – согласился Вадим.

– А Люське, если надо, я сегодня же передам от имени отца приглашение прийти к моим родителям в гости?

– Я думаю, что мы с ней договоримся, когда встретимся после демонстрации и обязательно придем к вам. Так что не беспокойся

* * *

Первомайское утро выдалось не очень приветливым: дул холодный ветер, нагоняя темные дождливые тучи, которые то и дело разражались густым дождем. Вадим, не дожидаясь пока перестанет ливень, бегом направился в заводскую столовую. Ее только что открыли, и он зашел в нее первым. За ним потянулись и другие, тоже причастные к оформлению заводской колонны.

Наскоро позавтракав, Вадим поспешил к заводууправлению, где стояла тележка с заводской эмблемой. Около нее толпились несколько человек. У всех у них были зонты: дождь, хотя и не такой сильный, продолжал идти. Заводская эмблема также была прикрыта пленкой. Подойдя ближе к толпе, Вадим увидел здесь секретаря парткома Никитина, секретаря заводского комитета ВЛКСМ Смирнова. Они что-то между собой обсуждали. Смирнов, заметив подошедшего Вадима, представил его секретарю парткома:

– Вот это один из тех, кто будет в этой команде – комсомолец Звездин. Другие подходят.

Секретарь парткома, бросив взгляд на Вадима, спросил:

– Почему вы без зонта?

– Не успел купить, – выпалил, не задумываясь, Вадим, почувствовав в то же время какую-то неловкость.

– Держите, – секретарь парткома передал свой зонт Вадиму.

– А вы, Андрей Павлович, как? – забеспокоился Смирнов. – Возьмите мой!

– Позвоню жене, принесет другой, – спокойно ответил Никитин. – А вы оставьте свой зонт при себе. Видите, погода капризничает. – И распорядительно добавил:

– Я пока на время по делам отлучусь, а вы со своими комсомольцами займитесь подготовкой к транспортировке тележки и эмблемы. Подойдут бортовая машина и автобус. На машину погрузите тележку, флаги, транспаранты, другой праздничный инвентарь, все закройте брезентом и отправьте машину к месту сбора заводчан – в район перекрестка улиц Фрунзе и Белинского. Туда же поезжайте автобусом и вы со своей командой.

Никитин ушел, а Смирнов, получив задание, приступил к его выполнению. Вскоре подошли все, кто должен был заниматься праздничным инвентарем. Коротков явился с небольшим опозданием, держа цветной зонтик над головой. Свою задержку он объяснил тем, что по пути у него сломался зонт, и поэтому ему пришлось возвратиться домой и прихватить зонтик жены.

Тем временем подъехали бортовая машина и автобус. Комсомольцы быстро загрузили в машину тележку с эмблемой, транспаранты, флаги, укрыли их брезентом, а сами, не дожидаясь дополнительной команды, подались в автобус. Вслед за ними в автобус заскочил и Смирнов. Свернув свой зонт и отряхнувшись от дождевых капель, он подал знак шоферу к движению. Автобус тронулся, а за ним рванула с места и бортовая машина. На небольшой скорости проехали по празднично украшенной улице Грибоедова, зато с ветерком пронеслись через жилые микрорайоны Нижне-Исетск и Уктус и вскоре подкатили к месту сбора заводчан, где намечалось формирование праздничной колонны трудового коллектива Уралхиммашзавода.

Выгрузка праздничного инвентаря заняла считанные минуты. Снятую с машины тележку с заводской эмблемой выкатили на проезжую часть улицы Белинского, прижав ее к тротуару.

Вадиму, впервые участвующему в первомайской демонстрации в составе трудового коллектива большого завода, было и интересно, и волнительно, и радостно. Ощущение большого праздника еще сильнее охватило его, когда на автобусах подъехали заводчане со своими семьями. Они с веселым шумом выходили из салонов своих автобусов и тут же толпились небольшими группами – взаимное притяжение празднично настроенных людей происходило по многим причинам: совместная работа в одном цехе, отделе, проживание в одном доме и просто дружеские и приятельские отношения. Около людских групп толкалась шумливая детвора, держащая в своих руках красные флажки и воздушные разноцветные шарiki, которые билась от сильных порывов холодного ветра.

Увидев вышедших из подъехавшего автобуса рабочих и ИТР своего цеха, Вадим поспешил к ним. Его встретил парторг цеха Науменко. Поздравив Вадима с Первомаем, он прикрепил на лацкан его демисезонного пальто красный бант.

– Вот теперь ты смотришься совсем по-праздничному, – самодовольно улыбнулся Науменко.

Подошли Игорь с Николаем с огромным плакатом, на котором был изображен Фидель Кастро; внизу, под портретом лидера Кубинской революции, красовались слова «Руки прочь от Кубы!» (2).

– Что, постоим за Кубу! – приветствовал друзей Вадим.

Еще как! – отозвался Николай. – Покажем янкам кузькину мать!

Дальнейший разговор прервала раздавшаяся команда строиться. Народ зашевелился, зашумел; на глазах начала формироваться мощная праздничная колонна, над которой вздымались флаги, транспаранты, плакаты, разноцветные воздушные шары; демонстранты в своих руках держали ветки еще не распустившейся полностью вербы; красные банты на груди участников праздничного шествия удачно дополняли украшение колонны.

Прогрели залпы артиллерийского праздничного салюта, возвестившие о начале парада войск Свердловского гарнизона на площади 1905 года. Заиграл заводской духовой оркестр, и колонна медленно двинулась по улице Белинского по направлению к центру города.

Вадим, Паша Коротков, другие парни дружно подхватили тележку с заводской эмблемой и покатали по мокрому асфальту улицы. Моросивший мелкий дождик неожиданно перестал. Из-за темно-серых тяжёлых туч вдруг вырвалось солнце, ярко озарив праздничную колонну. Демонстранты дружно прокричали «Ура!», радуясь тому, что и природа, наконец, подключилась к всеобщему праздничному ликованию.

Колонна двигалась медленно, с частыми остановками. Но вот она вышла на проспект Ленина, и ее движение в сторону центральной площади резко ускорилось. Ответственным за тележку с заводской эмблемой пришлось внимательно следить за тем, чтобы она катилась ровно, и находилась на одной линии с головными эмблемами других крупнейших заводов, также направлявшихся к центру города.

Вадим, занятый управлением тележки, успел все же рассмотреть украшение площади 1905 года: на здании Горсовета висели большие портреты Маркса и Ленина, а рядом с ними поменьше – членов президиума ЦК КПСС; транспаранты, флаги, парящие в воздухе разноцветные шары, придававшие площади неповторимый праздничный колорит. На трибуне толпилось немало гражданских и военных лиц. Среди них выделялись командующий Уральским военным округом генерал-полковник Я. Г. Крейзер (это подсказал Вадиму Павел) и первый секретарь Свердловского обкома партии А. П. Кириленко. Оба они, как, впрочем, и другие, стоявшие на трибуне, приветствовали проходивших мимо демонстрантов.

Площадь прошли быстро, и дальше, не соблюдая установленный порядок и строгость движения, царившие при прохождении мимо трибуны, беспорядочно пошли по проспекту Ленина и остановились на улице Московской. Здесь демонстрантов поджидал транспорт. Не спеша, без суеты, с песнями (многие были навеселе), заводчане рассаживались по автобусам. На бортовую машину погрузили весь праздничный инвентарь, включая тележку с заводской эмблемой. Когда погрузка закончилась, Вадим обратился к секретарю заводского комитета ВЛКСМ Смирнову:

– Гриша, мне надо уйти!

– Как уйти? А кто будет разгрузкой заниматься? Я один, что ли?

– Сразу после демонстрации у меня свидание. Если я сейчас не встречу свою подругу – прощай любовь!

Дальнейший разговор прервался из-за оказавшегося рядом секретаря парткома Никитина. Воспользовавшись этим, Вадим поблагодарил Никитина за зонт и намеревался тут же его ему передать. Но секретарь парткома остановил Вадима:

– Но погода еще не устоялась, пользуйтесь зонтом и дальше, а по приезде к заводууправлению – оставьте его в комитете комсомола.

– Да Звездин сейчас идет на свидание, в комитете комсомола он сегодня не появится, – не выдержал Смирнов.

– Тем более зонт пригодится, – усмехнулся Никитин и направился к первому автобусу, готовому по первому сигналу тронуться.

– Ладно, иди на свидание, только в следующий раз лучше согласовывай с подругой время свидания, если имеешь комсомольское поручение.

* * *

Как и условились, после демонстрации встретились у Оперного театра. Обняв Людмилу, Вадим тут же предложил ей пойти к Островцевым.

– А там нас ждут? – спросила она.

– Да. Сам Александр Федорович, отец Володи, приезжал вчера к нам, в общагу, и пригласил нас отметить Первомайский праздник у них дома.

– Ну, а я причем? Тебя как друга Володи пригласили, вот и иди! Меня никто не приглашал.

– Я тебя приглашаю. Причем не к кому-то, а к твоему родному дяде, кстати, фронтовику. Надо же его поздравить с Великой Победой в минувшей войне, во имя которой он, как и многие другие, не раз рисковал своей жизнью.

– Хорошо, – согласилась Людмила. – Только что-то надо иметь с собой, хотя бы какой-то небольшой презент для поздравления дяди Саши и тети Клары?

– Времени для поиска подарков у нас нет. Ограничимся простейшими сувенирами – коньяком и конфетами.

Людмила не стала возражать. По пути зашли в гастроном. Отоварившись в нем, спустя полчаса ступили на площадку четвертого этажа у квартиры Островцевых. Кнопку звонка нажал Вадим. В прихожей квартиры послышались шаги и еле уловимый скрип задвижки. Дверь открыл Александр Федорович.

– Ба, какие гости! – широко улыбаясь, приветствовал он Людмилу и Вадима. – Проходите, проходите, все собрались, ждем вас!

Александр Федорович пропустил вперед вошедших Людмилу и Вадима, а сам, закрыв дверь, зычно прокричал:

– Клава, встречай гостей!

Из кухни вышла невысокого роста, немного поседевшая женщина. Ее лицо, изрезанное мелкими морщинами, гостеприимно светилось.

– Ой, Люсенька, дорогая, здравствуй! Как я рада, что ты пришла. Мне Вова говорил, что ты придешь, но я как-то не очень поверила. Ты ведь у нас редкая гостья, дай я тебя поцелую.

Поцеловав Людмилу, женщина, а это, как догадался Вадим, была мама Володи Клавдия Николаевна, обернулась в сторону Вадима и, увидев его, хитровато шепнула Людмиле:

– А это, Люсенька, твой жених?

Александр Федорович, до этого молча наблюдавший сцену встречи племянницы и тети, не выдержал и остановил жену:

– Не надо, Клава, сразу в карьер! Вадим – друг Володи, я его пригласил к нам в гости; пригласил и Людмилу заглянуть к нам после демонстрации. Вот и все, а сейчас приглашай гостей к столу!

– Хорошо, хорошо, – согласилась Клавдия Николаевна и пригласила Вадима и Людмилу пройти в комнату, а сама моментально скрылась в соседней комнате (у родителей Володи была трёхкомнатная квартира, о чем поведал Вадиму его друг раньше).

Александр Федорович подождал, пока гости разденутся и приведут себя в порядок, а затем дружески подтолкнул их в открытую дверь большой, служившей гостиной комнаты. А когда те оказались в ней, благожелательно представил гостей тем, кто находился в комнате:

– Знакомьтесь: Вадим и Людмила – наши гости! Прошу любить и жаловать!

На глаза Вадиму сразу попал сидящий на диване Володя. По его лицу пробежала лёгкая улыбка, как бы говорившая, что он рад прибытию друга и Людмилы. У балкона стояли две молодые особы. Одна из них, увидев вошедших гостей, воскликнула:

– Ой, Люсик, привет! Молодец, что пришла!

Тут же она подошла и обняла Людмилу.

Пока девушки обменивались любезностями, Вадим незаметно сунул в руки Александру Федоровичу пакет с бутылкой коньяка и коробкой конфет, и поздравил его и Клавдию Николаевну с Первомайским праздником и

шестнадцатой годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Приняв пакет, Александр Федорович поблагодарил Вадима за внимание к нему и громко, во всеуслышание добавил:

– Нам, ветеранам войны, приятно, когда молодое поколение, поздравляя нас с нашей Победой, не только гордится Победой, но отдает должное подвигу советского солдата. До тех пор, пока эти святые чувства будут сохраняться в сердцах молодежи, передаваться из поколения в поколение, наша Отчизна будет непобедимой. А сейчас прошу всех к столу.

Володя почему-то постарался посадить Вадима между собой и отцом. А дальше, по правую руку Володи, сели Вероника – студенческая подруга Жени, Женя – сестра Володи, и Людмила. Людмила оказалась рядом с Клавдией Николаевной, чему та очень обрадовалась. Сама же Клавдия Николаевна, определившись с местом (около мужа), все еще занималась сервировкой стола. Когда она, наконец, закончила суесться с накрытием стола, Александр Федорович взял в свои руки ведение праздничного застолья. Быстро наполнив рюмки коньяком, вином сухим или крепленным с учетом пожеланий гостей, он, не дожидаясь пока установится абсолютная тишина, начал свой тост:

– Я уже сказал, что фронтовикам приятно сознавать, что нынешняя молодежь гордится ими – победителями в минувшей кровавой войне. Праздник Победы имеет свой день – 9-е мая. Но так получилось, что его совместили с Первомайским праздником, что, по-моему, сделано несправедливо. Нельзя совмещать эти два праздника – слишком разная цена им, не позволяющая вместе устраивать общее ликование в стране. Праздник Победы – жертвенный праздник, миллионы убитых, искалеченных, оставшихся без крова над головой. Первомай – радостный праздник Весны, Любви, Труда, Дружбы народов. В этом году он окрашен величайшим событием мирового значения – полетом в Космос нашего соотечественника Юрия Алексеевича Гагарина. Эта большая победа нашего народа на мирном поприще. Поэтому мой первый тост: за выдающийся успех советских ученых, инженеров, техников, рабочих, сотворивших великое чудо – впервые в мире построивших и отправивших в космическое пространство пилотируемый корабль, за первого космонавта!

Тост Александра Федоровича все дружно поддержали. Завязалась непринужденная беседа о гагаринском полете, о текущих событиях. Возникавшие паузы заполняла Клавдия Николаевна, напоминая гостям о том, чтобы они ели.

– Кушайте, кушайте, мои дорогие, вас еще ждет мое фирменное блюдо – лангет! – весело разливалась она, используя минуты затишья за столом.

Александр Федорович, умело поддерживая беседу, смотрел, чтобы рюмки у всех были наполнены, и каждый, при желании, мог пригубить ее, не дожидаясь общей команды. Но вот настало время, и он предложил тост за Великую Победу над фашистским агрессором, за тех, кто не вернулся с

поля брани в 1941–1945 гг. Этот тост, воспринятый молча всеми, нашел своеобразное продолжение в установившейся щемящей тишине. Первым не выдержал ее Вадим:

– Александр Федорович, какие события из фронтовой жизни наиболее памятни вам?

– Какие события наиболее памятни? – переспросил он и на какое-то мгновение задумался. – Да всю войну невозможно забыть, тем более что прошло так мало времени после нее, не успели еще зарубцеваться раны телесные, а уж тем более – душевные, – начал Александр Федорович. – Разве можно забыть первые месяцы войны, когда приходилось буквально бежать, не выдерживая натиска многократно превосходящих сил вооруженного до зубов противника. Несколько раз наше подразделение попадало в окружение, но удавалось без больших потерь выходить из него. Правда, один раз еле пробились. В нашем батальоне после ожесточенного боя осталось всего 20 человек. Остальные погибли. Большие потери понесли и другие подразделения дивизии. Нашему отступлению, казалось, не будет конца, и это убивало всякую надежду на победу в войне. Некоторые не выдерживали психологического давления, порождаемого поражениями в боях с наседавшим противником и бесконечным отступлением, бежали с поля войны или сдавались в плен врагу. Вера в победу стала пробуждаться после московского военного парада 7 ноября 1941 года. Узнали, что и Сталин в Москве находится, а значит – не все потеряно. После разгрома немцев под Москвой вера в нашу победу укрепились, воевать стало легче. В поднятии боевого духа бойцов, знаете, большую роль играли наша литература, искусство. Я до сих пор хорошо помню стихотворение, которое тогда, на фронте, помогало мне, да и другим, переносить все трудности фронтовой жизни, больше думать не о смерти, а о предстоящей мирной жизни. Вот оно. И Александр Федорович, сделав глоток коньяка, принялся декламировать стихотворение.

«...Пройдет война, и зарастут воронки
Зеленой идилической травой,
И защечечет жаворонок звонко
Над полосой, когда-то фронтовой...
Расскажем детям мы, как шли когда то
Солдатами в разведку на заре,
И прошлое припомнится как дата
В оборванном давно календаре...».

Александр Федорович замолчал, видимо, вспомнилась ему фронтовая жизнь. После небольшого раздумья оживился:

– Наверное, вы подумали, что стихотворение по духу и содержанию относится к послевоенному времени? Нет, оно написано в 1943 году. Его автор – Илья Лапшин. До окончания оставалось еще два года, а мы уже

считали себя победителями. И поэт, как видите, хорошо выразил это настроение солдат в своем стихотворении.

– У вас, Александр Федорович, были, наверное, и ранения? – как-то несмело спросила Вероника.

– Были, конечно. На войне без этого не обходится. Редкий случай – если повезло избежать ранения. Первый раз меня зацепило в битве под Москвой, второй – в боях за освобождение Орла. Тяжелое ранение получил в Польше, у деревни Герасимовичи в июне 1944 года. Там, кстати, совершил свой подвиг наш уралец Григорий Кунавин, парторг роты. Он повторил подвиг Александра Матросова – закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и тем самым дал возможность нашим бойцам при меньших людских потерях освободить деревню. Меня ранило на подступах к Герасимовичам еще до того, как Кунавин принес себя в жертву во имя сохранения жизни не менее сотни наших бойцов. Мы воевали с ним в одной 307-й стреловой дивизии, правда, были в разных подразделениях. Знали друг друга как земляки, иногда встречались. Хороший был мужик, погиб в возрасте 40 лет. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Я тоже получил награду за бой под Герасимовичами – орден Отечественной войны второй степени. После ранения – фронтовой госпиталь. В военном госпитале в Москве, где мне пришлось долечиваться, встретил 1945 год – год победный. Прослушав утешительную оперативную сводку от Советского информбюро за 31 декабря, мы с другом, тоже находившимся на излечении, остограммившись – благо медсестренка раздобыла немного спирта для нас, – запели песню «Наш тост». Я сейчас напомним ее вам. Жень, сядь-ка за пианино.

Александр Федорович вышел из-за стола, подошел к пианино, подождал, пока дочь подберет нужную ноту, слушающая бессловесное мурлыканье отца, и, когда зазвучала мелодия песни, он затянул густым басом:

«Если на празднике с нами встречаются
Несколько старых друзей,
Все, что нам дорого, припоминается,
Песня звучит веселей.
Ну-ка, товарищи, грянем застольную,
Выше стаканы с вином!
Выпьем за Родину нашу привольную,
Выпьем и снова нальем.
Выпьем за русскую удаль кипучую,
За богатырский народ.
Выпьем за армию нашу могучую,
Выпьем за доблестный флот.
Встанем, товарищи, выпьем за гвардию –
Равной ей мужества нет.

Тост наш за Сталина, тост наш за партию,
Тост наш за Знамя побед!»

– Вот эта песня, – закончив пение, сказал Александр Федорович. – Правда, я давно ее не слышал по радио.

– Кто же сегодня ее будет передавать по радио, – отозвалась Женя. – Ты разве забыл, что Сталин сейчас не в моде, он чуть ли не враг народа!

– Не знаю, для какого народа он враг, – усомнился Александр Федорович. – Для меня и тех, кто побывал в пекле войны, вдоль нахлебался фронтовой жизни, Сталин – Верховный Главнокомандующий. С ним мы переживали горечь поражений, с ним же испытали сладкую радость Великой Победы! Что же касается необоснованных репрессий в 30-е годы – время рассудит, кто был прав, а кто – виноват, история расставит все на свои места.

Володя, чтобы прекратить дальнейший разговор на болезненную тему, предложил послушать Вадима, пережившего в Белоруссии вражескую оккупацию.

– Папа рассказал о наиболее памятных событиях из своей фронтовой жизни, а Вадим вспомнит о том, что больше всего ему запомнилось из его жизни во время оккупации. Белоруссия, вы знаете, в числе других западных территорий нашей страны временно находилась под властью гитлеровцев, – напомнил Володя.

Вадим не ожидал такого поворота в разговоре и даже немного растерялся, не зная, с чего лучше начать. Но увидев, что на него обратили внимание все присутствующие и, конечно же, Люда, он, не раздумывая, изрек:

– Я был маленький, помню лишь отдельные эпизоды конца войны. Знаю о том страшном времени больше из рассказов матери.

– Что тебе больше всего запомнилось из того времени? – спросил Володя, втягивая друга в продолжение разговора.

– Запомнились больше всего страх и голод, слезы родных и близких.

Ответив на вопрос, Вадим понял, что от него ждут чего-то большего. И он начал свой рассказ. – Страх и голод сопровождали все время, пока продолжалась фашистская оккупация Белоруссии. Возможно, не удалось бы и выжить, если бы наша деревня не оказалась в партизанской зоне, в которой поддерживалась советская власть. В ней действовала партизанская бригада «Железняк», не допускавшая в свою зону карателей, обеспечивавшая безопасность местного населения, в основном детей, женщин и стариков, срывавшая фашистские планы по отправке молодежи на работу в Германию. Бригада «Железняк» в основном состояла из местных жителей. Немцы не раз предпринимали попытки ликвидировать партизанскую группировку и установить в этой зоне свой контроль. Очередная такая попытка была предпринята в мае – июне 1943 года. На борьбу с партизанами немецкое командование бросило огромные силы. После ожесточенных боев карателям уда-

лось временно вытеснить партизан из их зоны и устроить расправу над местным населением за их сотрудничество с партизанами. Спасаясь от немцев, жители нашей деревни ушли в лес. Мать до сих пор не может забыть то июньское раннее утро, когда от немецких пуль погибло более половины односельчан. А было это так. Уйдя из деревни в лес, люди, как смогли, в нем переночевали, а рано утром, чуть только-только занялась заря, развели костер: надо было обогреться – ночь, хотя и июньская, была прохладная, и приготовить кое-какую еду. Но поесть не успели. Кто-то крикнул: немцы! Люди стали вскакивать и убегать, куда глаза глядят. Мать подхватила меня и что есть мочи побежала прочь от костра. И я помню, как за спиной у нас раздавался треск автоматных очередей. Рядом засвистели пули, рассекая ветки кустов, впиваясь в кору сосен и елей. Упал скошенный пулей, бежавший впереди нас мамин дядя Ефим – ему было за семьдесят; мать тоже упала вместе со мной; дальше мы ползком добрались до большой кучи хвороста и каким-то чудом забрались под нее; стрельба из автоматов то приближалась, то удалялась и скоро затихла совсем. Мы лежали тихо, не шевелились. Поднялось солнце, и стало жарко. Мне сильно захотелось пить. Мать шептала: потерпи, сынок, вот наступит ночь, мы отсюда выберемся, найдем воды и попьешь. Но до ночи было еще далеко. Где-то около полудня мы услышали шум приближающейся толпы. Когда она оказалась совсем рядом с нашим укрытием, отчетливо стали слышны окрики на немецком языке и плач женщин и детей. Мать поняла: немцы гнали пойманных жителей нашей деревни, которые не смогли убежать и спрятаться. Одна женщина (мы поняли, что это женщина, по ее плачу) споткнулась и упала совсем близко от нашей кучи хвороста. Я почувствовал, как мать вся задрожала от страха, ее дрожь передалась и мне. Она зажала своей рукой мой рот, чтобы я не смог издать ни малейшего звука, могущего выдать нас. Тем временем женщина под крики карателей поднялась и двинулась за удалявшейся толпой. Наконец, все затихло, но мы, боясь немцев, которые, возможно, продолжали бродить по лесу, молча, не шевелясь, оставались лежать под кучей хвороста остаток дня и всю ночь. Только рано утром решились выбраться из своего укрытия. А когда выбрались – увидели недалеко проходивших односельчан. Мать попыталась крикнуть, но не получилось – у нее пропал голос. Тогда я заорал, как мог. Они нас заметили и подошли к нам. Немножко отдохнув, вместе пошли искать живых и мертвых жителей нашей деревни. Поиски вели весь день. Нашли больше мертвых, чем живых. Мертвых, а среди них был и дядя Ефим, временно похоронили у опушки леса, завернув трупы в еловую кору. Те, которые не смогли убежать и спрятаться, как мы позже узнали, карателями были заживо сожжены с десятками других людей в соседней деревне.

– Да-а-а, – тяжело вздохнула Клавдия Николаевна. – Много горя принесла нашим людям война. Мы тут, в Свердловске, не знали такого страха, но, ох, как тяжело было: голод, холод, болезни каждодневно угрожали нашей жизни. Помогали выживать людская доброта, соседская взаимная

поддержка. Мы до войны жили на улице Восточной. У нашего дома был большой двор, где обычно играли ребяташки. Во время войны жильцы дома его раскопали, сделали из него огород и стали вместе в нем сажать и убирать картофель, свеклу, репу, морковь. Получали мы, конечно, и продуктовые карточки: я получала рабочую карточку, а на Женьку в Вовку давали иждивенческие. Помогали, чем могли, родители Саши. Они жили в деревне, были уже старенькие. Отца Саши Федора на фронт не взяли, хотя и ходил в военкомат, чтоб записаться в добровольцы; но ему сказали: здесь тоже фронт. И вскоре его назначили председателем колхоза. Когда Федор Алексеевич узнал, что у него кроме внучки Жени появился еще и внук Владимир, а Вова родился 8 декабря 1941 года, он стал привозить нам каждую субботу немного молока. Это спасло Вовку, да и Женьку, от болезней и смерти. От недоедания в войну много детей умирало. Вот так выживали. Ждали писем с фронта. Они приходили нечасто. А если кому-то из жильцов нашего дома приходили похоронки, то все вместе переживали и плакали. Для меня и Женьки, а ей было шесть лет, и она все понимала, письма папы с фронта были большой радостью, которой жили мы месяцами. Саша о своих ранениях нам не писал, больше спрашивал, как дети, и просил их беречь; писал также, что врага скоро добьем, война закончится нашей победой, и заживем лучше прежнего. Слава богу, его надежды сбылись. Он вернулся домой летом 1945 года, получил высшее образование и теперь работает инженером на хорошей должности.

– Трудно сказать, кого война не коснулась в нашей стране, какая семья не испытала горечь потерь родных и близких на фронте, в партизанской войне против карателей на оккупированной врагом территории, в нашем тылу, принесшая советским людям немало горя и страданий, – резюмировал Александр Федорович, внимательно выслушав Вадима и свою жену Клавдию Николаевну. – Мы до сих пор не сосчитали наши людские потери; до сих пор не похоронили по-людски всех погибших, ничего не знаем о судьбе пропавших без вести. Мы лишились цвета нашего общества. Я не знаю, кто будет строить коммунизм, если его истинные создатели новой жизни сложили свои головы в жестокой войне с вероломным врагом, а новые – еще не появились, и не выросли. Давайте помянем всех, кто погиб, защищая свою Родину, и не будем их забывать. Пусть они останутся последними жертвами во имя жизни и счастья людей! А победы наши пусть будут добываться не на поле брани, а на поприще мирного созидательного труда и будут такими же впечатляющими, как нынешний героический полет в космос Гагарина!

Пока Александр Федорович произносил свой проникновенный тост, Клавдия Николаевна успела подать на стол обещанное свое фирменное блюдо.

– Лангет! – громко объявила она с каким-то свойственным ей задором и пояснила: – Это отбитые ломтики говядины, посыпанные перцем и со-

лю и поджаренные в масле. Они политы специально приготовленным соком. Гарнир – жареный картофель. Угощайтесь, дорогие гости!

И хотя гости были уже сыты от употребления холодных закусок, однако никто из них не отказался от лангета. Вадим тоже, приняв очередную рюмку коньяка, принялся за неведомое ему блюдо. Оно оказалось на редкость вкусным. Привыкший в армии быстро есть, он сейчас не торопился, наслаждался едой, посматривал, как соседи по столу управляют с этой вкуснятиной. То же самое делала и Людмила, о чем-то тихонько разговаривая с Клавдией Николаевной. Вадим во время застолья не упускал случая, чтобы перебраться с ней взглядом и получить ее дружескую ободрительную улыбку. Вот и сейчас она, почувствовав его пристальный взор, посмотрела на него своими сияющими глазами и продолжила беседу со своей тетей.

На какое-то время установившуюся за праздничным столом тишину, вызванную поглощением лангета, нарушила Женя:

– Давай-ка, Вероника, споем нашу, студенческую, песенку!

– Вероника и Женя учатся на четвертом курсе географического факультета нашего пединститута, – шепнул Володя Вадиму.

Вероника подошла к пианино, села на стул, быстро подобрала нужную мелодию и запела:

«Я не знаю, где встретимся...».

Песню подхватила Женя, их голоса слились и красивая мелодия, подкрепленная незатейливыми словами, заморозила всех сидящих за столом.

«Где сойдемся с тобой,
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...»

Не удержавшись, стали подпевать Людмила, Александр Федорович, Володя и Вадим. Лишь Клавдия Николаевна оставалась внимательным слушателем. Скоро она незаметно вышла из гостиной комнаты...

Праздничное застолье продолжалось до глубокого вечера. Перед тем как расходиться, по настоянию Клавдии Николаевны, гости занялись чаепитием. Она подала к чаю хворост, приготовленный ею же.

* * *

О гостеприимстве Островцевых Вадим и Людмила перемолвились, направляясь к троллейбусной остановке. Особенно их покорили не праздничное угощение, а внимательное отношение Александра Федоровича и Клавдии Николаевны друг к другу и к детям.

– Вот так должны строиться семейные отношения в коммунистическом обществе, – прижимая к себе Людмилу, выдал Вадим. – Мы же с тобой, не дожидаясь светлого будущего, будем так строить нашу семейную жизнь,

чтобы в ней царили взаимная любовь и уважение, чуткость, честность, постоянная ненавязчивая поддержка и помощь друг другу, забота о детях.

– Ты никак мне делаешь предложение стать твоей женой? – со значительной долей иронии воскликнула Людмила.

– А почему бы и нет, – отозвался Вадим. – Нам уже пора наши встречи перевести в более определенное русло.

– Знаешь, дорогой мой, такое предложение девушке делают не во хмелю, а на трезвую голову. Женитьба и замужество – дело серьезное.

Вадим и в самом деле чувствовал себя сильно захмелевшим. Он не считал, сколько рюмок коньяка выпил, его рюмка все время, стараниями Александра Федоровича, оказывалась наполненной, а он, в знак уважения к фронтовику, не задерживаясь, опрастывал ее.

Было уже поздно, троллейбусы ходили редко. Подойдя к остановке, на которой не было ни души, Вадим не без сожаления произнес:

– У нас с тобой, как минимум, три варианта, как добраться до Уктуса: мучительно ждать здесь троллейбуса, ловить ночную тачку, топать на своих двоих.

– А ты какой предпочитаешь вариант?

– Топать, а по пути воспользоваться либо такси, либо троллейбусом – что подвернется.

– Хорошо, – согласилась Людмила. – Только вот дождик накрапывает.

– А у меня есть зонт! – Вадим с благодарностью вспомнил парторга завода, который очень кстати ему оставил свой зонт. Раскрыв его теперь и укрывшись под ним вместе с подружкой, он еще сильнее прижал ее к себе, и они не спеша пошли по улице Белинского в Уктус.

Глава тринадцатая

Хотя Вадим Андреевич и проголосовал в поддержку пятого по счету проекта «Договора Суверенных Государств» на митинге, проходившем в заводском Дворце культуры, но при этом сомнение, что он будет подписан всеми участниками переговорного процесса, не покидало его. Слишком далеко зашли в своих властных и сепаратистских амбициях при попустительстве Президента СССР Горбачева «высшие руководители» союзных республик. После августовских событий он фактически оказался их пленником и без особого сопротивления соглашался со всеми их требованиями. Обращение Съезда народных депутатов РСФСР 2 ноября 1991 года к гражданам Беларуси, России и Украины «сделать хотя бы шаг, одно усилие, чтобы предотвратить национальную катастрофу народов Белоруссии, России, Украины», явилось не более чем «гласом вопиющего в пустыне» (1). Народы не только славянских, но и других союзных республик вяло реагировали на антиконституционные действия своих руководителей и тем самым позволяли им реализовывать пагубные для страны решения. Особую ретивость

проявляет Президент России Борис Ельцин. В своем выступлении на Всероссийском съезде судей 17 октября 1991 года он убеждал присутствующих, что «Россия никогда не выступит инициатором развала Союза» (2). А спустя несколько дней, в обращении к народам России, к Съезду народных депутатов Российской Федерации, он заявил по-другому: «Россия не допустит возрождения и нового командного центра, стоящего над ней и другими суверенными государствами (т. е. бывшими союзными республиками). Она станет гарантом того, что диктата сверху уже не будет... Если же этот процесс по каким-либо причинам закончится неудачей, Россия сможет взять на себя ответственность правопреемницы СССР» (3).

Под прикрытием убаюкивающих народ заявлений своего Президента российское руководство торопливо, не дожидаясь каких-либо дополнительных согласований с руководителями союзных республик, переподчиняло себе союзные структуры управления и присваивало союзную ответственность (4). А это подталкивало тех в срочном порядке искать и принимать адекватные решения. Быстрее других республиканских лидеров воспользовался ельцинскими великороссийскими устремлениями властолюбивый сепаратист Президент Украины Кравчук. Инициировав в своей республике референдум 1 декабря 1991 года с целью пересмотра итогов Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года, во время которого 70,2% украинцев высказались за сохранение Советского Союза «как обновленной федерации равноправных суверенных республик», он, мотивируя свое неучастие в дальнейших переговорах по созданию Союзного государства, заявил: «Как кандидат в президенты я исключал возможность подписания Союзного договора. Теперь мою позицию поддержали 92,3% населения Украины, т. е. 31 млн человек, и как Президент я буду твердо придерживаться этого пункта своей программы» (5).

Вадим Андреевич, отслеживая и анализируя происходящие события в стране, был немало удивлен проведенным сепаратным референдумом на Украине и, особенно, его результатами. Зачем понадобился Кравчуку новый референдум – понятно: добиться у украинского народа дополнительной подпорки своих президентских амбиций. А вот почему украинцы за каких-то семь месяцев так радикально поменяли свои взгляды – с Союзного государства на «самостийность» Украины – большой вопрос? Массированная националистическая обработка населения или пугающие разнуданные действия российского Президента? А может, то и другое?

Чтобы теперь ни говорили, ни предполагали, реальность такова: украинцы сказали «нет» Союзному государству. До сознания и сердца народа Украины не достучался страстный призыв российских парламентариев сделать хотя бы шаг, одно усилие для спасения гибнущего Советского Союза. А что предпримут белорусы в сложившейся ситуации?

Для Вадима Андреевича складывающаяся обстановка в Белоруссии была небезразличной, потому что она – его малая Родина. В Белоруссии он родился, мальчишкой испытал ужасы войны, голод, пошел в школу и окончил девять классов, пережил первое чувство неразделенной любви.

Судьба так распорядилась, что ему пришлось покинуть Беларусь – родители переехали на постоянное местожительство в Кемеровскую область. И вот почти уже сорок лет живет в России. Она приняла его хорошо, стала второй Родиной.

Где бы ни находился и чем бы ни занимался Вадим Андреевич – неся службу в армии, работая на заводе, получая высшее образование, занимаясь научно-педагогической деятельностью и даже находясь дома, с семьей, – всегда интересовался жизнью Белоруссии. Радовало то, что республика, больше всех пострадавшая от фашистского нашествия, довольно быстро при поддержке братских народов Советского Союза залечила тяжелые раны войны и успешно продвигалась по пути социально-экономического и культурного прогресса (6). И успехи эти обеспечивались под руководством Компартии Белоруссии. Белорусам явно везло, что среди руководителей компартии и республики были такие убежденные коммунисты, как Пономаренко, Мазуров, Машеров. Вадиму Андреевичу приходилось не раз в студенческой аудитории приводить их в пример как деятелей, для которых коммунистические идеалы, как и построение общества на принципах справедливости, равноправия, коллективизма и дружбы народов были смыслом жизни.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он возглавлял партийную организацию Белоруссии в самое сложное время – в 1938–1947 гг. При его непосредственном участии в республике создавались индустрия, коллективное сельское хозяйство, развивалась белорусская культура. Русский по национальности, он прилагал максимум усилий по превращению Белоруссии в развитую индустриально-аграрную республику с самобытной национальной культурой. Ему как первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии пришлось пережить и понести свою долю моральной ответственности за допущенные просчеты, ошибки, нарушения законности в процессе модернизации республики. Во время Великой Отечественной войны Пономаренко, являясь членом Военного совета ряда фронтов, начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК, проявил сполна свои военные дарования. В конце войны и в первые, особенно трудные, послевоенные годы возглавил белорусское правительство.

В мирное время Пономаренко, какие бы ни занимал должности, какие бы ни испытывал трудности и неприятности в своей работе, не ронял чести и достоинства коммуниста, максимум отдавал себя созидательной деятельности. Видимо, неслучайно Сталин, учитывая деловые и бойцовские

качества коммуниста Пономаренко, предлагал незадолго до своей кончины назначить его председателем Совета Министров СССР, однако не получил поддержки в Президиуме ЦК КПСС (7).

Кирилл Трофимович Мазуров. Он стал руководителем республиканской партийной организации, пройдя суровые жизненные испытания: фронт и ранение; ведение непримиримой партизанской и подпольной борьбы против гитлеровских захватчиков на территории оккупированной родной Белоруссии в годы Великой Отечественной войны; неустанная работа в роли комсомольского вожака и партийного руководителя по возрождению мирной жизни и восстановлению народного хозяйства в республике после войны. Почти десять лет, с 1956 по 1965 гг., – напряженная деятельность в должности первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. В эти годы республика, преодолев тяжелейшие последствия войны, успешно выходила на новую траекторию развития. Появились первые химические предприятия, осваивалась такая новая отрасль, как нефтедобыча. Ускоренно развивались приборостроение, электроника, радиоэлектроника, машиностроение, металлообработка. В основном завершилось создание белорусской энергетики. Были электрифицированы почти все колхозы и совхозы. Менялась к лучшему ситуация в сельском хозяйстве. Образование, наука, культура выходили на новые рубежи развития. Общественно-политическая жизнь в республике становилась более многогранной и содержательной. Успехи Белоруссии подтверждали грамотную и целеустремленную деятельность ее партийного и государственного руководства, включая, разумеется, первого секретаря ЦК Компартии республики Мазурова. Его как опытного и принципиального партийного и государственного деятеля пригласили на работу в Москву, на должность первого заместителя председателя Совета Министров СССР. В 1966 году XXIII съезд партии избрал Мазурова членом Политбюро ЦК КПСС.

В 1988 году в своей книге «Незабываемое» К. Т. Мазуров, итожа свой жизненный путь, писал: «Жизнь сложна и отнюдь не похожа на романтическую идиллию. У людей разные характеры, и даже любящие друг друга порой по-разному смотрят на те или иные проблемы, но при этом мы глубоко уважали друг друга и всегда были единомышленниками в главном – в ответственности перед семьей, перед обществом.

Как говорится в притче: посади в своей жизни дерево. Мы посадили не одно дерево и воспитали детей, которые честно трудятся, выполняя свой долг перед государством, народом. Трудолюбием и скромностью мы добивались высокого звания – коммунист» (8).

О трагической гибели первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова в автокатастрофе советские люди узнали из средств массовой информации. Это случилось 4 октября 1980 года недалеко от Минска при возвращении из очередной поездки по республике (9). Переживали тяжелую утрату не только в Белоруссии, но и в других республиках

Союза. Для Вадима Андреевича, как и для многих советских людей, гибель Машерова стала не только трагедией, но и большой загадкой: как белорусские спецслужбы не уберегли своего «Мироныча» – Героя Советского Союза, Героя Социалистического труда. Прославленный партизан, так много сделавший для республики, почитаемый не только в Белоруссии, но и во всей многонациональной стране – и такая нелепая смерть (9).

Размышляя о Пономаренко, Мазурове и Машерове, их беззаветном служении своему народу как в годину испытаний жестокой войной, так и в годы мирного созидания, Вадим Андреевич невольно задавал себе вопрос: окажись кто-то из них на месте Горбачева или Ельцина, то как поступил бы в сложившейся непростой ситуации? Бросил родную партию на произвол, как сделал один, запретил ее, как это учинил другой? И ответ напрашивался однозначный: ничего подобного никто из них не допустил бы. Почему? Потому что их партийность, патриотизм, чувство дружбы с другими народами Страны Советов прошли суровые испытания в годы жестокой войны и закалились в мирном, не всегда легком, созидательном труде. Да и перестройка, при руководстве ею кем-то из них, скорее всего, осуществлялась бы спокойно, без лишней политической трескотни, в интересах людей, не ставя их в положение нужды и выбора.

Деловая и бескорыстная деятельность высшего партийного и государственного руководства республики не давала белорусам поводов для недоверия к ее руководителям, их порядочности и честности. Поэтому и перестройка для них, как казалось, станет делом обыденным, без всяких потрясений, и жизнь станет еще лучше. Однако развернувшиеся события в общегосударственном Центре не могли обойти стороной и Белоруссию как одну из республик, входящую в состав Советского Союза. Общественно-политическая жизнь в республике стала постепенно выходить из привычного делового и спокойного состояния по мере разворачивания перестройки с ее гласностью в стране. Принятая 12 июня 1990 года I-м съездом народных депутатов РСФСР «Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» буквально взорвала спокойный процесс демократизации белорусского общества. Уже 27 июля 1990 года Верховный Совет БССР тоже принял аналогичную Декларацию о государственном суверенитете республики. Но при этом белорусские парламентарии проявили определенную сдержанность: статус конституционного закона Декларации они придали только 25 августа 1991 года поле известных августовских событий в стране. Одновременно было принято решение о приостановлении деятельности КПБ – КПСС и национализации партийной собственности. С уходом с политической арены Компартии Белоруссии на ее место рванули разношерстные группировки, партии со своими амбициями и претензиями на власть (10).

Вадим Андреевич, следя за событиями в Белоруссии с помощью СМИ, все больше убеждался, что республику также настигает национа-

лизм, идет раскол белорусского общества. Понимают ли это народные депутаты Белоруссии, откликнутся ли они на обращение российских парламентариев «сделать хотя бы один шаг, одно усилие, чтобы отвести беду, готовую обрушиться на народы братских республик». Украинцы не услышали эту мольбу народных депутатов России, дав «добро» на полную государственную независимость Украины на своем референдуме. Как поведут себя белорусы? Пока у них никакого референдума не намечается. Многое зависит, конечно, от главы белорусского парламента. А им недавно стал Шушкевич, сменив на этой должности Дементя. Кто такой Станислав Шушкевич? Коммунист-прагматик или демократ-националист?

Не имея ясного ответа на возникший вопрос, Вадим Андреевич тем не менее склонялся к тому, что Шушкевич, если займет принципиальную позицию, может содействовать подписанию пусть и не всеми участниками договорного процесса Союзного договора и тем самым предотвратить полный распад Союзного государства. Ведь он же не может не понимать, что без прочного союза с Россией и другими республиками невозможно будет обеспечить дальнейшее успешное развитие Белоруссии, не располагающей достаточными природными ресурсами. Да и белорусский народ прекрасно понимает, что огромные успехи, которых он добился в предшествующие годы, стали возможны благодаря тесному взаимному сотрудничеству с братскими народами Советского Союза. Поэтому в своей массе белорусы не являются противниками Союзного государства. Исходя из белорусских реалий и их понимания, Шушкевич при переговорах с Ельциным и Кравчуком – главными противниками Союзного государства, просто обязан добиваться, чтобы и тот и другой поубавили свои сепаратистские рвения, граничащие с великодержавным национализмом, чтобы хорошо они подумали о ближайших и отдаленных последствиях своих антисоюзных действий.

Вадиму Андреевичу хотелось верить, что Шушкевич так или примерно так и поступит в переговорах со своими коллегами, спасет гибнущую сверхдержаву и что он своей ответственной дальновидной деятельностью в новых условиях займет достойное место в в ряду таких руководителей Белоруссии, как Пономаренко, Мазуров, Машеров.

* * *

Методический семинар открыл Михаил Павлович Селянинов:

– Как договорились, сегодняшний семинар посвятим недавним событиям в стране, вызывающим наибольшую обеспокоенность за наш завтрашний день. Это – путч и запрет КПСС. Наверное, со мной согласитесь, что эти два события нельзя рассматривать вне перестройки, ибо они – ее результат. Мы с вами условились, и я хочу повторить, что никаких обязывающих преподавателей решений принимать не будем, просто обменяемся мнениями, чтобы самим лучше понять происходящее в стране. Специаль-

ных докладчиков мы не назначали, каждый из вас волен высказать свои соображения по обсуждаемым вопросам.

Окинув взглядом присутствующих, Михаил Павлович задержался на Турчаке:

– Ну что же, Леонид Федорович, начнем с вас, если, конечно, не возражаете?

– Да нет, я готов.

Турчак поднялся, поправил свою рыжую шевелюру и, разложив на столе несколько собственных выписок, стал излагать свое видение происходящих событий:

– Я не буду останавливаться на той кризисной обстановке, сложившейся в стране к началу 80-х гг., и почему нужна была перестройка. Вы это хорошо знаете. Напомню лишь, с каким энтузиазмом наш народ встретил избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. Престарелое и больное Политбюро ЦК КПСС (средний возраст 75 лет) вызывало юмор у советских людей. Смерть руководителей партии и страны и их пышные похороны на Красной площади народ назвал «гонкой на лафетах» (11). 54-летний новый лидер партии, его первые энергичные выступления породили большие надежды на скорые положительные перемены в жизни общества. Где-то за две недели до апрельского (1985 г.) пленума Горбачев, выступая на встрече в ЦК с рабочими и колхозниками, впервые употребил слово «ускорение» (ускорение научно-технического прогресса) как путь решения назревших проблем и прежде всего в экономике. Свою мысль об «ускорении» он представил на апрельском пленуме уже как концепцию ускорения социально-экономического развития страны на основе использования новейших достижений науки и техники. В качестве главной отрасли, которую надо было в первую очередь реконструировать, определялось машиностроение, поскольку к 1985 году примерно треть оборудования машиностроительных предприятий устарела. Технически переоснастив машиностроение как базовую отрасль научно-технического прогресса, можно было приступить к модернизации всего народного хозяйства. На реконструкцию машиностроительного комплекса выделялись огромные финансовые средства – около 200 млрд рублей. Вот, собственно, в чем суть первоначально задуманной и сформулированной Горбачевым перестройки. На апрельском пленуме слово «перестройка» прозвучало только дважды, да и то применительно к экономике. Тотальная перестройка и гласность начались, как вы знаете, через пару лет, когда «ускорение» не давало желаемого результата. Почему концепция ускорения не сработала в ее первоначальном замысле?

Турчак озвучил этот вопрос скорее для того, чтобы обратить внимание присутствующих на занятую им здесь позицию. И, не задерживаясь, стал ее излагать: – Концепцию ускорения в первоначальном варианте могла постигнуть та же судьба, что реформы Хрущева и Косыгина, которые не

затрагивали саму командно-административную систему, и по этой причине они являлись половинчатыми, а результаты их, в чем-то даже поначалу положительные, оказывались временными. Чтобы подобного не случилось, Горбачев должен был пойти дальше – не только ставить и решать задачи по ускоренному созданию современной, технически развитой экономической базы, но и обеспечить перестройку на демократических принципах, всю систему партийной и государственной власти, т. е. фактически осуществить демонтаж сталинской модели социализма в нашей стране. Разумеется, на XXVII съезде КПСС так открыто эта задача не ставилась, но если вдумчиво проанализировать Политический доклад Горбачева на нем, то такой вывод напрашивается сам по себе. Авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года подтолкнула партийное руководство приоткрыть дверь гласности в советском обществе. Январский пленум ЦК КПСС 1987 года дал «добро» гласности. Гласность хорошо раскачали руководители «Огонька» Коротич и «Московских новостей» Яковлев, помещающих в своих изданиях разоблачительные статьи о преступлениях Сталина и созданной им тоталитарной системе власти. Гриф непогрешимости советской власти и ее руководящего ядра партии хорошо снимали и продолжают снимать публикуемые ранее запрещенные произведения эмигрантов и репрессированных писателей, таких как Солженицын, Набоков, Пильняк, Шалимов, Ходасевич и другие авторы (12). В итоге социалистическая мотивация советских людей, «совков» размывается; вместо нее идет процесс внедрения в советское общество либеральных ценностей. Под давлением сформировавшейся в условиях гласности оппозиции руководство КПСС пошло на реформирование политической системы. Пустые полки в магазинах и осуждение в СМИ советской системы власти как антидемократической привели к тому, что наш народ в своей массе отказал КПСС в поддержке и сейчас, судя по всему, пока занимает выжидательную позицию.

– Леонид Федорович, – не выдержал Вадим Андреевич, – слушая вас, невольно складывается впечатление, что перед нами выступает не иначе как сам Ричард Пайпс, самодовольно излагая в мягкой форме свою антисоветскую позицию по поводу разрушительных событий в СССР. Слушайте, какие термины вылетают из ваших уст: «тоталитарная система власти», «командно-административная система», «совки» и иные хлесткие выражения, почерпнутые из арсеналов западной советологии. Откуда у вас такая неприязнь к партии, да и ко всему советскому? Вы же историк, причем историк КПСС!

– Вадим Андреевич, историки, в том числе и историки партии, более-менее думающие, начинают понимать, что история КПСС является вовсе не наукой, а неким ее подобием, обслуживающим политическое господство КПСС. Поскольку время ее правления в нашей стране подошло к концу, то и история КПСС как обязательная вузовская дисциплина потеряла свою актуальность. Что касается самой партии, могу сказать: она утратила свой сози-

дательный порыв, свою боевитость, бюрократилась, стала аппаратной структурой, пристанищем для разного рода приспособленцев и казнокрадов. Отсюда ее неспособность провести разумную перестройку в стране.

– По поводу истории КПСС как науки и самой партии в жизни нашего общества, Леонид Федорович, можно спорить с вами до посинения. А вот зачем унижать наше советское время модными сегодня словечками, сознательно или бессознательно оскорбляя этим простых советских граждан, – это не делает вам чести, уж тем более не повышает ваш научный уровень, – спокойно возразил Вадим Андреевич.

– А ему, как и всем новоявленным дерьмократам, наплевать на советское время! – бросил Войнов.

– Никто не плюет на советское время, речь идет о партии, которая завалила собственную программу построения коммунистического общества, а сейчас – и перестройку, – парировал Турчак.

Начавшуюся перепалку между преподавателями остановил заведующий кафедрой:

– Давайте будем более спокойно обсуждать вопросы перестройки. Как вы понимаете, они достаточно болезненные.

И чтобы дать возможность оппонентам успокоиться, тут же предоставил слово для выступления Чебушеву:

– Сергей Васильевич, прошу вас поделиться своими соображениями о последних событиях в стране, вызывающих обоснованную обеспокоенность за наш завтрашний день.

– При всех недоработках и упущениях, ошибках центральных и местных партийных органов власти я не могу аплодировать по поводу запрета КПСС, – начал не спеша Чебушев. – И вот почему. Начнем с реформ. Из истории нам хорошо известно, что всякие реформы бывают успешными при следующих условиях: а) хорошо проработаны теоретически; б) имеется надежная их поддержка тем социальным слоем в обществе, интересы которого они выражают; в) целенаправленная и активная управленческая деятельность органов власти. Возьмем реформы Александра II. Они ведь неплохо были подготовлены. И тем не менее ожидаемый конечный результат не был достигнут. И не только потому, что реформатор был убит народовольцами. Реформы не имели надежной поддержки со стороны нарождавшейся буржуазии, в чьих интересах они в конечном счете и проводились. Реформы оказались зажатыми между консерваторами и радикалами и поэтому не могли быть по-настоящему развернуты и проведены. Следующий пример – НЭП. Новая экономическая политика разрабатывалась и принималась в спешке – не было времени для ее основательной проработки, требовалось быстрее возрождать экономику страны, разрушенную в годы Первой мировой и Гражданской войн; в противном случае советская власть могла бы не устоять. Да и лидер большевиков, глава Советского Правительства Ленин не мог из-за болезни сосредоточиться на

углубленной разработке всех аспектов НЭПа. Благодаря невероятным управленческим усилиям Совнаркома, большевистской партии, при поддержке рабочих, беднейшего крестьянства и коммунистически настроенной интеллигенции новая экономическая политика сработала – началось возрождение страны, смычка между городом и деревней была восстановлена, жизнь людей постепенно улучшалась. Почему НЭП был свернут в конце 20-х гг. – это отдельная тема для разговора.

Теперь обратимся к перестройке. Ее инициатором выступила КПСС – мощная сплоченная общественно-политическая организация, объединявшая в своих рядах миллионы коммунистов. В перестройке был заинтересован весь советский народ, ее массовая поддержка всем населением без исключения была гарантирована. Казалось бы, перестройка пройдет блестяще, страна, сбавившая темпы в своем развитии в годы застоя, быстро их вновь наберет и будет дальше демонстрировать мировому сообществу преимущества социализма. Но случилось невероятное. Словно после страшной войны или тяжелого природного катаклизма наша страна, сверхдержава, оказалась в разрушении и продолжает дальше разрушаться. Если бы я был глубоко верующим человеком, то взмолился: о, боже, что ты с нами делаешь! Но мы атеисты и хорошо усвоили, что всякая реальность – это творения человека или действие сил природы, космоса. Перестройка, как социалистическая по своим замыслам, не состоялась потому, что не была вовремя разработана ее комплексная программа с определением в ней конкретных мероприятий и ответственных исполнителей, этапов, сроков выполнения этих мероприятий (13). Фактически отсутствовал и должный контроль за ходом реализации намеченных мероприятий. Вот Леонид Федорович говорит, что Горбачевым после избрания его генсеком была сформулирована концепция ускорения социально-экономического развития страны. Никакая это не концепция, это был лозунг дня, который появился еще при Андропове. Под прикрытием этого лозунга предпринимаемые практические шаги походили больше на импровизацию, а не на плановые и строго просчитанные действия (14). С чего началось ускорение? С принятия ЦК КПСС 6 мая 1985 года постановления «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Но разве с этого надо было начинать ускорение? Да, проблема пьянства существовала, существует и будет существовать. Выпивка – древняя и глубоко народная традиция, и одним махом ее не искоренишь. Помните, что сказал Владимир Красное Солнышко, принимая православное христианство: «Питие есть веселие Руси; не может без того бытии». В наше время появилась поговорка: «Наши предки пили столько, что нам приходится опохмеляться». Ограничение пьянства надо было, как представляется, вести не запретительными мерами, а постепенным осуществлением целого комплекса социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий. Сокращение производства и продажи водки, уничтожение элитных виноградников

лишь обозлили народ, особенно мужскую часть населения. Что там далеко ходить: мы с вами отмечали «в сухую» день рождения Николая Александровича в «Большом Урале»; ели, пили соки и минералку, после такого застолья вышли из ресторана, как оплеванные – только живот трещал от переедания, а веселья и не было. Напомню анекдот, который до сих пор бытует: «Очередь за водкой. Один не выдерживает: Пойду в Кремль и набью Горбачеву морду. Через некоторое время возвращается: Да там очередь в два раза больше!» Я уже не говорю об убытках бюджета, понесенных в связи с резким сокращением продажи водки. Следовательно, первый практический шаг в перестройке оказался блином комом. Он породил не только анекдоты, но и сомнения у людей относительно ее правильности и способности руководителей безболезненно для народа провести реформы. Что же касается законов, направленных на реформирование экономики, то они тоже оказались далеко не бесспорными и еще больше углубляли кризис в стране (15). Возьмем закон «О кооперации в СССР». Что он дал? Разрешил организацию кооперативов, которые должны были заняться производством недостающих населению потребительских товаров, ослабив тем самым их дефицит в торговой сети. Однако этого не произошло, потому что кооперативы в отсутствие должного контроля со стороны соответствующих государственных органов занялись вовсе не производством, а выводом товаров и сырья из госсектора по фиксированным ценам в частный сектор, продавая их по свободным, рыночным ценам, получая на разнице цен огромную прибыль. Появилась возможность перевода денег со счетов предприятий в доходы частных лиц. Что получили в результате такой деятельности кооперативов? Во-первых, и, пожалуй, самое главное – разбалансированность советской экономики. Во-вторых, резкий скачок цен и многократно возросший дефицит товаров и продуктов. Дело в том, что предприятия, столкнувшись с нехваткой товаров и сырья, были вынуждены приобретать их на частном рынке по завышенным ценам и пойти, соответственно, на значительное повышение цен на выпускаемую ими продукцию. Производство дешевых товаров оказалось фактически сведенным на нет. В-третьих, появился частник – рыночник, или как сейчас его умиленно называют – предприниматель. Быстрому росту числа предпринимателей способствовало то, что бесконтрольным перетоком государственных ресурсов в частные кооперативы моментально воспользовалось все увеличивающееся число лиц, начиная от руководителей предприятий до номенклатурных работников разного пошиба. Они быстро сообразили, что кооперативы дали зеленый свет для личного обогащения. Появилась и быстро стала расширяться социальная база для реставрации капитализма в стране. Если этот процесс в таком темпе продолжится и дальше, то недалек тот день, когда капитализм у нас станет реальностью. Вот, собственно, что на практике дал закон о кооперации. Конечно, экономисты могут дать более квалифицированный анализ как закона о коопера-

ции, так и других законов, касающихся реформирования народного хозяйства. Но вывод здесь напрашивается все же один: в результате вот таких не до конца продуманных и взвешенных действий и их разрушительных последствий экономика наша сегодня находится на грани полного развала, а страна – с непредсказуемым будущим.

Далее Сергей Васильевич остановился на том, что руководство партии и правительства, не решив экономические проблемы, под давлением оппозиции, рожденной гласностью, послушно пошло на реформирование политической системы.

– До сих пор не могу понять, зачем надо было вносить в Конституцию СССР новую громоздкую, недемократическую структуру дублирующих друг друга как высших органов государственной власти – Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. На мой взгляд, в Конституцию достаточно было внести, разумеется, путем референдума, несколько, но принципиальных дополнений. Во-первых, расширить функции Верховного Совета как высшего представительного и законодательного органа страны. Во-вторых, закрепить конституционно пост главы государства (Президент или Председатель Советского Союза) с четко зафиксированными его полномочиями и порядком избрания. В-третьих, учредить Комитет конституционного надзора – органа, наблюдающего за конституционностью принимаемых законов и не допускающего никаких изменений в Конституции страны вне всенародного референдума. В-четвертых, установить альтернативность выборов всех органов государственной власти снизу доверху через каждые пять лет, включая и главу государства. В-пятых, разграничить более четко полномочия в советском обществе государственных и партийных органов власти; узаконить референдум и порядок его проведения. Вот и все!

– Жаль, что ваше мнение не учли прорабы перестройки, – снисходительно бросил Турчак.

– Если бы были внесены разумные, осмотрительные дополнения в Конституцию СССР, – продолжал Чебушев, не обращая внимания на реплику Турчака, – то удалось бы избежать всяких шараханий, быстрее организовать позитивную работу по выводу страны из кризиса и сохранить компартию как цементирующую общественно-политическую жизнь общества. А ведь что получилось? Не без ведома ЦК КПСС и его Генерального секретаря Съезды народных депутатов СССР превратили в политическое шоу. Кто-то потешался и аплодировал разнузданной на съезде критике КПСС и советского правительства, а кто-то переживал за судьбу партии и страны. Пятый внеочередной Съезд народных депутатов СССР сдал свои полномочия скоропалительно образованному неконституционному органу – Государственному совету СССР, и принял решение о самороспуске. Как говорится, «мавр сделал свое дело»: разрушил КПСС и систему советской власти. Теперь по поводу событий 19–21 августа. Как их назвать: путч ГКЧП или неудачное выступление просоветски настроенных пред-

ставителей высшего руководства страны с целью защиты советского конституционного строя? По-моему, больше подходит к определению августовских событий как их запоздалое и неудачное выступление с целью сохранения Союза и советской власти. ГКЧП потерпел поражение потому, что антисоветская волна уже захлестнула народ, и какой-то мощной поддержки от него по этой причине ждать было бессмысленно. Номенклатура же властная и партийная, и государственная в своем большинстве из-за бездействия того же Горбачева качнулась в сторону Ельцина.

– ГКЧП не смог решить свои задачи по двум причинам, – прервал рассуждения Чебушева Войнов.

– Первое, и самое главное: организаторы Государственного комитета по чрезвычайному положению не придали этому органу легитимность, т. е. не подтвердили свое решение об образовании ГКЧП соответствующим постановлением Съезда народных депутатов или Верховного Совета СССР. Второе, гэкачеписты струхнули, побоялись использовать военную силу.

– Это не совсем так, – возразил Чебушев. – Ни Съезд, ни Верховный Совет не подтвердили бы решение об образовании ГКЧП и введение чрезвычайного положения в стране без участия в их заседаниях Горбачева. Скорее всего, гэкачеписты и сделали на него ставку. Он как глава государства должен был дать «добро» на создание чрезвычайного органа, тогда бы наверняка Съезд или Верховный Совет одобрили принятое решение. Почему Горбачев отказался поддержать организаторов ГКЧП – не знаю, хотя ситуация в стране требовала решительных мер со стороны Президента, чтобы не допустить ее дальнейшего ухудшения и быстрее вывести страну из затянувшегося кризиса. Применить военную силу против оппозиции гэкачеписты не рискнули, ибо понимали, что это может привести к гражданской войне. Войска были введены в Москву в большей степени для морального устрашения российского руководства, возмнившего себя выше союзной центральной власти. Для более активных действий ГКЧП требовалась реальная широкая поддержка населения, а ее то как раз и не оказалось: народ в своей массе занимал и до сих пор занимает выжидательную позицию; рабочий класс – опора КПСС и советской власти – после его массивной антикоммунистической обработки СМИ тоже находился и находится в замешательстве. А если где-то и случались его выступления, то они уже проходили в основном под лозунгами оппозиции. Гэкачеписты не могли открыто призвать на помощь даже КПСС из-за ее сильной дискредитации и непопулярности среди значительной части населения. Вот так обстояло дело с ГКЧП. Несколько слов по поводу запрета КПСС. Это серьезная ошибка Ельцина. Он исключил из общественно-политической жизни страны в лице коммунистов наиболее активную и образованную значительную часть ее населения. С кем он будет проводить реформы, ту же программу перехода к рынку «500 дней»? С Бурбулисом и подобными ему чрезмерно амбициозными политиками, выплывшими на волне неудачной перестройки? Не полу-

чится! Их слишком мало, они не представляют ни организационно, ни идейно такой серьезной общественно-политической силы, как КПСС, способной вершить большие дела. Вдобавок они профаны в деле управления государством. Ельцин как признанный второй лидер в КПСС мог, конечно, пойти на перерегистрацию коммунистов, разделяющих его взгляды, а таких было если не большинство, то около этого, и оформление параллельной, более демократичной, компартии. Удалось бы тем самым избежать ненужного раскола общества, даже если бы в стране действовали две компартии, и успешно завершить реформы. Теперь же после запрета КПСС огромная армия коммунистов оказалась исключенной из процесса предстоящих реформ. Ельцину и его команде придется их проводить, рассчитывая только на административный ресурс и имея минимальную поддержку населения. Насколько они будут успешными – покажет время.

Как только Чебушев закончил свое выступление, слово взял Вадим Андреевич:

– В принципе я согласен с тем, о чем здесь говорил Сергей Васильевич. Хочу лишь внести кое-какие дополнения. Да, перестройка была нужна. Речь шла не только и не столько об ускорении социально-экономического развития страны. Надо было перейти от модели раннего социализма, построенного в экстремальных условиях, к иной его модели, отвечающей требованиям современного технологического и культурного прогресса. Новая редакция программы КПСС, принятая XXVII съездом партии, хотя и была более реалистичной по сравнению с хрущевской программой коммунистического строительства, тем не менее оказалась нежизнеспособной. Более приземленным стало программное заявление XXVIII съезда КПСС «К гуманному демократическому социализму», в котором более-менее внятно были сформулированы основные черты новой модели социализма (16). Но это было сделано с опозданием и, более того, – под напором событий в стране, вышедших из-под контроля партии. При отсутствии научно обоснованной современной модели социализма разработка и концепции, и комплексного плана перестройки велась фактически вслепую с большой долей импровизации, а поэтому и результат получился не тот, на который первоначально рассчитывали. Еще один вопрос, на котором хочу остановиться – это судьба Советского Союза. После проведенного на Украине сепаратного референдума с вопросом о независимости Украины, в ходе которого большинство ее граждан высказались за «самостоятельность» своей республики, вряд ли будет подписан республиканскими лидерами опубликованный недавно очередной проект «Договора Суверенных государств». Президент Украины Кравчук уже заявил, что договор не будет подписывать. Пока не очень понятна здесь позиция белорусов. Возможно, они также последуют примеру украинцев и проведут аналогичный референдум. Но независимо от того, будет подписан новый Союзный договор или нет, Советский Союз как единое мощное многонациональное государство уже разрушен. Последний вариант проекта

«Договора Суверенных государств» предусматривает его расчленение на ряд мелких независимых государственных образований, связанных между собою формальными конфедеративными отношениями и декоративной центральной властью. Вот вам еще один, прямо скажем, трагический результат неудачной перестройки. А ведь в ее начале национальные отношения не рассматривались как первоочередная задача, требующая немедленного решения. Посмотрите еще раз материалы XXVII съезда КПСС, XIX партконференции.

– Да, на XXVII съезде было действительно заявлено, что разрешение национального вопроса – выдающееся завоевание социализма, – не поддержал Турчак. – Но как он был разрешен? Национально-государственные интересы республик при определении их границ не были учтены, судьбы народов решались «росчерком пера» (депортация турок-месхетинцев, чеченцев и ингушей, крымских татар, карачаевцев и балкарцев, калмыков, немцев и прибалтов), существовала привилегия русского языка и т. д. Пока действовали идеологический и цензурный пресс, везде и всюду говорилось лишь о процветающей братской дружбе наций и народностей. Как только этот пресс убрали, и наступила гласность – открылась не совсем радужная картина межнациональных отношений в СССР.

– Только не надо перекрывать имевшиеся успехи в решении национального вопроса недостатками, упущениями, фактами беззакония в отношении некоторых народов нашей страны, – вмешался в разговор до этого молчавший заведующий кафедрой Селянинов. – Об успехах надо рассказывать, а недостатки и противоправные действия в отношении того или другого народа – объяснять. История не бывает одноцветной. Сегодня в поисках «белых пятен» в отечественной истории мы старательно выискиваем негатив и сознательно или бессознательно опускаем при этом позитив. Так не должны поступать профессиональные историки, это ведет к отходу от принципа историзма, одного из основополагающих принципов исторической науки. Что касается межнациональных отношений в нашей стране – да, проблемы здесь были, а иначе и не может быть в многонациональном обществе. Но они широко не афишировались, чтобы не возбуждать у населения национализм, поскольку национальные чувства слишком болезненны. Неосторожно сказанное критическое слово с высокой трибуны в адрес нации и народности могло аукнуться не только их каким-то раздражением, но и серьезными выступлениями под националистическими лозунгами. Поэтому в официальных партийных документах, как правило, больше говорилось о позитиве, а имеющиеся проблемы в межнациональных отношениях трансформировались в виде очередных задач в этой области. И это было зафиксировано, в частности, в решениях XXVII-го съезда КПСС и XIX партконференции. Ситуация в межнациональных отношениях стала обостряться, когда во время перестройки ее стрелки перевели на национально-государственное строительство страны. И это, похоже, сделано созна-

тельно, чтобы отвлечь внимание граждан от неудач в реформировании экономики. Межнациональные отношения сегодня приобрели острый характер. Дело дошло до кровавых столкновений на национально-этнической почве.

Михаил Павлович после небольшой паузы, сделанной им, спросил:

– Есть еще желающие высказаться, или будем заканчивать и перейдем к обсуждению методических вопросов?

Продолжить разговор вызвался Николай Алексеевич Горбунов: – Я согласен с Вадимом Андреевичем, что сегодня на повестке дня встал вопрос о судьбе нашей многонациональной страны. Слишком уж «прорабы» перестройки постарались разворошить национальные чувства у советских людей. Страну поразил «парад суверенитетов». И все произошло и происходит не только из-за провала перестройки, но, я бы сказал, из-за замороженной национальной политики КПСС. На протяжении длительного времени она сохранялась такой, какой ее сформулировали Ленин, Сталин, другие деятели партии при образовании СССР. Ее результаты замечательные: на добровольной основе был образован и получил динамичное развитие Советский Союз – многонациональная супердержава мира. В ее составе обрели свою государственность армяне, азербайджанцы, белорусы, украинцы и другие народы бывшей Российской империи. Республики, особенно союзные, в результате их развития и получившие свою символику – свидетельство о суверенности: конституцию, флаг, язык, национальную культуру, материально-техническую базу, сформированную национальную интеллигенцию. В общем и целом национально-государственное строительство в советское время достигло такого уровня, что федеративная форма не вполне отвечала интересам национального сожительства этих республик. Требовалась иная, более демократическая форма их объединения: конфедерация или что-то другое. Да, съездами КПСС ставились и решались возникающие проблемы межнациональных отношений. Но это были текущие проблемы, на злобу дня. А надо было, кроме всего прочего, дальше решать проблему суверенности республик: обеспечить их право свободного выхода из СССР, которое закреплено Конституцией СССР, статья 72-я. Если бы своевременно был принят закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», то наверняка удалось бы избежать тех кровавых разборок на национальной основе, которые прокатились по стране на заре гласности, начиная с армяно-азербайджанского конфликта в 1988 году из-за Нагорного Карабаха.

– Николай Алексеевич, ты считаешь, что если бы Союз этак лет десять-двадцать назад распустили, то сегодня ничего подобного не произошло бы, – перебил Горбунова Звездин.

– Речь не шла о роспуске Союза, а лишь о праве республик на больший суверенитет, – сказал Горбунов. – Допустим, если бы какая-то из республик и решила выйти из СССР, то, по крайней мере, ее граждан не покидала бы социально привлекательная альтернатива Страны Советов. И не исклю-

чено, что на каком-то этапе собственного развития республика пожелала бы опять вернуться в лоно СССР, если бы он, разумеется, успешно продвигался к своей цели – построению бесклассового общества. Но задуманная перестройка захлебнулась. Этим воспользовалась националистически настроенная интеллигенция союзных республик, включая Россию. Появились разного рода общественно-политические движения якобы в поддержку перестройки, а на самом деле против нее. Партийное руководство страны во главе с Горбачевым либо не видело опасности в оживлении национализма в республиках, либо этому способствовало. Нам, смертным, пока не понятно. То, что союзные республики суверенно «созрели», доказывает следующее. Как только Первый съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, аналогичные документы поторопились принять и союзные республики, используя открывшуюся возможность выхода из СССР (17).

– Лишь Литва и Латвия приняли аналогичные документы в 1990 году, а остальные республики – не сразу, а спустя год, – уточнил Вадим Андреевич. – Их руководители, видимо, сходу не сообразили, что дело пошло к развалу страны. Ведь Декларация содержала пункт, согласно которому законы РСФСР объявлялись выше законов СССР. Что оставалось делать союзным республикам – они не знали! И только после августовских событий им стало ясно, что российское руководство во главе с Ельциным их кинуло и им надо принимать ответные меры. Правда, желающим республикам предлагалось подготовить и подписать договор о Союзе Суверенных Государств и безотлагательно заключить экономический союз. Об этом сообщил в печати Назарбаев по уполномочию Горбачева (18).

– Я уверен, что если бы КПСС не легла под демократию, не отдала бы добровольно свою власть непонятно кому, ничего подобного со страной не происходило бы, – заявил Николай Александрович Войнов. – Именно в этом главная причина провала социалистической перестройки и начавшегося разрушения СССР. Я не пойму, что случилось с партией? Надо ли было разрушать монолитность КПСС, выделив из ее состава Компартию РСФСР? Почему мы, рядовые коммунисты, так спокойно и покорно воспринимаем уничтожение нашей партии, членством в которой мы гордились; как коммунисты работали не покладая рук во имя счастливого будущего наших детей и внуков, защищали страну в тяжелую годину, не щадя своей жизни. А что сейчас происходит с партией? Где ее руководители снизу доверху, почему они не призовут нас, рядовых коммунистов, к защите партии и страны? Кто такие Горбачев, Ельцин, Яковлев и кому они сегодня служат? Не пора ли их привлечь к ответственности за их антипартийную антигосударственную преступную деятельность!

– Горбачев еще президент и у него есть возможность исправить допущенные просчеты и недостатки, – подключилась к разговору ассистент кафедры Марина Глебовна Беленко. – Без них невозможно обойтись. «Лес

рубят – щепки летят!» – гласит народная мудрость. Во всяком процессе надо видеть главное, а не фокусировать свое внимание только на негативе!

– Ничего себе просчеты и недостатки! – возмутился Николай Александрович. – Страну разрушат – разве это негатив! Это – преступление! За это надо судить, к стенке ставить!

– Не надо прибегать к сталинщине! – бросил Турчак.

– Не трожь Сталина! – перешел на повышенный тон Войнов. – Вы, дерьмократы, ему в подметки не годитесь! Вы лучше посмотрите, что со страной сделали и делаете! По миру ее пускаете!

– Это коммунисты со своей бестолковой перестройкой довели народ до полуголодного существования! – дерзнул Турчак.

После этих слов Турчака Войнов не на шутку вышел из себя. Его яростные филиппики неслись не только по адресу демократов вообще, но и против бывших членов Политбюро и ЦК КПСС, среди которых не нашлось смелых и мужественных, способных обуздать преступные действия Горбачева, Ельцина, Яковлева и других высокопоставленных партийных чиновников. Казалось, его эмоциям не будет конца. Но он внезапно смолк, лицо его стало бледным, на нем появились капельки пота.

– Сердце-е, – прошептал еле слышно Николай Александрович, прижимая левой рукой грудь, где ощущалась боль, а правой – пытаюсь быстро достать из кармана своего пиджака таблетки, видимо, от сердца.

Вадим Андреевич, не теряя времени, передал Войнову нитроглицерин, который с недавних пор всегда имел при себе. Положив под язык таблетку нитроглицерина, Николай Александрович, немного успокоившись, сказал:

– Сильная боль в середине грудной клетки, давит сердце...

– Это инфаркт, надо вызывать «Скорую помощь» – забеспокоилась Ветракова.

Михаил Павлович стал набирать телефон «Скорой». Пока он названивал, все молчали, молчал и Войнов. Когда Селянинов объявил, наконец, что дозвонился и вызов принят, все на кафедре вздохнули с облегчением. Николай Александрович от полученной информации тоже воспрянул духом, попытался даже шутить. Боль, однако, судя по тому, что ему пришлось положить вторую таблетку нитроглицерина под язык, не отступала, хотя он и держался молодцом.

«Скорая медицинская помощь» пришла минут через пятнадцать. Врачей, а их было двое – мужчина и женщина, – встретил у входа в институт Николай Алексеевич Горбунов и проводил их на кафедру. Они, зайдя на кафедру, тут же распорядились всем временно покинуть помещение и оставить их наедине с заболевшим, что и было сделано. Ждать заключения врачей пришлось недолго. Скоро вышла женщина-врач и сообщила, что больного надо срочно везти в больницу и попросила помочь ей принести санитарные носилки, которые находились в машине «Скорой».

Вадим Андреевич и Николай Алексеевич, не сговариваясь, быстро последовали за врачом, вытащили из машины носилки, принесли их на кафедру, помогли врачам уложить на них Войнова.

Он лежал молча. В полуоткрытых его глазах маячили боль и нескрываемая безысходность. И только когда Вадим Андреевич и Николай Алексеевич подняли носилки с больным и тронулись к выходу, он широко открыл глаза и тихо, прислушиваясь к своему самочувствию, стал делиться тем, что его тревожило и волновало:

– Похоже, смерть меня настигла. Сколько раз я уходил от нее на фронте, а достала меня она в мирное время. Хотя нынешнее время не такое уж и мирное, идет флюгерская революция, сменившая перестройку. Это не обычная революция, в ней нет открытой силовой борьбы противостоящих классов. Она шумная, митинговая. Главное ее содержание – массовая сдача номенклатурой разных мастей своих социалистических и коммунистических убеждений, идеалов Великого Октября и переход на путь реставрации капитализма в нашей стране. Яростная кампания по манипулированию общественным мнением, развязанная диссидентами вкупе с партийными и советскими флюгерами, является «альфой и омегой» данной революции. Основная масса населения в итоге оказалась сбитой с толку, с той известной ей дороги, которой она шла не одно десятилетие, преодолевая немалые преграды и трудности. Теперь люди не знают, куда идти, что делать, кого и ради чего поддерживать. Мы тоже не знаем, что нам делать, и становимся, хотим того или нет, флюгерами. Поэтому флюгерская революция побеждает. Свалили КПСС, началась травля честных, порядочных коммунистов, которая очень скоро превратится в охоту на них. Скоро падет и советская власть, ибо ее некому защищать. Вас ждут, дорогие коллеги, трудные времена и испытания...

Войнов хотел что-то ещё сказать, но вместо этого только тяжело вздохнул.

– Николай Александрович, тебе хуже стало? – спросил Вадим Андреевич. Но больной ничего не ответил.

Когда носилки с больным затащили в машину, Вадим Андреевич и Николай Алексеевич выразили желание сопровождать его до больницы. Врачи не возражали.

* * *

Николая Александровича Войнова не стало утром следующего дня. Он умер от острой сердечной недостаточности. Его похоронили на Широкореченском кладбище, на том кладбище, где покоится прах бойцов-фронтовиков Великой Отечественной войны, умерших от ран и болезней в госпиталях Свердловска, фронтовиков и ветеранов войны, ушедших из жизни позже. Войнов ушел добровольцем на фронт, прошел всю войну, как говорится, от звонка до звонка, трижды был ранен, его ратный подвиг

отмечен многими боевыми наградами. На фронте стал коммунистом. Выйдя в запас в звании полковника, подал и прошел по конкурсу на замещение вакантной должности старшего преподавателя кафедры истории КПСС вуза, написал и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, получил ученое звание доцента. Его любили студенты как фронтовика, как эрудированного и справедливого преподавателя, готового при необходимости прийти на помощь студенту. Николаю Александровичу было около 70-ти, когда его скосила смерть. Не выдержало сердце ветерана идеологической агрессии неолибералов против того, во что он искренне верил, что защищал, чем дорожил, чему радовался и за что переживал. Он стал жертвой «флюгерской» революции.

Глава четырнадцатая

Июнь месяц, первый летний месяц со всеми его прелестями – долгими солнечными днями и короткими светлыми ночами, шумными грозами и такими же ливнями, свежестью зелени трав и листьев деревьев и кустарников, яркостью цветов, – этот жизнерадостный от природы месяц доставил Вадиму немало хлопот. Они были связаны, конечно же, с поступлением в вуз.

Во-первых, надо было решить, стоило ли поступать в вуз вообще в этом году, может, надо после армии годик отдохнуть, повеселиться, насладиться жизнью на гражданке. Во-вторых, следовало окончательно решить, в какой поступать вуз и на какой факультет. Если по первому вопросу решение напрашивалось само – поступать в этом году, чтобы не потерять зря время, то по второму вопросу – выбор вуза и будущей специальности – не так просто оказалось это сделать. Речь ведь шла о будущей деятельности, которая должна была приносить как моральное удовлетворение, так и материальное благополучие.

Вадима больше всего увлекала история. Интерес к ней пробудился очень рано – с тех белорусских и русских сказок, которые в детстве рассказывала бабушка. Потом и сам, едва научившись читать, по несколько раз перечитывал сказки Пушкина; чуть повзрослев, увлекся чтением исторической литературы. Уже в пятом классе так зачитывался романом А. Толстого «Петр I», что забывал об уроках и их подготовке, и матери об этом приходилось ему напоминать, грозя иногда даже наказанием. В старших классах с упоением читал художественную литературу, отдавая предпочтение той, которая касалась событий Гражданской и Великой Отечественной войн. Они воспитывали патриотические чувства и уважение к прошлому. Желание стать историком сформировалось в 9-м классе под воздействием уроков по истории, которые великолепно проводил сам директор школы Иван Викентьевич Завадский. Но вот в новой, Гудковской средней школе, в которой пришлось заканчивать 10-й класс (в связи с переездом родителей из Белоруссии на местожительство в Кемеровскую об-

ласть России), преподавание истории велось неважно, и интерес к ней у него стал ослабевать. Зато уроки по литературе буквально покоряли учеников. На них не просто шел опрос учеников по тому или другому произведению, предусмотренному школьной программой, но велось его коллективное обсуждение с выявлением поучительных черт в характере персонажей произведения. Причем заглавную роль здесь играл, конечно, учитель, большой знаток русской, советской и зарубежной литературы, Василий Васильевич Старцев. Именно он порекомендовал десятиклассникам – выпускникам – в числе дополнительной литературы почитать роман В. Каверина «Два капитана», удостоенный Сталинской премии. И он, Владимир, поторопился первым из одноклассников взять в школьной библиотеке рекомендованную книгу и в считанные дни ее прочитал. Книга захватила его, а ее герой Саня Григорьев настолько заразил своим примером, что он тоже решил стать летчиком. И об этом заявил в военкомате, куда его вызвали повесткой сразу же после окончания средней школы и получения аттестата зрелости. Там одобрили стремление новобранца стать военным летчиком и определили по итогам медкомиссии годным к службе в ВВС. Вручая повестку в армию, военком объяснил, что призывается он в июле, т. е. раньше установленного срока потому, что надо помочь убрать вовремя хороший урожай на целине. Осенью, после уборки урожая, ему, как и другим, изъявившим желание стать военными летчиками, будет предоставлена, как заверил военком, возможность поступить в летное училище. Но с уборкой урожая дело затянулось до глубокой осени, в училище по этой причине не удалось поступить. Всех будущих летчиков для прохождения срочной службы направили в Воздушно-десантные войска с обещаниями, что на следующий год всем, кто пожелает стать курсантами летных училищ, такая возможность будет предоставлена. Однако после годичной службы в ВДВ желание стать военным летчиком почему-то у него померкло. И вовсе не потому, что испугался неба. Нет, ему даже нравилось прыгать и с аэростата, и с разных самолетов. Да и летчики транспортной авиации, которая обслуживала десантную дивизию, с которыми приходилось общаться, не могли отрицательно повлиять на его намерение поступать в летное училище. Скорее наоборот, они могли еще больше заинтриговать профессией летчика, поскольку те не были разочарованы избранной профессией, а если о чем-то и сожалели, то только о том, что не летают на новых истребителях. Получилось довольно странно: мечту стать историком подменил желанием быть военным летчиком, а в итоге – оказался на распутье, ни то ни другое его больше не увлекало. На какое-то время устраивала полученная в армии профессия шофера: управляешь мчавшейся машиной, а навстречу бегут лентой дорога, поля, леса, деревни, поселки, города, – бежит навстречу русская земля. Здорово! Казалось, найдено то, чем будешь заниматься с удовольствием всю жизнь. Это побудило к поступлению на автотракторный факультет Челябинского политехниче-

ского института. И командование части пошло навстречу: как отличника боевой и политической подготовки его досрочно демобилизовали, чтобы дать возможность молодому воину, не теряя год, поступить в вуз. И, наверное, стал бы инженером по специальности «Автомобили и тракторы», если бы не завалил вступительный экзамен по математике. Конечно, немного переживал из-за этого. Но оказавшись дома, у родителей, которых не видел три года, неудачу с поступлением в вуз перекрыла радость встречи с родными, а она, радость, потом сменилась заботой о будущей работе. Ее предстояло найти, причем такую, чтобы была, прежде всего, денежной: после армии надо было самостоятельно приодеться, не обязывая родителей тратиться на него. Встречи с Верой, соседкой родителей, симпатичной девушкой, окончившей среднюю школу и твердо решившей поступать в сельхозинститут, беседы с ней, в том числе и по истории, вернули его вновь к мечте стать историком. Врезались в память Верины слова: дай зеленый свет своей мечте. Казалось, теперь ничто его не остановит на пути к достижению поставленной цели. Любе даже написал, что собрался поступать на истфак в УрГУ. Но случилось то, что не могло не случиться: встретил свою первую любовь. А она, его любовь Людмила, при каждом удобном случае давала понять, что желает видеть своего кавалера студентом физтеха УПИ. Откуда у нее пробудилось такое желание и почему? Может, нынешнее время физиков, а не лириков движет ею? Однако же сама она подалась в торговлю – отрасль вовсе не романтическую. Тогда что же, немеркнувший пример Стасика продолжает над ней витать? Или авторитет учителя физики, друга семьи Светогуриных Алексея Митрофановича, считающего историю субъективной наукой, поскольку законы общественного развития условны, а историческими фактами можно манипулировать без зазрения совести. Об этом он сказал ему, Вадиму, во время беседы на рождественском вечере.

Да, выбор будущей специальности, а стало быть, и вуза для поступления и учебы оказался непростым для Вадима. После долгих и мучительных рассуждений остановился в конечном счете на истории. Людмиле решил пока не говорить об этом – пусть для нее его поступление в университет будет сюрпризом. О своем решении сказал Игорю, Николаю и Володе – тоже, но после некоторых раздумий, его попросив при этом не очень распространяться о таком решении, особенно при встрече с Людмилой. На его немой вопрос почему ответил: надо вначале поступить, а уж потом и рассказывать, какой, мол, я молодец; для Людмилы пусть это будет большим сюрпризом. Володя согласился с таким доводом, одобряя поступление в университет.

Определившись с вузом, Вадим поспешил со сдачей документов в приемную комиссию университета. Их подготовить – написать заявление на имя ректора с просьбой о допуске к вступительным экзаменам, приложить к нему аттестат зрелости, четыре фотокарточки 3 на 4 см, медицин-

скую справку по установленной форме – особого труда не составляло. Но к заявлению надо было еще приложить характеристику с работы, а с ее получением произошла серьезная заминка. Такой документ за подписью директора завода, секретаря парткома, председателя завкома, секретаря комитета ВЛКСМ можно было получить только с согласия четырехугольника цеха: начальника цеха, парторга, предцехкома и комсорга.

Соблюдая субординацию, Вадим первоначально повел разговор о характеристике с комсоргом.

Лиза его внимательно выслушала, а потом уточнила: – Как я поняла, ты по материальным соображениям решил поступить на вечернее отделение истфака УрГУ. А почему не в УПИ, на заочное отделение химикотехнологического факультета? Разве плохая специальность – машины и аппараты химического производства? Наша, заводская! У нас действует УКП этого вуза, многие заводские ребята здесь учатся и твой друг Игорь тоже. Подумай, куда ты пойдешь работать после окончания университета? В школу! На заводе ведь нет работы для историка.

Вадим попытался объяснить Лизе, что свое решение о поступлении на истфак он принял не спонтанно, а после долгих размышлений, эта его мечта стать профессиональным историком, а что касается работы – надо же кому-то и в школе трудиться, учить детей уму-разуму. Ему удалось поколебать позицию комсорга в свою пользу, она согласилась поддержать его просьбу – получить характеристику для поступления в университет. Разговор на эту тему с парторгом цеха Науменко и предцехкома Агафоновой не привел к желаемому результату. И тот и другой посоветовали пойти к начальнику цеха и прежде всего с ним решить этот вопрос, поскольку он непосредственно отвечает за выполнение плановых заданий коллективом цеха, а, стало быть, за все, что с этим связано, включая подбор и подготовку кадров.

В рабочем календаре начальника цеха Кондратьева не было специально выделенных дней и часов приема рабочих и ИТР по личным вопросам. Обычно к нему заходили, когда он не был занят производственными делами. Легче это можно было сделать в конце рабочей смены – в это время начальник цеха оказывался более-менее свободным.

Вадим решил, не откладывая дело в долгий ящик, попытаться попасть на прием к начальнику цеха. Он уже раз был у него в кабинете, при поступлении на работу в цех. От общения с ним осталось хорошее впечатление. Но это было тогда. А как он сейчас себя поведет, когда встанет вопрос о характеристике для поступления в университет, а не в УПИ, трудно предположить.

Перед тем как отправиться к начальнику цеха, Вадим на всякий случай решил переговорить с Игорем.

– Что я тебе могу сказать по этому поводу? – вопросом на вопрос отозвался Игорь. – Как начальник цеха Кондратьев на месте. Грамотный инженер. Человек-план. Все свои решения принимает с позиций выполнения

плана. Если плановое задание выполняется успешно – просьба, если она, как говорится, не заоблачная, будет удовлетворена, а если с планом дело обстоит туго – лучше не подходи. Сейчас с планом – не ахти как, а тут еще взяты повышенные социалистические обязательства по достойной встрече XXII-го съезда КПСС. Так что настроение у начальника цеха тоже не ахти какое. Но ты все-таки сходи, авось, даст добро.

Вадиму повезло. Начальник не был занят, и к нему сразу удалось пройти. Разговаривая с кем-то по телефону, он подал рукой знак Вадиму, чтоб сел. Но вот он положил трубку и выжидаяще уставился на Вадима. Его усталое лицо как бы говорило: что там у тебя, давай быстрее выкладывай.

– Я слушаю, – первым выразил свою готовность к разговору начальник.

– Александр Николаевич, я пришел по поводу характеристики для поступления в вуз, – несмело, волнуясь, начал Вадим.

– А почему сразу ко мне? Надо начинать с общественных организаций, они оценивают деловые и моральные качества работника цеха, а уж потом идти, если есть необходимость, к начальнику.

Начальник, глядя в упор на Вадима своими усталыми глазами, повторил:

– Если есть, конечно, такая необходимость, потому что характеристики пишутся и подписываются на любого, кому они нужны, без его посредственного участия. Понятно?

Чувствуя, что начальник сейчас ему скажет «свободен, разговор окончен», Вадим торопливо выпалил, что обращался и к парторгу, и к председателю цехкома и что они посоветовали обратиться к нему, начальнику цеха.

– Почему? – удивился начальник. Теперь он с нескрываемой заинтересованностью посмотрел на Вадима.

– Может потому, что я собираюсь поступать не в УПИ, а в университет...

– Почему в университет? И на какой факультет?

– На исторический, на вечернее отделение.

– На исторический? – с удивлением переспросил начальник цеха.

– Да. Еще в школе зародилась мечта стать историком.

– Школьная романтика хороша для школьника. Она стимулирует учебу, ярче делает юношескую жизнь. Взрослому человеку, начинающему трудовую деятельность, надо проще смотреть на жизнь. Надо руководствоваться при выборе профессии тем, насколько она нужна государству и перспективная и, по возможности, престижная и денежная, и какая в конечном счете будет от нее отдача обществу.

Начальник цеха на мгновение задумался, а потом вдруг спросил:

– Что главное, прежде всего для мужика, вступающего в самостоятельную жизнь? – И не дожидаясь, пока что-то скажет сидящий перед ним молодой рабочий, ответил: – Это не ошибиться в выборе профессии и, как

ни странно, – жены. Да, да, – жены! О жене мы не будем говорить, это сугубо личное дело. А вот о выборе профессии – стоит. Скажу откровенно: профессия историка сегодня – и не очень денежная, да и не престижная. Другое дело – инженер! В век научно-технической революции он всегда будет востребован, и, переводя это на простой житейский язык, всегда будет иметь хлеб с маслом. Потому мой настоятельный тебе совет – поступи в УПИ, желательно, на химико-технологический факультет хоть на его вечернее или на заочное отделение.

– Александр Николаевич, все, что вы сказали, – правильно. Однако благополучная жизнь человека не ограничивается лишь материальным достатком, достигаемым любым путем. Надо, чтобы была еще и профессия любимой, которая увлекала бы человека, а не угнетала его. Для меня такой профессией может стать профессия историка, и я намерен свою школьную мечту осуществить. К сожалению, вы правы, что учительский труд сегодня не очень денежный, хотя и благородный. Но грядет коммунистическое завтра, оно принесет всем людям материальный достаток и возможность заниматься любимым делом.

– До завтра надо дожить, создать мощную материально-техническую базу коммунистического общества. А чтобы создать ее, нужны, кроме всего прочего, квалифицированные и, прежде всего, инженерно-технические кадры. И я как начальник цеха должен этому содействовать.

– Но надо создавать не только материально-техническую базу, а растить и воспитывать новое поколение людей, свободных от эгоизма, стяжательства, накопительства, зависти, дурных предрассудков, готовых на самопожертвование во имя общего блага, – вставил Вадим.

– Растить и воспитывать таких людей можно только в условиях полного достатка, которого у нас еще нет, – заметил начальник цеха. – А пока надо развивать современное производство, а для этого нужны технически грамотные кадры. Я готов тебя рекомендовать в УПИ, но не в университет. Пойми меня правильно: какой смысл посылать молодого рабочего в гуманитарный вуз, оплачивать на протяжении пяти-шести лет его учебу за счет цеха, зная заведомо, что, получив высшее образование, он уйдет из цеха и завода. На такое пойти – значит государственные деньги тратить впустую. Разве это разумно? Мне в цехе нужны инженеры, а не историки. Хорошо еще раз подумай о будущей своей профессии, как следует взвесь все «за» и «против». Если надумаешь поступать в УПИ – приходи для дальнейшего разговора, а если не решишься – думай дальше. На этом мы и закончим наш сегодня разговор.

От начальника цеха Вадим вышел словно побитый. Настроение было хуже некуда. Как поступить дальше – не знал. По-своему начальник был прав. Ему нужны инженеры, а не историки. А кому нужны историки? Только школе? Но разве труд историка может ограничиваться учительством в школе? Ведь есть еще историческая наука, научно-педагогическая деятель-

ность историка в вузе. Хотелось бы, конечно, заниматься историческими исследованиями. Однако стоит ли разглагольствовать по поводу научной карьеры историка вслух, если многое здесь, как говорится, вилами писано на воде. Вот первая преграда – невозможность получить характеристику, а без нее приемная комиссия университета не возьмет документы. Если уйти с завода – все равно остаешься без характеристики, старая армейская годичной давности не годится. Уходить с завода – значит лишиться общежития, хотя это не самое главное. Наверняка дадут место в университетском общежитии, если, конечно, поступить на дневное отделение. Самое главное в случае увольнения с завода – потеря приличной зарплаты, не имея которой невозможно будет содержать себя – одеваться, кормиться, посещать театры и кино, делать преподношения любимой. На студенческую же стипендию не то, что развлекаться, прожить сложно без постоянной поддержки родителей. Хотя сейчас они и не бедствуют, однако помогать систематически не смогут, поскольку им надо содержать и учить еще трех братьев, да и с деньгами у них не густо. Да и тянуть какие-то копейки из дома взрослому человеку неприлично. Наоборот, надо родителям, перенесшим столько горя и невзгод, хотя бы изредка подбрасывать немного денег. Так что уходить с завода нет никакого смысла, а учиться на дневном отделении в университете – тоже нет возможности. Выход напрашивался один – внять совету начальника цеха Кондратьева и поступить в УПИ.

Вот с такими невеселыми удручающими мыслями Вадим провел остаток дня и с ними лег спать. Проснулся утром в подавленном настроении. О своих проблемах не стал рассказывать Виктору, с которым чуть ли не бежали в столовую позавтракать. Не успел перекинуться и с Игорем о своем неудачном визите к начальнику цеха: бригадир Воронов, не дожидаясь пока тот подойдет на рабочее место, отправил его, Вадима, строполить.

Бригадиру Воронову приходилось довольно часто направлять своих рабочих к разметчикам для выполнения стропольных работ. Эта работа хотя и не была сложной, но требовала определенной сноровки, соблюдения техники безопасности и полнейшего взаимопонимания и взаимодействия с машинистом мостового крана. Только при таких условиях можно было безопасно с помощью мостового крана заниматься транспортировкой больших тяжелых металлических листов: подавать их на разметку, а после того как разметчики разметят на них согласно эскизам и чертежам детали будущих аппаратов и машин, переправлять листы на места следующей производственной операции – на ножницы или газорезку.

Освоившись с производственной жизнью цеха, сдав технический минимум и пройдя инструктаж по технике безопасности, Вадим, как и другие члены бригады, получил также доступ к стропольным работам. Он не работал на разметке, его здесь хорошо знали. И сейчас, подойдя к рабочему месту разметчиц (на разметке работали в основном женщины), был встречен их веселыми возгласами, особенно студенток-практиканток из

УПИ, которые на практике постигали чертежное дело. Их заразительный смех поднял на время у Вадима настроение. Перебросившись с ними любезностями, он, не теряя времени, приступил к работе. И до обеда без перекура занимался транспортировкой металлических листов. Перед самым перерывом на обед к нему подошла комсорг.

– Что будешь делать дальше? – спросила она, дав понять, что ей известен результат его разговора с начальником цеха.

– Пока не решил, думаю, – ответил Вадим.

– Я была у Александра Николаевича по другим делам, но разговор зашел и о тебе.

Лиза быстро пересказала суть ее разговора с начальником цеха, при этом несколько раз повторила о несогласии с ним подобным образом решать кадровые проблемы цеха.

– Я ему в резкой форме заявила, что подготовка кадров – не узко цеховое дело, а общегосударственная задача; в строительстве коммунизма потребуются не только ИТР, но и гуманитарии, в том числе и историки. На что он тоже в повышенном тоне отрезал: чтоб наша жизнь стала лучше и краше, каждый из нас должен ответственно и по назначению нести свой профессиональный крест. Он, дескать, как инженер и начальник заводского цеха все свои помыслы и конкретные действия обязан подчинять развитию производства, его техническому и технологическому совершенствованию. Для решения этих задач нужны хорошо подготовленные, творчески мыслящие инженерно-технические кадры. Без них ни цех, ни завод не смогут перейти на новый, с широким применением достижений науки и техники уровень организации производства, обеспечить высокопроизводительный труд. На этом наш разговор закончился. Выйдя из кабинета начальника цеха, я тут же позвонила секретарю комитета комсомола Смирнову. Его не оказалось на месте. Трубку взяла его зам Юлия. Выслушав меня, она предложила нам вместе после работы зайти в комитет комсомола и обсудить вопрос со Смирновым.

– А стоит ли, – усомнился Вадим. – Там наверняка тоже будут убеждать идти учиться в УПИ ради интересов завода и его коллектива.

– Ну, зачем же сходу подвергать сомнению то, что еще не испытано. Да и другой у тебя возможности нет, кроме как обратиться в комитет комсомола за поддержкой.

Комсорг, конечно, была права, и Вадим согласился с ее предложением подключить заводской комитет комсомола к решению вопроса о выдаче ему характеристики.

* * *

Разговор в заводском комитете ВЛКСМ был недолгим. Смирнов вначале выслушал Вадима, потом – Лизу. Когда Лиза закончила, он уточнил:

– Если я правильно понял, комсомольская организация цеха дает добро Вадиму на поступление в университет?

– Да, – подтвердила Лиза.

– Непростую вы поставили себе задачу: хотите и волков досыта накормить, и стадо овец полностью сберечь, говоря понятнее – соблести интересы и цеха, и комсомольца Звездина, – усмехнулся Смирнов. – Скорее нам научиться бы искусству гармоничного сочетания интересов общественных и личных – вот это было бы огромное продвижение по пути к коммунизму. – А потом уже серьезно высказал свою позицию:

– Комитет комсомола поддержит решение комсомольской организации цеха, я подпишу твою характеристику. Но чтобы ее подписал директор завода, нужны еще подписи секретаря парткома и председателя завкома. Советую попасть на прием к секретарю парткома. Если ты заручишься его поддержкой – считай, что нужная тебе характеристика в твоих руках. Прямо сейчас топай к нему на прием, он, кажется, у себя.

Вадим не мешкая направился в партком. В приемной секретарша вежливо ответила, что Андрей Павлович никого уже не принимает, он уезжает на бюро райкома партии. Вадим попросил записать его на прием в ближайший день; и на время – после окончания первой смены (Вадим работал в первую смену). Пока секретарша искала свободное «окно» в рабочем графике секретаря парткома, он в это время сам вышел из кабинета и собрался уходить совсем. Но его остановила секретарша:

– Андрей Павлович, к вам на прием просится рабочий; хочет, чтобы вы его, по возможности, приняли скорее, а у вас до конца недели никакого просвета в вашем рабочем графике нет, все забито.

Секретарь парткома внимательно посмотрел на Вадима, а потом обратился к нему:

– Что вас привело в партком, комсомолец Звездин? Что за вопрос и почему такая спешка?

– Хочу поступить учиться в университет, надо быстрее сдать документы в приемную комиссию, время поджимает. Но я не могу этого сделать – нет характеристики.

Вадим понял, что секретарь парткома его узнал как участника первомайской демонстрации и отвечавшего вместе с другими комсомольцами за праздничное имущество завода. Хотя он и почувствовал себя после этого более уверенным в предстоящем разговоре с секретарем парткома, однако беспокойство за положительный исход разговора его не покидало.

– Говорите, нет характеристики? – переспросил секретарь парткома. – Заходите в кабинет и объясните мне толком, почему вышла задержка с характеристикой.

В кабинете Вадим откровенно поведал о своем желании получить историческое образование, заниматься историческими исследованиями, что у него нет стремления стать инженером. Начальник цеха считает, что насту-

пило время инженеров, а не гуманитариев, что на заводе историкам делать нечего, а посему он может рекомендовать на учебу своих молодых рабочих только в УПИ.

Секретарь парткома внимательно выслушал Вадима, потом, ничего не говоря, поднял телефонную трубку и стал набирать номер. Когда связь установилась, он заговорил:

– Александр Николаевич, это – Никитин. Как с выполнением плана? Туго, говорите? Понятно, будем разбираться, возможно, специальный партком проведем. Собственно, я звоню вот почему: сколько рабочих твоего цеха будут учиться в новом учебном году в ШРМ, в техникумах и вузах? Пока еще не ясно? Как только станет ясно, информацию представьте в партком. Да, что там у вас с комсомольцем Звездиным, почему задержали выдачу ему характеристики? Плохой производственник, или не занимается общественной работой, или есть какие-то иные причины? Ни то, ни другое, ни третье, говорите! Тогда в чем дело? Не в тот вуз, говорите, поступает, цеху нужны инженеры, а не историки... Александр Николаевич, хочу вам напомнить, что каждый гражданин СССР, независимо от его национальной принадлежности и рода занятий, имеет право на бесплатное образование, в том числе без отрыва от производства и, разумеется, – на выбор профессии. Теперь по поводу того, что историки не требуются цеху. Но они скоро потребуются заводу. Мы собираемся в недалеком будущем открыть музей истории нашего завода. Кто будет заниматься музейной работой? Разумеется, историки – специалисты в этой области. Вам, Николай Александрович, уже сейчас надо подумать, кто будет заниматься написанием истории вашего цеха. И еще: у завода есть подшефные школы, которые с удовольствием примут мужчину-историка в свой коллектив... Хорошо, что все поняли.

Секретарь парткома положил трубку, но тут же ее опять поднял и набрал новый номер.

– Григорий, зайди в партком, – коротко бросил он.

Вадим понял, что в партком приглашается секретарь комитета ВЛКСМ Смирнов. Только зачем, если все разрешилось положительно? Это ему стало ясно, как только тот зашел в кабинет.

– Гриша, как-то нехорошо получается, что ваш комсомолец ходит по нашим, так сказать, инстанциям и выпрашивает на себя характеристику для поступления в вуз, – встретил Смирнова секретарь парткома. – Просто безобразия. Возьмите под свой контроль подготовку характеристики, и чтобы через пару дней она была готова со всеми подписями и передана Звездину. Ему надо вовремя сдать документы в приемную комиссию университета.

То тягостное настроение, которое досаждало Вадиму несколько дней подряд, улетучилось, как только он покинул кабинет секретаря парткома и, не задерживаясь, направился к выходу из заводоуправления (в нем находился партком). Стало необыкновенно легко и радостно. Молодец Смирнов (он задержался по каким-то делам у Никитина), что надоумил обратиться в

партком, а то сколько пришлось бы помаяться с получением характеристики, и неизвестно, что получилось бы еще из этого. Но все обошлось благополучно. Теперь осталось немного – собрать другие недостающие документы и написать заявление на имя ректора университета с просьбой о допуске к вступительным экзаменам на исторический факультет по специальности «История» и сдать документы в приемную комиссию университета. Но это уже зависело от оперативности его самого, что прекрасно понимал Вадим.

* * *

Ровно через два дня, в обеденный перерыв, к Вадиму подошла комсорг цеха Бочарова и сообщила, что характеристика на него подготовлена и забрать ее можно в комитете комсомола в любое время. И еще предупредила, что в предстоящее воскресенье надо выйти на дежурство с опергруппой в заводской парк – там намечалось большое гуляние заводчан и жителей поселка. После приятной новости Вадим довольно спокойно воспринял информацию о дежурстве, хотя у него на этот воскресный день были другие планы – вместе с Людмилой поехать на озеро Таватуй. Она несколько раз предлагала побывать на этом озере не только ради того, чтобы на нем вместе поплавать и поваляться на солнце на его песчаном берегу. «Я хочу тебя, белоруса, познакомить с уральскими природными красотами, – интриговала она. – Озеро Таватуй – одно из самых живописных горных озер в окрестностях Свердловска. По его берегам много выходов гранитов и нагромождений огромных валунов. Дно озера песчаное, вода в нем чистая, пресная, имеются удобные места для купания. И вот еще, что привлекает внимание туристов: на восточном берегу озера высятся громадные гранитные скалы, названные Семью Братьями. Восьмая скала считается их Сестрой. Взобравшись на эти скалы, увидишь неповторимую красоту уральских гор и лесов».

Собрались поехать на озеро Таватуй как раз в это воскресенье, погода вроде бы тоже начала баловать ярким солнцем и теплом. И вот – дежурство, внеочередное! От него никак нельзя отказаться теперь, после получения характеристики. А придумывать какую-то причину, врать – это не по-комсомольски. Порядок ведь надо кому-то поддерживать, отдыхающие в парке не должны опасаться чьих-то хулиганских выходок или возмущаться неприличным поведением тех же стилияг; они должны быть уверены, что их настроение никто в парке не испоганит. «Надо позвонить Люде и договориться о переносе поездки на Таватуй на следующее воскресенье, а в эту субботу вечером сходить в парк Маяковского – потанцевать или завернуть в кино, – решил Вадим. – Конечно, это ее не обрадует, но другого выхода нет».

* * *

Центральный парк культуры и отдыха им. Маяковского был любимым местом отдыха свердловчан. В этом успел убедиться Вадим, побывав в парке с Людмилой уже после открытия в нем летнего сезона и встретив там толпы горожан. И в этот субботний вечер народу в парке было много. Молодежь и пожилые люди парами и в одиночку, а то и гурьбой прогуливались по аллеям парка, шумно переговариваясь и громко смеясь. Их праздный настрой передавался Вадиму и Людмиле. Они вдвоем не спеша обошли все места, где проходили культурно-массовые мероприятия, покачались с удовольствием на качелях, потом подошли к танцевальной веранде.

– Потанцуем? – предложил Вадим.

– Почему бы и нет! – улыбнулась Людмила.

Весь остаток субботнего вечера они провели на танцплощадке. Покинули ее, когда зазвучала уже привычная песня «До завтра» в исполнении Гелены Великановой. Эта песня, воспринимаемая как заключительный аккорд танцевального вечера, проникновенно и обнадеживающе западала в души влюбленных.

Покинув танцевальную веранду, Вадим и Людмила спустились к пешеходному мосту через реку Исеть. На мосту их остановил непрекращающийся крик лягушек.

– В народе говорят: лягушки с вечера долго кричат – к хорошей погоде, – пояснила Людмила.

– Тогда постоим и послушаем, как долго они будут зазывать нам хорошую погоду, – вставил Вадим и прижал к себе Людмилу.

Обнявшись и согревая друг друга своим теплом, они стояли на покачивающемся от старости мосту до тех пор, пока не утасла лягушачья трель, а наступившая июньская ночь не прикрыла водную гладь реки Исети.

* * *

Вернувшись со свидания рано утром, Вадим, чтобы не разбудить спавших ребят, тихонько разделся и также тихонько забрался в свою кровать. Уснул моментально. Разбудил его Алексей:

– Вставай, труба зовет!

– Который час? – просыпаясь с трудом, спросил Вадим.

– Да дело к обеду идет, скоро на дежурство выходить, – засмеялся Алексей.

Опергруппе цеха предстояло дежурство в заводском парке с 17-00 до 24-00. Поэтому было еще время, чтобы после сна привести себя в порядок, сходить в столовую, а уж потом двинуться на дежурство. Накануне Вадим предупредил членов опергруппы, что сбор – непосредственно в парке, у танцплощадки.

Сбор опергруппы начался в половине пятого вечера. Первыми подошли Валя Синичкина и Валя Столбова – они гуляли в парке, и как только увидели рядом с танцплощадкой Вадима и Алексея сразу же завернули к ним. Потом стали подходить другие члены опергруппы – Гена Махнев и Иван Шадрин, Паша Коротков и Саша Погудин. С небольшой задержкой прибыл Юра Третьяков (он жил дома, с родителями, в Уктусе, а поэтому ему пришлось добираться троллейбусом на Химмаш). Пока не пришла Наташа Иваницкая, и ее приходилось поджидать.

– Напрасно ждем Наташку, – подала голос Валя Синичкина. – Она не придет! Наташка – девочка пунктуальная, если не пришла вовремя, значит – не придет, зря мы ее ждем!

– Хорошо, – согласился Вадим. – Повязки надеваем на руки и приступаем к дежурству. Если Наташа подойдет – нас найдет.

Несмотря на то, что воскресный день клонился к вечеру, в парке по-прежнему было многолюдно. Среди отдыхающих встречались и хорошо выпившие, которые вели себя довольно развязано.

– Будем алкашей в вытрезвитель отправлять, – предложил Паша.

– Зачем? – удивился Вадим – Разве они буянят? Они все с женами, немного повеселятся и домой пойдут. Вот если кто-то из них начнет буянить, портить настроение отдыхающим, – вот таким тогда будет прямой путь в вытрезвитель.

Около пивного ларька, мимо которого проходили оперативники, Вадима вдруг окликнули:

– Андреич, присоединяйся к нам, попей пивка, легче будет дежурить!

Это был Коля Христосенко. Рядом с ним, держа в руках кружки с пивом, стояли Игорь, Борис и Толя – друзья, живущие вместе в одной комнате.

– Нам дежурить надо, а не пивом забавляться, – поспешила ответить Валя Синичкина.

– Ишь, какой деловой стала! – бросил Борис. – С такой деловой не грех было бы поиграть в кошки-мышки в темном углу!

– Поищи себе неделовую девицу для игры, – съязвила Валя. – А пока смотри, чтоб не загремел к концу дня в вытрезвитель.

– Ладно, парни, пиво пить – не дрова пилить, дело приятное, но в свободное время, – вмешался в перепалку Вадим. – А нам сейчас на самом деле надо отдать общественно полезный долг.

Отойдя от пивного ларька, Вадим предложил группе разделиться: часть оперативников идет дежурить к стадиону (там продолжался матч между заводскими футбольными командами заводов Уралхиммаш и Уралгидромаш), а другой надо пройти по берегу пруда, где также много отдыхающих: кто-то купается, а кто-то загорает, благо, что уходящий июньский воскресный день оставался на редкость солнечным и жарким.

– Делимся так: пятеро с Алексеем идут к стадиону, четверо – со мной, – распорядился Вадим. – Кто куда и с кем пойдёт – по желанию; прекрасные дамы тоже определяются, с кем и куда идти дежурить.

– Я иду дежурить с нашим командиром, – первой вызвалась Синичкина.

– Мне тоже хотелось бы дежурить на берегу пруда, – взмолилась Столбова. – Там меньше шума и прохладнее.

– Вообще-то для порядка и большей солидности надо бы, чтобы в той и другой группе были женщины – рассудил Вадим.

– Я считаю, что к стадиону должны пойти одни мужики, – высказался Алексей. – Там нет-нет и мат раздается, и алкашей немало у стадиона находится, и драка может возникнуть в любой момент между болельщиками. Так что девчатам у стадиона делать нечего; возьми их с собой, Вадим, и еще Генку для компании прихвати.

– Хорошо, – согласился Вадим. – Если никакого ЧП не произойдет у стадиона или на берегу, – встречаемся у танцплощадки, когда начнутся танцы. Договорились. А сейчас – расходимся!

Дежурство прошло без каких-либо чрезвычайных происшествий. На не очень благоустроенном берегу пруда, на разбросанных на траве разноцветных подстилках спокойно загорали и семейные со своими маленькими детьми, и молодые люди в одиночку или парами, и непоседы-подростки.

– Нам тут делать нечего, все спокойно, как на забытом кладбище, – вырвалось у Гены.

– Люди радуются солнцу, которое нас, уральцев, не очень балует, – по своему отреагировала на все, увиденное на берегу, Валя Столбова. – Вот люди и наслаждаются природой, не тратя зря время на пустопорожние дела.

Вся опергруппа, как условились, собралась вместе у танцплощадки, когда начались танцы. Благодаря активности массовички (ее роль на сей раз исполняла Юля – зам. секретаря комитета комсомола завода), танцы – танго, фокстрот, вальс и твист – сменялись различными играми. Всем было интересно и весело, никому не приходилось скучать, а уж тем более проявлять какое-то неудовольствие.

Закончили дежурство, когда замолкла музыка, над танцплощадкой погас свет, а парк покинул последний посетитель. Расставаясь с членами опергруппы, Вадим всех их поблагодарил за ответственное выполнение комсомольского поручения – поддержание общественного порядка во время массового гулянья заводчан и жителей поселка в заводском парке. Девушек Валу Синичкину и Валу Столбову вместе с Алексеем проводил до самого их общежития.

* * *

Очередная рабочая неделя начиналась для Вадима не с первой смены, а со второй, и поэтому первая половина дня была свободной. Воспользовавшись этим, он в понедельник утром отправился в университет, чтобы

сдать свои документы в приемную комиссию. Настроение было приподнятое – субботний вечер, проведенный с Людмилой, воскресное спокойное дежурство окончательно сняли тот психологический надрыв, связанный с получением характеристики.

В приемной комиссии университета Вадим долго не задержался. У него быстро приняли документы, выдали справку, которая давала право на получение отпуска без содержания для подготовки и сдачи вступительных экзаменов. Как поступающему на вечернее отделение на специальность «История» ему предстояло сдавать три экзамена: русский язык и литература (письменно и устно), история СССР (устно). Покидал университет Вадим с радостным чувством: он – абитуриент!

* * *

Во второй смене Вадим работал вместе с Игорем и Николаем. Бригадирские функции – сдача ОТК обработанных деталей, закрытие нарядов, – все это выполнял Игорь.

Во время небольших перекуров (курил только один Николай, но пятиминутной передышкой пользовались Вадим и Игорь) Вадим поделился с друзьями своей радостью, посоветовался относительно того, надо ли брать отпуск без содержания. Если Николай промолчал, то Игорь однозначно заявил:

– Отпуск надо взять обязательно, чтоб подготовиться к экзаменам. Ведь тебе предстоит перелопатить огромный материал и по истории СССР, и по русской литературе. А для этого надо время. Работая, да еще посменно, когда нарушается нормальный сон и память постоянно находится в полусонном состоянии, ты, если что-то и успеешь прочитать, вряд ли прочитанное хорошо запомнишь. Так что бери отпуск, не жалея некоторых потерь в зарботке, выбрось из головы на время все постороннее, кроме предстоящих экзаменов, и готовься.

В обеденный перерыв Вадим не удержался, чтоб не рассказать Вале Синичкиной, тоже работавшей во вторую смену, о своем поступлении в университет. Та неожиданно приветствовала бурно:

– Молодец, Вадик, мо-ло-дец! Учиться и добиваться своей цели в жизни – это здорово! Это – смысл жизни!

– А ты, куда собираешься поступать, в какой вуз? – остановил Валентину похвалу Вадим.

– Еще не решила, вот поработаю годик-два на заводе, заработаю рабочий стаж, а там и решу, какую специальность приобретать, в какой вуз поступать.

– Ты, Валя, красивая, и учиться тебе надобно в театральном институте.

Валя действительно была красивая девушка, чем-то смахивала на артистку Ларионову. Единственно, что несколько обедняло ее девичью красоту – редко посаженные зубы. Но это не мешало парням из своего цеха и

других цехов добиваться ее расположения и дружбы. Как-то однажды она шутиливо ответила Вадиму, когда тот в приватном разговоре с ней заметил, что многие ребята стреляют за ней: «Знаешь, Вадик, красивые девушки – особая порода. Они долго не ждут кавалеров и свободными не бывают, их завоевывают!» Ее уже некоторые пытались завоевать, но безуспешно. Теперь вот пытается ее покорить Алексей Степанченко. Удастся ему это сделать – покажет время. Вадиму до новогоднего вечера в Уктусе и знакомства с Людмилой не приходилось сталкиваться с Валентиной и разглядеть ее девичью красоту. Лишь во время первого дежурства опергруппы цеха, когда он пообщался с ней, почувствовал ее повышенное внимание к нему и его к ней. Возможно, если бы он не втрескался в Людмилу, то наверняка попытался бы перевести ее хорошее отношение к нему в нечто большее. Если бы... А пока Вадиму льстило, что такая красивая девушка уделяет ему подчеркнутое внимание.

– Ты советуешь мне попытаться поступить в театральный институт? – переспросила Валя – Знаешь, я как-то об этом не думала. Вообще-то быть актрисой, наверное, интересно. Эта какая-то неземная профессия. Тут надо уметь красиво перевоплощаться, жить не своей жизнью, лицедействовать. По-моему, у меня таких способностей нет. Да у нас, в Свердловске, и вуза такого нет, а ехать в Москву – надо быть до безумства уверенной в своих способностях, обладать неукротимым упорством вперемешку с нахальством, чтобы суметь пробиться в театральный институт. Там же конкурс сумасшедший. Нет, это не по мне!

– Валя, таких людей, как Николо Паганини, призвание которого стать великим скрипачом отец уловил с пеленок, будучи и сам музыкантом, – таких людей рождается в мире не так уж и много, – пустился в рассуждения Вадим. – Нормальному человеку, а не гению, чтобы найти свое призвание, приходится перепробовать не один род занятий. И чем быстрее это будет сделано – тем лучше. Только найдя себя, свое призвание и место в этой жизни, можно трудиться с большим удовольствием, делая свою жизнь счастливой и обеспеченной и принося пользу обществу. Так что ты напрасно сходи отказываешься от театрального института, может он – твоя судьба.

– Ладно, подумаю, а пока надо идти работать, обеденный перерыв закончился, – засмеялась Валя и ушла.

* * *

На следующий день, во вторник, Вадим пришел на свое рабочее место за час до окончания первой смены – надо было решить, и прежде всего с бригадиром, вопрос об отпуске без содержания. Воронов внимательно выслушал его, уточнил, когда и на сколько дней требуется отпуск и, узнав, что речь идет всего о двух неделях во второй половине июля, не стал возражать:

– Учиться надо, пока не поздно. Пиши заявление, мы здесь переберемся без тебя как-нибудь.

Не теряя времени, Вадим буквально помчался в приемную начальника цеха. Секретарша Зина подала листок бумаги, и он быстро написал заявление на имя начальника цеха с просьбой о предоставлении двухнедельного отпуска без содержания для сдачи вступительных экзаменов.

* * *

Не дожидаясь отпуска, Вадим в свободное от работы время занялся подготовкой к экзаменам. Теперь вторым местом его «работы» стала публичная библиотека им. В. Г. Белинского, или, как ее любовно называли читатели, «Белинка». Она размещалась в новом, специально построенном здании. Вадиму нравилось заниматься в просторном общем зале библиотеки. Здесь было светло, уютно, у читателей на двоих был столик с настольными лампами и мини-этажерками. Сама атмосфера, царившая в зале, настраивала на вдумчивое чтение необходимой литературы и непринужденное усвоение прочитанного.

Из трех экзаменов, которые предстояло сдавать, история СССР являлась профилирующим предметом. Это прекрасно понимал Вадим. Отсюда выходило, что историю надо было сдавать как можно лучше, на «отлично». Ознакомившись с программой по истории СССР, по которой предстояло готовиться к экзамену, он пришел к весьма нерадостному заключению, что многого в отечественной истории не знает. Да, в десятом классе вел русский язык и русскую литературу очень сильный педагог, поэтому и знания по этим предметам имел приличные. А преподавание истории СССР проходило ни шатко ни валко, естественно, что интерес к этому предмету во всем классе был невелик. Померк тогда интерес к истории и у Вадима, и приращения дополнительных знаний по данному предмету у него, кроме тех, что давал школьный учебник по истории СССР, не происходило. И вот теперь, начав готовиться к экзамену по истории СССР, он не только «пробежал» школьные учебники, но стал знакомиться с трудами корифеев российской исторической науки – Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, а также со специальной литературой по истории СССР. И чем больше читал научную историческую литературу, тем острее ощущал свой примитивизм в знании истории своей страны, и у него закрадывалось паническое настроение относительно возможной вообще сдачи вступительного экзамена по данному предмету. Но в то же время и испытывал большую радость от получаемых по истории новых знаний.

Подготовка к экзаменам отнимала у Вадима все свободное время. Он реже стал общаться с друзьями. Те с пониманием относились к этому. Лишь Николай иногда подтрунивал, говорил, что можно засохнуть в «Белинке», подругу потерять.

При всей своей занятости Вадим продолжал встречаться с Людмилой. Он пока ей не говорил, что сдал документы в университет, что начал интенсивную подготовку к вступительным экзаменам. Она об этом и не спраши-

вала особенно, озабоченная сдачей государственных экзаменов в своем техникуме советской торговли. Только после их сдачи поинтересовалась:

– Как твои дела?

На что Вадим ответил уклончиво:

– Пока завершаю сбор необходимых документов.

– А когда у тебя отпуск, может, нам с тобой в Крым махнуть на пару недель, в море покупаться, позагорать под южным солнцем! – Людмила кокетливо улыбнулась, явно интригуя Вадима своим заманчивым предложением.

– К сожалению, отпуск у меня по графику в октябре, перенести его невозможно. Для вновь поступивших на завод отпуск через одиннадцать месяцев. Может, в октябре где-нибудь вместе проведем отпуска?

– К октябрю я только устроюсь на работу по специальности, которую получила в техникуме. Так что никакого отпуска у меня не будет. Да и солнце в октябре даже в Крыму не для загара. Туда надо ехать летом! Поговорю с Жанной, может, она согласится катнуть к морю со мной. Уж очень хочется отдохнуть там, на юге, после многолетней утомительной учебы в техникуме, да еще вечером.

Так и расстались, ни о чем не договорившись. А во время очередного свидания Людмила объявила с явным удовольствием, что она с Жанной едет в Крым и отправляется туда уже 24 июля.

Сообщение Людмилы не на шутку расстроило Вадима, хотя он и не подал вида. Он вдруг представил, как они вдвоем с Людмилой, в купальниках, вдоволь накупавшись, валяются на пляже и слушают рокот то приближающейся, то удаляющейся морской волны. Сквозь затемненные очки он наблюдает за Людмилой, за ее полуобнаженным красивым телом. А вдруг вместо него окажется рядом с Людмилой другой мужчина и начнет заигрывать с ней, посыпать на ее обнаженный живот струйки пляжного песочка, и она, испытывая возбуждающее удовольствие от теплых песчинок, примет его предложение провести вместе с ним вечер с возможными всякими последствиями! От такого прогноза Вадиму стало дурно, заиграло угнетающее чувство мужской ревности. Что делать! Может, плюнуть на вступительные экзамены, поехать с Людмилой в Крым и насладиться там вместе с ней радостью жизни. У него ведь отпуск с 24 июля, и он может поехать с ней. Правда, отпуск без содержания, но деньги можно найти, в конце концов, занять у друзей.

С такими смешанными чувствами Вадим вернулся домой после свидания с Людмилой.

Несколько дней он терзался вопросом: как быть? Конечно, занять денег у друзей можно, но им же придется объяснить: зачем потребовалось столько денег. Узнав его истинные намерения – вместо поступления в университет отдохнуть с подружкой в Крыму – они вряд ли этот его поступок поймут, рассмеются да еще станут потешаться: университет на бабу

променял. А как посмотрит на такую его авантюру комсорг Бочарова, которая пошла на скандал с начальником цеха из-за его характеристики? Какой будет здесь реакция начальника цеха и секретаря парткома завода? И не закроет ли он, Вадим, своим поступком дорогу другим в вузы?

После мучительных размышлений Вадим принял для себя однозначное решение: поступать в университет. Припомнил при этом когда-то кем-то сказанное: надо рассудку страсти подчинять. А как Людмила оценит его действия? Она все поймет правильно, если, конечно, любит, а не играет в любовь. Чтобы скрасить предстоящую временную разлуку, Вадим предложил Людмиле побывать на празднике искусств. Он проходил на Центральном стадионе города 22 и 23 июля. Это был второй такой праздник в Свердловске с участием советских звезд театра, кино и эстрады. Договорились пойти на воскресное концертное выступление артистов. В назначенные день и время встретились у кинотеатра «Октябрь» и сразу же не спеша двинулись по проспекту Ленина в сторону Центрального стадиона. На подходе к стадиону Вадим и Людмила влились в пестрый бурлящий людской поток, который благополучно вынес их на стадион. Отыскав на нем не без труда более-менее удобные места и оказавшись среди празднично настроенных зрителей, оба они ощутили душевный прилив радости и ожидания необычного действия на стадионе, над которым лилась песня об Урале:

«Твои леса, озера, горы
Я не забуду никогда...»

Но вот, наконец, это действие началось. Лепестки огромного цветка медленно раскрылись, и взору зрителей предстал круг сцены – центр начинающихся представлений. На стадион въехали мотоциклисты с Государственным флагом СССР и флагами союзных республик. За ними последовали празднично украшенные машины, представлявшие трудовые коллективы известных всей стране предприятий – Уралмаша, Уралхиммаша, Уралэлектроаппарата, Верх-Исетского, турбомоторного и других заводов. Но вот движение машин завершилось, и начался большой концерт. Первым поднялся на искусственную сцену в центре стадиона народный артист Советского Союза Павел Лисициан. Песня «Моя Родина» в его замечательном исполнении взбодрила стадион, вызвала шквал аплодисментов зрителей. Бурными аплодисментами встречали и провожали выступления артистов Бориса Андреева, Сергея Столярова, Марины Ладыниной, Сергея Мартинсона, Рины Зеленой. Затем показали свое мастерство акробаты Государственной Ленинградской эстрады. Едва скрылись акробаты, как на стадионе появился всадник. Все в нем узнали Григория Мелехова – главного героя кинофильма «Тихий Дон» в исполнении артиста Петра Глебова. На стадионе не было мелеховского куреня, но разыгранная Петром Глебовым и Людмилой Хитяевой сцена у плетня точно воспроизводила знакомый эпизод из третьей серии этого фильма.

Все происходившее на стадионе до глубины души покорило Вадима. И прежде всего потому, что он впервые видел и слушал любимых артистов не через экраны телевизора и кино, не по радио, а живую здесь, на стадионе. И когда такая возможность еще раз представится, чтобы в одном концерте увидеть и услышать столько знаменитостей – даже богу неизвестно! Концерт между тем продолжался. Уже солнце скрылось за горизонтом, на смену ему пришли прожекторы. Они ярко осветили стадион, его украшения заиграли по-новому, стали более контрастными. Потянуло вечерней прохладой, что после жаркого дня было особенно приятно.

На сцену вышел Глеб Романов – исполнитель главной роли в фильме «Матрос с “Кометы”». И полилась уже полюбившаяся всем песня о Черном море. Долгими аплодисментами присутствующие на стадионе встретили своего земляка, артиста МХАТа Владимира Трошина. Он начал свое выступление с песни «Перекресток». Потом прозвучала в его исполнении песня «Я люблю тебя, жизнь!» Та задушевность, с которой артист исполнял песни, согревало особым, возвышенным чувством всех присутствующих на этом необыкновенном концерте мастеров искусств. А когда Трошин запел свою коронную песню «Подмосковные вечера», весь стадион стал подпевать, на ходу подправляя вместе с певцом на «Подсвердловские вечера».

Было уже довольно поздно, когда закончился концерт. Вадим и Людмила вышли со стадиона под большим впечатлением от всего увиденного и услышанного. Обмениваясь своими впечатлениями, они еще раз вместе переживали то, что происходило и только что закончилось на Центральном стадионе.

До Уктуса добрались на такси. Когда вышли из него, Людмила предупредила: – Сегодня гуляем недолго, завтра мне надо рано подняться, собраться в дорогу и успеть на поезд.

– Во сколько отправление поезда? – поинтересовался Вадим.

– Встречаемся с Жанной на вокзале в полвосьмого утра, у нее билеты. Ты приедешь провожать. – Людмила кокетливо улыбнулась и прижалась к Вадиму.

– Обязательно приеду! – Вадим обнял и поцеловал девушку.

Они гуляли недолго. Пройдя несколько переулков, завернули в сторону дома Людмилы. По пути к нему остановились под развесистой рябиной. Людмила неожиданно поцеловала Вадима. Восприняв это как позыв к чему-то большему, к близости, он стал награждать ее своими поцелуями, разжигая свою и ее страсть. И когда, казалось, что это нечто вот-вот совершится, Людмила резко оттолкнула Вадима от себя:

– Ты неправильно меня понял, Вадик. Мой поцелуй – поцелуй расставания с тобой на короткое время, поцелуй надежды, что ты в мое отсутствие не будешь ни на кого заглядывать. Ну, а то, о чем ты подумал – после свадьбы. А теперь – домой, время позднее, опоздаешь на последний троллейбус.

Утром Вадим проводил девушек. На перроне, прощаясь, поцеловал Людмилу и Жанну, которая, улыбаясь, интригующе обронила: – Не волнуйся, Вадюша, вернемся целыми и невредимыми.

Зайдя в вагон, девушки, когда поезд тронулся, через открытое вагонное окно дружно помахали Вадиму руками. Он ответил им тем же. Глядя на улыбающуюся ему Людмилу, стремительно удалявшуюся в набиравшем скорость поезде, Вадим почувствовал нахлынувшие вдруг на него какие-то опустошенность и грусть. Вспомнились слова, пророненные ею в порыве вчерашних страстных взаимных поцелуев: после свадьбы. Эти ее слова не то что подняли теперь его настроение, а заставили по-другому взглянуть на их дальнейшие отношения. Своими словами она дала понять, что готова пойти дальше будоражащих ее поцелуев, но только после свадьбы. Готовь ли он к семейным отношениям? На этот вопрос у Вадима не было сиюминутного ответа. Надо было подумать, тем более время позволяло – Людмила вернется через две недели, и за это время он найдет ответ. А пока предстояло сдать вступительные экзамены, стать студентом университета.

* * *

Готовясь к сдаче вступительных экзаменов, Вадим все больше убеждался, что овладеть за столь короткий срок огромным фактическим материалом по истории СССР невозможно. А это подспудно порождало неуверенность в возможности сдачи этого предмета на повышенную оценку со всеми для него неприятными последствиями. О своем беспокойстве он поделился с Игорем и Николаем.

– Ты заешь, экзамен – игра, оценка может быть неожиданной, – заметил Игорь. – Конечно, если весь материал по экзаменуемому предмету знаешь прилично – можно рассчитывать на высокий бал. А если нет, если знания так себе, с пятого на десятое – оценка становится делом случая, как повезет.

– Только шпоры, друг, помогут тебе сдать экзамен по истории на «отлично», – посоветовал Николай.

– Ни в коем случае, – отрезал Игорь. – Если попадешься на шпорах, а на вступительных экзаменах, будь здоров, строгость еще та, – считай, что с университетом расстанешься, как минимум, на год. Возьмешь билет – без паники напряги свои извилины и вспомнишь все, что надо по билету. Это я говорю тебе как человек, сдававший вступительные экзамены в УПИ и в итоге поступивший.

Вадим был уверен, что экзамены по русскому языку и литературе сдаст на повышенные оценки. Порукой тому была хорошая школьная подготовка. Так оно и получилось: сочинение написал на «хорошо», а по русской литературе (устно) получил отличную оценку. А вот сдача экзамена по истории СССР, хотя, как ему казалось, многое знал по предмету, не давала покоя, порождала неуверенность в достижении желаемого успеха.

Когда подошел день сдачи экзамена по истории СССР, Вадим, словно перед прыжком с самолета, подавил волнение и, чтобы не расслабиться, в числе первых шести абитуриентов зашел в аудиторию, где должен был проходить экзамен. За экзаменационным столом сидела дама лет сорока. Ее внешний вид – светлый, английского покроя костюм, гладко уложенные волосы, слегка подкрашенные губы и ресницы – подчеркивал не только важность, но и строгость происходящего – приема экзамена.

Вадим взял билет и быстро пробежал глазами его вопросы. Первый вопрос касался декабристов и ленинской оценки их роли в истории. Во втором значилось партизанское движение в тылу врага в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Ознакомившись с вопросами билета, Вадим вздохнул с облегчением: он их знал и особенно хорошо – второй вопрос. Он не стал занимать много времени на подготовку – пошел отвечать первым. Принимала экзамен строгая дама. Рядом с ней сидел совсем молодой преподаватель.

Отвечая на первый вопрос, Вадим то и дело поглядывал на даму, пытаясь уловить ее реакцию на ответ. Но она лишь внимательно слушала, и было непонятно, одобряет ли она, что говорит абитуриент, или просто выдерживает паузу, чтобы потом спокойно сказать свое веское слово: мы вас внимательно, не перебивая, выслушали, вопрос вы не раскрыли. Такая тревожная мысль невольно вкрадывалась в голову Вадима, пока он отвечал первый вопрос. Но вот он с согласия экзаменаторши перешел к изложению второго вопроса билета, который знал, как сам считал, прилично. Кратко изложив начало войны, больше стал рассказывать о партизанском движении в тылу врага. Назвал важнейшие документы и действия, связанные с развертыванием подпольно-партизанской борьбы в тылу противника. Упомянул начальника Центрального штаба партизанского движения Пономаренко, до войны являвшегося первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Далее стал рассказывать о боевых действиях партизан. Особо остановился на рейдах крупных партизанских отрядов и соединений Ковпака, Федорова, Сабурова, «рельсовой войне» партизан. Для большей убедительности своего ответа и демонстрации своих знаний начал рассказывать о партизанской бригаде «Железняк», которая сражалась против оккупантов в Белоруссии. Рассказал о том, что это крупное партизанское формирование действовало в тех местах, где находилась его родная деревня и что он, мальчишка, помогал пасти партизанских лошадей, и что сам командир бригады Титков за это поблагодарил и даже пожал ему руку. Рассказ о бригаде «Железняк» заинтересовал экзаменаторшу. Она, дослушав его рассказ и прервав ответ на вопрос, со вздохом заметила, что война отобрала у миллионов наших детей детство. Потом обратилась к сидящему рядом молодому преподавателю:

– Ну что, Василий Акимович, подведем итоги ответов на вопросы билета?

– Да, Галина Александровна.

Галина Александровна взяла в руки свой листок, где виднелись кое-какие записи, и не спеша начала оценочный разбор ответов Вадима на вопросы билета.

– Начнем со второго вопроса – огласила она. – Абитуриент показал приличные здесь знания, материал изложен логично. К тому же, находясь на временно оккупированной территории, сам испытал ужасы войны; общался с партизанами, оказывая им по-ребячески посильную помощь. В целом ответ заслуживает оценки «отлично». Нет возражений, Василий Акимович?

– Нет!

– Переходим к первому вопросу. Ответ получился не такой убедительный, как по второму вопросу. В ответе по первому вопросу допущены отдельные неточности, поверхностно упомянуто о причинах поражения восстания декабристов. Ленинская оценка о роли декабризма в российском освободительном движении – здесь все верно сказано. Думаю, можно «хорошо» поставить за ответ по этому вопросу. Как вы, Василий Акимович, считаете?

– Может, дополнительно поспрашиваем по первому вопросу?

– Пожалуйста, поспрашивайте, – согласилась Галина Александровна.

– У меня два вопроса. Первый: что побудило дворянскую молодежь встать на путь создания тайных организаций; и второй: когда были созданы первые декабристские организации и как они назывались.

Обращаясь к Вадиму, Василий Акимович пояснил смысл своих вопросов.

– В своем ответе вы кое-что сказали по заданным мной вопросам, но надо внести уточнения, в том числе и по программным документам декабристов.

То, что знал, Вадим уже изложил в своем ответе. Внести уточнения – надо было подумать, для этого требовалось дополнительное время, а его не собирались давать экзаменаторы. Поэтому стал отвечать, что мелькнуло в памяти:

– Распространение свободолобивых идей в России, особенно после победоносной Отечественной войны 1812 года, способствовало появлению в стране тайных революционных организаций. В 1816 году возник «Союз спасения», а в 1818 году – «Союз благоденствия». Позже сформировались Южное и Северное общества декабристов.

А вот по программным документам декабристов Вадим ничего не мог дополнительно вспомнить.

– У вас все? – спросила Галина Александровна Вадима.

– Все, – последовал его ответ.

– У вас, Василий Акимович, будут еще вопросы?

– Нет, – махнул головой молодой преподаватель.

Обращаясь к Вадиму, Галина Александровна заключила:

– Ваши ответы на дополнительные вопросы не были полными и поэтому отличную оценку не можем поставить, хотя четверку своим ответом укрепили, убрали, так сказать, у нее подпорки. В целом вы показали хорошие знания по истории СССР, общая оценка – «хорошо».

Вадим не сразу воспринял объявленную по результатам его ответа оценку. Ему казалось, что еще экзамен продолжается, что еще последуют дополнительные вопросы, а оглашенная четверка – лишь оценка за ответ по первому вопросу. И только когда Галина Александровна добродушно объявила ему «Вы свободны», он понял, что экзамен окончен, что по истории СССР получил хорошую оценку. Теперь его мысль моментально переключилась на то, а достаточно ли будет четверки для проходного балла? Абитура, встретившая Вадима возгласами «ну как?», когда он вышел из аудитории, и узнав, что он получил четверку, ахнула: молодец, получить у Галины Александровны четверку – классно, считай, что крупно повезло и студенческий билет в кармане. После этих слов до Вадима дошло, что проходной балл ведь 12, а он набрал 13. Радость, задавленная переживаниями и волнениями, вдруг выплеснулась наружу, окатила всего его, и он еле сдерживал себя, чтобы тут же, в среде абитуриентов, не прокричать «ура!», не заплясать или броситься в обнимку с ними – соискателями высшего образования.

* * *

Вечером того же дня, а это была пятница, друзья Вадима – Игорь, Николай, Алексей и Володя, собрались в ресторане «Уктуские горы», чтобы поздравить своего друга с поступлением в университет. Не подошел лишь Виктор – он был противником алкоголя и всяких застолий со спиртным избегал. Вадима он, конечно, поздравил с успешной сдачей вступительных экзаменов, пообещал, но с оговорками, что подойдет в ресторан, однако так и не пришел. Его дожидаться не стали.

Распорядителем за столом дружно избрали Игоря как самого рассудительного и делового не по годам человека. Быстро пробежав глазами меню, прикинув, во сколько обойдется поздравительное застолье вместе со спиртным, он предложил:

– Братва, чтоб нам хорошо посидеть, предлагаю сброситься по паре червонцев, а дальше будет видно – как пойдет. Вадима в расчет не берем – он виновник торжества. Все согласны? Нет возражений? Тогда заказываем. – Игорь подозвал официантку. Она приняла заказ и тут же стала накрывать стол: каждому поставила прибор. А когда принесла холодные закуски, минералку, графин с водкой, Николай решил пошутить, обращаясь к официантке:

– А почему вы подаете все блюда остывшими?

Та не растерялась и, улыбаясь, спросила:

– Что именно подогреть?

Все рассмеялись вместе с официанткой. А когда она ушла, Николай, начав ковырять содержимое в своей салатнице, поинтересовался у Игоря:

– Петрович, что за салат ты нам заказал?

– Салат «Весна», сейчас подадут к нему еще соус в соуснике, – пояснил Игорь, наполняя рюмки водкой. – А на горячее будет эскалоп.

– Надо, Коля, привыкать к изящной пище, ведь, как-никак, шпарим к коммунизму, – засмеялся Алексей. – А там будет иная пища, не картошка тебе вприкуску с соленым огурцом, капустой квашеной да краюхой хлеба. Там будет пища космическая – проглотил пару таблеток и не кашляй.

– При такой пище при нашей с кувалдой работе можно будет и загнуться, ноги протянуть, – отозвался с явным сожалением Николай.

– Ты, Алеша, не вводи Мыколу в заблуждение, – вмешался Игорь. – При коммунизме все будет, только надо дожить до него. А пока вернемся к тому, зачем мы здесь сегодня собрались.

Игорь поднял рюмку, его примеру последовали другие.

– Мы собрались здесь для того, чтоб поздравить нашего друга с удачным поступлением в университет. Без громких слов скажу: он проявил огромную настойчивость, чтобы взять, быть может, главный рубеж на своем жизненном пути. Чего греха таить: у нас на заводе милуют тех, кто получает близкую заводу инженерную специальность в нашем УКП. Если сравнить, сколько заводской молодежи без отрыва от производства обучается в УПИ и в университете, то увидим колоссальную разницу: подавляющее большинство – это студенты политехнического института, а тех, кто учится в других вузах – можно по пальцам пересчитать. Я предлагаю выпить не просто за поступление в вуз Вадима, а за его поступление в университет, за то, чтоб у него хватило настойчивости и терпения окончить УрГУ и получить диплом высшего исторического образования.

После того как выпили и стали закусывать, поздравления приняли форму непринужденной беседы. Каждый старался что-то сказать, может, даже не по теме застолья, но провозглашая очередной тост, не забывали сказать несколько приятных слов в адрес Вадима. Сам Вадим мало говорил, он больше слушал, пил и закусывал наравне со всеми, переваривая в душе свой успех. Однако когда завязался небольшой спор по поводу того, правильно ли сделал, что поступил в университет, да еще на исторический факультет, не удержался, чтобы не высказаться:

– Знаете, друзья, что сказал мне начальник цеха, когда я пришел к нему с просьбой дать характеристику для поступления в университет? Он сказал буквально следующее: мужик не должен ошибаться в двух вещах – в выборе профессии и выборе жены. Здорово сказано! За две недели подготовки к экзамену по истории СССР я прочитал уйму исторической литературы. В одной из книг встретил примерно такой же афоризм, который, оказывается, любил повторять известный историк Тарле. По поводу выбора профессии встретил у Маркса любопытное высказывание. Послушайте:

«Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии... является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом» (1).

– А по поводу выбора жены у Маркса что-нибудь есть? – полюбопытствовал Алексей, явно заинтересованный в знании позиции классика марксизма в этом вопросе, чтобы при удобном случае ею блеснуть перед Валей Синичкиной.

– Не знаю, не встречал, – ответил Вадим и перешел к объяснению друзьям, почему он избрал профессию историка. – Окончательный выбор стать историком я сделал по следующим соображениям: во-первых, это была моя мечта, во-вторых, захотелось пойти наперекор тем, кто считает, что в эпоху научно-технической революции исторические знания теряют свою значимость.

– Убедил всех нас, – подал свой голос до этого больше молчавший Володя. – За это не грех и выпить!

Выпили, закусили поданным эскалопом. Очередная рюмка водки взбудоражила Николая.

– А почему бы нам, хлопцы, не потанцевать! Вон там за столом сидит смазливая чувиха одна, пойду ее приглашу на танец-шманец.

Николай поднялся из-за стола и, сильно покачиваясь, направился к сидящей за дальним столом у окна молодой особе.

Вадим, изрядно захмелевший, тоже был не прочь потанцевать, и шарил глазами по присутствующим в ресторане (а их уже набралось немало) в поисках, кого бы пригласить. Но его взгляд невольно задержался на Николае. Он видел, как дама ему отказала в танце, однако Николай не хотел отступать и стал к ней со своим желанием приставать. Вадим не заметил, как и откуда появился молодой человек. Оказавшись рядом с Николаем, он что-то ему сказал, а потом ударил Николая, и тот рухнул на пол.

– наших бью-ю-т! – заорал Алексей и первым бросился на помощь Николаю.

– Уходим из ресторана, пока дружина не нагрянула, – бросил Игорь. – Ты, Володя, как менее пьяный, остаешься здесь и считаешься с официанткой, а мы с Вадимом поможем Николаю и Алексею отбиться и вовремя уйти из ресторана.

Игорь передал Володе деньги, а сам вместе с Вадимом бросился к дерущимся. После небольшой потасовки с неизвестными парнями друзьям удалось вовремя удалиться из ресторана. Уже на улице Грибоедова они встретили дружинников.

– Что там в ресторане происходит? – спросил один из них, видимо, полагая, что первые встречные тоже из ресторана.

– А откуда нам знать, – съехидничал Игорь, давая понять дружинникам, что он и его друзья не имеют никакого отношения к происходящему в ресторане. И те, не раздумывая, направились в ресторан.

– Слушай, Петрович, там Володю не заметут дружинники? – забеспокоился Николай.

– Не должны, – заверил Вадим. – Володя парень интеллигентный, не пьяный, он не даст повода, чтоб его замели.

И действительно, через несколько минут появился Володя, и все вместе друзья, пересказывая случившееся в ресторане, медленно побрели по аллее улицы Грибоедова.

* * *

Отпуск без содержания подходил к концу. Перед тем как выйти на работу, Вадим решил навеститься к родителям. Хотя после вчерашней дружеской попойки в ресторане чувствовал себя не совсем комфортно, он тем не менее быстро собрался, без особого труда добрался до железнодорожного вокзала, купил билет на поезд и спустя полчаса, как только объявили посадку, зашел в общий вагон, где неплохо устроился на боковом сиденье у окна. Когда поезд тронулся, и все пассажиры определились с местами в вагоне, достал письмо от Людмилы, переданное сегодня утром Виктором, и стал про себя читать:

Здравствуй, Вадик!

Как и обещала, пишу тебе письмо из Москвы. Доехали до столицы очень хорошо.

В соседнем купе ехали студенты из УПИ. В общем, компания собралась неплохая. Играли в карты, травили анекдоты, читали газеты и т. д.

В Москве поселились в гостинице «Туризм». Поразили в ней чистота и обходительное отношение к нам со стороны обслуживающего персонала. После перекуса и небольшого отдыха отправились знакомиться с Москвой. Нас сопровождали ребята из УПИ. Вначале совершили автобусную экскурсию по столице. Затем проехали на ВДНХ, где посетили навильоны, полюбовались фонтанами «Дружба», «Каменный цветок»; вечером поплавали на теплоходе по Москве-реке. Ох, какая красивая Москва, особенно вечером! У меня не хватает слов, Вадик, чтобы все увиденное хорошо описать в письме. Расскажу все подробно, когда вернусь домой, при встрече с тобой.

Писать кончаю, девчонки торопят идти на ужин в кафе.

До свидания! До скорой встречи. Не скучай!

Целую. Люся.

Гостиница «Туризм» 28 июля 1961 г.

P.S. Завтра поездом отправляемся в Крым.

Как устроимся в Крыму – напишу. Ответ – не писать!

Вадим несколько раз перечитал письмо. Письмо как письмо, написанное на ходу, как говорится, на скорую руку, под большим впечатлением от увиденного и услышанного в Москве. И все-таки что-то тронуло его в нем: может, то, что она лишь мимоходом упомянула о ребятах – студентах УПИ. Кто они? Друг Жанны и хороший знакомый Людмилы Стас Морденков? А может, случайные студенты, ехавшие в Москву по своим делам?

Вадим, мысленно невольно возвращаясь к письму Людмилы, упирался в один и тот же вопрос: кто они, эти студенты из политехнического института, и почему они оказались именно в этом поезде и именно рядом, в соседнем купе. Лишь дома, когда он оказался среди родных, его оставила эта назойливая мысль.

* * *

Мать с радостью встретила Вадима и тут же засуетилась, чтобы скорее накормить с дороги сына. Собрались братья, подошел отчим. Начались расспросы. Вадим не удержался, чтоб с ходу не похвастаться, что поступил учиться в университет. Первой откликнулась мать: – Молодец, сынок, как бы рад был твой родной отец!

Отчим рассудительно заметил: – Тяжело будет совмещать учебу в университете с работой на заводе. Кабы здоровье не подорвать. Может, следовало еще годик повременить, поработать на заводе, хорошо приодеться, денегат подкопить и поступить на дневное отделение. Мы с матерью тоже смогли бы чем-нибудь помогать. И учеба легче шла бы, и знаний получил бы больше!

Валеру сразу же заинтересовал отпуск. – Ты в отпуске? Едем в Белоруссию?

– Должен, братишка, тебя огорчить, отпуск мой в октябре месяце. Поездку в Светлое Поле придется отложить до следующего года. Вадим вынужденно усмехнулся, прижимая к себе брата.

– Ты же говорил, что отпуск у тебя в августе, и мы обязательно скатаем в Белоруссию. И обещал рассказать о загадочном островке в Рутковском болоте и показать партизанские тропы.

– Как видишь, не получается. По графику отпуск в октябре, а в октябре и ты, а теперь и я учимся!

– И на будущий год тоже какая-нибудь причина найдется.

– Все может быть, Валера, жизнь полна загадок и чего-то непредвиденного. И не всегда удается все разгадать, предусмотреть, хотя к этому надо стремиться. О тайнах Рутковщины, – так и быть, я тебе расскажу.

– Когда?

– Сегодня вечером.

Валера больше не стал ни о чем спрашивать брата, удовлетворенный его ответом. Вечером, за ужином, Вадим первым спросил мать, что она знает о загадочном островке в Рутковском болоте?

– Всякие байки о нем ходили. Будто на том островке нашел свое последнее пристанище пан Рутковский, и тот заболоченный лес стали называть Рутковщиной.

– А вот что мне рассказала бабуля Кристина о пане Рутковском и Рутковщине, и почему у нас, деревенских подростков, появилась мечта отыскать болотный островок и разгадать его тайны, – вклинился в начатый разговор матери Вадим. – Я сейчас хорошо помню тот жаркий июньский день, когда мы с бабулей возвращались домой от родственницы Александры, которая жила в соседней деревне Горушки. Бабуля в то время уже болела, отнимались ноги, плохо видела и вообще она была очень плоха от постоянного недоедания, быстро уставала. Когда мы сравнялись с холмиком, а в деревне у нас называют его Домком, бабуля попросилась отдохнуть. Она присела на придорожный подгнивший пенек и тяжело вздохнула: «Наверно, скоро помру, вельми тяжело стало ходить, все кости болят, особенно поясница», – невольно вырвалось у нее. Я тогда пытался, как мог, ее взбодрить: говорил, что пережили страшную войну, переживем и эти первые послевоенные голодные годы. Она посмотрела на меня своими подслеповатыми глазами, а потом взяла торбу, которую я нес, достала из нее краюху ржаного, наполовину с щавуком*, хлеба, отломала кусочек и подала мне, сказав: поглотай, тебе надо выжить, дожить до лучшей жизни. Я стал жевать этот противный хлеб, чтоб хоть как-то утолить голод, а она, глядя на меня, молчала, о чем-то думала, может, о надвигающейся смерти или о чем-то другом. Чтобы прервать ее молчание, попросил рассказать о Домке, напротив которого мы сидели. Бабуля немного оживилась и после некоторого раздумья вот что мне рассказала. Когда-то на месте Домка был панский маёнтак*: большой кирпичный красивый дом, конюшня, всякие надворные постройки, огромный сад. Когда и кем был построен дом – никто не знал. Жил в этом доме богатый пан Адам Рутковский. Как он оказался в этом маентке – тоже не было известно. Ходили слухи, будто бы Рутковский находился в родственных связях с Юрасем Жванецким – паном, которого люди за двадцать верст обходили, боялись попасть к нему в немилость. Настоящий кат*, выродок был, до смерти забил своего пастуха, помог уйти из жизни своим матке и батьке. Его сестра Яся сбежала к беглецам в лес после того, как он надругался над ней. Рутковский же, нажив добро путем разбоя, вроде бы женился на дочке Яси красавице Янине – племяннице, а возможно, даже дочке Жванецкого. Поселился Рутковский в этом маентке с молодой женой Яниной. Боясь расплаты за свой разбой, пан спрятал свое добро на сухом месте в болоте. Помог ему отыскать такое место местный охотник. Болото было местами топкое, и не каждый мог

---

* Щавук – съедобная трава.

** Маёнтак – поместье (польс.).

*** Кат – палач.

туда, до островка, дойти. Только лишь местный охотник знал к нему стежку, он и стал проводником у Рутковского. Охотник со своим сыном построил на островке домик, в котором можно было жить, выкопал колодец, помог перенести на островок панское добро. Рутковский заплатил охотнику за такую помощь золотом, а потом, подкараулив охотника с сыном у болота, с ружья убил обоих, а их трупы бросил в топкое место болота. А потом распустил слух, что отец и сын утонули в болоте. Жил Рутковский весело: устраивал гулянки в своем маёнтке, привозил к себе домой покрашенных особ из Минска, Вильно и еще черт знает откуда, от чего его жена Янина не выдержала и повесилась. Во время одной из таких гулянок недоброжелатели Рутковского подкрались к маёнтку и подожгли надворные постройки. Огонь перекинулся и на дом, и вскоре пламя охватило его полностью. Не все пьяные гости могли спастись: кто-то из них сгорел. Сам Рутковский уцелел, но вместо того, чтобы организовать тушение пожара, скрылся под покровом ночи – испугался расправы над ним со стороны недоброжелателей. Говорили, что той же ночью, пока горела усадьба, он благополучно перебрался на болотный островок – туда, где был домик и хранилось его добро. Больше о нем ничего не было слышно.

Пересказав версию бабули о Рутковском, Вадим спросил мать, что в этой истории известно ей. Та ответила, что больше того, что он услышал от бабули, она не знает, хотя обронила, что на том островке незадолго до войны побывали батька Совостей и дядька Ефим. Что они там видели и что там нашли – об этом они не распространялись. Оба погибли в войну.

– Возможно, что-нибудь Денис, племянник Ефима, знает, – предположила мать. – Пока он еще жив и живет в Светлом Поле.

Молчавший отчим вдруг тоже поделился своим сведениями об островке в Рутковском болоте.

– Об этом болотном островке, – начал он вспоминать, – в штабе бригады «Железняк» заговорили весной 1943 года, когда стало известно, что немцы готовятся нанести уничтожающий удар по партизанским формированиям Белоруссии. Командование бригады в срочном порядке стало подбирать подходящие в лесах места укрытия для населения, раненых и больных партизан, а также для тайного от врага хранения продовольствия и военного имущества. Комиссар бригады Манкович, хорошо знавший здешние леса и болота, предложил комбригу Титкову использовать в этих целях недоступный болотный островок. Тот с ходу отверг идею переправлять на болотную кочку (так называли в штабе бригады островок) людей, и делать на ней запасной склад боеприпасов, поскольку она, хорошо выделявшаяся с воздуха в болотном массиве, могла стать мишенью для немецких летчиков. Так оно и вышло: в развернувшихся боях партизан с карателями вражеские самолеты «Фокс-Вульф-189», или как мы их называли «рамы», буквально «утюжили» этот островок. И если бы там находились люди, да еще в соседстве со складом боеприпасов, вряд ли из них кто-то остался бы в живых. А вот НЗ про-

довольствия на островке хранили. Мне, в то время партизанскому мастеру-оружейнику, имевшему непосредственное отношение к ремонту оружия и снабжению им партизан, а также и боеприпасами, обо всем этом было хорошо известно. Переправой части продовольствия на островок занимался со своей группой Сеньюгин, о чем он мне сам сказывал тогда же. Он называл проводника: им был местный старик. Сеньюгин не назвал его имя; возможно, им и был Ефим: его ведь убили летом 1943 года во время прочесывания немцами местных лесов, а переправляли на болотный островок где-то в апреле, накануне боев с карателями. Тогда Ефим был еще жив. Сам Сеньюгин тоже побывал на островке. На нем, по его словам, имелись кое-какие постройки, однако для хранения продовольствия соорудили специальное подземное хранилище. Сеньюгин сейчас живет в Минске, он может больше рассказать, что видел на островке.

Закончив свое повествование, отчим посоветовал Вадиму повстречаться с Сеньюгиным, а может быть, и с Титковым, который тоже живет в Минске (2).

Информация отчима подогрела у Вадима затухавший интерес к загадочному островку в болоте. У него тут же возникло желание обязательно встретиться и с Денисом, и с Сеньюгиным. А там с помощью того же Сеньюгина, может быть, удастся повстречаться и с самим Титковым. Жаль только, что в Белоруссию не придется поехать в этом году. Но ничего не поделаешь! В следующем году надо обязательно побывать в родной деревне, в Минске, повстречаться с ветеранами партизанского движения, разузнать больше о загадочном островке в Рутковщине и постараться побывать на нем. А пока Вадим решил сейчас рассказать родителям и братьям о когда-то ребяческой затее проникнуть на островок. Ранее он об этом дома помалкивал, не объясняя самому себе: почему?

– Когда бабуля рассказала мне о Рутковском и Рутковщине, – заполнил наступившую паузу Вадим, – я поделился этой новостью с закадычными своими друзьями Василем и Виктором. Сговорились побывать на этом островке и разгадать его тайны. Для нас, подростков, эта затея тогда становилась великой романтикой открытия чего-то необычного. Но как добраться до островка в болоте, не зная безопасной тропинки к нему? Решили до него доплыть на лодке весной, когда река разольется, которая брала свое начало где-то в тех краях. Начали было строить лодку. Но остановил нашу работу Костя Игнатович, бывший моряк, заметив добродушно: вы знаете, хлопчики, куда унесет вас весенняя река Вилия? Не знаете? По течению, в противоположную сторону от вашего «таинственного острова». При благополучном плавании, если нигде не перевернется ваше суденышко, и вы не утонете в бурном половодье, то попадете в реку Неман, а дальше – в Балтийское море. Замечание Игнатовича нас образумило, мы отказались от лодочной одиссеи и решили зимой, когда болото замерзнет и покроется снегом, на лыжах добраться до островка. И вот в один из декабрьских дней, прихватив с собой

на всякий случай веревку, спички, по горбушке хлеба, на лыжах отправились на поиски загадочного островка. Стоял воскресный день, в школу не надо было идти; родителей предупредили, что пошли кататься на лыжах и домой вернемся к вечеру. Мы быстро пробежали заснеженное поле, зашли в лес, где катиться из-за больших сугробов становилось трудней. Оказавшись рядом с болотом, решили немного передохнуть, разожгли костер. Настроение у нас было отличное. Отдохнув и пожевав хлеба, встали на лыжи и гуськом двинулись в болото. Как самый легкий, впереди шел я, за мной – Виктор, замыкал – Василь. Он был более сильный и тяжелый и в случае необходимости должен был спасать кого-то тонущего из нас двоих в болоте. Поэтому у него через плечо висел моток веревки. Виктор шел следом за мной, а Василь – за нами, специально отставая немного от нас, чтобы всем вместе не оказаться вдруг в болотной топи. Мы с некоторой опаской прошли на лыжах по болоту первых метров пятьдесят, все было нормально, успокоились. Я, пренебрегая мерами предосторожности, выкатился на снежную гладь и стал прибавлять скорость. И тут-то произошло то, чего мы опасались: мои лыжи стали быстро проваливаться. Причем правая лыжа носом уходила куда-то вниз, а левая – немного задержавшись, тоже стала тонуть. Через пару минут я по пояс очутился в холодной грязной воде. Мое бедственное положение первым увидел Виктор и тут же об этом громко прокричал Василю. Тот моментально сбросил с себя веревку и бросил один ее конец Виктору, а тот – мне. Я, откинув в сторону лыжные палки, уцепился за веревку. Ребята стали меня тащить. Мне казалось, что я продолжаю тонуть, что руки вот-вот соскользнут с веревки, и мне будет конец. Услышал спасительный голос Василя: намотай веревку на руку. Что я лихорадочно и сделал. Скоро почувствовал, что не тону, а медленно выползаю из грязной полыньи, пытаюсь ослабить торможение лыж. С помощью ребят я, наконец, выбрался из нее. Виктор умудрился достать мои лыжные палки. Спасенный друзьями от неминуемой гибели я тогда не просто понял, а до глубины души осознал, что значит настоящая дружба, дружеская помощь и поддержка. Без верных друзей я точно утонул бы. Вот так закончилась наша попытка побывать на островке.

– Ты ведь мог замерзнуть в промокшей одежде, – сочувственно промолвил Валера. – Ведь мороз в декабре бывает нешуточный!

– Все могло быть, – согласился Вадим. – Но мы быстро по проторенной до этого нами лыжне возвратились к костру. Он уже потух, и Василь принялся разводить его по-новому. Виктор, не тратя времени, разделся, снял с себя нательное белье и передал его мне и уже без него, чтобы не замерзнуть самому, снова оделся. Я сбросил с себя замерзающую одежду, надел Витины кальсоны и сорочку, Василеву фуфайку, встал босыми ногами на свою шапку-ушанку и стал греться у разгоревшегося костра, сушить свою одежду.

– Вот тут не помешало бы вам выпить грамм по сто самогонки для поднятия духа и сохранения здоровья, – вставил отчим. – Нам, партизанам, не раз приходилось бывать в подобных переплетках, – спасала водка.

– Немного обсушившись, мы, что было мочи, дернули домой. Когда оказались дома, было уже поздно, все легли спать, кроме бабули, я тихонько разделся, бросил свою одежду на печку и лег как ни в чем не бывало спать. Утром мама поинтересовалась, конечно, где я так долго пропал, пришлось ответить на это не совсем вразумительно.

После этих слов Вадима мать призналась, что в тот вечер она изрядно переволновалась из-за столь долгого отсутствия сына, но не стала пока паниковать и поднимать тревогу, надеясь, что скоро вернется, потому что бывали случаи и раньше, когда он с друзьями, катаясь на лыжах, задерживался допоздна. Касаясь ребячьих затей, заметила, что они у них менялись часто, следить за всеми их играми и шалостями просто не хватало времени.

Еще долго за ужином шел непринужденный разговор, вспоминали былое, делились настоящим. И только когда стали выходить из-за стола, Вадим спросил у матери о Вере. Та, как показалось ему, ответила довольно равнодушно:

– Уехала в Свердловск поступать в сельхозинститут.

* * *

После непродолжительного отпуска без содержания Вадим вышел на работу, вышел в первую смену. Бригадир Воронов находился в очередном отпуске, его бригадирские функции исполнял Игорь. Началась рабочая смена как всегда с определения предстоящего объема работы. Игорь со знанием дела рассказал, чем кто будет заниматься. На сей раз все трое – Игорь, Вадим и Николай – должны были обработать крупную партию заготовок деталей. Трудиться пришлось до пота. Где-то к обеду на рабочее место подошла комсорг Лиза Бочарова. Она поздравила Вадима с поступлением в университет, а потом, отойдя с ним в сторонку, тихо спросила:

– Как ты смотришь, если мы тебя изберем комсоргом цеха?

Для Вадима было это настолько неожиданным, что он не сразу нашелся, что ответить. А Лиза, не дожидаясь, что он скажет, продолжила:

– Понимаешь, Вадим, я перебрала всех комсомольцев нашей организации на предмет того, кто бы мог быть комсоргом цеха, и остановилась на твоей кандидатуре.

– Почему же ты решила вдруг оставить комсомольскую работу? У тебя ведь все хорошо получалось! – Вадим в упор посмотрел Лизе в глаза, потом на ее «испорченную» фигуру и все понял.

– Да, Вадим, ухожу в декретный отпуск с 1 ноября. Это – одна причина. Другая – я уже два срока подряд возглавляю комсомольскую организацию нашего цеха. Устала до чертиков, никаких новых мыслей в работе с

молодежь не нахожу, да и комсомольцам своей персоной уже глаза изрядно намозолила. А им надо подавать все время что-то свеженькое!

– Я понимаю тебя, Лиза! Но и ты меня пойми: я только что поступил в университет. Сама понимаешь, учиться вечером – не сладко, не будет абсолютно никакого свободного от основной работы времени ни для занятий комсомольскими делами, ни для развлечений; оно все будет уходить на учебу. Мне не хотелось бы, и ты наверняка тоже не желаешь, чтобы меня еще до сессии из-за непосещения занятий отчислили из университета.

– Конечно, нет. Понятно, что совмещать работу производственную, общественную и учебу в ШРМ или в вузе тяжело. Но в таком положении оказываются многие ребята и девчата, стремящиеся чего-то добиться в жизни. И они находят время на все. У тебя ситуация со временем не такая уж безнадежная. Во-первых, ты будешь получать оплачиваемые отпуска на время экзаменационных сессий в университете. Во-вторых, комсомольская работа как общественная не оплачивается, выполняется за счет личного свободного времени. Но начальник цеха предоставляет комсоргу несколько свободных от работы смен в месяц, но оплачиваемых за счет цеха для подготовки и проведения крупных мероприятий среди молодежи цеха. Он заинтересован в том, чтобы комсомольская организация своими хорошими делами пользовалась авторитетом в трудовом коллективе, работала со всей молодежью цеха.

– Знаешь, Лиза, начальник цеха не поддержит мою кандидатуру, поскольку я вопреки его совету поступил не в УПИ, а в университет. Поэтому он не будет предоставлять мне свободные от основной работы дни для комсомольской деятельности и тем более оплачиваемые за счет цеха по средне сдельному тарифу.

– Вообще-то начальник цеха положительно оценивает то, что ты делаешь как руководитель опергруппы. И вряд ли он будет возражать против твоей кандидатуры. Он – деловой человек, опытный руководитель, коммунист. А освобождение несколько раз в месяц от работы в бригаде с оплатой по средне сдельному тарифу для занятия комсомольскими делами – это, между прочим, будет зависеть и от твоей работы как комсорга. Так что, Вадим, советую хорошенько подумать, все взвесить, перед тем как категорически отказываться от моего предложения. Быть комсоргом крупной комсомольской организации, какой является организация нашего цеха, не только трудно, но и почетно и перспективно. Ведь не каждому комсомольцу доверяется такое ответственное поручение. Да, ты еще мало работаешь в нашем цехе. Но и за это короткое время ты, как комсомолец, показал себя с лучшей стороны: стал хорошим производственником, наладил дежурство нашей опергруппы, поступил в университет, проявив здесь свой характер и настойчивость; умеешь контактировать с людьми, что для комсомольского вожака особенно ценно.

– Ну и поставила, Лиза, ты мне задачу, – вздохнул Вадим.

– А наша жизнь и состоит из задачек, только успевай их решать. Как гласит народная мудрость: хочешь жить – умей вертеться!

Лиза ушла, оставив Вадима в глубоком раздумье. Он не знал, как поступить с ее предложением. По крайней мере, в его планы никак не входило стать комсоргом цеха.

* * *

Вадим с нетерпением ждал встречи с Людмилой. Она возвратилась домой в пятницу вечером.

Он не смог ее встретить на вокзале, прямо у вагона – работал во вторую смену. О свидании в воскресенье договорились с помощью Володи. Людмила явно неохотно согласилась на эту встречу. Это Вадим почувствовал из разговора с Володи, который что-то недоговаривал, темнил, касаясь причин Людиной нетеропливости повстречаться со своим кавалером.

– Наверное, обиделась, что не встретил ее с цветами прямо у вагона, – поделился с другом своими сомнениями Вадим.

– Говорила, что надо отдохнуть с дороги, прибраться. Но ты не переживай напрасно, – успокоил его Володя. – У дам после отдыха у южного моря бывают душевные завихрения. Им надо дать немного времени для адаптации к той среде и к тем пристрастиям, в которых они постоянно находились, но временно выпорхнули.

– Слушай, Вова, не говори эзоповским языком, скажи прямо, что с ней произошло на юге.

– Дорогой старик, откуда мне знать, что там было у нее на юге! Я лишь убедил ее в том, что откладывать свидание нехорошо, нечестно, и она со мной согласилась. Теперь все вопросы к ней.

Свидание назначалось на двенадцать часов дня на той же самой, ставшей такой родной остановке «Гончарный». Вадим не спеша собрался, на троллейбусной остановке у местной торговли купил букет гладиолусов и отправился на встречу с Людмилой. В салоне троллейбуса было мало пассажиров. Вадиму казалось, что на него и букет в его руках все обращают внимание, отчего ему становилось дискомфортно. Хотя он и не опаздывал на свидание, но ему хотелось как можно быстрее доехать до Уктуса, выйти из троллейбуса, избавиться от любопытно-насмешливых глаз пассажиров, донимавших его. Но машина, как назло, не мчалась, а ползла медленно, задерживалась почему-то на остановках, притормаживала, как казалось, на ровном месте дороги, где не чувствовалось ни выбоин, ни кочек.

Вадим вздохнул с облегчением, когда, наконец, увидел приближающуюся знакомую, ставшую ему особенно близкой остановку. Она была почему-то пустынна в этот разыгравшийся, по-летнему теплый, августовский день, что его обрадовало: из троллейбуса он мог выйти спокойно без любопытных свидетелей.

Людмилу пришлось ждать недолго. Он увидел ее сразу же, как только она свернула со своей второстепенной улицы и вышла на тротуар главной, направляясь к нему навстречу. Когда подошла к остановке – улыбнулась. Вадиму бросилась в глаза какая-то не свойственная ей, виноватая улыбка. Вручив ей цветы, не удержался, обнял ее и поцеловал. Она восприняла это сдержано.

– Здравствуй, Люда, с приездом! – воскликнул Вадим, стараясь не придавать значения непонятному ее поведению. – Прости, что не мог встретить тебя прямо у поезда – работал во вторую смену.

– Мог бы подмениться, – снисходительно обронила она.

– Не мог, двое из бригады в отпуске, а работы невпроворот и вся срочная, – как можно спокойнее ответил Вадим, и тут же предложил Людмиле поехать в центр города и там, в ресторане или кафе, отметить вместе ее хороший отдых в Крыму и его поступление в вуз.

– Надеюсь, ты как современный джентльмен поступил в УПИ!? – Людмила выжидающе посмотрела на Вадима.

– Я как истинный джентльмен решил преподнести тебе сюрприз – поступил в университет, на исторический факультет, – с каким-то особым, неподдельным удовольствием произнес Вадим. Он рассчитывал на положительную реакцию Людмилы, хотя помнил ее пожелания, чтобы он поступил в УПИ и на физтех. Однако положительной реакции со стороны Людмилы не последовало. После продолжительного молчания она, глядя куда-то в сторону, ошарашила Вадима своим признанием:

– Ну, что же, у меня тоже есть сюрприз для тебя. – Она сделала небольшую паузу, а потом буквально выдавила из себя: – Я стала женщиной...

– Ты, конечно, шутишь!

– Ты же не шутил, преподнеси мне свой сюрприз!

– Но это ведь разные вещи, я могу запросто исправить свою ситуацию с вузом!

– А я – нет...

Вадим увидел, как ее черные красивые глаза застилала навертывающиеся слезы.

– А я – нет, – повторила она. – Поэтому нам надо расстаться. Ты знал меня одной, а теперь я стала другой. Я не хочу, став твоей женой, постоянно слышать твои упреки в моей измене. Поэтому нам надо расстаться. Ты еще найдешь себе честную, красивую девушку и создашь с ней семью, и будете жить счастливо, без взаимных упреков и подозрений. Возможно, меня тоже кто-то полюбит такой, какая я теперь есть. Я же постараюсь быть тому верной женой.

Людмила говорила торопливо, без остановки, стараясь избежать неприятных ей вопросов и расспросов Вадима. А когда закончила свой короткий монолог, обняла его и еле слышно проронила, что любила и любит его, что расставание нужно для того, чтобы на всю жизнь сбереечь в своей

душе святость первой любви. Затем она легонько оттолкнула от себя Вадима:

– Прощай, не надо провожать.

И ушла.

Обескураженный словами и действиями Людмилы, Вадим не сразу сообразил, как ему поступить: остановить ли и выслушать ее, понять подругу или, догнав ее, наговорить ей кучу неприятных слов, обвинив в измене и предательстве. Но он стоял, словно парализованный, наблюдая за быстро удалявшейся Людмилой, всего еще несколько минут назад бывшей его любимой и невестой. Она уходила, ни разу не обернувшись и не помахав ему рукой, как это она делала во время их радостных встреч и волнительных расставаний. А он молча все смотрел ей вслед, пока удалившаяся ее фигура не скрылась за знакомым ему до боли поворотом.

Домой, в общежитие, Вадим вернулся поздно вечером. Чтобы хоть как-то заглушить вспыхнувшую острую душевную боль, он долго бродил по городу, по тем самым местам, где совсем недавно гулял с ней, своей любимой, радуясь всему встречному. Ему никак не верилось, что произошло расставание, что больше встреч с ней не будет. Дома его ждал еще один сюрприз. Люба, письмо которой он нашел на своей кровати, писала, что поскольку он, Вадим, встретил свою будущую спутницу жизни, считает ненужной их дальнейшую взаимную переписку, ибо она может разрушить его любовь из-за ревности невесты и лишить счастья семейной жизни.

Перечитав несколько раз письмо Любы, Вадим, не раздеваясь, в верхней одежде упал на кровать. Чувствуя, что нервы сдают и вот-вот брызнут из глаз слезы – немые свидетели чего-то невероятного случившегося, он плотно закрыл лицо руками. Володя, видя потрясение друга и догадываясь о причине их, в утешение сказал ему:

– Знаешь, старик, батя мой, когда сталкивается с какими-то житейскими невзгодами, успокаивает себя поговоркой: «Время и труд – все перетрут!»

Глава пятнадцатая

Внезапная смерть Войнова потрясла Вадима Андреевича. И не только потому, что это был хороший педагог, коллега и надежный друг. Его кончина напомнила о том, какая хрупкая человеческая жизнь – живешь и не думаешь, что в одночасье тебя может и не быть. Особенно в нынешнее столь драматичное и беспросветное время, когда не знаешь, как скоро и чем закончится эта «флюгерская революция», как определил происходящие в стране события перед своей смертью Войнов. Сколько она еще унесет человеческих жизней! И не станет ли он ее очередной жертвой.

Вот такие мрачные мысли все чаще осаждали Вадима Андреевича, они болезненно отражались на его моральном и физическом самочувствии. Сколько продолжалось бы все это, и чем бы оно завершилось для него –

трудно сказать, если бы... если бы не рождение внука, первенца, которого он ждал с нетерпением, хотя и волновался за исход родов в теперешней, воцарившейся повсюду, и в больницах в том числе, безответственности. Старшая дочь Наталья, ждавшая ребенка, всячески успокаивала отца, убеждала его в том, что никаких отклонений у нее с ребенком нет, врачи, как и прежде, внимательны, и роды пройдут нормально. Тем самым она, как могла, оберегала его от излишних переживаний и волнений, понимая, что у него и так нервы на пределе, и его измученное сердце может не выдержать. Поэтому как только родился ребенок, а им был мальчик, Наталья попросила медсестру, не откладывая, быстрее позвонить домой и сообщить, что у нее появился сын, что она и сын чувствуют себя хорошо.

Узнав рано утром о рождении внука, Вадим Андреевич не просто обрадовался. Он почувствовал небывалый прилив жизненных сил, душевные терзания куда-то вдруг испарились, сердце, все чаще сбивавшееся со своего нормального ритма, заработало ровней, спокойней. Для Вадима Андреевича, отравленного происходящими драматическими событиями в стране и потерявшего веру в будущее, с рождением внука появилась какая-то надежда, что добрые дела советских людей подхватит новое поколение граждан Отчизны, ее величие и престиж будут восстановлены, в ней комфортно жить будет всем.

С хорошим настроением Вадим Андреевич зашел на кухню, где в это время жена Мария Григорьевна готовила завтрак.

– Ну и как мы, дорогая Маша, назовем нашего внука? – весело воскликнул он.

Мария Григорьевна давно не видела мужа в таком приподнятом настроении. Чтобы поддержать его на радостной ноте, свой ответ сопроводила заразительным смехом.

– Как назовем? Конечно, Гришей!

– Почему?

– В память о моем отце, погибшем при защите нашей Родины в Великую Отечественную войну. Его тоже звали Гришей. Вообще это имя широко распространено. Оно происходит от древнегреческого слова «григорево», что означает бодрствовать. Сильное, мужественное имя. Основные черты Григория: волевой, активный, свободолюбивый. Это имя носили многие исторические деятели. Некоторых из них могу назвать: Отрепьев, Орлов, Потемкин-Таврический, Распутин. Из современных политиков – Явлинский.

– А отрицательное что-нибудь несет это имя?

– По-моему – нет.

– Ошибаешься, дорогая, – добродушно улыбнулся Вадим Андреевич. – Григорий – забияка и баламут. Он – сангвиник, мстителен, упрям. Любит разговаривать ледяным тоном, что, правда, не мешает ему нравиться людям. Свои убеждения навязывает другим, если нужно, даже силой. Вот такой на самом деле Григорий.

– Для моего отца это не характерно. Он добрый, внимательный, не был мстительным, никому не навязывал своих убеждений, честно трудился в колхозе, добровольцем ушел на фронт и погиб. – Мария Григорьевна смолкла. Даже мимолетное воспоминание об отце трогало ее душу, выжимало слезы. – Ты, наверное, все плохое о Григории придумал, чтобы унижить это дорогое для меня имя.

– Я, Маша, – историк. Изучал и преподавал не только историю КПСС. Я также основательно штудировал гражданскую историю нашей страны, начиная со славян и до наших дней. Без ее знания нельзя идти в студенческую аудиторию только с рассказом истории одной партии. Естественно, интересовался происхождением имен. Я вовсе не хотел тебя обидеть, назвав некоторые отрицательные черты имени Григорий. Может, в характере твоего отца было больше положительного, нежели негативного. А у других, носящих такое имя, – наоборот, больше отрицательного. Ведь в литературе, как правило, дается обобщенная характеристика того или другого имени, с указанием в нем положительных и отрицательных черт.

Вадим Андреевич примирительно улыбнулся, и тут же предложил: – Давай теперь коснемся другого имени – Андрей, которым можно назвать нашего внука. Правда, мой отец не был фронтовиком, умер до войны, когда мне было всего лишь несколько месяцев. Имя Андрей происходит от греческого слова «андрос», что означает мужчина, муж, мужественный человек. Имя – яркое, хорошее, громкое, веселое, храброе, традиционно любимое в народе, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. У разных народов его по-разному произносят: у молдаван, например, – Андрияш; у французов – Анри; у чувашей – Андриан; у итальянцев – Андриано. Андрей – лидер, ведущий за собой других. Он – ответственный работник, коллективист, хороший семьянин, великодушен и любит доставлять людям радость. Есть и отрицательные черты в его характере: неустойчивый, вспыльчив, если что-то не по нему. Известные люди нашей страны, носящие это имя: Андрей Громыко – министр иностранных дел СССР, патриарх советской дипломатии; Андрей Туполев – авиаконструктор; Андрей Сахаров – физик, один из создателей водородной бомбы в Советском Союзе; Андрей Миронов – актер. Конечно, этот список можно продолжить.

– В том числе апостола Андрея, – не то серьезно, не то в шутку напомнила Мария Григорьевна.

– А почему бы и нет, – спокойно согласился Вадим Андреевич. – Апостол Андрей, больше известный как апостол Андрей Первозванный, – один из 12 учеников Иисуса Христа. Родом из Галилеи. Я недавно познакомился с книгой Нечволодова «Сказание о русской земле». Он в ней пишет, что апостол Андрей во время своего третьего путешествия, оказавшись в горах у Киева, якобы предсказал большое будущее этому городу (1).

– Смотри-ка, какой дальновидный был этот святой! Нам бы сейчас такого провидца, чтобы знать, что со страной и нами будет завтра! – воскликнула Мария Григорьевна. Потом, помолчав, вдруг предложила:

– А не назвать ли нашего малыша твоим именем?

– Вадим – неординарное имя, – заметил Вадим Андреевич. – По одной из версий оно происходит от древнерусского слова «вадити», что означает сеять смуту и споры, спорить, обвинять, мутить, пугать, клеветать. Не исключается также, что Вадим – сокращенная форма славянского имени Владимир. По новейшей версии – это имя двухкорневое: «водить» – влечь, привлекать, манить, но не спорить и «има, имати», что означает – обладание иметь. Здесь имя Вадим дословно значит – имеющий привлекательность, зовущий, любимый. Некоторые считают это имя персидским. Его сопоставляют с древнеарийским словом «вата» или «вайю», означающим ветер, символ победы. Кстати, истории известен святой – мученик архимандрит Вадим Персидский. Как видишь, это имя не простое, но оно привлекательное, идет с глубины веков. Считается, что имени Вадиму, как минимум, 2 500 лет (2). Расскажу тебе одну историю, связанную с этим именем. Будучи студентом-вечерником истфака университета, на одной из лекций по истории СССР я впервые услышал имя – Вадим Новгородский. Меня этот исторический персонаж заинтересовал, прежде всего, своим именем, поскольку оно совпадало с моим. Решил о нем узнать больше. Начал с Соловьева. В его «Истории России с древнейших времен» Вадиму «какому-то», так отозвался о нем Соловьев, посвящено всего несколько строчек; сказано, что «этот Вадим был убит Рюриком вместе со многими новгородцами» (3). Упоминает о Вадиме и Карамзин, именуя его Храбрым, который пал от руки сильного Рюрика вместе со многими единомышленниками в Новгороде (4). Итак, кто же такой Вадим Новгородский? Насколько мне удалось прояснить – это посадник, т. е. глава Новгорода во второй половине IX-го века. В 864 году он возглавил восстание новгородцев против власти Рюрика, который со своими сподвижниками-варягами стал сильно притеснять горожан. Рюрик жестоко подавил восстание и убил Вадима. Многие новгородцы, спасаясь от жестокостей Рюрика, бежали в Киев.

Вадим Андреевич сел за стол и перед тем как приступить к завтраку в завершение своего рассказа сказал: – Об этом герое Средневековой Руси сохранились скудные сведения. Есть, правда, сочинение Княжина о нем. Не знаю, сохранилось ли оно вообще где-нибудь, а может, где-то и есть и является в наше время библиографической редкостью (5).

– Выходит, что в истории Средневековой Руси тоже имеются «белые пятна» – проронила Мария Григорьевна. – И чем только занимаются историки!

– История без «белых пятен» – это не история, это введение в историю, – отозвался Вадим Андреевич и предложил: – Может, закончим об-

суждение будущего имени нашего внука? Все равно здесь последнее слово будет за Наташей и ее мужем Ярославом.

– Ты прав, давай завтракать. Сами разберутся. А если потребуется наш совет – посоветуем.

За завтраком Мария Григорьевна, как бы невзначай, любопытствования:

– Вадюша, а имя тебе дали случайно не в честь этого новгородца?

– Мать рассказывала, что такое имя мне дал мой отец, хотя сама она от такого отцовского решения была не в восторге. Возможно, потому что в то время в нашей деревне такое имя было большой редкостью. Знал ли отец что-нибудь о Вадиме Новгородском – не знаю. Он был выпускником педтехникума и не исключаяю, что он мог что-то знать о событиях, происходивших в Новгороде во времена княжения Рюрика. Отец вскоре умер, а имя, данное им мне, осталось. Это единственное, что связывает меня с отцом, это память о нем, и я горжусь этим.

* * *

Дав Гордову согласие прочитать для рабочих его цеха лекцию о современной ситуации в стране, Вадим Андреевич потом об этом пожалел. Он не знал, что можно нового сказать рабочим сверх того, что им сегодня преподносят СМИ своими развязными, подчас оскорбительными для нормального советского человека передачами. А Съезды народных депутатов? Они стали для миллионов телезрителей не более как политическим шоу. Многие из них просто балдели, не вникая, где правда, а где ложь, изрекаемая депутатами разных мастей, и чем этот политический спектакль обернется для людей и страны? Несомненно, есть решения союзных и российских властей, действия высших руководителей, которые не попадают в СМИ по причине их секретности. Возможно, рабочие, соглашаясь прийти и послушать лекцию, надеются услышать что-то новенькое, о чем не говорят по телевидению и радио, не пишут в прессе. Но он тоже не знает о таких решениях и действиях должностных лиц разного уровня. Раньше, готовясь к лекции по теме общественно-политической жизни страны или международных отношений, он располагал кроме известных еще и малоизвестными для широкой публики материалами, почерпнутыми из закрытого журнала «Атлас» и выступлений на семинарах руководителей области либо заезжих московских лекторов. В итоге лекция получалась содержательной и хорошо воспринималась слушателями. А сейчас? А сейчас надо идти к рабочим с тем информационным материалом, который в принципе они знают, получая его из СМИ. Зачем им нужна такая лекция?

Понимая, что сейчас от выступлений перед рабочими отказаться уже невозможно, Вадим Андреевич после некоторых размышлений решил читать не лекцию, а провести с ними беседу наподобие студенческого семинара. Он как ведущий беседы сделает небольшое вступление, обозначит

наиболее острые вопросы текущей ситуации в стране и предоставит возможность самим рабочим по ним высказаться.

Найдя, как ему представлялось, подходящий формат предстоящей беседы с рабочими, Вадим Андреевич еще раз решил пересмотреть имеющиеся под рукой материалы по текущим событиям в стране.

* * *

Вадима Андреевича Гордов встретил у проходной завода. Поздоровавшись, он, извиняясь, предупредил: – Знаете, Вадим Андреевич, сейчас наш цех работает только в первую смену. Большинство рабочих после работы ушли домой. Осталось в ожидании лекции немного – человек пятнадцать. Вы будете для них читать лекцию? – Гордов выжидающе посмотрел на Вадима Андреевича.

– Как мало остается равнодушных людей к тому, что на наших глазах творится в стране! – отозвался Вадим Андреевич. – Равнодушие – могильщик всякого доброго начинания. Я готов читать лекцию для тех, кто изъявил желание ее послушать...

В Ленинской комнате, где должна состояться лекция, находились шестнадцать человек. Среди них – четыре женщины. Вадим Андреевич обратил внимание на то, что рабочие уже побывали в душе, скинули свою робу и переоделись в повседневную одежду. Глядя на них, он вдруг вспомнил свою раннюю молодость, молодость рабочую. Как он тогда, став рабочим Уралхиммашзавода, гордился этим званием! Интересно, сейчас они, сидящие здесь, в Ленинской комнате и молча наблюдающие за ним, – они гордятся своим рабочим положением и званием? Вглядываясь в их лица, он пытался понять, уловить нынешнее душевное состояние присутствующих, а может, даже отыскать среди них знакомое лицо (в этом цехе он как-то уже был с лекцией).

Вообще у Вадима Андреевича было не в правилах долго испытывать терпение слушателей преднамеренной паузой перед началом лекции. Хотя иногда, в зависимости от аудитории, приходилось это делать. Но сейчас такой необходимости не было, и как только Гордов представил его и объявил тему лекции, Вадим Андреевич сразу же обратился к присутствующим:

– Конечно, сегодня вы получаете много информации из СМИ по поводу происходящих событий в стране, и можно не ходить на лекции, не тратить попусту время. То, что вы пришли, не считаясь с личным временем, для меня является свидетельством того, что вы – равнодушные люди, переживаете за судьбу страны, за свое и своей семьи будущее. Кто бы мог подумать в 1985 году, что перестройка, которую мы все дружно приветствовали, обернется такими плачевными результатами. Я не буду сейчас говорить о развале экономики, пустых полках – вы все это знаете. Меня лично беспокоит то равнодушие наших людей ко всему происходящему, которое все больше и больше, словно раковая опухоль, поражает наше

общество. Складывается такое впечатление, что основную массу населения и, прежде всего, рабочий класс вовсе не волнует, что вытворяет кучка зацелованной советской властью интеллигенции вкупе с партийно-государственной правящей верхушкой, ставшей политическим банкротом. На наших глазах разваливается Советский Союз – наша Отчизна, а нам – без разницы; запретили КПСС, защищавшую интересы рабочего класса, вообще людей труда – ну и пусть, туда ей и дорога. А дальше что? Так беззастенчиво сдадим и советскую власть?

Вадим Андреевич, перечисляя разрушительные результаты перестройки, все больше заводил себя, моментами буквально входил в раж. Здесь, перед небольшой группой рабочих, будто бы перед рабочим классом всей страны, он выплескивал все наболевшее за последнее время; припомнил, конечно, выборы президента России, когда рабочие свердловских заводов орали: «Ельцин!!!», «Не валяй дурака – голосуй за земляка!» Вот и получили разрушителя страны!

Слушатели Ленинской комнаты не мешали лектору излить им свое наболевшее. А когда Вадим Андреевич, наконец, смолк, а потом извинился за столь эмоциональное начало своего выступления и предложил вместе спокойно обсудить сложившуюся обстановку в стране, после непродолжительной паузы один из присутствующих попросил слово:

– Вот вы тут бросили упрек в адрес рабочего класса, что он никак не препятствует разрушительным действиям современных властей, не выступил в защиту партии и т. д. Но нам, рабочим, было непросто разобраться, кто прав и кого поддерживать: Горбачева или Ельцина. Оба – коммунисты. И тот и другой выступали и выступают от имени народа и в его защиту. Вот и выжидали, глазели на их политическую драчку. Постепенно наши симпатии перекинулись к Ельцину: как-никак наш земляк, сделавший немало полезного для Свердловска и области. А когда его турнули из Политбюро и Московского горкома партии, и вовсе были готовы не только голосовать за него, но по первому призыву броситься на его защиту. А сейчас голосуем за него по инерции, не вникая особенно, что он говорит и что делает. Что же касается Союза – мы ведь проголосовали за сохранение СССР! (6) Что еще требовалось, чтобы страна оставалась целостной? Нас, рабочих, об этом не спрашивают. Да, рабочие начали бастовать, а что оставалось им делать? На полку зубы положить и ждать у моря погоды? (7)

– Кто бы мог подумать, что наш Ельцин, которого мы считали коммунистом высшей пробы, запретит партию, – продолжил разговор другой, пожилой рабочий. – А сейчас он, оказывается, демократ тоже высшей пробы, гонитель коммунистов! Кто же он на самом деле?

– Барин, вот кто он! – не выдержала одна из женщин. – Барских замашек Ельцина не видел только тот, кто не хотел этого видеть. Вот какой случай рассказала мне моя сестра, работавшая в спецбольнице для областных чинуш, когда первым секретарем обкома был Борис Николаевич.

Не знаю, почему он оказался в больнице, возможно, от перепооя. Так вот, ночью проснулся и потребовал, чтобы ему подали пельмени. Сами понимаете, готовых пельменей не было, пришлось в срочном порядке их стряпать. Вызвали ночью из дома зав. столовой, поваров. Те бедные, как пчелки, трудились всю оставшуюся ночь. Под утро, где-то к часам пяти, пельмени были готовы, их подали Ельцину, который, между прочим, спал. Что это? Разве не барские замашки?

– Ну, и что в этом особенного, – усмехнулся молодой рабочий, сидящий в сторонке. – Подумаешь, побеспокоил ненароком персонал больницы. Может, человек весь день был в работе, проводил ответственные совещания, давал нагоняй чинушам. Вот и не нашлось времени нормально пожрать. Ведь наверняка он объявился в больнице за полночь.

Молодой рабочий сделал небольшую паузу, а потом обратился к Вадиму Андреевичу: – Можно мне несколько слов сказать?

– Да, пожалуйста.

– Вы упрекнули рабочий класс в том, что он не выступил в защиту КПСС – своей, дескать, партии. Насколько КПСС была партия рабочего класса – умолчу. А вот что за этой партией тянулся длинный шлейф преступлений – теперь и ежу известно. И Ельцин, убедившись в этом, поспешил запретить КПСС, чтобы, прежде всего, самому отмежеваться от нее, которой еще вчера служил верой и правдой, и в какой-то степени обелить себя в глазах просвещенного люда. А как вы относитесь к преступлениям КПСС?

– Ваш вопрос ассоциируется с тем случаем, когда знания порождают печаль, – вздохнул Вадим Андреевич. – Попытаюсь ответить на него. Сразу скажу честно: я не считаю КПСС преступной организацией и вот почему. КПСС как политическая организация прежде всего рабочего класса родилась и действовала с благородной целью: покончить с рабским положением человека труда и построить социализм – общество социальной справедливости, равенства и свободы. О создании такого общества мечтали лучшие умы человечества, среди которых были французы Сен-Симон, Фурье. Немецкие философы Маркс и Энгельс пошли дальше. Утопическим представлениям Сен-Симона и Фурье они подвели научную основу. Маркс и Энгельс доказали, что при капитализме производство в своем развитии достигает определенной зрелости, принимает общественный характер, а производственные отношения, в том числе присвоение получаемой огромной прибыли, остаются частнокапиталистическими. Это неизбежно порождает противоречия и кризисы не только в производственной, но и в социальной сфере и в целом в государственном устройстве. Они, т. е. противоречия и кризисы, разрешаются либо проведением соответствующих реформ, либо путем революции. И еще очень важное открытие Маркса и Энгельса – это особая роль пролетариата как движущей силы в переходе к обществу социальной справедливости. Почему? Он наиболее организован и сплочен, потому что этого требует развитие крупного производства, без

которого немислим устойчивый прогресс во всех сферах жизни цивилизованного общества. Вот, собственно, в чем суть марксизма.

Вадим Андреевич внимательно посмотрел на своих слушателей и, убедившись, что он еще не утомил их, они внимательно его слушают, продолжил:

– Я специально сделал небольшой экскурс в историю, чтобы напомнить вам, что социалистическая идея по своей сути благородна, что ее практическая реализация отвечает интересам людей труда. Но реализовать на практике социалистические идеалы в нашей стране оказалось делом весьма и весьма сложным. С чем столкнулись большевики, придя к власти в октябре 1917 года? Со стремлением господ вернуть себе любой ценой утраченную политическую власть. Дело дошло до Гражданской войны. Сегодня в СМИ ищут виновников национальной трагедии и обходят молчанием ее причины. Если говорить образно о причинах Гражданской войны, то это была война нищеты с роскошью. А виновниками ее развязывания были не только большевики – сторонники принципиально новой, действительно народной, власти – советской, но и кадеты и иже с ними, стремившиеся повернуть Россию после крушения монархии на прозападный либеральный путь развития.

– Может быть, у кадетов была более реалистичная программа, больше отвечала здравому смыслу, нежели романтический проект большевиков! – неожиданно бросил реплику молодой рабочий.

– Здравый смысл по Гегелю – это сумма предрассудков своего времени, – заметил Вадим Андреевич. – Возможно, Временное правительство и следовало здравому смыслу, имея при этом в виду опыт буржуазных революций в странах Западной Европы в XVII–XIX веках. Но ведь на дворе стоял XX век со своими достижениями и проблемами. Россия в начале нового века была не Англией XVII века и даже не Францией конца XVIII века как по уровню своего социально-экономического и политического развития, так и по составу населения, территории, климатическим условиям. Естественно, осуществлять демократические преобразования в стране на основе либеральной идеи, по лекалам западноевропейских революций, к чему стремились кадеты, оказалось делом безнадежным. За 220 дней своего правления (с марта по октябрь 1917 года) Временное правительство не могло найти разумного решения вывода страны из политического и экономического кризиса. В этом главная причина поражения буржуазии и в 1917 году, да и в Гражданскую войну. Большевики, возглавляемые Лениным, смогли предложить народу нетрадиционную привлекательную программу решения злободневных проблем и последующей перестройки всей жизни страны на социалистический лад. Именно это и обеспечило им успех, а не террор, в чем пытаются убедить наш народ новоявленные демократы и подконтрольные им СМИ. Террор был обоюдный, и в этом – не меркнущая трагедия Гражданской войны.

Вадим Андреевич замолчал, давая возможность слушателем передохнуть, немного расслабиться, чтобы вновь потом завладеть их вниманием. Пауза длилась недолго.

– Теперь о репрессиях в 1930-е годы, в чем сегодня обвиняют КПСС, – произнес он. – Репрессии, жертвами которых стали миллионы советских граждан, – это печальная страница в истории партии и нашей страны. Почему такое случилось? Есть прямо противоположные ответы на данный вопрос. Я не буду излагать вам их сейчас – просто у нас нет времени для этого. Выскажу лишь свои соображения. Напомню известную истину: всякая власть всегда себя защищает. Если она этого не делает или не умеет делать – судьба ее и ее управленцев может оказаться трагической. Касаясь советской власти, можно сказать, что к началу 30-х годов она оказалась на грани серьезной опасности. Почему? Ответ на этот вопрос дается в более широком толковании.

Вадим Андреевич сделал небольшую паузу, давая возможность слушателям сосредоточиться на том, о чем он был намерен говорить.

– Для реального перехода к социализму нужна развитая экономика, высокая общая культура граждан, – нарушил он установившуюся тишину. – Что имели большевики, отстояв советскую власть в тяжелейшей Гражданской войне? Разрушенную до основания экономику, деморализованное население страны. О социализме вообще не могло быть и речи. Надо было спасти народ от голодной смерти, а Россию – от гибели. Приняли НЭП – новую экономическую политику, предусматривавшую сотрудничество советской власти с частным капиталом в интересах быстрого возрождения страны. К 1927 году в основном восстановили довоенные (уровень 1913 года) сельское хозяйство, промышленность, оживился рынок. Что дальше? А дальше надо было приступить к модернизации страны, которую при неоднократных попытках не могло осуществить до конца царское правительство. В противном случае Россия могла оказаться на обочине мировой цивилизации с непредсказуемыми последствиями. Для большевиков, обещавших народу социализм, уже в ходе предстоящей модернизации эти обещания предстояло воплощать в жизнь. Иначе социалистическая идея, не наполняемая практическим содержанием, стала бы меркнуть, потеряла бы свою актуальность, уступив место либерализму либо религии. Естественно поэтому, что модернизация, начавшаяся в стране, постепенно, в той или иной форме, вносила элементы социализма во все сферы жизнедеятельности государства и быта ее граждан. Шло укрепление самой советской власти. В то же время происходила консолидация антисоциалистических сил, вынашивавших планы восстановления капитализма в стране. Их представляли нэпманы – советская буржуазия, зажиточное крестьянство (кулаки, отчасти середняки), часть интеллигенции, формально признавшие советскую власть, но оставшиеся на позициях либерализма. До поры до времени они не проявляли какой-то замет-

ной активности, надеясь, что НЭП сделает свое дело – приведет к капиталистическому рывку. Переход к индустриализации, свертывание НЭПа, не прекращавшаяся после смерти Ленина внутрипартийная борьба за лидерство в партии и дискуссии о путях строительства социализма привели в движение антисоциалистические силы. Их активно поддерживала зарубежная белая эмиграция. «Хлебный кризис» в 1928 году был расценен партийным и советским руководством как проверка советской власти на прочность. В 1929 году по стране прокатилась волна крестьянских выступлений, вызванных вынужденными мерами властей по изъятию излишков зерна у зажиточной части крестьян, чтобы не допустить голода в стране (в 1928 году ввели карточное снабжение продуктами питания горожан). Фактически дело шло вновь к «горячей» гражданской войне. Чтобы избежать ее, не допустить реставрации капитализма в стране, сохранить советскую власть, партийное и советское руководство, с одной стороны, пошли на ускорение социалистической модернизации, хотя для этого не было еще создано необходимых условий; а с другой – прибегли к репрессиям против противников социализма.

– Но ведь репрессиям подверглись и коммунисты, – раздался чей-то голос со стороны слушателей.

– Видите ли, ни международного, ни собственного опыта претворения социалистических идеалов в жизнь не было, – отозвался Вадим Андреевич. – ВКП(б) впервые это делала. Среди тогдашней партийной элиты было разное понимание путей перехода к социализму в стране, которая не прошла путь капиталистического развития. В результате внутрипартийной дискуссии возобладала точка зрения Сталина о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, в частности, в СССР, минуя капитализм. Не согласные с предложенным вариантом воплощения социалистической идеи в жизнь коммунисты, в том числе из состава партийного руководства, и оказывавшие этому открытое или скрытое противодействие, подверглись репрессиям.

– И все-таки нельзя ли было избежать столь массовых репрессий. Ведь миллионы людей, став заложниками социализма, погибли. Об этом сейчас пишут в газетах, говорят по радио и телевидению, просто кричат на каждом углу, обвиняют Сталина в геноциде собственного народа, – высказалась одна из женщин.

– О числе репрессированных... – Вадим Андреевич, произнося эти слова, тяжело вздохнул, а потом продолжил: – Обычно говорят: смерть одного человека – трагедия, гибель миллионов – статистика. Может поэтому сегодня некоторые литераторы, деятели культуры, науки, политики, словно соревнуясь, безжалостно манипулируют этой трагической статистикой. Это делается с определенной целью. Сегодня – для дискредитации КПСС, разрушения нашего многонационального государства и упразднения советской власти. А ведь до сих пор данные о числе репрессированных архивами пол-

ностью не раскрыты (8). Возникает справедливый вопрос: откуда иные авторы черпают сведения о числе репрессированных? Напрашивается такой вывод: они выдают сногшибательные цифры, руководствуясь принципом: пол – потолок – палец! Разве можно так поступать, когда речь идет о человеческих судьбах. Перед тем как выбрасывать цифры жертв репрессий, надо тысячу раз проверить, сверить, разобраться, почему, по какой причине тот или другой гражданин был осужден. Хрущев поступил не лучшим образом, когда вместо того чтобы честно объяснить советским людям причины репрессий в 30-е годы, извиниться от имени партии и советской власти перед ними за невинно пострадавших, вместо этого всю ответственность за репрессии спихнул на Сталина. Тем самым он растоптал его роль в модернизации страны и победоносной войне 1941–1945 гг. как Верховного Главнокомандующего и Главы Государственного Комитета Обороны. Заявив о массовых репрессиях в Советском Союзе, Хрущев, хотел того или нет, расколол советское общество на сторонников и противников Сталина, посеял недоверие к советской власти, к социализму вообще, дал повод для возникновения диссидентского движения в стране. Я уж не говорю о последствиях акции Хрущева для международного коммунистического и рабочего движения и имиджа Советского Союза на мировой арене. Его «откровения» о массовых репрессиях стали на полную мощь эксплуатироваться в борьбе против КПСС и Советского государства всеми их противниками как внутри страны, так и за рубежом. Сегодня, еще раз повторю, идет, образно говоря, соревнование между некоторыми политиками и даже людьми творческих профессий – кто более высокую цифру выдаст о числе жертв репрессий, не вникая глубоко в причины столь трагического явления. Для чего это делается? Ответ, по-моему, ясен: чтобы возбудить народ против КПСС, советской власти, а себе приобрести известность борца против тоталитаризма, за демократию и свободу личности.

Вадим Андреевич замолчал, прошелся по Ленинской комнате. Теперь ему предстояло ответить на прямой вопрос: можно ли было избежать массовых репрессий. Вопрос непростой. Он сам не раз задумывался над ним, пытаясь найти для себя убедительный ответ. Анализируя причины этой трагедии, он все больше убеждался в том, что репрессии, кроме всего прочего, провоцировала торопливость в претворении в жизнь социалистических идеалов. Особенно по отношению к крестьянству. Оно не готово было к радикальной перемене уклада своей жизни. Оказалось проигнорированным ленинское предупреждение, что для перехода крестьян к социализму посредством кооперации потребуется «...целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия» (9). А решили пройти фактически за год-полтора.

Вадим Андреевич так увлекся своими мыслями, что один из слушателей решился вежливо напомнить ему, что от него ждут ответа на интересующий их вопрос.

– Итак, можно ли было избежать массовых репрессий во время социалистической модернизации? – спохватившись, напомнил он вопрос слушательницы. – Думаю, что можно было избежать, если бы темпы преобразований были не столь высокими, проходили спокойно, неторопливо. Тогда бы имелось время для критического осмысления каждого сделанного шага на пути модернизации. Но, к сожалению, завышенные темпы преобразований диктовались не только прихотью большевиков, их желанием скорее увидеть и почувствовать реальный социализм в жизни. Торопливость диктовалась сложной ситуацией в стране (фактически шла «холодная» гражданская война) и нараставшей угрозой новой мировой войны, особенно после прихода к власти в Германии фашистской партии во главе с Гитлером. Надо было быстрее укреплять страну во всех отношениях – и экономическом, и военном, и в идейно-политическом. Вообще говоря, Сталин и все тогдашнее руководство страны оказались заложниками сложной и опасной ситуации как внутри страны, так и за ее пределами. Это во многом обусловило раскручивание массовых репрессий. Маховик репрессий, возможно, удалось бы затормозить, если бы исправно, следуя букве и духу закона, работали правоохранительные органы и судебная система. Тут кроме всего прочего давали о себе знать низкая политическая и правовая культура не только тех, кто работал в системе партийно-государственной власти, но и всего населения страны. И еще: в правоохранительных органах и судебной системе занимали руководящие должности немало лиц, ненавидевших советскую власть. Во многих случаях это были представители буржуазных партий. Потерпев поражение в открытой борьбе с большевиками за власть, некоторые их члены бежали за границу, а некоторые остались в Советской России. После их заявления об «идейно-политическом разоружении» им как квалифицированным специалистам была предоставлена возможность трудиться в органах советской власти. Не все они честно, в духе социализма, выполняли свой служебный долг. Для таких основным принципом было: чем хуже для Совдепии – тем лучше для них. Только этим можно объяснить те жестокие истязания заключенных, где в руководстве тюрем и ИТЛ находились подобные люди. К сожалению, имели место и такие факты среди советских граждан, как сведение счетов, доносы, боязнь потерять занимаемые высокие посты в органах власти в связи с проведением выборов в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. Кстати, это были первые демократические выборы в стране, проходившие в соответствии с новой Конституцией СССР, принятой 5 декабря 1936 года.

– По-вашему, выходит, что в массовых репрессиях Сталин ни при чем? – подал голос молодой рабочий.

– Дело в том, что Сталину, оказавшемуся на вершине партийно-политической, а в годы войны и государственной власти, пришлось принимать и реализовывать такие спасительные для нашей страны мероприятия, которые не всегда и не совсем отвечали социалистическим идеалам, – отве-

тил Вадим Андреевич. – Поэтому, по-моему, надо говорить не о «виновности», а тем более о «преступлениях» Сталина; правильнее будет говорить о его ошибках, поскольку именно они приводили порой к неоправданным издержкам в социалистическом строительстве. Можно, конечно, упрекнуть Сталина в том, что не закрепил демократический порядок выборов на альтернативной основе руководителей партийных организаций снизу доверху, своевременно не решил такой принципиальный вопрос в законодательном порядке, как смену руководителей в органах советской власти, включая, разумеется, и главы государства. Не думаю, что он не знал историю дворцовых переворотов в императорской России, историю смен императоров и императриц на троне путем насилия. Император Павел I – первое, что он сделал, взойдя на престол, уже в день коронации, 5 апреля 1797 года, издал Указ о престолонаследии. Указом устанавливался твердый порядок в наследовании престола преимущественно по мужской нисходящей линии, а не по произвольному желанию самодержца, как это сложилось после распоряжения Петра I. Как видите, даже в доме Романовых пришлось прибегнуть к жесткому порядку в престолонаследовании, чтобы пресечь в зародыше амбиции у царственных особ сесть в императорское кресло и, таким образом, сделать передачу власти предсказуемой, а саму верховную власть – более устойчивой. Конечно, об этом Сталин знал. Но в 30-е годы, в условиях сложной социально-экономической и политической ситуации в стране, не прекращавшейся внутрипартийной борьбы, нарастающей угрозы войны, он не решился на глубокую демократизацию общественно-политической жизни даже после принятия новой Конституции СССР, самой демократичной в то время в мире. Она ведь не только закрепляла невиданные по объему социальные права граждан, но предусматривала возможность альтернативных выборов. Правильно поступил Сталин или нет, что не пошел на широкую демократизацию – трудно сказать. Мы – люди другого, более спокойного времени. Можно лишь предположить, что, если бы выборы всех руководящих партийных и советских органов снизу доверху, включая высших должностных лиц, допустим, прошли на альтернативной основе, репрессии не приобрели бы такого драматизма. Опасения Сталина за непредсказуемый исход глубокой демократизации в 30-е годы для советской власти при желании все-таки понять можно...

– И за свою жизнь тоже, – кто-то не то спросил, не то добавил из слушателей.

– Возможно, – согласился Вадим Андреевич и добавил: – Сталин жил и управлял государством в очень сложное и опасное для жизни время. Но это его не пугало и не могло остановить. Как масштабная и целеустремленная личность, обладавшая даром аналитического прогноза, он сумел мобилизовать весь советский народ на решение невероятно сложных задач модернизации страны, превратить ее в мощную социалистиче-

скую державу мира, а потом – его мобилизовать на победу в самой жестокой, кровопролитной и разрушительной войне.

– Вы хотели бы пожить в сталинское время? – на полном серьезе спросил молодой рабочий.

– Я жил в сталинское время, – спокойно ответил Вадим Андреевич и добавил: – В нашей небольшой деревушке никого не репрессировали. Многие ее жители погибли либо на фронте, либо в партизанской войне с фашистами. А как складывались отношения к Сталину в советском народе, приведу пусть не совсем яркий пример из жизни нашей деревни.

Вадим Андреевич тяжело вздохнул. Всякий раз, когда ему приходилось вспоминать свое военное детство (он делал это неохотно и в исключительных случаях), его охватывали вдруг пережитые и возвратившиеся из глубины души чувства страха от летящих на бреющем полете самолетов со свастикой, отчаяния, стоны умирающих от истязаний фашистскими карателями односельчан. И сейчас ему не очень хотелось рассказывать о том, что происходило с ним в его далеком детстве, делать из себя какого-то мученика-героя. Но, как говорится, сказал «а» – говори и «б».

– Я родился в Белоруссии, мое детство проходило в страшные горестные годы немецкой оккупации республики, – начал, скрывая волнение, Вадим Андреевич. – В первый класс пошел в 1945 году, когда советский народ праздновал долгожданную, оплаченную дорогой ценой победу над коварным врагом – немецким фашизмом. Трудно налаживалась мирная жизнь. Люди жили в землянках – нашу деревню немцы сожгли при отступлении. И с едой, и с одеждой тоже было неважно. В первый и второй классы ходил в лаптях. Другой обуви не было. В сентябре, пока было тепло, бегал босиком. А вот в октябре – ноябре, когда начинались стужа и слякоть, приходилось в школу шлепать в лаптях. Поскольку школу в нашей деревне отступающие немцы сожгли, ходили пешком примерно за полтора километра в соседнюю деревню. Но там школьное здание также было сожжено в 1943 году полицией – прислужниками фашистов. Занятия проходили в простой, чудом уцелевшей хате, в которой жила семья из четырех человек: деда Кузьмы, его невестки Текли со своими детьми – семилетней первоклассницей Катей и дошкольницей Зоей. Сын Кузьмы, муж Текли, погиб на фронте. Так вот пока мы, школьники, пешком добирались до школы, лапти наши промокали насквозь, ноги кололо от холода. Придя в школу, по настоянию тети Текли, разувались, лапти и портянки бросали на горячую печку для просушки, а сами босиком шли на занятия. Когда уроки заканчивались и надо было идти домой, обувались. Портянки и лапти немного подсыхали. Но по дороге домой все снова повторялось – мокрые лапти, холодные ноги. Все это не проходили бесследно: мы часто болели, кто-то из нас и умирал. Но вот когда появились резиновые сапоги, в которых в непогоду и слякоть ноги оставались сухими – радости не было предела. Тогда-то деревенские жители и сочинили незамысловатую ча-

штуку: дякуй, т. е. спасибо Сталину-грузину, что обул нас в резину; что обул нас в резину спасибо Сталину-грузину. И это произносилось искренне, а не ради юмора.

Рассказывая этот эпизод из своей жизни и наблюдая за реакцией слушателей, Вадим Андреевич прочитал на их лицах сочувствие к нему, лектору, испытывавшему в детстве много страха и горя. Но связывали ли они появление резиновой обуви в торговле именно как благодарность Сталину – их реакция на это была сдержанной. Убедившись в этом, Вадим Андреевич продолжил:

– Подобных и более ярких примеров, говорящих об отношении к Сталину на местах, было немало в нашей стране. Я видел несколько раз кинохронику похорон Сталина. И сегодня задаю себе и вам вопрос: почему проститься с «кровавым диктатором», каким сегодня нам представляют Сталина, было столько желающих, людской поток настолько был огромен, что, казалось, ему не будет конца. В нем находились не только москвичи, но много приезжих из других городов и сел СССР и других стран. Многие шли со слезами на глазах. Почему наш народ так горестно воспринял смерть вождя? Если каждый из нас это себе объяснит честно, то наверняка лучше поймет и оценит роль Сталина в развитии нашей страны. Сталин – великий государственный, общественно-политический деятель мирового уровня. Таким он и останется в отечественной и зарубежной истории, что бы о нем сегодня ни говорили и ни писали гадкого (10).

На этом Вадим Андреевич решил закончить свою беседу-лекцию. По привычке, сложившейся за годы лекционно-пропагандистской деятельности, он намеревался спросить у слушателей, есть ли у них вопросы. Но его опередил пожилой рабочий, обратившийся к нему по имени и отчеству:

– Вадим Андреевич, несколько лет тому назад, где-то в 1985 году, в нашем же цехе вы читали лекцию «О роли КПСС в коммунистическом строительстве». Вы меня не помните?

– Вот сейчас вспомнил вас, Евгений Павлович, – усмехнулся Вадим Андреевич. – Вы тогда много вопросов задавали. На той лекции вы были в рабочей спецовке, а сегодня уже переоделись в чистую повседневную одежду. Поэтому я не узнал вас сразу.

– Так вот, – ответив взаимной улыбкой, продолжил Евгений Павлович. – Помнится сказанное вами тогда о том, что со стороны западных пропагандистских центров изошренным нападкам подвергается партия. Ее, говорили вы, сравнивают с фундаментом дома. Мол, дом не разрушится, если внутри помещения сменить обои, покрасить пол и т. д. Но если взорвать фундамент, – дом рухнет. Сегодня фундамент нашего дома взорван, теперь надо ждать обрушения самого дома?

– К сожалению, да, – ответил Вадим Андреевич. – Если «Договор о Союзе Суверенных Государств», проект которого, кстати, пятый по счету,

опубликован в «Известиях» 26 ноября, будет подписан республиканскими лидерами – это уже будет не СССР, а нечто другое.

* * *

8 декабря 1991 года произошло событие, которое заставило содрогнуться весь цивилизованный мир: не стало страны, успешно демонстрировавшей альтернативный капитализму путь движения земной цивилизации к таким ее высотам прогресса, где люди труда будут свободно трудиться в свое удовольствие и зажиточно жить, где не будет места нищете и другим порокам человеческого бытия. Исчезла великая страна – знаменосец мира и дружбы между народами планеты Земля. Разрушение Советского Союза стало «крунейшей геополитической катастрофой XX-го века» (11).

Вадим Андреевич, узнав по радио о Беловежских соглашениях, согласно которым упразднился Советский Союз и объявлялось об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ), нисколько не удивился этому. По большому счету, таким стал финал неудачной социалистической перестройки. Руководство КПСС во главе с Горбачевым оказалось неспособным достичь заявленной цели перестройки: «больше социализма» (12). Больше всего Вадима Андреевича поразило другое: денонсацию Союзного договора и Декларации об образовании СССР, принятых I съездом Советов 30 декабря 1922 года, осуществили руководители трех республик – России, Белоруссии и Украины без участия других учредителей Советского Союза – Армении, Азербайджана и Грузии (13). Кто из них – инициатор сей акции? Первым среди равных подписантов, несомненно, является Ельцин – Президент России. Его пропагандистский лозунг «Берите суверенитета, сколько проглотите» успешно претворяется в жизнь (14). С Кравчуком – Президентом Украины, все понятно. Он хорошо воспользовался сложившейся ситуацией для удовлетворения своих националистических амбиций (15). А вот почему Шушкевич клюнул на эту антиконституционную акцию – не понятно (16). А ведь была какая-то надежда у Вадима Андреевича, что председатель Верховного Совета БССР не пойдет на подобную авантюру, потому что в белорусском обществе, да и в руководстве республики, не было такого накала националистических страстей, которые поразили некоторые республики Советского Союза. Теперь вопрос в том, как поступит с подписантами Президент СССР Горбачев? Ведь они самовольно взяли на себя функции Съезда народных депутатов СССР, который мог, и только он, решать судьбу Союзного государства. Выходит, эта тройка совершила государственное преступление – пренебрегла еще действующей Конституцией СССР, расчленила страну. А это – дело подсудное. Воспользуется ли только этим Горбачев, чтобы свести свои счета с разрушителями СССР, поставившими себя в положение государственных преступников? (17) И как поступят сейчас Верховные Советы республик, ведь последнее слово за ними. Вообще-то они не должны ратифицировать

Беловежские соглашения, поскольку все произошло без ведома депутатов (18). Такими беспокойными мыслями Вадим Андреевич поделился с женой. Та выслушала его, потом сочувственно сказала:

– Тебе, дорогой, для начала надо хорошо отоспаться. Дальше будет видно. По-моему, надо хорошенько подумать: стоит ли тебе, немолодому человеку, бегать по митингам, переживать из-за того, что события в стране развиваются не так, как хотелось бы тебе. Пойми, что ты ничем никому сегодня не поможешь, а вот здоровье свое угробишь!

Вадим Андреевич не смог ничего ответить жене: она была права. Да он и сам все больше убеждался в бесполезности своей пропагандистской работы и доказательство этому – упразднение СССР.

Утром следующего дня Вадим Андреевич получил тревожную телеграмму отчима с просьбой скорее приехать домой – мать при смерти.

* * *

Встретил Вадима Андреевича и Марию Григорьевну отчим.

– Наконец, приехали, – тяжело вздохнул он. – Мать утром на «Скорой» отвезли в больницу.

– Что, так плохо с ней? – встревожился Вадим Андреевич. – Что врачи сказали?

– Сказали: будьте готовы ко всему, – отчим смахнул с лица слезу. – Ей очень плохо стало ночью. Разбудила меня и говорит: сильно сердце сжимает; корвалол не помогает, вызывай «Скорую». Дома у нас телефона нет, пришлось бежать на почту, благо, что она недалеко. Пока будил дежурную, пока дозванивались до «Скорой», прошло порядочно времени. Врачи приехали около девяти утра. Сняли кардиограмму. После укола Фросе немного полегчало. Однако врачи сказали, что надо срочно ее везти в больницу, все серьезно. Утром прибежал Ванька, он помог врачам донести на носилках мать до «Скорой» и поднять в машину. Ванька же и сопровождал мать в больницу. Когда Фросю выносили, она наказала мне, чтобы всем вам дал телеграммы, что я и сделал. Вы вот приехали, а Валеры пока нет. Он тоже работает и живет в Свердловске, должен подъехать. Ждали, что вы все вместе приедете, но где-то разминулись? Валерка-то подъедет, а вот Витя, видно, не появится, где-то под Москвой служит в армии, далеко от дома...

Отчим тяжело вздохнул, пропуская вперед себя в избу Вадима Андреевича и Марию Григорьевну. В избе их встретил Иван.

– Здоров, брат! Валера разве не с вами ехал?

– Мы с Машей приехали, – отозвался Вадим Андреевич. – Валеру по пути не встретили. Я думал, что он уже здесь. Ладно, он подъедет, ты лучше скажи, как там мама?

– Отвезли в нашу поселковую больницу. Сегодня выходной, врачи отдыхают, принимала дежурная медсестра. Маму поместили в палату, дали

ей какие-то таблетки проглотить. Сестра пообещала, что если больной станет хуже – вызовет врачей. Пока все.

– Сколько больных в палате? – спросил Вадим Андреевич.

– Не знаю, в палату я не заходил, – ответил Иван.

– Завтра утром едем в больницу, – вызвалась Мария Григорьевна.

– Хорошо, – согласился Иван. – Ну а сейчас располагайтесь, будьте как дома. Будем ужинать.

Иван подзвал жену Лизу и распорядился, чтобы она накрывала стол. Валера подъехал как раз к ужину.

– А пошто без Нины? – встретил его отец.

– Да детей оставить не с кем, – объяснился Валера. Он тут же, едва раздевшись, расспросил отца и Ивана о случившемся с матерью.

Сели за стол поздно вечером. Отчим принес трехлитровую банку бражки. Наполнение ею стаканов сопровождал накопившимся недовольством. – Сейчас днем с огнем водки не сыщешь! Вот и приходится встречать радость и заливать горе бражкой. К Новому году готовились, да, видно, не до праздника будет. Давайте выпьем за то, чтобы поправилась мать!

Отчим выпил первым, его примеру последовали все мужчины, сидящие за столом. Женщины только дотронулись губами до стаканов.

– Угощение не ахти какое, – промолвил с грустью отчим. – В магазинах – шаром покати, даже по талонам не всегда удается отовариться. Ведь не так давно в магазинах было же все, что надо. Когда мы переехали сюда, в шахтерский поселок, жить, Ваня? Кажется, в 70-е годы.

– В начале 70-х, – уточнил Иван.

– Тогда в здешних магазинах прилавки были забиты и продуктами, и промтоварами, имелись в продаже и хозяйственные товары. И куда все подевалось? Вроде бы и войны не было.

– Перестройка, папа, была, – оживился Валера. – А она оказалась не хуже войны, прошла катком по стране. Заводы работают вхолостую или вообще останавливаются. Зарплату месяцами рабочим не выдают. Полки в магазинах пусты не только в вашем поселке, но и в нашем городе. Вот такие, папа, пироги!

– От добра добра не ищут, – с горечью заметил отчим.

– Итоги перестройки плачевны во всех отношениях (19), – включился в разговор Вадим Андреевич. – Вот еще ее очередной разрушительный аккорд прозвучал и, очевидно, не последний, – это ликвидация Советского Союза.

– Как, не стало Союза? А куда он девался? – удивились Иван и отчим.

– А вы разве не слышали сообщение по радио, что в Белоруссии, в правительственной резиденции «Вискули», находящейся в Беловежской пуще, наш Ельцин, белорус Шушкевич, украинец Кравчук – главы своих республик, втайне от Горбачева подписали соглашение об упразднении СССР и образовании СНГ – Содружества Независимых Государств.

– Я об этом мельком слышал в вагоне от пассажиров, но никто толком не мог объяснить, что произошло. Одна бабка молилась, приговаривая: «Господи, спаси от наступления конца света». Может, ты как ученый-историк нам растолкуешь, что на самом деле произошло в Беловежской пуще? – обратился к старшему брату Валера.

– На самом деле три деятеля, не имея на то полномочий, сговорившись, подписали соглашение, согласно которому все 15 республик бывшего Советского Союза становятся независимыми. Теперь каждая из них самостоятельно решает свою судьбу. Как поведут себя республики – покажет ближайшее будущее. Всем им придется решать сложные проблемы, связанные с переделом между собой достояния народного хозяйства СССР, а также армии, милиции, органов госбезопасности, определением границ. Передел в той или иной форме затронет социальную сферу, культуру, науку, образование, семейно-брачные отношения. Республики имеют разный потенциал и возможности для развития. Между ними существуют не государственные, а всего лишь административные границы. Вот все это вместе взятое может при делении привести между ними не только к трениям, но и к кровавым разборкам. В этом сейчас самая большая опасность.

Отчим, уже изрядно захмелевший после нескольких стаканов бражки, тоже не утерпел, чтобы что-то не сказать по поводу происходящих событий в стране.

– Все, что у нас делается, делается не по-людски. А почему? А потому что те, кто оказался у власти, начисто забывают нас, простых людей, окружают себя прислугой, гребут больше под себя. А интеллигенция наша тоже хороша: куда ветер дует, туда она и гнется, занимается пустозвонством, получая за это медали и ордена, да еще привилегии.

– Ты не прав, отец, – возразил Вадим Андреевич. – Не вся интеллигенция гнется по ветру, и не все получают государственные награды. Вот я себя тоже отношу к интеллигенции педагогической, однако ни медалей, ни тем более орденов не имею.

– Значит, служил и служишь плохо!

– Я всегда старался честно работать, никому не прислуживая, и этим горжусь!

Отчим не нашелся, что ответить. Выпив еще стакан бражки, он невнятно пробормотал: – Время позднее, пора ложиться спать. Завтра рано утром поедем к Фросе. Как она там, может уже...

Он, не договорив, вышел из комнаты.

Лиза, которая в отсутствие матери взяла на себя ее заботу по дому и за ужин, поддержала отчима: – Отец прав, будем расходиться. Машу берем мы с собой, она у нас переночует, – и добавила, обращаясь к Вадиму Андреевичу и Валере: – А вы, мужики, располагайтесь здесь: кто-то из вас ляжет спать на диване в большой комнате, а кто-то – на кровати в комнат-

ке рядом. Простыни и наволочки возьмите в комод, одеяла лежат на кровати. Отца напрасно не беспокойте. Да он уже, поди, спит...

Когда Лиза увела с собою Ивана и Марию Григорьевну, Вадим Андреевич и Валера, не задерживаясь, тоже собрались ко сну.

– Ты, Вадька, располагайся на диване, а я устроюсь на раскладушке, – предложил Валера. – Находясь рядом, поболтаем еще немного, давно ведь не виделись. Говорить через стенку – это все равно, что говорить по телефону.

Как только оба улеглись, потушив свет в комнате, Валера, не дожидаясь пока его схватит сон, первым начал делиться своими мыслями: – Знаешь, Вадька, я не понимаю гласность, которую считают величайшим достижением перестройки. Разве она нужна только для того, чтобы поносить, а потом запретить КПСС, угрожать экономике, довести людей, считай, до голода, поссорить наши народы, а сейчас вот и упразднить Советский Союз?

– Конечно, не для этого, – отозвался Вадим Андреевич. – Гласность нужна была для того, чтобы снять синдром умолчания о реальном состоянии дел в экономике и обществе, чтобы избавиться от надоевшего всем расхождения слова и дела. А оно, расхождение, во многом диктовалось тем, что социализм как прогрессивная общественно-политическая и экономическая система, в принципе, как считалось, развивается без кризисов, хотя в реальности было не так. Начатая перестройка – это как раз была попытка преодолеть охвативший нашу экономику и общество в целом кризис. Но с этой сложной задачей инициаторы перестройки, как видишь, не справились. Открыв шлюзы широкой гласности и получив ее результаты, далеко не те, на что рассчитывали, они растерялись. Вместо того чтобы гласность направить все-таки в социалистическое русло, использовать в интересах социализма, пустились в свободное плавание на волнах разнузданной и циничной буржуазной демократии. В итоге оказались у разбитого корыта.

– Но надо ли было разрушать Союз?

– Перестройка, не дав экономических положительных результатов, свелась к политической борьбе за власть между Горбачевым, показавшим свою несостоятельность как реформатора и главы государства, и Ельцина, решившего воспользоваться «демократизмом» Горбачева для удовлетворения своих карьеристских амбиций и сведения счетов со своими обидчиками из родной КПСС, запретив ее в конечном счете. В этой борьбе разменной монетой стали межнациональные отношения – отношения, которые всегда требуют большой выдержки и деликатности в подходе в их разрешении и поддержании, поскольку эта сфера человеческих отношений очень чувствительна, болезненна. В разыгравшейся острой политической борьбе и тот, и другой со своими сторонниками эту особенность межнациональных отношений попросту проигнорировали. Поднятая ими националистическая волна, сметая на своем пути все преграды, докатилась до Беловежской пуши, смела СССР.

– А ты бывал в Беловежской пушке? – вдруг спросил Валера.

– Да, мы с Машей там в свое время побывали, – ответил Вадим Андриевич.

– Расскажи о Беловежской пушке. Что это – заповедник? Чем он привлекателен?

– Это огромный лесной массив в Брестской области Белоруссии, находящийся на советско-польской границе. Сейчас, после подписания Беловежских соглашений, это будет белорусско-польская граница. Государственная граница рассекает Беловежскую пушку на две части: белорусскую и польскую. Белорусская часть лесного массива называется «Государственное заповедно-охотничье хозяйство» (20). Во время автобусной экскурсии по Беловежской пушке, на которой мы с Машей побывали, экскурсовод, молодая симпатичная девушка, много рассказывала о Пушке, ее интересной истории. Кое-что из рассказа экскурсовода сохранилось в памяти до сих пор. Вот что тогда я услышал из ее уст. Особую известность Беловежской пушке принесло наличие на ее территории большого количества различного зверя (в том числе зубра) и первобытных лесов с их гигантскими деревьями и богатым растительным миром. В древние времена, во время весенних разливов, пространство вокруг Пушки превращалось в огромное море, над которым, как остров, возвышался лесной массив, где животные спасались от наводнения. Богатства животного мира издревле привлекали в Пушку охотников. Известно, что в XII веке в Беловежской пушке подолгу жил русский князь Владимир Мономах, увлекаясь охотой на зубров, туров и благородных оленей. Охотились в Пушке литовские князья, ставшие ее владельцами после распада Киевской Руси. Особой пышностью отличались охоты польских королей, превративших Пушку в придворное место увеселений. При Екатерине II Беловежская пушка стала частью Российской империи. Императрица разрешила проводить в ней любые охоты, кроме отстрела зубров. Являясь покровительницей науки, она давала разрешение на отстрел зубров только для музеев Европы. Екатерина, а затем и Павел I раздавали фаворитам и приближенным значительные участки земель Пушки, что вело к уничтожению лесов и раздроблению территории. При Александре II охота на зубров была ограничена. Более того, для восстановления популяции благородного оленя в течение нескольких лет завозили в Пушку из Германии этих животных. Сам Александр II, хотя и был страстным охотником, но охотился в Беловежской пушке только один раз, в 1860 году. Во время правления Александра III Беловежская пушка перешла в собственность царской семьи. В ней был построен Беловежский Императорский дворец, в котором отдыхали после охоты Александр III, Николай II, великие князья. Не обошли стороной Пушку две мировые войны. Во время Первой мировой войны она находилась под немецкой оккупацией. Немцы безжалостно вырубали ценные вековые леса, перерабатывали древесину и отправляли ее в Германию. Чтобы оперативно снабжать Германию ценным лесоматериалом, в Пушке были построены четыре лесо-

пильных завода и трехсоткилометровая узкоколейка. После окончания войны Беловежская пуца перешла к Польше. Во Вторую мировую войну леса Пуци сильно не пострадали. По инициативе пособника Гитлера Германа Геринга было решено создать здесь образцовое хозяйство для самых титулованных особ Германского Рейха. После освобождения Беловежской пуци от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году в Москве прошла межправительственная советско-польская встреча. Согласно подписанному на ней соглашению, государственная граница разделила Пуцу на белорусскую и польскую части. Белорусская часть территории в послевоенные годы стала заповедником. Такова вкратце история этого уникального дара природы.

– А партийные и советские руководители посещали Беловежскую пуцу?

– Посещали. В 50-е годы в Пуце был построен правительственный комплекс «Вискули», включающий гостевой павильон, гостиницу, коттеджи, баню-сауну. Условия для охоты и отдыха, как видишь, были созданы приличные. Это, естественно, и привлекало в Вискули партийных и советских государственных мужей. Наши замечательные деятели искусства и литературы композитор Александра Пахмутова и поэт Николай Добронравов прославили Беловежскую пуцу своей популярной песней с таким же названием. Именно здесь, в пуце, где «трава высока, заросли гуще», где «свет хрустальной зари» струится, где и охота с сауной отменные, Ельцин, Кравчук, Шушкевич расслабились и подписали смертный приговор Советскому Союзу, не задумываясь о ближайших и отдаленных последствиях своего действия.

– Да-а-а, был Союз, и не стало его, – глубоко вздохнул Валера. – Както не верится, что такой страны больше нет, в которой мы родились, жили, любили, детей растили, спокойно в будущее смотрели. Может, все-таки это не окончательное решение?

– Поживем – увидим, – буркнул Вадим Андреевич и тут же перевел разговор на другую тему:

– Ты мне скажи, как обстоят дела на вашем заводе?

– Дела на заводе, как сажа бела. Государство бросило на произвол судьбы наше предприятие, которое выпускает боевую технику, например, самоходные установки, не имеющие аналогов в мире. Как заявляют наши руководители, предприятие либо останется мощным оборонным комплексом, либо его придется конвертировать с ликвидацией части мобилизационных мощностей. Все будет зависеть от реакции российских властей. Мы, рабочие, большие надежды возлагаем на Ельцина. Пока же работа у нас, слесарей, есть, и зарплату кое-какую получаем, хотя не так исправно, как раньше.

– Хорошо, что пока не все так плохо. А тепер давай спать, завтра надо рано подняться и поехать к матери в больницу.

Предложив брату отдаться сну, сам Вадим Андреевич, оставшись наедине с собой, не смог сразу сделать то же самое: его начали занимать тревожные мысли о заболевшей матери. Они долго не покидали его, с ними он уснул и с ними же проснулся. Первое, что услышал и увидел – это легкий храп брата и тускло освещенную луной комнату. Тихонько поднявшись, подошел к окну и немного приподнял занавеску. Лунный свет, усиленный белизной только что выпавшего снега, на мгновение ослепил его. Такого ощущения он не испытывал давно. Пожалуй, с того уже далекого времени, когда ему, первокласснику, из-за отсутствия простой керосиновой лампы, не говоря уж об электрическом освещении, приходилось готовить уроки при лучине, а иногда и при лунном свете, если луна светила ярко, и ее свет усиливался, отражаясь в белизне выпавшего снега. К этому приходилось прибегать тогда, когда уроки выполнял поздно вечером, лучину нельзя было жечь, чтобы не отравлять угаром спящих домочадцев. Да, все это было в Белоруссии. Но теперь она стала незалежной. А он, Звездин, советский человек, кто теперь: русский или белорус? Эта вдруг повеявшая холодком мысль вернула его к страшной реальности: к упразднению Советского Союза.

Не задерживая плотно занавеску, Вадим Андреевич вернулся к дивану и лег. Было без четверти пять утра, и можно было еще поспать. Но сон пропал. Начала давить мысль о выборе Родины. Чтобы хотя бы на время ее заглушить, попытался что-нибудь еще припомнить из своего не очень радостного детства. Но не получалось. «Надо ли больной матери говорить, что она и все мы ее дети оказались теперь за границей? – промелькнуло в голове Вадима Андреевича. – Пожалуй, нет. От этого ей легче не станет. Надо скорее навестить мать, может, его встреча с ней придаст ей дополнительные жизненные силы».

Вадим Андреевич посмотрел на часы. Было около шести утра. Он с нетерпением и надеждой ждал наступления утра нового дня.

Конец первой части.

Екатеринбург 2008–2013 гг.; сентябрь – декабрь 2019 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

«... Ей, Человеколюбивый Господи, повели, да отпустится от уз плотских и греховных, и прими в мире душу рабыни твоей Евфрасини, и покой ее в вечных обителях со святыми твоими, благодатию Единородного Сына Твоего Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с ним же благословлен еси, с Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Вадим Андреевич, не вникавший в смысл того, что читала нараспев над гробом матери бабка Степанида из своей сильно потрепанной засаленной тетрадки, при слове «Аминь» невольно почувствовал себя виноватым перед покойной матерью за то, что невнимательно слушал отходную молитву – последнее напутствие живых мертвой. Он плохо слушал бормотание 80-летней Степаниды, потому что не разбирал сказанных ею слов, у него никак не складывалось какое-то смысловое содержание канона молитвы по усопшей. Он, может быть, впервые при этом пожалел, что, считая себя профессиональным историком, не нашел времени изучить Библию – исторический источник мировоззрения средневековья, каковым стало христианство. Он, конечно, знал, что книги Ветхого и Нового Заветов, составляющие Библию, писались более чем сорока авторами на протяжении многих веков, что они были очень образованными и думающими людьми своего времени, обладавшие величайшими способностями аналитического прогноза. Но у него сложилось твердое убеждение, что бога как нечто определенное нет, доказать его существование невозможно, что у человека нет никакой души, если он умер – крышка. И когда Степанида, жившая по соседству, еле передвигаясь с помощью клюки, зашла в избу и предложила прочесть «Канон молебный на исход души», Вадим Андреевич с нескрываемым удивлением спросил: «А зачем, разве это обязательно?» На что старуха спокойно ответила: «Чтоб душа покойной при выходе из тела не металась, а сразу встретила своего Ангела хранителя». Она ответила громко, чтобы все присутствующие услышали и не задавали больше вопросов. Сама же, сев на стоящую рядом с гробом, ближе к изголовью умершей табуретку, стала читать отходную молитву.

Завершив молитву словом «Аминь», бабка Степанида, крестясь, несколько раз повторила «Упокой, Господи, душу усопшую рабу твою». Потом с трудом поднялась и, постукивая старой, как она сама, клюкой о пол, молча покинула избу. После ее ухода в избе воцарилась смертельная тишина. Слышно было, как потрескивали горевшие свечки, стоявшие на подставках у изголовья матери, аккуратно уложенной в гроб.

Первым нарушил скорбящую тишину Виктор:

– Однако Новый год на носу, надо бы его встретить...

Виктор прибыл домой сегодня утром лишь после второй телеграммы отца, в которой было указано о смерти матери. Время для сборов не было. Жена и дочь остались дома, в Наро-Фоминске, где он служил в одной из частей 2-й гвардейской мотострелковой (Таманской) дивизии. Друзья по службе, учитывая, что на родине подполковника, возможно, большие трудности с продуктами и спиртным и что похороны матери не могут обойтись без выпивки и закуски (такова христианская традиция), – вот, учитывая все это, они наскоро, как могли, снабдили в дорогу его кое-какой провизией: мясными и рыбными консервами, несколькими пачками сухарей, сухих пайков, пару бутылок водки и столько же бутылок шампанского (какая же встреча Нового года без шампанского!). Виктор был благодарен друзьям за проявленную армейскую солидарность и заботу. Он не стал допытываться у них, как и где все это им удалось добыть в столь сжатые сроки. Теперь, находясь дома, он увидел, что все привезенное им оказалось кстати.

Напоминание Виктора, что Новый год на подходе и его надо все-таки встретить, не застало врасплох Лизу. Она уже накрыла стол на кухне тем, что нашлось дома и что привез Виктор. Получилось не так уж и плохо, новогодний стол смотрелся почти празднично. Отчим, который первым оказался на кухне, куда Лиза позвала всех зайти, с горечью промолвил:

– Как бы Фрося была рада этому праздничному столу, за которым собрались вместе все дети встретить Новый год.

Когда все кое-как разместились в маленькой кухне и успокоились, Вадим Андреевич, находясь в подавленном состоянии, все же нашел в себе силы, чтобы подобрать подходящие слова для провода Старого и встречи Нового года.

– Нам, следуя доброй традиции, надо бы первый тост поднять за наше здоровье в уходящем году и пожелать здоровья каждому в Новом году. Но сегодня приходится поднять первые рюмки за упокой нашей мамы.

Вадим Андреевич хотел что-то сказать еще, но не смог. Накатившийся комок сдавил горло. Все это увидели и, не дожидаясь дальнейших от него слов, не чокаясь, выпили. Выпил и Вадим Андреевич. Когда немного отлегло, он продолжил говорить о матери, о ее трудной жизни, которую мужественно переносила, не хныкала, несмотря не на какие невзгоды, вырастила четырех сыновей, каждый из которых добился достойного места в жизни. А закончил тем, что 1991 год оказался трагическим не только для семьи, но и для страны и что поэтому надо выпить и за упокой Советского Союза.

Подошло время встречи Нового, 1992 года. Открыли шампанское, наполнили им фужеры. А когда стрелки часов оказались на двенадцати, под перезвон хрусталиа каждый молча проглотил благородный напиток.

Водка, шампанское, потом опять водка расслабили всех сидящих за новогодним столом. Как-то незаметно, отключившись на какое-то время от

скорби по умершей матери, перешли на разговор о последних событиях в стране. Больше всех вопросы сыпались Виктору как военнослужащему, приехавшему из Москвы. Отец, сидевший рядом с ним, все пытался выяснить, как ведут себя москвичи, заварившие эту кашу.

– А что москвичи, – как-то туманно начал Виктор. – Разве они одни в этом повинны! А наши Ельцин, Бурбулис? Они что – пай-мальчики, ни при чем? А Горбачев? С них должен быть спрос прежде всего! А рядовые москвичи... стали меньше улыбаться.

– Улыбка, скажем, еще ни о чем не говорит, – скупое усмехнулся Вадим Андреевич. – Россияне вообще в быту неулыбчивые. Это американцы по каждому поводу и без повода показывают свои зубы всякому встречному поперечному. А мы – нет. Мы смеемся только если на то есть причина. А смех без причины – признак дурачины, – гласит народная мудрость.

Вадим Андреевич сделал небольшую паузу и, пригубив очередную рюмку водки, спросил у Виктора:

– А ты скажи мне, братец, как там сейчас дышит наша «легендарная и непобедимая», почему она позволила угробить Советский Союз?

– Ты, Вадик, спроси что-нибудь полегче!

Виктор налил себе полную рюмку водки и, не дожидаясь какой-то общей команды, с ходу опрокинул ее.

– Ты спрашиваешь, как там дышит сегодня наша армия? – повторил Виктор вопрос брата, наливая себе очередную рюмку водки. – Да кинули ее так, что она не знает, кому она вообще нужна сегодня!

– Но ведь в августовские дни ГКЧП все же рассчитывал на поддержку армии для восстановления порядка в стране...

– Плохо рассчитывали. Надо было послать в Москву те подразделения, которые оставались верны присяге Советскому Союзу. Они смогли бы и Белый Дом успокоить, и Ельцина, если потребовалось бы, поставить на место. Да и посланные части смогли бы выполнить эту задачу, если бы последовал со стороны министра обороны Язова твердый приказ о немедленном наведении порядка в столице. Но не решились и Язов, и многие командиры. Их напугал призрак нависшей гражданской войны. В итоге министр обороны и члены ГКЧП оказались за решеткой (1). Вот так, братец, вышло с армией.

– А после Беловежской Пуши какие настроения в армии? – последовал очередной вопрос Вадима Андреевича.

– Еще до Пуши началась дележка армии между сепаратистами. Но а сейчас, после Пуши, пока трудно сказать, что будет с армией, это даже богу неизвестно. Настроение у офицеров и солдат хуже некуда. Кто-то напивается в усмерть, кто-то пытается смотаться из армии на гражданку, а кто-то готов присягнуть новым республиканским властям, начисто забыв воинскую присягу, где сказано: «Я всегда готов по приказу Советско-

го правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических республик...».

– Ты бы, Виктор, Бога не гневил, а то совсем он от нас, грешных, отступится. Сатана и так над нами измывается, тянет нас в ад, – не удержалась Лиза.

– Да мы давно в аду, Лиза! – воскликнул Виктор, опорожнив очередную рюмку водки. – Да, да, мы, живущие, давно в аду. Смотри, к чему привела нас нынешняя демократия: к гаданию с помощью магического кристалла, к гаданию на алфавитной планшете, к экстрасенсорике, хиромантии, астрологии и разного рода предсказателям. Это разве по-божески? И где твой бог, почему он так беспардонно взирает на весь этот балаган в стране? Нет никакого бога! Даже Библия признает, что Сатана и Дьявол являются невидимыми правителями мира. Вот они и правят бал в нашей стране сегодня! Завтра переметнутся в другую страну, где окажутся подходящие условия из-за безумства государственных мужей.

– И что? Разве спиритизму подвергнута наша армия сегодня? – остановил Вадим Андреевич брата.

– А ты думаешь, что армия на Луне находится? Нет, братец мой! Армия – часть нашего общества. Все, что в нем происходит, не проходит мимо армейской среды. Больно смотреть, как политики, журналисты разваливают армию, поганят армейскую службу. Они не понимают или забыли, что армия – жертвенная часть общества и унижать ее, ломать офицерскую честь не стоило бы. Кто пойдет защищать Родину, если из армии сделают говно? Кто? Эти политики-крикуны? Как бы не так. Они первыми в случае чего дернут за границу, как крысы с тонущего корабля!

Чем больше Виктор хмелел, тем откровеннее лилось из его уст все наболевшее за последнее время. Вспомнил свое участие в боевых операциях в Афганистане. И как теперь демократы гнобят «афганцев», и как им то и дело откровенно бросают в лицо: мы вас туда не посылали и, дескать, молчите в тряпочку о своем интернациональном долге (2). А сейчас вот его и других, кто остался служить в армии, принуждают отказаться от присяги на верность Советскому Союзу и присягнуть Ельцину (3).

Как долго изливал бы изрядно захмелевший Виктор накипевшую в его душе боль и обиду за все происходящее в армии и стране – неизвестно. Но вмешался отец, напомнивший о покойной матери, остававшейся еще рядом, в горнице, в эту скорбную новогоднюю ночь.

– Ребята, надо посидеть с матерью, она ведь пока с нами. Негоже ее оставлять одну в эту последнюю для нее ночь дома.

Прослезившись, отец первым направился в горницу. За ним молча потянулись все остальные. В горнице братья расположились на диване, отчим примостился на табуретке у изголовья матери, Мария Григорьевна и Лиза сели на стулья рядом с гробом покойной.

В полуосвященной горнице, после того как все разместились, установилась угнетающая скорбная тишина. Никто ни о чем не говорил, все были заняты своими мыслями, каждый по-своему переживал, глядя на покойницу. И так продолжалось довольно долго.

Вадим Андреевич, сидя у гроба матери и видя ее потерявшее жизненные краски лицо, думал о ней, о ее нелегкой жизни и судьбе, где было больше печалей, чем радостей. У нее не было времени думать о себе. Надо было думать и что-то делать, чтобы жить и выживать, выживать и жить. Особенно большие заботы взвалились на молодую женщину, когда неожиданно умер ее муж Андрей и убили в самом начале войны батьку Советея. После этих ужасных потерь ей пришлось быть в ответе не только за себя и свое благополучие, но и за жизнь престарелой матери Крестины и маленького сынишку Вадика, державшего ее в ореоле первой девичьей любви – любви к Андрею. Потом нагрянула война с ее жестокостями, страхами, горем и голодом. Казалось, что всему этому не будет конца, а если он и наступит, то это будет могила. Но и в страшные годы войны жизнь улыбнулась ей: выхаживая раненного молодого партизана Мишку Земляных, как-то незаметно привязалась к нему, и он, уловив это, предложил стать его женой. Она сначала отказала ему – разве можно было изменить первой любви и памяти о ней, лишить Вадика памяти о его отце! Нет, этого она не могла сделать. Но война внесла свои коррективы. В тяжелых боях весной и летом 1943 года партизанской бригады «Железняк» с гитлеровцами, стремившихся уничтожить бригаду, которая своими боевыми действиями срывала поставки вермахтом на Восточный фронт через Белоруссию своей живой силы и военной техники, – в тех тяжелейших боях с немецкими карателями Михаил Земляных был вновь ранен. Он находился на грани жизни и смерти. Его не могли отправлять самолетом на Большую землю, в советский тыл из-за продолжавшихся боев с гитлеровцами. Оперировать тяжелораненого пришлось партизанским врачам супругам Сырниковым в скрытном от врага лесном подземном госпитале. Операция прошла благополучно. Вскоре Михаил пошел на поправку. Опять она же помогла ему своим вниманием и заботой быстрее стать на ноги, вернуться в ряды народных мстителей. И он, покинув партизанский госпиталь, повторно сделал ей предложение выйти за него замуж. Она уже больше не смогла ему в этом отказать. Семейная жизнь в военное и послевоенное время была и радостной, и беспокойной. Приходилось разрываться между мужем, желавшим большего внимания и ласки после очередного боевого задания, и Вадиком с матерью, которым приходилось кочевать из родной хаты в лес при появлении карателей и обратно домой, когда их партизаны изгоняли. Победный май 45-го был омрачен болезнью сына. В первый год после войны в Светлом Поле умирало много детей от недоедания и спутников голода – разных болезней. Вадика душила скарлатина. Соседи считали, что сынок Фроси доживет последние дни. Но мать не сда-

валась. Она, не глядя на ночь, в грозу и ливень, находясь в положении, пустилась бегом в Березовку, где проживала ее партизанская подруга, медсестра Грибоедова. Та, выслушав взволнованную просьбу бывшей партизанки, немедля, как по тревоге, еще не забытой, быстро собралась, прихватила с собой санитарную сумку, и буквально помчались вдвоем ночью через лес в деревню спасать парнишку. И спасли. 45-й год принес и радости свои. Это не только была победа, снявшая все тревоги и страхи за свою жизнь и жизнь дорогих ей людей. Это рождение второго сына Валерия от брака с Михаилом; это строительство новой хаты взамен сожженной немцами при их отступлении и бегстве под ударами Красной армии. Радовало ее и то, что новый муж оказался мастером на все руки: мог строить, столярничать, слесарничать, деревенские печки класть, окна стеклить и многое другое по хозяйству делать. В сожженной немцами дотла деревне, при страшной нехватке мужских рук (вернулись с фронта, в том числе и партизанского, не более десятка покалеченных мужчин), Михаил, тоже являясь инвалидом второй группы, оказался тем человеком, в помощи которого нуждались многие жители. Его приглашали, чем могли угощали за работу, а женщины, потерявшие мужей в войну, пытались еще подольше задержать мужика и, пренебрегая грех, даже «побаловаться» с ним. И все это он стал постепенно воспринимать как некую благодарность за помощь, не видя здесь ничего зазорного, списывая внимание к нему деревенских женщин на последствия войны. Она, конечно, знала о влечении мужа к вдовушкам, но терпела в надежде, что он остепенится, возобладает совесть, забота о собственном сынишке. Но время шло, а Михаил не то что не остепенился, а стал вести себя более развязано, часто задерживаясь допоздна у кого-то из вдовушек. Чаще других он задерживался у Анюты – деревенской красавицы, потерявшей мужа и отца на фронте; ее мать и маленькую дочурку убили здесь, в лесу, во время карательной операции фашистов против партизан. Саму ее каратели захватили в плен и неизвестно, какой оказалась бы судьба пленницы, если бы ее не отбили партизаны вместе с другими жителями деревни. Оставшись одна, Анюта не спасовала перед трудностями: приспособила под временное жильё баньку, которую не достал огонь во время пожара в деревне, устроенного отступавшим врагом; вручную лопатой вскопала огород, посадила картошку и кое-что из овощей. На деревенских мужиков, не оправившихся еще от ран, смотрела снисходительно. Михаила же как-то невзначай попросила поправить в своем жилище-баньке печку, которую сама сложила, но не совсем удачно: у нее не было тяги, дымила. Он согласился и за день исправил печку. Увидев, в каких гадких условиях живет одинокая женщина, подрядился немало облагородить ее временное жильё: сделать более-менее приличные окна в баньке и пристрой-сенцы. Пообещал и в течение месяца сделал. Обрадованная таким обустройством Анюта решила угостить мастера. Где-то раздобыла поллитровку самогонки, краюху хлеба, поджарила несколько

яиц, принесла с огорода зелени и пригласила Михаила за стол. Он не отказался, но предложил хозяйке составить ему компанию. Отказаться было неудобно. За столом, за чаркой самогонки потекли неторопливые разговоры обо всем понемногу, а завершилось небогатое импровизированное застолье постелью. С того самого застолья Михаил, улучив удобное время, заглядывал вечерком к Анюте. В деревне – не в городе, всякая тайна быстро становится явью. Вскоре деревенские бабы ради потехи, а может, из-за ревности пустились сплетничать: Фроськин-то муж каждый вечер пропадает у Анютки. А та и не стала отрицать и где-то случайно даже брякнула, что от Михаила не убудет, если он разок-другой с ней переспит, его на двоих хватит. После такого откровения любовницы мужа у Фроси, отобравшей своего будущего мужа у смерти, терпение лопнуло. Поздним августовским вечером, прихватив с собой на всякий случай Вадика, она направилась к баньке Анюты. Подойдя к ее жилищу, она заглянуло в окно и, ничего не увидев из-за отсутствия в нем света, стала яростно колотить по оконной раме прихваченной по пути палкой. Зазвенело и посыпалось на землю битое стекло. Раздался крик Анюты. Тут же выскочил из баньки в нательном белье находившийся в пьяном угаре Михаил и с угрозой бросился на Фросю. Но его остановил раздирающий плач Вадика. Подхватив сына, она, не задерживаясь, поспешила домой. Следом пришел домой и Михаил, где сходу устроил скандал и ударил жену. Вопли Вадика, маленького Валерки, старенькой бабули Крестины заставили его опомниться и отступиться от избиения своей партизанской подружки и жены. Вынужденный остановиться от физического насилия над домочадцами, он, продолжая материться, от бессилия лишь процедил сквозь зубы, что уходит, уходит совсем, и выбежал из хаты, громко хлопнув дверью. Анюта, однако, его не приняла, напомнив ему о его собственном маленьком сыне и о страданиях верной жены. Утром вернулся домой и стал просить у Фроси прощения за свои грехи. Наверное, и расстались бы они, не заступись бабуля за своего провинившегося зятя. Но для подростка Вадика этот эпизод не прошел бесследно. Он навсегда убил в нем медленно утверждавшееся слово «папа» в обращении к новому мужу мамы. Отныне он для него стал просто дядя Миша. А вообще всячески избегал обращений к отчиму, а если и надо было что-то с ним решить, все делалось через мать. И мать, и отчим хотели, чтобы он называл Михаила папой, но подрастающий парнишка не мог заставить себя это сделать. Слишком глубока была душевная рана, бездумно нанесенная ему в раннем возрасте, которая никак не могла затянуться в последующие годы. Единственное, что мог выдавить из себя, повзрослев, – это иногда в общении с отчимом называть его отцом...

То, что происходило с Вадимом Андреевичем в эти скорбные минуты, часы – то ли затянувшиеся размышления о непростой жизни матери, то ли это был навеянный скорбью скоротечный сон с отдельными выплывавшими картинками из прошлой жизни его самого, матери и отчима, – этого он

не осознавал, потеряв на какое-то время ощущение реальности. Он отключился от всего, что было и происходило в горнице: от беззвучных разговоров, бесшумных передвижений и даже от лежащей в гробу матери. Из этого странного оцепенения его вывел неожиданно долетевший неизвестно откуда еле слышный голос матери: я не умерла, сынок, я прилегла крыху адпачить. Вадим Андреевич вздрогнул, моментально пришел в себя и с некоторым смятением уставился в гроб. Он пытался разглядеть там мать, но не мог: в горнице было темно – люстра была выключена, свечи сторели. Осмотрелся. В горнице никого не было. От этого какое-то непредсказуемое смятение охватило его. Он быстро поднялся и не сразу, с трудом отыскав на стенке выключатель, врубил свет. Первое, что увидел – лежащую без всяких изменений в гробу мать. Это его успокоило, тревога спала. Зажег новые свечки и установил их у изголовья покойницы. Потушил свет, вернулся на прежнее место, на диван. Решил прилечь на нем и дожидаться, не раздеваясь, утра. Когда попытался уснуть, вновь всплыли в памяти услышанные слова матери. Что это было? Сон или просто почудилось? Не пытаясь найти сколько-нибудь подходящий ответ на промелькнувший в голове вопрос, Вадим Андреевич вскоре забылся.

* * *

Проститься с Фросей пришли не только соседи, часто общавшиеся и дружившие с покойницей. Проститься с ней подошли и те, кто ее мало или почти не знал, но посчитали нужным проводить в последний путь уходящего в мир иной доброго человека. Одной из первых пришла бабка Степанида. Перекрестившись, она села возле гроба на табуретку и так молча сидела до тех пор, пока гроб с умершей не стали выносить во двор. На ее старческом морщинистом лице с небольшой задержкой появлялись и капались скупые слезы. О чем она думала, глядя на умершую свою отзывчивую соседку, с которой не раз проводили вместе свободное время, делясь своими радостями и горестями? Может, тоже о своей близкой смерти: ведь жизнь, считай, уже прошумела, и теперь вот в немощи приходится ей доживать свой век. А может, думала о людях, которые, следуя православной традиции, пришли проводить в последний путь умершую, посочувствовать ее родным и близким и, возможно, они, добрые люди, также проводят и ее, когда наступит и ее время смерти. И за это Бог их отблагодарит. В такой глубокой задумчивости бабка Степанида, опираясь на клюку, вышла во двор со всеми, чтобы проводить в последний путь свою соседку.

Январская стужа сократила панихиду во дворе. Четыре сына подняли гроб матери и понесли его на руках к бортовой машине, которая стояла на улице напротив ворот. Аккуратно поставили его на расстеленный в кузове ковер, закрыли борта. Вадим Андреевич с братом Валерой остались в кузове, пристроившись на табуретках рядом с гробом матери. Тут же машина

тронулась, а следом за ней двинулась похоронная процессия. До местного кладбища было не так далеко – не более полчаса езды при скорости 50–60 километров. Но процессия двигалась медленно, и поэтому до места погребения добрались за час с лишним. Для Вадима Андреевича и Валеры, сидящих в кузове машины неподвижно, медленное движение стало настоящим испытанием на морозостойкость. Поэтому как только машина остановилась у свежевыкопанной могилы, они быстро соскочили на землю и, не привлекая внимания присутствующих, стали тихонько толкаться между собой, пытаясь хоть немного согреться.

Могила находилась у вековой сосны под сенью мощных, кудрявых, занесенных снегом веток. Глядя в нее, Вадим Андреевич невольно вспомнил пожелание матери умереть в Белоруссии, и там ее похоронить в песчаной могилке, где нет воды и сырости. Завещание выполнить полностью в нынешней ситуации в стране оказалось невозможным, хотя и здесь, на Урале, могила выкопана в сухом, с песочком, месте.

После небольшого молчания началось прощание с покойницей. Вначале поклонились соседи, подруги, потом подошла очередь сделать то же родным. Сдерживая слезы, первым наклонился над гробом матери Вадим Андреевич. Покрыв ее мертвое тело, как завещала мать, газовым платком – подарком Андрея в день их свадьбы (она берегла платок всю жизнь как память об Андрее), он прошептал «прости и прощай мама», поцеловал ее безжизненные губы и лоб. Затем простились с матерью Валера, Иван, Виктор, Мария Григорьевна, Лиза. Дольше всех задержался у гроба отчим. Видно было, как по его щекам текли слезы, губы шептали нечто личное, не для всех предназначенное. Для него смерть жены стала горем, сильно состарившим его. Хотя он, как мог, держался прилюдно, не показывая никому своих страданий.

Когда гроб опустили в могилу, все бросили на него по несколько горсток земли, проводив умершую в вечность. Вскоре вырос свежий могильный холмик вместе с пирамидкой и венчающей ее православным крестом. На могилу возложили венки и цветы. Когда вся это погребальная церемония завершилась и люди стали потихоньку расходиться, направляясь к выходу из кладбища и дальше – в находящуюся недалеко столовую на поминки, Вадим Андреевич подошел к отцу-отчиму, который все еще стоял у могилы с поникшей головой.

– Прости, папа, если с моей стороны было что-то не так по отношению к тебе, – проронил Вадим Андреевич, обняв сдавшего за последнее время отчима. – Прости меня...

– Ну что уж об этом сейчас говорить, матери больше нет. Мы все перед ней виноваты, не убергли ее, – тяжело вздыхая, прослезился отчим.

Глава вторая

До открытия обще заводской отчетно-выборной комсомольской конференции оставались считанные минуты. Ее делегаты уже разместились в зрительном зале заводского клуба, но и после этого их задорный гомон, смех все еще не прекращались, смешиваясь с продолжавшей звучать музыкой.

Атмосфера всеобщего торжества и ожидания покорила Вадима. Находясь под впечатлением всего происходящего вокруг, он радовался тому, что сопричастен к делам заводского комсомола, что он как член ВЛКСМ делал полезную работу, поддерживая вместе со своей опергруппой общественный порядок в поселке, а также выполнял другие комсомольские поручения. И его ласкало приятное чувство от того, что ему, как и всей комсомолки завода, придется трудиться с еще большей энергией и ответственностью над решением тех задач, которые поставит конференция перед комсомольцами завода, приближая тем самым коммунистическое будущее.

Открытие конференции было встречено бурными аплодисментами зала. Первым взял слово заместитель секретаря парткома Антропов. Он рассказал делегатам о предстоящем XXII съезде КПСС, на котором будет принята новая программа партии – программа построения коммунизма в нашей стране.

– Сейчас, – сказал он, – ведется всенародное осуждение проекта программы, в нем участвует и коллектив нашего завода. Не в стороне стоит здесь и заводская комсомольская организация, насчитывающая в своих рядах почти 1 690 членов (1). Надо понимать, что строительство коммунизма – ответственная и сложная задача, она по плечу лишь людям образованным, убежденным в идеалах коммунизма, культурным. Поскольку вам, молодым, предстоит жить и творить в новом обществе, то его созидание ложится в первую очередь на ваши плечи. И если когда-то и в чем-то произойдет сбой в достижении поставленной благородной цели – придется нести ответственность прежде всего нынешнему молодому поколению. Чтобы этого не случилось, надо каждому не только на своем участке трудового фронта качественно выполнять свою работу сегодня, но и серьезно заниматься самообразованием и самовоспитанием, становиться всесторонне развитой личностью, быть активным участником коммунистического строительства. К сожалению, у нас на заводе еще немало рабочих, имеющих начальное или неполное среднее образование. Да и с моралью не все в ладах. Есть любители и выпить, и хулиганить, и не выйти без уважительной причины на работу, и дома безобразничать. Вот тут отмечали, что заводским комитетом ВЛКСМ проводится много хороших дел по воспитанию молодежи. Но я хочу заметить, что работа комитетом комсомола ведется с очень узким активом, значительная часть комсомольцев не ходят на собрания, нигде не учатся, не выполняют комсомольских поручений.

Поэтому задача заводской комсомольской организации – не только устранить отмеченные недостатки, но и перестроить свою деятельность таким образом, чтобы каждый комсомолец, молодежь видели в ней свою причастность к великому делу – строительству нового общества.

Антропов говорил складно и убедительно, делегаты конференции слушали его с большим вниманием, а когда он завершил свое выступление, зал разразился бурными аплодисментами. После него выступали другие участники конференции, которые тоже говорили о важности понимания комсомольцами и молодежью созидательной политики партии на современном этапе развития страны, необходимости ее поддержки. В чем-то они повторяли уже высказанное Антроповым. Поэтому Вадим слушал их менее сосредоточенно, он все еще переваривал то, что услышал из уст Антропова.

По итогам выступлений конференция приняла постановление, одобрявшее проект новой программы КПСС.

Вторым вопросом повестки дня конференции был доклад о деятельности заводского комитета ВЛКСМ за отчетный период. С ним выступил секретарь комитета комсомола Смирнов. Отметив небывалую активность и патриотический подъем советских людей, вызванные обсуждением проекта новой программы партии – программы построения коммунизма в стране, он дальше остановился на конкретных делах заводской комсомолки.

– Следуя примеру москвичей, – продолжил Смирнов, – сотни комсомольцев завода взяли личные обязательства подготовить личные трудовые подарки XXII съезду КПСС. 616 молодых производственников внесли за отчетный период 776 рационализаторских предложений, внедрение части которых позволило сберечь около 200 тысяч рублей. На заводе действуют общественно-конструкторские бюро, в работе которых комсомольцы и молодежь принимают непосредственное участие, подают немало ценных предложений по совершенствованию производства. 60 контрольных комсомольских постов следят за рациональным использованием рабочего времени, экономией материалов, электроэнергии, за чистотой и порядком на рабочих местах. Комсомольская организация завода шефствуют над заказами 18 новостроек химической и целлюлозно-бумажной промышленности. Мы оказываем постоянную помощь нашему подшефному Бородулинскому совхозу. За отчетный период ОКБ разработало несколько проектов по механизации труда в совхозе. При активном участии комсомольцев и молодежи цехов ведется их внедрение в сельскохозяйственное производство. На заводе изготовлено 330 клеток для кроликов. В августе и сентябре проведены два субботника по уборке овощей, посадили сад на 5-и гектарах.

Слушая отчетный доклад, Вадим впервые узнавал о разносторонней деятельности комсомольской организации завода, и это его радовало; радовало то, что и сегодня комсомол не на словах, а на конкретных делах приумножает свои лучшие традиции.

А докладчик продолжал излагать все новые и новые факты комсомольских дел: о привлечении молодежи к учебе в ШРМ, техникумах, вузах, к занятию физкультурой и спортом; об участии комсомольцев в субботниках; о приеме в ряды ВЛКСМ молодых рабочих, а лучших комсомольцев – кандидатами в члены КПСС. Не обошел стороной докладчик и недостатки в работе комитета комсомола. Он напомнил, что около 20% всех молодых рабочих сдельщиков не выполняют нормы выработки. В механосборочном, механическом и некоторых других цехах комсомольцы не организовали шефство над такими рабочими, не помогли им быстрее повысить свою квалификацию, добиться увеличения выработки, а стало быть, и зарплаты. Комитет комсомола и цеховые бюро ВЛКСМ недостаточно работали по вовлечению молодежи в соревнование за коммунистический труд. До сих пор из числа молодых производственников, работающих индивидуально, только около 100 человек взяли обязательства бороться за звание ударников коммунистического труда.

Перечисляя недостатки в работе комсомольской организации завода, Смирнов стал называть фамилии комсоргов цехов и отделов, у которых дела шли ни шатко ни валко, и это вызвало легкое оживление зала. Упомянул он и Лизу Бочарову – комсорга заготовительного цеха – в связи с неудовлетворительной работой по приобщению молодежи к спорту. Для Вадима, настроенного на позитивное восприятие отчетного доклада, прозвучавшая критика в адрес комсомольской организации своего цеха и ее секретаря стала неожиданной. Он знал, что зимой молодежи цеха принимала участие в лыжных соревнованиях цехов и отделов на первенство завода. Ведь он и сам в них участвовал. Команда, хотя и не вошла в число призеров, показала неплохой результат. Да, не удалось выставить команду конькобежцев, с организацией цеховой футбольной команды тоже не все получилось. Но работа в этом направлении велась и ведется.

Вадим хотел увидеть реакцию Лизы на критику в ее адрес. Но она сидела не рядом с ним, даже не на одном ряду. Поэтому он не мог видеть ее лица и, естественно, ее реакции тоже.

После того как Смирнов закончил чтение отчетного доклада и объявили получасовой перерыв, участники конференции дружно высыпали из зрительного зала в вестибюль и стали группироваться по делегациям. Делегаты комсомольской организации заготовительного цеха, собравшись накоротке, обменялись впечатлениями по отчетному докладу. Коснулись критики в адрес комсомольской организации цеха. Первым возмутился Вадим:

– Несправедливая критика. Спортивно-массовая работа у нас ведется и неплохо...

– Без критики доклад – не доклад, тем более отчетный, – съязвил Алексей Степанченко.

– Конструктивная критика и самокритика – это необходимая инъекция против загнивания нашей общей работы и против собственной непо-

грешимости, – отрезал Иван Ерошин. – Надо рассуждать не о том, справедлива или нет критика, а думать, как устранить отмеченные недостатки, наладить так комсомольскую работу, чтобы их не было.

– Недостатков, действительно, у нас немало, – согласилась Лиза. – Новому составу бюро придется хорошо потрудиться над их устранением, найти новые, привлекательные формы работы с молодежью.

Бочарова посмотрела в сторону Вадима, давая понять, что, скорее всего, ему предстоит это делать, а потом вдруг предложила, чтобы в прениях по отчетному докладу комитета ВЛКСМ от комсомольской организации цеха выступил Ерошин.

– Иван – активный рационализатор, участвует в соревновании за звание ударника коммунистического труда, и ему, как говорится, карты в руки.

Все согласились с предложением комсорга и, перебросившись между собой еще несколькими словами, стали расходиться. Кто-то решил перекусить и направился в буфет, а кто-то – в зрительный зал: до продолжения работы конференции оставались считанные минуты.

Вадим и Алексей остались в вестибюле. Их захватила и не отпустила та необычная праздничная атмосфера, которая царилась здесь. Делегаты, сбившиеся в группы, вели оживленные разговоры, которые прерывались пением. С каким-то залихватским азартом пели песни Пахмутовой, Ваншенкина, Родыгина, Соловьева-Седова, Хренникова, Щедрина. Казалось, что этому сопровождаемому вдохновляющими песнями, их ликованию не будет конца. Но вот раздалась трель звонка, извещавшая о продолжении работы конференции.

После перерыва в прениях по отчетному докладу заводского комитета ВЛКСМ выступил делегат от комсомольской организации цеха средней химаппаратуры Петухов. Он кратко изложил работу своей комсомольской организации, отметил как недостаток отсутствие со стороны комитета комсомола серьезного внимания организации молодежного соревнования за коммунистический труд, слабую помощь учащимся ШРМ, студентам-заочникам и вечерникам, особо обратив внимание при этом, что в минувшем году только из ШРМ отсеялось 100 молодых производственников.

После Петухова последовали выступления других участников конференции. Слушая их, Вадим с нетерпением ожидал выступления Ерошина – ведь он будет говорить о работе комсомольской организации родного цеха, должен как-то отозваться и на критику в адрес комсорга Бочаровой, прозвучавшую в докладе заводского комитета комсомола.

Прошло еще несколько выступлений перед тем, как было предоставлено, наконец, слово Ерошину. Он начал с оценки деятельности комитета ВЛКСМ за отчетный период, отметил успехи и недостатки и предложил признать работу комитета комсомола за отчетный период удовлетворительной. Потом перешел к работе комсомольской организации цеха:

– Приходится признать, что критика в наш адрес была справедливой. Есть еще немало недостатков в нашей работе, причем не только связанных с организацией физкультуры и спорта в цехе. Можно отметить плохую посещаемость молодежью кружков политобразования и художественной самодеятельности, робкое вовлечение комсомольцев в соревнование за коммунистический труд. Я уж не говорю об имеющихся случаях нарушения трудовой дисциплины молодыми рабочими, невыполнения ими своих производственных заданий. В чем главная причина недостатков? Считаю, что у руководителей первичных комсомольских организаций не хватает умения искать и находить нестандартные мероприятия, увлекающие молодежь, настойчивости в их проведении. Современная молодежь отличается от предшествующих поколений большей образованностью и культурой, просвещенностью, но, с другой стороны, у нее нет того энтузиазма и порыва, готовности на преодоление возникающих трудностей, что были присущи молодежи времен революции и войн – Гражданской и Великой Отечественной, социалистического строительства в довоенные годы. Скажу больше: у нее проявляются какие-то инертность, пассивность, стремление уйти от общественно полезной деятельности и отдаваться в свободное от производственной работы время ни к чему не обязывающей развлекухе. Какой может быть выход из складывающейся ситуации? Только один – комсомольские первички должны возглавлять молодые люди, образованные, убежденные в коммунистических ценностях, равнодушные, активные, настойчивые, принципиальные, честные и ответственные, как говорится, настоящие заводилы. Только такие руководители могут пользоваться авторитетом среди комсомольцев и несоюзной молодежи, искать и находить нужные для молодежной среды решения, повести их за собой. И не надо держать в руководстве комсомольской организации несколько сроков подряд даже не плохо зарекомендовавших себя комсоргов, они постепенно свыкаются со своими, пусть неплохими, приемами работы и теряют вкус новизны. Для примера скажу несколько слов о нашем комсорге Лизе Бочаровой. Она – ответственный комсорг, много сделала и делает, чтобы комсомольская организация своими конкретными делами была на хорошем счету в трудовом коллективе и с ней считалась бы администрация цеха. Но за время нахождения во главе комсомольской организации, как она сама считает, выработалась, какие-то новые идеи не приходят в голову. Не в обиду будет ей сказано, если бы на ее месте оказался другой человек со свежими взглядами, возможно, некоторые недочеты в работе удалось бы избежать. – Закончил свое выступление Иван оптимистически:

– Мы живем в необычное время, время больших созидательных планов и ожиданий. Комсомол, следуя своим героическим традициям, займет достойное место в рядах строителей коммунизма. К этому будет стремиться и комсомольская организация нашего цеха.

Делегаты конференции с большим интересом встретили выступление директора завода Шестакова. Оно и понятно. Когда еще можно было молодым людям так близко видеть и слушать занятого до предела производственными делами руководителя предприятия, в перерыве пообщаться с ним, задать непосредственно ему волнующие вопросы.

Вадиму повезло. Менее года назад ему удалось побывать на приеме у директора завода и решить у него в то время свой злободневный денежный вопрос, что потом позволило к новогоднему празднику более-менее приодеться и с шиком встретить 1961 год.

Перед глазами Вадима вдруг мелькнула картинка новогоднего вечера в Уктусе и очаровательная Люда. Он почувствовал, как вновь заныло сердце, заныло от того, что она не с ним. Да, Володя попытался примирить его с ней – он приглашал проводить вместе ее, отъезжавшую, кажется, в Нижний Тагил на работу по специальности, полученной в техникуме совторговли. Но отказался от проводов, не зная почему! А может, все-таки надо было ее проводить, объясниться, понять причину случившегося, помириться и не страдать, а потом – и жениться?

Тяжело вздохнув, Вадим отогнал наседавшие на него невеселые мысли и заставлял себя слушать выступление директора завода.

– ... На новом этапе развития страны предстоит решать две взаимосвязанные и сложные главные задачи – это создание технической развитой, эффективной экономики и воспитание человека коммунистического будущего, – донесли до Вадима слова директора. – Без решения первой задачи невозможно решение и второй, ибо, как вам хорошо известно, бытие определяет сознание. Без изобилия на прилавках продуктов питания и товаров широкого потребления, без хорошо развитой социальной сферы не будет достигнуто желаемых результатов и в воспитательной работе, а именно утверждение в обществе нравственных принципов, сформулированных в моральном кодексе строителя коммунизма. На нашем заводе, играющем важную роль в экономике страны, развитием и совершенствованием техники и технологии производства занимаются отделы главного конструктора, главного технолога, главного металлурга, инженерно-технический персонал и рабочие-рационализаторы цехов, управленцы. Как видите, в производственно-технологический процесс вовлечены немалые силы. А кто занимается воспитанием заводчан? Прежде всего, партийная, профсоюзная, комсомольская организации. Я не буду анализировать здесь воспитательную работу парткома и завкома, об этом разговор пойдет на партийном и профсоюзном собраниях. А вот о воспитательной работе комсомола в условиях коммунистического строительства поговорить сейчас к месту. Напомню: в мае партком завода рассмотрел вопрос «О работе комитета ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи». Не буду останавливаться на положительных результатах работы заводской комсомольской организации, которые, несомненно, имеются, и их отметили

члены парткома. Обращу внимание делегатов конференции лишь на недостатки, устранением которых и должен в первую очередь заняться новый состав комитета комсомола. Первое, что я хочу затронуть – это трудовое воспитание молодых производственников. Речь идет о пополнении рабочего класса – основной производительной силы нашего общества. О того насколько качественной будет его молодая смена, всецело будут зависеть и успехи в создании материально-технической базы коммунизма. С чем мы сегодня сталкиваемся на производстве? С нарушениями молодыми рабочими трудовой дисциплины, невыполнением ими норм выработки. Со стороны комитета ВЛКСМ уделяется мало внимания общественно-конструкторским бюро, где занимаются творчеством в основном недавние выпускники вузов и техникумов; нет эффективной помощи принятым на завод вчерашним школьникам в быстрейшем освоении ими рабочей профессии; не хватает энергии в подъеме молодежи на борьбу за рост производительности труда. Дальше. Сегодня рабочий должен иметь не только высокий квалификационный разряд, но, как заявлено в проекте программы партии, быть всесторонне, гармонически развитой личностью, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Как решается эта воспитательная задача? Плохо. Комитет ВЛКСМ неудовлетворительно занимается организацией политической учебы молодежи. Из десяти комсомольских кружков ни один не работает регулярно. Комсомольскими лекторами в текущем году прочитано всего восемь лекций. Слабо вовлекается молодежь в кружки художественной самодеятельности. Культбытсоветы в общежитиях свою воспитательную работу сводят в основном к танцам в красных уголках. Театры у заводской молодежи тоже не в почете. Занятие физкультурой и спортом не приобрели на заводе массового характера. Пьянство и хулиганство если и не процветают, то все равно, к сожалению, сопровождают нас, разрушая наш моральный облик. Как видите, недостатков в воспитательной работе немало, ей надо заниматься ежедневно, разнообразя ее формы и методы и сотрудничая с другими общественными организациями. Хочу особо обратить ваше внимание, что воспитательный процесс не имеет ни промежуточных, ни окончательных остановок. Без постоянного грамотного идейно-политического и нравственного воздействия на молодое поколение мы рискуем потерять его как продолжателя начинаемого нами великого дела – коммунистического созидания. К организации воспитательной работы и ее проведению комитету комсомола надо подойти творчески, не шаблонно, максимально учитывая возрастающие запросы молодежи. Здесь уже прозвучала мысль, что комсомольскими вожаками должны быть толковые, грамотные ребята, обладающие лидерскими качествами. Со стороны дирекции и парткома завода будут приниматься необходимые меры по созданию более благоприятных условий для воспитательной работы. Прежде всего, будут наращиваться техническое и технологическое совершенствование производ-

ства, происходит улучшение организации и привлекательности труда, а стало быть, повышение его производительности и рост зарплаты заводчан. Более комфортными станут условия проживания в наших общежитиях. Начнется закладка малосемейного дома, в котором будут жить молодые. В планах – строительство нового общежития и Дворца культуры завода. Будем укреплять спортивную базу.

Закончив свое выступление, директор завода ответил на вопросы делегатов конференции.

Вадим, как, впрочем, и весь зал, внимательно слушал выступление директора завода и его ответы на вопросы делегатов конференции. Убедительность и уверенность, которые пронизывали все, что им говорилось, заряжали жизненным оптимизмом аудиторию и его, Вадима. Ему было приятно сознавать, что в этом большом созидательном деле будет участвовать и он вместе с этим ставшим родным ему заводским коллективом и потом, после окончания университета, неважно, кем и где придется работать.

Конференция завершилась принятием постановления, избранием нового состава заводского комитета ВЛКСМ и концертом заводской художественной самодеятельности.

* * *

Вскоре после общезаводской отчетно-выборной комсомольской конференции, в начале октября, состоялось отчетно-выборное комсомольское собрание заготовительного цеха. За несколько дней до собрания Бочарова встретила Вадима вопросом:

– Ты готов возглавить нашу комсомольскую организацию?

– Вопрос на засыпку, – отозвался Вадим. – Как комсомолец, соблюдающий устав, не могу категорически сказать «нет». Но я вновь хочу напомнить то, что сказал прошлый раз: совмещать комсомольскую работу с учебой в университете вечером – трудно, даже невозможно. – Немного помолчав, предложил:

– Слушай, Лиза, а почему не избрать комсоргом Ивана Ерошина? Он хороший производственник, рационализатор, соревнуется за звание ударника коммунистического труда, авторитетный человек в цехе. И вон как складно выступал на конференции!

– Ты прав, Иван – замечательный комсомолец. Скажу больше: он не только человек нашего времени, но уже, можно сказать, и коммунистического сегодня.

Бочарова подошла поближе к Вадиму и, напрягая голос из-за нарастающего шума тяжело ползущего в их сторону мостового крана, продолжила:

– Ивана мы не можем рекомендовать в комсорги по следующим причинам: он уже был комсоргом, причем два срока подряд, и непросто отбыл их, а так отработал, что до сих пор в цехе вспоминают его комсомольские дела добрым словом; теперь он бригадир кузнецов, одной из лучших бригад в

цехе, хороший производственник. Да и из комсомольского возраста он выходит – ему ведь уже за тридцать! Как видишь, кандидатура Ерошина отпадает. Теперь о тебе. Твою кандидатуру не поддерживает начальник цеха.

– О чем я тебе и говорил! – с каким-то радостным озорством воскликнул Вадим.

– Но не потому, что ты пошел наперекор ему и поступил в университет. Нет, не поэтому.

– А почему?

– Мало в цехе работаешь, не всю молодежь, работающую в цехе, знаешь. В этом его поддерживает и новый парторг цеха Устинович.

– И кого же он рекомендует, если не секрет?

– Мастера по оснастке Алешина. Он работает в цехе больше трех лет и знает, конечно, в силу своей работы, неплохо и производство, и людей. Почему бюро его не рекомендует – он не общественник, не горит комсомольской работой. Об одном тебя прошу: не бери самоотвод, если твоя кандидатура будет предложена собранию. Пускай комсомольцы решат, кому быть комсоргом цеха.

Лиза так умоляюще посмотрела в глаза Вадима, что он не мог ей возразить.

* * *

Собрание началось в Красном уголке сразу после окончания первой смены. На нем присутствовали 40 комсомольцев. Отсутствовали более десятка человек: кто-то работал во вторую смену (собрание проходило на стыке первой и второй смен), кто-то находился на больничном. Со второй работавшей смены был лишь Иван Ерошин, которому поручили вести собрание. Секретарила Валя Синичкина.

С кратким отчетом о своей работе выступила Лиза Бочарова. В устной форме, не пользуясь никакими своими записями, она рассказала о вовлечении молодежи в соревнование за коммунистический труд, об успешных действиях комсомольского поста по рациональному использованию рабочего времени, поддержанию чистоты и порядка на рабочих местах и трудовой дисциплины, руководимого комсомольцем Иваном Ерошиным; упомянула добрым словом регулярное дежурство цеховой опергруппы, возглавляемой комсомольцем Звездиным, участие цеховой молодежи в различных общезаводских соревнованиях, субботниках, в оказании помощи подшефному Бородулинскому совхозу в сельхозработах. Не обошла молчанием и недостатки в работе комсомольской организации и, конечно, те, которые прозвучали на конференции в отчете заводского комитета комсомола. Наибольшая проблема, с которой приходилось ей сталкиваться, – это пассивность многих комсомольцев.

– К сожалению, успешной работе серьезно мешает наша пассивность. Порой приходится уговаривать того или другого комсомольца, чтобы он

принял участие в субботнике, съездил в подшефный совхоз на уборку урожая или выполнил какое-то другое поручение. Для отказа находятся разные причины. Некоторые умудряются пропускать комсомольские собрания, я уж не говорю о пропусках занятий в ШРМ и кружков политехучебы. Есть и такие, которые избегают участия в спортивных мероприятиях цеха и завода. Поэтому новому составу бюро надо будет основательно разобраться с прогульщиками занятий. Предстоит серьезно подтянуть спортивную работу, добиваться того, чтобы каждый комсомолец участвовал в кружках, или спортивных, или художественной самодеятельности, обращать больше внимания организации коллективного отдыха молодежи.

После небольшого отчета Лизе задали несколько вопросов. В основном они касались спортивной работы.

– Я хочу коснуться спорта, – подал голос Иван Шадрин. – У нас трудится много ребят, которые хотят играть и играют в хоккей и футбол, но только в командах других цехов. А все потому, что мы не можем никак приобрести форму для своих хоккеистов и футболистов и собрать их в команды нашего цеха. Ведь проводили же субботники и воскресники, заработали энную сумму денег, но форм и необходимого спортивного инвентаря так и не купили. На что деньги потратили, Лиза?

– Деньги, заработанные на субботниках, были небольшие, и получали мы их лишь после проведенного очередного субботника. А они проводились не систематически, а по мере возникающей необходимости. Так что полученных за субботники денег на экипировку и оснащение спортивного инвентаря команд не хватало. Они тратились на культурно-массовые мероприятия: коллективные посещения оперного и драматического театров, театра музыкальной комедии, кино.

Ответ комсорга не совсем устроил Ивана.

– Знаешь, Лиза, театры – дело хорошее, но их можно посещать и за свой счет, билеты стоят всего ничего, не то что снаряжение хоккеистов. А недостающую сумму денег для покупки спортивных форм наверняка дополнил бы начальник цеха, стоило только обратиться к нему за такой помощью.

Вопрос, адресованный комсоргу о материальной поддержке администрацией цеха спортивных мероприятий, не дожидаясь, что скажет сама комсорг по этому поводу, перевел на себя присутствовавший на собрании заместитель начальника цеха Сарапулов. Он работал в цехе не более полгода. Его, офицера, попавшего под сокращение Вооруженных Сил страны, сразу же приняли на эту должность и обеспечили жильем. За полгода Василий Васильевич проявил себя с самой лучшей стороны. Хотя он еще и не овладел всей тонкостью производственного процесса, тем не менее к нему шли на прием так же, как и к начальнику цеха. Особенно, если касалось социальных вопросов.

– Я не в курсе, обращалась ли комсорг к Николаю Александровичу или нет, – прервал неловкое молчание комсорга Сарапулов. – Но могу с полным основанием утверждать, что администрация всегда готова оказать содействие благородным начинаниям в цехе, тем более если дело касается молодежи. О работе комсомольского бюро и комсорга мне, работающему в цехе совсем немного, судить, конечно, трудно. Но мое впечатление о комсомольской организации благоприятное, она жива, чувствуется ее дыхание. Единственное, на что надо обратить больше внимания новому составу бюро – информации о делах комсомольцев, чтоб хорошо об этом все знали в цехе. Надо более современный, привлекательный изготвить стенд «Комсомольская жизнь» и вообще поднять уровень комсомольской наглядной агитации. Следует развивать интерес у молодежи к политучебе. Для этого имеются разные возможности. К примеру, для проведения занятий приглашать опытных пропагандистов со стороны, представителей администрации, ИТР цеха и завода. Я лично посчитаю за честь пообщаться с комсомольцами и несоюзной молодежью во время их политучебы. Конечно, придется хорошенько продумать очередность и время проведения занятий в кружках. О физкультуре и спорте говорить не буду. Каждый должен понимать, насколько важно укреплять себя физически, иметь отличное здоровье и как результат – реже прибегать к больничным листам, хорошо трудиться и больше радоваться жизни. На парней, отслуживших положенный срок в армии, сегодня любо посмотреть: стройные, подтянутые, имеют спортивный, молодецватый вид, уверены в себе и своих успехах, хорошие женихи. И все потому, что в армии физической закалке молодых людей уделяется много внимания. Следовательно, и нам, в цехе, надо пропагандировать физкультуру и спорт, добиваться, чтобы ими занимались не только молодежь, но и рабочие и работницы старших возрастов.

После Сарапулова слово хотел взять Ерошин, но его перебил Виктор Черных.

– Вот тут Лиза сказала, что заработанные на субботниках деньги разошлись на культурно-массовые мероприятия, на посещение театров, кино. А скажи, кто достаивался такой чести?

– Все, кто пожелал побывать в театре или коллективно посмотреть и обсудить новую кинокартину, – спокойно ответила комсорг.

– Я ведь тоже желал, но меня почему-то не приглашали! А кого приглашали? Близких подруг и друзей, любимчиков! Да, любимчиков! Скажу больше: вся комсомольская работа сводилась к междусобойчику. Комсорга в последнее время не было видно ни на рабочих местах, ни на массовых мероприятиях!

– Это неправда, – возмутился до этого молчавший Вадим. – Неправда! На рабочих местах комсорг бывает и бывает часто. Субботники организовывала и сама в них участвовала. Да, на последней заводской лыжне в марте ее не было, но на это были веские причины!

– Может, ты подсказешь, почему ее не было? – усмехнулся Черных.

Пропустив мимо ушей подковырку Черных, Вадим в наступательном духе продолжил:

– Бесплатное посещение театров и кино – это ведь, как я понимаю, поощрение комсомольцев-активистов, кто действительно не на словах, а на деле участвует в общественной жизни цеха, добросовестно выполняет комсомольские поручения, является хорошим производственником. Спору нет, ты, Виктор, хорошо работаешь, в бригаде нареканий в твой адрес, насколько я знаю, нет. А вот общественной работой ты фактически не занимаешься. Чтоб не быть голословным напомню наш с тобой разговор по поводу твоего участия в дежурствах опергруппы. Ты что мне ответил на мою просьбу стать членом опергруппы? Очень лаконично: обойдетесь без меня. А на субботниках сколько раз был? Не помнишь? В этом году – один раз. Какие у тебя имеются постоянные комсомольские поручения?

– Он в группе комсомольского поста по рациональному использованию рабочего времени, поддержанию чистоты и порядка на рабочих местах и трудовой дисциплины, – вмешавшись в разговор, проинформировал Иван Ерошин. – Но я вовсе не хочу этим оправдать Виктора. Да, он мог бы при желании проявлять как комсомолец большую активность в общественной жизни цеха, тут я согласен с Вадимом. К сожалению, не один Виктор пытается избежать лишней общественной нагрузки. Лучше, конечно, в свободное обеденное время козла забить, а после работы – пивка или чего-нибудь покрепче принять. Но ведь кому-то же надо заниматься и общественной работой, нашу жизнь облагораживать. Ничто само по себе не делается. Теперь у работе комсомольского бюро и комсорга. Тут правильно отмечалось, что дела комсомольские в цехе видны. Комсорг неплохо справлялась со своими обязанностями. Однако в самом бюро не все его члены были, что называется, на высоте, некоторые из них попросту являлись балластом. Поэтому нам сегодня надо избрать такой состав бюро, чтобы все его члены работали на совесть, и это увидели бы и почувствовали все комсомольцы цеха. Тогда и пассивные активизируются.

После Ерошина выступили Алексей Степанченко и Виктор Черных. Если первый выступающий говорил о работе опергруппы, то второй подверг критике работу бюро. Особенно досталось комсоргу.

– Лиза перестала заниматься индивидуально с каждым комсомольцем, – заявил Черных. – Она окружила себя небольшой группкой любимцев, с которыми беседует, проводит какие-то мероприятия, поощряет их. А остальные ребята и девочки сами по себе. Отсюда и пассивность, о которой комсорг сама же и говорила.

Неожиданно выступил сидевший рядом с Сарапуловым Алешин. Судя по тому, что он попросил слова после перешептывания с заместителем начальника цеха, ему, очевидно, предстояло в первую очередь заявить о

себе и, по возможности, донести до собрания позицию администрации относительно работы комсомольского бюро и комсорга.

– Я внимательно выслушал реплику Вадима и Виктора, – вступил в разговор Алешин. – Знаете, оба они правы! Как в известном анекдоте: и ты прав, и ты прав. А по-серьезному: надо в первую очередь критически оценивать свои дела, поступки, а потом уже – коллективные. Лиза неплохо вела комсомольские дела. Но во всем есть предел. Она выработалась, не тянет больше, а отсюда и недостатки в ее работе как комсорга. Мое предложение: работу комсомольского бюро признать удовлетворительной, Бочарову поблагодарить и избрать новый состав бюро вместе с комсоргом.

Впервые избранный на состоявшейся общезаводской отчетно-выборной конференции секретарем комитета комсомола завода Гриша Захаров в своем выступлении обратил внимание на развитие общественных начал в работе, предложил комсомольцам цеха активнее шефствовать над заказами большой химии.

– Сейчас заводская комсомольская организация шефствует над заказами 18 новостроек химической и целлюлозно-бумажной промышленности, помогает заводским снабженцам ускорить получение металла от ряда предприятий-поставщиков, способствует своевременной поставке оборудования для новостроек большой химии, – сообщил Захаров. – Новому составу комсомольского бюро надо будет подключиться к этому патристическому движению заводской комсомолки, вместе с администрацией выявить наиболее узкие места в цехе, сдерживающие заготовку деталей для машин и аппаратов, предназначенных новостройкам, и взять их под комсомольский контроль.

Заканчивая свое выступление, Захаров выразил уверенность, что комсомольская организация заготовительного цеха проявит себя настоящим борцом за претворение в жизнь величественной программы коммунистического строительства.

Бочарова в своем заключительном слове поблагодарила членов бюро за совместную работу, а после того как собрание признало работу комсомольского бюро удовлетворительной, предложила избрать комсоргом Вадима Звездина.

– Давайте не будем нарушать устав ВЛКСМ, – остановил комсорга Захаров. – Сначала надо избрать бюро, причем голосование должно проводиться по каждой кандидатуре в отдельности, а потом уже члены бюро из своего состава выберут комсорга.

– Всем понятна процедура выборов? – обратился Иван Ерошин к собранию и, не дожидаясь какой-либо реакции собрания на замечания Захарова, продолжил вести собрание. – Выдвигаем кандидатуры в состав бюро. Поступила первая кандидатура – избрать в состав бюро Вадима Звездина. Кто «за» прошу голосовать.

Вадим с любопытством смотрел на голосующее собрание. Для него были важны не результаты голосования, а, скорее, отношение к нему комсомольцев цеха. Его нисколько не тронуло, если бы большинство проголосовало «против». Тогда наверняка не вошел бы в состав бюро, и его кандидатура как комсорга цеха отпала бы. И это было бы неплохо: имел бы больше свободного времени для учебы в университете и отдыха.

Против кандидатуры Звездина голосовали только трое, в числе которых оказался и он сам. Но на это никто не обратил внимания. В состав бюро избрали без вопросов Алешина и Черных. Небольшое оживление вызвало лишь обсуждение кандидатуры Лизы Бочаровой. Несколько участников собрания предложили оставить ее в бюро для преемственности в работе. Но «против» выступила сама Лиза. Ей пришлось признаться, что уходит в декретный отпуск.

Всего в бюро избрали семь человек: Алешина, Синичкину, Помялову, Черных, Михалина, Королева и его, Вадима. Первое организационное заседание бюро состоялось сразу после собрания. На нем кроме избранных членов присутствовали секретарь комитета комсомола завода Захаров, член партбюро цеха Печеркина и зам. начальника цеха Сарапулов. Вел заседание Захаров. Он вначале поздравил всех членов с их избранием в бюро, пожелал им активности и задора в комсомольской работе, а затем приступил к избранию комсорга.

– Товарищи члены бюро, на собрании поступило предложение избрать комсоргом цеха Звездина, – напомнил он. – Насколько мне понятно, это предложение старого бюро, коллективное, его озвучила Бочарова. Будут ли другие предложения?

– Других предложений нет, мы хорошо знаем Вадима как ответственного, хорошего комсомольца, – бойко подала свой голос Валя Синичкина.

– Наверное, Звездин – подходящая кандидатура, – заметил Сарапулов. – Однако тут есть она закавыка – небольшой стаж работы в цехе, всего без малого год. За такое короткое время невозможно хорошо узнать весь производственный цикл цеха, как трудится его коллектив, включая комсомольцев, да и самого его не все в цехе еще знают.

– Поэтому я предлагаю избрать комсоргом Славу Алешина, – выпалил Черных как бы в продолжение мысли замначальника цеха.

– Я согласна с Василием Васильевичем, – вмешалась Печеркина. – Вадим – кандидатура подходящая. Хороший производственник. Заявил о себе как активный комсомолец. Однако опыта комсомольской работы маловато. Да и в идейно-политическом отношении ему надо еще подрасти. Молодец, что поступил в Уральский госуниверситет; наберется в нем гуманитарных знаний – а там можно будет его двигать и в комсорги. А пока избрать комсоргом можно Алёшина.

Своим замечанием Печеркина предопределила решение по комсоргу: все члены бюро единогласно избрали комсоргом Алешина. После избра-

ния комсорга приглашенные, посчитав, что миссия их исчерпана, покинули Красный уголок. Оставшись одни, члены бюро обговорили основные направления предстоящей работы, кто и чем будет конкретно заниматься. За Вадимом оставили опергруппу цеха и дополнительно поручили заниматься несоюзной молодежью.

На этом организационное заседание бюро закончилось. Все члены бюро быстро удалились кто куда, а Вадим направился в заводскую столовую. Было уже довольно поздно, поэтому в столовой ужинали не более десятка человек. Он обрадовался, увидев за едой за одним из столов Алексея. Быстро взяв на раздаче кое-что из съестного и рассчитавшись у кассы, подошел к Алексею.

– Ну и как трапеза? – шутя, спросил друга.

– О! – воскликнул Алексей, обрадованный появлением Вадима. – Присаживайся. Поздравляю тебя с избранием комсоргом! Теперь, как говорится, будет своя рука в правительстве.

– Оставь свои поздравления для Алешина, – усмехнулся Вадим. – Он – комсорг, а я – член бюро.

– Но ты не расстраивайся, все равно во власти!

– А я и не расстраиваюсь, это даже к лучшему. Появится больше времени для учебы в университете.

– Правильно! Но не только для учебы, но и чтобы, пока мы молоды и холосты, гулянуть. У тебя как с Людой дела? Когда свадьба?

– Свадьбе – отбой!

– Почему?

– По кочану, Леша. Время еще не подоспело.

Вадим не стал распространяться о своем расставании с Людмилой.

* * *

Подходя к зданию университета, в котором размещался исторический факультет, Вадим почувствовал волнение. Но не то, конечно, что испытывал когда-то, идя первый раз в Гудковскую среднюю школу, чтобы в ней окончить десятый класс и получить аттестат зрелости. Тогда он страшно переживал: ведь шел в незнакомую школу, к незнакомым ученикам десятого класса. Как его, белорусского девятиклассника, путавшего русские и белорусские слова, особенно в разговоре, воспримут тамошние школьники. Но все сложилось хорошо. Теперь он рад, что тогда не поддался соблазну не идти в незнакомую школу, оставить завершение среднего образование на потом.

Охватившее Вадима волнение сейчас было иным, радостным. И не только потому, что он, студент, шел в храм высшего образования, а еще и потому, что не являлся зеленым юнцом, как в то время, а был молодым человеком, прошедшим армейскую школу закалки и мужества, а теперь и рабочую уверенность.

Зайдя в аудиторию, Вадим сходу не увидел ни одного свободного места. Все они были заняты такими же, как он, студентами-вечерниками, тоже пожелавшими стать историками. Не зная, как поступить: то ли оставаться стоя у стенки рядом с дверьми, то ли отправиться на поиски стула за пределы аудитории, – вдруг увидел на противоположной от него стороне, у окна, поднятую руку. По взмахам руки понял, что ему предлагается свободное место. И он, не теряя времени, быстро обойдя занятые студентами места за столами, пристроился на свободный стул. Девушка, которая подняла руку и оказалась рядом, пояснила:

– Заняла место для подруги, но та почему-то не пришла...

Она что-то хотела еще сказать, но в это время в аудиторию зашли двое преподавателей – женщина и мужчина. Подойдя к преподавательскому столу, они представили друг друга.

– Полина Александровна Вагина, доцент кафедры истории СССР, – первым заговорил мужчина и добавил: – Все возникающие вопросы по поводу учебных занятий – к ней.

Полина Александровна широко улыбнулась и тут же громко объявила:

– Василий Яковлевич Кривоногов, декан исторического факультета.

Кривоногов, обменявшись взглядом с Вагиной и, видимо, дав ей понять, что дальше сам поведет разговор, обратился к студенческой аудитории:

– Поздравляя всех вас с поступлением на наш факультет и началом учебных занятий, хочу обратить ваше внимание, что сегодня, 17 октября, начал свою работу XXII съезд КПСС – съезд особенный. Он впервые в истории нашей партии и всего международного коммунистического движения примет программу развернутого строительства коммунистического общества. Новая, третья программа КПСС будет иметь эпохальное значение. Она знаменует новый мощный цивилизационный рывок Страны Советов. Мы, приступая к реализации этой программы, вплотную подходим к мечте о самом гуманном и справедливом обществе. Наша работа, наши повседневные дела, наш быт, наши семья и дети – все теперь пойдет в новом измерении, связанном с задачами создания нашего будущего. Поэтому важно все: и то, как мы учимся, трудимся, отдыхаем, и то, о чем спорим, мечтаем, как относимся друг к другу, что принимаем и отрицаем в жизни. Одним словом, – все, чем мы живем, сегодня приобретает особый смысл. Нам можно и нужно гордиться, что живем и трудимся на благо Отечества в это великое время. Так будьте же достойны его! Успехов вам в учебе и делах ваших!

Закончив свое поздравление, декан поручил Вагиной ознакомить первокурсников с организацией учебного процесса на факультете, кафедрами, работой университетских библиотек, расписанием учебных занятий на вечернем отделении, правами и обязанностями студентов-вечерников и, больше не задерживаясь, покинул аудиторию. Вагина, как только декан скрылся за дверью, вначале повела рассказ о нем:

– В эти дни Василий Яковлевич принимает поздравления по случаю 50-летия со дня рождения и 23-летия научно-педагогической деятельности. Вдумчивый ученый, способный педагог и воспитатель, ответственный администратор, настоящий коммунист, – таким его знают и воспринимают студенты и преподаватели нашего факультета. Он пользуется заслуженным уважением и авторитетом в университете. А начинал он, выходец из батрацкой семьи, свою научно-педагогическую карьеру, как и вы, сочетая учебу на вечернем отделении исторического факультета нашего Свердловского пединститута с активной трудовой и общественной деятельностью. Окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, в 1948 году защитил кандидатскую диссертацию, сейчас работает над докторской. Сфера его научных интересов – наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Читает курсы истории и историографии СССР XIX века и оригинальный спецкурс по теме докторской диссертации.

Подведя итог сказанному о декане, Вагина пообещала:

– В процессе учебы вам не раз придется встречаться с Василием Яковлевичем, и сами убедитесь в порядочности и деловитости этого человека. А сейчас поговорим о некоторых общих вопросах предстоящей вашей учебы.

И она с каким-то особым удовольствием и гордостью поведала студентам-вечерникам о датах открытий университета и факультета, о том, что в годы войны на истфаке трудились такие широко известные в стране ученые-историки, как академики Тихомиров и Волгин, профессора Крыльцов, Неусыхин. Рассказала и о ныне работающих на факультете и уже талантливо заявивших о себе историках Адамове, Быстрых, Бортнике, Генинге, Васюковском, Ефременкове, Кулагине, Сюзюмове, Сурове. Упомянула о выпускниках факультета, успешно ведущих педагогическую и научную работу в вузах, – Бакуanine, Зуйкове, Новоселове, Патрушеве, Крючкове, Чемпалове. Остановилась на работе кафедр, обеспечивающих учебный процесс.

Вагина рассказывала увлеченно, и, как казалось Вадиму, она даже не замечала студентов, которые, соблюдая тишину, с таким же увлечением слушали ее. Сколь долго продолжалось бы это взаимное упоение – неизвестно, но раздался звонок, известивший перемену. Тут только она спохватилась:

– Немного увлеклась, ведь я вам должна еще прочитать вводную лекцию. Но уже после перерыва.

После перерыва, быстро написав на доске «*historia est magistra vitae*», Вагина с явно подчеркнутым знанием истории громко произнесла:

– Запомните это крылатое выражение! В переводе оно звучит так: «История – учительница жизни». В этом мудром выражении древних весьма удачно схвачено все, что касается истории, ее смысла и назначения. В современной мировой исторической литературе встречаются самые разнообразные определения истории как науки. Такой разноразной связан с мировоззрением историков, их философскими взглядами. Те из них, которые

стоят на материалистических позициях, считают, что история изучает конкретные, ограниченные определенными пространственно-временными рамками закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей. Буржуазные историки придерживаются иной схемы, а именно объектом изучения в истории считают человека.

Далее Вагина разъяснила суть марксистской концепции развития человеческого общества и ее отличие от буржуазной, назвала основные методологические принципы и источники изучения истории. Рассказывая о достижениях советской исторической науки, коснулась о вкладе в нее уральских историков.

Лектор говорила легко и убедительно, демонстрируя великолепное знание материала, и все молча, словно замороженные, слушали ее, пока она не перешла на краеведческую тематику и мимоходом не упомянула о легендах и тайнах в уральской истории. И тут вдруг взметнулась рука студента, и он, поднявшись, спросил:

– Вы говорите о легендах и загадках прошлого. А что вы можете сказать о современных загадках? Вот скоро будет два года, как погибла на Северном Урале группа спортсменов-туристов из УПИ, но до сих пор о гибели их ничего толком неизвестно. Слухи же продолжают ходить самые разные. Не могли бы вы прокомментировать, что с ними произошло на самом деле?

– Это не загадка истории, это – скорее, уголовное дело, и им должны заниматься и занимаются правоохранительные органы. Сказать что-то большее не могу, не знаю.

Спокойный ответ преподавателя, было видно, не совсем удовлетворил любопытного студента, но заданный им вопрос заинтриговал студенческую аудиторию. Поэтому после лекции его окружили плотной стеной студенты, пытаясь у него узнать больше о погибших спортсменах. Вадим тоже постарался протиснуться поближе к Славе (так называли студента, задавшего вопрос преподавателю), чтобы лучше расслышать то, что он скажет о северо-уральской трагедии.

– Да никто ничего не знает, – отбивался от расспросов Слава. – Погибла группа спортсменов вместе со своим руководителем Дятловым, изуродованные тела погибших были найдены не сразу, а спустя несколько недель. А вот кто с ними так жестоко расправился – загадка. Слухи ходят, что якобы ночью, когда они все спали, на их палатку, установленную на склоне горы, обрушилась со страшным шумом снежная лавина. Вот они, спронеся испугавшись, бежали кто куда, попадая под удары сильно летевших смерзшихся комьев снега, палок и даже камней. Искалеченные, они падали в снег, и не получив своевременно медицинской помощи, замерзли. – Немного помолчав, Слава рассудительно добавил: – А может, были какие-то другие причины их гибели, кто знает. В общем, что с ними случилось, как говорится, одному богу известно.

– А когда это все произошло и сколько было в группе человек? – не выдержав, спросил Вадим.

– Это произошло в феврале 1959 года, погибли девять человек (2).

Слава смолк, дав понять, что разговор о погибших спортсменах-туристах окончен. Студенты стали расходиться, обсуждая между собой происшедшую трагедию на Северном Урале. Вадим, покидая здание факультета, продолжал находиться в раздумье от услышанного рассказа о загадочной гибели молодых людей. В этой истории его больше всего зацепила даже не сама гибель студентов (чего не случается в жизни), а то, почему так долго правоохранительные органы расследуют эту трагедию, не дают никакой по ней официальной информации, что дает повод для всяких слухов и домыслов.

* * *

1961 год, порадовавший советских людей своими яркими незабываемыми событиями, впечатляющими планами на будущее, был на исходе. На смену ему катил на всех парах 1962 год. Каков будет Новый год? Что принесет гражданам, станет ли он реальным воплощением их оптимистических ожиданий?

Об этом сильно не задумывались молодые заводчане, живущие в общезитии, хотя романтика будущего ласкала их душу, вселяла уверенность в завтрашнем дне.

В один из декабрьских субботних вечеров, когда приятная новогодняя суэта начала уже будоражить взрослых и детей, Вадим и Володя в отсутствие Алексея и Виктора заговорили тоже о новогодней встрече.

– Какие планы, старик, относительно встречи наступающего Нового года, – первым начал Володя. – Может, опять махнем в Уктус. Люська, наверняка, приедет домой. Встреча с ней, глядишь, освежит ее и твои чувства, и восстановится у вас упоительный праздник любви.

При упоминании Людмилы Вадим почувствовал душевную боль, в нем поднялось не покидающее его ревностное чувство от сознания того, что она не с ним, а, возможно, с кем-то другим там, на новом месте работы. Конечно, хотелось бы вернуться к тому новогоднему вечеру, но разве можно вновь пережить те волнительные дни ожидания предстоящей встречи с незнакомой компанией и девушкой, пригласившей на вечер, и приятное ощущение от всего происходящего на нем; снова испытать вспыхнувшее в разгар вечера неудержимое увлечение Людмилой – хозяйской вечера – и стремление понравиться ей? Нет, повторить такое после того неожиданно драматического расставания невозможно. Размышляя так, Вадим как-то незаметно для самого себя вдруг вслух произнес:

– Любовь – это болезнь, а для семейной жизни и семейного счастья нужно здоровье.

Володя, молчаливо ожидавший, что ответит друг на его предложение, задумчиво изрек:

– Любовь – не картошка, чтобы сходу и полностью ее употребить и стать счастливым. Это всего лишь расстройство психики, и потребуется некоторое время, чтобы оно прошло.

– А ты помнишь, как Тургенев о счастье выразился? – спросил вдруг Вадим друга и сам же ответил: – Иван Сергеевич вот как определил счастье: «У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день, а мгновение».

– Тургенев в чем-то прав, а в чем-то и нет, – отозвался Володя. – Понимаешь, дворянским отпрыскам не надо было думать о хлебе насущном. Их в юношеские годы больше занимали исключительно приключения и увлечения. И счастье у них воспринималось через призму этих поступков, а потому оно и не могло быть иным, кроме как скоротечным.

Вадим не стал продолжать дальше разговор о счастье, а неожиданно предложил:

– Давай-ка, Новый год встретим в заводском клубе. Думаю, там не будем скучать! А пока, понимаешь, мне надо быть на вечере отдыха коллектива нашего цеха, причем не столько отдыхать, сколько дежурить, смотреть за порядком на нем.

– Где он проводится?

– В заводском клубе. Хочешь побывать – приглашаю.

– С каких щей я пойду на вечер отдыха вашего цеха!

– Представлю тебя как заводского дружинника, кто там будет вникать, откуда и кто ты.

– Да нет уж, авантюру твою не поддерживаю. А встретить Новый год в заводском клубе в принципе не возражаю, хотя мне надо будет переговорить с Леной. Пойдет ли она. Ведь ей добираться с города на Химмаш в новогоднюю ночь – о-го-го, не такая уж романтика! Тем более если хорошо приморозит.

– А ты ее на тачке оттуда и обратно, смотришь, твое внимание она оценит более чем достойно.

Володя как-то не свойственно ему хихикнул, ничего не ответив на предложение друга.

* * *

На вечер отдыха коллектива цеха Вадим пришел со своей опергруппой. Об этом его попросил комсорг Алешин. Хотя, как он сказал, за порядком на вечере будут присматривать дружинники цеха, но опергруппа тоже не должна быть в стороне и при необходимости должна помочь дружинникам уgomонить тех, которые начнут безобразничать, мешать отдыхать работникам цеха.

Для Вадима, впервые оказавшегося на таком вечере, было любопытно все: и празднично одетые рабочие цеха, которых он привык видеть на рабочем месте не всегда в чистой робе, и их разодетые солидные жены, и нарядные девушки, и сама приподнятая атмосфера, наполняемая дружескими беседами, безобидными шутками, завораживающей музыкой. И он, окунувшись в эту праздничную атмосферу, почувствовал себя легко, празднично, забыв на какое-то мгновение о дежурстве. Но когда раздался звонок, возвестивший о начале торжественной части вечера, и все потянулись в зрительный зал, Вадим вспомнил о дежурстве и стал лихорадочно искать глазами в фойе своих оперативников. Разглядев в толпе Алексея и Валу, упокоился и направился к ним. Но тут неожиданно его остановил Алешин, непонятно как оказавшийся рядом.

– Слушай, Вадим, пришло лишь два дружинника, должны подойти еще трое, но пока их нет, и неизвестно подойдут ли вообще. Так что придется твоей опергруппе смотреть за порядком на вечере. – Уставившись на Вадима, словно на стоящее перед ним какое-то неизвестное изваяние, и не дав ему возможности хоть что-то сказать, продолжил:

– Пока все идете в зрительный зал, на торжественную часть, в потом, когда начнут разыгрывать лотерею здесь, в фойе, оставь здесь несколько своих оперативников, а сам с другой группой поднимись на второй этаж, в танцевальный зал; танцующие должны отдыхать нормально и ни о чем не беспокоиться.

Закончив свой блиц-инструктаж, Алешин направился в зрительный зал. Его примеру последовал Вадим со своими оперативниками.

Тем временем в зрительном зале, заполненном до отказа отдыхающими, начал свое выступление начальник цеха Кондратьев. Вначале он коснулся некоторых успехов в работе, назвал несколько бригад, участвующих в соревновании за коммунистический труд. Дальше стал говорить о недостатках: о том, что не выполняются комплексные планы повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции и повышения ее качества на каждом рабочем месте; что дирекция завода затягивает выполнение плана по техническому переоборудованию и благоустройству рабочих мест во втором пролете цеха.

А когда начальник цеха заговорил о недостатках в работе партбюро и профсоюзной организации цеха по активному привлечению рабочих к управлению производством, зал оживился. Вадим попытался понять реакцию зала, но его отвлек Игорь:

– Выйдем в фойе, о чем будет говорить дальше начальник цеха – понятно.

– О чем же? – поинтересовался Вадим.

– О выполнении плана. Выходим!

Когда вышли из зрительного зала, Вадим увидел стоящих у буфетов по несколько человек.

– Вот видишь, наиболее ушлые начинают потихоньку покидать зал, чтобы без толкотни спокойно приступить к отдыху: выпить и закусить перед тем, как начнется концерт после выступления начальника цеха, – продолжил Игорь.

– А что, перерыва не будет?

– Если будет, то небольшой, пока участники художественной самодеятельности соберутся на сцене. Поэтому все и ринутся к буфетам, как только закончится торжественная часть. Так что нам надо поторопиться – для хорошего настроения и зычного голоса принять по сто грамм. Ты ведь тоже поешь в хоре?

– Да, пою, Бурковский меня сосватал в хор, и уже был пару раз на репетиции. Но сегодня я дежурю здесь. Так что мне придется воздержаться от выпивона. Вы с Колей дерябните. Вон как раз он бежит сюда.

Николай одним из первых буквально выпорхнул из зрительного зала и, увидев стоявших у буфета Вадима с Игорем, бросился к ним. К буфетам поспешили и другие отдыхающие, тоже быстро высыпавшие из зрительного зала после завершения торжественной части. Вскоре людская толпа так заполнила фойе, что трудно было куда-либо протолкнуться.

Оставив Игоря и Николая, Вадим добрался до лестницы, ведущей на второй этаж. Вскоре к нему подошли его оперативники.

– Ну и что будем делать, командир: праздновать или дежурить! – весело воскликнула Валя Синичкина.

– Дежурить, Валюша, дежу-ри-ть! – пропел Вадим. – Несколько человек поднимаются со мной на второй этаж, в танцевальный зал, а остальные вместе с Алексеем остаются здесь, в фойе.

– Я на танцы! – первой выкрикнула Валя Синичкина.

– И я, и я! – послышались возгласы других девчат.

– Ладно, девчонки, вы – наверх, а парни остаются в фойе, – согласился Вадим.

После звонка, возвестившего о начале концерта, людская толпа в фойе стала понемногу рассеиваться: первыми не спеша потянулись в зрительный зал дамы. Кое-кто из молодежи устремились наверх, в танцевальный зал, откуда раздались первые звуки заводского эстрадного оркестра. Наверх подались и дружинники-девчата.

Вадим, немного пообщавшись с Алексеем, тоже поднялся наверх, в танцевальный зал. Танцы только начинались, проходила своеобразная их разминка. Девчата, не теряя попусту времени и не дожидаясь приглашений сильного пола, парами скользили по паркету, придерживаясь ритма танго. Первой заметила Вадима Валя Столбова. Оставив свою партнершу, она подошла к нему с извинениями:

– Слушай, Вадик, мы решили пока не одевать красных повязок, чтоб не беспокоить зря отдыхающих и самим потанцевать, не обращая на себя их внимания. Повязки у нас с собой, чуть что – мы их быстренько наде-

нем. – И она, раскрыв свою дамскую кожаную сумочку, ладно пристроенную на неброском ремешке, перекинутом через плечо ее изящной фигуры, показала краешек повязки. Только теперь и Вадим понял, что он и сам без повязки.

– Хорошо, Валя, танцуйте без повязок, – согласился Вадим, предупредив одновременно, чтоб не забывали о дежурстве.

– Может, потанцуем? – Валя с надеждой посмотрела в глаза Вадима.

Молча взяв Валю за руку, Вадим вошел в круг танцующих и, слегка прижав к себе партнершу, начал в такт музыки делать незамысловатые телодвижения...

Вечер отдыха подходил к концу, и хорошо отдохнувший рабочий люд уже подумывал об уходе домой. Но как раз в это время случилось то, чего никто не ожидал, – драка. На поднятый в фойе шум бросились Вадим и еще несколько танцевавших парней. Первое, что бросилось в глаза Вадиму – это сцепившиеся между собой механик цеха коммунист Важенин и мастер Чернов. Их пытались разнять Алексей и еще несколько мужчин. Увидев подбежавшего Вадима, Алексей громко прокричал:

– Беги на улицу, там драка-а-а-а!

Вадим выскочил из клуба. Прямо у входа в клуб шла групповая потасовка. Она сопровождалась воплями, руганью. Увидев Игоря и Николая среди дерущихся, Вадим бросился к ним на помощь. Вначале он попытался остановить драку, но, получив несколько сильных тумаков по спине и голове, сам пустил в ход свои кулаки, не очень разбирая, кого они доставали. И лишь когда услышал возмущенный крик: «че, кореш, своих бьем», понял, что невзначай угодил и Николаю. И тот еле удержался на ногах. Хотел извиниться перед другом, но Николай вдруг влепил такую пощечину Вадиму, что у того посыпались искры из глаз.

– Квиты! – примирительно сказал Вадим, потирая горящую левую щеку. – Вы с кем тут деретесь?

– С кем, с кем! – вспылал Николай. – Зенки свои протри! С арамильской шпаной, понял!

Дерущуюся толпу уgomонили Алексей, подоспевший со своими оперативниками.

Цеховой вечер отдыха, начавшийся и проходивший под знаком «за здравие», завершился неутешительно «за упокой». После случившегося будут ли подобные вечера проводиться дальше? Этот вопрос занимал не только Вадима, но и многих рабочих и ИТР цеха.

Глава третья

Смерть матери на какое-то время отключала Вадима Андреевича от текущих событий в стране и от самого главного и трагического из них – Белаевских соглашений и ликвидации великой страны, каким был Совет-

ский Союз. Потребовалось немало дней после похорон матери, пока он начал приходить в себя и осознавать, что наступил новый, 1992 год, что нет больше ни матери, ни страны, в которой она и он жили, трудились, как и все советские люди, во имя будущего благополучия. Что ждет теперь суверенную Россию, суверенные Белоруссию и другие бывшие братские республики? Кто может предсказать, что с ними будет в ближайшее и отдаленное время? Современные оракулы? Да, их сегодня объявилось немало, пытающихся стяжать славу античных жрецов-прорицателей! Но разве можно их предсказания принимать за очень серьезный аналитический прогноз будущего вчерашних республик бывшего СССР. А есть ли такой прогноз сегодня вообще? Вопрос вопросов! Проскакивает, конечно, и разумное в высказываниях некоторых политиков и ученых, но оно трудно улавливается основной массой населения из-за бурно льющегося на него дешевого эфирного, словесного и печатного поноса.

Мать... Все эти январские дни он много думал о ней, слезы душили его, когда он мысленно не раз перелистывал книгу ее нелегкой жизни. Он все больше корил себя, что так мало, работая на заводе, навевался домой, не вникал в жизнь матери, хотя ведь она просила вообще остаться жить и работать в той же деревне, где приходилось жить ей по соседству с ненавидящей ее Варварой – первой женой Михаила. Но не послушался. Она не выдержала злобных взглядов Варвары, настояла уехать куда-нибудь подальше из Любино. Уехать, хоть на край света. Михаил долго упорствовал, но, в конце концов, пришлось жене уступить. Но куда уехать? Ни назад в Сибирь, ни в Белоруссию ему не хотелось возвращаться. На помощь пришел Боровских. Он посоветовал перебраться на новое местожительство в Шахтерский поселок. Сам шахтер, недавно вышедший на пенсию, он и приезжал в Любино, чтобы провести лето в родительском доме (отец погиб на фронте, мать похоронил в прошлом году, а сестра жила и работала в Новосибирске). За рюмкой он много рассказывал о шахтерах – людях тяжелого совместного труда, ценящих мужское братство, людях порядочных, как говорится, не пропитанных завистью и злостью. С ними легко житейски ладить. И Михаил с Фросей решились перебраться жить в Шахтерский поселок. Михаилу как инвалиду второй группы сразу же предложили работу на шахте, но не в забое, а на поверхности столяром. Он согласился. Фрося решила присмотреться, где можно работать, а пока стала заниматься домашними делами и главное – учебой детей. Временно пожили в квартире Боровских, которая пустовала (на зиму ее хозяин возвращался, чтобы пережить в тепле суровые уральские морозы, не заботясь ни о дровах, ни о воде – в благоустроенной квартире все было). Но уже через полгода купили себе приличную избу на окраине поселка, с огородом. Он, Вадим, периодически навевался в Шахтерский поселок и кое-чем помогал родителям по дому (ремонтников веранду, городил забор, копал огород и помогал сажать и копать картошку, с братьями пилил и

колол дрова); радовало то, что мать успокоилась, повеселела, подружилась с соседями. И вот теперь ее больше нет.

Вадим Андреевич тяжело вздохнул. Смерть матери поразила его не только потому, что не стало самого дорогого ему человека, но и напомнила ему о его тоже неминуемой смерти. Когда это произойдет, он не мог знать, хотя здоровье начало давать сбои. Да, величайшее счастье человека, что он не знает даты своей смерти.

Чтобы хоть как-то развеяться от угнетающих дум и переживаний, Вадим Андреевич решил прогуляться по городу, узнать, чем сегодня живут его жители. Начал с улицы Свердлова. Ему нравилась эта широкая, застроенная в едином ансамбле магистраль, соединяющая Привокзальную площадь с центом города. Тогда, уже в далеком 1960-м, эта улица с одинаковыми по высоте и архитектурно красивыми домами, залитыми августовским утренним солнцем, буквально влюбила его в Свердловск. А сейчас эта улица, явно потерявшая из-за уличной торговли свою привычную монументальность, стала неузнаваемой. Прямо на проезжей части, у обочины, под мокрым снегом стояли коробки с расфасованным сливочным маслом, сыром, пельменями, полукопченой и обычной колбасой, мороженой рыбой и даже прикрытой кое-как незамысловатой выпечкой; рядом теснились стопки красивых упаковок с конфетами «Птичье молоко», которые ежесекундно «ароматизировали» выхлопными газами проезжавшие в непосредственной близости машины.

Рассматривая этот довольно богатый по нынешним меркам уличный продовольственный «прилавок», Вадим Андреевич не переставал удивляться: откуда все это сегодня взялось, если еще вчера полки магазинов были пустыми. Удивляясь «уличному прилавку», он даже не обращал внимания, что торговля здесь велась в антисанитарных условиях, что продавцы, а эта была в основном «зеленая молодежь», беспрерывно курили, небрежно сбрасывая в сторону пепел горящей папиросы, который невзначай попадал на полузакрытые продукты. Под стать им тоже делали и подсобные рабочие, сопровождая к тому же свои несложные рабочие действия отборным матом, невзирая на рядом толкавшихся мам со своими малолетними детьми. Кто-то из продавцов окликнул Вадима Андреевича и предложил ему отовариться, но, не получив нужного согласия, наградил его оскорбительным «совок». После этого у Вадима Андреевича отпало всякое желание что-то купить здесь из продуктов домой, хотя оно и появилось при знакомстве с продуктовым набором уличного рынка: хотелось порадовать жену и дочерей какими-нибудь деликатесами (со времени перестройки о них уже порядочно подзабыли). Пройдя еще немного по улице Свердлова, он, больше не задерживаясь у шумливых торговцев, свернул к киноконцертному театру «Космос», где проходил митинг. Митингующих было не очень много. Однако бурные выступления и беспорядочные выкрики участников митинга, орущие гром-

коговорители воспроизводили гул многотысячной толпы, разносящийся далеко за пределы окрестностей «Космоса».

Оказавшись среди митингующих, Вадим Андреевич хорошо расслышал летящие из передвижного громкоговорителя слова: лицемерное повышение цен, воры-торгаши, дедовщина в армии, референдум при переименовании города. Выступавший, стремившийся перекричать громкоговоритель, призывал дружно выступить за полную замену мафиозно-бюрократической власти; не ограничиваться разговорами и требованиями об улучшении снабжения города продовольствием, а провести всенародные выборы мэра города. Из толпы сыпались выкрики: к стенке воров и жуликов и расстрелять; при Сталине было лучше.

Вадим Андреевич, постояв немного молча в толпе митингующих, не спеша двинулся в сторону набережной городского пруда. У него не было никакого желания выступить здесь, на митинге. Возможно, от того, что его недавние страстные выступления в защиту СССР оказались «гласом вопиющего в пустыне». Страну разрушили. И стоило ли теперь драть глотку, да еще на колючем морозном ветре, зная, что все это без толку, что начавшуюся реставрацию капитализма в суверенной России уже не остановить, ибо после падения КПСС в стране нет той силы, способной поднять манипулированный народ на защиту завоеваний Октября.

С такими невеселыми мыслями Вадим Андреевич, подгоняемый холодным северо-западным ветром, быстро прошагал набережную городского пруда и вышел на проспект Ленина. Не раздумывая долго, решил вернуться в университет – узнать, когда начнутся занятия в ИПК и заодно навесить своего коллегу и друга Николая Степановича Назаркина, профессора, доктора исторических наук, зав. кафедрой истории в ИПК; с ним не виделся давно, со времени их совместного участия в ноябре 1987 года в митинге в защиту Ельцина, которого только что освободили от занимаемых должностей кандидата в члены политбюро ЦК КПСС и первого секретаря МГК КПСС. Тогда на площади 1905 года, центральной площади Свердловска, собралось немного народу, около 300 человек. Все выступавшие выражали возмущение несправедливым решением пленума ЦК КПСС в отношении Ельцина. И он, Звездин, и Назаркин поддержали выступавших с резкой критикой ЦК КПСС по поводу буксовавшей перестройки и отстранения от нее Ельцина – равнодушного коммуниста и активного борца за обновление социализма. Но тогда ведь ни он, Звездин, ни Назаркин не знали ни содержания речи Ельцина на пленуме, ни того, что сам тот настоял, чтобы его освободили от занимаемых должностей; более того, не могли даже допустить, что ими почитаемый коммунист-ленинец станет гробовщиком КПСС и Советского Союза. А теперь, зная все это, любопытно, как относится Назаркин и к Ельцину, и ко всему происходящему сегодня в стране? Вадим Андреевич, подгоняемый желанием встретиться и пообщаться с коллегой и другом, поспешил в университет.

Ранее Вадим Андреевич довольно часто заглядывал в университет: здесь учился и получил диплом о высшем образовании, здесь защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, здесь неоднократно повышал квалификацию историка, здесь работали коллеги и друзья. Поэтому всякий раз, заходя в университет, чувствовал себя в нем своим человеком. Все тут ему было близко и дорого. Сейчас же, оказавшись в главном здании университета, он впервые почувствовал себя здесь каким-то чужаком. Вся настенная наглядная агитация, чаще называемая теперь рекламой, была непривычной, отталкивающей. Раздававшиеся редкие голоса студентов и преподавателей только усиливали его непричастность к тому, что происходило здесь сейчас. И он, не останавливаясь, не прошел, а буквально проскочил в ту часть здания университета, что была на пути в ИПК. Оказавшись в ИПК, около кафедры истории, Вадим Андреевич неожиданно встретил лаборантку кафедры:

– О, Вадим Андреевич, здравствуйте! Давненько не появлялись в наших краях. Заходите, Николай Степанович на месте.

Вадим Андреевич шагнул в открытую лаборанткой дверь. Его сразу же увидел Назаркин:

– Ба, сколько лет, сколько зим мы с тобой не виделись! – Потом, подхватив со своего рабочего стола брошюру, вдруг заговорил по-английски:

– Hi! How is life? How are you feeling today?

– Ты думаешь, я что-нибудь понял из твоего приветствия? – остановил коллегу Вадим Андреевич.

– Читай! – Назаркин подал Вадиму Андреевичу брошюру, на обложке которой значилось: «В помощь выезжающему за границу. Русско-английский разговорник».

– Ты что, Степаныч, тоже намылился рвануть в Штаты или в Англию, – не выдержал Вадим Андреевич. – Быстро мы сбрасываем с себя партийность, коммунистическую убежденность, чтоб чистюлями в европейском доме прописаться и там поймать в свои руки буржуазную синицу!

– Для начала, Андрееч, переведу сказанное мной: привет, как живешь, как самочувствие? А теперь по поводу твоей реплики: в бега за границу не собираюсь, а английскую разговорную речь штудирую, чтобы не быть имя рек в общении с зарубежными учеными-историками. Уже сегодня контакты с зарубежными коллегами заметно участились, а завтра они станут обыденностью. И нам, естественно, чтобы оставаться на уровне квалифицированных историков, надо, как минимум, хорошо владеть английским, имеющим статус международного. В аспирантуре я изучал английский и неплохо им владел. Но в практической работе он фактически не был востребован, особенно разговорный. Ты же знаешь, контакты советских историков со своими зарубежными коллегами, особенно из западных стран,

были ограничены, а для нашего брата из провинции – вообще оставались мечтой. Ты, кажется, в аспирантуре изучал немецкий?

– Да, – подтвердил Вадим Андреевич.

– Немецкий язык хорош. Но тебе еще придется основательно заняться и английским, чтобы не оказаться на дне исторической науки завтра. Теперь по поводу партийности и коммунистической убежденности. Тут несколькими словами не отделаешься. Как у тебя со временем?

– Не тороплюсь.

– Вот и ладушки, посидим и потолкуем об этом. А пока располагайся, а мы с Аркадьевной на пару минут отлучимся.

Они вместе вышли с кафедры, но Назаркин тут же возвратился.

– Попросил Аркадьевну сходить в буфет и кое-что купить на закусок. Тут ко мне заходил коллега и презентовал необычную бутылку водки. Он только что вернулся из Москвы, там ее купил.

Назаркин достал из своего портфеля бутылку и добродушно поманил:

– Видишь, «Распутин» подмигивает, грех не выпить!

Аркадьевна недолго ходила в буфет. Она принесла бутерброды с колбасой, пирожки, печенье.

– С чем пирожки? – поинтересовался Назаркин.

– С мышинными хвостиками, – не моргнув, ответила лаборантка.

– Шути-ш! – воскликнул Назаркин.

– Шу-чу-у! – расхохоталась лаборантка. – Из ливера они, свежие.

– После таких шуток забудешь про еду, – добродушно усмехнулся Назаркин и попросил лаборантку позаботиться о тарелке, рюмках и чайных чашках.

Аркадьевна, все еще расплываясь в улыбке от своей безобидной шуточки, достала из тумбочки своего стола посуду и собралась уходить.

– Вы уходите? – напомнил о себе Вадим Андреевич. – Для полноценной нашей компании вас не будет доставать!

– Мне надо на истфак сходить, а вы тут пока сами управляйтесь, – добродушно сказала лаборантка и вышла с кафедры.

Назаркин, не теряя времени, выложил на тарелку все съестное, принесенное из буфета лаборанткой, потом, откупорив бутылку, наполнил рюмки водкой, произнес:

– За встречу, за встречу в Новом году!

Выпили. Закусывая, Назаркин предложил следующий тост за встречу в Екатеринбурге.

– Символично: с тобой мы расстались в Свердловске и впервые встречаемся в Екатеринбурге. За это надо выпить!

– За это пить не буду! – вдруг взбунтовался Вадим Андреевич.

– Почему? – удивился Назаркин. – Городу вернули его родовое название, что тут плохого?

– Во-первых, его переименовали скоропалительно, не спросив на то согласие горожан. Во-вторых, сегодняшний орденосный Свердловск – «столица опорного края державы» по всем своим показателям – это не Екатеринбург позапрошлого и прошлого веков. Свердловск – совсем другой город, город своего, советского времени с большими трудовыми традициями, и выступать за его переименование могли только люди, чокнутые перестройкой и гласностью. Об этом я сказал тогда же Самарину – председателю городского Совета народных депутатов, моему хорошему знакомому (1).

– И что он тебе ответил?

– Да ничего толком, сославшись на наступившее другое время, оно, дескать, велело...

– Что касается переименования города, – начал Назаркин, – напомним, если ты забыл или не знал: за возвращение городу его родового имени выступали вовсе не какие там психически больные люди, а такие политические силы, как «Демократический выбор», «Демократическая партия России», «Общество русской культуры», «Социал-демократическая партия России», «Уральская ассоциация ученых» и еще кое-какие сторонники этой акции. Они выступали на митингах, собирали подписи сторонников переименования, активно использовали печать. И добились своего: Свердловский городской совет принял решение о проведении опроса свердловчан по вопросу возвращения исторического названия города.

– Опрос – это не референдум! – воскликнул Вадим Андреевич. – Тем более что это был телефонный опрос всего 500 жителей города. И ты знаешь, какой результат: за возвращение городу исторического имени высказались только 40% опрошенных граждан, 39% – против, 21% – этим было вообще до лампочки (2). Я убежден, что если бы провели референдум, горожане ответили бы «нет» смене названия города. Тем более что город носил имя не святой великомученицы Екатерины, в чем нынешние демократы пытаются убаюкать свердловчан, а императрицы Екатерины I – жены Петра Великого. Ну а если бы жителям Свердловска еще подсказали, что Екатерина I – это всего лишь дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского, а никакая там святоша или дама царских кровей, оказавшаяся по воле судьбы в плену у русских солдат во время их битвы со шведами под Мариенбургом; и что эту даму пользовали многие, и что она была наложницей Александра Меншикова, да и самого Петра, пока не стала его женой – вот тогда наши горожане призадумались, а стоит ли переименовывать город в ее честь. А еще убедившись, что безграмотная Екатерина, кстати, получившая это имя после принятия православия, ставшая потом неожиданно императрицей России, в результате дворцовых интриг оказалась неспособной правительницей. Она ничего полезного для России не сделала. Зная все это, свердловчане точно были бы против возвращения городу старого названия.

– А надо ли все это им знать? – усомнился Назаркин.

– А почему бы и нет. Пишут же и говорят о Якове Свердлове всякую чушь, что было и чего не было с ним, и все это делается под флагом гласности, – ответил Вадим Андреевич, все еще держа в руке рюмку.

– Да-а-а, много сегодня мы льем исторической грязи на себя, похоже потом долго нам придется в ней барахтаться, – задумчиво произнес Назаркин и тут же спохватился:

– Рука не устала держать рюмку, Андрейч, за что пьем?

– За нас с тобой и черт с ними!

– Да, тост задиристый, ничего не скажешь.

– Такое, Степаныч, наступает время. Чем гордились вчера – сегодня оплевываем, что было неприличным говорить и писать – теперь считается ложной скромностью. – Немного помолчав, Вадим Андреевич перевел разговор на другую тему:

– Расскажи, только по-русски, как тебе живется и работается в условиях нынешней необузданной гласности и демократии?

– Наверное, как всем. С тревогой и надеждой встречаю каждый новый день. – Осушив рюмку, с трагической ноткой в голосе договорил: – Но не это меня сегодня убивает. Год назад у меня была семья, а сегодня ее нет. До сих пор никак не могу свыкнуться с тем, что произошло...

– А что произошло?

– Это случилось в прошлом году 6 сентября. Моего сынишку-первоклашку сбила машина, насмерть. Понимаешь, после занятий вышел из университета и собрался пойти в Центральный гастроном – там должен был встретиться с женой; вместе с ней находился и сын, который только что вернулся из школы. Была пятница, кое-что хотели прикупить из продуктов на предстоящие выходные дни. Договорились с женой, что встретимся в гастрономе. Но так получилось, что жена с сыном, не дождавшись меня, вышла из гастронома. Заметив меня, Юрка бросился ко мне навстречу через перекресток, не посмотрев ни в ту, ни в другую сторону. А перекресток проспекта Ленина и улицы Мамина-Сибиряка, сам знаешь, какой. И взрослый может попасть под машину, если зевнет. А тут ребенок. Налетела иномарка – сбила насмерть Юрку и, не останавливаясь, укатила. Я даже не успел ее номер разглядеть. Похоронили парнишку, а горе и слезы все не покидали и меня, и жену. Стали разбираться: кто виноват во всем случившемся. Жена обвинила меня – я, дескать, позвал Юрку и он, забыв об опасности, бросился навстречу ко мне; я же до сих пор считаю ее виновницей этой трагедии – она не должна была вообще выходить из гастронома, не дождавшись меня, а уж если вышла, то не отпускать Юрку от себя, учитывая движение автотранспорта по проспекту, которое в последнее время резко участилось и стало очень опасным. Взаимные обвинения дошли до взаимных оскорблений. Чтобы не произошло между нами чего-то более страшного, решили развестись и развелись. Вот что произошло, пережить это горе до сих пор не могу.

– Да, я вот тоже похоронил первого января мать, – тяжело вздохнул Вадим Андреевич. – Не верится, что ее больше нет. В голову лезут всякие скорбные мысли, но печальнее всего донимает одна: как мало мы ценим дорогого нам человека при его жизни.

После этих слов Вадим Андреевич предложил выпить за упокой родных, Назаркин его поддержал. Пауза, которая в таких случаях становится само собой разумеющейся, длилась недолго. Первым ее нарушил Вадим Андреевич:

– Думаю, что нам надо выпить и за упокой Советского Союза!

– Зачем? Советский Союз – это историческая Россия, – воскликнул Назаркин. – Она жива и будет здравствовать!

– А ты не думаешь, что судьбу России может постигнуть та же судьба, что и СССР? Смотри, какие сепаратистские страсти разгорелись на местах, и не приведет ли это к распаду России?

– Не думаю, что такое произойдет. Беловежские соглашения станут хорошим похмельем для нынешних российских руководителей. А то, что Россия потеряла ряд территорий, связанных с выходом из ее состава бывших братских республик, – от этого она не потеряла статус империи.

– Ты считаешь, что СССР являлся империей, представлял собой монархическое государство с императором во главе?

– Конечно, не классическая, – продолжил Назаркин. – Но ведь власть КПСС была абсолютной, монархической.

– А как же Советы – органы народовласти, избираемые снизу доверху? Они совсем были безвластными структурами?

– Ну почему же, кое-что перепало и Советам, но всем рулила в стране КПСС!

– Хорошо, но ведь КПСС под запретом. Кто теперь станет монархом?

– Монархом? Сейчас развернута в обществе пропагандистская кампания о необходимости возвращения к монархической форме правления (3).

– Но это еще не значит, что монархия обязательно возродится. Как говорится, тут еще бабушка надвое сказала. Сегодня много говорят о чем угодно, только дел конкретных нет! – Вадим Андреевич поднял рюмку, давая коллеге понять сделать то же самое. Выпив и закусив ливерным пирожком, он спросил:

– Ты скажи, Степаныч, можно ли было избежать разрушения Советского Союза? Это же не шутка: не стало супердержавы! На радость американцам и европейцам.

– Причин много. На поверхности всем понятная причина – на месте руководителей страны оказались не те люди, которые с достоинством могли бы провести перестройку, не разрушая своей Родины. А вообще исчезновение империй, как и их появление – объективный исторический процесс. Примеров этому в истории много. А вот почему это происходит, какие причины и результаты этого исторического феномена бывают – это

огромное исследовательское поле для историков. И не всегда, спустя столетия, удастся докопаться до истинных причин падения или появления той или другой империи.

Назаркин на минутку задумался, а потом оживился:

– А знаешь, Византийская империя, преемницей которой стала в свое время Россия, просуществовала более 1 000 лет. И все же распалась. Она дважды распалась: в 1204 году после захвата столицы империи Константинополя крестоносцами и 1453 году, когда в результате турецкого нашествия Византия навсегда исчезла с географической карты мира. И в том и в другом случае решающую роль в гибели империи сыграл внешнеполитический фактор. Были, конечно, внутренние причины: упадок экономики, феодальные усобицы, религиозные распри, борьба за власть, падение жизненного уровня населения и нравственных устоев в правящем классе.

– Ты считаешь возможным восстановление Советского Союза? Кстати, сколько просуществовала Византия после ее возрождения?

– После возрождения Византия просуществовала еще почти 60 лет. Что касается ренессанса СССР – почему бы и нет! Все будет зависеть от внутреннего и внешнего положения России, ее руководителей.

– Но чтобы произошло реальное воссоединение бывших союзных республик с Россией, – вставил Вадим Андреевич, – России нужно иметь не только сильную экономику, но и привлекательную объединительную идею, мощную общественно-политическую силу, заинтересованную в ренессансе советской цивилизации. А такой силы после запрета КПСС нет. Да и социалистическую идею до того дискредитировали, что прежде чем она снова станет вновь привлекательной, пройдет не одно десятилетие, да еще какая жизнь будет у наших людей.

– Unfortunately, you are right, – пробормотал Назаркин.

– Ты это о чем? – спросил Вадим Андреевич.

– Да о том, что ты, Андреич, к сожалению, прав!

– Печально то, что в антикоммунистическом и антисоциалистическом хоре оказалось немало историков КПСС, среди них и ты, доктор исторических наук, профессор. Слушай, что тебя побудило выбросить партбилет?

– Я вышел из КПСС в 1991 году. Тогда многие ученые нашего университета поступили так же в знак протеста против проводимой руководством КПСС губительной политики, результатом которой стали трагические события в Нагорном Карабахе, Тбилиси, Баку, Ошской области, Фергане, в Прибалтике. Эти трагические события показали, что в борьбе политических амбиций, в борьбе за власть человеческая кровь и даже жизнь стали разменной монетой. Политическую и нравственную ответственность за пролитую кровь и жизнь погибших несет в первую очередь правящая партия, ее руководство, оказавшиеся неспособными вести страну к обновлению цивилизационным путем. Чем можно было доказать свое решитель-

ное несогласие с политикой руководства КПСС? Для нас – только выходом из партии!

– Самый легкий способ в противодействии разрушителям самой партии, а теперь и страны, – бросил Вадим Андреевич.

– А был ли и есть ли другой способ бороться, как ты говоришь, с разрушителями партии и страны? Ведь перестроечным процессом, который «пошел», до августовского ГКЧП рулили коммунисты, растерявшие в своих бестолковых действиях перспективу социалистического выбора. До поры до времени мы, как могли, поддерживали перестройку. Но когда стало ясно, что первоначальные ее замыслы оказались перечеркнутыми, и страна непонятно куда стала валиться – я, как и многие другие, вышел из КПСС.

– Вот таким образом снял с себя ответственность за все, что произошло и может произойти со страной, – прервал рассуждения Назаркина Вадим Андреевич.

– Как хочешь – так и понимай. Но хочу тебе сказать вот еще что, самое неожиданное для тебя: я вообще потерял веру в возможность построения такого идеального общества, как коммунизм.

Назаркин смолк. Потом поднялся со стула и прошелся по кафедре. Подойдя к столу, остановился и, извиняясь, промолвил:

– Конечно, угощение неважное, но и оно кончилось. Может, в ресторан двинем?

– Угощение – нормальное, по нашему ныне карману. Обойдемся без ресторана. Тем более и повода для этого нет. – После минутной паузы, с трудом сдерживая себя, Вадим Андреевич выдал:

– Как гласит мудрая русская пословица: отзвонил – и с колокольни долой! Всю сознательную трудовую жизнь преподавал историю КПСС, звал к коммунизму, а теперь – долой коммунизм! Поздравляю тебя, уважаемый профессор!

– Не горячись, выслушай и постарайся понять меня. Ты, я и все мы свято верили в коммунизм – общество справедливости, где будут все равны, дружны; не будет барства и бедноты, роскоши и нищеты, зависти и злости. Однако и тогда, когда XXII съездом КПСС была принята программа построения коммунизма в нашей стране, не все были уверены, что такое идеальное общество в принципе можно построить за двадцать лет или за более длительный период. И главное здесь даже не экономика, хотя и она должна быть на высоте. Главное – в людях. Они слишком разные от природы по своему уму, характеру, способностям, внешнему виду, устремлениям, и сделать их одинаковыми невозможно. Смотри, христианство насаждается почти 2 000 лет, и что же – разве поголовно все люди стали христианами. Я уже не говорю о других религиях, где далеко не все разделяют ислам, буддизм... Социализм, коммунизм – сравнительно молодая идеология, более приземленная, но она не стала для всех притягательной.

– И когда же тебя осенили антикоммунистические мысли?

– В годы перестройки. В условиях гласности, когда началась антикоммунистическая и антисоветская истерия и развернулись жаркие споры по поводу социализма и коммунизма не только в СМИ, но и в обществе, невольно пришлось задуматься о практической деятельности КПСС и об исповедуемой нами марксистско-ленинской идеологии, ее соответствии сегодняшним реалиям. Я все больше убеждаюсь, что в советское время нам не хватало именно таких откровенных дискуссий, и особенно по вопросу теории и практики социалистического строительства. Если бы такие дискуссии имели место, возможно, раньше бы и КПСС, и наш народ пришли к осознанию, что коммунизм – это голубая мечта и не более того, она практически не реализуема. Тогда наверняка были бы выработаны новая перспектива для нашей страны, стратегия и тактика ее достижения. Я не исключаю, конечно, того, что если когда-нибудь роботы полностью заменят человека, его ум и интеллект, то тогда человечество вполне сможет шагнуть в прекрасное коммунистическое будущее.

– Если люди поставят себе на службу искусственный интеллект, то еще неизвестно, чем это для них обернется. Возможно, тогда крысы будут строить свою цивилизацию. Коммунизм же нужен людям, биологическим существам, а не холодным расчетливым роботам. Я могу с тобой лишь частично согласиться, что программа коммунистического строительства уже при ее принятии действительно породила у советских людей некоторый скептицизм в возможности достижения такого идеального общества. Однако же по мере того, как жизнь улучшалась, становились бесплатными образование, медицинское обслуживание, получение жилья, росла зарплата, поднималась культура населения, утверждались в обществе справедливость и коллективизм, – коммунистическая перспектива манила советских людей. Да, было не совсем понятно, каким оно там будет, но почти все были уверены, что жить будем лучше и люди будут добрей. Коммунизм становился не только романтикой будущего, но и смыслом жизни. Эта романтика звала поколение строителей нового неизведанного общества, и прежде всего нас, молодых, на подвиг, на свершение добрых дел.

Вадим Андреевич замолчал, задумался. Ему хотелось что-то еще сказать в защиту социализма и коммунизма, в защиту своей жизни, которая проходила в буднях и делах, озаренных перспективой будущего. Но не находил подходящих слов. Да и что можно было еще сказать профессору Назаркину, пытливому историку, еще вчера утверждавшему в студенческой аудитории и во многих своих выступлениях перед населением и трудовыми коллективами города и области о преимуществе социализма и коммунизма, к которому уверенно идет советский народ. А сегодня вещает все наоборот, как убежденный противник коммунизма.

Назаркин не стал дожидаться, пока его коллега и друг что-то еще скажет в защиту социалистических и коммунистических идеалов. Он решил упредить его рассуждения своими доводами.

– Ты знаешь, Андреич, коммунизм – тупиковый путь развития мировой цивилизации. Одно дело романтика будущего, а другое дело реальность, в которую мы окунулись в результате строительства социализма и коммунизма. В сухом остатке получили массовые репрессии и полупустые полки. Мне кажется, что они-то и похоронили коммунизм.

– Чтоб, Степаныч, не казалось, надо креститься, к чему, я вижу, ты уже готов! – задиристо воскликнул Вадим Андреевич. – За полупустые полки надо благодарить руководителей и прорабов перестройки. А что касается репрессий, то они похоронили коммунизм ровно так же, как инквизиция похоронила христианство, которое сегодня процветает. И коммунизм возродится, ибо эта идеология имеет глубокие исторические корни, а посему бессмертна. Она лучше выражает чаяния людей, чем разнужданный либерализм, которому ты стал поклоняться. Позор! Столько лет ты был честным коммунистом, преподавателем истории КПСС, сколько раз тебя целовали органы партийной и советской власти за твое усердие в строительстве новой жизни, и как ты благодаришь за все это теперь? Позор! Флюгер ты, Степаныч! Предаешь великие идеалы и будущее нашей страны! Иуда – вот ты кто сегодня! Предательство и дезертирство еще никогда никого не украшали!

– Осторожней на поворотах, друг мой, а то можешь и схлопотать! – не выдержал Назаркин.

– Давай, я готов постоять за советскую власть и коммунизм! – вызывающе бросил Вадим Андреевич.

Оба соскочили со своих стульев и готовы были схватить друг друга за грудки. Но в это время на кафедру зашла Аркадьевна:

– В чем дело, мужики? Вы что, потеряли свою интеллигентность!

В замешательстве коллеги-друзья опустили руки, не зная, что ответить лаборантке.

– Так по-дружески мы расстаемся после содержательной беседы, – первым нашелся Вадим Андреевич и добавил: – Немного задержался, пора домой. – Еле заметно улыбнувшись, он быстро оделся и, не подавая своей руки Назаркину, промямлил «всего доброго», причем, скорее, это адресовалось лаборантке.

Глава четвертая

Спустя несколько дней, 22 декабря, драка на вечере отдыха коллектива девятого цеха стала предметом обсуждения на заседании парткома завода. Поскольку нечто подобное произошло на таких же вечерах коллективов других цехов и отделов, повестка обсуждаемого вопроса была сформулирована шире: «О крупных недостатках в организации и проведении вечеров отдыха коллективов цехов и отделов в клубе завода». На заседание парткома были приглашены руководители и парторги тех подразделе-

ний завода, коллективы которых во время вечеров отдыха в заводском клубе отличились не лучшим образом. От девятого цеха присутствовали его начальник Кондратьев и парторг Устинович. Члены парткома подвергли резкой критике практику организации вечеров отдыха. Отмечалось, что программы вечеров составляются очень неквалифицированно, по одному стандарту: концерт, лотерея, танцы. Концерты готовились наспех, они примитивны и не способны вызывать надлежащее художественное воздействие на зрителей. Лотереи представляли собой многочасовую утомительную игру, люди в ожидании выигрыша уставали, праздничное настроение у них улетучивалось. Некоторым отдыхающим приходилось его поднимать спиртным. Начальник девятого цеха Кондратьев вынужден был оправдываться, что ушел с вечера отдыха за два часа до его окончания. Попытался объяснить, что случившуюся драку обсудили на партбюро на следующий же день. Зачинщики драки, а это сезонные рабочие из Арамиля, предупреждены. Коммунист Важенин получил партвзыскание.

Обо всем, что говорилось на парткоме завода, рассказал на заседании бюро ВЛКСМ цеха Устинович. Он особо подчеркнул, что с такой подготовкой вечера отдыха идти в клуб завода не стоит. Надо более активно подключаться к этой работе комсомольской организации цеха. Заметив посиневший кровоподтек под левым глазом у Вадима, Устинович иронично заметил:

– Ну, как дежурила наша комсомольско-молодежная опергруппа на вечере отдыха, свидетельствует кровоподтек у ее командира Звездина. Комсоргу надо разобраться, почему оперативники были без красных повязок. – Высказав еще несколько пожеланий, Устинович удалился. Оставшиеся члены комсомольского бюро вернулись к обсуждению прошедшего вечера отдыха коллектива цеха. Комсорг Алешин сразу же набросился на Вадима за то, что не обеспечил должное дежурство, что привело к нежелательным последствиям, к драке.

– Где были твои оперативники, почему они оказались без красных повязок? – резко бросил Алешин, устремив свои сверкающие недовольством глаза в сторону Вадима. – Народ видел бы вас, дружинников, с красными повязками – меньше бухал бы.

– Успокойся, Слава, ребята дежурили как надо, – произнес примирительно Вадим. – Повязок не было только у дежуривших на втором этаже, на танцах. А в фойе ребята были с повязками. Алексей первым бросился разнимать дерущихся мужиков.

– А фонарь где получил?

– Разнимая драку на улице, у входа в клуб.

– Ясно, – смирился Алешин и деловито продолжил: – Дежурство на нынешнем вечере должно послужить для нас хорошим уроком. На предстоящем новогоднем вечере в клубе завода, где нам тоже придется дежурить, надо сделать все, чтобы нечто подобное не повторилось. Поговори, Вадим, со своими ребятами об этом.

– Слава, я с ребятами переговорю, однако сам с фингалом позориться не пойду в клуб. Алексей Степанченко вместо меня возглавит дежурство на новогоднем вечере.

– Хорошо, – согласился Алешин. – Но все-таки переговоры с ребятами, чтобы на дежурство не шли под мухой. Сам знаешь, к чему это может, в конце концов, привести.

Заседание бюро завершилось обсуждением некоторых других вопросов комсомольской жизни.

* * *

Синяк под глазом сильно угнетал Вадима. Чтобы не мелькать на работе в дневные смены и меньше общаться с рабочими и ИТР по поводу случившегося с ним, он, по договоренности с бригадиром Вороновым, стал работать только в третью смену. Университет тоже пока решил не посещать, рассчитывая, что до зимней экзаменационной сессии синяк сойдет. Расстраивал Вадима «подарок» Христосенко еще и потому, что из-за этого «подарка» новогоднюю праздничную ночь придется коротать одному, в своей комнате в общежитии: и в клуб не пойдешь, и домой не поедешь – мать расстраивать, да и друзья смотаются кто куда. О своем убийственном настроении он мимоходом проронил Володе Островцеву за несколько дней до Нового года. Тот, не задумываясь, воскликнул:

– Ты зря, старик, тужишь! Разве я тебе не друг! Мы вместе встретим Новый год.

– А как же Лена?

– Объясню – поймет!

– А если не поймет?

– Значит –ничего не стоит нашей встречи!

Володя, не унимаясь, тут же изложил свой план подготовки к предстоящему вечеру:

– Водку и шампанское мы с тобой купим, а праздничную закуску мама приготовит, она у меня по этой части большая мастерица. Я позвоню ей сегодня же, а 31-го сгоняю домой за закусками. Согласен?

– Еще бы! Можно еще Виктора в нашу компанию вовлечь, вряд ли он куда-то уйдет в новогоднюю ночь.

– Не возражаю...

Утром 31-го Володя погнал домой и вернулся поздно вечером. А Вадим с Виктором, не дожидаясь возвращения Володи, сходили в местный «Гастроном» и купили бутылку шампанского, пару бутылок водки, несколько бутылок газировки, хлеб и печенье. Около 11-и вечера накрыли стол. Конечно, мать Володи постаралась. Она послала голубцы, винегрет, колбасу, сыр, апельсины. Голубцы поставили подогреть на электроплитке у дежурной, а сами втроем, разложив на тарелки холодные закуски, сели за стол. Каждый налил себе по полстакана водки.

– Ну что, друзья, как водится, проводим уходящий 1961 год, год, ознаменованный событиями всемирно-исторического значения, а именно полетом Гагарина в космос и принятием программы построения коммунизма в нашей стране, – открыл новогоднее празднование Вадим.

Чокнулись и выпили. Виктор сделал лишь несколько глотков. Начали закусывать кто чем: винегретом, бутербродами с колбасой или с сыром. Заев спиртное, Володя провозгласил свой тост:

– За твой успех, Вадим, за поступление в университет в уходящем году!

– Спасибо, друг! За это грешно не выпить. – Вадим первым поднял свой стакан.

За несколько минут до 12-00 вечера в комнату, постучав, вошла дежурная. Она принесла дымящиеся в сковородке голубцы и даже вилки. И тут же собралась уходить. Но ее остановил Вадим:

– Тетя Дуся, постойте, не уходите! Новый год наступает, прошу с нами за компанию его встретить. Вова, быстро открывай шампанское!

Володя, не задерживаясь, открыл шампанское и осторожно, чтобы удержать рвущийся на свободу игристый напиток, наполнил им стаканы. Когда стаканы с шампанским разобрали, Вадим торжественно провозгласил:

– Здравствуй Новый, 1962 год! Будь успешным, принеси людям максимум добра и счастья!

– Открой зеленый свет на пути к коммунизму! – добавил Володя.

Перестук стаканов был не такой торжественно хрустальный, что дают обычно бокалы, но все равно он символизировал о вступлении Нового года в свои права.

Дежурная после выпитого шампанского вдруг тихо, как бы рассуждая, промолвила:

– Весь год о коммунизме твердим, все уши прожужжали, а что там при коммунизме будет – и бог не знает.

– Может, бог и не знает, но люди, реально делающие свою жизнь, знают, что им надо и к чему они стремятся: создать Царство Земное, а не искать утешение в мнимом Царстве Небесном. – Сказав это, Вадим подумал: не обидел ли он этим своими словами тетю Дусю, как ее звали жильцы за солидный возраст (она была на пенсии) и материнское отношение к ним. Она не была набожной, но и не отрицала бога, считая его некой невидимой силой, управляющей действиями людей. Мысленно пожурив себя за некоторую бестактность, Вадим философски изрек: – Коммунизм – это идеал жизни, к которому надо стремиться!

– Иде-а-а-л! – пробормотала нараспев дежурная и задумалась.

Чтобы не томить пожилого человека в разгадке смысла сказанного, Вадим поспешил уточнить:

– Коммунизм – это благополучие и счастье людей!

– Хорошо бы дожить до того благодатного времени, – вздохнула тетя Дуся и, не став угощаться, несмотря на уговоры Вадима и Володи, собра-

лась уходить. Покидая комнату, лишь пожелала: – Не напивайтесь, ребята, не омрачайте себе и другим новогодний вечер!

– Разумное предостережение, – поддержал Виктор дежурную, когда та захлопнула дверь.

– А кто против этого, – согласился Володя. – Но говорят: как встретишь новый год – таким он и будет! А встретить его надо навеселе. Поэтому предлагаю дринкнуть по 50 грамм.

Вадим и Володя приняли по очередной порции водки, а Виктор ограничился газировкой. Его не стали принуждать пить водку, зная, что он болезненно воспринимает ее употребление.

Когда подошло время встречать Новый год по «Москве», Вадим и Володя уже довольно прилично наклюкались. Виктор же оставался трезвым. У него росло желание покинуть застолье и отдаться сну. Но пока не решался этого сделать, не хотелось обидеть друзей, хотя те, возможно, восприняли бы это вполне спокойно, зная характер и повадки Виктора.

Вадим тем временем, будоража друзей, с вдохновением, характерным изрядно выпившему человеку, произнес:

– Закрепим нашу встречу Нового года, поддержим новогодний тост москвичей! Пусть страна наша процветает, а ее граждане живут в достатке и мире!

Когда закусили, Вадим предложил каждому вспомнить свои встречи Нового года. И что особенно осталось в памяти из новогодней ночи и почему. Не дожидаясь пока друзья соберутся с мыслями и заодно желая помочь им в этом, начал с себя:

– Для меня надолго останутся памятными встречи 1958 и 1961 годов. Почему? 1958 год я встречал, находясь в армии. 31 декабря со своим хорошим другом сержантом Михаилом Гнусиным получили увольнительные в город. Я служил в Амурской области, в городе Белогорске. С Мишкой мы подружились на Алтае, куда нас, призвав летом в армию, направили в этот край убирать урожай. В воинской части, а мы в нее прибыли лишь в декабре после завершения работы на колхозных полях, оказались вместе в одной радиороте и в одном взводе. Потом меня отправили на учебу в автошколу – требовалось совмещение в одном лице радиста и шофера, а Мишка оставался в роте постигать искусство радиста. Когда вернулся из автошколы, мой друг дослужился до сержанта и стал помощником командира взвода. Я оказался напрямую в его подчинении. Субординация несколько не мешала нашей дружбе. Наоборот, служилось легче. Оказавшись вне части, в городе, мы решили отметить как уходящий старый, 1957 год, так и наступающий новый, 1958. Купили по бутылке водки и направились в деповскую столовую, чтобы спокойно выпить и закусить. Эта столовая находилась рядом с железнодорожным вокзалом, она всегда была открыта для посторонних посетителей, а не только для железнодорожников. Будучи в увольнении, наш брат – солдат срочной службы –

иногда заходил в деповскую столовую, чтоб поесть (готовили в ней вкусно), а бывало – и выпить. Конечно, распивать водку в открытую здесь не разрешалось. Но работники столовой относились к нам, солдатикам, снисходительно, если замечали, что те, крадучись, потихоньку выпивают. Так что, направляясь в деповскую столовую, мы надеялись посидеть. Уже спустились густые зимние сумерки, когда мы подошли к ней. И что увидели? На дверях красовалось огромное объявление: столовая закрыта на спец. обслуживание. Узнали: рабочие депо со своими семьями собираются коллективно встречать Новый год. Что делать? В часть с водкой не пойдешь, засекут, на губу посадят. Решили: купить кружок колбасы для закуски и выпить всю водку прямо на улице. Мороз был, будь здоров! Зашкаливало за 30 градусов. Распивать, конечно, мы не стали на виду у прохожих, зашли в городской парк. Он находился рядом с нашей частью. В парке, присев на первую попавшуюся скамейку, каждый из нас стал глотать водку прямо из горла своей бутылки. Не торопясь, и друг, и я вытянули содержимое до дна. Закусили колбасой. Вроде ничего. Поспешили в часть, чтоб пройти КПП без проблем. Прошли, успели на ужин. После ужина пошли в свой солдатский клуб на новогодний вечер. Свои ребята из роты устроили небольшой концерт. Потом начались танцы. Поскольку девчат не было, пришлось ребятам самим цепляться друг с другом, и вот так парами, без обжимания и вздыханий, стали вальсировать, кружить танго, фокстрот. Мы с Мишкой, обнявшись, тоже пустились танцевать. Но скоро нас начало развозить. Это заметил наш взводный старший лейтенант Сапожников. Он был в этот день и вечер дежурным по части. Взводный-то нас и отправил вовремя спать в казарму, пока солдатская братва не разглядела нас пьяными, и мы тем более не стали, потеряв контроль над собой, еще и выпендриваться. Наш командир взвода, скажу вам, был в высшей степени порядочным человеком. Фронтвик, он относился к нам, молодым воинам, потцовски; особенно пристально смотрел за нами на стрельбище, чтоб мы, не дай бог, по неопытности или по халатности чего-нибудь не натворили опасного для жизни. О нашем загуле он никуда никому не доложил. Правда, утром, придя в расположение роты, все-таки нас изрядно пропесочил. Вот так я встречал 1958 год. Встреча 1961 года была иной. Я замечательно встретил не только этот год, я встретил на новогоднем вечере свою первую реальную любовь. Встретил и уже потерял, остались от нее только сладостные воспоминания да боль в душе. Но об этом рассказывать не буду. Расскажи, Володя, ты о своей памятной встрече какого-то Нового года?

– У меня, пожалуй, запомнилась встреча пока одного Нового года – 1959-го. Он проходил в школе. Под елкой впервые поцеловались с Леной.

– А мне на новогоднем вечере в техникуме пришлось танцевать с нашей математичкой Викторией Александровной, – включился в разговор Виктор. – Она молодая, симпатичная, многим в техникуме нравилась. За ней ухлестывал преподаватель физики, тоже молодой. Когда объявили

дамский вальс, Вика, так мы звали математичку между собой, почему-то вдруг пригласила меня. Танцор из меня до сих пор никакой, а тогда – еще хуже, кое-как ноги передвигал, не попадая ими в ритм музыки. И что вы думаете? В тот праздничный вечер математичка преподала мне первый в моей жизни хороший танцевальный урок.

– На встрече какого же года такое счастье подвалило тебе, друг? – не выдержал Володя.

– 1957-го, – буркнул Виктор.

– Вспомнили памятные новогодние вечера – молодцы! А теперь пора принять по граммуличке! – весело выдал Вадим. – Пусть встреча каждого Нового года будет чем-то новой, необычной и запоминающейся надолго!

Выпили, закусили. Виктор ограничился газировкой, вскоре, не выдержав затянувшегося застолья, растянулся на своей кровати и тут же засопел. Вадим и Володя, оставшись вдвоем, замолкли. В этой наступившей паузе Вадим вдруг почувствовал охватывающую его грусть о чем-то несостоявшемся и уходящем. Чтобы как-то ее заглушить, он тихонько запел:

«Ну что ж сказать, мой старый друг?..

– Почему старый? – блеснул очками Володя. – Мы верные друзья, а не старые!

– Хорошо, подправим в новогоднюю ночь слова в песне, – согласился Вадим. – Лишь бы мелодия звучала та же!

И он повторил начало песни с внесенным в ее текст исправлением:

«Ну что ж сказать, мой новый друг?

Мы в этом сами виноваты,

Что много есть невест вокруг,

А мы с тобою не женаты...»

Вадим обладал неплохим музыкальным слухом, быстро улавливал и воспроизводил понравившуюся мелодию, но вот голос его, нечто среднее между тенором и басом, не отличался певческой привлекательностью. Поэтому если и пел вслух – то в хоре или в веселой, хмельной компании. И теперь, находясь навеселе, он пел с удовольствием и вдохновенно, подражая Бернесу, пение которого отличалось простотой и задушевностью, что ему импонировало.

Любили девушки и нас,

Но мы, влюбляясь, не любили,

Чего-то ждали каждый час –

И вот одни грустим сейчас...»

– А ты что, разве Люду не любил? – прервал пение Володя.

– Еще как! – вздохнул Вадим. – Вот пою, а о ней думаю, душа болит, а сердце плачет.

– А ты не хотел бы с ней встретиться?
– Предлагаешь мне прямо сейчас погнать в Нижний Тагил на свидание?
– Зачем в Тагил! Она позавчера приехала из Тагила и сейчас в Уктусе, дома.

– Почему ты об этом не сказал вчера?
– А ты с подбитым глазом согласился на встречу с ней?
– Не знаю, вряд ли бы решился.
– Вот видишь, ты не знаешь. И я не был уверен, что ты готов встретиться с Людмилой.

Володя налил водки в свой стакан и стакан Вадима, первым выпил и, подождав пока то же сделает Вадим, продолжил разговор, неожиданно повернув его на другую тему:

– Ты знаешь, Людка мне впервые рассказала, что случилось с ней в Крыму, в Судаке, где она отдыхала со своей подругой Жанной и студентами из УПИ. – Володя замолк, явно интригуя Вадима тем, что может сказать сейчас.

– Давай рассказывай, не тяни резину, – не выдержал Вадим.

– Прямо на пляже Людмилу изнасиловал Стас Морденков.

– Как на пляже? Там же кругом народ...

– Вечером. Отдыхающие почти все уже покинули пляж, остались единицы. Ушли студенты. Людмила с Жанной решили еще немного поваляться в сумерках, наслаждаясь теплым песком пляжа и легким освежающим морским ветром. Перед тем как покинуть пляж, Жанна по нужде убежала в туалет, который находился не совсем рядом. Люда осталась одна. Вот в это время рядом с ней вдруг оказался Морденков. Откуда он взялся, она об этом даже не успела его спросить, как он тут же, навалившись на нее и поцелуем своим лишив ее возможности криком позвать на помощь Жанну или кого-нибудь, сделал свое дело. После этого он с надменной усмешкой заявил: «Вот теперь ты будешь моей» и скрылся в вечерних сумерках.

– Может, все это и подстроила Жанна, – усомнился Вадим.

– Людмила так не считает, они вместе переживали о случившемся. Сама Люда, как она мне призналась, всю ночь ревела, как белуга, из-за такого надругательства, а утром решила расстаться с тобой, Вадим...

– Чтобы остаться со Стасом, – досадливо выдавил Вадим.

– Не-т, чтобы после всего случившего не связывать свою судьбу с тобой. А Стасу утром залепила крепкую пощечину, заявив, что никогда не будет его женой и что человек, которого по-настоящему впервые полюбила, был ты. Так она мне сказала. Я предложил ей поехать со мной на Химмаш и встретить Новый год в заводском клубе, где сможет встретиться с тобой. Я еще не знал, что у тебя всплыл сыняк. Она отказалась.

– Ты говоришь, что она сейчас дома? Поехали к ней! Сейчас же. Мы объяснимся с ней, а этого подлюгу Стасика так проучу, что будет всю жизнь помнить. Поехали, собираемся!

– Куда поехали! – возразил Володя. – Время – четыре часа утра, никакой транспорт не ходит! Давай завтра поедем, наверняка ее застанем дома.

– Нет, едем, я хочу ее видеть сейчас, да, сейчас! Собирайся, или я один отправлюсь!

– Опомнись, мы в доску пьяные. Ты представляешь, каким ты предстанешь перед ней? Алкашом, да еще с фингалом! Напугаешь человека и только. Так что успокойся, завтра утром приведем себя в благопристойный вид и съездим на встречу. И поговоришь с ней на трезвую голову.

– Вова, я еду сейчас, а ты оставайся здесь, в общеаге. Я должен сегодня объясниться с ней, а не завтра. Как поется в известной песне, в любви надо действовать смело, задачи решать самому. Если я приеду в такую рань и разбужу ее, она, пусть даже увидев меня пьяным и с подбитым глазом, сможет лучше убедиться в прежней моей любви к ней. И это приведет к возвращению наших прежних прекрасных отношений. Вот так, я поехал.

Вадим, с трудом координируя свои действия, кое-как оделся и, не слушая больше никакие доводы и уговоры друга, второпях покинул комнату. Встреченный колючим морозом и холодным пронизывающим ветром, он не остановился, а наоборот, не задерживаясь, как мог, потопал в сторону Инженерной улицы. Пока дошел до нее, пару раз, поскользнувшись, упал. После этого до него дошло, что идет в осенних туфлях, не одев на них утепленные боты «прощай молодость». Но не стал возвращаться в общежитие, а попытался ускорить шаг, благо тротуар улицы не был столь скользкий из-за посыпанного песка. На троллейбусной остановке не было ни людей, ни машин. И тут только его осенило: сегодня ведь праздничный день первого января, и первый троллейбус может появиться не в половине пятого или в пять часов утра, как в рабочие дни, а намного позже. Как он не подумал об этом в общежитии? «Идиот!» – вслух выругался Вадим и, чтобы не заоченеть основательно (особенно стали мерзнуть ноги), вприпрыжку, быстро трезвея, рванул домой, в общежитие.

А днем первого января, когда отоспались, Вадим и Володя прибыли в Уктус. Их неожиданное появление несколько удивило Лидию Николаевну:

– Рада вас видеть, ребята! Что-то случилось, Вова?

– Нет, тетя Лида, ничего не случилось. Просто хотим вас поздравить с Новым годом! А Люся где?

– Да она еще утором уехала в Тагил. Сказала, что перед работой надо отоспаться...

– Она дома встречала Новый год?

– Да, мы вдвоем с ней встречали Новый год. Пили шампанское, смотрели телевизор.

Слушая диалог Володи с Лидией Николаевной, Вадим убедился, что был прав, когда стремился рано утром встретиться с Людой, и пожалел, что испугался холода и вернулся домой. Может, надо было пешком пойти в Уктус. От быстрой ходьбы наверняка согрелся бы, и ногам стало бы теп-

ло. А теперь все, шанс упущен. Как дорого приходится расплачиваться за упущенный шанс, если он желаемый и неповторимый!

* * *

Как только исчез под глазом синяк, Вадим сразу же отправился в университет: дело шло к экзаменационной сессии, и надо было узнать расписание консультаций, зачетов и экзаменов, возможно, встретиться с кем-то из однокурсников. Для него, студента-вечерника, это была первая экзаменационная сессия. Поэтому сдать ее надо было как можно лучше, чтобы закрепиться в вузе для продолжения учебы в нем. К сожалению, посещать регулярно лекции и семинарские занятия никак не получалось из-за работы, и особенно когда приходилось трудиться во вторую смену (занятия в университете проходили вечером). Правда, бригадир Воронов и члены бригады шли навстречу Вадиму – освобождали его, по возможности, от второй вечерней смены. Но нередко складывалась такая производственная необходимость, когда ему все же приходилось выходить и во вторую смену. Заниматься самостоятельно изучением преподаваемых дисциплин никак не хватало времени. По этой причине не очень хотелось, не подготовившись, присутствовать на семинарских занятиях. В октябре прошлого года, находясь в первом заработанном им на производстве отпуске, никуда не поехал, посчитал за лучшее полностью посвятить время учебе. Первые лекции, а их читали такие маститые историки, как доценты Белова (история Древнего Востока), Кулагина (русская история раннего феодализма), Чуфаров (история КПСС), не только убеждали в том, каким должен быть профессиональный историк, чтобы так свободно, интересно и убедительно излагать материал, но и побуждали к основательному изучению истории. Немецкий язык более-менее был знаком со средней школы, и с ним легче было справляться. А вот латинский язык – сплошная тьма! Благо, что его превосходно вела очаровательная Маргарита Адольфовна Полякова. Она нравилась всем вечерникам, и они стремились не пропускать ее занятия. По возможности не пропускал занятия по латинскому языку и Вадим.

В университете Вадима встретила непривычная вечерняя тишина: у вечерников занятия закончились, а экзаменационная сессия еще не началась, и поэтому не было ни того шумного передвижения студентов по коридорам здания, ни их непрерывающегося гомона. Не встречая никого по пути, Вадим подошел к расписанию, которое находилось рядом с деканатом истфака, списал даты и время проведения консультаций, сдачи зачетов и экзаменов. Деканат был открыт, из-за неплотно закрытой двери пробивались женские голоса. Но он не стал заходить, быстро прошел мимо и отправился к выходу из университета.

* * *

Подготовка к экзаменационной сессии заняла у Вадима все свободное время. Теперь он работал в основном в первую и третью смены, а вечером после работы просиживал допоздна в «Белинке». Для общения с друзьями совсем не было времени. Володя и Игорь с пониманием относились к этому. Николай же и во время работы, и после работы по пути в столовую, и даже дома, в общежитии, не упускал возможности, чтобы не подтрунить над другом, задеть хоть как-то его самолюбие, изрекая свое излюбленное: «ты, кореш, много теряешь со своей учебой, теряешь танцы, шманцы, обжиманцы». Зная Николая как, в общем-то, неплохого парня, но не изжившего еще до конца некоторые свои тюремные повадки, Вадим не обижался за вот такую его своеобразную заботу о нем и продолжал спокойно готовиться к сессии. Как-то в один из дней, когда он работал в первую смену, его неожиданно пригласила на свой день рождения Валя Синичкина.

– Тебя и Лешу приглашаю отметить мое двадцатилетие. Без шика, дома, в общежитии. Будут наши девчонки, ты их всех знаешь.

– И когда же такое грандиозное событие мы отметим? – воскликнул Вадим, давая понять, что приглашение принято.

– Конечно же, в мой день рождения, вечером в пятницу.

– Вечером, в пятницу? – переспросил Вадим.

– Да, в пятницу, – подтвердила Синичкина.

– А нельзя ли твой праздник передвинуть на субботу?

– Зачем?

– В пятницу вечером у меня экзамен по истории КПСС!

– В субботу в Косулино, дома, меня ждет мама. Она собирает родственников отметить мой день рождения. Если не приеду – расстрою родную. А этого я не могу допустить, она у меня одна, родная и любимая, папани нет, он не вернулся с фронта. Да и младший братишка ждет меня. Как видишь, на субботу передвинуть свой праздник никак не могу. Постарайся быстрее сдать свой экзамен и приходи к нам, в нашу компанию.

Вадиму, конечно, льстило Валино приглашение отметить ее день рождения. В последнее время, особенно после разрыва отношений с Людмилой, его встречи и беседы с Валей как-то сами собой участились, и это заметил Алексей. Он не выдержал и однажды предупредил друга, чтобы тот не очень заглядывал на его невесту. Конечно, предупреждение Алексея особо не затронуло Вадима, поскольку он, во-первых, знал об увлечении Алексея Валей, а во-вторых, и это самое главное, он, Вадим, все еще не мог забыть Людмилу, сердце его и душа не были готовы для новой любви. И все же что-то тянуло его к этой выделявшейся среди других девушке, ему хотелось быть у нее на дне рождения, но он не мог это сделать из-за экзамена. Поэтому чтобы не огорчать Валу в ее день рождения и не портить с ней отношений, он пообещал, по возможности, быстрее сдать экзамен и успеть к ней на праздник. Но обещание сдержать не удалось: экзамен затянулся, домой, в общежитие, возвратился поздно, и идти на Валин

день рождения уже не имело смысла. И это подтвердилось: вслед за Вадимом в комнату ввалился и Алексей. Хмельной, весь сияющий от полученного на вечере удовольствия, он, раздеваясь, хвастливо заявил:

– Ты вот, друг, не пришел, и мне одному пришлось завлекать наших девах, принимать их сладкие поцелуи! Самый жаркий был Валентинин. – И наклонившись ближе к Вадиму, дыхнув прямо ему в лицо своим пьяным угаром, добавил: – Знаешь, я, кажется, уломал Валентину стать моей женой.

– И когда же свадьба? – с явным сожалением спросил Вадим.

– Пока не определились...

Признание Алексея насчет возможной женитьбы на Валентине задело Вадима, вызвало неожиданную подспудную ревность, которую он ранее не испытывал, зная об их отношениях. Тем более что Алексей не раз проговаривал, что готов жениться на Вале. И вот этот ревностный всплеск! Зачем это нужно? Он не мог сходу ответить на этот вопрос, хотя сознание ему подсказывало, что нечестно становиться на пути друга, надо подавить в себе и пробуждающиеся чувства к Валентине, и вспыхнувшую вдруг ревность.

Свою первую экзаменационную сессию Вадим успешно выдержал. Занятый сдачей экзаменов и зачетов, он отключился на время от вспыхнувших к Вале чувств, а потом, после сессии, постарался эти свои чувства обуздать, подчинить их сохранению прежних добрых отношений и с Алексеем, и с его подругой.

* * *

16 апреля 1962 года в Москве начал свою работу XIV съезд ВЛКСМ. В этот же день вечером в Красном уголке общежития собрались его жильцы, чтобы послушать секретаря партийной организации девятого цеха Устиновича о моральном кодексе строителей коммунизма. Это была скорее беседа, а не лекция парторга с молодыми рабочими. Он начал разговор с того, что 164 молодых производственника завода, встречая комсомольский съезд, подали 254 рационализаторских предложения, 52 из них уже внедрены с экономическим эффектом 52 864 рублей (1). Потом коснулся производственных успехов трудового коллектива девятого цеха: план по котельным заготовкам за первый квартал 1962 года выполнен на 111% (2). В этом, подчеркнул Устинович, есть немалый вклад комсомольцев и молодежи цеха. Дальше он обратился к задачам коммунистического строительства.

– Мы приступили к выполнению грандиозной программы – программы построения небывалого на нашей планете Земля коммунистического общества – общества справедливого, процветающего, где все люди будут жить в равном и полном достатке, где не будет зависти и злости, а процветать – человеколюбие и доброта. Из задач, которые предстоит решать, и мы, собственно, уже приступили: это создание материально-технической базы и воспитание советских людей в духе морального кодекса строителя коммунизма. Из этих двух задач наиболее сложной, конечно, является

воспитание человека коммунистического будущего. Что касается материально-технической базы – мы, без сомнения, ее создадим, а вот воспитать всех людей в духе нравственных принципов, сформулированных в моральном кодексе – задача архисложная, и ее придется решать постоянно и всякий раз по-новому, с учетом веления нового времени и запросов рожденных и вступающих в самостоятельную жизнь новых поколений.

– Получается, что эта вторая задача – сплошная безнадега, – бросил реплику Борис Тимченко.

– Я вовсе не сказал, что задача воспитания нового человека не решаема. Она может быть решена – люди, например, нашего поколения при толковой и систематической воспитательной работе, постоянно растущем их материальном благосостоянии уже в ближайшие годы будут разделять коммунистические идеалы...

– И поголовно все станут коммунистами, – с усмешкой пробасил Тимченко.

– Совсем не обязательно всем нашим гражданам быть коммунистами. От подавляющего большинства советских людей потребуются лишь понимание того, что коммунистический, я бы назвал коллективистский, уклад жизни их вполне устраивает и его надо поддерживать и защищать. А коммунистом может стать всякий, кто пожелает свои знания и энергию активнее отдавать на общее благо людей.

– А как вы относитесь к сказанному нашим далеким предком Владимиром Красное Солнышко, что «питие есть веселие на Руси, не может без того быти». Короче, выпивка – это дурной пережиток или добрая традиция? – поинтересовался Толя Дудкин, видимо, желая поставить парторга в неловкое положение.

Устинович, немного подумав, уверенно ответил:

– И то и другое. И добрая традиция, и дурной пережиток прошлого. Вопрос пить или не пить – так ставить вопрос, по-моему, не совсем корректно. В «Моральном кодексе строителя коммунизма», например, прямо не говорится о необходимости преодоления пьянства и алкоголизма. Но сказано о «нетерпимости к нарушениям общественных интересов». И как показывает практика, большинство преступлений и нарушений общественных интересов совершаются именно на почве пьянства. Не зря же говорят в народе: «Осел опасен сзади, козел – спереди, а пьяница – со всех сторон». Так что против пьянства мы ведем и будем вести борьбу, за здоровый образ жизни. Понятно, что исключить вообще употребление спиртных напитков вряд ли удастся, но приобщить наших людей к культуре питья и отдыха надо стремиться.

– Евгений Владимирович, вы сказали, что материально-техническую базу коммунизма мы, несомненно, создадим, – обратился Вадим к парторгу. – Но реально ли это сделать за 20 лет? Разве возможно за два десятилет-

тия в 7 раз увеличить производство в промышленности, полностью обновить производственный потенциал на основе новейшей техники? (3)

Аналогичный вопрос студенты-вечерники задавали своему преподавателю по истории КПСС Чуфарову, и тот ответил, что успешное выполнение программы коммунистического строительства будет зависеть от многих как внутренних, так и внешних факторов. Он не исключил, что в процессе развития экономики некоторые данные могут быть скорректированы. А итоги выполнения данной программы подведет очередной съезд КПСС в 1981 году, который, исходя из достигнутого, определит дальнейшие задачи коммунистического строительства. Таков был ответ Чуфарова, кандидата исторических наук. Задавая теперь такой же вопрос парторгу цеха, грамотному инженеру, Вадиму хотелось знать, как производственники оценивают возможности в достижении таких высоких показателей в развитии промышленности.

– Действительно, в программе коммунистического строительства заложены высокие показатели развития народного хозяйства СССР на предстоящие годы. Насколько они выполнимы? Для нас – это ориентир. Конкретные задания по модернизации промышленного производства будут определены в пятилетних планах развития народного хозяйства СССР. Такое плановое задание на очередное пятилетие будет получать и наш завод. Его выполнение – государственная задача и обязанность всего трудового коллектива завода, в том числе и нашего цеха. Удается ли за 20 лет переоснастить новым оборудованием наш цех, до минимума свести ручной труд – думаю, много будет сделано в этом отношении.

– А как быть с коммунизмом сегодня? – подал свой голос молчавший до сих пор Христосенко. – Хлеб бесплатный в столовой исчез; не стало бесплатной капусты нашинкованной.

– Это была первая проба коммунизма, – объяснил Устинович. – Вот так будет, когда создадим материально-техническую базу коммунизма. Тогда не только хлеб и капуста будут бесплатными, но и многое другое. А пока – надо трудиться в поте лица всем, чтобы выполнить намеченные планы.

Ответив еще на несколько касавшихся быта вопросов, заданных присутствовавшими в Красном уголке, Устинович покинул общежитие.

Глава пятая

Занятия в ИПК, как и прежде, начинались с 1 февраля. Поскольку это был субботний день, то их начало само собой переносилось на понедельник, 3 февраля. По этой причине Вадим Андреевич только в понедельник и явился в ИПК. Около кафедры встретил Назаркина.

– Опаздываем, дорогой, – подавая руку, улыбнулся Назаркин.

– Не опаздываем, а задерживаемся, – отшутился Вадим Андреевич.

– Понятно, идем в аудиторию, там все слушатели уже собрались, – и на ходу неожиданно предложил: – Слушай, Андреич, я решил тебя рекомендовать старостой группы. Как на этомотришь?

– Почему на мне клин сошелся? Разве нет никого из молодежи? – поинтересовался Вадим Андреевич.

– Есть, конечно, но ты опытный и ответственный товарищ, а посему жребий пал на тебя! Ну как, согласен?

– Ладно!

– Вот и ладушки! Заходим в аудиторию.

Войдя вместе с Назаркиным в аудиторию и увидев своих коллег, Вадим Андреевич почувствовал ту же радость от встречи с ними, которую испытывал всегда, являясь слушателем ИПК. Чтобы не обращать их внимания на себя, быстро отошел от Назаркина и сел на одно из свободных мест за стол, находившийся во втором ряду с краю. Назаркин же тем временем, сделав небольшую паузу, пока его приветствовали слушатели и ответив затем взаимным приветствием, сразу же перешел к деловому разговору:

– Уважаемые коллеги! Вам, бывшим преподавателям истории КПСС, а ныне – Отечественной истории, предлагается прослушать следующие базовые и элективные курсы:

– основной курс. История Отечества;

– проблемы научного моделирования истории Отечества;

– методология истории: современные проблемы;

– историография истории Отечества;

– введение в мировую историю;

– методика чтения лекций и проведения практических занятий по курсу «История Отечества»;

– левый радикализм в России: история и современность.

Перечислив предлагаемый слушателем набор дисциплин, Назаркин смолк, давая возможность аудитории задать ему вопросы. Ждать долго не пришлось.

– Кто будет читать лекции по данным курсам? – прозвучал первый вопрос.

– В основном историки нашего исторического факультета. Не исключается приглашение университетских философов, экономистов, а также докторов исторических наук из других вузов города.

– А варяги будут, допустим, из Москвы или из Ленинграда, то бишь из Питера? – последовал вопрос соседки Вадима Андреевича, преподавательницы из УПИ.

– Сегодня с приглашением ученых из других городов довольно сложно, причем даже не по финансовым соображениям, а, я бы сказал, по идейно-методологическим. Многие не готовы излагать нашу историю в ином ключе, не прибегая к марксистско-ленинской методологии.

– А что, наши местные историки уже переквалифицировались и готовы читать по новым правилам с позиции своих методологических пристрастий! – съехидничала соседка.

Назаркин не сразу нашелся, как ответить на брошенный вопрос. Но, немного подумав, сказал:

– А мы вместе с вами, Наталья Гавриловна, будем искать новые подходы в изложении Отечественной истории.

– А посещение занятий обязательно? – спросил Лебедев. – Мы все же не студенты первого курса, кое-что и неплохо знаем по истории нашей страны!

Лебедева Виталия Павловича, доцента одного из старейших вузов города, Вадим Андреевич знал хорошо по участию в городских семинарах обществоведов. Встречаясь там с ним, иногда дискутировали по наиболее сложным вопросам истории КПСС и, как правило, находили взаимопонимание. Заданный им теперь вопрос был весьма кстати.

– Уважаемые коллеги! Сегодня ваши вузы направили вас не просто на повышение квалификации, а на переквалификацию из историков партии в историков гражданской истории. Поэтому посещение занятий обязательно. Учет посещений будет вести староста группы. – Назаркин сделал паузу, поискал глазами Вадима Андреевича и, отыскав его, продолжил: – Есть предложение избрать старостой Вадима Андреевича Звездина. Вы все его, надеюсь, знаете. Он неоднократно был слушателем ИПК. Товарищ ответственный, знает порядки в ИПК. Какие будут соображения?

– Знаем и не возражаем, – первым подал свой голос Лебедев.

– Хорошо. А теперь приступим к занятиям. – Окинув взглядом аудиторию, Назаркин сообщил: – Первую лекций по курсу «Введение в мировую историю» прочтет Владимир Иванович Шахов. Мне не надо вам представлять этого историка, вы все его хорошо знаете как великолепного лектора-международника. Прошу вас, Владимир Иванович, на «лобное место»!

К преподавательскому столу, на котором громоздилась небольшая кафедра, не спеша направился Шахов. Оказывается, он находился тут же, среди слушателей, но многие не заметили его присутствие, и это вызвало искреннее удивление. Не заметил Шахова и Вадим Андреевич, хотя тот сидел недалеко от него. И вот теперь Вадим Андреевич с любопытством наблюдал за Шаховым. А тот, подойдя к столу, сразу же, без лишних слов, объявил тему своей лекции и не спеша приступил к ее изложению:

– Преподавание курса «Введение в мировую историю» разумно, конечно, начинать с лекции о современном международном положении. После распада СССР и исчезновения мировой социалистической системы складывается совершенно иная ситуация в международных отношениях. Двухполюсный мир уходит в прошлое. Ялтинско-Хельсинское устройство миропорядка тоже может рухнуть в ближайшие годы, и тогда угроза новой мировой войны может стать явью. Найдутся ли в мире без Советского Со-

юза силы, способные предотвратить новую мировую бойню – вот что сегодня волнует мировое сообщество. Сможет ли суверенная Россия, которая по праву становится правопреемницей СССР, стать знаменосцем мира, каковым был Советский Союз, занять достойное положение в мировом сообществе? Однозначного ответа на данный вопрос пока нет. За годы неудавшейся перестройки слишком много мы потеряли, причем не только на международной арене. Особенно большие потери понесла экономика. Я не буду ее касаться – о ней речь пойдет в основном курсе. В мою же задачу в предлагаемой лекции входит вместе с вами прояснить современное международное положение суверенной России и попытаться спрогнозировать ее возможную внешнюю политику в ближайшие годы.

Шахов сделал небольшую паузу, оценивающим взглядом окинул слушателей и, как показалось Вадиму Андреевичу, остановил свой взор именно на нем, а затем продолжил свою лекцию: – Чтобы понять современное положение России на международной арене и ее возможную предстоящую внешнюю политику, надо хотя бы вкратце коснуться итогов внешнеполитической деятельности советского руководства в перестроечные годы.

Как и следовало ожидать, Шахов вначале напомнил решения XXVII съезда КПСС, касавшиеся внешнеполитической стратегии партии на предстоящие годы, потом обратил внимание на новые подходы в области внешней политики, сформулированные на основе «нового мышления».

– Зная, что вы все хорошо знакомы с книгой Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», – продолжил Шахов, – напомним лишь кредо столь претенциозного на научность умозаключения Горбачева. А именно: признание приоритета общечеловеческих ценностей над всеми остальными – классовыми, национальными, государственными; конструктивное взаимодействие государств и их правительств на благо человечества (1). Тогда мы все положительно оценили «новое мышление» как смелую инициативу СССР в борьбе за прекращение гонки вооружений, за разоружение и мир. Мы даже не подозревали, что односторонние шаги перестроечного руководства страны на международной арене приведут не только к падению авторитета СССР в мире, но и разрушению самого Союза. Почему же не получили того, на что рассчитывали? Во-первых, западные страны, и прежде всего США, пристально наблюдавшие за происходящими событиями в СССР, рассматривали международные шаги высшего советского руководства как капитуляцию страны перед ними – победителями в «холодной войне»; во-вторых, внешняя политика Советского Союза в годы перестройки стала разменной картой в борьбе разных политических сил за власть в стране. Стремление Горбачева в переговорах с американскими президентами Рейганом и Бушем добиться хоть какого-нибудь прогресса по ограничению гонки вооружений, даже путем односторонних уступок, и тем самым повысить свой имидж как успешного государственного деятеля привело, в конечном счете, к потере

военно-стратегического паритета между СССР и США (2). Ведь согласившись на значительно большее сокращение ракет средней и меньшей дальности, СССР не получил (на что рассчитывал) отказа американской стороны от их программы стратегической оборонной инициативы (СОИ) – программы милитаризации космоса. Потеря нашего военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами, конечно же, – это большой просчет внешней политики Горбачева и его команды.

– Не просчет, а преступление! – выкрикнул кто-то из слушателей.

Не обратив на это внимание, Шахов продолжил: – Если утраченный военно-стратегический паритет может на какое-то время компенсироваться улучшением наших отношений с американцами, по крайней мере, к этому стремится Президент Ельцин, то крушение социалистического содружества является величайшей трагедией мирового коммунистического движения. Для выяснения и понимания причины случившегося потребуются немало времени. Но некоторые из них, будем говорить, лежат на поверхности и во многом объясняют то, что произошло в восточноевропейских странах – Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, а также ГДР, которую поглотила ФРГ. Прежде всего, это кризисная ситуация в СССР и неспособность Горбачева и его команды найти из нее выход в рамках социалистического выбора. Чем завершилась социалистическая перестройка – мы теперь знаем. Коммунистические руководители восточноевропейских стран, напуганные непредсказуемостью действий руководства КПСС как внутри своей страны, так и на международной арене, на совещании стран-участниц Варшавского Договора в Бухаресте в 1989 г. заявили, что отныне они будут сами определять свою внешнюю политику. Вместе с тем внутривосточная ситуация в этих странах под влиянием нашей перестройки тоже стала накаляться. Этим умело воспользовалась оппозиция, поддерживаемая Западом. Противостоять ей без помощи Советского Союза руководители социалистических стран не смогли. В итоге в них прошли так называемые «бархатные революции», в ходе которых коммунистов отстранили от власти. Причем передача власти оппозиции произошла мирным, парламентским путем. Исключением стала Румыния, где борьба за власть сопровождалась кровопролитием, а руководитель Румынской компартии Н. Чаушеску был убит.

– Да, мы, следуя «новому мышлению», сознательно лишились военно-стратегического паритета с янками, предали наших братьев по социалистическому лагерю, – не выдержал Лебедев. – Себя убаюкивали этой придуманной паранойей, а Запад тем временем не дремал, делал свое дело: помог нашим радикалам и националистам развалить СССР, покончил с социалистическим содружеством и его организациями – СЭВом и ОВД, укрепил НАТО за счет включения в ее состав объединенной Германии. Разве это не преступление перед своим народом, перед всем человечеством! (3)

– Спокойней, Виталий Павлович, это – не преступление, это – очередной зигзаг в истории нашей страны, – остановил Лебедева Авдеев. – И переживать особенно не стоит, а лучше изучать текущий момент и прогнозировать наше будущее. А то, что уже произошло, думаю, на пользу России-матушке: она освободилась от тяжелого груза гонки вооружений, от непомерных трат на содержание социалистического лагеря и мирового коммунистического движения!

– Юрий Петрович, следуя вашей логике, на пользу России стало, очевидно, и то, что от нее оттяпали американцы в районе Берингова моря 51 000 кв. км морской территории! – не выдержал Вадим Андреевич.

– Что значит: оттяпали? – удивился Авдеев. – Поясни.

– Об этой советско-американской сделке мало кто знает до сих пор, – вмешался в начинавшийся спор Шахов. – О ней стало известно лишь в 1990 году из сентябрьского номера журнала «Международная жизнь». Соглашение между СССР и США о разграничении морских пространств в районе Берингова пролива было подписано 1 июля 1990 г. в Вашингтоне. Его подписали министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Бейкер в присутствии двух президентов – М. Горбачева и Дж. Буша. Я не буду касаться истории данного вопроса, корнями уходящего в историю продажи царской Россией Соединенным Штатам Аляски в 1867 г. Подписанное ныне соглашение, конечно же, ущемляет не только наши экономические, но и оборонные интересы. В частности, в переданном под юрисдикцию США огромном участке серединной части Берингова моря советские рыболовные суда в свое время ежегодно вылавливали около 152 тыс. тонн ценных видов рыб. Далее. США получили возможность приблизить к берегам России действия своего подводного флота. Я уже не говорю, что этот регион богат полезными ископаемыми.

Шахов сделал небольшую паузу, а потом продолжил: – Данное соглашение подлежало ратификации и должно было вступить в силу после обмена ратификационными грамотами. К сожалению, оно было введено в действие с 15 июня 1990 г., минуя ратификацию, в результате обменных нот между министром иностранных дел СССР Шеварднадзе и госсекретарем США Бейкером. И сейчас американцы считают эту морскую территорию своей зоной действий.

Шахов смолк, видимо, ожидая реакцию слушателей на сказанное им. И она незамедлительно последовала. Посыпались беспорядочные выкрики по поводу предательской внешней политики Горбачева, кто-то ругал, а кто-то хвалил Соединенные Штаты за умелую защиту своих национальных интересов. Один из слушателей, напрягая до предела свои голосовые связки, чтобы его услышали, торопливо произнес:

– Смотрите, что получается! Американцы и европейцы с помощью наших либеральных СМИ подавляют родной русский язык. Нам ежедневно навязываются англоязычные и иные иностранные слова: «презентация»,

«консенсус», «легитимность», «спонсорство», «бизнес», «волонтер» и другие. В то время как в русском языке есть замечательные слова, имеющие тот же смысл, к примеру: «представление», «согласие», «законность», «поддержка», «дело», «доброволец» и так далее.

– По-моему, категорично заявлять о подавлении русского языка не стоит, – спокойно отозвался Шахов. – В условиях начавшейся информационной революции обогащение русского языка общепринятой мировой терминологией, причем это не впервые в нашей истории случалось, – это нормальный процесс. Точно так же и русские слова расширяют возможности международного общения. Возьмите наше слово «спутник», которое прочно вошло в международный лексикон. Идет взаимное обогащение языков всех стран. И придет время, когда сформируется из языков разных народов общий язык земной цивилизации.

– Владимир Иванович, а как сказывается на международном авторитете России закрашивание черной краской «белых пятен» в нашей истории публицистами, некоторыми писателями, обществоведами, включая и некоторых историков? – последовал очередной вопрос кого-то из слушателей.

– Закрашивать «белые пятна», конечно же, нужно, но делать это с умом, подбирать такие тона красок, чтобы нашу историю не сделать в итоге черной, посмешищем для мирового сообщества.

– Владимир Иванович, как вы относитесь к заявлению нынешнего российского руководства о готовности России вступить в блок НАТО? – задал свой вопрос Вадим Андреевич.

– Отрицательно. Вступление России в военно-политический блок НАТО, где бал правят американцы, приведет к полной утрате нашей страной своего суверенитета. Мы уже из него многое растранижирили, существует опасность для нашей страны оказаться сырьевым придатком государств Запада и США.

– Но ведь в 1954 году Хрущев тоже обращался к НАТО с просьбой принять СССР в этот блок? – подала свой голос Наталья Гавриловна.

– Тогдашнее заявление советского руководства, сделанное в разгар «холодной войны», носило пропагандистский характер с целью разоблачения истинных намерений этого агрессивного блока.

– Владимир Иванович, я хочу вот о чем сказать, – включился в разговор Лебедев. – Внешняя политика суверенной России, которая только начинает формироваться, заведомо сознательно подстраивается под американские интересы. И в этом смысле она ничем не отличается от прозападной, предательской по отношению к нашей стране внешней политики Горбачева и его команды. Смотрите, какую активность развивает Президент США, чтобы Россию пристегнуть к американской внешнеполитической и экономической колеснице. Заявив в январе этого года о победе над СССР в «холодной войне», пообещав нынешнему российскому руководству предоставить миллиарды долларов для полного искоренения в рос-

сийском обществе социализма и утверждения в нем буржуазной демократии, он убаюкивает Ельцина в ходе частых взаимных встреч прелестями американского и западноевропейского потребительского общества и буржуазного образа жизни. И все это наш президент воспринимает с большим воодушевлением, которого американцы охмурили своей демократией еще во время его поездки в США в сентябре 1989 года. Это – с одной стороны. А с другой стороны, складывается впечатление, что нынешнему российскому руководству отношения с братскими республиками, оказавшимися после Беловежской пучи суверенными, – до фени. Скажите, разве такая явно антинациональная дипломатия достойна великой страны?

– Россия сегодня находится на перепутье, в весьма сложном положении, она растеряла своих внешних друзей и союзников, ее международный авторитет и влияние упали ниже некуда, – последовал ответ Шахова. – Ее внешняя политика и дипломатия только формируются с учетом складывающихся новых реалий в мире, и какими они будут – время покажет. Что касается наших отношений с США, то они были приоритетными и во времена СССР. Это диктовалось наличием огромных запасов ракетно-ядерных вооружений в обеих странах. Поэтому безопасность в мире, прежде всего, зависела от того, как складывались отношения между СССР и США, и от их договоренностей по вопросам сдерживания гонки вооружений и разоружения. В связи с распадом Советского Союза советское ядерное оружие осталось кроме России еще на территории трех ныне суверенных государств – Белоруссии, Казахстана и Украины. Это беспокоит американцев из-за возможной утраты надежного контроля за ядерным оружием. Поэтому решение данной проблемы они не видят без участия России как правопреемницы Советского Союза. Отсюда их повышенное внимание к Ельцину и российскому руководству. Ну, а наши отношения со странами Содружества предполагается строить на принципах международного права. Как заявил госсекретарь Бурбулис, по отношению к бывшим советским республикам Россия не должна действовать с «позиции силы». Они сами должны решать свои проблемы, в том числе строить свои отношения с Россией.

Владимир Иванович ответил еще на несколько вопросов и в заключение сказал: – Давайте не будем прогнозировать мрачное будущее нашей Родины. Хочу напомнить вам в этой связи слова известного российского государственного деятеля и дипломата, канцлера Александра Горчакова: «Россия сосредотачивается». Это было сказано им после поражения России в Крымской войне в 1853–1856 гг. (4). Да, всем нам потребуются сосредоточиться, пережить это тяжелое, унижительное для страны и всех нас время, осознать и исправить все случившееся по нашему недомыслию и сделать страну вновь великой.

После перерыва лекцию стал читать по основному курсу «Отечественной истории» молодой, малознакомый Вадиму Андреевичу преподаватель истфака университета. Аудитории он представился Иваном Алек-

сандровичем. Он назвал тему своей лекции, но почему-то не дал ее плана, а сразу приступил к рассказу о славянских племенах, их движении и расселении, родовом быте, нравах и обычаях, роде занятий, ведении ими войн. Говорил он довольно легко, но однотонно, не задерживаясь и не повторяя какие-то, может быть, важные положения. Вникая в излагаемое содержание лекции, Вадим Андреевич понял, что лектор в основном пользуется материалом «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, известного дореволюционного российского историка. Его капитальный труд по истории России был переиздан несколько лет тому назад, и все историки, начинающие и опытные, с большим интересом читали и перечитывали сочинения маститого историка (5). То же самое делал и Вадим Андреевич. Впервые он узнал об историке Соловьеве и что-то даже читал из его ранее опубликованных работ при поступлении в университет и будучи студентом исторического факультета. Но это было давно. Знания, в то время полученные в результате чтения отдельных работ Соловьева, были довольно поверхностными. Теперь же, внимательно читая том за томом «Историю России...» Соловьева, он, следуя за мыслью автора, более глубоко и убедительно воспринимал логику сложного процесса рождения, становления и развития великого евразийского государства, коим постепенно становилась Россия.

Свою лекцию Иван Александрович закончил читать за несколько минут до звонка на перерыв, рассчитывая, очевидно, на возможные вопросы от слушателей. Но их не последовало и скорее всего потому, что лектору не удалось установить контакт с аудиторией, заинтересовать и вовлечь слушателей в совместное обсуждение хотя бы некоторых вопросов, затронутых в лекции.

После занятий Вадим Андреевич решил заглянуть на кафедру, чтобы пообщаться с Назаркиным, восстановить с ним дружеские отношения, которые подпортила перебранка, случившаяся на состоявшейся после длительного перерыва встрече. Он застал его одного, сидящим за своим письменным столом и переговаривающим с кем-то по телефону. Лаборантки Аркадьевны не было. Закончив разговор, Назаркин, улыбаясь, обратился к Вадиму Андреевичу:

– Ну что, коллега, занятия закончились, какие впечатления от прослушанных лекций? – И не дожидаясь ответа, подал Вадиму Андреевичу список слушателей, перейдя на деловой тон: – Я отметил отсутствующих, троих не было по причинам, пока мне неизвестным. Тебе надо будет ежедневно отмечать отсутствующих на лекциях и семинарах.

– Хорошо, Николай Степанович. – Положив аккуратно список в свою папку, Вадим Андреевич продолжил. – Знаешь, Степаныч, я как-то чувствую себя не очень хорошо после нашей перепалки на последней встрече. Наверное, «Распутин» сильно подмигнул...

– Да, у меня тоже какой-то неприятный осадок остался от той нашей встречи. Серьезные вопросы надо обсуждать спокойно, на трезвую голову, а сегодня тем более, когда они касаются будущего страны. – Немного помолчав, Назаркин продолжил: – Я думаю, что нам придется кроме лекций провести несколько семинаров по особо злободневным вопросам. По моему, это важно для понимания складывающейся ситуации в стране!

– Согласен, – поддержал заведующего кафедрой Вадим Андреевич. – Хотя обсуждать тут особо нечего. – Выдержав небольшую паузу, задумчиво добавил: – Что тут обсуждать: под демократический шум полным ходом идет реставрация капитализма в стране, идет обманным путем, советский народ на это свое «добро» не давал.

Назаркин ничего не ответил. Вадим Андреевич, немного подождав, перевел разговор на другую тему:

– Слушай, Николай Степанович, в университете аспирантуру еще не закрыли?

– Как была, так и есть. Почему тебя она вдруг заинтересовала?

– У меня есть одна подопечная, умная дама, молодая, перспективный историк. В долгу я перед ней. Будучи завкафедрой, обещал ей аспирантуру, но так его и не выполнил. Не хочу оставаться должником, совесть не позволяет!

– Кто она тебе? Коллега, пассия или...?

– Давай без «или», она сейчас даже не коллега! Обидевшись, что поступили с ней несправедливо, отказав в аспирантуре, ушла из вуза и стала работать историком в школе. Вот я и хочу восстановить справедливость, снять у нее обиду на все и вся...

– В том числе и на тебя?

– Да.

– И что получишь в благодарность? – хитровато улыбнулся Назаркин.

– Совесть моя будет чиста.

– И все?

– И все.

– Андреич, ты в какое время живешь? В нашу жизнь властно вторглась демократия, идет раскрепощение человеческих отношений, в том числе между мужчиной и женщиной, а ты все никак не можешь освободиться от оков «морального кодекса строителей коммунизма».

– Моральный кодекс вовсе не ущемлял развитие отношений между мужчиной и женщиной, тем более если они строились на взаимном уважении и любви. И ты это прекрасно знаешь.

– Времена меняют людей. Напомню тебе древнюю мудрость: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis»⁴. Подумай об этом и посмотри, что про-

---

⁴ Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат.).

исходит сегодня в стране и вокруг нас. И убедишься, как наступившее новое время меняет советских людей, их идеалы, устремления и поведение.

– Что касается перемен в сознании и действиях советских лютей, то они происходят не от времени, которое мы переживаем, а, скорее, от безграмотной деятельности наших нынешних руководителей в наступающем новом времени, – парировал Вадим Андреевич.

– Не совсем так, хотя доля истины тут есть, – примирительно обронил Назаркин. – Однако вернемся к твоей протее. Я не прочь ей помочь, но вначале мне надо прозондировать на истфаке, какая у них в этом году ситуация с приемом в аспирантуру.

– Хорошо. Что мне хотелось еще сказать: да, понимание происходящих сегодня событий в стране у нас с тобой разное, но это не должно убивать наши дружеские отношения.

– Согласен. И все же нам надо находить взаимопонимание по самым острым вопросам нашей истории и современности.

Покидал кафедру Вадим Андреевич с чувством удовлетворенности от встречи и беседы с Назаркиным и первых прослушанных лекций в ИПК.

* * *

Разрядкой подавленного настроения, вызванного смертью матери, стало для Вадима Андреевича празднование дня рождения внука. Ему исполнилось три месяца. Ярослав и Наташа – счастливые родители – накрыли стол. Здесь были разные закуски: овощные салаты, нарезки полукопченной колбасы и соленой красной рыбы. На горячее, как объявила Наташа, будет картошка с мясом. Но самым неожиданным для Вадима Андреевича оказалась на столе продолговатая бутылка с надписью «Amaretto».

– Что за напиток? – спросил у Ярослава Вадим Андреевич, рассматривая разукрашенную непонятными словами бутылку.

– Это итальянский ликер, – ответил Ярослав и далее пояснил: – Он особенно нравится женщинам за его пахучий аромат миндального ореха.

– А разве нам – не подходит?! – шутя, бросил Вадим Андреевич.

– Но почему же, приятно пить, но он слабоват для мужчин. Нам лучше радовать душу «Распутиным».

– Да, стол у вас накрыт не бедно, откуда все взялось, – не выдержала Мария Григорьевна.

– Из комков, – удовлетворил интерес тещи Ярослав. – Обещал же Ельцин наполнить торговую сеть продуктами и товарами, вот она и наполняется.

– Остатками с европейского барского стола, – иронично заметил Вадим Андреевич.

– А это неважно, с какого стола, главное – было бы все на нашем столе, да больше и разнообразнее. И кошельки скорее бы наполнить...

– Что тоже обещал Президент, – скептически закончил мысль Ярослава Вадим Андреевич. – А обещанного, как гласит народная мудрость, го- дами ждут.

– Будем надеяться на лучшее, а пока поднимем рюмки за сына Алек- сандра! – провозгласил Ярослав.

После первых рюмок за столом начались непринужденные разговоры о малыше, пока тот, тихо посапывая, спал в своей кроватке. Больше всех внимание присутствующих занимала Наташа. Она рассказывала, как ро- жала и какую испытывала неизведанную ранее боль. Какие охватили ее волнение и радость, когда впервые увидела своего малютку; как младенец сначала начал сосать материнское молоко; как сразу после родов никак не могла подобрать удобное положение для кормежки малыша грудью и как нашла подходящий режим кормления ребенка.

– Такая доля женщины, – вздохнула Мария Григорьевна. – Как часто ты кормишь ребенка и хватает ли ему грудного молока?

– После родов кормила каждые два-четыре часа. Когда ребенок сыт – отпускает грудь и мирно спит два-три часа. Примерно такой режим пока сохраняется и сейчас.

– Чтобы хватало молока надо много пить, – стала советовать дочери Мария Григорьевна. – Но не более трех литров жидкости в сутки. Можно чай с молоком, минеральную воду. Надо обязательно есть свежие фрукты и овощи, чтобы получить достаточно витаминов. Вообще-то у кормящей матери должен быть свой рацион питания. Сейчас появились кое-какие продукты в магазинах, особенно в комках, рацион питания можно нала- дить и соблюдать, хотя, правда, в них цены кусаются.

– А что делать, придется все равно покупать кое-что, – сказала Ната- ша. – Хорошо, что Ярослав устроился работать в частную компанию, хоть какие-то денежки будет получать регулярно.

– Компания только организовалась, о каких-то приличных заработках приходится только пока мечтать, – подал свой голос Ярослав.

Дальнейший разговор прервал плач ребенка.

– Проснулся молодец-огурец! – радостно возвестил Ярослав.

Чтобы ребенок не расплакался, Наташа быстро подошла к кроватке и взяла завернутого в пеленки малыша. Тот сразу же смолк и своими глаза- ми-пуговками стал глазеть на окруживших его людей.

– Уже головку держит, нет-нет, да и улыбнется, – сказала счастливая Наташа и поцеловала ребенка в щечку. Малыш, молча рассматривавший незнакомых ему людей и готовый вот-вот расплакаться, вдруг, словно в знак благодарности от материнского прикосновения, растаял в подкупаю- щей улыбке.

– Вот это правильно, – не выдержал Вадим Андреевич. – Не слезы, а улыбка радует и подкупает людей, делает жизнь радостной и счастливой!

За тебя, родной и любимый внучек, за твое счастливое детство и радостное будущее!

Все дружно подняли свои рюмки. Мария Григорьевна, наспех закусив, свое поздравление выразила четверостишием:

На свет появился чудесный мальчонка –
Нет лучше, прекраснее в мире ребенка!
Пускай поскорее малыш подрастает,
Как этот подарок потратить, решает!

– Он не только решил, как потратить дедушкин и бабушкин подарок, но и успешно осваивает его – осваивает кровать! – объявил Ярослав и предложил выпить за практичный подарок.

Потом поздравили малютку-племянника Даша и младший брат Ярослава Алексей. Малышу преподнесли плюшевого медвежонка «Мишутку» и набор мягких игрушек.

Поздравления и пожелания продолжались до позднего вечера. «Каша» получилась на славу. Когда стали собираться домой, Мария Григорьевна вдруг спросила:

– Почему вы не назвали сына Андреем или Григорием, о чем мы мечтали с дедом Вадимом?

– А разве имя Александр не звучит! – воскликнул Ярослав. – Еще как! Александр Невский и сегодня у всех на слуху, а ведь сколько времени прошло после его славных побед? Более 700 лет!

– Хорошее имя дали внуку, – согласился Вадим Андреевич, – пусть великий предок ему служит в жизни путеводной звездой...

Уже дома, лежа в кровати с рядом быстро уснувшей женой, изрядно захмелевший Вадим Андреевич все еще мысленно прокручивал только что отмеченное радостное событие – три месяца со дня рождения внука. Все еще как-то ему не верилось, что он уже теперь дедушка и что с этого момента его положение становится иным, появляются другие заботы и ответственность за это милое чадо. У него самого не было дедушки. Вернее, он был, но его убила та жестокая война. Что осталось в памяти о нем у него, Вадима Андреевича, которому в то время не было и четырех лет? Почти ничего. А отец? Он умер слишком рано, не успев даже по-настоящему почувствовать и проявить свои отцовские чувства к появившемуся на белый свет сыночку. Да, был отчим, но он не очень баловал, хотя и не обижал его. Так и рос он, парнишка, без мужского воспитания и покровительства. И дожил до положения деда. И вот теперь он как родной дедушка обязан проявлять постоянные заботу и ласку по отношению к своим нынешнему и будущим внукам, чего, конечно же, в свое время сам не испытал.

Глава шестая

Вадим с нетерпением ждал то время, когда он, наконец, побывает в своей родной деревне Светлое Поле, которую покинул более пяти лет тому назад. Хотелось и себя показать, уже не того зеленого школьника, отправившегося после окончания девятого класса из родной белорусской деревушки в далекую Сибирь, а возмужавшего молодого человека; да и на односельчан посмотреть и, конечно же, пообщаться с друзьями детства и школы, если они не оставили, как и он, Светлое Поле; возможно, встретить ту незабываемую девятиклассницу, которая тогда его, тоже девятиклассника, пленила своей девичьей красотой, активностью, готовностью оказать помощь отстающим в учебе (сама она училась на «хорошо» и «отлично»). И вот это время наступило. Позади – успешно сданная экзаменационная сессия, предоставлен отпуск на работе, куплены проездные железнодорожные билеты до Минска.

С приподнятым настроением Вадим приехал домой, к родителям. Мать обрадовалась, узнав, что он вместе с Валерой едет в Белоруссию.

– Как бы мне хотелось вместе с вами побывать у своей вёсце, – вздохнула она. – Как там сейчас люди живут, поговорить с ними, походить по родным местам и по партизанским стежкам, побрать ягоды в лесу, они уже, наверно, поспели. – Мать на минутку смолкла, а потом с уверенностью добавила: – Коля будет рад вашему приезду. Я ему с вами пошлю свой гостинец.

Вадим по-братски относился к Николаю. Мать взяла его в свою семью в первый послевоенный год, когда ее сестра Настя вместе со своей дочкой Валею умерли от тифа, а муж Насти Павел не вернулся с фронта. Оставшегося без родителей мать взяла десятилетнего племянника в свою семью, хотя муж Михаил советовал отправить подростка в детдом или в школу ФЗО. Но мать настояла на своем. Так Коля стал членом семьи, а среди братьев – старшим братом. Он больше других братьев оказывал помощь матери в домашнем хозяйстве, а отчиму – в строительстве нового дома. А когда наступило время идти в армию, случилась беда: при испытании новой колхозной молотилки он невзначай засунул в барабан вместе с соломой свою правую руку. У него хватило сил выдернуть ее из молотилки. Рука повисла беспомощной плетью до земли. Находившиеся рядом мужики, бывалые партизаны, знали, что делать в таком случае: быстро поясным ремнем перетянули руку, остановили опасное для жизни кровотечение и тут же на полуторке отправили в районный центр с двумя сопровождающими. Там, в больнице, опытный партизанский врач Сырников быстро прооперировал пострадавшего: отнял выше локтя руку. Коля стал инвалидом. В армию его, конечно, не взяли. Настроение у него стало удручающим. Его, инвалида, покинула любимая подруга, на которой готов был

жениться даже до армии; отношения с отчимом тоже стали портиться; и главное – беспокоило то, какой работой можно будет ему заняться. Мать все больше переживала за судьбу девятнадцатилетнего хлопца-инвалида, как его приспособить к самостоятельной жизни. Подвернулся случай: объявили о возможности по вербовке переехать на постоянное местожительство в Сибирь, где бесплатно можно было получить избу, другие постройки, необходимые в домашнем хозяйстве, и даже корову в случае сдачи государству своей при переезде. Однако муж Михаил вначале не соглашался с затеей жены, считая эту задумку авантюрой, но все же, в конце концов, пришлось ему пойти на уступки. И уехали весной, оставив Коле дом, имевшиеся надворные постройки, теленка, десяток курей, – в общем, не богатое, но необходимое для начала самостоятельной жизни хозяйство. Оставалось только женить хлопца, но Николай справился с этим сам: после отъезда ставших ему родными людей женился не на красавице, но на понимающей его, заботливой женщине из соседней деревни Кромичи. А он, Вадим, оставшись в Светлом Поле до окончания девятого класса, от души повеселился на Колиной свадьбе, был искренне рад за него, что он стал семейным человеком.

Всю эту историю с Николаем Вадим хорошо знал, он одобрял материн поступок, хотя ей самой приходилось не очень сладко вдали от родной деревни. Но она при всех своих невзгодах не забывала Колю, чем могла ему помогала, пока тот не стал крепко на свои ноги – стал работать бригадиром в совхозе. И вот теперь, узнав, что Вадим с Валерой едут в Белоруссию, засуетилась со сбором подарка для Николая и его жены Марфы. Вадим с Валерой тоже занялись подготовкой в дорогу: один на двоих упаковали кое-какими самыми необходимыми своими вещами чемодан. Вадим предусмотрительно купил в Свердловске Коле наручные часы. Мать же настояла еще братьям взять в дорогу сумку с продуктами, которую она соберет к их отъезду.

Поздно вечером, когда сборы в дорогу завершились, за ужином мать перед сном наставляла сыновей, как им вести себя в дороге, в Светлом Поле, кого из родственников посетить и какие каждому из них передать ее скромные подарки.

* * *

Ощущение скорой предстоящей встречи с «родным кутом», вспыхнувшее в душе при покупке проездных железнодорожных билетов в Белоруссию, не покидало Вадима где бы он не находился и чем бы не занимался: дома у матери, коротая время в поезде «Свердловск – Москва», знакомясь с достопримечательностями Москвы до отправления поезда «Москва – Минск». А когда вечером, наконец, он с Валерой оказался в плацкартном вагоне поезда, отправившегося в столицу Белоруссии, ощущение это переросло в волнительное ожидание, которое долго не давало

уснуть. Лишь под самое утро на какой-то час-другой удалось сомкнуть глаза. Разбудил Валера:

– Вставай, мы в Минске!

Привокзальная площадь, куда братья вышли вместе с другими пассажирами, была еще малолюдной в это раннее июльское утро. Утренняя свежесть, приволье большой прямоугольной площади бодрили, окончательно удаляя ночную сонливость.

– Смотри, Вадь, какие красивые здания с башенками! – не удержался Валера, уставившись на здания, находившиеся напротив вокзала.

– Смотри не упади! – пошутил Вадим, тоже пристально рассматривая выразительный архитектурный ансамбль зданий, своей красотой завораживающих приезжих. На одной из башен виднелись часы, на другой просматривался герб БССР.

– Здесь падать-то негде, все так ровно, чисто, не за что цепляться, – откликнулся Валера, продолжая рассматривать привокзальные здания.

– Поторапливаемся, рядом с железнодорожным вокзалом – автовокзал, – заспешил Вадим. – Надо купить билеты на самый ранний утренний автобус, идущий рейсом до Бегомля или через Бегомль.

В зале ожидания автовокзала народу было немного, однако около касс все же теснилась очередь. Вадим простроился в одну из них, где было меньше людей. Очередь продвигалась довольно быстро, и вскоре в его руках оказались два билета на рейсовый автобус ЛАЗ-695 по маршруту «Минск – Витебск».

– А что до Бегомля не было рейса? – спросил Валера. – Уснем и проскочим нашу остановку, что будем тогда делать? Спыхватятся шоферы, да и высадят нас, как едущих зайцами, где-нибудь по пути в лесу? И что? На своих двоих будем топтать назад до Бегомля, а от Бегомля еще километров двадцать – до Светлого Поля! Ничего себе получится марш-бросок!

– Не расстраивайся, разбудят. А выйдем мы не в Бегомле, а раньше – на остановке «Углы». Рядом с таким названием находится деревня. А от нее до Светлого Поля – рукой подать. Зато покатаем в «Львовском», современном комфортабельном автобусе!

Валера успокоился. Уже в автобусе, когда тот катил по улицам утреннего Минска, вдруг спросил:

– Вадик, а сколько лет Минску?

– Точно не знаю. Но Минск – один из самых старейших городов нашей страны, сильно пострадавший в годы войны (1). Он успешно восстанавливается. Мы сейчас едем по проспекту Ленина, видишь, какие красивые здания построены.

Автобус, вырвавшись из города, быстро стал набирать скорость. За окнами его салона замелькали пролески, поселки, вскоре поплыл по обеим сторонам шоссе ровной стеной лес. Лишь изредка эту темную стену прорезали лучи поднимавшегося солнца, отчего в автобусе становилось необыч-

но светло. Дремавшие пассажиры начинали жмуриться, а потом – невольно улыбаться от ласково скользнувшего по их лицам солнечного лучика.

Наблюдая через окно салона за быстро бегущим навстречу и меняющимся пейзажем, Вадим испытывал неудержимую радость, радость от встречи с родными просторами. Валера, тоже молча уставившийся в окно салона скорее ради любопытства, а не из-за каких-то воспоминаний и переживаний, не отвлекал брата своими вопросами. Так они молча ехали до тех пор, пока автобус резко не притормозил, а один из шоферов не объявил:

– Вуглы, кому надо – выходите!

– Наша остановка, выходим, – слегка толкнул брата Вадим.

Быстро забрав свои вещи, братья покинули автобус. Когда автобус газанул и, обдав братьев на прощание легким дымком из выхлопной трубы, вскоре скрылся за поворотом, Валера спросил:

– Ну и куда теперь шлепаем?

– Переходим шоссе и вон по той дороге вперед и с песней! – уверенно, словно хорошо знающий здешние места, Вадим указал на лесную грунтовую дорогу, выходящую с противоположной стороны к шоссе. На самом же деле он сам впервые оказался на этой остановке у деревни Углы. Знал же об этой деревне по рассказам матери, которая в своей ранней молодости с мужем Андреем иногда бывала здесь на танцах. И вот теперь впервые он шел в эту деревню, когда-то счастливую для его матери и отца, где они, освободившись на время от работы и забот, испытывали на танцах чувство веселья и радости.

Утро уже было в самом разгаре, когда братья подошли и оказались в деревне Углы. Деревня проснулась и жила своей полнокровной жизнью. Из труб хат легкой змейкой струился дым, слышались лай собак, мычание коров, песенная переключка петухов, вдоль заборов улицы небольшими стайками бродили гуси, а где-то – куры. Вадим, несколько уже подзабывший идиллию деревенской жизни, воспринимал все это увиденное и услышанное через волнующую призму своего детства и юности. И с таким чувством он прошел всю деревню, лишь изредка отзываясь на какие-то незначительные реплики брата. За деревней, где улица сменилась лесной дорогой, Вадим объяснил брату:

– Вот прошли одну деревню, впереди еще две, а там – и наше Светлое Поле!

– Ничего себе, а говорил – рукой подать, – пробурчал с явным недовольством Валера.

– Что, устал? А знаешь, после поезда и автобуса пешком пройтись по лесной дороге – одно удовольствие. Здесь так легко дышится, прямо пьянешь от избытка кислорода! А пение птиц, жужжание пчел, шмелей, ос...

– И комаров, и других кровопийцев, от которых спасу нет, – съехидничал Валера и, сознавая, что ничего другого нет, кроме как идти пешком,

смирился: – Ладно уж, пойдем, пока тут нас мошкара не заела. К обеду, поди, добредем до Коли.

И братья довольно шустро пошагали по лесной дороге. Потребовалось менее часа ходьбы, чтобы дойти до своей деревни. Первыми их встретили Николай и Марфа.

– Ну, здоровы, братішкі, – Николай одной левой рукой обнял вначале Вадима, потом Валеру. Тут же бросилась обнимать братьев Марфа, приговаривая:

– А мы усе вочі праглядзелі, чакаючі вас. А вас усе няма і няма. Кажу Коле – поезьд на лошады, сустрець хлопцев. А ён гаворіць: куды ж я поеду. Яны ж телеграмму не далі, дзе іх нада спаткаць⁵.

– Соловья баснями не кормяць, ідемце у хату, – распорядился Николай.

– Давайце, давайце у хату, – поддержала Марфа мужа. – За столом паварым.

– О, дзядзкі пріехалі! – с радостным воплем выбежали с хаты двое детей и бросились навстречу родителям и гостям.

– Гэта хлопчык Віталія і дзучынка Галя, – представил своих детей Николай⁶.

Когда зашли в хату, первое что сделал Вадим – раскрыл дорожную сумку, достал из нее конфеты и печенье и угостил ими маленьких племянников. Те завизжали и запрыгали от радости.

– А што трэба сказаць? – шикнула Марфа на детей⁷.

– Дзякуй! – хором прозвенели Виталька и Галька, и потом еще раз повторили:

– Спасибо!

Пока братья приводили себя в порядок после дороги, Марфа тем временем накрыла стол.

– Ці выпіваць будзете? – спросила она Николая, находившегося рядом с братьями.

– Ну, а як-жа, за устрэчу трэба выпіць, – счастливо улыбаясь, ответил Николай и, подойдя к небольшому шкафчику, висевшему на стене рядом со столом, достал бутылку водки и выставил ее на стол. Этот шкафчик, искусно сделанный в свое время отчимом и им же закрепленный на стене, и как теперь мог убедиться Вадим, оставался на том же месте. Он служил своеобразным баром.

---

⁵ А мы все глаза проглядели, поджидая вас. А вас все нет и нет. Говорю Коле – поезжай на лошады, встречу ребят. А он говорит: куда ж я поеду. Они ж телеграмму не дали, где их надо встретить.

⁶ Это мальчик Виталий и девочка Галя, – представил своих детей Николай (в Светлом Поле, как и во многих других деревнях Восточной Белоруссии, наряду с белорусскими словами широко использовали русские слова в своеобразном местном произношении).

⁷ А что надо сказать? – шикнула Марфа на детей.

– Прашу усіх за стол! – скомандовал Николай. Посмотрев на своих детей, которые, прижавшись к матери, не знали, как им быть – садиться ли за стол в присутствии гостей или нет, Николай повторил для них свое приглашение: – А што для вас треба асабливае запрашенне? Хутка за стол!⁸

Николай, больше не теряя времени, наполнил водкой стопку Вадима, хотел налить то же самое в стопку Валеры, но тот, ее отодвинув, сказал, что пьет только газировку либо сок.

– Соку у нас няма, а есць напатак ягадны, ці будешь піць? – спросил Николай у Валеры, и, когда тот в знак согласия кивнул головой, Марфа принесла графин с напитком из черники. Николай тут же наполнил напитком Валерин стакан, а себе и Марфе – стопки водкой. Находясь все еще под впечатлением состоявшейся встречи с братьями (так Николай всегда считал их своими братьями) и теперь не отрывая от них своих глаз, громко произнес:

– Мы дужа рады, што вы, нарзшце, пріехалі к нам пагасціць! За сустрэчу!⁹

Когда по стопке-другой выпили, Николай стал расспрашивать о матери, почему они переехали на новое местожительство, и как там сейчас живет, как ее здоровье, и собирается ли она навестить родную деревню, здесь погостить; как младшие братья учатся.

Марфа больше наблюдала за братьями, как и что они едят и что им надо еще подать из съестного. Стол же был накрыт неплохо: в тарелках лежали свежие и малосольные огурцы, нарезанные ломтиками деревенский шпик, жареные в сале ячки. Не дожидаясь, пока выложенное на стол съестное будет поглощено, Марфа достала из печки чугунок с картошкой, тушеной с мясом, и все это разложила на новые чистые тарелки.

Улучив момент, Вадим раздал подарки: Николаю вручил карманные часы с цепочкой, Марфе – шерстяной платок, Витале – модную рубашку, а Гале – такое же модное платьице. Пока домочадцы рассматривали и примеряли полученные подарки, в хату неожиданно вошел Василь:

– С приездом, братишки! – приветствовал он Вадима и Валеру. – Рад нашей встрече!

Вадим никак не думал и не ждал встречи с Василем – двоюродным братом, лучшим другом детства и подростковой юности, с которым столько было много забавных игр и приключений. Чего только стоила его, Василя и еще Виктора романтическая попытка отыскать в Рутковщине – заболоченном лесном массиве – таинственный островок с возможным кладом пана Рутковского, которая чуть не завершилась для него, Вадима, гибелью. Благо не растерялись Василь и Виктор, спасли его. И вот эта встреча, которую он никак не ожидал. Увидев Василя, Вадим от неожиданности

---

⁸ А что вас надо особо приглашать? Быстро за стол!

⁹ Мы очень рады, что вы, наконец, приехали к нам погостить. За встречу!

буквально опешил: ведь его заранее никто не предупредил, что Василь тоже придет в Светлое Поле из Казахстана на побывку домой, к матери. После секундного замешательства Вадим сорвался со своего места и, оказавшись рядом с Василем, крепко обнял его. Тот, испытывая те же чувства, ответил взаимностью.

– А дзе жонка? – не удержался Николай. – Ідзі за жонкай і маткой і хутчэй! Мы вас будзем чакаць¹⁰.

Василь, перекинувшись несколькими словами с Вадимом, ушел. Ждать пришлось недолго. Зайдя в хату с женой, он тут же ее представил:

– Галя. Матка скоро придет.

Авдотья – мать Василя – действительно пришла следом, принеся с собой в большой миске огурцы и покрасневшие помидоры.

– Кепска спеюць¹¹, – сказала она о помидорах, передавая Марфе принесенные овощи.

Тем временем Николай достал из своего бара еще бутылку водки и бутылку вина. Только он собрался наполнить очередной раз стопки, как вдруг его остановила жена:

– Коля, хто-то ящэ к нам ідзе!¹²

– Напэуна, Дяніс¹³.

И в самом деле, в хату вошел Денис. Ему уже было за семьдесят, но держался еще бодрячком, и это было видно по тому, как он довольно легко переступил порог хаты и направился к столу. Вадим, увидев Дениса, порадовался за него, за то, что он, несмотря на свои годы и беды (его жена Тэжля, как ему сообщил в письме Николай, умерла прошлым летом, а дети еще раньше разъехались по всей стране кто куда, и он остался в своей хате один), хотя и сдал, поседел, но все же выглядел не какой-то развалиной, а вполне дееспособным человеком.

Остановившись у стола, Денис внимательным взором окинул сидящих за столом, а потом, как бы оправдывая свой неожиданный визит, неторопливо произнес:

– Прышоу на хлопцау паглядзець, якія яны сталі, ці можна іх цяпер прызнаць¹⁴.

– Калі ж прышоу, дык сядай за стол, свой чалавек, – встретил Николай Дениса. – А каб пазнаць, трэба спачатку выпіць!¹⁵

---

¹⁰ А где жена? – не удержался Николай. Иди за женой и матерью и быстрее! Мы будем ждать.

¹¹ Плохо созревают.

¹² Коля, кто-то еще к нам идет?

¹³ Наверное, Денис.

¹⁴ Пришел на хлопцев посмотреть, какие они стали, можно ли теперь их узнать.

¹⁵ Если пришел, так садись за стол, свой человек, – встретил Николай Дениса. – А чтоб признать, надо сначала выпить.

Денис не спеша сел на подвинутую Марфой к столу табуретку, а Николай тут же налил в рюмку «Зубровки», подвинул ее Денису. Тот, взяв рюмку, признался:

– Зыбыу, калі такую гарэлку піу, хачу спачатку пакаштаваць¹⁶.

– Пакаштуй, Наумовіч, пакаштуй, а каб твой смак узноу хутчэй вярнууся, я крыху павясялю цябе¹⁷, – и Николай, кашлянув скорее для порядка, чем вынуждено, вдруг запел:

Самагоначку не пью
толькі пакаштую.

А дзе добра угасцяць
там і заначую.

Пока безголосый Николай напевал шуточную частушку, Денис, чуть попробовав, не удержался и в раз проглотил все содержимое в стопке.

– Спадабалася цябе «Зуброука», ці не?¹⁸ – спросил Николай.

– Укусная, напэуна, такую водку пьюць толькі начальнікі¹⁹, – отозвался Денис.

– Чаму ж толькі начальнікі, – вмешалась в разговор Марфа – Вон мая сястра Марыя, жівущая в Мінске, таксама мяне угацала «Зуброукай». Ее муж працуе на заводзе рабочым, і купляець к святу ці «Зуброуку», ці другую водку в магазіне²⁰.

Вадим внимательно вслушивался в происходящий разговор за столом. Вначале он не все улавливал в разговоре из-за употребляемых белорусских слов, которые уже подзабыл. Однако вскоре как-то незаметно к нему из глубины памяти вернулся родной белорусский язык, впитанный им с первым плачем при рождении и грудным материнским молоком, а потом усвоенный в беззаботном детстве и школе. И он стал легко воспринимать все, о чем говорили Николай, Марфа, тетя Авдотья, дядя Денис. Василь с Галей и Валера больше молчали. Говорили обо всем, переходя с одной темы на другую. Денис, порядочно захмелевший после нескольких рюмок «Зубровки», вдруг обратился к Вадиму:

– Вадзім, хачу у цябе спытаць: як там, на Урале і у Свядлоўску, людзі жывуць? Як будуюць камунізм? Ці лепей жыцце пачалося?²¹

---

¹⁶ Забыл, когда такую водку пил, хочу сначала попробовать.

¹⁷ Попробуй, Наумович, попробуй, а чтобы твой вкус вновь быстрее вернулся, я немного повесело тебя.

¹⁸ Понравилась тебе «Зубровка» или нет?

¹⁹ Вкусная, наверное, такую водку пьют только начальники.

²⁰ Почему только начальники, – вмешалась в разговор Марфа. – Вон, моя сестра Мария, живущая в Минске, также меня угощала «Зубровкой». Ее муж работает на заводе рабочим и покупает к празднику «Зубровку» или другую водку в магазине.

²¹ Вадим, хочу у тебя спросить: как там, на Урале и Свердловске, люди живут? Как строят коммунизм? Лучше ли началась жизнь?

– Дядька Денис, как только мы с Валерой зашли в родную деревню, то первое, что увидели – это столбы с натянутыми электропроводами; поняли – наше Светлое Поле в результате стало намного светлей. В хате, видите, висят электрические лампочки вместо керосиновых ламп. И еще, что бросилось в глаза: соломенные крыши хат перекрыты прочной древесной треской; появились новые красивые заборы; шумят сады. Чем зажиточнее и по совети люди будут жить, чем меньше они будут себе и другим гадить, тем больше будет коммунизма. Ну, а у нас, в Свердловске, исправно работают заводы и фабрики, на которых трудятся тысячи рабочих, инженеров и техников, строятся новые дома и новоселье становится обычным явлением. Но не все так гладко идет. В последнее время в магазинах города участились перебои с хлебом, хотя совсем недавно в заводской столовой он был вообще бесплатный. Почему это происходит? Объясняют: временные трудности.

– Добра ж было бы, каб гэта усе, як пішуць і кажуць, сбывлося, – вздохнул Денис. – Але ж трэба не гультаваць, а дужа працаваць, каб лепшае жіцце збудаваць²².

– Будзе пстаянна на стале бульбіна, скварка ды ящэ хлеба акраец і чарка – вот цябе и уся казка пра лепшае жіцце, – высказалась Авдотья. – Ды ящэ, каб дзеці бацькоу не забывалі²³.

– Каб браты братов таксма не забывалі ды устрачалісь часцей²⁴, – добавил Николай, поднимая стопку.

Лишь к вечеру закончилось встреча-застолье. Вадим, Василь, Галя, Авдотья и Денис дружно покинули хату и вышли на улицу. Следом за ними последовали Валера, Николай и Марфа. Авдотья сразу же направилась к себе домой. Денис же, подавая руку Вадиму, вдруг спросил:

– Як там матка жыве? – И, не дожидаясь ответа, признался: – Прыгожая яна была, жаніцца на ей сабіраўся, але Андрей, твой бацька, першым пазваў яе замуж²⁵.

После этих слов Денис, молча пожав руку Вадиму, медленно пошел домой.

Проводив взглядом удалявшегося Дениса, Вадим повернулся к стоявшим рядом Николаю, Марфе, Валере, Василю и Гале:

– Мы, пожалуй, прогуляемся с Василем и Галей по нашей родной улице, подышим пьянящим воздухом детства.

---

²² Хорошо было бы, если это все, как пишут и говорят, сбывлось, – вздохнул Денис. – Но ж надо не лениться, а хорошо работать, чтоб лучшую жизнь построить.

²³ Будет постоянно на столе картошка, сала да еще хлеба краюшка и рюмка – вот тебе и весь сказ о лучшей жизни, – высказалась Авдотья. – Да еще чтобы дети родителей не забывали.

²⁴ Чтобы братья братьев не забывали да чаще встречались.

²⁵ Как там мать живет? – И, не дожидаясь ответа, признался: – Красивая она была, жениться на ней собирался, но Андрей, твой отец, первым позвал ее замуж.

– Падышыце, калі жаданне есць, а Валерка хай дома адпачне, напэуна, здарожыся. А сваіх сяброў пабачіць заўтра²⁶, – рассудіў Ніколай.

– Да, я остануся дома, – сагласіўся Валера і тут же спытаў у брата: – А калі ж пойдем іскаць у Рутковскім болотэ тот загадочны островок, о котаром ты мне не раз раскажывал?

– Возможно, завтра, как договоримся с Василем, – ответил Вадим.

* * *

Жаркий июльский день постепенно сдавал свои позиции теплому летнему вечеру. Солнце, хотя и приближалось к своему закату, но по-прежнему его косые лучи неумолимо несли еще много тепла. Лишь легкий ветерок, который то и дело прогуливался по нагретому до предела днем воздуху, освежал его, медленно гасил летний зной.

Вадим шел вместе с Василем и Галей по узкой, до боли родной улице и все еще не верил, что это та самая улица его детства и что рядом с ним по ней идет лучший друг детства Василь. По этой улице с ним часто бегали наперегонки или играли в лапту. Бывали случаи, когда ему иногда приходилось на этой улице драться с Василем, да и другими деревенскими ребятами. И вот теперь он наяву шел по родной улице, радуясь этому.

Немного затянувшееся молчание первым нарушил Вадим:

– Слушай, Василь, ты наверно слышал просьбу Валеры побывать на островке в Рутковском болоте, на который тогда нам не удалось попасть?

– И тебя чуть там не угробили, – отозвался Василь.

– Об этой вашей мальчишеской затее мне рассказывал Вася, – улыбнулась Галя и продолжила: – На самом деле, почему нам не побывать на затерянном среди белорусских болот островке и раскрыть его тайну?

Она вопросительно посмотрела на Вадима. И он только теперь обратил внимание на жену Василя и отметил для себя, что она не просто привлекательная, а красивая брюнетка.

– Слушай, Василь, а почему ты со своей женой не познакомишь? – Своим неожиданным вопросом Вадим поставил друга в неловкое положение и тот с ходу не знал, как лучше ответить. На помощь пришла жена.

– Пока Вася собирается меня знакомить, я сама представляюсь, – рассмеялась Галя. – Родилась на Урале, в славном городе Березники, окончила Пермский фарминститут и после него махнула с подругами по комсомольским путевкам в Казахстан осваивать целину. На трактор не посадили, приговорили быть фельдшером. Ну, а Вася пахал на тракторе, вот он меня и подцепил.

---

²⁶ Подышите, если есть желание. А Валерка пусть дома отдохнет, наверное, устал с дороги. А своих друзей увидит завтра.

– Все правильно, – обняв жену, подтвердил Василь. – А живем мы теперь в селе Имантово, что в Кокчетавской области, ждем в семье пополнение, приглашаем тебя на крестины.

– Да, Вадим, приезжай к нам на время отпуска. Мы будем только рады этому. Хорошо у нас погостишь и отдохнешь, – поддержала мужа Галина.

– А может, махнешь к нам встречать Новый год, не дожидаясь очередного отпуска? – подхватил Василь. – Вот это было бы здорово!

– Неплохо, конечно, в новогоднюю ночь вместе погулять, но посмотрим, удастся ли с работой как-то уладить, оторваться на несколько дней от завода, – отозвался Вадим.

За разговором они не заметили, как идя, поравнялись с хатой Дениса, которая увенчивала улицу деревни. Сам старик задумчиво сидел на скамейке, находившейся рядом с калиткой.

– Что, дядька, не спится, решил подышать? – остановившись, потревожил Дениса Вадим.

– Які сон, – оживился старик при виде стоящих рядом молодых людей. – Вон, яка добрая пагода, ды і спаць ящэ рана. – И тут же спросил: – А вы, гуляеце ці куды ідзе?²⁷

– Отдыхаем, дядька, вот и прогуливаемся, – ответил Вадим. – Собираемся дойти до Домка. – Не удержался и поинтересовался:

– Дядька Денис, а вы что-нибудь знаете о нем, об этом месте? Что там за холмик, почему его называют Домком и есть ли какая связь между ним и небольшим клочком суши в Рутковском болоте?

Пытливость Вадима застала старика врасплох. Поэтому он не сразу ответил на вопрос и вместо ответа предложил всем присесть рядом с ним на скамью.

– Ты пытаешь, ці ведаю я штосьці аб гэтым Дамке і сувязі меж Дамком і выспай у Руткоускам балоце? – задумчиво переспросил Денис и после небольшой паузы добавил: – Нешта знау, але пачынаю забываць. Вот твая, Вадзім, бабуля Крыстіна аб гэтым болей ведала і помніла²⁸.

Достав из кармана кисет с самосадом и закурив, Денис повел свой рассказ:

– Цяперь Дамок – гэта не вялікая, заросшая травой і хмызняком, гара ад фундамента калісьці быўшай тут хаты. Яе спалілі, калі была польская

---

²⁷ Какой сон, – оживился старик при виде стоящих молодых людей. – Вон, какая добрая погода, да и спать еще рано. – И тут же спросил: – А вы гуляете или куда-то идете?

²⁸ Ты спрашиваешь, знаю ли я что-то об этом Домке и связи между Домком и песчаной горкой в Рутковском болоте? – задумчиво переспросил Денис и после небольшой паузы добавил: – Что-то знал, но начинаю забывать. Вот об этом, Вадим, твоя бабуля больше знала и помнила.

вайна (2) Гаспадар хаты пан Скуратовіч уцек у Польшу. Быў слых, што ен і падпаліў свой будынак²⁹.

– Дядька Денис, а мне бабуля расказывала, што на месце Домка быў маёнток – поместье богатаго і жестокаго пана Адама Рутковскаго. Он вел разгульную жизнь. Во время одной из вечеринок, когда совсем стемнело, кто-то поджег конюшню. Пламя от нее быстро перекинулось на другие придворные строения и на красивый кирпичный дом. Не все пьяные гости могли спастись, и кто-то из них сгорел. Сам Рутковский уцелел и скрылся под покровом ночи и, якобы, перебрался на болотный островок, на котором заранее подготовил для себя убежище. Больше о нем ничего не было слышно. Вот так мне поведала бабуля.

– Яно так і ня гэдак. Мабыць, бабуля не усе цябе апавядала, ці не усе сама ведала. Сапрауды, маентак пана Руткоускага спалілі, але спалілі у рэвалюцыю дзевяцьсот пятага году. Тады народ збунтаваўся супраць цара, і у нашым павеце селяне таксама павялі барацьбу супроць паноу – прыгнятальнікоу: знічалі панскія пасевы, самавольна сяклі, ці палілі іх лес, дзесьці палілі і іх памесце. Маентак пана Руткоускага спалілі нашы жыхары. Аб гэтым мне казаў дзядька Яхім. Ен сам удельнічал пры падпальванні. Яму тады было болей трыдціці гадоу. Яхім жа і забіў самога Руткоускага: дагнаў у лесе і забіў, а яго цела потым кінуў у балота. Тады аб гэтым ен апавядаў мне толькі аднаму: баяўся каб не арыштавалі і не пасадзілі. Пасля рэвалюцыі многіх яе удзельнікаў арыштоўвалі, судзілі і каралі смерцю³⁰.

Денис смолк. Сделав несколько затыжек, он бросил на землю догравший окурок и притоптал его ногой. Прошло еще несколько минут, пока старик собрался с мыслями и продолжил свой рассказ.

– Калі загінуў Руткоўскі, неўзабаве нечакана тут, у нас, паявіўся пан Скуратовіч. Сваяк ен быў Руткоўскаму, ці не – няведама і цяпер. У Шцілінцовічах, суседняй весце, ен збудаваў сабе добры кірпічны дом на пагорке, каля сажалкі³¹.

---

²⁹ Теперь Домок – это невеликая, заросшая травой и кустарником гора от фундамента когда-то бывшей здесь хаты. Ее сожгли во время польской войны. Хозяин хаты пан Скуратович бежал в Польшу. Был слух, что он и поджег свое строение.

³⁰ Оно так и не этак. Может быть, бабуля не все тебе рассказала или не все сама знала. Действительно, маентак пана Рутковскаго сожгли, но сожгли в революцию девятьсот пятого года. Тогда народ взбунтовался против царя. И в нашем уезде крестьяне также повели борьбу против панов-угнетателей: уничтожали панские посева, самовольно рубили или жгли их лес, а где-то жгли и их поместья. Маентак пана Рутковскаго сожгли наши жители. Об этом мне говорил дядька Ефим. Он сам участвовал при поджоге. Ему тогда было больше тридцати лет. Ефим же и убил самого Рутковскаго: догнал в лесу и убил, а его тело потом бросил в болото. Тогда об этом он рассказал мне только одному: боялся, чтоб не арестовали и не посадили. После революции многих ее участников арестовывали, судили и казнили.

³¹ Когда погиб Рутковский, вскоре неожиданно здесь, у нас, объявился Скуратович. Родственник он был Рутковскому или нет – неизвестно и теперь. В Штилиновцах, соседней деревне, он построил себе добрый кирпичный дом на пригорке возле пруда.

– А кто в этом доме жил? Большая семья была у Скуратовича? – поинтересовалась Галя.

– У гэтым доме жыу Скуратовіч з сваей жонкай. У іх было двое дзяцей і яшчэ прыслуга. А вось на месце маёнтка пана Руткоўскага дзядзка Яхім і мой бацька Наум збудавалі хату з лепшага дрэва, гаспадаром якой быу таксама Скуратовіч. У хаце жыу Пархвен з сваёй жонкай Агатай. Дзяцей у іх не было³².

– Что, они совсем старые были? – не выдержал Вадим.

– Ды нет. Прауда, Пархвен быу ужо у гадах, а яго кабета была зусім маладая і прывабная. Нашым вясковым хлопцам яна вельмі падабалася. А мой бацька, як казала матка, яе любіу і яны часам сустракаліся. Але бацьку яна блізка к сабе не подпушчала. Казала: боюся пана Скуратовіча³³.

– Почему! – удивился Вадим. – Ведь Агата была женой Парфена, и она должна была бояться Парфена за свою измену, а не Скуратовича.

– Яны працавалі у пана Скуратовіча. Агата прыслужнічала у панскім доме, а Пархвен панскі лес вартавау, і выконьвау усякія другія даручэння пана³⁴.

Денис опять смолк. Достал кисет с самосадом и вновь закурил.

– А что же дальше было? – нарушил Вадим затянувшееся молчание старика. – Почему Скуратович сжег эту свою хату?

– Ты пытаеш, што было далей? – заговорил Денис. – А далей вось што здарылася. Аб гэтым я узнау у дзядзкі Яхіма, а яго тады сказау хварэуші мой бацька. Бацьку захателася устрэціцца з Агатай. Ен падашоу к іх хаце вячэрнім змярканнем. Спыніўся каля плота супраць вакна. И што ен убачыу праз не зусім засланенныя занавескі вакна: Скуратовіч и Агата мілююцца. Але далей не даглядзеу: к хаце падхадзіу Пархвен. Бацька схаваўся за плотам. Патым ен пачу крык, плач і шум у хаце, але раптоуна усе затихла. Затым ен убачыу, як Скуратовіч вынес з хаты забітага Пархвена и зацягну яго у хлеу. Хутка адтуль вышау, выгнау з хлева карову, а з канюшні – двух каней, зноу вярнуся у хату, вывеу адтуль Агату, якая плакала и павеу яе таксама у хлев³⁵.

---

³² В этом доме жил Скуратович со своей женой. У них было двое детей и еще прислуга. А вот на месте маентка Рутковского дядька Ефим и мой отец Наум построили добрую хату из лучшего дерева, хозяином которой был также Скуратович. В этой хате жил Парфен со своей женой Агатай. Детей у них не было.

³³ Да нет. Правда, Парфен был уже в годах, а его жена была совсем молодая и привлекательная. Нашим деревенским парням она очень нравилась. А мой отец, как рассказывала мать, ее любил, и они иногда встречались. Но отца она к себе близко не подпускала. Говорила: боюсь пана Скуратовича.

³⁴ Они работали у пана Скуратовича. Агата прислуживала в панском доме, а Парфен стерег панский лес и выполнял всякие другие поручения пана.

³⁵ Ты спрашиваешь, что было дальше? – заговорил Денис. – А дальше вот что случилось. Об этом я узнал от дядьки Ефима, а ему тогда рассказал болевший мой отец. Отцу захотелось встретиться с Агатай. Он подошел к их хате вечерними сумерками. Остановился около

Денис тяжело вздохнул. По всему было видно, что воспоминание о прошлом, да еще связанное с отцом, ему давалось непросто.

– Бацька зразумеу, што пан збіраецца забіць і Агату, – не торопясь, как бы подбирая нужные слова, глухим изношенным голосом продолжил старик. – И ее кінууся на пана, каб ратаваць Агату. Але Скуратовіч устаюя і яны, счাপіушісь, сталі біцца, Бацька упау на зямлю и пан чуць не забіу яго ляжаушага. Ачнууся, калі людзі, прыбегшыя на пажар, адцягнулі яго ад гарэушых будынкау. Пасля біцца бацька праз нескількіх тыдняу памер. Пэуна, Скуратовіч адбіу яму усе вантробы³⁶.

– А где же была местная власть, куда она смотрела! – возмутилась Галя. – Помещик убил трех человек, сжег избу и надворные постройки, и ему хоть бы что, все сходило с рук!

– В самом деле, почему местная власть допустила такое беззаконие, не поставила этого помещика-убийцу к стенке? – вторил жене Василь.

– Якая улада! – воскликнул Денис. – То немцы, то палякі сваю уладу учынялі, а нам, мясцовым жыхарам, трэба было цярпець. А хто супраць быу – тому пулю у лоб або другое пакаранне. Пагэтаму Скуратовіч, як іх чалавек, нікага не баяуся и рабіу, што хацеу. А калі прышла Савецкая улада, Скуратовіч с жонкай і прыслугай уцек за кардон, у Польшу³⁷.

– И больше о нем ничего не была слышно? – спросил Вадим.

– Як жа! У першыя дні Айчынай вайны разам з немцамі у Шілінцовичы заявіуся сын Скуратовіча. У пуштаваушым бацькаускаім доме ен сыг-рау свае вяселле. Нявестку привез з сабой, мусіць, таксама з Полщі. На вяселлі спявалі по-пальскэму «Сто лят...». Хацеу прымусіць мясцовых жыхаруау плаціць яму падатак. А ящэ ен сабіруся шукаць у Руткоушціне скарб Руткоускага. Але спужауся партызан, якія давалі а сабе ведаць. И

забора против окна. И что он увидел через не совсем зашторенное окно: Скуратович и Агата обнимаются и целуются. Но дальше не досмотрел: к хате подходил Парфен. Отец спрятался за забором. Потом он услышал крик, плач и шум в хате, но неожиданно все стихло. Затем он увидел, как Скуратович вынес из хаты убитого Парфена и затащил его в хлев. Быстро оттуда вышел, выгнал корову из хлева, а из конюшни – двух лошадей, вновь вернулся в хату, вывел оттуда плачущую Агату и повел ее также в хлев.

³⁶ Отец понял, что пан собирается убить и Агату, – не торопясь, с трудом подбирая нужные слова, глухим изношенным голосом продолжил старик. – И он бросился на пана, чтоб спасти Агату. Но Скуратович устоял, и они, сцепившись, стали драться. Отец упал на землю и пан чуть не убил его лежащего. Пришел в себя, когда люди, прибегшие на пожар, оттащили его от горевших строений. После драки отец через несколько недель умер. Похоже, Скуратович отбил ему все внутренности.

³⁷ Какая власть! – воскликнул Денис. – То немцы, то поляки свою власть устраивали, а нам, местным жителям, приходилось терпеть. А кто против был – тому пулю в лоб или другое наказание. Поэтому Скуратович, как их человек, никого не боялся и делал что хотел. А когда пришла советская власть, Скуратович с женой и прислугой сбежал за границу, в Польшу.

сынок-панок непрыкметна знік разам з жонкай, а куды – адзін божа ведау³⁸.

– Выходит, какая-то связь между Рутковским и Скуратовичем все же была, если сын Скуратовича намеревался заняться поисками клада Рутковского, – рассудительно произнес Вадим, – ведь кто-то же ему рассказал о спрятанных в Рутковщине ценностях пана Рутковского. И, возможно, даже не на островке, а в другом месте лесной глуши. Дядька Денис, а вы были на загадочном островке в болоте? – обратился Вадим к старику.

– На выспе мне не прышлося быць. Дзядзка Яхім сабіраўся мяня звадзіць туды, але не звадзіў. Сам ен разам з Сабастеям, тваім, Вадзім, дзедом там быў. Што яны бачылі на выспе – не казалі³⁹.

– Почему? Разве на болотном островке было нечто такое, о чем нельзя было в то время распространяться? – Галя уставилась на Дениса, ожидая от него ответа на свой вопрос. Но старик промолчал, а потом вдруг промолвил:

– Ужо сцямнела, пара спаць.

– Дядька Денис, мы собираемся завтра пойти и найти этот островок, хотим разгадать его тайны, – поспешил сообщить старику Вадим, пока тот не ушел домой. – Вы не смогли бы нас туда проводить?

– Стары я, каб далека хадзіць, ды ногі баляць, – обронил Денис. – Ды і дзе шукаць цяпер гэты востраў. Яго у вайну нямецкія самалеты разбамбілі⁴⁰.

Уходя домой, Денис вместо прощания сказал:

– Вы маладыя, здаровыя, шукайце! Ма быць, і нйдзёце што там⁴¹.

Когда за стариком захлопнулась калитка и он скрылся в своем уже затемневшем дворе, Вадим предложил все же дойти до Домка. На что Василь с явным нежеланием ответил:

– Темно, что мы там сейчас увидим. Лучше завтра сходим на Домок, все там обойдем и рассмотрим.

И в самом деле, что можно было разглядеть и почувствовать, находясь на этой довольно загадочной горке в наступающей ночи? Конечно же, лучше побывать на Домке днем, – согласились с Василем Вадим и Галя. И,

---

³⁸ Как же! В первые дни Отечественной войны вместе с немцами в Шилиндовичи прибыл сын Скуратовича. В пустовавшем отцовском доме он сыграл свою свадьбу. Невесту привез с собой, видимо, также из Польши. На свадьбе пели по-польски «Сто лет...». Хотел принудить местных жителей платить ему налог. А еще он собирался искать в Рутковщине клад Рутковского. Но испугался партизан, которые о себе давали знать. И сынок-панок неприметно исчез вместе с женой, а куда – один бог знал.

³⁹ На островке мне не пришлось быть. Дядька Ефим собирался меня сводить туда, но не сводил. Сам он вместе с Совостеем, твоим, Вадим, дедом, там был. Что они видели на островке – не говорили.

⁴⁰ Старый я, чтобы далеко ходить, – обронил Денис. – Да и где искать теперь этот остров. Его в войну немецкие самолеты разбомбили.

⁴¹ Вы – молодые, здоровые, ищите! Может быть, и найдете что там.

не раздумывая, единогласно решили еще немного вместе побродить по ночной родной деревне.

* * *

Утром, позавтракав, Вадим и Валера стали собираться на поиски загадочного островка в болотисто-лесном массиве Рутковщины. Марфа посоветовала надеть тому и другому резиновые сапоги – там ведь болота, грязь и вода. Николай перед уходом братьев высказал свое сомнение, стоит ли идти в Рутковщину и тратить зря время:

– Дзяніс спробаваў знайсці гыты вострау, хацеу там пашукаць скарб Руткоускага, але так нічога не знайшоу. Дамоу прышоу чуць жывы. Яго так пакусала машкара, што жонка, калі ен зайшоу у хату, не зразу яго пазнала. Пасля гэтага здарэння нашы мужікі і бабы жартавалі: Дзяніс пазыч панскага золата⁴².

– А что, в самом деле, в Рутковщине где-то спрятано панское золото? – поинтересовался Вадим.

– А хто яго ведае. Дзянісу яшчэ да вайны, напэўна, Яхім сказаў, што быццам на выспе захован скарб пана Руткоускага, у якім трымаліся царскія грошы і нават залатыя царскія манеты. Вось ен і пашоў шукаць гэты скарб...⁴³

– Выходит, что клад не нашел, зато мошкарку накормил, – иронически заметил Вадим.

– Вось і вы схадзіце і пакарміце машкару, ды яшчэ вужак патурбавайце; глядзіце, каб вужака каго з вас не укусіла⁴⁴, – с долей юмора предостерег Николай.

– А что, много змей в Рутковщине водится? – с явным беспокойством спросил Валера.

– А хто там іх щцітаў, в балоце іх зауседы можна сустрэць⁴⁵, – ответил Николай.

– Вадим, может нам и в самом деле не ходить в Рутковщину, – обратился Валера к брату. – Ничего мы там не найдем, кроме мошкарки да змей.

– Но ведь сколько раз ты меня просил поискать загадочный островок в болоте, прямо грезил об этом, а сейчас, как говорится, в кусты: испугался мошкарки и змей, – упрекнул Вадим Валеру. – Нет, братишка, мы пойдем в

---

⁴² Денис пробовал найти этот остров, хотел там поискать клад Рутковского, но ничего не нашел. Домой пришел еле живой. Его так укусила мошкарка, что жена, когда он зашел в хату, не сразу его узнала. После этого случая наши мужики и бабы шутили: Денис, займи панского золотика.

⁴³ Кто его знает. Денису еще до войны, наверное, Ефим сказал, что будто бы на островке спрятан клад пана Рутковского, в котором хранились царские деньги и даже золотые царские монеты. Вот он и пошел искать этот клад...

⁴⁴ Вот и вы сходите и покормите мошкарку, да еще змей побеспокойте; смотрите, чтоб змея кого-то из вас не укусила.

⁴⁵ А кто там их считал, в болоте всегда их можно встретить.

Рутковщину, если даже с неба камни посыплются! Иначе потом мы этого себе не простим!

– Не пазніціся, к вечару абяцаюць навалыніцу⁴⁶, – предупредила Марфа братьев, покидающих хату.

На улице Вадиму и Валеру поджидали Василь с Галей.

– Что так долго собираетесь, – встретил Василь братьев. – Вон где уже солнце, начинает припекать, а вы все там возитесь!

– От Николая наставления получали, вот и задержались, – буркнул Вадим и лихо бросил: – Вперед, в Рутковщину!

– На встречу с мошкаррой и змеями! – в тон брату воскликнул Валера.

– А что, там змей много? – с явным беспокойством спросила Галя.

– Хватает, но они не бросаются на людей, если их не трогать, – успокоил жену Василь.

Перекидываясь словами, все четверо, идя быстро, незаметно покинули деревню, подошли к заросшему травой и кустарником Дому.

– Не будем здесь задерживаться, – предложил Василь. – Кругом все заросло, ничего здесь дельного не найдем и не узнаем.

– Чтоб что-то найти и узнать, надо раскопать эту горку, заняться археологическим поиском, – обронил Вадим. – А у нас время в обрез, оставим Домок в покое и двинемся в Рутковщину.

Вначале всем пришлось идти по узкой тропинке рядом с полем цветущей озимой ржи. Потом подошли к проселочной дороге, по ней продолжили свой путь и вскоре оказались в сосновом бору. Здесь было свежо, тихо, лишь изредка легкий ветерок покачивал вершины вековых сосен, ласкаемых утренним солнцем.

– Какая прелесть, – возбужденно вздохнула Галя.

– Еще бы! – добавил Василь.

– И главное, нет мошкарры, – вставил Валера.

– Да, сейчас здесь хорошо, – согласился Вадим. – А ты, Василь, помнишь, этот бор, искалеченный войной. Искореженные и поваленные немецкими бомбежками и артиллерийскими обстрелами сосны, разбитые немецкими машинами здешние стежки-дорожки, вытопанные карателями лесная трава, ягодушки черники и брусники, – все это оставалось после проводимой немцами карательной операции против партизанской бригады «Железняк» в 1943 году. Но бор выстоял, спас партизан. А теперь он восстановил свои силы и красоту. Немного помолчав, Вадим предложил:

– Давайте пройдем по памятным местам в бору, связанным с войной.

– Я – «за», – поддержала Галя Вадима. – Вася, конечно, мне рассказывал, как вы прятались в лесу от немцев, о спасателях-партизанах, но побывать в этих местах, походить по партизанским тропам – это совсем другое; только здесь можно по-настоящему понять, почувствовать всеми фибрами

---

⁴⁶ Не будьте поздно, к вечеру обещают грозу.

души жестокость той страшной войны, принесшей столько бед и горя людям.

– Тогда вперед! – командовал Вадим, и все дружно последовали дальше. Они шли по переплетенной корнями деревьев лесной тропинке, которую вскоре скрыли разросшаяся на ней трава и поднявшийся по обе ее стороны кустарник. Вперемежку с соснами стали встречаться дубы, клены, липы, орешник.

– А куда мы теперь двинем, стежка пропала? – не выдержал Валера.

– Вон, видишь, впереди стену из елей? Вот туда и пойдём, а точнее, будем пробираться сквозь густую траву и буйный кустарник, – азартно ответил Вадим и первым двинулся через кустарник к маячившим впереди елям, раздвигая ветки орешника, подминая ногами траву. За ним потянулись Валера, Галя и Василь. Дойдя до елей, Вадим остановился:

– Видите ободранные засохшие вековые ели? Это сохранившиеся следы все той же войны. Конечно, не немцы кору драли с елей, а сами наши люди. Кору использовали в качестве крыши для шалашей, которые служили временным летним пристанищем для жителей деревень на время немецких карательных операций против партизан.

Пройдя с полсотни метров, Вадим вновь остановился у старой засохшей ели. Оглядевшись вокруг, вдруг сообщил:

– Вот под этой ёлкой, еще не ободранной, находился наш шалаш, а рядом – ваш, Василь. Ты помнишь?

– Конечно, помню, хотя многое тут изменилось: видишь, кругом травой затянуло, да и кустарника всякогоросло много.

– А ты помнишь то июньское утро 1943 года, когда сюда неожиданно нагрянули немцы, открыли огонь по нашим деревенским жителям и мы чудом остались живыми, хотя многие погибли. – Вадим отошел в сторону, на небольшую, еле заметную из-за травы поляну.

– Вот здесь, кажется, был разведен костер, чтобы согреться (ночь тогда выдалась холодная) и что-нибудь сварить из еды. – Вадим посмотрел на Василя, ожидая его реакции.

– Мы с маткой и старшим братом Петей только что вышли из своего шалаша и даже еще не успели дойти до огня, как услышали крик: «Немцы!», – начал вспоминать Василь. – Все бросились кто куда. Матка схватила меня за руку, и мы побежали почему-то на восток, в сторону болота. Слышали стрельбу и свист пуль над головой. Сколько мы бежали – до сих пор плохо представляю. Оказавшись у болота, остановились. Тут матка спохватилась: где же Петя? И она готова была вернуться назад, к огню, чтоб найти Петю. Но вдруг рядом раздались выстрелы. Мы упали на землю рядом с болотом. Нас хорошо закрывали заросли из пушистой и приземистой березы, ольхи, ивы, тростника. Лежали долго, пока совсем не затихла стрельба. А когда стрельбы не стало, мать спустилась в болота и там подыскала более надежное укрытие на тот случай, если немцы появят-

ся снова. Но мы благополучно просидели в зарослях весь день и ночь, рано утром пошли искать Петю и жителей нашей деревни.

– А как ты спасался от немцев в то утро? – обратилась Галя к Вадиму, когда Василь замолчал.

– Мы с мамой сидели у костра и собирались поесть, когда раздался треск очередей из автоматов. Мать подхватила меня, и мы что мочи побежали прочь от костра. Находясь теперь на месте того костра, я понял, что мы побежали на юго-восток. Нас преследовали немецкие пули, рассекая ветки кустов, впиваясь в кору елей и сосен. Упал, скошенный пулями, бежавший впереди нас мамин дядя Ефим – ему было за семьдесят. Я хочу вам показать то укрытие, где мы с мамой прятались. Идемте со мной.

Вадим тронулся от бывшего костра на юго-восток, предполагая, что сейчас идет там, по той самой местности, где бежал с матерью тогда, почти двадцать лет тому назад. Но пройдя несколько метров, засомневался: тут ли они бежали. Перед тем как остановиться и сказать, что не здесь он с матерью бежал, а где-то в другом месте, и что то место не помнит, – все же решил пройти дальше. Пришлось пройти еще несколько десятков метров, пока, наконец, дальнейший путь не преградила канавка, в которой Вадим узнал ту самую, которая спасла их жизнь. Теперь он, уверенно повернув направо, пошел вдоль неглубокой, заросшей травой канавки и вскоре оказался у высоченной сосны, раскинувшей широко свои сучья-крылья с обильными зелеными ветками. Под сосной, на ее мощных корнях, частично пролежавших по поверхности земли, лежала куча прогнившего хвороста. Остановившись у нее, Вадим, вздохнув с облегчением, сказал:

– Вот эта куча хвороста была нашим укрытием и спасением. Мы лежали под ней почти сутки, без питья и без еды.

– Наверно, страшно было? – спросила Галя.

– Еще как, – отозвался Вадим. – Особенно пережили жуткий страх, когда днем мимо нашего укрытия немцы гнали пойманных ими кого-то из жителей нашей деревушки и других деревень. Случилось так, что около нашего укрытия упала женщина. Каратели, избивая ее, заставили подняться и идти дальше. Нас спасло то, что с карателями не было немецких овчарок, которые, конечно, наше укрытие обнаружил бы сразу, и меня с мамой постигла та же участь, что и тех людей, схваченных карателями в тот злополучный день: всех их заживо сожгли с десятками других людей в одной из соседних деревень. Об этом стало известно позже.

– И как вы только переживали весь этот ужас, со страху можно было умереть! – сочувственно промолвила Галя.

– Вот так и переживали, хотя тогда, особенно во время немецких карательных операций против партизан, смерть поджидала на каждом шагу и детей, и взрослых, – ответил Василь.

– Может, сейчас двинем к болоту, – подал свой голос молчавший до сих пор Валера.

– Да оно недалеко, полчаса ходу, – сообщил Василь и вызвался быть проводником, как знающий здешние места.

Идти пришлось по густому мрачному еловому лесу без всякой тропинки. Когда поравнялись с большим котлованом, еле узнаваемым из-за папоротника и мелкого кустарника, Вадим пояснил:

– Видите котлован? Здесь находилась партизанская хлебопекарня. Скрытая вот этими мощными кудрявыми елями, она не была видна сверху для пролетавших немецких самолетов. А иначе ее в два счета разбомбили бы, и партизаны остались бы на какое-то время без хлеба. Я дважды здесь был. Меня сюда привозил партизан Михаил, позже ставший нашим с Валерой отцом. Он часто сюда навещался как оружейный мастер и хороший специалист по печам.

Около полудня подошли к болоту. Густой еловый лес сменили береза, осина, ольха, ива, а дальше – осока, мох, кочки и чахлые редкие сосенки. Всматриваясь в однообразный болотный пейзаж, Вадим попытался в нем хоть что-нибудь обнаружить, свидетельствующее о какой-то возвышенности, но ничего подобного, насколько можно было окинуть взором болотное пространство, не находил.

– Василь, ты что-нибудь видишь в болоте, похожее на островок? – обратился Вадим к Василию.

– Ничего такого я тут не вижу, куда не кинь взор – сплошное болото, – ответил Василь и посоветовал пройти вдоль болота, поискать возможную в нем тропинку.

Все согласились и пошли медленно, обходя по пути густые заросли. При этом каждый старался не выпускать из виду тянувшееся болото в надежде встретить в нем стежку. Через какое-то время подошли к тому месту, откуда когда-то зимой друзья пытались найти загадочный островок.

– Ну, вот и то место, где мы перед тем, как на лыжах пойти по болоту в поисках островка, разложили костер, – сказал Василь. – Здесь мы перекусили, немного отдохнули, а потом, когда мы катнули по снежному покрову болота, случилось то, чего опасались. Вадим, шедший на лыжах впереди, провалился в слегка прикрытую снегом полынью. Вот так нас встретило болото и холодно поцеловало. Мы еле вырвались из его мерзких объятий. Вернулись к костру, около него обогрелись и посушились. – Немного помолчав, Василь предложил: – Может, и теперь перед встречей с болотом также немного отдохнем?

– Можно немного отдохнуть, согласился Вадим, – но вот с собой только ничего поесть не прихватили.

– Кое-что взяли, – успокоила Галя. – Имеется краюха хлеба и бутылка воды. Правда, мать навяливала взять лучше бутылку молока вместо воды. Но молоко при такой жаре может и прокиснуть, а вода нет. Как фельдшер хочу напомнить, что в дороге необходимо на всякий случай иметь воду и еще кое-какие таблетки.

– Галя, а ты на всякий случай что-нибудь не прихватила от комаров и мошек? Видишь, они уже наседают на нас! – забеспокоился Валера.

– Что-то об этом не подумала, – вздохнула Галя.

– Отломи ветку березы и отгоняй от себя мошкату, – посоветовал Вадим брату. – А вот на это лежащее бревно, покрытое ковром зеленоватого мха, можно присесть и перекусить. Ты, Василь, помнишь, мы ведь тогда, кажется, на нем сидели!

Василь в знак согласия молча качнул головой и первым сел на бревно. Его примеру последовали остальные. Галя, не теряя времени, достала из своей довольно вместительной сумочки предусмотрительно нарезанные ломтики хлеба и подала по ломтику каждому.

Однако есть и отдохнуть пришлось недолго. Комары, налетевшие разом, несмотря на то, что каждый пытался веткой их отгонять от себя, буквально падали на незащищенные человеческие тела, кусали и начинали сосать кровь.

– Нет, здесь сидеть спокойно дальше я не могу, – первым не выдержал Валера. – Надо отсюда скорей драть, пока эти кровопийцы тут нас совсем не заели.

Все, как и Валера, не желая больше терпеть комариные жужжания и укусы, дружно встали и пошли дальше. Но насекомые не отставали до тех пор, пока те не вышли на лесную поляну, продуваемую ветром.

– Хорошо, что от комаров избавились, – сказал Вадим. – Но мы и от болота отклонились.

– Болото рядом, но посмотри на небо, Вадим, там появляются пока легкие кучевые облака, поднимается ветер. Не хватало, чтобы нас гроза и дождь в болоте застали! – предупредительно воскликнул Василь.

– Ветер разгонит тучи, – уверенно заявил Вадим. – Поворачиваем к болоту и продолжим поиски в нем стежки.

Пройдя еще немного вдоль болота, Вадим первым заметил нечто похожее на болотную стежку: чьи-то следы уложили осоку и немного приотптали мох.

– Ну вот вам и стежка, – обратил внимание всех Вадим. – По ней и пойдем.

– Постой, Вадим, по-моему, это следы диких кабанов, – предположил Василь. – Не приведет ли эта стежка в их логово. Если мы их тут встретим – прощай мама!

– Не паникуй, Василь, раньше времени, – отозвался Вадим и тут же предложил: – Каждый подбирает себе для страховки хорошую трость, и идем по этой стежке. Я – впереди, за мной идут Валера, потом Галя. Ты, Василь, замыкаешь. Поэтому подбери себе палку покрепче и длиннее. Если потребуется – будешь нас спасать.

Подобрав палки, все гуськом двинулись в болото. Идя впереди, Вадим старался не покидать узкую, слабо протоптанную стежку. Одновременно

он на всякий случай своей палкой то и дело проверял безопасность пути. Шли молча, сосредоточившись на стежке. Пройдя метров сто, Вадим заметил свернувшуюся кружком на кочке змею. Она мирно лежала, обогреваемая солнцем. Поскольку стежка вплотную проходила возле кочки, Вадим спокойно всех предупредил:

- Слева на кочке змея. Не трогать!
- Давайте ее уьем! – разразился Валера.
- Лучше обойдем, – посоветовала Галя.

Обошли кочку со змеей и двинулись дальше. Прошли еще метров двести, и болотная, пропитанная мокрым мхом и осокой стежка потерялась в сухой траве.

– Друзья, мох и осока закончились, мы выходим на сухое место! – радостно воскликнул Вадим. – Видите, впереди липы, а дальше красуется мощный дуб! Это и есть островок!

Хорошее настроение у всех стало зашкаливать. А Василь, не удержавшись, прокричал «Ура!»

Островок оказался на редкость маленьким. Вадим не удержался и своими шагами смерил вдоль и поперек клочок суши.

– Примерно пятьдесят на семьдесят метров, – объявил он и предположил: – Скорее, это все, что осталось от того островка, который немцы яростно бомбили в 1943 году, ведя карательную операцию против партизан. Вон сохранившиеся от бомбежки воронки. Они заросли травой и мелким кустарником, это – следы той войны.

– Давайте обшарим этот островок, может, что-нибудь найдем, – предложил Валера. – Если не клад Рутковского, то хоть какие-то остатки войны – патроны или что-то другое.

– На островке партизаны хранили неприкосновенный запас продовольствия, – сказал Вадим. – Об этом нашему отцу рассказывал один из партизанских командиров Сенюгин, который руководил переправой на островок НЗ и сам на нем побывал.

– Вот давайте и поищем НЗ, – оживилась Галя. – Возможно, до сих пор где-то здесь хранятся мясные и рыбные консервы, сухари, галеты, сахар, соль...

Однако начать поиски помешал начавшийся дождь. Небо заволочли черно-лиловые тучи. Прокатились первые раскаты грома. Засверкали молнии, раздались где-то рядом мощные грозовые удары. Дождь полил как из ведра.

– Скорей мчимся под дуб прятаться от ливня, – прокричал Валера и первым бросился к дереву. Его примеру последовали Галя, Василь и Вадим. Уже стоя под дубом, Галя вдруг выразила беспокойство:

– А не заземлит ли нас здесь гроза! Говорят, во время сильной грозы нельзя находиться под большим деревом.

– Если это дерево не в густом лесу, а на поляне или в чистом поле. А здесь, рядом с дубом, такие же рослые липы, так что все обойдется, – успокоил всех Вадим.

Июльские дожди бывают обычно короткими, но на сей раз ливень оказался затяжным и перестал только ближе к вечеру. Кругом все обильно замочило, и поэтому поиски оказались затруднительными и безуспешными.

– Вы обратили внимание, что вокруг дуба земля немного изрыта, – проронил Вадим. – Это уже работа диких кабанов. Они навещают эти места, чтобы полакомиться плодами дуба – желудями. Ты, Василь, прав, что стежка, по которой мы шли, протоптана этими лесными обитателями. А теперь – домой по той же самой стежке.

– Если ее найдем, вода ведь кругом? – проронила Галя.

– Найдем! – уверенно выдал Вадим. – А пока за мной – тем же макаром...

В деревню, домой, вернулись поздно вечером.

* * *

– А сягоння якія у цябе планы? – спросил Николай Вадима за завтраком. – Можыць, зноу у балота накіруецеся?⁴⁷

– Сегодня надо побывать в школке, а дальше будет видно, – сказал Вадим. Он не стал раскрывать свое намерение посетить деревню Вилейку, где, возможно, по-прежнему живет и где-то там работает та, которой он когда-то, учась вместе с ней в девятом классе, был увлечен. Позже не раз вспоминал о ней, хотя те юношеские чувства безвозвратно унесло время, подарив взамен им позже искреннюю дружбу с Любой Гриньковой – одноклассницей уже другой школы. После армии он встретил ее, свою первую настоящую любовь – Людмилу Светогорову. И все же, несмотря на все это, ему хотелось встретиться с ней, посеявшей у него тогда романтические чувства первой юношеской любви, поговорить, вспомнить школьные годы.

Быстро позавтракав, не задерживаясь, Вадим на велосипеде отправился в Березовку, в школу. Конечно, надежд на встречу с бывшими одноклассниками и учителями было мало: ведь стоял июль, все учителя были в отпусках, а одноклассники находились неизвестно где. И все же он решил побывать в родной школе, походить по ее коридорам и классам, окунуться хотя бы на мгновение в то время и почувствовать его прелесть. Чтобы доехать до школы, потребовалось менее получаса. Встретила у школы уже не молодая женщина. Поздоровавшись с ней, Вадим представился, а потом спросил:

– Вы, наверно, в школе работаете?

– Да, а што вы хацелі?

---

⁴⁷ А сегодня какие у тебя планы? – спросил Николай за завтраком. – Может, вновь в болото направиться?

– Я здесь когда-то учился, поэтому просто хотелось зайти в школу и посмотреть, что изменилось в ней, а что осталось, как было раньше. И, возможно, встретить кого-то из учителей.

– Настаунікі у водпуску, а у школу зайдзіце и палядзіце, што вас будзе цікавіць⁴⁸.

Она открыла дверь и первой зашла в школу. За ней последовал Вадим. Оказавшись в большом коридоре первого этажа, он на мгновение представил праздничный вечер, посвященный Октябрьскому празднику. Именно здесь были танцы (директор школы почему-то не разрешал организовывать танцы в коридоре второго этажа). Именно здесь он набрался храбрости пригласить на вальс секретаря комсомольской организации школы Янину Бочок, ту самую, о которой вздыхал и думал. Рядом с ней находился Толя Шляхтенко, десятиклассник, ее поклонник. Но она, не раздумывая, согласилась с ним, Вадимом, потанцевать. Какой это был чудесный вальс! Заканчивая танец, оба машинально, не сговариваясь, тихонечко, в знак благодарности за танец, взаимно пожали руки друг друга. Для него это стало нечто большим, по крайней мере, сигналом к развитию добрых взаимных отношений. И, действительно, Янина вскоре пригласила его, хорошо рисующего, в состав редколлегии школьной стенгазеты «За учебу!» И они стали чаще встречаться то за выпуском очередного номера газеты, то во время различных школьных мероприятий.

Находясь во власти радостных воспоминаний, Вадим быстро прошел коридор первого этажа, поднялся на второй этаж (школа была двухэтажной), зашел в свой класс. Здесь все было знакомо и дорого, его охватило желание посидеть за своей партой, которая находилась на том же самом месте и изменилась лишь другой покраской. Он посидел несколько минут, мысленно представляя классные уроки, учителей, которые их вели. Покинув класс, Вадим неторопливо прошелся по коридору второго этажа, спустился на первый этаж. Простившись с работницей школы (он не спросил, кем она работает в школе) и со школой, он на велосипеде отправился в деревню Вилейку. Ехал по той самой лесной дороге, где когда-то, лет пять тому назад, они шли вместе после последнего школьного звонка, возвестившего об окончании очередного учебного года, а для них – девятого класса. Чтобы проводить Янину домой пришлось придумать для этого подходящую причину: объяснил ей, что ему надо пригласить хорошего гармониста на свой вечер – проводы в связи отъездом в Сибирь к родителям на их новое местожительство. А такой гармонист живет как раз в ее деревне. (Что на самом деле потом и сделал, но гармонист отказался из-за своей занятости.) Она улыбнулась, сказав: вот замечательно, что у меня будет такой хороший попутчик, а то пришлось бы одной без девочек идти домой. По пути в Вилейку вспомнили о районных соревнованиях школ по волейболу, где она выступала в составе

---

⁴⁸ Учителя в отпуске, а в школу зайдите и посмотрите, что вас будет интересовать.

команды своей школы. Когда ей рассказал о своей драке с парнем из другой школы, который преднамеренно бросил в нее, занятой игрой, мяч, рассмеялись. Потом после соревнований поздно вечером вместе на полutorке возвращались из районного центра в Березовку, и как все ребята, находившиеся в кузове машины, веселились, пели задорные песни. Тогда, идя с ней рядом, он, конечно, не признался ей, с каким радостным щемлящим чувством покидал он машину в Березовке (далее предстояло пешком идти до своей деревни), заведомо зная, что завтра снова с ней встретится в школе (районные соревнования школьных команд по волейболу проходили в майские дни). А может, зря не признался в своих чувствах, возможно, и расставание было бы с ней другим!

«Сколько же мы тогда шли до ее деревни? – мелькнуло в голове Вадима, когда, выехав из леса, увидел Вилейку. И тут же мысленный себе ответ: Намного дольше!»

Подъезжая к хате Янины, почувствовал вернувшееся из прошлого трепетное волнение. На какое-то мгновение в памяти всплыла картина расставания с ней здесь, около калитки, где он теперь остановился и поставил свой велосипед. Что она тогда сказала на прощание? Вспомнил: «Не теряй себя в далеких краях, не забывай родную школу и своих одноклассников». Да, она не сказала напрямую, чтобы он не забывал и ее, хотя, может быть, это тоже имелось в виду. Но он не понял этого, не сообразил договориться о взаимной переписке, проявил юношескую робость. Правда, все же догадался ее пригласить на свой вечер-проводы, на что она ответила: «Слишком далеко до Светлого Поля, да на такие вечера еще рановато ходить».

С волнением от возможной встречи с Яниной Вадим зашел во двор, а затем переступил порог хаты. Его встретила уже не молодая женщина. Она довольно спокойно встретила незнакомого ей молодого человека:

– Хто вы будіце, з чым наведалісь?⁴⁹

– Я – одноклассник Янины, хотел проведать ее, как она поживает.

– Я яе matka, прахадзіце, калі ласка⁵⁰. – Приглашая нежданного гостя ближе к столу, продолжила: – Вельмі⁵¹ рада, што вы зашлі праведаць, як Яніна жыве. Але ж яна цяпер жыве у Ульянавску.

– И давно она там живет?

– Школу як закончыла, поехала у Ульянавск, к цетке. Там замуж вышла, дзяце ёсць. Вон там, на фотографіі, яна разам з мужам і дзяцем, паглядзі. – Она показала рукой на рамку с фотографиями, висевшую на стенке между окон.

Вадим внимательно посмотрел на семейные фотографии, среди них задержался на двух: на одной – Янина среди выпускников десятого класса;

---

⁴⁹ Кто вы будите, с чем наведались?

⁵⁰ Пожалуйста (белоруск.).

⁵¹ Вельми – очень (белоруск.).

на другой – она же с ребенком и мужем. Отметил про себя, что она изменилась: лицо несколько располневшее, хотя и сохраняются те же его привлекательные черты; и глаза те же красивые и умные, но грустные почему-то; муж на вид старше своей жены, со снисходительной улыбкой на лице; дочь – с косичками, красавица, как мать.

– Она не забывает вас, приезжает погостить? – спросил Вадим у матери Янины.

– Не забывае, письма яе получаю. Летась⁵² гасціла усей сямьей.

Вадиму, конечно же, хотелось больше узнать о Янине, учится ли она в вузе или работает, кто ее муж и насколько она счастлива в замужестве, вспоминает ли о своих одноклассниках и, возможно, услышать что-то другое. Однако он не стал расспрашивать обо всем этом ее мать, понимая, что проявлять повышенный интерес к нынешнему положению дочери – вынуждать ее что-то пересказывать незнакомцу.

Да и к чему это теперь! Ведь у Янины своя семья и связанные с ней заботы, интересы и радости. Да и у него самого теперь тоже своя жизнь.

С такими не очень радостными мыслями Вадим, вежливо отказавшись от предлагаемого мамой Янины угощения, покинул хату, ухоженный дворик и, подхватив свой велосипед, погнал домой. Едучи, пытался что-то еще вспомнить из школьных встреч с Яниной, но их счастливая романтика, как и надежды на новые встречи, уходили навсегда в прошлое под напором времени и прозы жизни, отчего на душе становилось пусто и грустно.

* * *

Отпускные дни в Светлом Поле пролетели быстро. Надо было собираться в путь-дорогу домой, в Свердловск. За это короткое время не удалось навестить всех родственников, как и пройтись по всем дорогим сердцу и памяти местам. Валере хотелось еще раз побывать в лесном массиве Рутковщины, поискать в нем или на другом островке в болоте клад пана Рутковского. Хотя Вадим был и не против пожелания брата, однако выкроить время на новое посещение Рутковщины не удалось. У него даже с Николаем не удавалось пообщаться один на один. И только накануне отъезда, удивившись поздно вечером во дворе, они смогли спокойно поговорить о своих житейских делах. Вадим рассказал о работе на заводе, об учебе в университете, о том, как служилось в ВДВ, еще раз коснулся жизни матери.

– Кепска ей на чужбіне жіць, ды ящэ айчыым ткі неутаймоуны, – вздохнул Николай. – Вярталсь бы у радную веску, дамоу. Цяпер и унас, людзі стали жіць лепей. Хату новую збудавалі бы, агарод свой быу бы,

---

⁵² Летась – в прошлом году (белоруск.).

працаваць ёсць дзе – у нас цяпер саугас, за работу атрымываюць грошы⁵³.

– А как тебе работается в совхозе?

– Я цяпер працую вартаўніком на ферме, от б'юдаіра мяне асвабадзілі, як не маюшага спецыяльнасці агранома і атрымаю аклад. Яшчэ пенсію за інваліднасць маю – 95 рублеу. Марфа зарабляе летам на паляводстве, а зімой – на усяких работах. Так што жывем у саугасе з грошамі. Таксама бульбу садзім. Летась накапалі мяшкоу 100 па чатыры вядры у кождым; селета яшчэ няведама, які уражай бульбы будзе; ёсць карова, куры, два кабаны, свая агародіна. Хлеб, сахар, соль, и якіе яшчэ прадукты трэба – купляем у магазіне, у Бяразоўке. Слушаем радые. Вось так цяпер і жывем⁵⁴.

– В общем, не плохо, – удовлетворенно отозвался Вадим и спросил: – А в кино ходите?

– У нашу веску кіно прывозяць два разы у месяц. Калі ёсць урэмя – ходзім. У Бяразоўке кожды тыдзень паказываюць фільмы, але мы не ходзім туды. Маладые, каму не лягота – ходзяць, а мы, як прідетца. – Немного помолчав, с сожалением произнес: – Зусім мала вы у нас пагасцілі, вось ужо засабіралісь дамоу, у свой Свядлоўск⁵⁵.

– Теперь твоя очередь побывать у нас в гостях, посмотреть наш город, погостить у матери. Она будет очень рада твоему с Марфой приезду, – сказал Вадим.

– Можа, як-нібудзь збяремся, – ответил Николай и тут же перевел разговор на другую тему: – А цяпер я хачу у цябе спытаць: кага ты хацеу бы запрасіць на веча-правадзіны, якія устроім для вас?⁵⁶

---

⁵³ Плохо ей на чужбине жить, да еще отчим такой неугомонный, – вздохнул Николай. – Возвращалась бы в родную деревню, домой. Теперь и у нас люди стали жить лучше. Хату новую построили бы, огород свой был бы, работать есть где – у нас теперь совхоз, за работу получают деньги.

⁵⁴ Я теперь работаю охранником на ферме, от бригадира меня освободили, как не имеющего специальности агронома, и получаю оклад. Еще пенсию за инвалидность имею – 95 рублей. Марфа зарабатывает летом на полеводстве, а зимой – на всяких работах. Так что живем в совхозе с деньгами. Также картошку сажаем. В прошлом году накопили мешков 100 по четыре ведра в каждом; в этом году еще неизвестно, какой урожай картошки будет; есть корова, куры, два кабана, своя огородина. Хлеб, сахар и некоторые еще нужные продукты покупаем в магазине, в Березовке. Слушаем радио. Вот так теперь и живем.

⁵⁵ В нашу деревню кино привозят дважды в месяц. Когда есть время – ходим. В Березовке каждую неделю показывают фильмы, мы туда не ходим. Молодежь, кому не лень, – ходит, а мы, как придется. – Немного помолчав, с сожалением произнес: – Совсем у нас мало погостили, вот уже собрались домой, в Свердловск.

⁵⁶ Может, как-нибудь, соберемся, – ответил Николай и тут же перевел разговор на другую тему: – А теперь я хочу спросить: кого ты хотел бы пригласить на вечер-проводины, которые устроим для вас?

– Подумаю, – откликнулся Вадим. – Но перед проводами хочу побыть на могиле отца и поклониться его праху, отдать сыновний долг его светлой памяти.

– А ці знайдешь могільку бацькі? – спросил Николай. – Ты ж дауны не быу на том могільнікі, дзе похован твой бацька⁵⁷.

– Попытаюсь найти, – как-то неуверенно ответил Вадим.

– Я паеду з табой, разам знайдзем могільку твайго бацькі Андрэя⁵⁸, – выразил согласие Николай.

* * *

Кладбище, где был похоронен Андрей, находилось около полутора десятков километров от Светлого Поля. К нему идти пешком расплывший Николай не решился. Потому рано утром он сходил на ферму, где ему конюх помог запрячь в выездную телегу быстроногую молодую лошадку, и он в хорошем настроении с ветерком подкатил на телеге к своей хате. Его встретила Марфа:

– Ідзі за стол и паснедай, Вадзік и Валерка ужо пазутракалі⁵⁹.

Николай быстро перекусил и, не теряя времени, стал собираться в путь. Марфа на ходу сунула ему в руку небольшую сумку со словами:

– Вазмі лусту, только асцярожна, у сумці стаякая пасуда. Там паядзіце⁶⁰.

– Зразумеу, – бросил Николай и тут же скомандовал: – садіся, Вадзім, у павозку, паехалі. А ты, Валерка, ці з намі едзіш?

– Нет, я с вами не еду, у меня напоследок встреча с друзьями, – объяснился Валера.

– Добра. – Николай сел в телегу, взял вожжи в руку, слегка ударил ими по мирно стоявшей лошадке, и та тронулась с места и тут же, не дожидаясь следующей команды, перешла на легкий бег.

– Коля, дай я побуду возницей, а ты немного отдохни, – предложил Вадим свою услугу.

– А ты не забуду, як лейцы трымаць и кираваць канем?⁶¹ – пошутил Николай.

– Да, не забыл, – улыбнулся Вадим, забирая из руки Николая вожжи.

– А ци ведаеш куды трэба ехаць? – спросил Николай, уступая свое место вознице Вадиму.

– Знаю, а если буду блуждать – подскажешь! – Вадим шевельнул вожжами, и лошадка ускорила бег.

---

⁵⁷ А найдешь ли могилу отца? – спросил Николай. – Ты же давно не был на том кладбище, где похоронен твой отец.

⁵⁸ Я поеду с тобой, вместе отыщем могилу твоего отца Андрея.

⁵⁹ Иди за стол и позавтракай, Вадик и Валерка уже поели.

⁶⁰ Возьми еду, только осторожно, в сумке стеклянная посуда. Там покушаете.

⁶¹ А ты не забыл, как вожжи держать и управлять конем?

На кладбище могилу Андрея отыскали с трудом. Могильный бугорок зарос травой, деревянная оградка развалилась, пирамидка со звездой сильно накренилась и готова была упасть, фотография Андрея и подпись под ней были еле узнаваемы и читаемы.

– Прости, папа, что я пришел к тебе так поздно, через много лет, – с горечью вымолвил Вадим. – Прости...

Он молча стоял, не спуская глаз то с выцветшей фотографии отца, то с заросшего травой холмика. Вспомнив рассказ матери об отце, он мысленно воспроизвел перед глазами картину, где отец как будто бы склоняется над детской кроваткой, в которой он, Вадимка, забавляется. Вот он подходит к кроватке и берет его, малюсенького сынишку, в свои руки, а мать предупреждает отца быть осторожным, но тот счастливо улыбается и что-то напевает малышу. А что же дальше... Воображаемая картина вдруг исчезла. Вадим вновь пытается ее мысленно восстановить, но не получается. Щемящая боль поражает его всего. Хочется сильно, как в детстве, расплакаться и прокричать во весь голос: «Не покидай меня, папа, возьми с собой!» Но голос Николая возвращает его к реальности:

– Давай памянем твайго бацьку.

Повернувшись к Николаю, Вадим увидел совсем другую картину: большое полотенце, разосланное на траве рядом с могилой отца, а на нем – нарезанный хлеб с салом, пара огурчиков и две стопки, наполненные самогонкой.

– Трымай, памянем бацьку, – сказал Николай, подавая Вадиму стопку.

После нескольких стопок Вадим произнес то ли с сожалением, то ли с облегчением:

– Знаешь, Коля, я – ровесник отца. Вот я живу, а его давно нет!

– Скажы за гэта дзякуй Богу, што ты яшчэ жывеш на белым свеце. Спяшыць на той свет не трэба, – рассудил Николай. Немного помолчав, он вдруг спросил: – А ты, бацькау равеснік, кали аженішся? У тваі гаы Андрэй цябе заімеу!⁶²

– Женюсь, как только невесту найду, – ответил Вадим.

– Ці ведаш, як тут па цябе Кленя сохла, усе чакала. Цяпер яна замужам. Але у нас есць дзяучыны и прыгожыя и працавітця. Толькі клікні – хутка будзе у цябе и нявестка і жонка⁶³.

– И все же надо иметь какое-то время, чтобы познакомиться, взаимно обнюхаться. А его у меня нет – отпуск заканчивается. Но это даже не глав-

---

⁶² Скажи за это спасибо Богу, что еще живешь на белом свете. Торопиться на тот свет – не надо. – Немного помолчав, вдруг спросил: – А ты, ровесник отца, когда женишься? В твои годы Андрей тебя заимел!

⁶³ Знаешь ли, как здесь по тебе Кленя сохла, все ждала. Теперь она замужем. Но у нас есть девушки и красивые, и работающие. Только позови – быстро будет и невеста, и жена.

ное. Главное, что нет времени как следует благоустроить могилу отца: сделать новые ограду, пирамидку, все покрасить, посадить цветы. Сможешь ли ты без меня все это сделать? – обратился Вадим к Николаю. – Желательно и ограду, и пирамидку, изготовленные и поставленные из дерева во время похорон отца, заменить на металлические.

– Усе зробім. Цяпер у саугасе есць своя майстэрна, там прцуюць знаёмныя хлопцы, сябры, іх папрашу – усе зробяць, – заверил Вадима Николай. – А цяпер давай дзюбнім ящэ по одной, магілку папрвім, ды да до-му будзем кратацца⁶⁴.

Вместе могилу быстро более-менее прибрали. Вадим был приятно удивлен, как Николай ловко работал одной левой рукой (протеза правой руки у него так и не было, скорее, по его собственной нерасторопности или нежеланию). Вот он быстро поправил пирамидку, собрал и отнес в сторону валявшиеся палки и щепки старой ограды. Тем временем Вадим очистил могилу отца от травы.

– Цяпер можна і дамоу вяртацца, – вздохнул облегченно Николай, платком смахивая пот с лица. Перед тем, как отправиться домой, Вадим молча еще несколько минут постоял у могилы отца.

* * *

Вечер-проводы Николай с Марфой устроили в субботу, а в воскресенье братья должны были отправиться к себе домой, в Свердловск. Гостей набралось около двадцати человек, то есть пригласили столько, сколько можно было разместить и посадить за стол в довольно просторной хате. Всех, кто пришел на проводины, Вадим хорошо знал и помнил. Особенно его радовало то, что на вечер пришли друзья и одноклассники: Василь с женой Галей, Петя Байчук, с которым вместе учились в 9-м классе, а сейчас возглавлявший совхозную комсомольскую организацию. Полной неожиданностью стало появление Клены Саёнак. Она училась в 9-м параллельном классе. В школе и помимо школы (она жила в Шилинцовичах) они часто встречались, бывали вместе на школьных вечерах, иногда ходили на танцы, однако кроме ученического общения и добрых взаимных отношений ничего другого не сложилось. Ее дальнейшей судьбой после своего отъезда из Светлого Поля не интересовался. И вот она пришла на вечер с подружкой Катей, в то время ученицей 8-го класса. О ней Вадим вообще ничего не знал.

Три стола Марфа накрыла быстро. Тут имелись разные закуски: овощные, мясные. В расставленных тарелках горками лежали пироги, обмакнутые в сметане. И еще, что поразило Вадима – это аккуратно разложенные на столах сырые яички.

---

⁶⁴ Все сделаем. Теперь в совхозе есть своя мастерская, там работают знакомые хлопцы, друзья, их попрошу – все сделают, – заверил Вадима Николай. – А теперь давай глотнем еще по одной и будем домой трогаться.

– А зачем сырые яички на стол выложены? – Не выдержав, спросил Вадим у Николая.

– Як зачым? – удивился Николай. – Нашым мужікам спадабалася запіваць гарэлку ці водку сырымі яйкамі. Вельмі добрая закуска. Паспытай, цябе таксама спадабаецца⁶⁵.

Застолье открыл Николай. Он вначале поблагодарил всех, что пришли проводить братьев, приезду которых он был очень рад. Сказал об учебе Валеры в 9-м классе. С особой гордостью говорил о нем, Вадиме, три года служившем в ВДВ, а сейчас работающем на крупном заводе в Свердловске и совмещающем работу на заводе с учебой в университете. Закончил свое выступление словами:

– Добра праводзім, і таксама будзем добра сустракаць. За нашых братоў! Каб ім жылось усе лепей і лепей!

Все дружно поддержали тост. Потом начались поздравления и пожелания гостей.

После нескольких стопок самогонки индивидуальные пожелания слились в общий разговор-шум, в котором трудно было расслышать что-то толковое. И только когда Ясь растянул меха своей старой, изрядно поношенной гармошки, и зазвучали переливы всеми любимого танца польки, шумный разговор сменился шумливым танцем. Танцевали все за исключением Николая, Марфы да еще Авдотьи. Вадим тоже пока сидел за столом, молча наблюдая за танцующими. Особенно его внимание привлекла танцевальная пара Василя и Гали. Причем он больше наблюдал за Галей, как легко, красиво танцевала она – уроженка Урала – этот белорусский танец. Где и когда она научилась этим быстрым и ловким движениям, сопровождаемым перестуками своими каблучками по деревянному полу в такт тяжелого Василевого притопывания. Вадим любовался этой русской красавицей, а на душе его вновь заныла незаживающая рана первой любви.

Но вот музыка вдруг затихла. Все танцевавшие поняли, что Ясю надо подать очередную стопку самогонки. У него, прекрасного гармониста, имелась слабость: обязательно хоть немного надо выпить перед началом игры на гармошке. Однако во время игры, когда хмель от первой стопки проходил, он начинал моргать глазами, давая знать, что ему надо опять выпить. Получалась такая ситуация: если Ясь не допивал или перепивал самогонки (водки) – играл плохо. Поэтому надо было найти ту алкогольную середину у гармониста, которая его удерживала бы на веселой волне, и он играл бы великолепно весь вечер.

Николай, хорошо зная эту слабость деревенского гармониста, не мешкая подал Ясю очередную стопку самогонки. С ходу проглотив, он, не кусывая, продолжил играть. Полилась прекрасная мелодия «Дунайских

---

⁶⁵ Как зачем! – удивился Николай. – Нашим мужікам понравілось запіваць самогонку ці водку сырымі яйкамі. Очень добрая закуска. Попробуй, тебе также понравится.

волн». Вадим тут же пригласил на вальс Кленю. Его примеру последовали Василь с Галей. Петя пригласил Катю.

Первой начала разговор Кленя:

– Узнала, что ты уже уезжаешь, вот и пришла повидаться. Что так мало пожил в родной деревне?

– Недельку отдохнули с братишкой Валерой в родной деревне, и хватит, пора возвращаться домой, в Свердловск. Меня ждет работа! – Вадим в нескольких словах рассказал о своей работе на заводе, учебе в университете, о холостяцкой жизни, а потом спросил у Клены:

– Ну, а ты как живешь?

– Живу, на судьбу не жалею! После окончания школы работала пару лет в колхозе, потом поступила и окончила сельхозинститут, сейчас работаю агрономом в нашем совхозе. Недавно вышла замуж, обзаводимся своим хозяйством.

– А муж кто?

– Конечно, человек, – засмеялась Кленя.

– Я хотел спросить, кто он по образованию и чем занимается?

– Кончил десять классов, потом машиностроительный техникум в Минске, сейчас работает механиком тоже в нашем совхозе. А ты до сих пор не женился, почему? Разве на Урале мало невест? Смотри, какую краля из ваших краев отхватил Василь! – Немного помолчав, Кленя вдруг призналась:

– А я ведь тебя поджидала, думала, не забыл, вспомнит о своей стеснительной белокурой однокласснице, с которой не раз ходил на танцы. Надеялась, что сразу же, после армии, примчится в Светлое Поле и предложит ей свою руку и сердце! Но не дождалась.

– Прости, что так не случилось. Время делает свое дело. Но тогда, в школе, я больше заглядывал на Янину.

– Я об этом догадывалась. Знаешь, после твоего отъезда, когда начались занятия в десятом классе, как-то Янина вдруг спросила у меня: как там наш Вадим в русской школе прижился? Не знаю, может, она считала, что мы с тобой переписываемся. Я ничего не ответила, и больше она у меня не спрашивала о тебе.

«А ведь зря не написал письмо Янине, учась в Гудковской средней школе. Может быть, установилась бы взаимная переписка, и школьные отношения переросли в нечто большее», – промелькнуло в голове Вадима, однако он об этом Клене не сказал, а лишь выразил сожаление, что судьба распорядилась несправедливо, не сведя их вместе для совместной жизни.

Зсь, проиграв заключительный аккорд вальса, сжал меха гармошки и положил ее на лавку. Авдотья, терпеливо поджидавшая музыкальной паузы, громко запела про рушники, плывущие по реке. Она пела легко и с большим желанием, ее голос, ровный и звонкий, лился завораживающе. Все, до этого шумевшие, притихли, а кто-то стал тихонько подпевать, ста-

раясь не заглушать голос Авдотьи. Когда Авдотья пропела последний куплет и смокла, раздался молодой задорный голос Гали, и песня «Уральская рябинушка» в ее исполнении покорила гостей. Они перестали пить и закусывать, все их внимание было подчинено звучащей песне, ее красивой мелодии и проникновенным словам.

Как только Галя закончила петь, Ясь заиграл задорную барыню. И тут не выдержал Николай и пустился в пляс. Он танцевал лихо, делая частые присядки, притопы, гибкие повороты, широко размахивая левой рукой, а свободный рукав отсутствующей правой руки так сильно болтался, что ударял его даже по лицу. Но он не обращал на это внимания, продолжал танцевать. Лицо его покраснело, покрылось потом. Гости, подзадоривая Николая, подпевали и хлопали в ладоши. Но вот к танцующему Николаю присоединился Володя Борейка, а вслед за ним – еще несколько мужиков. Барыня превратилась в беспорядочную шумную групповую пляску сильно захмелевших мужчин.

Веселье продолжалось до самого утра. Начало рассветать, и гости стали расходиться. Каждый из них по очереди подходил к Вадиму (Валера уже спал) и желал доброго пути.

Особенно тепло расстались с Петей Байчуком, договорившись о взаимной переписке. А с Кленей на прощание даже расцеловались. Василь с Галей решили подойти к отъезду и попрощаться.

Совсем рассвело. Короткая июльская ночь уходила прочь. Вот-вот над горизонтом должен был подняться огненный шар солнца. Вадим и Николай, оставшись вдвоем во дворе после провода гостей, молча любовались вступлением в свои права нового дня.

– Однако, пожалуй, возможны гроза и дождь, над горизонтом всплывает пока небольшая, еле заметная туча, – промолвил Вадим.

– Чаму быць, таму не мінаваць, – буркнул Николай. – Ідзі, крыху паспі перад дарогай⁶⁶, – посоветовал он брату и сам удалился в хату. А Вадим еще несколько минут стоял, наблюдая за встающим солнцем, вдыхал чистую пьянящую прохладу просыпающегося дня. Ее, такую свежесть, он уже давно не испытывал, живя в большом городе.

Глава седьмая

Россия, изнасилованная и обессиленная перестройкой и оказавшаяся после Беловежья в гордом одиночестве, без братских союзных республик, забыв о своем историческом величии, унижительно упав в объятия США и Западной Европы, безрассудно ринулась в капитализм (1). Один за другим появились указы Президента, постановления правительства РФ, открываю-

---

⁶⁶ Чему быть, того не миновать, – буркнул Николай. – Иди, немного поспи перед дорогой.

шие зеленый свет этому процессу. Началом радикальной экономической реформы стала либерализация цен со 2 января 1992 года. Затем последовали указы Президента о свободе торговли и начале «малой приватизации» (2).

Советский народ, одурманенный гласностью и заманчивыми рыночными ожиданиями, столкнувшись с «шоковой терапией», начал трезветь. Уже в феврале 1992 года прошли массовые протесты против политики либеральных властей России, сопровождаемые столкновениями с правоохранительными органами. Организаторами акций выступили общественно-политическое движение «Трудовая Россия» и Российская Коммунистическая рабочая партия (3).

Начавшиеся выступления против радикальных реформ живо обсуждались слушателями ИПК. Одни считали, что активные действия правительства Ельцина – Гайдара по ускоренному реформированию советской экономики вполне оправданы, другие же называли эти действия не иначе как преступными, ибо они вели к полному разрушению народного хозяйства и ликвидации социализма в стране.

Вадим Андреевич, вдохновленный первыми массовыми выступлениями против «шоковой терапии», был уверен, что пробуждающийся народ заставит либералов при проведении реформ не покушаться на общественно-политический строй в стране, на социальные завоевания советского народа. Эту свою позицию он отстаивал в дискуссии среди слушателей по вопросу реформирования страны и находил среди некоторых из них поддержку.

Яростная критика советского периода Отечественной истории, исходившая не только со стороны СМИ, либерального руководства страны, но и некоторых авторитетных деятелей науки, культуры, литературы и даже рядовых граждан, а также взятый курс на реставрацию капитализма в России, запрет КПСС поставили в сложное положение историков партии. Они оказались перед трудным выбором: либо переходить на сторону либералов, отказавшись от своих взглядов, убеждений, от всего ими написанного в свое время в рамках марксистско-ленинской методологии, либо, оставаясь верными себе и социалистическому выбору, снискать славу оппозиционеров со всеми вытекающими из этого последствиями. Это осознавал каждый из слушателей и, находясь здесь, в ИПК, слушая маститых историков, пытался сделать приемлемый для себя выбор.

Лекции, читаемые докторами исторических наук, профессорами, а также опытными доцентами по актуальным проблемам исторической науки, воспринимались слушателями по-разному. Некоторые из лекций проходили спокойно, без лишних вопросов, другие вызывали не только вопросы, но и споры. Одной из таких стала лекция профессора Назаркина «О «белых» пятнах в истории советского периода Отечественной истории».

Вадим Андреевич особенно внимательно слушал, что говорил его коллега и друг. А Назаркин начал с того, что о «белых» пятнах в нашей истории сегодня пишут и говорят много. Однако чтобы их закрасить, ис-

торикам важно понять действительные причины их появления. А когда Назаркин стал излагать свое видение причин этого явления в советском периоде Отечественной истории, аудитория молча вслушивалась в каждое произнесенное им слово.

– Главная причина известна, – говорил Назаркин. – Сталин создал свою, далекую от истины схему истории, которая и стала прокрустовым ложем для многих фактов исследований, теоретических разработок. Как это делалось?

Сделав небольшую паузу, Назаркин окинул взглядом аудиторию. Найдя в ней Вадима Андреевича и встретившись с ним взглядом, он слегка улыбнулся, незаметно качнул головой, как бы призывая друга внимательно слушать и делать для себя корректировку в понимании советского прошлого.

– Итак, как это делалось? – повторил свой вопрос лектор. – Во-первых, с помощью репрессий были устранены живые свидетели – чаще даже не свидетели, а непосредственные участники исторических свершений: партийные и государственные деятели, командиры производства и армии. Я уж не говорю о деятелях науки, культуры, образования, других сфер, которых не минула трагическая участь. Во-вторых, с 30-х годов все архивы либо становились ведомственными, либо переданы в НКВД. Практически статус секретных получили все документы. Ознакомиться с ними могли лишь ограниченное число лиц, имеющих специальный допуск. В-третьих, появились многочисленные фигуры умолчания. Люди исчезли в физическом смысле с арены общественно-политической и иной деятельности. Так, на Урале были вычеркнуты из истории имена Крестинского, Белобородова, Голощекина, Преображенского, Сосновского. Я назвал только некоторых членов ЦК, впоследствии реабилитированных. Но их как бы и не было в то время. Хотя были конкретные результаты их работы. Есть и другие причины, которые сдерживают устранение «белых пятен». Я имею в виду разобщенность историков, краеведов и всех интересующихся нашим прошлым. Есть же в нашей стране организации, объединяющие философов, социологов, экономистов, других гуманитариев. Почему бы не создать Всероссийское общество историков и краеведов, которое содействовало бы скорейшему преодолению одностороннего толкования исторических событий и фактов и выработке общего взгляда на наше прошлое, руководствуясь, конечно, национальными интересами.

А вот когда Назаркин неожиданно назвал историков КПСС самой консервативной частью гуманитариев-исследователей, тормозящих устранение «белых пятен», аудитория зашумела, пошли вопросы.

– Не могли бы вы пояснить, почему, по вашему мнению, историки КПСС стали вдруг самой консервативной частью гуманитариев? – Этот вопрос задал Михаил Петрович Захарцев, кандидат исторических наук,

ветеран Великой Отечественной войны. Вадим Андреевич хорошо знал Захарцева по совместной работе в инженерно-педагогическом институте.

– Многие историки КПСС, если не большинство, остаются догматиками, цитатниками Маркса, Энгельса, Ленина, хотя сказанное этими классиками относится к XIX – началу XX веков. А сейчас рубеж XX–XXI веков, – пояснял Назаркин. – Наступили другие времена. Социализм не выдержал конкуренции с капитализмом, рухнул. Марксистско-ленинская концепция о преимуществах социализма не оправдалась. Капитализм оказался более живучей системой. Вот надо из этого сегодня историкам исходить в своих исследованиях, более широко взглянуть на процессы развития мировой цивилизации и на историю нашей страны, а не отстаивать вчерашний день, – заключил он.

– Социализм как будущее мировой цивилизации потерпел временное поражение в нашей стране, но не во всем мире, – парировал Захарцев. – Соглашусь, что мы, историки партии, во многом скатились на догматическое толкование марксизма-ленинизма, однако были твердыми сторонниками социалистического выбора. Я категорически против, сломя голову, бросаться в объятия либерализма и вместе с его сторонниками вопить, что советский строй – это зло во плоти.

– Николай Степанович, а как насчет того, что усердно заполняя «белые пятна» прошлого, мы не породим новые «черные пятна» или в один прекрасный момент останемся не только без пятен, но без прошлого вообще и окажемся на положении страны-маргинала? – Задав свой вопрос, Вадим Андреевич с таким же вниманием уставился на своего друга, как это тот сделал полчаса назад.

– А это зависит от архивистов и от нас, историков. Насколько мы будем ответственными за прошлое нашей страны, ибо без прошлого нет и будущего.

– Но судя по тому, как лихо стали раскрывать архивы КПСС и КГБ СССР и делать их доступными, копаются в них все, кому не лень, судьба страны никого не волнует, и особенно ее нынешнее политическое руководство. Скажу больше: подписан протокол с институтом Вильсона США о сотрудничестве в изучении материалов открываемых архивов, ведутся переговоры о подобном сотрудничестве со Стэнфордским университетом. Что накопят в них идеологические противники СССР, а в перспективе – и России – нетрудно представить. – Вадим Андреевич выжидающе уставился на своего друга (4).

– Хочу успокоить всех слушателей и Вадима Андреевича в том числе. Пока идет речь лишь о намерениях. Посмотрите «Известия» за 26 февраля этого года, там как раз идет речь об открытии архивов ЦК КПСС. К сожалению, пока закон о государственной тайне до сих пор не принят, и это действительно позволяет отдельным исследователям, в том числе зару-

бежным, воспользоваться в своих корыстных интересах материалами, составляющими государственную тайну.

– И не только в своих корыстных интересах, но против России-матушки, – дополнил кто-то из аудитории.

Если лекцию Назаркина слушатели восприняли более-менее терпеливо, то лекция профессора Бабулина о генезисе, эволюции и крушении советского тоталитаризма вызвала острую дискуссию. И не только потому, что она касалась советского государственного устройства, а еще и потому, что ее читал маститый историк КПСС, формировавший на протяжении многих лет марксистско-ленинское мировоззрение и героический образ большевиков у молодого поколения историков. Обычно он начинал свою лекцию спокойно, потом, повышая голос, ускорял чтение и, наконец, где требовалось подчеркнуть важный момент или сделать вывод, его голос и слова лекции сливались в едином громком порыве, напоминающем грозу. Нечто подобное происходило и сейчас. Спокойно начал с того, что тоталитаризм как научная проблема появился в историографии в 1930-е годы после утверждения фашистских режимов в Италии и Германии и установления личной власти Сталина в СССР.

– Если в советской исторической литературе строительство социализма в СССР и роль Сталина рассматривались положительно, – повысил голос Бабулин, – то в зарубежном общественном сознании в 30-е годы были опубликованы первые работы, в которых сталинский режим причислялся к фашизму. В частности, австрийский ученый Дракер в книге «Конец экономического человека. Исследование нового тоталитаризма», опубликованной в 1933 году, не только обосновал фашистскую и советскую форму тоталитаризма, но и доказал, что в Италии и Германии, как и в СССР, тоталитаризм обеспечил господство политической власти над экономикой. Далее лектор нормальным рабочим голосом поведал о развитии концепции тоталитаризма западными исследователями в последующие годы. Затем он перешел к характеристике советской историографии перестроечного времени:

– С середины 80-х годов в связи с начавшейся демократизацией в нашей стране советские ученые также настойчиво ищут новые подходы в разработке теоретико-методологических вопросов Отечественной истории.

Голос Бабулина зазвучал сильнее, когда он произнес, что главное внимание надо сосредоточить на изучении сталинского тоталитарного режима 30–40-х годов, его характерных черт и структурных особенностей. И до предела напрягая свои голосовые связки, огорошил аудиторию, заявив:

– На мой взгляд, попытки представить ленинский этап в истории советской власти как этап гуманного демократического государства не соответствуют исторической действительности, а всякое «очищение» сталинизма есть не что иное, как оправдание бесперспективного большевистского строительства социализма.

Мертвую тишину огорошенной аудитории первым нарушил Вадим Андреевич:

– Александр Васильевич, вы случайно не побывали в Штатах?

– Был, а что?

– Наверное, вас на вертолете покружили вокруг статуи Свободы? Как Бориса Ельцина, и тот в мгновение ока стал либералом, выбросив на помойку свои коммунистические идеалы!

– Нет, на вертолете меня не кружили. А к такому выводу я пришел на основе изучения документов из ранее закрытых фондов и изучения зарубежной исторической литературы, которая сегодня стала нам доступной.

– Александр Васильевич, все ли западные ученые так вульгарно трактуют Отечественную историю и, особенно, ее советский период, как это делают ныне наши либералы-историки? – спросил Авдеев. – Я недавно познакомился в «Ленинке» с книгой известного американского ученого Малия «К пониманию русской революции». Могу сказать, что при всем стремлении автора по-своему исследовать происходящие события в России, я не усмотрел в нем ярого антисоветчика (5).

– Названная вами книга Малия, насколько мне известно, – это его курс лекций по нашей истории, прочитанный им во Франции в 1974 году и изданный в Лондоне в 1985 году, – пояснил Бабулин и добавил: – Еще до перестройки. Какой он издаст свой очередной труд, ознакомившись с ранее неизвестными ему материалами в открываемых наших архивах – просоветский или антисоветский, подождем – узнаем.

– Александр Васильевич! Следуя западной советологии, вы, вопреки ранее собственным утверждениям о социалистической природе нашего государства, назвали его тоталитарным, и тем самым уравнили сталинский и гитлеровский режимы, – подключился к дискуссии Вадим Андреевич. – Почему они так делают понятно – принизить достижения советского народа в социалистическом строительстве, всячески противодействовать растущей привлекательности социализма для трудящихся всего мира, в том числе и для трудящихся западных стран. Справедливо ли с научной точки зрения ставить знак равенства между социализмом и фашизмом? Не считаете ли вы, что поставив, так сказать, на одну доску Сталина и Гитлера, вы обесценили нашу Великую Победу в той кровопролитной войне, которую не знало человечество за всю свою историю. А ведь советский народ под руководством ВКП(б) и Сталина как Верховного Главнокомандующего фактически освободил всю Европу от фашистской чумы.

– В науке, в том числе исторической, как вы знаете, допускается плюрализм мнений, – заметил Бабулин и продолжил: – Я изменил свое понимание характера нашего государственного устройства после изучения массы ранее не доступных документов и зарубежной литературы. Считаю, что определение СССР как тоталитарного государства более соответствует тому, что получили в результате политических и социально-экономических

преобразований. Теперь что касается нашей победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Это уже история. Как победа над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. сохраняется из поколения в поколение в людской памяти, точно так же останется в памяти нашего народа и победа над Гитлером. Что касается руководителей славных побед, то знать их – прежде всего удел историков. В массовом сознании в лучшем случае остаются полководцы – непосредственные организаторы побед. Победную войну 1812 г. народ связывает прежде всего с главнокомандующим М. И. Кутузовым, а не с императором Александром I. Так и победная война 1941–1945 гг. будет ассоциироваться с такими полководцами, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. К. Конев, а не со Сталиным.

– Но ведь Сталин, в отличие от Александра I, был Верховным Главнокомандующим. Я уже не говорю, что он еще возглавлял ГКО, СНК, Наркомат обороны, возглавлял ВКП(б). Иначе говоря, Сталин нес прямую ответственность за все: за боевые действия на фронте, за работу тыла, за внешнюю политику. Если на мгновение представить, что наша страна потерпела поражение в войне, то кто прежде всего был бы повинен в этом? Конечно, Сталин. Как вы считаете, разве справедливо в этой связи утверждать, как это делают объявившиеся у нас либералы, что победили в войне «вопреки» Сталину?

Судя по тому, как Бабулин задержался с ответом, вопрос Вадима Андреевича поставил его в неудобное положение.

– Победил народ, – как-то невнятно ответил он. – Об особой роли Сталина в победоносной войне – вопрос дискуссионный.

– Но почему в таком случае не победили немцев поляки, французы, другие европейские народы, ставшие жертвами гитлеровской агрессии? – не унимался Вадим Андреевич.

– Вопрос не совсем корректный, – бросил Бабулин, собираясь уходить, но его остановил своим вопросом Захарцев:

– Александр Васильевич! Переметнувшись в лагерь антисоветчиков, вы наверняка и партбилет свой выбросили или сожгли, как это делают перед телекамерой некоторые обласканные советской властью артисты?

Не дожидаясь ответа, Захарцев достал из внутреннего кармана своего пиджака старую потертую книжицу и, высоко подняв ее над собой, загрел басом:

– Смотрите, это мой партбилет коммуниста-фронтовика. Он пробит немецкими пулями и полит моей кровью. Но я берегу его как память о той войне, горжусь, что не сдрейфил в боях с коварным врагом, не уронил чести и достоинства коммуниста. А вы, Александр Васильевич, как боец идеологического фронта партии, при первых же неполадках, даже в отсутствии смертельной угрозы для вашей жизни, трусились, капитулировали, изменили коммунистическим идеалам и Советской Родине! Приходится лишь сожалеть, что такие люди как вы, оказались в КПСС и ее руковод-

стве и в итоге привели к гибели не только партию, но и великую страну. Фактически выполнили гитлеровский план.

Бабулин не стал отвечать и, больше не задерживаясь, покинул аудиторию. После его ухода аудитория зашумела, пошли крики, ругань, четко обозначились противники и сторонники Бабулина, вот-вот могла начаться между ними настоящая потасовка. Но в это критическое время в аудиторию зашел Назаркин, и накаленная в ней атмосфера несколько разрядилась. Когда совсем стало тихо, он напомнил своим коллегам:

– Сегодня мы живем в демократическое время, надо привыкать к плюрализму мнений и уважать другую точку зрения.

* * *

Накануне Первого Мая Вадим Андреевич и Мария Григорьевна решили отправиться на свой огород-дачу, чтобы на ней после зимы провести кое-какую приборку. Собрались и направились к выходу из квартиры, но их остановил вдруг раздавшийся телефонный звонок:

– Приезжайте быстрее, ваша изба горит!

Эту неприятную весть сообщила соседка по даче.

– Надо поторопиться, вызывай такси и скорей, – засуетилась охваченная нарастающим беспокойством от неожиданного тревожного звонка Мария Григорьевна.

– Ты с ума сошла, около двухсот километров гнать на такси! Никаких наших денег не хватит, чтоб расплатиться за дорогу.

– Изба же горит, надо спешить, может, хоть что-то спасем, – не унималась жена.

– Успокойся, там же пожарники есть, они потушат, что-то спасут, – заявил Вадим Андреевич, хотя сам не очень был в этом уверен. По пути на вокзал он, смирившись со случившейся бедой, вслух обронил:

– Чему быть, того не миновать.

Шедшая рядом Мария Григорьевна промолчала, сделав вид, что не расслышала сказанное мужем.

До поселка Шаилимки, где находился огород-дача, добирались, как обычно, электричкой и автобусом и через пару часов подошли к догоравшей избе. Толпившиеся около пожарища несколько человек из местных жителей объяснили, что пожарники подъехали с опозданием, поскольку были задействованы где-то в другом месте на тушении пожара. Потому здесь они спасали не столько горевшую избу, сколько соседние дома, которые могли загореться от разлетавшихся искр и горящих кусков шифера, чем была покрыта крыша избы. Толпой обсуждались причины возгорания избы. Кто-то из них высказал предположение, что она могла вспыхнуть от короткого замыкания в электросети. Но тут же прозвучало противоположное мнение: воры, залезшие в избу, а воровство в поселке с недавних пор стало процветать, чтобы не выдать себя, не зажигали свет, а пользовались

для подсветки спичками. Уходя, возможно, обронули не потухшую спичку в сухой сор, вот и произошло возгорание. После некоторого молчания, расходясь, все согласились, что нечего гадать, милиция разберется.

Глядя с грустью на дымившиеся головешки и одиноко стоявшую печку с торчащей трубой, Вадим Андреевич с проснувшейся болью в душе представил горевшую родную хату в Светлом Поле летом 1944-го года. Тогда было понятно, что деревню подожгли отступавшие под ударами Красной армии гитлеровцы. Сгорели все хаты в деревне, их некому было спасать. А сейчас? Кто и зачем спалил избу со всем имуществом и всеми пристройками, кроме баньки, находившейся в сторонке. Вадим Андреевич был убежден, что возгорание произошло не от короткого замыкания – при покупке избы вся электропроводка была тщательно проверена местным электриком, все, что вызывало какое-то подозрение – заменили. Однако виновников пожара, кто они – он не мог даже предположить.

Постояв у дымившего пожарища, Вадим Андреевич и Мария Григорьевна направились в баньку, единственное место, где можно было спрятаться от холодного ветра и морозящего дождя. Чтобы не замерзнуть, пришлось затопить в бане печку. Скоро стало тепло. Перекусили. Грустный разговор больше шел о сгоревшей избе, о том, как быть дальше: сохранять ли огород и строить новый домик или все продать.

– По-моему, надо сохранить огород, – сдерживая слезы, проронила Мария Григорьевна. – Сохранить для детей и внуков. Известно, что будет дальше со страной, не доведут ли демократы народ до голода. А своя земелька будет – не помрем с голоду. Картошки и овощей насадим – будет что пожевать. Там, глядишь, скопим каких-то денег и новый домик построим. Ну, а пока баньку приспособим для временного жилья.

Возражать против желаний жены Вадим Андреевич не стал, хотя сначала настроение было иное: продать земельный участок, это 15 соток – ибо содержать дальше его без избы нет смысла. Негде будет остановиться и пожить, да и накладны станут поездки при теперешнем бешеном росте цен на все. А думать о новом строительстве, когда при отпуске цен более десяти тысяч накопленных в сберкассе советских рублей превратились в копейки, не более чем маниловщина. Тем не менее Вадим Андреевич с пониманием воспринял желания и доводы жены о необходимости сохранения огорода.

– Хорошо, пока не будем продавать огород, а дальше будет видно, как с ним поступить. – Немного подумав, Вадим Андреевич добавил: – Домик построить в ближайшее время вряд ли удастся – все наши деньги рынок съел. Постараемся какую-нибудь простенькую веранду соорудить.

Немного успокоившись, Мария Григорьевна спохватилась:

– Ну что же мы сидим! До проходящего рейсового автобуса еще около трех часов, да и дождь перестал, можно заняться делом. Я пойду и займусь грядками, уберу старые листочки, сорняки, проснувшиеся от зимней

спячки, немного подрыхлю землю вокруг кустиков виктории. А ты поработай со смородиной и крыжовником.

Вот уже третий год, после того как в 89-м купили избу вместе с приусадебным земельным участком, начинались здесь весенние работы с обработки грядок виктории, чеснока, кустов смородины и крыжовника, вспашки огорода, посадки картошки, морковки, свеклы, лука, высаживания в парнике огурцов. Они продолжались и в последующее время, хотя менялся характер этих работ, расширялось их разнообразие. Все это для Вадима Андреевича и Марии Григорьевны становилось обычным делом и заботой. Вести это несложное, но требующее немалого труда хозяйство помогали дети – Ярослав с Наташей и Даша. Они прекрасно понимали, что картошка и овощи, выращенные в своем огороде – это хорошее дополнение к столу. Тем более что с перестройкой полки в магазинах стали пустеть.

Избу вместе с огородом по настоянию Марии Григорьевны купили в 1989-м, когда стало понятно, что перестройка ведет не к улучшению жизни, а скорее наоборот – ухудшению и, возможно, к голоду. Вадим Андреевич и Мария Григорьевна, пережившие голодное детство в войну и первые послевоенные годы, стремились не допустить, чтобы в мирное время из-за бездарной перестройки, их детей постигла бы та же самая участь. Поэтому Вадим Андреевич не сопротивлялся, поддержал желание жены обзавестись небольшим хозяйством, хотя ранее, до перестройки, он под разным предлогом отказывался от приобретения дачи в коллективном саду. Купили избу с приусадебным участком относительно дешево, но далеко от города. Зато это восполнялось чистой здешней экологией, природной красотой местности. Изба и огород находились на небольшом склоне. Дальше, внизу, тянулся лог, а за ним виднелись дома местных жителей. Они вплотную подходили к лесу, остроконечные вершины которого украшали горизонт. Вот эта чарующая красота приятно поразила Вадима Андреевича, она вдохновила его на обустройство приобретенной недвижимости, превращение ее в комфортную загородную дачу, где будут он с Машей и дети отдыхать, внуки играть. И он с каким-то небывалым энтузиазмом принялся за работу. Надежными помощниками стали зять Ярослав, тесть Виктор Иванович, а при необходимости – приглашались и местные специалисты. В сжатые сроки удалось отремонтировать избу: заменить прогнившие бревна-подпольни, служившие фундаментом, на новые из лиственницы; перекрыть крышу шифером; сделать крыльцо; покрасить белой эмалью окна.

Кое-что еще было сделано. И вот весь труд в одночасье пропал даром. От тяжелых размышлений его отвлекла Мария Григорьевна:

– Ты смотришь за временем, мы не опоздаем на автобус?

– Не опоздаем, працуй! – ответил Вадим Андреевич, не прекращая обрезки сухих веток смородины. Иногда он при разговоре употреблял белорусские слова, чтобы разговор оживить, сделать его непривычным.

– А у тебя еще много работы с кустами? – не разгибаясь, продолжая колдовать над кустиками виктории, справилась Мария Григорьевна.

– Порядочно, – буркнул Вадим Андреевич.

Потребовалось около часа, чтобы предварительно обработать грядки виктории и кусты смородины и крыжовника. Уход за викторией продолжится и дальше, когда потеплеет. А пока, завершив трудовую разминку, Вадим Андреевич и Мария Григорьевна, не теряя времени, чтобы не опоздать к автобусу, наскоро перекусили, сложили в баньке кое-какой оставшийся инвентарь, закрыли баньку и покинули вынужденное теперь жилище. По пути остановились у пепелища сгоревшей избы. Кое-где еще дымились не совсем потухшие головешки. Трудно верилось, что больше избы нет, которую за эти три года освоили и полюбили.

– Грустная картина, – вздохнул Вадим Андреевич, не отрывая глаз от пепелища. И каким-то чужим, несвойственным ему голосом, выдал: – А ведь не только изба сгорела, сгорела мечта сделать камин, вырастить смородиновый сад, высадить рябиновую аллею, посадить любимые деревья: сосну, дуб. А из Белоруссии, из родной деревни, привести несколько деревьев клена.

– Не расстраивайся, все образуется, – обронила Мария Григорьевна, повернувшись к мужу. – Все образуется. Пойдем к автобусу.

* * *

Прочитать заключительную лекцию для слушателей ИПК дирекция института пригласила Алексева, члена-корреспондента Российской Академии наук, директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Посчитали, что слушателем ИПК будет полезно послушать выступление ученого-историка с мировым именем, сверить каждому собственную позицию с его позицией по принципиальным событиям Отечественной истории, понять суть новой, исповедуемой им методологии исторического познания, узнать мнение ученого о задачах исторической науки на современном этапе.

Алексеев приступил к чтению своей лекции при заполненной до отказа аудитории. Как заметил для себя Вадим Андреевич, среди присутствующих были не только бывшие историки КПСС, но и представители других гуманитарных дисциплин.

Лектор начал с того, что август девяносто первого подвел черту под последними тремя четвертями века русской истории.

– Надо полагать, – рассуждал он, – август внесет серьезные коррективы в интерпретацию событий всего двадцатого столетия. В этих условиях на новую отметку поднимается значение исторических исследований, причем не с идеологизированных, а подлинно научных позиций общечеловеческих ценностей. – Коснувшись вопроса о возрождении России, горячо

обсуждаемого в российском обществе, Алексеев стал излагать свое видение проблемы:

– Ведь в нашей истории всякое бывало. Были преобразования Петра Великого и «отца народов» Сталина. Те и другие на какое-то время двинули страну вперед. Но весь вопрос в том, какой ценой? Если дорогая цена первых преобразований в конечном счете оправдалась, то вторых – нет.

– Почему? – не выдержал Вадим Андреевич. Но лектор не обратил на это внимания и продолжил дальше:

– Прогресс в России нередко насаждался силой, путем революций сверху, чаще более кровавых, чем снизу. Достаточно вспомнить преобразования Ивана Грозного, Петра I и Сталина, чтобы убедиться в этом. Феномен непрост. Видимо, надо учитывать срединное положение мировой державы между европейской и азиатской цивилизациями и необходимость оперативно реагировать на изменения то с одной, то с другой стороны (эффект буфера). В ситуации инерционности огромной страны с недостаточно высоким уровнем политического и культурного развития значительной части населения это не проходило бесследно. – Алексеев сделал паузу. Убедившись, что слушатели воспринимают сказанное им, заговорил более напористо:

– Широко известно, что политическая надстройка в России веками держалась на мощном чиновничьем аппарате. С одной стороны, это следствие слабости экономических и юридических рычагов управления, а с другой – привычка народа к подневольному труду, начиная с татаро-монгольского ига, через крепостничество к сталинскому внеэкономическому принуждению.

Далее лектор остановился на такой специфической особенности русского общества, как доминировавшая на протяжении столетий его иерархическая структура во главе с царем и господствующим классом дворянства.

– Удивительным парадоксом истории является то, что даже Октябрьская социалистическая революция не сломала сложившуюся структуру, – подчеркнул Алексеев. – На смену дворянству пришел рабочий класс, от имени которого правила партийная бюрократия во главе с Генеральным секретарем ЦК партии.

Выразив уверенность, что в нынешней России демократические тенденции, несмотря на всевозможные перипетии, возобладают, за ними будущее, лектор перешел к задачам исторической науки на современном этапе.

– Исторический опыт целесообразно изучать не столько для того, чтобы знать, как поступали наши предки, а для того, чтобы научиться тому, как надо и не надо поступать в будущем, – напомнил слушателям известную истину Алексеев. И дальше он стал излагать свое понимание новых подходов к изучению истории. – Новые подходы к изучению истории России требуют совершенствования методов ее изучения и внедрения в социальную практику, сознание народа, – утверждал лектор. – Если в условиях идеологизации истории главной формой ее разработки было написание

кандидатских и докторских диссертаций по стародавнему пименовскому принципу «еще одно, последнее сказание – и летопись окончена моя», то на современном этапе целесообразно перейти к проектной организации работ с итоговой выплатой по конечному результату.

В подтверждение сказанного лектор остановился на разработке институтом истории и археологии УрО РАН целевой комплексной программы «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)». Закончил свою лекцию напоминанием слушателем о необходимости следовать предназначению исторической науки:

– Предназначение науки История – добросовестно осмысливать и профессионально описывать прошлое, это раз, а второе – делать из него выводы, практически значимые сегодня (6).

Лекция высококвалифицированного историка в целом была воспринята слушателями с большим интересом. По ее ходу никаких дискуссионных вопросов не возникало. Однако как только Алексеев покинул аудиторию, уже во время перерыва между слушателями началось ее обсуждение. Высказывались разные соображения. Вадим Андреевич, оказавшись рядом с Захарцевым, спросил у него:

– Как вы оцениваете лекцию членкора?

– Содержательная, однако пахнет антисоветским духом!

– Не просто пахнет, а представляет собой формирующую новую, антисоветскую историографию, и среди первых ее авторов – наш Вениамин Алексеев, – отозвался Вадим Андреевич. – Ну вот, смотрите: как исторический факт в лекции было правильно сказано, что преобразования Петра I и Сталина на какое-то время двинули страну вперед. И что и те, и другие реформы обошлись дорого для народа. Все правильно. А дальше, оказывается, дорогая цена петровских преобразований была вполне оправдана, а вот сталинских – нет. Почему? Такой вопрос по ходу лекции я задал Алексееву, но он ушел от ответа на него. Далее. Он заявляет о необходимости подъема исторических исследований, причем не идеологизированных, а подлинно научных с позиций человеческих ценностей. Сразу же возникает вопрос: а можно ли вообще говорить о человеческих ценностях без идеологической составляющей в них? По-моему – нет. Мы же знаем, что в средневековом обществе, например, носителем новых культурных ценностей выступала христианская идеология. Ее институт церковь как в Западной, так и в Восточной Европе активно пропагандировала в основном те христианские идеи, которые помогали освящать божественным авторитетом феодальный строй, социальное неравенство, внушать людям смирение и беспрекословное повиновение феодалам и государству. Церковь была безжалостна к инакомыслию, неортодоксальному истолкованию христианского вероучения. Можно вспомнить инквизицию, сколько она погубила людей.

– А у нас в России до Октябрьской революции уваровская концепция «Православие – Самодержавие – Народность» тоже служила ценностным

ориентиром в обществе, идеологически защищала господство дворян во главе с царем, – напомнил Захарцев.

– Правильно, – согласился Вадим Андреевич и продолжил: – После Октябрьской революции человеческие ценности в нашей стране базировались на идеалах социализма, а позже – на моральном кодексе строителя коммунизма. Разве сформулированные в нем принципы противоречили общечеловеческим ценностям? Разумеется, нет. Наверное, так считает и Алексеев. Но тем не менее он выступает против идеологизированных исторических исследований, а фактически против применения в исторической науке марксистско-ленинской методологии.

– Как думаете, почему такой крупный историк, чьи труды, написанные в советское время на основе марксистско-ленинской методологии, вдруг перевоплотился, по всей видимости, в либерала? – спросил Захарцев.

– Отчасти, на этот вопрос дал ответ в своей лекции Бабулин. Но только отчасти. – Вадим Андреевич задумался. Ведь Алексеев, будучи исследователем гражданской истории, не был стеснен в своей творческой деятельности решениями партийных съездов, постановлениями ЦК КПСС, как историки партии. Так что же тогда его подвигнуло выступить против марксистско-ленинской идеологии – ценностного стержня в жизни советского общества? Желание остаться на плаву в исторической науке и в условиях буржуазно-либеральной власти, которая устанавливает свои порядки в стране и, похоже, надолго. А может быть, он и в советское время был приверженцем буржуазной демократии, но, естественно, об этом открыто не говорил? Соображая, как полнее и убедительнее ответить на вопрос Захарцева, Вадим Андреевич вдруг адресовал ему встречный вопрос:

– Михаил Петрович, что не устраивает в социалистических ценностях нынешнее руководство России, значительную часть интеллигенции, в том числе немало и историков, либеральные СМИ?

Захарцев задумался, а потом убежденно ответил:

– Отсутствие в социалистических ценностях прав на частную собственность, на спекуляцию, на обогащение одних и обнищание других, на либеральную вседозволенность! На чем держится капитализм? На эксплуатации эгоизма, свойственного каждому человеку. Отсюда – разжигаемая сегодня в российском обществе ненависть ко всему советскому.

Вадим Андреевич не нашелся ответить что-то противоположное на сказанное Захарцевым.

* * *

24 июня состоялось собрание историков-слушателей ИПК, на котором подводились итоги учебы по повышению квалификации, точнее – по переквалификации бывших историков КПСС. Собираться по окончании ИПК было традицией, причем проводить такие собрания предпочитали в ресторане. Слушатели рассуждали так: на последнюю ипаковскую стипендию, а

она равнялась 50 руб., не грех отметить окончание института за его стенами, пообщаться с коллегами за рюмкой или бокалом, подкрепить дружеские связи, которые обозначились во время учебных занятий. На сей раз собрались в той же аудитории, где проходили учебные занятия. Открыл собрание Назаркин:

– Мы собрались с вами для подведения итогов учебы, обмена мнениями по организации и качеству учебных занятий в исторический день: сорок семь лет назад на Красной площади в Москве прошел Парад Победы. Об этом мы сможем поговорить позже, если будет на то желание у присутствующих. А пока несколько слов об итогах нашей общей с вами работы. Сразу скажу: с вашим набором не просто было организовать так учебный процесс, чтобы он устраивал всех слушателей, а именно, чтобы не только каждому из вас помогал обогатиться дополнительными знаниями, но, и это главное, способствовал бы переосмыслению методологических подходов в изучении истории. Насколько нам удалось этого достичь – хотелось бы сейчас от вас узнать.

Назаркин замолчал, давая возможность высказаться слушателям. После небольшой паузы первым взял слово Вадим Андреевич:

– Не знаю, какое мнение выскажут коллеги, но, на мой взгляд, в одночасье отказаться от марксистско-ленинской методологии и перейти на непонятно какую-то другую – невозможно. В этом смысле учеба в ИПК лишь обострила данную проблему для каждого из нас. Что же касается лекций и семинаров – они по теоретическому уровню и дискуссиям были разными, но в целом – полезными.

– Я считаю, что здесь, в ИПК, время проведено не зря. Лекции, семинары, групповое и взаимное обсуждение острых вопросов современности позволили не только лучше понять суть происходящих перемен в стране, но более-менее определиться и с методологией исторических исследований, – продолжил обсуждение Лебедев. – Согласен с Алексеевым, что сегодня, когда господствующей идеологией в стране становится либерализм, подходить к изучению прошлого правомерно с позиций общечеловеческих ценностей.

– Что несет либерализм прежде всего нашим людям, уже сегодня видно, если сознательно не закрывать, разумеется, глаза на происходящее в стране, или вообще быть ко всему безразличным, – подал свой голос Авдеев. – А несет он безудержную власть денег и связанные с ними все человеческие пороки. Да, социализм рухнул, коммунистическая идеология уходит в небытие. Освободившуюся духовную нишу заполняют религия и национализм. Поэтому, чтоб уберечь историческую Россию от дальнейшего распада, надо перейти к монархии, и чем быстрее это будет сделано, тем больше будет вероятности сохранения целостности страны. А в качестве идеологической основы можно использовать уваровскую триаду: самодержавие, православие, народность.

– Сегодня народ не примет монархизм, – бросил Лебедев.

– А кто будет народ спрашивать, какая им власть нужна, – отозвался Авдеев. – Однажды у народа спросили: надо ли сохранить Союз? Получили ответ: да! И где теперь Союз? Его нет, а есть непонятное СНГ! Вот так поступили с волей народа, изъявленной им во время референдума 17 марта 1991 года.

– Я надеюсь, что наши потомки дадут правовую оценку этому преступлению и им будет стыдно за нас, ныне живущих, допустивших разрушение СССР и реставрацию капитализма в нашей стране, – выразил горькое сожаление и надежду Захарцев и обратился к Назаркину:

– Николай Степанович, вы обратили внимание, что наше собрание проходит в тот же день, что и Парад Победы сорок семь лет тому назад, то есть в 1945 году. Я не был участником того знаменитого Парада, но у меня много друзей, участвовавших в нем. Они рассказывали с какой радостью и гордостью они бросали знамена поверженной фашистской армии к подножию Мавзолея Ленина, потом бросали свои перчатки с рук на землю, которые надевали, чтобы не запачкаться фашистской нечистью. Следом шли поливальные машины и смывали всю эту изуверскую фашистскую грязь. Можно сказать, что у стен Мавзолея была поставлена последняя победная точка в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А что мы видим сегодня? Оголтелую атаку либеральных СМИ и их покровителей против этой нашей святыни с целью ее очернения и уничтожения. Сердце кровью обливается, когда читаешь и слышишь, что тело Ленина надо убрать с Красной площади – «символ тирании», его сохранение – это варварство, и что он, Ленин, не какая там выдающаяся личность, а всего лишь «платный немецкий агент». Мавзолей демонтировать для того, чтобы воссоздать первоначальный облик Красной площади. Им нипочем, что автор Мавзолея – знаменитый архитектор Щусев, что Мавзолей вошел в число самых известных сооружений мира и что он, являясь составной частью историко-художественного ансамбля Красной площади, охраняется ЮНЕСКО.

– К сожалению, информационная война ведется не только против Ленина, но и против всего советского и Великой Победы в том числе, – вздохнул Вадим Андреевич. – Об этом предупреждал еще на заре перестройки известный советский писатель Юрий Бондарев, но это архитекторов и прорабов перестройки ничуть не озаботило (7).

Назаркин не вмешивался в разговор слушателей по поводу итогов учебы в ИПК. Но как только те стали переходить к дискуссии, затрагивающей происходящие перемены в стране и будущее России, Назаркин счел необходимым ее остановить:

– Коллеги, если я понял правильно, пребывание в ИПК для вас не прошло даром. Вы обогатили свои знания не только по Отечественной, но и мировой истории и в этом смысле повысили свою квалификацию и, естественно, переквалифицировались в гражданских историков. Одновременно

получили дополнительный толчок для дальнейшего размышления относительно новых подходов к изучению прошлого. Желаю всем вам успехов. Традиционный фуршет не состоится. Так что все свободны.

В коридоре, куда дружно из аудитории вышли слушатели, Вадима Андреевича остановил Назаркин:

– Андрейч, зайди на кафедру, надо пообщаться.

На кафедре Назаркин достал из тумбочки своего стола бутылку с коньяком и пару рюмок.

Наполнив их, он сказал:

– Отметим окончание учебного года, в том числе и в ИПК. Что он тебе дал – обсуждать не будем. Хочу лишь тебе порекомендовать ознакомиться с дискуссионными статьями. Их авторы: Липатникова, кандидат философских наук, работает в УрГУ, а Никитина – из Самары, тоже, по всей видимости, кандидат наук. Одна из них осуждает большевизм за «доктриальность и боевизм», что не позволяет, по ее мнению, большевизм отнести к марксизму; другая же выступает в защиту большевизма, рассматривает его как творческое развитие и практическое применение марковского учения. Обе статьи опубликованы в университетской многотиражке. Почитай и разберись в сути дискуссии.

Назаркин передал Вадиму Андреевичу два экземпляра газеты «Уральский университет» (8).

– А теперь поговорим о более приятном для тебя. Пусть твоя протееже готовится к поступлению в заочную аспирантуру. Кроме вступительных экзаменов ей надо представить еще реферат, причем желательно на тему будущей диссертации. Помоги ей определиться с темой реферата.

– Я, конечно, могу ей помочь, – отозвался Вадим Андреевич. – Но лучше тебе это сделать, Степаныч. Ты – опытный научный руководитель аспирантов, работаешь в университете. Возьми под свое научное крыло мою подопечную, подбери тему реферата, а стало быть, и ее будущей диссертации.

– У меня уже три аспиранта, а ты предлагаешь еще взять четвертого, – обронил Назаркин. – Не многовато ли! Ведь с каждым аспирантом надо работать.

– Степаныч, сделай исключение, прошу тебя. Только под твоим руководством Искорцева может успешно подготовить и защитить диссертацию.

– Ладно, ради сохранения наших дружеских отношений сделаю исключение. А тебя попрошу: не делай из себя ретрограда. Выходи из своего времени, оно уже ушло, а новое – на пороге. В нем придется, хочешь того или нет, жить, а чтобы жизнь была более-менее полнокровна, чтобы тебя прошлое не заморозило – продолжай заниматься историческими исследованиями.

Глава восьмая

Возвратившись в Свердловск, домой, Вадим все еще какое-то время оставался в плену своих впечатлений от побывки в родной деревне Светлое Поле. Времени, конечно, было мало – всего девять дней, чтобы вдоволь насладиться беззаботным отдыхом, побродить по согревающим душу дорогим местам, встретиться не только с родными и близкими людьми, но и школьными друзьями. Оказалась неудачной попытка осуществить юношескую мечту – отыскать в заболоченном лесном массиве островок, где, возможно, хранятся клад пана Рутковского, партизанское снаряжение и вооружение вместе с НЗ. Тот или не тот болотный островок, на котором он побывал вместе с Василем, Галей и Валерой, осталось загадкой. Нет в живых Виктора – тоже участника того зимнего неудачного лыжного похода в поисках загадочного островка, чуть не кончившегося для него, Вадима, трагически. По словам его мамы, которая проживает в Светлом Поле, Виктор погиб в автомобильной аварии. Не удалось встретиться ни с Сеньюгиным, побывавшем в свое время на болотной «кочке», ни тем более с Титковым, командиром партизанской бригады «Железняк». Сеньюгин – житель Минска, вместе с семьей уехал в Крым отдыхать. А без Сеньюгина он не решился искать встречи с Титковым, да и времени для этого не было. Правда, с Минском, столицей Белоруссии, хоть немного все же удалось познакомиться в часовой экскурсии. То, что узнали, впечатлило и его, и Валеру. Это прежде всего Дом Правительства, построенный в 1930–1934 гг. по проекту ленинградского архитектора Лангбарда; Памятник Победы, открытый в 1954 году и ставший символом Минска; главная магистраль города – проспект Ленина, застроенный великолепными жилыми домами и зданиями административного культурного назначения; архитектурный облик привокзальной площади с двумя 11-этажными башнями, своеобразными «воротами в город». Поразили чистота города, дружелюбие минчан.

О проведенном отпуске в родной деревне в Белоруссии Вадим сразу же по приезде поделился впечатлениями с Володей, Виктором и Алексеем. Они внимательно слушали, расспрашивали, а когда Володя, улучив момент, вдруг спросил, не встретил ли он на родине новую любовь, ответил:

– Эхо первой любви все еще не погасло вдали.

– А у Люськи оно, похоже, растворилось в необъятных просторах Вселенной, – выложил Володя. – Во всяком случае, она уже с кем-то встречается в Тагиле. Об этом она, откровенничая со мной, призналась.

– Вот так, друг. Гаси эхо первой любви, дай шанс воспламениться своим новым чувствам! – улыбаясь, посоветовал Вадиму Алексей.

– Глубокая мысль, – сказал Вадим, чтоб только что-то сказать. Он еще не знал, как ему поступить, узнав для себя не очень приятную новость.

* * *

На работе поделиться своими впечатлениями о поездке в Белоруссию особо было не с кем. Игорь еще не вернулся из отпуска, а Николай же за время, пока Вадим находился в отпуске, уволился и уехал на Украину, к себе на родину. Бригадир Воронов, хороший собеседник, был расстроен тем, что только что сложившийся коллектив бригады начинал распадаться.

– Понимаешь, Вадим, бригада лишается сразу троих хороших рабочих, – тяжело вздохнул Иван Никифорович. – Николай уволился. А тебя и Игоря переводят в слесари-инструментальщики в связи с производственной необходимостью. На мое возражение против такого решения начальник цеха ответил, что нельзя допустить простоя бригады штамповщиков, обслуживающих пресс «Фильдинг», из-за отсутствия необходимой оснастки для штамповки. И добавил: только твои рабочие Вадим и Игорь, имеющие навыки в пользовании разными инструментами, в стропольных работах, смогут успешно подбирать и готовить необходимую оснастку. А в бригаду рихтовщиков, дескать, будут направлены вновь поступающие на завод. Вот такие пироги, хоть плачь, хоть кричи...

Бригадир смолк. Его подавленное настроение ощутил на себе Вадим. Стараясь хоть как-то успокоить бригадира, он участливо произнес:

– Но это ведь не окончательное решение. Все еще может измениться. Да и мнения нашего никто не спрашивал.

– Ладно, поживем-увидим, – неохотно согласился бригадир.

Ждать пришлось недолго. Как только Игорь после отпуска вышел на работу, его и Вадима пригласили к начальнику цеха.

– Ну, что, друзья, как смотрите на то, чтобы вам перейти на другой участок работы – готовить необходимую оснастку для штамповки на пресах днищ – важная часть для изготавливаемой химваппаратуры, – встретил вопросом молодых рабочих Кондратьев. И, не дожидаясь их реакции, коротко объяснил, почему его выбор пал именно на них: – Вы наиболее подготовлены для этой работы.

– Александр Николаевич, а мы в зарплате не потеряем? – подал свой голос Вадим.

– Не потеряете, мы переведем вас по третьему разряду слесаря-инструментальщика.

– А когда мы должны приступить к новой работе? – спросил Игорь.

– Со следующей недели, с понедельника. А пока подойдите к бригадир-у штамповщиков и узнайте, какая им потребуется оснастка в предстоящие дни. Хочу вас предупредить: вы не входите в состав бригады, но работаете в тесном контакте с ней. Ваш труд не сдельный, оплачивается по тарифу.

– Александр Николаевич, а как будет с рабочими сменами? – поинтересовался Вадим. – Ведь оба мы студенты-вечерники, нам надо посещать учебные занятия, а иначе нас могут отчислить из наших вузов. В бригаде по договоренности мы работали в первую и третью смены.

– Сейчас вы будете работать только в первую смену, готовить оснастку для первой, второй и третьей смен бригадам кузнецов-штамповщиков, – ответил начальник цеха. – Во вторую выходить придется в порядке исключения из-за возникшей производственной необходимости.

– Понятно, – дружно, в один голос ответили Вадим и Игорь. – Мы готовы перейти на новую работу.

– Хорошо, приказ о переводе вас в слесари-инструментальщики мной будет подписан, – подвел итог беседы с молодыми рабочими начальник цеха.

* * *

В один из августовских дней секретарь партийной организации цеха Устинович пригласил Вадима зайти во время обеденного перерыва к нему в партбюро. Здороваясь, он сначала справился, как ему работаете, как проходит учеба в университете, а потом перешел к деловому разговору:

– Ты работаешь в нашем цехе около двух лет. За это время проявил себя как хороший рабочий, активный общественник, инициативный, ответственный товарищ. За счет именно таких молодых людей пополняются ряды нашей партии. Поэтому, как считают коммунисты цеха, тебя надо рекомендовать кандидатом в члены КПСС. Как ты на это смотришь? Конечно, членство в партии – дело сугубо добровольное!

– Для меня это большая неожиданность, – произнес с заметным волнением Вадим. – Я не знаю, достоин ли я быть в рядах КПСС. Ничего героического не совершил, да и работа у меня не такая выдающаяся, чтобы отличаться на ней и оказаться в рядах правофланговых.

– Не рабочее место, не род деятельности красят человека, а человек украшает то и другое. Это – во-первых. А во-вторых, поступив в университет на истфак, ты определил сферу своей деятельности в будущем – педагог, воспитатель, боец идеологического фронта. А если это так, то тебе надо непременно быть в партии, тут, как говорится, сам бог велел. Так что подумай хорошенько и о своем решении мне скажешь. На размышление, надеюсь, недельки хватит.

Разговор с парторгом цеха заставил Вадима задуматься. Поступая в университет на истфак, он никак не связывал свою будущую профессиональную деятельность обязательно с партийностью. Правда, Игорь, член КПСС, не раз и в шутку, и всерьез намекал, что ему как будущему историку лучше на заводе обрести партийность, ибо для рабочих всегда открыт зеленый свет к поступлению в партию, не то что для интеллигенции, для которой возможности стать членом КПСС не такие блестящие. И вот теперь, когда ему предложили стать коммунистом, он решил об этом рассказать Игорю и заодно посоветоваться, как быть, какое принять решение. Тот воспринял это сообщение как им давно предсказуемое:

– Вот, видишь, то, что я тебе предрекал – сбывается! – воскликнул Игорь. – Не раздумывай, вступай кандидатом в члены КПСС, я готов дать рекомендацию. В наше время, когда решаются такие грандиозные задачи, быть коммунистом – зов сердца, зов к подвигу.

– Убедил, – с облегчением вздохнул Вадим. – Готов к общественно полезному труду во имя общего блага.

* * *

В повестке открытого партийного собрания цеха значился главный вопрос: «Работа партийной организации цеха по руководству социалистическим соревнованием и активному участию в управлении производством».

Открыл собрание секретарь парторганизации цеха Устинович. Он сообщил, что из 40 членов и кандидатов в члены КПСС присутствуют 35 (1). Трое не могут присутствовать из-за занятости на производстве, они работают во вторую смену. Двое других находятся на больничном. Далее Устинович объявил, что на партсобрании присутствуют беспартийные – мастера, бригадиры, рабочие, которые не заняты на производстве, поскольку обсуждается важный вопрос для всего трудового коллектива.

После избрания председателя и секретаря партсобрания председатель, а им стал Устинович, продолжил ведение собрания:

– Перед тем как перейти к основному вопросу повестки собрания, обсудим вопрос о приеме кандидатом в члены КПСС Вадима Звездина. Заявление и рекомендации имеются.

Все это время, пока секретарь парторганизации решал организационные вопросы, Вадим с легким волнением ожидал своей участи. А когда Устинович зачитал его заявление с просьбой о приеме кандидатом в члены КПСС, сердце страшно заколотилось, готовое вот-вот вырваться наружу.

– Рекомендую товарища Звездина принять кандидатом в члены КПСС коммунисты Воронов, Устинович. Имеется положительная рекомендация заводского комитета комсомола, – продолжил Устинович. – Есть предложение сначала послушать рекомендующих товарищей. – И тут же предложил выступить Воронову.

Воронов поднялся со своего места, подошел не спеша к столу президиума, немного подождал, пока все присутствующие успокоятся, а потом рассудительно начал:

– На фронте вступление в партию обязывало бить врага беспощадно, не щадя своей жизни. А сейчас? А сейчас надо строить коммунистическое общество, не страшась трудностей, невзирая ни на какие издержки в этом великом деле. В этом сегодня и состоит ответственная миссия каждого коммуниста. Сможет ли Вадим нынче нести высокое звание коммуниста? Думаю, да. Я знаю его по совместной работе вот уже два года. Могу сказать: он – хороший рабочий, успешно справляется с производственным заданием, совмещая работу с учебой в университете вечером; активный

комсомолец. Вадим получил хорошую армейскую закалку, проходя срочную службу в воздушно-десантных войсках. Поэтому рекомендую принять его кандидатом в члены КПСС. Надеюсь, он оправдает наше доверие, не уронит звания и чести коммуниста при любых обстоятельствах.

Сделав небольшую паузу, Воронов вдруг обратился к начальнику цеха Кондратьеву, присутствующему на партсобрании:

– Александр Николаевич, как-то вышло не по партийному. Вы лишили бригаду двух толковых рабочих – Звездина и Мурашова, переведя их в слесари-инструментальщики. Выполнение производственного задания может оказаться сорванным.

– Иван Никифорович, нельзя допустить срыва плана. Разрешаю одного из двух рабочих, на ваше усмотрение, задержать на несколько дней, пока не примем новых. Заявка в отдел кадров подана. Ну, а что касается партийности, – Кондратьев на мгновение задумался, а потом ответил:– Наша партийность подчинена главному – выполнению государственного плана.

Ответив Воронову, начальник цеха коснулся Вадима – кандидата в члены КПСС.

– К тому, что сказал о Звездине Иван Никифорович, дополню: этого молодого человека отличают целеустремленность и настойчивость. В этом я мог убедиться при его решении о поступлении в вуз. Мои беседы с ним о том, чтобы поступать учиться в УПИ, стать инженером и продолжить трудиться на нашем заводе, оказались безрезультатными. Он настоял на своем – поступил в Уральский госуниверситет, станет историком. И фактически после окончания вуза окажется перед выбором: продолжить ли трудиться на заводе или покинуть завод и пойти работать историком. Скорее, пойдет работать по полученной в вузе специальности, и это логично. Возникает вопрос: для кого мы готовим кадры, в том числе партийные?

– Александр Николаевич, вы против приема Звездина кандидатом в члены КПСС? – спросил Устинович.

– По своим деловым и человеческим качествам он, безусловно, достоин быть в рядах нашей партии. Однако партбюро вместе с парткомом перед тем как давать «добро» на поступление в гуманитарный вуз молодых рабочих завода, надо подумать о возможностях их трудоустройства на заводе после получения ими высшего гуманитарного образования, – пояснил свою позицию Кондратьев.

– Вы, Александр Николаевич, безусловно, правы, – отреагировал Устинович. – Но, во-первых, у нас таких студентов по заводу раз-два и обчелся; а во-вторых, есть наши подшефные школы, где потребуются те же историки, да и на заводе можно будет их трудоустроить. – Далее парторг продолжил как один из рекомендующих: – Полностью согласен с тем, что сказал о Вадиме Иван Никифорович. Повторюсь, что уже было сказано: Звездин – ответственный и исполнительный товарищ, на которого можно положиться, зная, что он не подведет. Политически грамотный,

хорошо разбирается в вопросах внутренней и внешней политики КПСС и Советского правительства. Что хочу пожелать молодому коммунисту? Ни при каких обстоятельствах не ронять высокой чести и звания коммуниста, научиться личные интересы подчинять общественным.

Затем Устинович зачитал рекомендацию заводского комитета комсомола, где перечислялись добрые дела комсомольца Звездина – члена бюро ВЛКСМ цеха.

Все это время, пока шло обсуждение его кандидатуры в члены КПСС, Вадим испытывал смешанное чувство: то его радовали похвалы, которые он впервые слышал в свой адрес на партийном собрании, то чувствовал некую неловкость и даже робость перед присутствующими здесь коммунистами и, особенно, беспартийными. Но вот, наконец, произошло единоголосное голосование по его кандидатуре, и он стал кандидатом в члены КПСС. Первым с этим его поздравил сидящий рядом Игорь. Смешанное чувство сменилось осознанием того, что для него наступает новая полоса жизни, связанная с партийностью.

После принятия кандидатом в члены КПСС Звездина, а он значился один в списке принимаемых в партию, Устинович объявил о переходе ко второму вопросу повестки собрания: «Работа партийной организации цеха по руководству социалистическим соревнованием и активному участию в управлении производством». И он же выступил с докладом по данному вопросу.

Вадим, теперь уже партийный человек, старался вникнуть, о чем говорил парторг, понять, что делается и не делается в цехе по подъему трудовой и общественно-политической активности рабочих и ИТР и какие в этой связи стоят задачи перед коммунистами цеха, а стало быть, и перед ним, Вадимом. Докладчик критически оценивал организацию соревнования за звание бригады коммунистического труда, говорил о допускаемом формализме при принятии индивидуальных обязательств, о слабой работе по активному привлечению работающих к управлению производством. Выступающий в прениях начальник цеха Кондратьев обратил внимание на то, что за весь 1961 год было подано только 19 рацпредложений и ни одно из них не внедрено в производство; далее он указал на невыполнение комплексных планов. Воронов подверг критике деятельность партбюро и цехкома, заявив, что никакой речи не может быть о привлечении рабочих к управлению производством, если ни одна из общественных форм, призванная заниматься этим делом, по-настоящему не действует.

Вадим впервые окунулся в столь критический разбор того, что происходит в трудовом коллективе цеха и на что он раньше не очень обращал внимания. О своем впечатлении от услышанной критики на партсобрании он поделился с Игорем по пути домой, в общежитие. Но тот довольно спокойно выслушал его, а потом также спокойно обронил: бывает и круче.

С согласия начальника цеха Воронов на время оставил в бригаде Вадима. Он по необходимости стал замещать бригадира, обучать несложному мастерству рихтовщика принятых в бригаду новичков. После увольнения Николая и перевода Игоря в слесари-инструментальщики Вадим не мог свыкнуться с тем, что их нет больше в бригаде, отчего становилось тоскливо. И лишь учебные занятия в университете восстанавливали его душевное равновесие, вселяли радость жизни. Он в душе гордился тем, что успешно завершил первый курс и стал студентом-второкурсником и неважно, что вечернего отделения.

На первое занятие в новом учебном году Вадим прибыл в приподнятом настроении. Как и ожидал, встреча с однокурсниками была теплой, все наперебой делились новостями не только из собственной жизни, но и теми, которые касались страны и зарубежья. Вспомнили и о событиях в Новочеркасске, но что там произошло – никто толком не знал. Все ссылались на слухи: то ли была забастовка рабочих против повышения цен на продовольственную продукцию, то ли антиправительственная демонстрация горожан, недовольных местной властью, разогнанная вроде бы военной силой (2).

О событиях в Новочеркасске Вадим впервые услышал только сейчас, во время разговора с однокурсниками. Он, конечно, знал о повышении в июне цен на мясо, колбасу, масло, молоко, другие продукты. Об этом шел разговор среди рабочих в цехе, но все разговором и ограничивалось. В заводской же столовой, где Вадим, как и многие другие молодые рабочие, живущие в общежитии, питался, цены на пищу, приготовленную и выставленную на раздаче, если и изменились, то незаметно. Он спокойно выбирал и набирал то съестное, которое хотел поесть. Рассчитывался и платил, как обычно, примерно 40–50 копеек. Узнав теперь о событиях в Новочеркасске, и что против бастующих рабочих города якобы было применено насилие, Вадим не мог этому поверить. Он считал, что партия не могла допустить нечто подобное в отношении рабочих, но если все же что-то и произошло, местные партийные органы должны разобраться и наказать виновных.

Все услышанное о событиях в Новочеркасске захватило Вадима и держало до тех пор, пока лекция доцента Сурова не погрузила его в историю Пунических войн, войн между Древним Римом и Карфагеном за господство в западном Средиземноморье. Суров читал легко, увлекательно, мелом выписал на доске все, что касалось Пунических войн. Вот он повел рассказ о Ганнибале, и мысленно перед глазами Вадима, как, наверное, и других студентов, всплыв образ этого мужественного карфагенского полководца, его походы и победы в ряде сражений над римлянами, а потом его поражение от римских войск под командованием Публия Корнелия Сципиона. Карфаген пал. Картина пылающего города встала перед глазами Вадима. Ему вдруг почудился запах гари...

Лекции Евгения Георгиевича Сулова были великолепными, их научность сочеталась с наглядностью. Вслед за лектором слушатели мысленно уходили в далекие времена. События далекого прошлого, воспроизведенные лектором, откладывались в памяти легко и надолго. Студенты-вечерники стремились не пропускать лекции по Античной истории, которые читал Сулов, поскольку они, кроме своего великолепия, пробуждали интерес к истории, убеждали в том, каким должен быть профессиональный историк.

* * *

27–28 октября 1962 года мир оказался на грани ядерной катастрофы. Ракетно-ядерное противостояние между СССР и США из-за Кубы – островного государства в Карибском море – достигло опасного предела. Соединенные Штаты никак не могли смириться с тем, что у них под боком появилось государство, в котором после свержения в 1959 году проамериканского кровавого режима генерала Батисты народно-патриотическими силами во главе с Фиделем Кастро стали осуществляться социалистические преобразования. В апреле 1961 года при поддержке флота и авиации США на Кубу в районе Плайя-Хирон высадились наемники с целью ликвидации народной власти. В октябре 1962 года США объявили блокаду Кубе в надежде на полную ее международную изоляцию. Для защиты Кубы СССР, по просьбе Ф. Кастро, разместил на острове Свободы свои ракеты. Утром 27 октября над Кубой был сбит советской ракетой «земля-воздух» американский высотный разведывательный самолет «У-2». Кризисная ситуация приняла взрывоопасный характер. Земляне замерли в ожидании ядерного апокалипсиса (3).

Пик Карибского кризиса пришелся на выходные. Обычно в субботу и воскресенье Вадим готовился к семинарским занятиям по заданным темам по той или другой исторической дисциплине. Поэтому чаще всего днем он пропадал в «Белинке», а вечером как выходило: дежурство с опергруппой, кино, танцы либо в общежитии, либо в заводском клубе и телевизор в Красном уголке общежития. Когда встречался с Людой – кино и театр становились обычным явлением в выходные дни. На сей раз больше слушал радио или смотрел телевизор, ловя каждое сообщение о предпринимаемых действиях СССР и США по отношению к Кубе. Как-то не верилось, что может разразиться война между Советским Союзом и Соединенными Штатами, ибо это будет не традиционная война, а ракетно-ядерная, и американцам не удастся спокойно пережить ее без разрушений и потрясений на своей территории, как это у них было в годы Второй мировой войны. Ведь советские ракеты находились рядом, на Кубе. И все же...

– А если у американцев сдадут нервы и они ударят по Кубе – что тогда будет? – поделился своим беспокойством Вадим с Игорем, тоже находившемся в Красном уголке и смотревшем по телевизору новости.

– Получат по загривку, хотя и нам достанется, – ответил, не раздумывая, Игорь. – Война, брат, не шутка. Хорошо смотреть фильмы про войну, но не воевать. Реальная война, когда над тобою висит смерть – это, брат, совсем другое. Спроси об этом ветеранов Великой Отечественной войны, они расскажут, что каждый из них чувствовал перед боем...

– Но все-таки есть какие-то надежды, что нашим удастся договориться с американцами по Кубе?

– Как гласит банальная истина, надежда умирает последней, – усмехнулся Игорь.

В воскресенье утром, прослушав по радио последние известия и ничего устрашающего не услышав, Вадим отправился в «Белинку», чтобы в ней за чтением отвлечься от давящей на сознание напряженности из-за угрозы ракетно-ядерного конфликта. Заказал и получил книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Он уже начал читать эту книгу в прошлое воскресенье и теперь решил продолжить ее чтение. Греческие мифы о божествах, героях и чудовищах, якобы обитавших в незапамятные времена в Греции и прилегающих к ней странах, пусть придуманные, но для чтения были занимательны. В них отражалось отношение древних греков к добру и злу – вечным спутникам людей. И в этом смысле греческие мифы до сих пор остаются не только познавательными, но и поучительными.

Так думал Вадим, начав читать миф о Прометее, прикованном по велению Зевса к скале. Вчитываясь в содержание мифа, он стремился окунуться в то время, исключив из головы всякие мысли о возможном военном столкновении СССР и США. Вот Сила и Власть возвели могучего титана Прометея на вершину скалы. Его приковывает к скале Гефест. Почему он это делает, хотя и скорбит, видя муки Прометея. Бойтся гнева могущественного бога Зевса. За что Зевс наказывает Прометея? За то, что тот вопреки его воле похитил с Олимпа огонь и дал его людям; он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, постройке кораблей, чтению и письму. Этим Прометей сделал жизнь людей счастливой и поколебал власть Зевса и его помощников – олимпийских богов. За сделанное добро людям он принял страшные муки. И не жалеет об этом: «До дна исчерпаю я все зло, которое послала мне судьба», – отвечает он вещему старцу, готовому молить Зевса о помиловании титана. Освобождает Прометея Геракл – сильнейший и добрейший из людей, как бог (4).

С такой же усидчивостью и вниманием он продолжал читать мифы о Персее, Геракле, Тесее и других героях Древней Греции, пока не почувствовал дикую усталость. В глазах появилась какая-то тупая резь.

Не трата больше ни минуты, Вадим сдал книгу и покинул «Белинку». На улице его обдал свежий прохладный ветер, и он сразу почувствовал облегчение. Октябрьское холодное солнце вот-вот готово было сдать свои позиции наседавшим сумеркам.

Вадим ускорил шаг, направляясь к троллейбусной остановке. Ждать машину пришлось недолго. Зайдя в почти безлюдный салон троллейбуса и сев на одно из пустующих мест, он ощутил, как вновь на него накатывается тревога за возможный военный конфликт с американцами. В таком состоянии доехал до конечной остановки «Химмаш», а от нее быстро дошел к себе домой, в общежитие. С порога его встретили Володя и Витя вместе громким возгласом:

– Отбой советско-американской войне!

– А что, разве произошло военное столкновение между СССР и США, – обеспокоенно спросил Вадим.

– Окончилась война нервов, которая могла перерасти в настоящую ракетно-ядерную войну с чудовищными последствиями, – уточнил Володя. – Наши договорились с американцами: те оставляют Кубу в покое, а мы с Острова Свободы убираем свои ракеты.

– Ну что ж, «Ende gut – ales gut», как говорят немцы, а по-нашему: конец хороший, и все хорошо, – сказал Вадим. – Осталось хорошо выспаться и утром с хорошим настроением двинуться на работу, на славные дела.

* * *

В канун Октябрьского праздника в заводском клубе состоялся концерт артиста Свердловской филармонии Чжан Голина. Об этом певце, приехавшем из Китая в СССР и Свердловск в 1955 году, Вадим слышался много. Он знал, что его отец – китаец, мать – русская. Мать привила ему любовь к русскому языку, которым он владеет в совершенстве, а также к России – второй его Родине. Кроме китайского и русского языков, Чжан владеет английским, японским, немецким, хорошо понимает итальянский, французский языки. По образованию – химик, окончил Пекинский университет. Но природа наделила его прекрасным голосом. В Шанхайской консерватории, где он учился, его обучали пению русские и итальянские педагоги. После установления народной власти в Китае в 1949 году, Чжан Голин становится страстным пропагандистом русской и советской песни. Это в конечном счете его побудило приехать в Советский Союз и задержаться на много лет как артиста в Свердловской филармонии.

Вадим не раз пытался попасть на концерт Чжан Голина, однако всегда возникала проблема с приобретением билетов. На этот раз их купила Валя, причем не только для себя и Алексея, отношения с которым у нее становились более чем дружеские, но и для него. Ей пришлось отстоять в заводской кассе в очереди несколько часов. И вот теперь они втроем – Валя, Алексей и он, Вадим, – сидели в зале заводского клуба, занимая даже приличные места, в ожидании появления на сцене певца.

– Спасибо, Валюша, что не забываешь друзей, остаюсь твоим должником, – добродушно улынулся Вадим.

– Посмотрим, посмотрим, когда и куда ты меня пригласишь, – весело отозвалась Валя.

– Без Алеши? – Вадим внимательно посмотрел в Валины глаза.

– А почему бы и нет, пока не закольцована! – не то шутя, не то всерьез ответила Валя.

– А ты, Алексей, как смотришь, на это? – обратился Вадим к другу.

– Втроем, чтоб скучно не было, – вставил Алексей.

– Видишь, Валя, придется втроем где-то побывать, – сделал вывод Вадим.

Дальнейшие их рассуждения остановила вышедшая на сцену дама средних лет. Она села за рояль, пальцы ее рук пробежали по клавишам музыкального инструмента. И тут же появился Чжан Голин с песней «Широка страна моя родная», что вызвало бурные аплодисменты переполненного зала. Приятного тембра голос, с хорошей фразой и отличным пониманием того, о чем он поет, – вот что сразу же покорило зрителей. Не делая паузы, Чжан Голин запел «Подмосковные вечера», и зал стал ему подпевать. Закончив пение полубившейся всем песни, Чжан молча подождал, пока успокоится зал, а потом, поправив очки, на чистом русском языке объявил:

– Сейчас я исполню несколько русских романсов.

И полились в зал щемящие душу волшебные звуки романсов: «Я встретил вас – и все былое...», «Не пробуждай воспоминаний...», «Я помню вальса звук прелестный...», «Прощай, мой табор», «Дорогой длинною».

Исполнив романсы, Чжан поклонился и под несмолкающие аплодисменты покинул сцену. Пианистка, не дожидаясь пока зал успокоится, громко произнесла:

– А сейчас Николай Иванович, так мы зовем нашего китайского друга по-русски, немножко познакомит вас с зарубежной эстрадой.

И вновь на сцену с добродушной улыбкой вышел Николай Иванович. Он запел сначала по-английски, дальше – на других языках. Большинство в зале не понимали иностранных языков, на которых солировал Чжан, но всеми хорошо воспринимались замечательные мелодии песен народов разных стран.

Вадим, как и Валя с Алешей, был увлечен звучащими зарубежными мелодиями, несколько не сожалея о том, что не понимает содержание песен, которые легко и выразительно пел Чжан. Но певец, заметив, что зал слишком сосредоточен на его иностранном пении, подошел к пианистке, что-то ей моргнул и, окончив пение на иностранном языке, вдруг затянул: «Нич яка мисячна». Украинская песня сразу же взбудрила зал, а кто-то из зрителей стал даже подпевать. А Вадим, услышав эту прелестную мелодию, вспомнил друга Николая Христосенко, который уехал к себе на Украину, в маленькое село Вилия. Он гордился тем, что его земляком яв-

ляется Николай Островский – автор знаменитого романа «Как закалялась сталь». Он тоже родился в этом селе.

А Чжан Голин продолжал восхищать зал своим пением. Вот зазвучала песня «Хороши весной в саду цветочки», за ней раздался немного грустный романс Рощина из кинофильма «Разные судьбы» И в завершение концерта Чжан исполнил песню, посвященную советско-китайской дружбе, «Москва – Пекин». Закончив свое выступление, певец низко поклонился залу под дружные аплодисменты зрителей замечательного концерта.

Покинув заводской клуб и выйдя на улицу Грибоедова, первой о концерте заговорила Валя.

– Чжан Голин, а по-нашему Николай Иванович, пел здорово. Не зря я простояла за билетами битое время. А пойти на его концерт посоветовала моя школьная подруга Соня. Она как-то раньше умудрилась попасть в филармонию на концерт этого китайца русского.

– Концерт, радующий жизнь, на такие концерты и надо ходить, – высказался Алексей.

– Валя, а что тебе больше всего понравилось из романсов и песен, исполненных Чжаном? – поинтересовался Вадим.

– Не могу даже выделить что-то, все понравилось, – ответила Валя.

– А меня привела в восторг песня: «Хороши весной в саду цветочки, еще лучше девушки весной...». – И Алексей, произнося эти слова, обнял Валью.

Валя, быстро освободившись от объятий Алексея, спросила Вадима:

– А что тебя покорило в этом концерте?

– Высокое вокальное мастерство певца. Его пение заглушило вчерашнюю тревогу возможного ракетно-ядерного конфликта между СССР и США, – ответил Вадим.

– Это правда, – согласилась Валя. – Во время концерта как-то отлегло от души беспокойство за завтрашний день.

– Только не было бы войны, – заметил Алексей. – Без войны, в мирное время – все хорошо сложится и все сбудется.

– Да, хорошо бы постоянно иметь мирное голубое небо над головой, наслаждаться жизнью и хорошей музыкой, – воскликнула Валя. – А пока, парни, по домам, уже поздно!

Глава девятая

6 июля 1992 года начался судебный процесс по «делу КПСС». Конституционному суду предстояло рассмотреть дело о проверке конституционности указов Президента РФ от 23 августа 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также ходатайство от

12 мая 1992 г. и 25 мая 1992 г. группы народных депутатов России о проверке конституционности КПСС и Компартии РСФСР (1).

Для Вадима Андреевича не стало какой-то неожиданностью открытие судебного процесса по «делу КПСС». Он знал из СМИ об обращении 36-и народных депутатов в Конституционный суд с просьбой рассмотреть законность запрета КПСС и КП РСФСР; был знаком с некоторыми публикациями в прессе, авторы-либералы которых еще до судебного разбирательства пытались доказать, что КПСС была не партией, а преступной государственной структурой. Один из экспертов Конституционного суда – доктор философских наук Б. Пугачев – обвинял партию в создании тоталитарного государства, развертывании террора ВЧК – НКВД – КГБ, манипулировании государственными структурами, выработке политической линии, что называлось строительством социализма и коммунизма, подавлении свободы, разрушении основ народного существования (2).

Подобные утверждения накануне Конституционного суда явно преследовали конкретную цель: оказать давление на судей Конституционного суда, превратить проверку конституционности КПСС и КП РСФСР в судилище над партией, наподобие Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками. Это было понятно всем, кто еще оставался верен коммунистическим идеалам в это безумное время шельмования КПСС.

Фрагменты записи первого дня заседаний суда, состоявшегося 7 июля, были опубликованы в «Правде» лишь 14 июля. В первый день, как и положено, в центре внимания оказались процедурные вопросы. Судья В. О. Лучин подробно рассказал о той подготовительной работе, которая была проведена в связи с ходатайствами, поданными группой народных депутатов в Конституционный суд.

При знакомстве с фрагментами записей судебного заседания внимание Вадима Андреевича привлекло выступление В. И. Зоркальцева, в котором тот утверждал, что указы Президента РФ о запрете КПСС и КП РСФСР противоречат «установленному в РФ принципу разделения властей, закрепленному в Конституции РФ разграничению компетенций между высшими органами государственной власти и управления». Далее, рассказывая о позитивной деятельности КПСС, Зоркальцев высказал мысль, с которой трудно было не согласиться: «...В указе президента говорится, что партия привела страну к историческому тупику, и это нелогично. Зачем же потребовалось запрещать партию, находящуюся в тупике и приведшую в тупик страну? Партию, не имеющую будущего, не запрещают, она сходит с политической арены сама» (3).

Острая полемика между сторонниками и противниками указов президента развернулась 8 и 9 июля – во второй и третий дни заседания суда. В оправдание президентских указов и обвинений КПСС выступил С. М. Шахрай. Читая его пространное выступление, Вадим Андреевич не мог понять и принять, как вчерашний коммунист мог говорить о партии

только чернуху. Даже судья В. О. Лучин, не выдержав такого поклепа, спросил Шахрая: «Уважаемый Сергей Михайлович, те примеры, которые вы приводили, тот иллюстративный материал, вам, очевидно, были известны уже при вступлении в партию, или в эту государственную организацию, как вы именуете сейчас КПСС. Что, прозрение произошло с запозданием?»

На этот неудобный вопрос не пришлось отвечать Шахраю, спас председатель суда В. Д. Зорькин, посчитав, что данный вопрос «не имеет отношения к предмету разбирательства» (4).

Позицию представителей Президента в Конституционном суде Шахрай изложил как откровенный антикоммунист: «...мы, представители Президента Российской Федерации, настаиваем на выводе о государственной, а не общественной природе КПСС и видим правоту и оправдание изданных указов в том, что ими отторгнута от кормила самая беспринципная, жесткая и паразитическая часть государственного механизма, именуемая Коммунистической партией» (5). Антикоммунистическую позицию Шахрая развил один из активных представителей президентской стороны в суде А. М. Макаров, обвинив партию во всех смертных грехах, начиная с 1917 года (6). Дочитав его антиисторическое выступление, Вадим Андреевич после некоторых не очень радостных размышлений по поводу начавшегося «судилища» над КПСС ознакомился с выступлением в Конституционном суде летчика-космонавта В. И. Севастьянова и с облегчением воскликнул: «Есть же достойные защитники КПСС и итогов ее созидательной деятельности!»

* * *

Как долго будет длиться в Конституционном суде процесс «по делу КПСС», и какой будет его вердикт – этого вряд ли могли знать даже просвещенные юристы. Вадим Андреевич, не прогнозируя исход этого «судилища», тем не менее следил за процессом, прочитывал выступления защитников и противников президентских указов. Жаркие антикоммунистические и коммунистические баталии в суде становились и для него серьезным испытанием на прочность собственных коммунистических убеждений.

Фрагменты записей заседаний Конституционного суда печатались в «Правде». Вадим Андреевич чаще всего их прочитывал во время прогулки с внуком Сашей в местном парке. Здесь, в парке, когда внук Саша мирно посапывал в коляске в тиши теплого июльского дня, он мог спокойно читать и перечитывать материалы заседаний суда.

Как-то в один из июльских дней, находясь в парке вместе с внуком, Вадим Андреевич встретил человека преклонного возраста, беседа с которым заставила задуматься. Он подошел неожиданно к скамейке, на которую присел Вадим Андреевич, чтобы ознакомиться с очередными фрагментами записей заседаний Конституционного суда, помещенными в газете, пока внук спал в рядом поставленной детской коляске.

– Вам нравится отдыхать в нашем Летнем парке культуры и отдыха? – оторвал незнакомец Вадима Андреевича от просмотра газеты и сразу же объяснился: – Я коренной уралмашевец, часто бываю здесь. Особенно хорошо в парке летом, когда работают аттракционы, что привлекает ребят-шек, а также проходят общественные гуляния и другие мероприятия.

– А как зимой? – не удержался Вадим Андреевич.

– Зимой тоже неплохо, но летом лучше, – ответил незнакомец и справился: – Вы не возражаете, если я сяду на скамейку рядом с вами?

– Нет, пожалуйста, – ответил Вадим Андреевич и немного подвинулся к краю скамейки, уступая место незнакомцу.

Когда тот, кряхтя, уселся, Вадим Андреевич, чтобы как-то продолжить разговор, спросил:

– Вы, наверное, работаете на прославленном «Уралмаше»?

– Работал, а сейчас вот глубокий пенсионер, – отозвался незнакомец. – Начал свою трудовую деятельность на заводе в годы войны подростком. Вначале трудился подсобным рабочим, потом с помощью мастера приспособился к токарному станку. Позже, после войны, стал работать токарем-карусельщиком. Профессия мне эта очень нравилась. Гордился тем, что производили и что производим, гордился коллективом, в котором трудился. Сейчас времена меняются, заводу-гиганту предстоит найти свою нишу в рыночной экономике.

Рассказывая о себе и заводе, незнакомец то и дело поглядывал на газету с хорошо просматриваемыми материалами Конституционного суда, а потом, видимо, посчитав, что достаточно о себе рассказал, поинтересовался:

– Вы читаете выступления участников суда?

– Да, – ответил Вадим Андреевич. – Не могу пропустить это странное судилище!

– Что тут странного! Борьба за власть.

– Странность в том, что одни коммунисты судят других коммунистов! Получается, что КПСС судится с КПСС!

– Ничего странного! Когда дело касается власти – готовы друг другу глотку перегрызть!

– Но не в одной же партии долгое время находиться, принимать единоголосно решения и выполнять их, чтоб потом, в трудный час, устроить борьбу за власть!

– А была ли на самом деле единой КПСС? – удивленно воскликнул старик. – Спросите на этот счет более-менее знающего историка? И он ответит – не была со дня ее образования. История КПСС, скажет историк, это – большевики, меньшевики, партийные чистки, репрессии и тому подобное.

Вадим Андреевич хотел признаться незнакомцу, что он – историк, и что названные факты из истории КПСС ему хорошо известны, и что они никак не оправдывают начавшегося судилища. Но воздержался. Хотелось дальше узнать его рассуждения относительно КПСС и по поводу происхо-

дящих событий в стране. А чтобы поддерживать дальнейший разговор, лишь спросил:

– Вы были членом КПСС?

– Не был, хотя предложения на этот счет от парткома завода поступали и не раз, – ответил незнакомец.

– Почему, если не секрет?

– Никакого секрета. Быть коммунистом – надо не только верить в коммунистические идеалы, но в чем-то себя постоянно ограничивать. Я, конечно, не считал себя Фомой неверующим, для меня коммунистическое завтра связывалось прежде всего с лучшей жизнью. Но придерживаться морального кодекса строителя коммунизма не мог. Я, грешный человек, любил выпить, покуролесить, потаскаться за юбкой. С уважением относился и отношусь к убежденным коммунистам, которые ради людского благополучия, а не только своего личного, могли горы свернуть, несмотря ни на какие трудности и невзгоды. Для меня примером вот такого убежденного коммуниста был и остается Александр Петрович Банников – руководитель строительства Уралмашзавода и первый директор этого завода. Если бы не он возглавлял Уралмашстрой – инициативный и мужественный коммунист, то неизвестно, был бы построен завод-гигант в сжатые сроки.

– Поскольку Уралмашзавод в последующие годы развивался по восходящей, становился ведущим предприятием по выпуску оборудования для металлургической, горной и других отраслей промышленности, то его возглавляли тоже достойные директора-коммунисты, – заметил Вадим Андреевич.

– Оно так, – согласился незнакомец. – Однако есть одно «но». Позже, особенно после войны, директорами завода назначались прежде всего профессионалы, а коммунистами они становились в большинстве случаев не по убеждению, а по советской традиции.

– Это относится и к Рыжкову, одному из генеральных директоров УЗТМ, а в перестроечные годы – главе Советского правительства? – поинтересовался Вадим Андреевич.

– Насколько мне известно, Рыжков вступил в КПСС в 1956 году, работая начальником участка в сборочно-сварочном цехе, а Генеральным директором стал намного позже – в 1970 году. Так что он, возможно, по убеждению стал членом партии. Вообще, в 1956 году, после XX съезда КПСС, многие уралмашевцы стали партийцами, но кто-то по убеждению, а кто-то и по карьеристским соображениям.

– А как вы вообще относитесь к Рыжкову? – спросил Вадим Андреевич.

– Как я могу относиться к Николаю Ивановичу? – повторил вопрос незнакомец. – Он мне ни кум, ни сват, ни брат. Как о бывшем руководителе нашего предприятия могу сказать, что он был на месте, при нем завод исправно работал. А как он потом повел себя в Москве – в Госплане, ЦК,

Политбюро, Правительстве – знаю столько, сколько о нем пишут в газетах, говорят по радио, показывают по телевизору.

– Как вы думаете, если бы вместо Горбачева во главе КПСС оказался Рыжков, в стране ситуация была бы иной, Союз сохранился бы?

– Думаю, да. Скажу больше. Если бы между Рыжковым и Ельциным сложился разумный союз в ходе перестройки, то, я уверен, что и перестройка прошла бы по-деловому, и Советский Союз сохранился бы, и партия оставалась бы при деле.

– Почему вы так считаете? – не выдержал Вадим Андреевич, ибо это было что-то новенькое для него.

– А вот почему, – оживился незнакомец. – Конечно, эти два деятеля очень разные. Ельцин – человек слова и дела, политический боец, а Рыжков – грамотный профессионал, но не политический боец.

– Любопытное рассуждение, – проронил Вадим Андреевич. – Однако такому тандему не суждено было состояться по причинам, о которых вы упомянули. Могу лишь дополнить, что Ельцин проявил себя не только как политический боец, но и как злопамятный эгоист, разрушитель.

Дальнейшую беседу двух пожилых людей остановил плач ребенка в коляске.

– Проснулся внучек, нам домой пора, подошло время кормить ребенка, – засуетился Вадим Андреевич.

– Это хорошо, что есть дети и внуки, – отозвался незнакомец. – С нами нам, старикам, легче доживать свое, отпущенное Богом время.

Подавая руку незнакомцу, Вадим Андреевич не удержался и спросил:

– Как вы думаете, чем закончится это судилище над КПСС?

Немного подумав, тот ответил:

– Закончится так, что всех устроит и никого не устроит.

– Ответ философский, – усмехнулся Вадим Андреевич, трогая коляску с малышом.

* * *

Сыр-бор между Вадимом Андреевичем и Марией Григорьевной разгорелся из-за полученных накануне ваучеров (7). Жена, считая себя экономистом, предлагала немедленно, не рассусоливая, обменять на акции какого-нибудь предприятия или купить акции инвестиционного фонда.

– Ты понимаешь, пока ваучер стоит 10 тыс. советских рублей или 10 тыс. долларов, – объясняла жена. – Но наши деньги из-за дикой инфляции быстро дешевеют, превращаются, как говорят экономисты, в «деревянные», т. е. становятся совершенно обесцененными. Уже в ближайшее время двух «Волг», как обещал Чубайс, не приобретешь. Поэтому надо торопиться с реализацией ваучеров, обернуть их в чеки и в хоть какое-то состояние.

– Ваучер для меня – просто билет, но только не знаю куда, – воспротивился Вадим Андреевич.

– В общество зажиточных людей, – подсказала Мария Григорьевна, уверенная в своей правоте.

Пропустив мимо ушей подсказку жены, Вадим Андреевич продолжил:

– В нем много чего непонятного. Во-первых, почему моя доля в огромном советском госимуществе составляет всего лишь 10 тыс. советских рублей, причем и они уже сегодня далеко не равноценны 10 тыс. американских долларов или, как их называют сейчас – «зеленым». Во-вторых, ваучеры обезличены. Почему? Ведь безымянные ваучеры не дают никакой гарантии на успех честному человеку, ими будут лишь хорошо пользоваться всякого рода дельцы, спекулянты для собственного обогащения. Да, ты можешь обменять свой ваучер на акции своего завода, а мне, вузовскому преподавателю, куда с ним податься?

– На, возьми газету и еще раз почитай разъяснения Государственного комитета РФ по управлению госимуществом и, может, поймешь, как лучше распорядиться своим ваучером.

Она швырнула на кухонный стол находившуюся в ее руках газету «Уральский рабочий», раздраженно выговаривая:

– Удивляюсь, как для тебя, кандидата наук, все это еще не доходит! Рехнулся что ли, переживая о запрете КПСС и ликвидации СССР! Надо меньше об этом думать, а соображать, как устроиться нам в теперешней жизни. У нас – дети, внук. Ты подумай о них, какое наследство мы им оставим. Все наши сбережения рухнули, нас давит безденежье, а ты все ходишь в институт, морочишь там студентам голову историей. Кому нужна твоя история сегодня? Да никому! Все заняты устройством своей личной жизни, стремлением хоть что-то отхватить из госимущества, которое стали делить. Надо бросать вуз и заниматься, пока не поздно, более прибыльным делом!

Вадим Андреевич собирался возразить жене, но та, возмущаясь, выплеснув еще несколько неприятностей в адрес мужа, не дожидаясь его возражений, удалилась из кухни, сильно хлопнув кухонной дверью. Оставшись наедине с собой, Вадим Андреевич еще раз перечитал разъяснения Госкомимущества РФ о приватизационных чеках, опубликованные в «Уральском рабочем» под броским названием «Стартовые возможности», и, не найдя для себя ничего нового, свернул газету, прошел с ней в свою комнату, служившую рабочим кабинетом. От расстройства, не зная чем заняться, включил телевизор. Шла передача Невзорова «600 секунд». Поскольку она выходила сразу после программы «Время», которую Вадим Андреевич смотрел ежедневно, то и «600 секунд», как бы дополнявшие информационную программу, иногда занимали его. Однако воспринимал передачу не однозначно. В последнее время его просто бесила безответственная, какая-то самодовольная позиция ее автора в стремлении показать факты неприятные, порой ужасные: гостиничных проституток, безногих бомжей, что-то из области культуры со знаком минус. Короче: стремился как можно больше и лучше размазать родную страну, собирая и показывая вот такие вопиющие нега-

тивные факты из ее жизни. И теперь, взглянув на мелькавшие картинки на экране, сопровождаемые комментариями этого самовлюбленного нарцисса, Вадим Андреевич не выдержал и выключил телевизор. Чтобы хоть как-то успокоиться, прошел на балкон, не зазывая жену ради общения. Прохлада позднего июльского вечера немного успокоила его, он вернулся в свою комнату. Недолго раздумывая, достал и стал листать страницы фотоальбома. Остановился на фотографии, запечатлевшей его регистрацию брака с Машей в ЗАГСе. На ней он заснят в поцелуе с Машей, становящейся его женой. Рядом на снимке – близкие и друзья жениха и невесты.

Вадим Андреевич, уставившись в фотографию, невольно стал вспоминать, как все происходило тогда, когда он устраивал, а потом и проживал свою семейную жизнь. Познакомился с Машей Савиных – будущей женой – в университете. Она, как и он, поступила на вечернее отделение истфака. На лекциях и семинарах часто сидели рядом. Обменивались новостями и иногда из личной жизни или дополняли выступления друга на семинарских занятиях. О взаимной любви – такого не могло быть: он встречался со Светогоровой, она – с Подберезиным. Успешно сдав экзамены за первый семестр, Маша решила перевестись на вечернее отделение экономического факультета. На его вопрос, почему она так поступает, последовал ответ: хочу уйти из школы, учительство меня не устраивает; на заводе и зарплата гуще, и социальных благ больше. И тут же спросила его: почему он, работая на заводе и имея приличную зарплату, решил стать учителем-историком. Пришлось ему отвечать: истфак готовит преподавателей истории и основ политических знаний. Он дает своим выпускникам также необходимую подготовку для ведения научной работы по изучению истории района, области, края, где будут работать выпускники. Так что окончание университета вовсе не означает работу только в общеобразовательной школе. Не исключается быть преподавателем в средних специальных и высших учебных заведениях, заниматься историческими исследованиями. И чтобы окончательно убедить Машу в своей правоте, признался: по складу своего ума он – гуманитарий.

Сдав недостающие экзамены по программе подготовки экономистов, Мария продолжила учебу на экономическом факультете. Встречи его с ней стали редкими и случайными. На одной из таких случайных встреч, состоявшейся незадолго до окончания университета, разговорились о делах сердечных и семейных. Первой поинтересовалась Маша: стал ли он семейным человеком или по-прежнему холостяк. И когда она узнала, что ее бывший сокурсник еще не женился, то тут же призналась, что она тоже холостячка. Дальше взаимно объяснились, почему первая любовь его и ее не увенчались свадьбами. Потом произошло нечто неожиданное: она предложила познакомить его со своей соседкой по коммунальной квартире – симпатичной девушкой Светой. Согласившись, сказал, что готов приехать к ней для знакомства со Светой, но со своим другом Виктором, умным, непью-

шим, хорошим парнем – потенциальным женихом для нее, Маши. Договорились и встретились. Маша приготовила кое-какое угощение, он прихватил с собой коробку конфет и бутылку хорошего вина. За накрытым столом познакомились, любезно пообщались, потом Маша включила радиолу и стали танцевать. Как и следовало, он пригласил Свету на танец, а Виктор – Машу. Света действительно была довольно привлекательная рыжеволосая девушка, отвечала на обнимки-прижимки, однако разговор с ней не клеился. Если она что-то и начинала вдруг говорить, то это был уличный примитивизм. Немного потанцевав со Светой, он переключился на Машу и до конца встречи танцевал с ней. Танцуя и разговаривая с ней, он, пожалуй, впервые почувствовал общность взглядов с Машей на окружающий мир, узнал о схожем его и ее военном голодном детстве, о прочитанных в школе тех же самых книгах, об одинаковых заботах и переживаниях, связанных с учебой в университете. Расставаясь, договорились о свидании. Вот с той, казалось, ни к чему и никого не обязывающей встречи все началось и завершилось свадьбой. Свадьба была желанной, скромной и веселой, проходила в Машиной комнатке в коммунальной квартире. Все гости лихо танцевали в довольно большом коридоре. Среди гостей кроме Машинных родственников и подруг были его друзья – Володя Островцев с женой Зоей и сокурсник Виктор Журавлев также с женой Катей. Виктор прихватил с собой баян, и его заборная игра веселила хмельвших гостей.

Вадим Андреевич, пережив несколько приятных минут воспоминаний о начальном романе с Машей, продолжил листать фотоальбом дальше. Фотографии, разные по формату и качеству, запечатлели их семейную жизнь. Не все сразу гладко складывалось.

Поначалу пришлось жить в Машиной маленькой комнатке с соседями по коммунальной квартире. Чувствовалось безденежье, особенно после его ухода с завода в связи с окончанием университета и переходом на работу в вуз. Ассистентская зарплата была ничтожной, а в аспирантуре и того меньше – 100 рублей. Но все это никак не ослабляло их семейные узы благодаря Машиному пониманию, терпению и выдержке. Ее неплохая зарплата экономиста на заводе в какой-то мере компенсировала временные финансовые трудности семьи. А когда родилась дочь Наташа, завод пошел навстречу – выделил Маше двухкомнатную благоустроенную квартиру в новом доме. Жить стало легче и веселей. Потом он защитил кандидатскую диссертацию, безденежье ушло в прошлое. После рождения второй дочери Даши и избрания его по конкурсу заведующим кафедрой истории КПСС получил в вузе четырехкомнатную, улучшенной планировки квартиру, взамен их двухкомнатной, сданной вузу. У него появилась возможность иметь рабочую комнату, в которой разместились письменный стол, небольшая библиотечка и все остальное, что требовалось для творческой работы вузовскому педагогу. Семейная жизнь, как говорится, была ключом. Никаких ссор между ними не происходило. А если и случались какие-

то недоразумения, то они все равно не портили семейные отношения. Больше всего вызывала недовольство Маши его занятость по выходным дням, мешавшая нормальному семейному отдыху. Это он прекрасно понимал, но выходные дни приходилось использовать для подготовки и написания кандидатской диссертации, статей, а в последние годы – для работы над докторской диссертацией.

Вспомнив о ненаписанной докторской диссертации, Вадим Андреевич тяжело вздохнул. Завершить эту научную работу ему помешала перестройка, которая породила много надежд, но обернулась катастрофой и трагедией для советских людей.

Вообще, он и Маша встретили перестройку с большими ожиданиями на лучшее. Даже в мыслях не допускалось, что она может внести разлад в семейные отношения. И действительно, сначала все, что происходило в стране в связи с перестройкой, воспринималось нормально. Но по мере того как перестройка заходила в тупик, как пустели полки в государственных магазинах и одновременно появлялись дорогие продукты и товары в коммерческих киосках и магазинчиках, по мере того как начинался разгул воровства и преступности, эти ожидания на лучшее у него и Маши постепенно испарились. Росла тревога за жизнь своих детей и внука, да и за свою жизнь, за будущее страны. Маячила явная угроза потери им работы, если Конституционный суд «по делу КПСС» полностью оправдает решение Президента Ельцина о запрете КПСС и чиновники-либералы постараются запустить процесс люстрации. А после того как воры сожгли дачную избу, настроение не то что стало хуже некуда, а начала давить какая-то безысходность. Особенно остро переживала Маша за все, что случилось и что может случиться дома и в стране. Она все чаще и настойчивее стала давить на мужа, чтобы тот искал какой-то выход из складывающегося неблагоприятного положения семьи; беспокоилась, что дети и внуки будут влачить нищенское существование в будущей капиталистической России, если они, родители, ничего не предпримут сегодня для их благополучия завтра. Вадиму Андреевичу ничего не оставалось делать, как успокаивать жену, убеждать, что все постепенно образуется, жизнь наладится и при новой буржуазной власти. Но когда она в своих наставлениях и требованиях переходила грань приличия, он тоже начинал возмущенно повторять, что он не торговец-спекулянт, не казнокрад, не вор-преступник; он честный вузовский преподаватель, а не какой-то делец, не стесняющийся в средствах для достижения своекорыстных целей. Полученные ваучеры до крайности обострили их семейные отношения, привели к ссоре.

Вспомнив о ваучерах, Вадим Андреевич отложил фотоальбом и стал думать, как с ними поступить. Жена, конечно, была права, что шанс с ваучерами надо максимально использовать, но как это сделать, он не знал.

* * *

На заседание кафедры Вадим Андреевич пришел с некоторым опозданием: после лекции на перерыве задержали своими вопросами студенты. Вопросы касались не только прочитанной лекции по теме: «Россия в условиях Первой мировой войны. Падение самодержавия», но и решений Конституционного суда «по делу КПСС», заседания которого только что завершились. Из всех задаваемых вопросов его несколько обескуражил следующий: не жалеет ли он, что всю сознательную жизнь верой и правдой служил преступной организации, которой на самом деле являлась КПСС, что показал Конституционный суд? Вопрос последовал от одного из первокурсников, который только что переступил порог вуза и решился задать подобный вопрос преподавателю, не зная его хорошо. Тем не менее пришлось отвечать и начать с того, что Конституционный суд проверял лишь конституционность КПСС, а не вершил суд над ней. Поэтому из его решений никак не следует, что партия является преступной организацией. В свою защиту сказал, что не жалеет, что был и до сих пор остается коммунистом, ибо коммунистическая идеология как гуманистическая не запрещена Конституционным судом. Несмотря на запрет организационной структуры КПСС, ее созидательную деятельность история оправдает. Были ли удовлетворены таким ответом толпившиеся студенты, он не знал, так как покинул аудиторию, не дожидаясь их реакции.

На кафедре тем временем шло обсуждение текста лекций: «Россия в 1917 году. Октябрьское вооруженное восстание. Образование Советского государства». Лекцию подготовил Юрий Николаевич Матушкин, кандидат исторических наук, доцент. Он специализировался по проблематике 1917 года, потому ему поручалось подготовить данную лекцию с учетом современных веяний в исторической науке с последующим ее обсуждением на кафедре. Вадим Андреевич, зайдя на кафедру, тихонько, чтобы не отвлекать коллег, пристроился за одним столом с доцентом Николаем Алексеевичем Горбуновым и стал вслушиваться в то, о чем говорил Матушкин.

– Я не стану пересказывать всю лекцию, она у вас на руках, – донеслось до него, – остановлюсь лишь на некоторых, сегодня особенно дискуссионных вопросах по поводу событий революционного 1917 года. Первый и основной: почему не была реализована буржуазно-демократическая альтернатива развития России после Февральской революции? Почему в октябре большевики победили февралистов, взяли государственную власть в свои руки? А ведь первоначально все благополучно складывалось для того, чтобы страна пошла по пути буржуазно-демократического развития. В составе Временного правительства преобладали кадеты, представлявшие интересы российской буржуазии. В рядах кадетской партии насчитывалось более 70 тыс. членов. Она пользовалась большим авторитетом в стране. Кадетов поддерживали октябристы, а также монархические партии, хотя и потерявшие свое влияние среди населения. Да и колеблющиеся меньшевики и те же эсеры не являлись серьезными противниками кадетов, ставшей

после Февраля фактически правящей партией. В то же время в марте 1917 года большевиков числилось примерно 24 тыс., их влияние в обществе после февральских событий было невелико. Так что фортуна была на стороне Временного правительства, оставалось только ей умело воспользоваться. Но этого не произошло. Кадеты и их сторонники упустили благоприятный шанс, умудрившись в течение марта – октября 1917 года растерять свои преимущества и в конечном счете потерять государственную власть. Почему?

Вопрос Матушкина для преподавателей кафедры не был неожиданным. Каждый по-своему искал на него ответ. Естественно, им было интересно узнать на этот счет мнение коллеги, серьезно занимавшегося изучением истории 1917 года в России.

Воспользовавшись небольшой паузой докладчика, Вадим Андреевич высказал свое соображение: – Почему Временное правительство так бесславно закончило свое 220-дневное правление – вопрос сегодня исторический, но в то время был судьбоносный для России. Сказать, что судьбу страны вершили неграмотные люди – нельзя. Ведь в общей сложности во Временном правительстве, состав которого менялся четыре раза, побывали 38 человек. Из них 24 министра имели университетское образование, некоторые имели опыт депутатской деятельности.

– Совершенно верно, – отозвался Матушкин и продолжил: – Дело в том, что Февральская революция по своим движущим силам, целям и задачам ее участников отличалась от классических буржуазных революций. Понимали ли это министры Временного правительства? Скорее, да! Но совместить требования кадетов, эсеров, меньшевиков, большевиков они не смогли, а может, и не хотели по классовым соображениям. Отсюда медлительность, а то и отказ кадетов, а также поддерживающих их меньшевиков и эсеров в проведении в жизнь демократических реформ в интересах народа до Учредительного собрания.

– Но, как утверждает в своих мемуарах Керенский, – прервал Матушкина зав. кафедрой Селянинов, – возглавляемое им Временное правительство за короткий срок провело в жизнь глубокие реформы. Они позволили «заложить основы не только демократического управления, но и всей основы социальной системы, которая гарантировала ведущую роль в делах трудящимся массам и которая впервые ликвидировала все политические и этнические ограничения» (8).

– Временное правительство действительно кое-что предприняло: провозгласило полную амнистию по политическим делам, отменило смертную казнь, разрешило проведение митингов и демонстраций, установило свободу слова и печати, – сказал Матушкин. – Однако решение других наиболее острых жизненных вопросов откладывалось до созыва Учредительного собрания и образования легитимных органов власти в центре и на местах. Возьмем аграрный вопрос, затрагивавший миллионы крестьян России. Как

уверяет Керенский, вопрос этот решался удовлетворительно. Созданные специальные земские комитеты действовали по принципу: «земля тем, кто ее обрабатывает». Однако к моменту Октябрьского вооруженного восстания не был выработан даже закон об основах землепользования. А как был решен вопрос о войне и мире? Заявление министра иностранных дел Милюкова о продолжении России участвовать в Первой мировой войне на стороне Антанты вызвало шок, особенно среди солдатской массы, ожидавших окончания ненужной бойни, сопровождавшейся миллионами смертей. Чем обошлось такое решение для Временного правительства? Отставкой ключевых фигур: Павла Милюкова, лидера кадетской партии, с поста министра иностранных дел, Александра Гучкова, военного министра, лидера октябристской партии. Само правительство оказалось в глубоком кризисе. Не решались и такие вопросы, как социальные права трудящихся, самоопределение наций, ликвидация правового неравенства женщин, демократизация армии. То, что Временное правительство пережило не один кризис, свидетельствует о том, что оно не имело ни выверенной стратегии развития страны на данном ее этапе, ни тем более разумной тактики действий с учетом складывающейся ситуации в стране.

Своими шараханьями оно загнало революционную Россию в глубокий кризис, вызвало к жизни новую, Октябрьскую революцию.

– Как тут не вспомнить признание Деникина, – вклинился в выступление Матушкина Сергей Васильевич Чебушев. – Послушайте, что он пишет в своей книге «Очерки русской смуты»: «Власть падала из слабых рук Временного правительства, и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы...».

– На этом, как правило, ставилась точка или многоточие в советской исторической литературе при цитировании данного умозаключения Деникина, а зря, – обронил Турчак.

– Я не ставлю точку, – бросил Чебушев. – Слушайте дальше: «...Этим фактом в октябре 1917 года был произнесен приговор стране, народу и революции» (9). Монархист генерал Деникин, потерпевший поражение в Гражданской войне и оказавшийся в эмиграции, только так и мог закончить свое горькое признание.

Как только Чебушев смолк, Матушкин попросил еще несколько минут для завершения своего выступления по теме подготовленной им лекции.

– Не могу не коснуться заявления в Конституционном суде Макарова о преступности установления диктатуры пролетариата в стране после свержения Временного правительства. Вот что он сказал: «С первых минут пребывания КПСС у власти ее основателем Лениным было однозначно определено, что это ничем не ограниченная, никакими законами, абсолютно никакими правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть» (12). Прежде всего, Макаров показал свое историческое

невежество, назвав РСДРП(б) – партию большевиков 1917 года – КПСС. Разумеется, диктатура пролетариата означает государственную власть более сильную, чем в буржуазных странах. Но такая власть была необходима в период революционных потрясений. Только диктатура могла тогда остановить сползание России к хаосу, предотвратить ее развал и дисциплинировать массы. Это прекрасно понимал Ленин, что, скорее всего, не доходило до Керенского. Хотя, как сказать, образование в сентябре 1917 г. Директории из 5 человек во главе с Керенским, возможно, и было запоздалым шагом в этом направлении.

– Юрий Николаевич, мы в свое время считали, что в 1917 г. в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, имевшая прогрессивное значение как для судеб нашей страны, так и для мира в целом. Ныне же даются разные определения этого октябрьского события: захват власти, переворот, потрясение, контрреволюция по отношению к Февралю. О значении этого события, если упоминают, то только в негативном плане. Как сейчас нам трактовать значение данного события? – Свой развернутый вопрос задала Нина Николаевна Бажутина, кандидат исторических наук, доцент. Ее уважали на кафедре не только за основательные знания в области истории, умение контактировать со студентами, но и за женскую привлекательность. Мужчины-кафедралы, каждый по-своему, проявляли свое внимание к ней, и особенно когда на кафедре отмечали день 8-е Марта.

– Вопрос о средствах завоевания власти решается той или другой политической силой, исходя из конкретной ситуации, – начал свой ответ Матушкин. – Захват власти, переворот – в этих понятиях особой разницы нет. Речь идет о смещении главы государства, правительства без радикального переустройства правящего режима и жизни общества. Таковыми в России были дворцовые перевороты с 1725 по 1762 годы, во время которых проходила насильственная смена правящих монархов и приближенных к ним чиновников. Устои крепостничества не менялись. Реформы Александра II и прежде всего отмена крепостного права были сродни революции. Однако реформы не были завершены по разным причинам. События 1905–1907 гг. мы называем революцией, поскольку она должна была завершить реформы Александра II – окончательно внедрить в России капитализм, хотя и с некоторой российской особенностью. Но этого не произошло, хотя определенные подвижки имели место, в частности появилась Государственная дума – российский парламент. Однако полновластной главой государства оставался по-прежнему император Николай II. Первая мировая война обострила те противоречия в политическом и социально-экономическом развитии страны, которые до конца не разрешила революция 1905–1907 гг., и породила новые. Император Николай II проявил слишком большую беспечность перед лицом нарастающего социального взрыва. Он как глава государства не предпринимал необходимых мер, чтобы предот-

вратить его. Обеспокоенные охватившим страну общенациональным кризисом, нарастанием новой революции некоторые деятели октябристской и кадетской партий готовы были пойти на крайние меры: организовать дворцовый переворот и отстранить от власти Николая II. Однако осуществить этот замысел не удалось, поскольку, по признанию Гучкова, организация переворота затянулась, что не привело ни к каким результатам. Но в планы заговорщиков, разумеется, вмешались грянувшие февральские события 1917 года, приведшие к падению самодержавия. Тем не менее отречение Николая II от престола 2 марта 1917 г. происходило под давлением заговорщиков: высших военных чинов, а также непосредственно Гучкова и Шульгина, представлявших интересы крупного капитала. Так что, когда мы говорим о Февральской революции, можно считать ее в определенном смысле дворцовым переворотом. Возможно, февральские события стали бы прикрытием очередного дворцового переворота, если бы младший брат Николая II великий князь Михаил Александрович не сдрейфил, принял престол и продолжил политику своего отца Александра III по сохранению и укреплению самодержавия. Ведь Николай II отрекся от престола не только сам за себя, но и за своего сына Алексея в пользу брата Михаила, хотя это и нарушало манифест Павла I о престолонаследии, согласно которому каждый член царской фамилии мог отречься только сам за себя. Объяснялось просто: наследник больной, хотя, возможно, Николай II и не исключал из-за такой «оплошности» в отречении вернуть себе корону. Но Михаил Александрович, несмотря на уговоры Гучкова и Миллюкова, видимо, учитывая сложившуюся ситуацию в стране, не принял престол. В итоге государственная власть перешла к Временному правительству. Параллельно с государственной властью действовала представительная власть в лице Петроградского совета в составе 15 человек (13 меньшевиков и 2 большевика). Образовалось двоевластие. Ни Временное правительство, ни Петроградский совет не обладали всей полнотой власти, чтобы реализовать свои цели и задачи, тем более что они у них были слишком разными: первые выступали за буржуазный путь развития, вторые – за социалистический. Соглашательская политика меньшевиков и эсеров в стремлении добиться вместе с кадетами разрешения острых проблем, стоящих перед страной, привела лишь к углублению кризиса.

– Если бы не большевики, срывавшие своими действиями их соглашения, – не выдержал Турчак. – По словам Суханова, большевики подсовывали под настроение рабоче-крестьянских и солдатских низов «простую, яркую идеологию, бьющую в самую точку и отвечающую их пробуждающемуся классовому самосознанию...» (10).

– Правильно, Леонид Федорович, – согласился Матушкин. – Апрельские тезисы Ленина – это была четкая программа действий большевиков и главное – понятная простому люду, а именно: вся власть Советам, земля – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим, немедленный мир. Народ под-

держал большевиков. К признанию Деникина о падающей власти «из слабых рук Временного правительства» остается только добавить: большевики ее подобрали фактически мирным путем. В частности, Центральный телеграф в Петрограде восставшие взяли без единого выстрела. Вечером 25 октября с крейсера «Аврора» прозвучал холостой выстрел, который стал сигналом к штурму Зимнего дворца, где заседало Временное правительство. Однако настоящего штурма не было: дворец заняли практически бескровно. Потери восставших составили 6 человек, а всего в ходе октябрьских событий в Петрограде погибли не более двух десятков человек. В городе не ощущалось атмосферы восстания – ключевые объекты занимались без сопротивления.

Матушкин сделал небольшую паузу, а потом, возвращаясь к вопросу Бажутиной, сказал:

– По-моему, Нина Николаевна, бессмысленно трактовать октябрьские события 1917 года как «захват власти», «переворот», «потрясение» и тем более как «контрреволюцию», поскольку революционный процесс, продолжавшийся от февраля до октября и включавший борьбу различных политических сил за власть в стране, проходил под демократическими лозунгами. И завершился он переходом государственной власти в руки большевиков – наиболее организованной и сплоченной политической силы. Поэтому трактовать непосредственно октябрьские события 1917 г. надо все-таки как революцию социалистическую, имея в виду последовавшие затем радикальные перемены в стране в духе социалистической перспективы.

– Мне хотелось бы высказать несколько иное понимание февральских и октябрьских событий 1917 г. в России, которое начинает формироваться в современной исторической науке, – сказал Чебушев. – В советской историографии, как вы знаете, имело место противопоставление буржуазной февральской и социалистической октябрьской революций. В настоящее время противопоставляется демократический Февраль и «октябрьский переворот», приведший к установлению «большевистской диктатуры». Такое противопоставление, думается, не совсем верно и исторически не оправдано. Правильно заметил Юрий Николаевич, что февральские и октябрьские события – это был единый революционный процесс, но фактически, если дать ему какое-то более обобщающее определение, это была Великая Российская революция, проходившая в два этапа в своем развитии. Демократические преобразования, начатые Февралем, оставались незавершенными, а поэтому были продолжены Октябрем. Большевики победили под демократическими лозунгами, но они и не скрывали социалистическую перспективу.

– Михаил Павлович, можно я закончу свое выступление ответом на вопрос Бажутиной о значении Октябрьской революции, – обратился к заведующей Матушкин.

– Да, пожалуйста, – не стал возражать Селянинов.

– Я не против, чтобы рассматривать события Февраля и Октябрь как два этапа Великой Российской революции. Однако общепризнанные позитивные перемены, наблюдавшиеся в нашей стране и за ее пределами, происходили под влиянием не Февральской, а именно Октябрьской революции. В этом главная суть. В заключение хочу напомнить оценку, данную современником и участником революционных событий в России в 1917 г., американским журналист Джоном Ридом в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир»: «Что бы вы не думали о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков – явление мирового значения» (11). Сказанное им о революции и большевизме жизнь полностью подтвердила. Большевики и их новое поколение в лице коммунистов создали СССР – социалистическую мировую супердержаву.

– Джон Рид не мог предвидеть, что следом за «1917» придет «1937» и какую цену народ заплатит за создание социалистической мировой супердержавы. И, конечно же, Рид не мог предсказать, что большевики в лице КПСС за свои «деяния» предстанут перед Конституционным судом – сказал Турчак.

– Массовые политические репрессии 30-х годов, если не вдаваться в анализ их причин, были спровоцированы нарастающей опасностью государственного переворота в стране, – не выдержал Вадим Андреевич. – Его готовили «тихой сапой» под флагом возвращения к НЭПу, а дальше – и капитализму наиболее активная часть советской буржуазии, возвращенная НЭПом, зажиточное крестьянство, а также антисоветски настроенная интеллигенция, в среде которой было немало бывших меньшевиков и эсеров. Странники НЭПа имелись и в партийном руководстве. Советская власть, защищая себя, использовала свое право на насилие. Да, многие пострадали, в том числе и невинные. Это – трагедия. Теперь о Конституционном суде. Он всего лишь проверяет конституционность указов Президента о запрете КПСС, а не вершил суд над ней, – уточнил Вадим Андреевич.

– А это не имеет значения, что там суд рассматривает, – не унимался Турчак. – Главное, что КПСС судят, а этого для основной массы народа достаточно, чтобы навсегда расстаться с коммунистами и коммунизмом!

– Как говорили древние, «Ignorantia non est argumentum» – невежество не есть аргумент, – бросил Вадим Андреевич.

– Юрий Николаевич, а как нам на лекциях, семинарах, просто в общении со студентами говорить о Ленине, – перебила начинающуюся дискуссию между Турчаком и Звездиным доцент Ветракова. – Какие только гадости о нем не выплескивают современные СМИ: о его тайных связях с германским правительством, что революция в России совершена на немецкие марки, о виновности Ленина в развязывании красного террора, о его диктаторстве и многом другом совершаемом им зле. Где – правда, а где – ложь?

– А вот что новенького и гадкого сказано о Ленине, – подключился Вадим Андреевич. – И кем сказано? Кандидатом исторических наук, бывшим заведующим кафедрой Высшей партийной школы, а ныне экспертом Конституционного суда «по делу КПСС» Латышевым. Вот буквально его слова: «Хочешь – не хочешь, а напрашивается сравнение Ленина с Гитлером». Вот до чего дошло падение исторической честности и достоинства даже среди историков. А ведь он совсем недавно писал: «Изучая труды В. И. Ленина, его жизнь и деятельность, молодые люди получают ответы на самые насущные, волнующие их вопросы. Они начинают понимать, какие горы лжи и клеветы нагромождаются вокруг имени Ленина, вокруг Октябрьской революции...» (12).

– Ольга Пантелеймоновна, развязанная ныне антилениниана – ожидания и цели ее понятны – расчистить идеологическое пространство для утверждения на нем идеологии капитализма, реставрация которого в России уже идет, – последовал ответ Матушкина. – Ленин – мощная глыба на этом пути. Для ее низвержения все средства хороши, включая ложь, клевету, мифы буржуазной историографии, несостоятельность коих в свое время убедительно показал Юрий Игрицкий (13). Что же касается партийных перебежчиков, типа Латышева, то таких Борис Олейник образно назвал «коммутантами». – И, воспользовавшись текстом своей лекции, Матушкин тут же процитировал Олейника о коммутантах: «Анатомия биографии одного коммутанта была бы не так интересна и поучительна, не отразилась в ней история возникновения и грехопадения сословия пестроликих, их философия жизни и философия поступков, свидетельствующих о поразительной, почти абсурдной общественной мимикрии. Доживи до нынешних дней Франц Кафка, и он бы изумился этой коммутации, этим чудовищным перевоплощениям» (14).

– Юрий Николаевич, вы как-то многословно, уклончиво отвечаете на мой вопрос, – прервала рассуждения Матушкина Ветракова. – Нельзя ли сказать конкретней: кто он, Ленин, сегодня? Вождь мирового пролетариата, основатель большевистской партии и Советского государства, или?..

– Кем вошел в историю, тем и останется в ней, несмотря на «лай мосек» против него; на то они и моськи, чтобы лаять, – напомнил ленинские слова Матушкин.

– Давайте не будем прибегать к оскорбительной лексике, – не выдержал завкафедрой Селянинов. – Мы – историки и надо подходить к оценке тех или других исторических событий и исторических личностей с научных позиций, избегая каких-то оскорбительных выпадов.

– «Лай мосек против пролетарского слона» – это, кстати, выражение Ленина, используемое им в полемике со своими оппонентами, – напомнил Турчак.

– То было другое время с его страстями и своей культурой политической борьбы, – урезонил коллегу Чебушев. – Мы с Лениным живем более

70 лет, и нам небезразлично, как сегодня начинают трактовать эту историческую личность. Надо особо обратить внимание на достоверность публикуемых о вожде документов и материалов.

– В том числе публикацию документов американцем Сиссоном, якобы уличающих Ленина, большевиков в получении огромной суммы немецких марок, – добавил Вадим Андреевич (15).

– Надо изучить все, что пишут и сообщают СМИ о Ленине, – предложил завкафедрой. И тут же поручил Бажутиной и Ветраковой подготовить сообщение о вожде с учетом новых о нем веяний. Затем, окинув взглядом коллег, предложил:

– Ну что, будем заканчивать с первым основным вопросом. В порядке заключения о подготовленной Юрием Николаевичем лекции по ныне дискуссионной теме «1917 год в России» скажу: лекция добротная, насыщена новыми материалами, различными оценками революционных событий, проходивших в 1917 году в России, хотя, как показало ее наше обсуждение, не все в лекции бесспорно. Тем не менее считаю полезно ею воспользоваться при подготовке собственных лекций по данной теме.

Сделав небольшую паузу, Селянинов объявил:

– Следующий вопрос повестки заседания кафедры – отчет Звездина о его пребывании в ИПК. Пожалуйста, Вадим Андреевич, вам слово. Сколько потребуется времени?

– Минут пятнадцать, – ответил Вадим Андреевич и тут же, не теряя времени, начал свое выступление. Он не стал подробно рассказывать об организации учебного процесса, наборе дисциплин, предлагаемых слушателям Института повышения квалификации, составе лекторов и составе слушателей. Обратив внимание коллег, что этот набор предусматривал не просто повышение квалификации, а переквалификацию историков КПСС в историков гражданской истории России, он поделился по этому поводу своими впечатлениями:

– Лекционные курсы были построены так, чтобы слушатели – вчерашние историки КПСС – могли получить максимум знаний не только по Отечественной, но и мировой истории. В этой связи, к примеру, очень содержательными, без налета всякой конъюнктуры были лекции по истории Древнего мира, Средневековья, чего нельзя сказать о лекциях по истории России, особенно ее советского периода. Ряд лекторов откровенно противопоставляли советский период как тоталитарный периоду дореволюционному, более, по их разумению, привлекательному. Николай II, по мнению того же профессора Бабулина, являлся вовсе не «кровавым» императором России, а ревностным ее «хозяином», много сделавшим для страны и ставшим жертвой большевизма. Вообще лекции Бабулина, особенно по советскому периоду, являлись, на мой взгляд, перепевом взглядов антисоветчика Пайпса. Мой друг Назаркин тоже начинает исповедовать либерализм, хотя в своих лекциях в отличие от Бабулинских избегал крайностей.

Так что предлагаемые слушателям лекции как по содержанию, так и по идейно-политической их направленности были крайне разными, что и породило «разброд и шатания» во взглядах бывших историков КПСС. Это сквозило в частных беседах слушателей. Одни отмалчивались, другие не исключали возможностей либерализма в толковании Отечественной истории, третьи считали, что идеологическую нишу в стране после запрета КПСС и отказа от марксистско-ленинской идеологии, скорее всего, займут национализм и религия. При этом предпочтение отдавалось религии на том основании, что религия – это не только молитва, храмы, это еще и культура, история, образ жизни. Национализм опасен тем, что он может привести к потере исторической памяти, к потере своей идентичности.

Посмотрев на часы, Вадим Андреевич буквально скороговоркой продолжил:

– Несколько слов о той атмосфере, которая царила в университете, ИПК и которая, несомненно, сказывалась на слушателях, на их мировоззрении. Во-первых, часть ученых, работников вуза в 1991 году вышли из КПСС из-за несогласия с проводимой внутренней и внешней политикой тогдашним руководством партии. Во-вторых, среди преподавателей, студентов ведется довольно острая полемика о природе большевизма, роли КПСС в советском обществе, советском социализме и по другим вопросам. Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Кандидат философских наук Липатникова выступила с резким осуждением большевистской партии как немарксистской политической организации, а «стройно организованным формированием боевиков». Послушайте, что она пишет в университетской многотиражке: «Большевики возвели боевизм в партийный принцип. Это далеко не боевая терминология (уничтожение, враг, вождь, бой, битва, наступление, отступление, завоевание, победа и так далее). Прежде всего, это социально запрограммированные действия, организующие процесс воплощения в действительность общественного строя, заданного доктриной движения, посредством подавления вплоть до физического уничтожения тех, кто в этот строй не вписывается...».

– И еще одна цитата Липатниковой, – не удержался Вадим Андреевич: – «Большевизм отличается от социал-демократии не как революционно, а как боевое движение. Большевизм идейно и организационно оформил и политически выразил крайнее недовольство трудящихся масс... Враждебный настрой определенной части крестьянства и интеллигенции начала XX века по отношению к российской государственности достиг своего апогея в годы Первой мировой войны. Большевистская партия, представляющая боевую ветвь социального рабочего движения, была вынесена к власти волной этого настроения».

– Вот вам еще одно объяснение, почему большевики взяли власть в октябре 1917 года, – прервав чтение, заметил Вадим Андреевич, а затем привел еще одну цитату из статьи Липатниковой: – «Доктриальность и

боевизим, присущие большевизму, не позволяют отнести его к политическому течению, идейной основой которого является марксизм».

– Итак, – резюмировал Вадим Андреевич, – по Липатниковой, большевизм – это не марксизм. А посему она, выйдя из КПСС, предупредила, что «отречься от марксизма» не собирается (16). Прискорбно или любопытно, не знаю, чего тут больше вразумительного, но факт остается фактом: никто из университетских ученых никак не отреагировал на столь сногшибательное открытие природы большевизма, сделанное Липатниковой.

– Она по существу права, – отозвался Турчак. – Мы не можем это признать из-за своей идейно-политической зашоренности.

– Выходит, что более 70 лет нашей страной управляли боевики, – возмутился Чебушев. – Липатниковой не следовало бы путать божий дар с яичницей.

Вадим Андреевич, вклинившись в перепалку Турчака и Чебушева, сообщи, что отповедь Липатниковой дала Никитина, автор из Самары. Ее статья «Что осталось от марксизма» также помещена в университетской многотиражке. Вот что она пишет: «В большевизме В. Липатникова не видит никакого положительного начала, никакой возможности, пусть теоретически нереализованной. Как будто народ, поднявшись на революцию, проявивший в ней несказанное самопожертвование, и тот же большевизм, включавший в себя немало действительно развитых интеллигентных сил, только на то и годились, чтобы подавлять и уничтожать всех и все ... Так что же осталось от марксизма? Нет, отнюдь не те социал-демократические огрызки, в которых все поставлено на голову, но которое Липатниковым для чего-то нужно непременно освещать авторитетом Маркса. Осталось то, что марксизм всегда был и будет для нормальных свободомыслящих людей, – метод материалистического понимания общественной жизни. И сей метод требует последовательности и известного личного мужества. “Здесь страх не должен подавать совета”...» (17).

– Я не буду дальше вас утомлять цитированием статьи Никитиной, почитайте сами, почитайте также и статью Липатниковой и определите, кто их этих умных равнодушных дам ближе к истине. Вот вам газеты с их статьями.

Оставив на столе две газеты «Уральский университет», Вадим Андреевич дал понять, что он свое выступление закончил.

– Будут ли вопросы к Вадиму Андреевичу? – вопросительно окинул взглядом коллег завкафедрой.

– У меня вопрос, – первой откликнулась Бажутина. – Вы, Вадим Андреевич, нам довольно интересно рассказали о работе ИПК, можно сказать, в новых условиях, о слушателях, порекомендовали прочитать статьи Липатниковой и Никитиной. Все это замечательно. Но вы как-то обошли стороной себя. Скажите, что вам ИПК дал и с точки зрения профессиональной, и мировоззренческой?

– Несомненно, в целом я обогатился историческими знаниями. Что же касается моих убеждений – вопрос сложный, хотя какая-то их эволюция происходит, как у каждого из вас. – Немного помолчав, Вадим Андреевич продолжил: – Все началось со статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованной в 1988 году в ряде центральных и местных газет (18). Тогда мы на кафедре до хрипоты обсуждали эту статью. Она нас разделила пока незримо на коммунистов-консерваторов и коммунистов-демократов, к которым я относил и себя. Все мы тогда были сторонниками Ельцина. Коммунисты-демократы выступали за дальнейшее развитие страны на принципах справедливости, равенства и солидарности, обеспечение реальной власти и свободы. В отличие от коммунистов-консерваторов коммунисты-демократы предлагали не возвращение назад, не повторение пройденного пути, а напротив – движение вперед к цивилизованному социализму. Но как только социалистическая перестройка зашла в тупик, а гласность породила либеральную оппозицию – противников социализма и сторонников «нормального капитализма», среди коммунистов-демократов началось размежевание на сторонников и противников социализма, а стало быть, и советской власти. Напомню, когда наш «генсек» Борис Исаевич, коммунист-демократ, став кандидатом в депутаты Свердловского областного совета и заявив о поддержке требования отмены 6-й статьи Конституции СССР и о плюрализме форм собственности, он тем самым признался в своем повороте в сторону либерализма (19). Так поступил он не один, и, разумеется, не все, в том числе и в нашем небольшом коллективе. Окончательно разошелся коммунисты-демократы, когда Ельцин, охмуренный либералами, перешел на позиции антикоммунизма и антисоветизма и запретил КПСС. Я думаю, что если бы Ельцин оставался лидером коммунистов-демократов, то результатом его политической деятельности могло бы стать создание альтернативной КПСС обновленной коммунистической партии-демократов. И ситуация в стране была бы иной, и Союз сохранился бы. И он, возглавляя обновленную партию, получив с ее помощью мощную политическую и социальную опору в обществе, смог бы успешно провести необходимые реформы. Но этого не случилось, коммунисты-демократы в большинстве своем отвернулись от своего кумира-предателя, лишив его своей поддержки. И с кем, и как Ельцин собирается сейчас проводить свои реформы? Наверное, и Богу еще неизвестно! Так вот, после всего случившегося с партией, предательства ее руководителей сверху донизу я остаюсь коммунистом, скорее, коммунистом-демократом, нежели консерватором. Вместе с тем я солидарен с Ниной Андреевой, выступившей против фальсификации, оплевывания истории КПСС, Советского Союза, советского народа. И еще о предательстве. Напомню: последними словами умирающего Николая Александровича Войнова были: идет флюгерская революция. Так он охарактеризовал сдачу коммунистических идеалов руководителями КПСС и рядовыми коммунистами. То, что произошло за последнее время с КПСС – это не просто флю-

герство, а самое настоящее предательство. Для меня флюгерство сродни предательству.

– С мировоззрением Вадима Андреевича все понятно, – оживилась Ветракова.

– А мне, грешному, не все понятно, – не выдержал Чебушев. И, обращаясь к Звездину, продолжил: – Вадим Андреевич, вы себя назвали коммунистом-демократом и вроде бы объяснили, что за этим кроется. Но если вдумчиво разобраться в том, что провозглашают сегодня коммунисты-демократы – это сродни взглядам социал-демократии. Выходит, вы, как и многие другие в КПСС, стали социал-демократом.

– Я не считаю себя социал-демократом, поскольку мой демократизм не выходит за рамки коммунистической морали, сформулированной в моральном кодексе строителя коммунизма. Он связан лишь с обеспечением не на словах, а на деле внутрипартийной демократии, большей открытостью и гласностью в деятельности самой партии, а также с более понятной процедурой как выборов всех ее руководящих органов снизу доверху, так и их смены.

Не дожидаясь реакции Чебушева на сказанное Звездиным, Ветракова напомнила о себе и спросила:

– А скажи-ка нам, дорогой Вадим Андреевич, не собираетесь ли вы вернуться на свою малую Родину, то есть в суверенную Белоруссию? Что там сейчас происходит?

– Отвечу сходу: не собираюсь, – улыбнулся Вадим Андреевич. – Я, действительно, родился в Белоруссии, там пошел в школу и окончил девять классов. А вот десятый класс заканчивал в российской школе, и вся последующая моя жизнь проходила в России. Так что, я – русский белорус! А вообще я советский человек и им остаюсь. Моя Советская Родина – это Россия, Белоруссия, Украина и все другие республики бывшего СССР.

Теперь, что происходит в Белоруссии? Декларация о независимости БССР была принята Верховным советом республики 19 сентября 1991 года. В сентябре того же года Белорусская Советская Социалистическая республика переименована в Республику Беларусь. Насколько мне известно, часть белорусской интеллигенции пытается вернуть городу Минску его старое название «Менск». 25 августа 1991 года прекратила свою деятельность Компартия Белоруссии. Говоря словами Михаила Сергеевича, в республике «пошел процесс» возникновения многопартийности. В конце 1989 – начале 1990 г. появились несколько небольших партий со сходными политическими программами. В октябре 1990 г. они слились в Объединенную демократическую партию Беларуси. В течение 1990–1991 г. образованы: Социал-демократическая партия Беларуси, Национально-демократическая партия Беларуси, Белорусская социал-демократическая громада, Белорусская крестьянская партия, Белорусская католическая громада. Практически все новые партии и объединения республики выступают против монополизма

Компартии Белоруссии, а в идейно-политическом отношении их объединяют, несмотря на разночтения в их программах и заявлениях, антикоммунизм, национализм и религиозность. Вот такая политическая ситуация в Белоруссии и она, по-моему, мало чем отличается от нашей, российской действительности.

– Понятно, – успокоилась Ветракова.

– Будут ли еще вопросы к Вадиму Андреевичу? – спросил коллег завкафедрой. Поскольку вопросов к Звездину больше не последовало, Селянинов, обратив внимание преподавателей на то, что основная повестка исчерпана, предложил закрыть заседание кафедры. Однако ему возразил доцент Горбунов:

– Михаил Павлович, до закрытия заседания кафедры, в разном, давайте обменяемся мнениями о сути постановления Конституционного суда по так называемому «делу КПСС». Надо бы поговорить и о ваучерах.

– О чем мы будем говорить, и так все понятно, – отреагировал завкафедрой. – Есть решения Конституционного суда по «делу КПСС», их обсуждать или осуждать нет смысла. Для нас главное: никакой люстрации не предвидится, и идея коммунистическая не запрещена. Работайте все спокойно. Что же касается ваучеров – читайте «Уральский рабочий» за 23 сентября и за 23 октября, разумеется, этого года. Там даются разъяснения о ваучерах, то есть о приватизационных чеках, как ими воспользоваться при дележке госимущества, чтобы не остаться у разбитого корыта.

О чем завкафедрой продолжал вещать дальше, Вадим Андреевич пропустил мимо ушей, так как его отвлекла лаборантка, позвав к телефону.

Подняв трубку, он услышал знакомый голос, голос Искорцева:

– Здравствуйте, Вадим Андреевич, можете меня поздравить с поступлением в заочную аспирантуру!

– Поздравляю, Надежда Владимировна, поздравляю с тем, что вы выдержали столь длинный марафон на пути к заветной цели!

– Спасибо, Вадим Андреевич! Выдержала с вашей поддержкой! Еще раз спасибо, целую вас! – на одном дыхании выпалила Искорцева.

«Телефонный поцелуй» молодой особы, к которой совсем недавно он испытывал повышенные чувства, был насколько неожиданным, настолько же и приятным. Хотя он понимал, что это всего лишь благодарственный поцелуй, а не поцелуй признания в любви. Не мешкая ответил, пока Искорцева, а он слышал ее взволнованное дыхание, еще держала трубку:

– Еще раз поздравляю с поступлением в аспирантуру, желаю успешно ее закончить, защитить кандидатскую диссертацию, пополнить ряды профессиональных историков!

Вадим Андреевич, не дожидаясь возможной реакции Искорцевой на сказанное им, положил телефонную трубку. Пока он вел телефонный разговор, заседание кафедры было свернуто, преподаватели стали расходиться

ся. Лишь Николай Алексеевич Горбунов не торопясь расхаживал по кафедре, а когда ее покинул заведующий, обратился к Звездину:

– Как, Андреевич, считаешь, правильно поступил Селянинов, что фактически заблокировал обсуждение решения Конституционного суда по КПСС?

– Я, Алексеевич, считаю, что у нашего шефа пока нет своей четкой позиции по многим вопросам происходящих событий в стране, включая решение Конституционного суда по «делу КПСС». Он осторожничает, выжидает, чья из борющихся сторон возьмет верх, чтоб и потом оказаться при деле. Вот и отделался правильными словами относительно решения Конституционного суда, не вдаваясь в более широкую оценку самого процесса, поведения на нем судей, свидетелей, особенно бывших членов Политбюро.

Сделав паузу в расчете на реакцию коллеги и не дожидаясь ее, Вадим Андреевич продолжил: – Конституционный суд рассматривал заявление ряда народных депутатов в основном от фракции «Коммунисты России» о не конституционности указов Президента Ельцина по запрете КПСС и Компартии РСФСР. Надо сказать, что сторонники президента не прочь были превратить рассмотрение судом конституционность указов в судилище над КПСС наподобие Нюрнбергского судебного процесса над фашистскими преступниками. Однако этого добиться им не удалось. Председатель Конституционного суда Зорькин, несмотря на сильное давление сторонников президента, напомнил одному из адвокатов, что «конституционный суд проверяет конституционность партии, а не вершит суд над ней» (20). Некоторые из судей считают, что Ельцин как Президент вообще не имел полномочий принимать решения о запрете политических партий, в том числе КПСС и КП РСФСР, и лишать их имущества. Это решает суд (21).

– Если указы Президента о запрете партии были незаконными, то почему Конституционный суд не отменил их, – остановил Звездина Горбунов. – Выступления свидетелей-коммунистов не были убедительными, или что-то другое было?

– На Конституционный суд оказывали сильное давление Президент, его администрация, либеральные СМИ, пропрезидентские эксперты, свидетели. Что же касается свидетелей-коммунистов Зоркальцева, Купцова, Полозкова, летчика-космонавта коммуниста Севастьянова и других – их выступления были и содержательны, и убедительны. Зюганов, один из лидеров российского патриотического движения, выступая в защиту КПСС, назвал построение социализма в СССР неоспоримым большим достижением деятельности партии, и «эта реальная практика населения одной трети планеты, и никому, тем более Макарову, не дано выбросить этот исторический опыт на свалку...» (22). Примечательно выступление в Конституционном суде в качестве свидетеля академика-коммуниста, председателя Сибирского отделения Академии наук СССР – России Валентина Афанасьевича Коптюга. Его выступление в суде было кратким, а полный

текст он поместил в «Правде» за 11 августа. Не сомневаюсь, ты его прочитал. Так вот этот ученый с мировым именем аргументировано защищал не только КПСС, но и базовые принципы социализма, считая, что именно за этой социально-экономической системой – будущее не только нашей страны, но и мировой цивилизации. А вот одно из предупреждений ученого особенно настораживало. Привожу его слова дословно, которые, Алексеевич, не стираются в моей памяти: «Если коммунистическая партия объявляется антинародной, противоправной, то на миллионы честных членов партии, несмотря на имеющиеся в указе от 6 ноября 1991 г. оговорки, ложится тяжелое оскорбительное клеймо члена антинародной, а по терминологии представителей второй ходатайствующей стороны – преступной организации. Многим, в том числе и мне, какой-то период пришлось жить с клеймом “сына врага народа”, и я хорошо знаю, что это такое» (23).

– Да, Андреич, если бы суд, как говорится, «целиком и полностью» признал справедливыми указы президента, нам, историкам КПСС, точно не избежать бы люстрации, – вздохнул Горбунов.

– То-то и оно, – согласился Вадим Андреевич. После небольшой паузы, продолжил: – Я, Алексеевич, несколько раз перечитал выступление в Конституционном суде в качестве свидетелей бывших членов Политбюро ЦК КПСС, которые на Октябрьском пленуме 1987 года чихвостили Ельцина за его «политически ошибочное» выступление. Лигачев, Рыжков с достоинством, не роняя звания и чести коммуниста, как могли защищали КПСС. Бывший кандидат в члены Политбюро Долгих, в частности, признал виновность Политбюро, включая себя, в том, что позволили Горбачеву исключить из состава ЦК КПСС 115 его членов, хотя все они были избраны высшим органом партии – съездом КПСС (24). Это изменило атмосферу в ЦК: коммунистическая стала довольно быстро меняться на социал-демократическую и даже – либеральную.

– Почему, Андреич, могло такое произойти?

– По-моему, этому способствовали несколько обстоятельств. Прежде всего – гласность. Ее с каким-то безрассудным упоением восприняли не только рядовые коммунисты, советские граждане, но и руководители партии, включая членов Политбюро. А ведь гласность породила оппозицию, а та ее умело направила против КПСС и всего советского. Для дискредитации партии оппозицией были задействованы без всякого противодействия со стороны Политбюро, органов партийной и советской власти телевидение, радио, периодическая печать, литература, искусство. Фактически гласность стала односторонней, то есть сосредоточилась на полном критическом обличении КПСС, сознательно упустив ее достижения в деле социалистического строительства, выпячивая при этом на первый план сталинские репрессии, другие недостатки и квалифицируя их как преступления тоталитарного советского режима. Народ на все это клонул, отказал в поддержке КПСС и Советскому правительству, пошел за оппозицией в надежде полу-

чить уже в ближайшее время «молочные реки и кисельные берега». И еще, что надо отметить – перерождение самой партии. Я не буду говорить о партийной номенклатуре – там многие пришли в партию по карьерным соображениям. Сдали КПСС ее высшие коллективные органы – ЦК и Политбюро.

– Кстати, как ты оцениваешь выступление в Конституционном суде бывшего члена Политбюро Александра Яковлева? – перебил Звездина Горбунов.

– Я сопоставил выступление Яковлева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1987 г. и в Конституционном суде в этом году, то есть 1992. Там он как истинный коммунист сравнил выступление Ельцина на пленуме с «мелкобуржуазным выбросом», а сегодня как настоящий ренегат витиевато объяснял суду свою измену делу КПСС и социализму. Можно понять подобный кульбит, если его совершил коммунист невысокого ранга, тем более если он поступил в партию по карьерным соображениям. Но ведь Яковлев занимал в партии высокие должности, а в перестроечные годы считался идеологом в партии № 1, знал многое из истории и практики КПСС, чего даже мы, преподаватели КПСС, не знали. И тем не менее он не порвал отношения, как он выразился, с партией, «посеявшей зло», до перестройки и в перестроечные годы. Только после «августа-91» он понял, что ему не по пути с фактически разгромленной при его содействии или бездействии партией, которая дала ему все: карьеру, благополучие, авторитет в советском обществе, известность в мире. Вот таким сегодня предстает бывший член Политбюро Александр Яковлев (25).

– Так и хочется спросить Яковлева, какое ваше житейское амплуа: карьерист, флюгер, лицемер или кто-то другой? – задался вопросом Горбунов, внимательно выслушав суждение Звездина о Яковлеве.

– Кто такой Яковлев и кто они, руководители КПСС, приведшие марксистско-ленинскую партию к бесславному концу, а СССР – к разрушению, – покажет история, – ответил Вадим Андреевич.

– Слушай, Андреич, узнав в последнее время столько негатива о КПСС, я пришел к печальному осознанию: и вступление в КПСС, и преподавание истории КПСС были моей большой ошибкой в жизни!

– Я не сожалею, что стал коммунистом, поскольку меня принимали в партию в рабочем коллективе крупного промышленного предприятия нашего города, а рекомендовали коммунисты-фронтовики, получившие свою партийную закалку в кровопролитном бою с жестоким противником; не сожалею, что был преподавателем истории КПСС, ибо как коммунист и историк партии считал своим долгом донести до студентов – будущих специалистов – идеалы, благородные цели и стремления коммунистов создать бесклассовое, справедливое, благополучное и гуманное общество, где бы равенство, коллективизм, взаимная поддержка между его членами стали бы нормой, образом жизни. Я честно выполнял свой долг, делал добросовестно то, что нужно было советскому обществу и нашей социали-

стической Родине. А сегодня те, кто обливает грязью и КПСС, и все советское, тем самым перечеркивают и мой сорокалетний научный и педагогический труд, а стало быть, большую часть моей сознательной жизни. Печально, обидно, душевно больно. Думаю, что такое гнусное состояние испытываю не только я, но и многие историки-партийцы, убежденные в социалистических и коммунистических идеалах, отдавших много сил и энергии историко-партийной науке, обучению и воспитанию на лучших традициях КПСС молодых специалистов – будущих созидателей благополучного завтра, независимо, как его назовут: социалистическое, коммунистическое, постиндустриальное или рациональное общество. – Вадим Андреевич смолк. Воспользовавшись неожиданной паузой коллеги, Горбунов поспешил высказать свое наболевшее:

– Ты, Андрееич, во многом прав. Я тоже чувствую себя скверно от того, что творится в стране и что произошло с партией. Скверно, что высшее партийное руководство допускало расхождение слова и дела, много чего скрывало от нас, рядовых коммунистов, держало нас в коммунистической перспективе, хотя некоторые из руководителей КПСС, видимо, давно разуверились в коммунизме, явно отдавая предпочтение буржуазным ценностям. В этом не отставала и партноменклатура. В ее среде накопительство и потребление становились превыше всего.

– Не думали, не гадали, что доживем до таких печальных времен, когда все хорошее в нашей недавней жизни и наша созидательная деятельность во имя коммунизма сегодня оплевываются всеми, кому не лень, – вздохнул Вадим Андреевич, дослушав рассуждения коллеги. Но заметив, что сказанное им угнетающе подействовало на Горбунова, высказал то, в чем себя убеждал: – И все же, несмотря на нынешний беспредел, я остаюсь оптимистом. Я верю, придет время, когда социалистические и коммунистические идеалы вновь овладеют сознанием трудового народа и партия коммунистов будет востребована жизнью (26).

Глава десятая

1963 год коллектив Уралхиммашзавода – флагмана советского химического машиностроения – встретил новыми трудовыми успехами и оптимистическими планами на будущее. Плановое задание 1962 года завод выполнил: по выпуску валовой продукции – 107,9%; по выпуску товарной продукции – 107,9%; по выпуску химического оборудования – 102,6%; по производительности труда – 101,4%. Большая химия страны получила от завода сотни высокопроизводительных машин и аппаратов. Успешное завершение 1962 года позволило химмашевцам вступить в 1963 год – пятый решающий год семилетки – уверенно. Рабочие, инженеры, техники и служащие решили дать стране в наступившем году 420 вакуум-фильтров,

170 электролизеров, в десять раз больше теплообменников и в три раза увеличить выпуск сепараторов (1).

Вчитываясь в эти цифры, помещенные в заводской газете «За химическое машиностроение», Вадим поймал себя на мысли, что ранее он особо не вникал в работу предприятия, да и родного цеха, поскольку в этом не было нужды. Теперь же, после избрания комсоргом цеха, он почувствовал свою причастность и ответственность к тому, как трудится и чем живет коллектив родного цеха, завод. Именно поэтому данные о работе предприятия в уходящем году по успешному выполнению заводом планового задания вызвали у него неподдельную гордость за результаты труда заводчан. Не подкачал и родной цех – годовой план по котельным заготовкам выполнен на 116% (2).

Положив на тумбочку заводскую многотиражку, Вадим лег прямо в трико на свою кровать, ее не расправляя. Ему было хорошо в этот январский субботний вечер. Его никто не отвлекал, не мешал вот так беззаботно поваляться на кровати, помечтать. Володя и Виктор пошли на танцы, которые проходили в Красном уголке здесь, в родном общежитии. Они зазывали и его, Вадима, пойти с ними, но он отказался, сославшись на занятость в связи с подготовкой к семинарским занятиям по истории СССР. Он не стал уточнять, по какой теме будут занятия, поскольку для них это не имело значения. И вот теперь он наслаждался одиночеством и доносившейся из Красного уголка музыкой. Такое приподнятое состояние навело мысль: а что ему дал уходящий год, и чем он останется памятным для него. Да, приняли кандидатом в члены КПСС, а еще перешел работать в бригаду кузнецов-вальцовщиков. Вообще это произошло, как говорится, неожиданно-негаданно. Дело было в ноябре, сразу после Октябрьских праздников. К нему во время обеденного перерыва подошел бригадир кузнецов-вальцовщиков Александр Иванович Кудряшин и предложил ему, Вадиму, перейти в его бригаду. «Я давно присматриваю за тобой, парень ты толковый, работающий, не скандальный, – начал он с похвалы. – Вот и решил, как только появится возможность, взять тебя в свою бригаду. Такая возможность появилась – член нашей бригады Новиков уходит на пенсию. Переходи к нам, в бригаду. Работа у нас более сложная и ответственная, не то что рихтовка деталей, и более интересная. Да и заработки несравнимы с вашими».

Все произошло так неожиданно, что не знал, что ответить бригадиру преуспевающей бригады. В бригаду кузнецов-вальцовщиков многие хотели попасть, но Кудряшин не всякого брал. К вновь потупившим на завод и в цех он долго присматривался, перед тем как взять в бригаду. Начальник цеха знал эту «закавыку» бригадира и, как правило, шел ему на уступки. Об особенностях Кудряшина в подборе членов своей бригады знали в цехе все, но никто не знал, на кого при производственной необходимости он бросит свой жребий. На сей раз жребий достался ему, Вадиму, и он должен был сказать «да» или «нет». Но вместо короткого ответа стал мям-

лить, что, дескать, теперь он, Вадим, зам. бригадира, что помогает начинающим рабочим освоить навыки правщиков и что начальник цеха не даст «добро» на переход в бригаду кузнецов-вальцовщиков. Отменил же он свое решение о переводе его в слесари-инструментальщики по просьбе бригадира Воронова. На что Кадряшин сказал: «Все это я знаю. Мне важно твое согласие, а все остальное беру на себя». Конечно, нельзя было не согласиться на заманчивое предложение. И Кудряшин все решил. Его, Вадима, пригласили зайти к начальнику цеха лишь для того, чтобы поставить в известность о переводе в бригаду кузнецов-вальцовщиков. Правда, начальник цеха все же поинтересовался, нет ли у него, Вадима, на этот счет возражений. Возражений не было.

Избрание комсоргом для него, Вадима, не стало неожиданностью. После принятия кандидатом в члены КПСС парторг цеха Устинович предупредил о предстоящем партийном поручении, а именно: возглавить комсомольскую организацию цеха. Отчетно-выборное комсомольское собрание проходило в конце ноября. О работе комсомольского бюро за год отчитывался комсорг Алешин. В своем выступлении он вначале отметил успехи: второе место по художественной самодеятельности цеха в смотре художественной самодеятельности коллективов цехов и завода; дежурство без срывов опергруппы и участие во в 2-м общезаводском слете дружинников; участие ряда комсомольцев в работе общественного нормировочного бюро, впервые созданного на заводе именно в нашем цехе; призовое место в общественном смотре Красных углоков в подразделениях завода. Но не удалось: организовать футбольную и хоккейную команды цеха, наладить работу «Комсомольского прожектора», обеспечить активное участие комсомольцев и молодежи в общезаводских спортивных и культурных мероприятиях. Сказал он также и о других упущениях в работе комсомольского бюро, особо выделив слабый контроль со стороны бюро и его лично за учебой комсомольцев цеха в ШРМ и посещением ими кружков политучебы. В заключение своего выступления Алешин попросил не избирать его в новый состав бюро, а тем более комсоргом ввиду большой занятости по работе.

Эту просьбу Алешина встретила ведущая комсомольское собрание Лиза Бочарова легким юмором: начал за здравие, а кончил за упокой. И добавила: нечего ссылаться на большую занятость на производстве, все комсорги цехов и отделов завода занимаются комсомольской работой на общественных началах. Да, Лиза пришла на отчетно-выборное комсомольское собрание, несмотря на то, что находилась в декретном отпуске. Критика в адрес Алехина в основном свелась к тому, что он недостаточно проявил настойчивости в организации хоккейной и футбольной команд цеха. Начал ее Иван Шадрин, его поддержали другие комсомольцы, присутствовавшие на собрании. Парторг цеха Устинович в своем выступлении назвал недопустимым отсутствие должного контроля бюро за посещением и учебой комсомольцев и несоюзной молодежи в ШРМ, а также в политкруж-

ках. Не обошел парторг стороной и задачу организации в цехе «Комсомольского прожектора», сказав, что от слов пора перейти к делу. Пора подвергнуть едкой сатире все то, что мешает коллективу хорошо трудиться, успешно выполнять плановые задания. Об этом же говорил и секретарь заводского комитета ВЛКСМ Гриша Захаров. Он напомнил, что штаб «Комсомольского прожектора» завода создан в июне 1962 года. В его состав вошли 11 человек. Основным направлением в работе «Комсомольского прожектора» стало шефство над выполнением заказов для пусковых объектов большой химии. Обязанности членов штаба распределены таким образом, чтобы взять под контроль прожектористов те звенья производства, которые наибольшим образом влияют на повышение производительности труда и обеспечивают качественно и в срок выполнение заказов большой химии. Далее Захаров сказал, что комсомольской организации цеха, ее бюро надо не только в ближайшее время создать свой пост «Комсомольского прожектора», но и определиться, какие узкие места в цехе, сдерживающие его ритмичную работу, взять под контроль прожектористов. Посоветовал вернуться еще раз к принятому в январе 1962 года постановлению парткома завода по цеху и посмотреть, что сделано в цехе по устранению отмеченных в нем серьезных недостатков, а что нет (2). Тогда будет ясно, на чем надо сосредоточиться комсомольской организации в своей работе. Надо иметь в виду, что от вашего раскройно-заготовительного цеха напрямую зависит работа выпускающих цехов, а стало быть, и завода. Да, Захаров, возглавлявший комсомолию завода не первый год, хорошо знал заводские проблемы. Вадим задумался. Но вот перед глазами встала картина избрания его комсоргом цеха. Из прежнего состава комсомольского бюро в новое вошли только трое: он, Валя Синичкина и Сергей Михалин. Избрали: Алексея Степанченко, Ивана Шадрина, Павла Короткова, Геннадия Махнева. Алешина по его просьбе не избрали в новый состав бюро. Возражений против избрания его, Вадима, комсоргом не было. Возможно, еще и потому, что парторг Устинович при осуждении кандидатур на комсорга цеха дал ему, Вадиму, лестную характеристику: политически грамотен, целеустремлен, настойчив, коллективист...

Дальнейшие размышления Вадима об итогах прожитого им 1962 года прервал буквально влетевший в комнату Виктор.

– Что случилось, Витя? – встретил его Вадим.

– Пойдем спасать Володю, к нему Борис пристает!

Вадим, оставаясь в трико, лишь наскоро надев туфли, вслед за Виктором бросился в Красный уголок спасать друга. Первое, что ему бросилось в глаза в Красном уголке – прижатый Борисом Тимченко к стенке Володя и перепуганные девчонки. Борис держал в левой руке туго натянутый Володин галстук и хрипел угрожая:

– Я из тебя выбью сте-ля-гу-уу!

– Оставь Володю! – довольно спокойно, но жестко потребовал Вадим.

– Кто еще там из защитников нашелся, – пробасил Борис, оставаясь в прежней позе и не отпуская Володю. И все же, не выдержав, повернулся. Увидев Вадима, он отпустил Володю и направился навстречу Вадиму:

– А, комсомольский бог, – съязвил Борис и, подойдя ближе к Вадиму, неожиданно сильно ударил его в левую щеку чуть ниже уха, бросив: – Это тебе мое благословение на ударную комсомольскую работу!

– А это тебе моя сдача за услугу, – вскипел Вадим и также сильно нанес ответный удар по тому же самому месту Борису, по которому тот ударил его, и одновременно своей левой ногой подсек правую ногу обидчика. Выше среднего роста, хорошо упитанный Борис громко рухнул на пол. Он явно не ожидал такого своеобразного ответа и тем более не от богатыря. Медленно поднимаясь с пола, Борис, а он был сильно пьян, процедил сквозь зубы:

– Ну, бляха-муха, погоди! Сейчас получишь по полной!

Однако вопли и шум перепуганных началом драки девчат, находившихся рядом, остановили на какое-то мгновение Бориса от драки. Услышав шум в Красном уголке, в него быстро возвратились парни, которые в перерыве между танцами вышли из Красного уголка по каким-то своим надобностям. Они развели задр по разным сторонам. Потом Игорь повел Бориса домой в его комнату. Вадим же спустился в свою комнату. Вскоре пришли и Володя с Виктором.

– Из-за чего разгорелся сыр-бор? – спросил Вадим Володю, когда тот, переодевшись, буквально упал на свою кровать.

– Из-за Консуэлы, – не сразу ответил Володя. Потом, успокоившись, продолжил: – Ты ее знаешь, она учится в культпросвет училище, а в нашем заводском клубе проходит стажировку. Каким чудом она оказалась у нас на танцах – не знаю. Стильно одетая, ярко накрашенная, симпатичная блондинка, она сходу привлекла наших парней. За ней увязался крепко поддавший Борис. Она с ним станцевала танго, а потом стала его избегать, танцует с другими, но чаще – со мной. Вот Борис и приревновал ее ко мне и решил за это почему-то на мне отыграться.

– Да-а-а, – вздохнул Вадим. – Как говорится, у сильного всегда бесильный виноват. – Затем поинтересовался: – Ты ее проводил?

– До выхода из общаги, а там ее встретили...

– Кто?

– Студенты из УПИ, проходящие на нашем заводе практику. С ними были и их подружки.

– Да-а-а, Вова, тебе крупно не повезло. – Вадим хотел что-то еще сказать, но в это время в комнату вошел Игорь.

– Что, братва, спать собрались? – широко улыбаясь, воскликнул он.

– Готовимся, Петрович, готовимся дрыхнуть, – первым отозвался Вадим, не дожидаясь реакции Володи и Виктора. – А что тебя занесло к нам так поздно?

– Завтра воскресенье. Ты чем будешь занят? – вместо ответа последовал вопрос Игоря.

– Отосплюсь, да и в «Белинку» смогаюсь, надо к семинарам подготовиться, – ответил Вадим.

– Слушай, есть предложение завтра вечером встретиться. Хочу помирить тебя с Борисом. – Игорь выжидающе посмотрел на Вадима.

– Да мы по-настоящему вроде бы не дрались, просто по-мужски обменялись приветствиями, – усмехнулся Вадим.

– Не скажи, уложил на пол человека, а говоришь – не дрались. Надо помириться!

– А Борис-то как на это смотрит? Он готов пойти на примирение?

– Будет готов, я с ним поработаю, – заверил Игорь.

– А где встречаемся и во сколько?

– У меня в комнате, часиков в семь вечера.

– Хорошо, – согласился Вадим.

Игорь ушел. Еще немного поговорив, все трое – Вадим, Володя и Виктор, – не дожидаясь Алексея, легли спать.

* * *

Вадим прибыл в «Белинку» к ее открытию. Он специально торопился быть в библиотеке пораньше, поскольку в воскресенье читателей, как правило, было много, и быстро получить необходимую литературу, занять более удобный читательский столик становилось проблематично. И на сей раз у дверей библиотеки набралось немало ее посетителей, среди которых заметил однокурсницу Машу Савиных. Она тоже увидела его и позвала к себе. Вместе они зашли в библиотеку, поднялись на третий этаж, где находился общий читательский зал, получили заказанную литературу и вместе же за одним столиком приступили к подготовке к семинарским занятиям. Для Вадима было как-то непривычно находиться рядом с сокурсницей и заниматься тем же. Для серьезного изучения литературы требовалось уединение, и он находил его именно в «Белинке». Поэтому ему нравилось заниматься в этой библиотеке. Теперь же отсутствие такого уединения, неожиданно возникающие взаимные вопросы и разговоры мешали ему сосредоточиться для понимания прочитанного, что исподволь раздражало его. Но по мере общения, особенно во время кратких взаимных перерывов для отдыха, прежде всего глаз, раздражение переплеталось с растущим интересом с его стороны к Маше. Она, как и он, являлась ребенком войны, испытывала те же невероятные трудности военного времени; ее понимание современности совпадало с его взглядом на жизнь; оба были увлечены историей, хотя она призналась, что мечтает продолжить учебу на экономическом факультете. Тем не менее он впервые почувствовал свое равнодушное отношение к ней. Поэтому, когда день начал клониться к вечеру и читатели один за другим стали постепенно покидать библиотеку, Вадим предложил Маше проводить ее домой.

Но она неожиданно отказала, сославшись на то, что хочет еще позаниматься. А он уже дольше не мог оставаться в библиотеке из-за предстоящей встречи у Игоря. Покинув библиотеку и уже находясь в троллейбусе, Вадим продолжал размышлять о Маше Савиных, о том, чем затронула его душу эта привлекательная однокурсница, которую ранее никак не выделял среди других студенток-вечерниц.

* * *

К Игорю Вадим пришел с небольшим опозданием. Компания была в сборе: Игорь, Борис Рыжиков, Толя Дудкин – друзья Игоря по совместному проживанию в комнате. Вместо Николая Христосенко, оставившего комнату после увольнения с завода и уехавшего к себе домой на Украину, за столом сидел недавно поселившийся в комнату Костя Подберезкин. Присутствовал и Борис Тимченко. Он первым обратил внимание на появление Вадима.

– А, наконец, появился мой крестник! Садись, – и он указал на стул, стоящий рядом с ним. – За опоздание – штрафную! – Борис тут же налил граненый стакан водки. Подавая его Вадиму, добавил: – Осилишь стакан беленькой – считай, что наше примирение началось!

Делать было нечего, надо было принимать вызов. Принимая стакан, Вадим мысленно поблагодарил себя за то, что по пути к Игорю все же успел неплохо перекусить в заводской столовой, и, значит, была какая-то гарантия не окосеть сразу. И он, при любопытном наблюдении присутствующих, залпом опрокинул стакан водки.

– А теперь, закусывай, – снисходительно бросил Борис.

Закуска холостяцкая, наскоро приготовленная, была небогатой: нарезанные ломтиками колбаса, сыр, селедка, хлеб, – вот и все. Вадим сделал бутерброд с колбасой и не спеша стал закусывать. Тем временем Игорь, налив каждому сидящему за столом по полстакана водки, предложил выпить за дружбу, не таить какой-то обиды и злости друг против друга, поддерживать между собой если не дружеские, то хотя бы нормальные отношения:

– Мы с вами рабочие, нам нечего делить...

– А как быть с бабами, их тоже не будем делить между собой? – бросил Тимченко. – Но мы ведь еще не при коммунизме живем...

– Коммунизм тут ни при чем – оборвал Игорь Бориса. – Отношения между мужчиной и женщиной как индивидуальными личностями могут строиться либо на почве взаимной любви, либо на почве уважения и терпимости!

Борис, пропустив мимо ушей замечание Игоря, повернулся к Вадиму с поднятым стаканом:

– Ну что, Вадь, примем по сто грамм за наше примирение и дружбу!

– Слушай, Боря, я уже выпил полный стакан беленькой, выпил и за примирение, и за дружбу, больше не могу! – взмолился Вадим.

– Надо же это закрепить, – настаивал Борис. – Не примешь мое пожелание – обижусь, примирение сорвется.

– Ладно, я выпью, чтоб закрепить наше примирение и чтоб ты не держал на меня зла, – согласился Вадим. Проглотив еще полстакана водки, он почувствовал, как хмель постепенно овладевает им. Не прошло и минуты, как Борис предложил опять выпить за дружбу.

– Боря, ты что, решил меня спойть? – возмутился Вадим. – Хочешь, чтоб я свалился здесь под стол, а ты потом станешь потешаться надо мной: мол, какой слабак! Ладно, поддержи еще раз.

Дальше Вадим обходился минералкой. Но хмель брал все же свое. Голова кружилась, вскоре он вообще перестал соображать, где находится и что происходит вокруг...

Проснулся и не сразу смог понять, где он находится. Осмотрелся и убедился, что комната, в которой он находится, не его, чужая. Не те занавески на окне, через которые с трудом пробивался лунный свет, слабо освещая комнату. Но все же луна помогала кое-что в ней разглядеть. Вместо привычного в своей общежитской комнате плафона здесь под потолком красовалась обласканная луной люстра. Шифоньер тоже был другой и стоял в другом месте. Кровати вроде бы были расставлены так же, как в его комнате. На одной он сам валялся, две другие, аккуратно заправленные, пустовали, а на четвертой, напротив его кровати – кто-то спал. Но кто? Стал всматриваться. Никак не мог понять кто же, пока из-под одеяла не вынырнула женская голова

– Что, проснулся, не ожидал и испугался? – с некой долей иронии проронила женщина.

– Не ожидал и не испугался, – ответил Вадим. – Ты лучше скажи, где я и как я сюда попал?

– Пить надо меньше, чтоб не перепутать свое жилье с чужим.

– Я – не алкаш.

– Все вы не алкаши, пока не выпили. А потом вам поставь бутылку водки за версту – будете бежать к ней наперегонки сломя голову!

– Повторяю, я – не алкаш, напился случайно...

– Случайно ничего не бывает, всегда есть на то причины. Боря Тимченко рассказал о вашей попойке. – Женщина повернулась лицом к Вадиму и, как показалось, улыбнулась.

– Значит, Борис притащил меня сюда, но почему сюда, а не домой, в мою общагу?

– Действительно притащил, ты ведь лыка не вязал. Почему не в твое общежитие, а в женское, – спроси у Бориса, он лучше тебе объяснит. Нам же он сказал, что долго гуляли, замерзли и решили к нам заглянуть, попить чайку и отогреться. Борис часто к нам заходит, любовь с Верой крутит. Поэтому по-свойски зашел вместе с тобой, как объяснил, с другом. А дальше вот что произошло. Пока мы с Верой готовили чай, тебя в тепле окончатель-

но развезло, и ты упал на пол. Отвести домой было невозможно, и Боря попросил разрешения оставить друга здесь, в нашей комнате, пока, мол, он не проспит, и потом сам уйдет в свое общежитие. Я и Вера согласились тебя оставить у нас на ночевку. После этого Боря снял с тебя пиджак, обувь и уложил в мою кровать. Вот так ты оказался здесь, в моей кровати.

– Спасибо, что приютили. Теперь, проснувшись, как я понял, мне надо топтать домой в свою общагу. – Вадим встал с постели и стал собираться домой, но его остановила женщина:

– Оставайся и ночуй здесь. Куда ты пойдешь: время – три часа ночи; на улице – тридцатиградусный мороз. Да и общежития, и наше, и ваше, закрыты до утра. Придется иметь дело с дежурными, а те как поступят – одному богу известно. Так что, оставайся, раздевайся и ложись спать. Я повернусь к стене, чтоб тебя не смущать. – И она, натянув одеяло на голую, повернулась лицом к стене.

Вадим послушно разделся и лег в кровать. Сон прошел. Всякие мысли стали бродить в голове. Может потому, что впервые оказался на пару с женщиной в одной комнате да еще ночью. Как быть? Спустя несколько минут он не выдержал и спросил ее, убежденный, что она тоже не спит.

– Моя спасительница, скажи, как тебя зовут?

– Тамара, – послышался ответ.

– Тамара, тебя не смущает мое нахождение здесь наедине с тобой?

– Ты в какую смену работаешь? – вдруг спросила она, уйдя от ответа на прямой вопрос.

– В первую, а что?

– Спать надо, чтоб не проспять первую смену.

Вадиму неудержимо захотелось продолжить разговор с Тамарой, добиться ее расположения к нему, а там, возможно, и большего...

– Тамара, может, нам познакомиться ближе?

– А мы знакомы. О тебе мне Борис рассказал. Но я тебя и раньше знала. Ты, похоже, забыл, как мы с тобой вальсировали на танцплощадке в парке. Это было в мае теперь уже в прошлом году при открытии летнего сезона в нашем заводском парке. Я тебя пригласила на дамский вальс.

– Так ты и есть та дама, с которой я тогда танцевал. Господи, какая неожиданная встреча, да еще где и в какое время! Мы же с тобой танцевали еще и танго. Конечно, не забыл, но по голосу тебя не узнал, а твое лицо я не мог разглядеть при лунном свете. Тогда нам не удалось поговорить, я с оперативниками дежурил в парке. А теперь мы можем пообщаться, место и время подходящие для этого. Если не возражаешь – переключу к тебе поближе для удобства общения.

Не дожидаясь какого-либо ответа, Вадим быстренько оставил свою постель и пристроился на кровати Тамары. Та с удивлением посмотрела на пришельца, а потом спокойно сказала:

– Вернись на мою, а теперь – свою кровать. И досыпай. Скоро утро.

Вадим вернулся на свое прежнее место, лег в постель и укрылся одеялом, спрятав под него и голову – в комнате было довольно прохладно. Лёжа он мысленно прокручивал всё, что с ним случилось за время от небольшого застолья у Игоря до ночной встречи с Тамарой здесь, в её комнате. Возникшее желание провести вместе с ней остаток ночи она восприняла своеобразно, отправив его досыпать. Но спать ему не хотелось. Всякие мысли продолжали кружить голову. И лишь когда сон, наконец, начал одолевать, к его кровати неожиданно подошла Тамара. Он не сразу этому поверил, подумал, что это померещилось. Но скоро убедился, что она рядом с ним...

Проснувшись утром, Вадим не знал, как теперь строить отношения с Тамарой после проведённого с ней остатка ночи: стоит ли быть её любовником или стать мужем? На помощь пришла сама Тамара:

- Всё, что произошло между нами ночью – забудь, это был сон!

- Но почему? – воскликнул Вадим.

- Постараюсь объяснить по пути в столовую, а пока быстро одевайся и выходим.

Тамара, уже одетая, вышла из комнаты и скоро вернулась.

- Выходим, пока на месте нет дежурной, – поторопила она Вадима. – А то потом любопытных разговоров не оберешься обо мне и о нашей комнате.

Они вышли из общежития, не встретив на пути ни дежурной, ни жильцов. Отойдя немного от общежития, Тамара, прикрывая лицо от январского колючего морозного ветра, призналась:

- Все, что произошло между нами, – это было мое спонтанное желание. Ты первый, с кем я согрешила после мужа.

- Ты замужем?

- И замужем и нет.

- Как это понять?

- Уже два года как не живем вместе и не разводимся.

- Как говорится: и ни сюды и ни туды. Почему так?

- Есть мудрая пословица: не родись красивой, а родись счастливой.

Так вот, я родилась и выросла смазливой. До замужества парни косяком за мной ходили, выбрать жениха было из кого. Познакомилась с будущим мужем в нашем городском клубе. Он из Лобвы. Не красавец, но, в общем, ничего. Я же родилась и жила в Новой Ляле, после окончания школы стала работать на целлюлозно-бумажном комбинате. Это крупное и главное предприятие в нашем городе. Поженились. Жили сначала в бараке в немецкой слободе города, потом купили халупу, обустроили ее, и получилось неплохое родное гнездышко. Много усердствовал по благоустройству избы и небольшой усадебной территории муж Тимофей. Как говорится, жизнь пошла своим чередом. Рождение дочери Леночки было нашей общей с Тимофеем радостью.

Тамара смолкла, тяжело вздохнула. Видимо, дальше ей надо было рассказывать о чем-то не совсем для нее приятном. Вадим терпеливо ждал ее дальнейшей исповеди о том, что же разладило их семейную жизнь.

Но вот она собралась с духом и вновь заговорила:

– Моя же смазливость меня и подвела. Несмотря на то, что я была замужней женщиной, на меня по-прежнему пялили глаза, причем не только мои ровесники-парни, но и старики. Да, старики. Это не нравилось мужу, он ревниво стал подозревать мои встречи и разговоры с ребятами и пенсионерами. А вот тот случай, который внес разлад в нашу семью. Как-то вечером меня встретил на улице Ленина пенсионер Тихон и говорит: «Слушай, Тома, я давно тебя знаю и за тобой наблюдаю. Ты аппетитная баба, как увижу тебя – сразу молодость просыпается. Давай хотя бы разок переспим, тебя не убудет, а для меня – прибавится радость жизни. Заплачу, сколько скажешь». Я послала его к черту. А он в ответ предупредил: «Не согласишься – шепну твоему ревнивому мужу, что мы с тобой того...». И он, старый хрен, сдержал свое слово, шепнул, что якобы он меня пользует. И муж-ревнивец стал негласно за мной следить, особенно, если вдруг невзначай я встречала Тихона. Да, он тоже до выхода на пенсию работал на бумкомбинате слесарем по ремонту технологических установок. По работе я хорошо его знала. Порядочный бабник, травил такие анекдоты, что со стыда можно было сгореть. Откровенничал, что любит вино старое, а женщин молодых. Его жена часто болела, вот он и искал ей замену себе хотя бы на ночьку из молодых баб. Однажды муж подкараулил мою встречу с Тихоном. Разговор, как всегда, был с ним коротким. Но, расставаясь, он возьми и поцелуй меня. И это муж видел.

– Ты не думаешь, что все это было подстроено Тихоном? Он предупредил твоего мужа, где, когда и в какое время с тобой будет встречаться, – предположил Вадим.

– Так оно и было, но я узнала об этом позже, – согласилась Тамара. – Вот после той встречи и поцелуя старика меня муж так избил ночью, что я несколько дней на работу не выходила – стыдно было показываться на работе с кровоподтеками под глазами. Эту выходку я простила ему, думала, что больше подобное не повторится. Но нет же. Как-то раз ночью муж воспылал страстью и стал ко мне приставать. Я стала его убеждать, что не могу из-за месячных. Не поверил и давай меня колотить, приговаривая: не хочешь со мной после старика, получай... Утром, избитая, я взяла Леночку и отправилась к родителям-старикам. А ему, расставаясь, сказала: поживи годик-другой один, может, поумнееешь, и ревности у тебя поубавится. А там посмотрим – стоит ли нам жить дальше вместе или нет. Три дня мы не встречались, на четвертый Тимофей пришел к моим родителям, где я обитала с Леночкой. Отец готов был угостить зятя, помирить нас, но я воспротивилась. Сказала отцу: через годик будешь мирить, если того он заслужит, а пока пускай убирается отсюда и поживет один. Отец расстро-

ился, а мать всплакнула от такого моего решения. А Тимофей, хлопнув дверью, ушел. Пришел на следующий день вечером, изрядно подавший. Вызвал меня во двор и предупредил: если к нему не вернусь, то избьет меня до полусмерти, сделает меня калекой, и я забуду о своей красоте. Конечно, испугалась, подумала, что он начнет сейчас же меня бить. Пришлось дать задний ход. Говорю ему: ладно, Тимофей, вернусь, только сейчас съезжу в Краснокамск и попытаюсь поступить в местный целлюлозно-бумажный техникум, хотя бы на заочное отделение. Такая мечта у меня была, и об этом Тимофей знал. Поскольку разлад между нами происходил в конце июля – время, когда полным ходом шла подготовка к вступительным экзаменам в вузы и техникумы, он поверил мне. Мы расстались мирно. Обо всем случившемся я рассказала родителям. Мать посоветовала мне ехать не в Краснокамск, а в Свердловск, где живет ее родная сестра. Она на время приютит, а дальше – сама, мол, решишь, как быть. И я, добившись на комбинате досрочно очередного отпуска, махнула в Свердловск. С родителями договорилась, что для Тимофея я уехала в Краснокамск. У тети Клары-пенсионерки, проживающей здесь, на Химмаше, я обитала полторы недели. Ее муж, дядя Филипп, несмотря на приличный возраст, продолжал трудиться инженером на заводе. С ними жила и живет их внучка Соня, студентка УПИ. Она познакомила меня со своими подружками, работавшими на Химмашзаводе. Они-то меня и убедили поступить работать на их завод, а учиться – в УПИ заочно, благо, что при заводе действует УПК УПИ. Поэтому к себе домой в Лялю я вернулась с твердым намерением устроиться на Уралхиммаш и поступить в УПИ на заочное отделение. Моему решению воспротивились родители: как ты, мол, оставишь Лену, нас, стариков, да и мужа. Пришлось пойти на уступки. Договорились, что я все-таки поеду в Свердловск, поработаю на Химмаше, пока не поступлю в институт, а потом, если не удастся решить квартирный вопрос, чтоб взять к себе и дочь, и родителей, вернусь домой. Ну, а с Тимофеем – посмотрю, как он себя поведет...

Вадим внимательно слушал Тамару, не перебивая ее рассказ своими вопросами. Так они незаметно дошли до заводской столовой, вместе позавтракали, вышли из столовой и остановились, не доходя до проходной завода.

– У меня скоро отпуск, – выйдя из столовой, сказала Тамара. – Поеду домой, в Лялю. Там придется окончательно решить, где жить и чем заниматься. За два года жизни в Свердловске я устроилась на завод и хорошо освоила рабочую профессию электросварщицы; поступила в институт, но не в УПИ, а в Лесотехнический институт на заочный факультет по специальности «Химическая технология целлюлозно-бумажного производства». Эта специальность мне ближе и, получив ее, смогу при необходимости трудиться на нашем целлюлозно-бумажном комбинате. С жильем сложнее. Дали место в общежитии, но взять к себе в общежитие дочь и родителей не могу. А дочь надо готовить к школе – ей уже пять лет. Да и родителей

оставлять одних негоже. Они старенькие. Отец – фронтовик, инвалид, имеет боевые награды. Мать много лет проработала на комбинате. А за работу в годы войны награждена значком «Отличник социалистического соревнования Наркомбумпрома».

– А с Тимофеем какие у тебя сейчас отношения? – спросил Вадим. Именно это ему больше всего захотелось узнать у Тамары. Разглядев ее по-настоящему в столовой при хорошем электроосвещении и оценив ее природную красоту, испытав ее ласки ночью в постели, узнав историю ее семейной жизни, он готов был связать с ней свою судьбу. Поэтому вопрос о ее отношениях с мужем для него имел особое значение. А Тамара ответила на него уклончиво:

– Дочь должна иметь отца. – Потом вдруг спохватилась: – Что-то я разболталась. Извини, я пойду, вон подходят знакомые девочки.

Придержав Тамару, Вадим успел спросить:

– Далеко ли от Свердловска находится Новая Ляля и каким транспортом до нее можно добраться?

– Наш город находится в 320 километрах от Свердловска и до него можно доехать поездом Свердловск – Серов, – бросила Тамара и устремилась к проходной завода. Перед тем как скрыться в проходной, повернулась к стоявшему еще недалеко Вадиму и помахала ему рукой, сопроводив словами: «Ты хороший парень, жаль, что тебя я раньше не встретила...». Растроганный и озадаченный ее признанием сейчас, а также проведенным с ней остатком ночи, Вадим медленно пошел в свой цех. Пожалел, что не узнал, в каком цехе Тамара работает.

* * *

В цехе на рабочем месте Вадима встретил бригадир Александр Иванович Кудряшин. Поздоровавшись, он сразу же поставил задачу на смену:

– Поставили большую партию труб, будем с ними работать, эскизы есть.

Это означало, что на специальном станке из обычных труб-заготовок предстояло сделать детали, которые потом выпускающими цехами использовались при изготовлении аппаратов для химической промышленности. Вадим за небольшое время работы в бригаде освоил станок и технологию холодной гибки труб, научился работать с эскизами, где давались необходимые данные будущей детали из труб. Поэтому оглашенное бригадиром задание Вадим воспринял вполне спокойно, со знанием дела.

Бригадир же, огласив задание на смену, добавил: – У нас еще лежат швеллера, третья смена не закончила с ними работу. Так что, возможно, нам придется и ими заняться, если с трубами справимся раньше, чем закончится смена.

Вадим научился работать не только на станке, но и на вертикальных вальцах, предназначенных превращать разные заготовки, включая швелле-

ра, путем вальцовки и калибровки в необходимые детали. И он готов был работать и на вальцах.

Не теряя времени, бригадир, а вместе с ним и Вадим – оба вместе приступили к работе. По заведенному в бригаде порядку в первой, второй и третьей рабочих сменах работали по двое, на пару. Так было удобней, производительнее выполнять производственное задание. Да и зарплата выходила неплохой – в бригаде в среднем она составляла двести и больше рублей в месяц. Члены бригады получали в зависимости от имеющегося у каждого из них разряда. Вадим, принятый в бригаду учеником, за быстрое освоение имеющейся в бригаде техники и умений на ней работать был рассчитан по первому разряду уже по итогам первого месяца работы. Так бригадир Кудряшин оценил хватку и старания вновь принятого в бригаду нового рабочего.

Вадиму нравилось работать вместе с бригадиром. Его привлекали в нем умение работать легко, без суеты, расчетливо, в интересах дела использовать каждую минуту рабочего времени. Бригадирские функции, прежде всего получение производственного задания и оформление нарядов на сделанную работу, он выполнял в обеденный перерыв или после окончания рабочей смены. Больше работал в первую смену, но не избегал второй и третьей смен, если в этом была производственная нужда. Гордился, что его дед и отец были рабочими, что он тоже продолжает рабочую семейную традицию и что его сын Сашка тоже пойдет работать на завод.

Благодаря напористости бригадира удалось к концу смены справиться с трубами – довести их до кондиций нужных деталей. Однако заняться швеллерами времени уже не хватило. До конца смены оставалось не более полчаса. Александр Иванович, довольный сделанной работой, дал понять об окончании рабочей смены, сам занялся нарядами, а Вадима отправил в душевую.

По пути в душевую, где можно было скинуть робу, помыться и одеться в повседневную чистую одежду, Вадим встретил Бориса Тимченко. Тот только что закончил наводить марафет на своем рабочем месте и собрался тоже идти в душевую.

– Салют, удалец-молодец, – приветствовал он Вадима. – Как спалось в гостях у соблазнительной Томи?

– Нормально, видишь, в первую смену вышел, – бросил Вадим, понимая, что такой ответ Бориса не устроит. И действительно, такой ответ его не удовлетворил, и он пустился в рассуждения.

– Мертвецки спать ночью наедине с такой кралей может только больной. Я бы не устоял, использовал бы все свое умение очаровать женщину и добиться ее согласия. Ты многое потерял, что не добился Тамариного расположения. И что она подумала о тебе: какой-то туфяк!

– Обо мне она так не подумает, – остановил Вадим рассуждения Бориса. – У нас все было. Она теперь будет думать иначе: если не удастся

уладить отношения с мужем, возможно, подумает обо мне как о кандидате на супружество.

Признание Вадима настолько Бориса удивило, что он не сразу нашелся что сказать. Он явно не ожидал такого ответа и тут же полубобпытствовал, как ему удалось добиться ее близости.

Вадим не стал подробно распространяться о проведенной ночи с Тамарой, о ее семейной драме, о чем та ему рассказала по пути в столовую и расставаясь с ним.

– Все произошло потому, что я оказался на том месте и в то время, когда у женщины появилось спонтанное желание. Спасибо тебе, что ты уложил меня пьяного спать в кровать Тамары. – Вадим одобрительно похлопал по плечу Бориса.

– Вообще Вера и Тамара сопротивлялись, чтобы я тебя оставил на ночевку у них. Кое-как я их убедил, что волочить тебя бесчувственного, пьяного в общагу домой при тридцатиградусном морозе и ледящем ветре бесчеловечно и преступно. Поскольку ты упал возле кровати Тамары, то и уложить тебя в ее постели оказалось проще, – рассказал Борис.

– Скажи, Боря, кто меня одевал в нашей общаге? Не мог же я пойти в одной сорочке на улицу гулять! – Вадим выжидающе посмотрел на Бориса.

– От Игоря я тебя привел в твою комнату. В ней находился только Витя. Он-то и уговаривал тебя лечь спать. Но ты вдруг заартачился, сказал, что хочешь со мной проветриться. Я не возражал. Ты сам оделся. На улице мы гуляли около часа. Замерзли. Я предложил зайти в общагу к девчатам, отогреться, попить чайку и поболтать. Ты согласился. Ну а дальше ты сам все знаешь. В тепле тебя так развезло вдруг, что пришлось на время оставить у девчат. Я только с тебя снял пиджак и обувь.

Борис на минуту смолк, а потом продолжил, повернув разговор на другое: – Ты знаешь, за Тамарой многие стреляли, но она быстро их отшивала. Теперь она твоя любовница. Вообще это здорово, когда контактишь с замужней женщиной. Она, в отличие от незамужних, ничего от тебя не требует, кроме тайны встреч. Не все, конечно, такие, но встречаются недовольные супружеством. А вот связь с теми, которые не замужем, всегда порождает всякие проблемы. Так что продолжай контактировать с Томой, пока возможность такая имеется.

– То, что произошло ночью между мной и Тамарой, – это был сон. Так сказала Тамара, – вздохнул Вадим. – И она дала понять, что никакой дальше любовной связи с ней не будет.

За разговором незаметно пришли в душевую, где его пришлось прервать.

* * *

Быть комсоргом цеха Вадим не испытывал особого желания, понимая, что это дополнительная нагрузка, которая потребует уйму времени, кото-

рого и так у него не хватает, особенно для успешной учебы в университете. В то же время льстило, что комсомольцы цеха ему доверили быть их руководителем. Теперь он на виду не только у молодежи, но и коллектива всего цеха. А это означало, что во всех своих поступках комсорг должен быть чист, как стеклышко. Тогда и авторитет будет непререкаем. А он, как комсорг и кандидат в члены КПСС, чист? Вадим задумался. Вспомнил пьянку, ночевку в женском общежитии, шуры-муры с Тamarой, и как-то стало не по себе. В цехе об этом пока не знают. А узнают и что? Наверное, по-разному оценят. Кто-то коснется моральной стороны, кто-то спишет случившееся на молодость, а кто-то вообще не обратит на это внимания. Кто бы что не говорил или не подумал о выходе новоиспеченного комсорга цеха, Вадиму было ясно: чтобы оправдать доверие комсомольцев, не уронить авторитет комсомольской организации цеха надо стремиться к максимальным результатам в комсомольской работе и не ронять морали и чести комсомольского вожака.

Сделав для себя утешительное умозаключение, Вадим вернулся к плану работы комсомольского бюро на предстоящий отчетный период. Он набросал его сразу же, став комсоргом. Обсудили с членами бюро основные мероприятия плана, однако план не стали выносить на обсуждение открытого комсомольского собрания без его предварительного одобрения секретарем партийной организации цеха Устиновичем. Надо было согласовать некоторые мероприятия плана и заручиться его поддержкой их выполнения. До нового года с парторгом встретиться не удалось из-за его занятости выполнением цехом задания декабря и в целом годового плана. Причем он нес ответственность за это не только как парторг цеха, но и как сменный мастер (он не был освобожденным секретарем).

Встреча состоялась в один из обеденных перерывов в Красном уголке цеха. У парторга не было своего кабинета, и поэтому его рабочее место находилось здесь, в Красном уголке. Бегло просмотрев план работы бюро, начал с замечаний:

– Складывается впечатление, что всем будет заниматься один комсорг, а члены бюро как бы сбоку припеку, то есть не несут никакой персональной ответственности. Не надо повторять Алешина, который за все дела брался сам, подменяя членов бюро, а в итоге многие намеченные мероприятия остались на бумаге. У него, как говорится, руки не дошли из-за загрузки по производственной работе. Ты ведь тоже не освобожденный комсомольский работник, плюс к этому – студент-вечерник. Значит, надо всю комсомольскую работу разумно распределить между членами бюро, исходя из наклонностей, способностей и желаний каждого.

Устинович сделал небольшую паузу, видимо, ожидая реакции со стороны Вадима, но поскольку ее не последовало, предложил:

– Пост «Комсомольского прожектора» надо возглавить не тебе, комсоргу, а Алексею Степанченко. Почему именно ему? Он член бригады

кузнецов Ерошина, авторитетной бригады в цехе, которой присваивается звание бригады ударника коммунистического труда. Естественно, что возглавляемый Степанченко пост «Комсомольского прожектора» изначально сделает пост авторитетным для коллектива цеха. Создание хоккейной и футбольной команд цеха можно поручить Ивану Шадрину. Он сам играет и в хоккей, и в футбол. Знает, что и как делать. Причем с организацией хоккейной команды надо поторопиться, где-то в конце февраля или в начале марта состоится заводской блиц-турнир по хоккею с шайбой, и неплохо было бы нам принять в нем участие, и тем самым громко заявить о нашем цехе как спортивном.

– Желających играть в хоккей и футбол найдется немало, – заметил Вадим. – Главное, где взять деньги для приобретения необходимой спортивной амуниции.

– С деньгами цех поможет, об этом есть договоренность с начальником цеха, – ответил Устинович. – Сейчас надо не мешкая заняться организацией хоккейной команды, на все про все имеется не больше месяца.

Сделав еще несколько замечаний по плану работы комсомольского бюро, Устинович посоветовал:

– Еще раз посмотри, чем будет заниматься член бюро, руководствуясь способностями, а главное, желаниями каждого заниматься конкретным делом. Сам же не грузи все на себя, но и не становись сторонним наблюдателем. Работай с каждым членом бюро, помогай тому, у кого что-то не ладится. Надо, чтобы бюро работало слажено, тогда и хорошие результаты будут.

* * *

Открытое комсомольское собрание проходило в Красном уголке сразу после окончания работы первой смены. Никто из собравшихся не успел сходить в душ, скинуть робу, помыться и надеть повседневную одежду. Это вызвало ворчание среди некоторых комсомольцев и несоюзной молодежи. И лишь когда Вадим громко объявил, что собрание считается открытым, публика постепенно утомилась. Вести собрание поручили непосредственно ему, а секретарить – Вале Синичкиной.

Готовясь к своему выступлению с информацией о плане предстоящей работы комсомольского бюро, Вадим почувствовал, как начал волноваться. Как-никак это было его первое ответственное выступление на собрании, где присутствовали более пятидесяти комсомольцев и беспартийной молодежи, где также были парторг цеха Устинович, замначальника цеха Сарапулов, предцехкома Альчев. Подавляя свое волнение, он произнес:

– Я не собираюсь всех вас утомлять своим выступлением по поводу предстоящей работы вновь избранного комсомольского бюро, а постараюсь лишь ознакомить с конкретными мероприятиями, которые комсомольская организация вместе с несоюзной молодежью цеха намерена осу-

шествить в отчетном году. – И, справившись со своим волнением, Вадим не торопясь зачитал намеченные мероприятия плана работы.

Все, о чем сообщил комсорг, собрание восприняло молча. Потом пошли вопросы. Особенно заинтересовало собравшуюся молодежь создание хоккейной и футбольной команд в цехе, что намечалось планом работы, и насколько обещаемое было реальным. Первым усомнился в этом Алешин:

– Я тоже планировал организовать хоккейную команду цеха, об этом мечтала в свое время и комсорг Лиза Бочарова, но не получилось. Почему? – Алешин специально сделал небольшую паузу, чтобы заинтриговать присутствующих. – А знаете почему? Потому что у нас нет особого желания заниматься спортом. Говорим, говорим, что нужна хоккейная команда, а когда коснешься ее организации на практике – желающих играть набирается не больше десятка человек. Возникает проблема и с приобретением хоккейной формы, коньков, клюшек. Нужны деньги, а заработать их на субботниках и воскресниках не смогли.

– Я не согласна со Славой, – вступила в разговор Лиза. – Мы не смогли организовать хоккейную команду потому, что мало над этим работали. Меня постоянно отвлекали какие-то другие дела, а в бюро не нашлось хорошего организатора-энтузиаста. Вадиму надо подумать, кто будет заниматься организацией хоккейной и футбольной команд, да и самому здесь проявлять больше настойчивости.

– Кому что, а вшивому баня, – вмешался в разговор Василий Васильевич Сарапулов, замначальника цеха. – Осуждение плана работы комсомольского бюро мы свели к созданию двух спортивных команд, что в принципе правильно. Но упустили из виду другие не менее важные мероприятия. И именно такие, как организация поста «Комсомольского прожектора», шефство над трудными подростками в подшефных школах, дежурство цеховой опергруппы, контроль бюро за учебой комсомольцев и несоюзной молодежи в ШРМ и политкружках, участие в цеховой художественной самодеятельности. – В заключение Сарапулов сказал: – Считаю, что план работы комсомольского бюро содержательный, и если все намечаемое в нем будет реализовано – честь и хвала комсомольской организации.

– А я хотел бы пожелать комсомольцам не забывать не только о своем досуге, но и о досуге всего коллектива цеха, – добавил предцехкома Алычев. – Последний вечер отдыха коллектива цеха, завершившийся дракой, показал, что проведение вечеров требует большой подготовительной работы, и здесь комсомольская организация могла бы себя проявить как хороший организатор.

Больше желающих что-то сказать по обсуждаемым мероприятиям не оказалось, и Вадим обратился к собранию:

– Как я понимаю, все здесь присутствующие поддерживают мероприятия, намеченные планом работы комсомольского бюро на предстоящий отчетный год. Одно пожелание: чтобы эта поддержка была не только на

словах, но и на деле. – Перед тем как закрыть собрание, Вадим объявил: – Всех желающих играть в хоккей прошу после собрания задержаться. Будем формировать команду цеха. – Сделав такое объявление, он надеялся, что останутся те, кто пожелает играть в хоккей в составе цеховой команды. И не ошибся. Набралось более десятка человек. Особенно удивило его то, что среди оставшихся оказался и Борис Тимченко. Тот, заметив это, добродушнее признался, что когда-то играл в хоккей в своем дворе.

Когда в Красном уголке остались только будущие хоккеисты, Вадим переписал всех в свою записную книжку, а потом, улыбаясь, объяснил:

– Это для порядка. – И далее уже серьезно сказал: – В марте намечается провести блиц-турнир заводских хоккейных команд. Нам надо в нем принять участие – показать, что наш цех тоже имеет свою команду. Времени, как видите, на раскачку нет. Форму, коньки и клюшки приобретем в ближайшее время. О деньгах пообещал позаботиться парторг. Наша задача – завершить комплектование команды. А пока, – Вадим окинул взглядом парней, – а пока есть предложение избрать капитаном хоккейной команды Ивана Шадрина. Он – хоккеист, играет в команде цеха тяжелой химваппаратуры. Если возражений нет, – Вадим выжидающе посмотрел на присутствующих и, поняв, что нет, продолжил: – то поручим ему связаться с председателем заводского совета ДСО «Труд» Сулавой и обговорить с ним все организационные вопросы, включая помощь в проведении тренировок наших хоккеистов, то есть вас. Все понятно?

– По-ня-ти-о-о, – дружно отозвались парни.

– Хорошо, связь поддерживайте с Ваней, а пока все свободны, кроме Ивана.

Отпустив парней, Вадим обсудил еще кое-какие организационные вопросы с Шадриним, а потом, не заходя в столовую, поспешил на троллейбусную остановку.

– Тороплюсь, Ваня, хочу успеть на латынь, она второй парой, – подавая руку другу, объяснил свою поспешность Вадим.

Ожидая на остановке троллейбус, Вадим, может быть, впервые настоящему задумался и понял, что теперь ему придется сочетать работу в бригаде с учебой в университете и занятием комсомольской работой. А делать это будет ох как не просто! Но, как гласит народная мудрость, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Нельзя будет подводить ни членов бригады, ни комсомольцев цеха, ни себя, нельзя терять звание коммуниста.

Глава одиннадцатая

4 октября 1993 года начавшийся с утра обстрел бронетранспортерами и танками Дома Советов, где заседал Верховный Совет Российской Федерации, последний оплот советской власти, возвестил об окончании новой эры человечества, которую провозгласил 25 октября (7 ноября) 1917 года

«холостой залп крейсера Авроры» по Зимнему дворцу с находившимся в нем Временным правительством. Вот как спустя несколько дней написал о начале штурма Дома Советов («Белого дома») народный депутат Владимир Исаков, очевидец и участник тех трагических событий. «...Утром, в 7 часов 15 минут, я находился в кабинете Ю. Воронина. Он собирался на продолжение переговоров в Свято-Даниловском монастыре. Послышался шум техники, и Дом Советов начали окружать бронетранспортеры. Первый же с ходу открыл огонь и расстрелял палатку защитников Дома Советов возле баррикады. И на наших глазах погибли восемь человек. Это были первые жертвы среди защитников Дома Советов. Сразу же был открыт огонь по стеклам нижних этажей. Стало ясно, что никакие переговоры невозможны. Воронин пытался связаться по телефону с Черномырдиным и Сосковцом – к телефону никто не подходил. То есть фактически штурм начался с самого утра. Несколько позже... появились цепи штурмующих. Со стороны Москвы-реки выстроились восемь танков, которые тоже начали обстрел Дома Советов тяжелыми снарядами. От каждого выстрела дом гудел, как пианино» (1).

Штурм Дома Советов Вадим Андреевич наблюдал по телевизору дома, поскольку это был понедельник, и занятий по расписанию у него в этот день не было. Видя эту вооруженную расправу с последними защитниками советской власти, он с тревогой и горечью задавал вопрос: почему противостояние законодательной (Верховный Совет) и исполнительной (Президент и его правительство) власти привело к вооруженной развязке и чем она завершится? Начавшиеся в Свято-Даниловском монастыре переговоры между представителями исполнительной и законодательной власти при посредничестве Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II вселяли надежду, что разразившееся противостояние властей весной 1993 года и принявшее непримиримый характер после указа Президента Ельцина № 1400 от 21 сентября «О поэтапной конституционной реформе» будет разрешено мирно, путем взаимного компромисса. Но, как видно, переговоры оказались безрезультатными (2).

Защитники Дома Советов не могли устоять перед превосходящими силами атакующих. К концу дня они вынуждены были сдаться без вооруженного сопротивления (3).

Падение Дома Советов, а стало быть и советской власти, вызвало у Вадима Андреевича не только чувство досады, но и чувство потери того времени, в котором он жил, работал во имя пусть романтического, но желаемого коммунистического будущего. После всего совершившегося и устанавливающихся капиталистических порядков в стране обострился мучавший его со времени запрета КПСС вопрос: надо ли, не изменяя своим коммунистическим идеалам, продолжать научно-педагогическую деятельность в вузе. Чему, в таком случае, он должен будет учить студентов, преподавая им историю: плохой жизни при социализме и прелестям капита-

листического рая. А будет ли честно по отношению к самому себе и студентам вещать то, во что сам не веришь и не воспринимаешь? С такими нерадостными мыслями Вадим Андреевич прожил весь день 4 октября.

* * *

На лекцию Вадим Андреевич пришел с обостренным чувством тревоги за наступивший и завтрашний день. Неужели разразится вторая гражданская война в России? Что сказать студентам о вчерашнем расстреле российского парламента: успокоить или промолчать? Тема лекции «Древнерусское государство» позволяла уйти от прямого разговора о событиях 4 октября. Но а если все же кто-то из студентов спросит, было ли нечто подобное в истории России, то придется все-таки отвечать на заданный вопрос. Негоже преподавателю-историку уходить от ответов даже на неудобные вопросы. А что можно припомнить из российской истории, схожего с расстрелом 4 октября избранного народом Верховного Совета? Может быть, Земский собор – собрание сословного представительства бояр, дворянства, духовенства. Но Земские соборы (первое заседание Собора состоялось в феврале 1549 года) функционировали довольно долго, решая важные государственные задачи. Последние Соборы прошли в 1683–1684 гг. и без всякого насилия прекратили свое дальнейшее существование. А Учредительное собрание? Оно открылось 5 января 1918 года и было призвано признать законность власти Советов. Однако эсеровское большинство отказалось утвердить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, предложенную большевиками, признать Советское правительство, образованное II съездом Советов. В знак протеста большевики покинули зал заседания Учредительного собрания, а 7 января ВЦИК по докладу Ленина принял декрет о его роспуске. Никакого обстрела Гаврического дворца, где проходило собрание, не было, никакого насилия против делегатов, продолжавших какое-то время заседать, несмотря на отсутствие кворума, не применялось. Зато многие делегаты Учредительного собрания потом приняли активное участие в антисоветской борьбе в годы Гражданской войны.

Рассказывая об образовании Древнерусского государства с центром в городе Киеве, его социально-политическом строе и экономике, Вадим Андреевич внимательно наблюдал за реакцией и поведением студентов. Это была четвертая лекция по истории для них, только что поступивших в вуз, и он еще не успел с ними как следует познакомиться, почувствовать их уровень исторических знаний, хотя бы в пределах школьной программы, узнать их интересы и увлечения. Поэтому, наблюдая за студентами, ему хотелось уловить и понять их реакцию, прежде всего, на вчерашний расстрел Верховного Совета. Но их лица, неподвижные, сосредоточенные на конспектировании того, что слышали от него, убеждали, что никаких вопросов не будет. Они еще были не готовы общаться с вузовским преподавателем. Однако Вадим Андреевич ошибся. Перейдя к изложению культу-

ры Киевской Руси и коснувшись ее крещения в 988 году, Вадим Андреевич увидел, что студентка, сидевшая в первом ряду, подняла руку и спросила, нельзя ли более подробно рассказать о Крещении Киевской Руси и появлении вообще христианства.

Вадим Андреевич посмотрел на часы. До перерыва оставалось не более пятнадцати минут. Из них пять минут – лекционных и десять минут он традиционно отдавал на вопросы студентов, возникавшие у них по содержанию лекции или по текущим событиям в стране и мире. «Ну что же, за пятнадцать минут можно рассказать больше о крещении Руси и возникновении христианства», – решил Вадим Андреевич и начал отвечать на вопрос студентки:

– Итак, важнейшим этапом в развитии Руси явилось принятие христианства в 988 году.

Как я уже сказал, оно связано с именем князя Владимира Святославовича. Несколько слов о князе Владимире. Согласно исторической версии, он был рожден не от жены Святослава, а от сестры одного из его дружинников, Добрыни. Звали ее Маклуша, она служила у княгини Ольги ключницей. Маклуша не имела сана княгини, поэтому Владимира называли сыном рабыни. По этой причине он не мог соперничать с братьями за лучшее место в государстве. Тем не менее в результате внутрикняжеской борьбы он овладел Киевским престолом, занимавшим в то время лидирующее положение в Руси. Став Киевским князем, Владимир в интересах развития государства, духовной сплоченности его общества провел своего рода языческую реформу, стремясь таким образом поднять древние народные верования до уровня государственной религии. Он приказал поставить на берегу Днепра вырезанных из дерева богов, которым поклонялись славянские племена: Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хороса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокошь. Перун являлся главным богом дружины Владимира, поэтому ему особенно отдавались большие почести. Стрибог считался богом неба. Дажьбог был богом света, тепла, плодородия. Хорос воспринимался как бог Солнца. Семаргал – это бог почвы, корней растений, плодородия. Мокошь олицетворял женское божество в этом пантеоне богов, являл женское начало природы и женскую часть хозяйства.

Многобожие с культом Перуна не удавалось превратить в государственную религию, фактически – в идеологию. Это понимал Владимир, его все больше привлекали мировые религии, имевшие философскую основу. Одна из них – христианство, возникшее в I веке в восточных провинциях Римской империи. Христианство вначале воспринималось как религия угнетенных людей, связывавших свое избавление от бесчеловечных условий жизни с приходом мессии (спасителя). Позже эта религия была приспособлена к интересам господствующих классов и превратилась в начале IV века в государственную религию Римской империи. Потом

произошло разделение христианства на три ветви: православие, католицизм и протестантизм.

Посмотрев на часы и убедившись, что до перерыва осталось всего ничего, Вадим Андреевич явно заторопился с дальнейшим ответом на вопрос студентки:

– Первые сведения о христианстве у восточных славян относятся к IX веку. В X веке в Киеве была уже церковь святого Ильи, христианского двойника Перуна. Ко времени Владимира существовала христианская литература, написанная на старославянском языке, с которой князь был знаком. Решая вопрос о вере для своей страны, Владимир проявил заинтересованность и к другим религиям, чтобы убедиться, какая вера лучше. С этой целью он направил своих послов в разные страны, и те, возвратившись, поделились своими впечатлениями. Об этом довольно интересно рассказано в книге дореволюционного автора Александра Нечволодова «Сказание о русской земле». Книга переиздана в 1991 году. Почитайте. Итак, послы убедили Владимира, что самой лучшей верой являлось греческое православное христианство. После началось православное крещение Руси. Оно сопровождалось насилием. В Киеве по приказу Владимира ранее вырезанных из дерева и установленных идолов-богов порубили и сожгли. Перуна привязали к хвосту лошади и, избивая железными прутьями, под плач киевлян бросили в Днепр. Когда идол поплыл по реке, то до самых порогов были поставлены люди, чтобы отталкивать Перуна от берегов. Жителей Киева от стариков до младенцев загнали в Днепр. Проповедь Христовой веры совершали прибывшие из Греции священники. После крещения Владимир приказал рубить и ставить по всему Киеву православные церкви (4). В Новгороде, другом крупном городе Руси, дело дошло до восстания горожан против крещения в защиту веры предков.

Хочу особо подчеркнуть, – Вадим Андреевич сделал небольшую паузу, чтобы заострить внимание студентов, – что крещение Руси растянулось на долгие годы. Оно осуществлялось силовыми методами при сопротивлении населения, не желавшего отказаться от традиционной веры. Тем не менее принятие христианства имело прогрессивное значение для дальнейшего развития Руси как единого государства с единой религией, быстро формирующейся собственной оригинальной культурой, включая язык и письменность.

Вадим Андреевич вновь сделал паузу, посмотрел на часы. Учебное время фактически истекло. Его паузой воспользовалась та же студентка:

- Вы ничего не сказали об Иисусе Христе. Кто он: человек или бог?
- Сын божий, – кто-то выкрикнул из аудитории.
- Если он – сын божий, так зачем же Бог поступил с ним так жестоко, послав его на верную смерть? – парировала студентка.
- Чтоб показать людям, как надо бесстрашно умирать даже при мучительных пытках, если ты в чем-то прав, – послышался ответ.

– А потом самому воскреснуть, – съязвила студентка.

Слушая эту небольшую перепалку студентов, Вадим Андреевич сделал для себя вывод, что идеологический вакуум в обществе, образовавшийся в результате запрета КПСС и дискредитации коммунистических идеалов, успешно заполняется религией, вытесняющей из сознания людей, и прежде всего молодого поколения, светские идеалы и ценности. Их, похоже, мало тронул расстрел Верховного Совета, он оказался для них перекрытым религиозными интересами.

Не в правилах Вадима Андреевича было оставлять вопросы студентов без ответа. Поскольку время лекционное истекло, он попросил студентов задержаться на две минуты и сразу же стал отвечать:

– По-моему, Иисус Христос – человек, он основатель христианского вероучения. Пострадал за свою проповедническую деятельность, защищая угнетенный люд. Согласен с теми учеными, которые считают, что образ Иисуса Христа исторически развивался от человека к богу. В этом были заинтересованы по-своему и обездоленные, и господствующие классы. До настоящего времени служители культа почитают Иисуса Христа как богочеловека. К сожалению, на более основательный ответ времени не осталось, – извинился Вадим Андреевич. – Для тех, кто интересуется религией, в том числе православием, рекомендую обратиться к специальной литературе. В прошлом году, например, изданы «Очерки по истории русской церкви» Карташева. Любопытная книга. Правда, почему-то вначале вышел второй том очерков, а не первый. Надо надеяться, что и первый том тоже скоро появится (5).

Вадим Андреевич не стал больше задерживать студентов и, не дожидаясь пока те начнут выходить из аудитории, покинул ее первым сам.

* * *

– Ну и что ждет Ельцина после вчерашнего расстрела Верховного Совета: слава или бесславие? – Звездин вопросом приветствовал своего шефа Михаила Павловича Селянинова, зайдя на кафедру. Тот с ходу бросил:

– На твой вопрос ответит история. Меня сейчас волнует больше другое: это начало гражданской войны или еще нет. Как ты считаешь? – Завкафедрой подал руку Звездину, ожидая ответ коллеги.

– Думаю, что нет, хотя как сказать, – неуверенно ответил Вадим Андреевич. – «Белый дом» штурмовали военные, используя бронетехнику. Но это ведь не вся армия, она также расколота, в ней, очевидно, есть противники и сторонники Верховного Совета. Вдруг генералу Макашову удастся поднять воинские подразделения на защиту советской власти – тогда гражданской войны не избежать.

– Но армия должна быть вне политики, – заметил Селянинов.

– Оно так, однако Президент кроме милиции, ОМОНа задействовал и военных вместе с бронетехникой. Почему в таком случае не может сделать то же самое и Верховный Совет, власть законодательная? Почему?

Завкафедрой ничего не ответил. Вадим Андреевич неожиданно спросил коллегу:

– Ты читал сегодняшнюю нашу «Областную газету»?

– Пока не успел.

– Смотри, с какими угодническими заявлениями в поддержку Ельцинского расстрела Верховного Совета РФ выступили наши областные власти. – Вадим Андреевич, достав из своего дипломата газету, предупредил: – Вначале послушай, как Ельцин охарактеризовал трагические для страны события 3–4 октября в своем обращении к нации.

И он начал не спеша зачитывать ельцинские оценки случившегося: «Все, что происходило и пока происходит в Москве, – заранее спланированный вооруженный мятеж. Он организован коммунистическими реваншистами, фашистскими главарями, частью бывших депутатов, представителей Советов... Я обращаюсь к гражданам России: вооруженный фашистско-коммунистический мятеж будет подавлен в самые кратчайшие сроки...» (6).

– И как это заявление вчерашнего коммуниста-ленинца ты воспринимаешь? – обратился Вадим Андреевич к завкафедрой. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Не знаю, каким надо быть безрассудным, конъюнктурным человеком, чтобы не только плюнуть во вчерашний день, опоганив свою деятельность первого секретаря Свердловского обкома КПСС, но и поставить в один ряд фашистов и коммунистов. Хотел того или нет, он тем самым надругался над светлой памятью тех 27 миллионах советских граждан, которые отдали свою жизнь в кровавой войне с германским фашизмом во имя спасения своей Родины и своего народа.

– Он уже не коммунист, что ты от него хочешь! – бросил Селянинов.

– А теперь послушай дальше, как повели наши областные власти.

Вадим Андреевич тут же зачитал телеграмму Ельцину, подписанную главой администрации Свердловской области Росселем и председателем областного Совета народных депутатов Гребенкиным: «Поддерживаем Ваши решительные действия по реформированию государственного устройства. С нашей стороны обеспечиваем порядок и стабильность в области, поддержку уральцами проводимых реформ».

– И что ты на это скажешь?

– Они во власти, иначе поступить не могли, – буркнул завкафедрой.

– Но Россель и Гребенкин поступили весьма дипломатично, назвав расстрел Верховного Совета «действиями по реформированию государства», – отметил Вадим Андреевич. – А вот группа депутатов Свердловского областного Совета народных депутатов без всякой дипломатии откровенно заявила, что события 4 октября – «это не что иное, как коммуно-фашистский мятеж, попытки “непримиримой оппозиции” остатков старой большевист-

ской номенклатуры остановить развитие России по пути демократии и реформ, вернуть себе власть, реанимировать советскую империю» (7).

Передавая газету своему шефу, Вадим Андреевич посоветовал:

– Почитай, в ней найдешь еще кое-какие откровения. – И с неподдельной грустью посетовал: – Вот так валили последний оплот советской власти, которую наш народ как свою защищал в годы Гражданской и Отечественной войн.

– Я не считаю нынешний Верховный Совет РФ последним оплотом советской власти, – возразил Селянинов. – И вот почему. Именно этот его состав прекратил деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, одобрил Беловежские соглашения, упразднившие СССР, наградил Ельцина фактически диктаторскими полномочиями, выступал за проведение тех же радикальных, говоря иначе, буржуазных, что и команда Ельцина, реформ, включая принятие новой Конституции. В общем, нынешний Верховный Совет действовал по принципу «что изволите». Разногласия исполнительной и законодательной властей начались из-за того, что Ельцин начал действовать как диктатор, не считаясь с Верховным Советом, что задевало самолюбие депутатов. А ваучерная приватизация лишь обострила противостояние властей.

– Верховный Совет выступил против несправедливой приватизации, – сказал Вадим Андреевич. – Если бы депутатам удалось не допустить ваучерной приватизации по Чубайсу, а провести ее, как первоначально замышлялось, в интересах всех россиян, выдав каждому именные банковские чеки с указанием в них получаемой доли приватизируемого госимущества, то это был бы иной, социал-демократический вариант раздела имущества Советского государства. Ельцин же и его команда, стремясь быстрее покончить с советской властью, подсунули нам с тобой и таким же, как мы, миллионам граждан безымянные, ничего не стоящие, приватизационные бумажки, в угоду быстрейшего обогащения бывшей партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, всяких дельцов и проходимцев.

– Но ведь каждая из них номиналом 10 000 рублей и, как обещает глава Госкомимущества Чубайс, можно купить две «Волги», – напомнил полшутя Селянинов.

– Вот и купи, а я не верю сказкам Чубайса, – усмехнулся Вадим Андреевич. – Как вообще не верю всему тому, что демократы вместе с Ельциным вещают нашим гражданам денно и нощно. Поступили бы честно – провели бы референдум и спросили у россиян, хотят ли они жить при капитализме. Так нет. Пудрят людям мозги радикальными реформами, рынком, а для простого люда рынок – это просто богатый колхозный базар и не более того. Вот народ и поет дифирамбы тому будущему, о котором имеет смутное представление. 25 апреля он, вдохновляемый кричалками «да-да-нет-да», в очередной раз пропел в пользу Ельцина, не вникая в содержание песни. Тем самым он дал ему карт-бланш для полной ликвидации советской власти, что

тот и сделал в эти дни, не стесняясь в применении для этого военной силы и не считаясь с возможными человеческими жертвами.

– А ведь 25 апреля и был фактически референдум о переходе к капитализму, – заметил Селянинов. – Пусть в бюллетенях для голосования не было прямого упоминания слова «капитализм», в них стоял вопрос о доверии Президенту и проводимой им социально-экономической политике с 1992 года. Но для избирателей, голосовавших в поддержку Ельцина и реформ, а таковых оказалось более 50%, было понятно, что эти радикальные реформы имеют нескрываемую капиталистическую направленность.

– Пусть так, – согласился Вадим Андреевич. – Но я считаю, что если бы Верховный Совет устоял, то вместе с ним продолжали бы функционировать местные органы советской власти, а развитие страны могло бы пойти более спокойно, по пути конвергенции, что предлагал академик Сахаров. Сейчас же, после ликвидации парламента, Ельцин ликвидирует и их, передаст всю полноту власти на местах своим ставленникам (8). Вот в этом смысле Верховный Совет РФ и оставался последним оплотом советской власти. С его падением окончательно пала и советская власть. Капитализм восторжествовал.

Вадим Андреевич смолк. Молчал и завкафедрой. Их молчание напоминало нечто похожее на панихиду по усопшему. Оно длилось недолго. Первым заговорил Звездин:

– Общеизвестно, что историю пишут победители. Еще в перестроечные годы под прикрытием устранения «белых пятен» в Отечественной истории началась ее пересмотр, и особенно советского периода, сторонниками либерализма. Теперь же, когда советская власть пала, будет просвечена через призму тоталитаризма – концепции, подброшенной Западной советологией, – вся советская эпоха нашей истории. И в новой истории не найдется места для показа добрых дел советских людей, их трудовых и боевых героических подвигов. Мы начнем стыдиться нашего советского прошлого. Я не хочу, и не буду оплевывать советское прошлое, свое время и свою трудовую и научно-педагогическую деятельность, когда я честно трудился не только ради своего блага, но для блага советского народа, вдохновляемый романтикой будущего; в наступающее буржуазное время не смогу давать студентам исторические знания фальсифицированной истории. Поэтому я увольняюсь.

Вадим Андреевич взял со стола завкафедрой чистый листок бумаги, на нем написал заявление об увольнении из вуза по собственному желанию и подал его завкафедрой. Тот явно не ожидал от Звездина такого поворота и не сразу нашелся, что ответить. И только подержав в руках заявление, выдал из себя:

– Ты что, на полном серьезе решил отказаться от преподавания истории и покинуть вуз?

– Вполне серьезно. Заниматься историко-воспитанием студенческой молодежи, когда в их сознании поселится культ денег, а погоня за деньгами, наживой станет смыслом жизни, становится бессмысленно.

– А разве в советское время было не то же самое?

– В советское время смыслом жизни молодого человека было приобретение желаемой профессии, а деньги потом находили его – он получал их за свой профессиональный труд.

– Допустим, ты уволишься, хотя я категорически против этого. Но допустим, все-таки уволишься из вуза, то где станешь работать, на какие шиши будешь жить?

– На Уралхиммашзавод вернусь, проходная которого меня вывела в истории.

– Химмаш наверняка тоже переживает не лучшие времена, и нужны ли ему кадры, которые, не успев поработать, становятся пенсионерами! – воскликнул Селянинов.

– На этом заводе за высокие показатели в труде и активную общественную работу я, кузнец-вальцовщик, был удостоен почетного звания «Ударник коммунистического труда», – с гордостью признался Вадим Андреевич. – Если не возьмут на рабочее место, то пойду в охрану завода.

– Забудь про свое почетное звание, другие времена наступают. Даже на твоём заводе нынешняя администрация вряд ли воспримет это серьезно. Мой тебе совет: оставь свою упертость, поступай, как велит нынешнее время.

– Я – человек своего времени, в котором жил, работал, радовался успехам и переживал за неудачи, добивался семейного благополучия, радовался вместе с детьми за их счастливое детство и достойное будущее. И горжусь, что жил и трудился в советское время! Это было Великое время – время героев и славных побед, грандиозных планов, больших надежд и высокой культуры; это было время романтиков. Что касается нынешнего времени – не знаю, каким оно будет, что оно принесет людям. Одно могу сказать: реставрация капитализма в нашей постсоветской стране приведет к безудержному властвованию денег, делению общества на богатых и бедных, эгоизму, цинизму и разращению людей, что для советского человека все это будет не просто понять и принять.

– Как знаешь, – смирился завкафедрой. – Но я прошу тебя, Вадим Андреевич, об одном: доработай да конца этого учебного года. С кафедры уже ушли Турчак и Беленко, но они уволились по окончании учебного года. А ты собрался уходить в самом начале учебного года. Что тебя толкнуло на это? Учебная нагрузка на тебя спланирована, причем на 1,5 ставки. Равноценной тебе замены я не вижу. Пригласить кого-то из историков других вузов – поздно, они все укомплектованы на своих кафедрах и заняты учебным процессом. А брать на полставки – это не выход из положения, я уж не говорю о качестве преподавания нашей дисциплины совместителями. Поэтому

прошу тебя: задержись с увольнением. За этот год ничего существенно не изменится ни в содержании, ни в методике преподавания истории.

– Покончить с преподавательской деятельностью и немедленно уйти из вуза меня подтолкнули вчерашний расстрел Верховного Совета и жестокая расправа с народными депутатами.

– Ну что же, иди к ректору и решай с ним этот вопрос. Не забудь сказать, что я против твоего увольнения. – И Селянинов вернул Звездину его собственное заявление.

* * *

К ректору на прием Вадим Андреевич попал сразу, как только секретарша отнесла к нему в кабинет его заявление. Не прошло и минуты, как она, выходя из кабинета, пригласила:

– Заходите, вас ждут!

– Что случилось, Вадим Андреевич? – встретил ректор вошедшего преподавателя.

– После вчерашнего расстрела Верховного Совета не то что работать не могу, жить не хочется, – произнес, сдерживая свое возмущение, Вадим Андреевич. – Не могу понять и принять организованную народными избранныками бойню между собой. Видите ли, не могли договориться о порядке исполнения властями своих полномочий. Это надо же своими эгоистическими действиями толкнуть страну в пучину новой гражданской войны на радость ее заклятых врагов!

– Сначала успокойтесь, всякие вопросы надо решать спокойно, на здравомыслящую голову. Да, применение вооруженного насилия против парламента, избранного народом, шокировало многих в нашей стране и за рубежом. Запахло второй гражданской войной в России. Благо, что у Верховного Совета хватило мудрости и выдержки не открывать ответный огонь по штурмующим Дом Советов войскам и сдаться на милость победителей (9).

– Борис Алексеевич, как так получилось, что вместо «больше социализма», что замышлялось перестройкой, получаем компрадорский капитализм. Я имею в виду, что консультантами у наших реформаторов сплошь и рядом находятся иностранцы и их капиталы? – Вадиму Андреевичу хотелось знать по этому поводу мнение ректора, авторитетного для него профессора-историка. Тот, немного помолчав, видимо, сосредотачиваясь на заданном вопросе, не спеша стал рассуждать:

– Научный ответ на заданный вами вопрос дадут обществоведы, в том числе историки, спустя не одно десятилетие, когда улягутся перестроечные страсти, спадет пропагандистская пена, когда документы, фиксировавшие действия нынешних властей, политических организаций, отдельных личностей, пройдут историческое испытание и станут достоянием исследователей. В частности, предстоит по-настоящему разобраться и понять, почему в условиях перестроечной гласности наша марксистско-

ленинская идеология не выдержала конкуренции с буржуазной идеологией, на что обратил внимание, что важно подчеркнуть, Александр Зиновьев, в недавнем прошлом диссидент, а ныне защитник социализма (10). Советские люди в большинстве своем, включая и многих коммунистов, предпочли коммунизму капитализм, открыто или молчаливо поддерживав противников КПСС и советской власти.

– Мне кажется, что свой вклад в дискредитацию коммунизма внесла Программа КПСС, принятая XXII съездом КПСС в 1961 году. В ней главной целью объявлялось построение коммунизма в СССР к 1980 году. Но уже тогда даже в рабочей среде это обещание восприняли не очень серьезно, с юмором, понимая, что это вряд ли произойдет, – промолвил Вадим Андреевич, воспользовавшись небольшой паузой ректора. – Почему программу не пересмотрели после отставки Хрущева на XXIII съезде КПСС? Ведь она была принята по инициативе Хрущева, обвиненного потом в субъективизме и волюнтаризме.

– Пересматривать Программу на очередном съезде не решились из-за того, что это могло сильно ударить по авторитету партии, – ответил ректор. – Посчитали целесообразным вносить кое-какие коррективы при подготовке пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. А вот всесторонне проанализировать эту Программу КПСС, обещающую в основном построение коммунизма в СССР к 1980 году, надо было на XXVI съезде КПСС, проходившем в 1981 году. Причем стоило бы, исходя из полученного опыта, дать новое, приближенное к реальной действительности толкование коммунизма, показать возможности построения такого людского общества или наоборот – невозможности его достичь по крайней мере в обозримом будущем и почему. Но съезд ограничился лишь принятием постановления о подготовке новой редакции Программы КПСС (11). Программа КПСС в новой редакции была принята с опозданием в пять лет – в 1986 году – XXVII съездом партии. Однако полноценного критического анализа программы КПСС как программы коммунистического строительства на съезде тоже не было, хотя о достижениях, недостатках, упущениях говорилось немало. Итогом коммунистического строительства в течение 20 лет стало не построение коммунизма в основном, а, как отметил XXVII съезд, вступление страны «в этап развитого социализма». Исправленная же программа КПСС по-прежнему оставалась программой коммунистического строительства, хотя достижение этой цели излагалось более лаконично, без указаний конкретных сроков (12). Разумеется, программа КПСС 1961 года порождала у советских людей определенные сомнения в коммунистической перспективе. Но не только она. Деятельность самой КПСС не всегда была безупречной. Все чаще хорошие слова партии расходились с реальными делами, что подрывало ее авторитет. Так, решение Съезда о вступлении страны в этап развитого социализма никак не

подкреплялось наполнением магазинов разнообразными продуктами питания и набором товаров ширпотреба, что огорчало население.

Рассуждения ректора вдруг прервал телефонный звонок. Вадим Андреевич молча дожидался конца разговора ректора непонятно с кем. Но он длился недолго. Положив трубку, Борис Алексеевич продолжил:

– Между прочим, в программе КПСС 1961 года было зафиксировано важное положение, что, дословно: «государство диктатуры пролетариата превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство...», а «Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард советского народа...» (13). Однако XXIII съезд это программное положение о партии в обществе фактически отменил, указав, что в «социальном составе партии рабочие должны и впредь занимать ведущее положение» (14). Посему деятельность КПСС в последующие годы не была перестроена на демократических принципах, она продолжала диктаторски управлять от имени рабочих всем, подменяя Советы и общественные организации. Но, главное, что привело КПСС к падению, – отсутствие в ее рядах идейного единства, многие коммунисты, вступив в партию по карьерным соображениям и побывав за границей, предпочли высоким идеалам обыденность и потребительство. С падением КПСС перестройка с замыслом «больше социализма» потерпела крах.

– Борис Алексеевич, могло ли быть иначе, если бы на посту генсека был не Горбачев, а кто-то другой из членов Политбюро КПСС? – Этот вопрос не раз задавал себе Вадим Андреевич и не приходил к какому-то однозначному ответу.

– Сейчас, когда перестройка привела к таким печальным результатам, возникает вопрос: а нужна ли была перестройка в таком варианте вообще? Может, стоило спокойно, взвешенно, поэтапно проводить реформирование отраслей народного хозяйства на основе научно-технического прогресса и таким путем добиваться ускорения социально-экономического развития страны?

– Но ведь тогда, в 1987 году, мы все на «ура» встретили перестройку, зачитывались выступлениями Горбачева, Ельцина, других членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, – напомнил Вадим Андреевич.

– Оно так, – согласился ректор. – Но спустя немного времени, когда перестройка пошла, как говорится, вкось и вкривь, ученые, в частности нашего вуза, стали высказывать на этот счет свои не только одобрительные, но и критические соображения. Вспомните хотя бы открытое партийное собрание, проходившее в ноябре 1989 года. На нем обсуждалась платформа нашей районной организации в современной политической ситуации. Состоялся принципиальный разговор, коммунисты и беспартийные вуза сделали критические замечания и внесли конкретные предложения по улучшению содержания платформы. По словам первого секретаря РК КПСС Крохина, в результате делового обсуждения платформы он «полу-

чил заряд бодрости для дальнейшей работы» (15). Теперь что касается руководителей перестройки Горбачева, Ельцина и других, – продолжил после небольшой паузы ректор. – Неудачный опыт с перестройкой показал, что государственным управлением, включая реформами, могут успешно заниматься деятели, обладающие стратегическим мышлением и исключительным даром аналитического прогноза, неординарными организаторскими способностями, умеющие подбирать и расставлять на решающих участках нужные квалифицированные кадры, контролируя их работу; брать на себя ответственность за принимаемые решения. Для руководителя высокого ранга надо иметь и твердые убеждения, не на словах, а на деле быть патриотом своей Родины. Вот все, что я могу сказать по данному вопросу. А теперь перейдем к вашему заявлению.

Ректор, взяв в руки лежавшее на столе заявление Звездина с просьбой об увольнении из вуза и прочитав его еще раз, промолвил с нескрываемой грустью:

– Мы все устали от затянувшегося перестроечного беспредела в стране. И что теперь нам делать? Увольняться с работы и бежать куда глаза глядят! А кто будет поднимать с колен нашу Родину, униженную и оскорбленную неудачной перестройкой? В том числе мы с вами, Вадим Андреевич! Именно нам, историкам-патриотам, предстоит защищать наше прошлое, включая советское, от клеветы, несмотря на то, от кого она исходит и будет исходить. – Немного подумав, ректор продолжил:

– Вадим Андреевич, я знаю вас с того времени, когда вы были студентом-вечерником исторического факультета УрГУ. В то время я, работая на кафедре истории СССР университета, курировал вечернее отделение истфака. Запомнился такой эпизод: вы, полгода не посещая занятия, вдруг появились в деканате с просьбой перевестись на заочное отделение. Но вам тогда уже грозило отчисление, кажется, с третьего курса, если не сдадите летнюю экзаменационную сессию. Вы, наверное, помните ту нашу беседу?

– Конечно, помню, – отозвался Вадим Андреевич. – Мои пропуски учебных занятий были связаны с отсутствием времени. Тогда мне пришлось совмещать работу в бригаде кузнецов-вальцовщиков с работой комсорга цеха и учебой в университете. Но это не сразу получалось. Все свободное от работы в бригаде время приходилось отдавать комсомольским и общественным делам в цехе: спорту, художественной самодеятельности, шефству над трудными подростками. Был организован пост «Комсомольского прожектора», задачей которого было «высечивать» все недостатки в цехе и предавать их широкой огласке путем выпуска сатирических стенных газет-листочков. Впервые в цехе удалось устроить комсомольскую свадьбу. Приятной неожиданностью для всей свадьбы и большой радостью для молодоженов стало то, что им вдруг на тарелочке с красной каемочкой преподнесли ключи от однокомнатной квартиры в малосемейном доме, специально построенном заводом для молодых семей.

– И кто были эти счастливицы, удостоенные такой чести? – не выдержал, поинтересовался ректор.

– Активные комсомолы: крановщица Валентина Синичкина и кузнец Алексей Степанченко.

Вадим Андреевич замолчал, рассчитывая на очередной вопрос ректора, но такового не последовало, и он продолжил:

– Борис Алексеевич, я прекрасно понимал, что пропускаю занятия и чем это грозит. Выход из создавшегося положения видел в переходе на заочную форму обучения.

– Хорошо, что вы это тогда понимали и послушались моему совету, – добродушно улыбнулся ректор. – Вы постарались и сдали экзамены и зачеты в летнюю сессию и продолжили учебу на вечернем отделении, ибо на нем студенты-вечерники, слушая лекции ученых-историков и общаясь с ними, получали больше исторических знаний, нежели студенты заочного отделения. В конечном счете, приложив максимум своих усилий, проявив свою ответственность и организованность, вы успешно окончили университет. Любопытный факт: насколько мне помнится, из 80 поступивших молодых людей на первый курс вечернего отделения истфака только 13 дошли до финиша. В их числе были и вы. Вы единственный из тех 13 выпускников вечернего отделения истфака, кто успешно продолжил карьеру историка: окончил аспирантуру, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, последние годы работал над докторской диссертацией. Работая не один год в нашем вузе, вы проявили себя не только как перспективный ученый, но и как прекрасный педагог, умелый воспитатель студенческой молодежи. Поэтому, Вадим Андреевич, если вы уйдете из института, высшая школа в вашем лице потеряет квалифицированного специалиста, вдумчивого наставника молодежи. Мой вам совет: успокойтесь и отдохните в местном доме отдыха недельки две в счет очередного отпуска летом. Я позвоню в профком, чтоб позаботились о путевке для вас. Есть дома отдыха в нашей области, которые работают круглый год. О проведении учебных занятий не беспокойтесь: с Михаилом Павловичем мы найдем здесь решение. А вернетесь с краткосрочного отпуска – вернемся к вашему заявлению. А пока оно остается у меня.

Ректор положил заявление Звездина в одну из своих папок для бумаг, а потом, уже расставаясь, сказал:

– Я все же надеюсь, что вы передумаете, все взвесите и останетесь работать в нашем институте. Займетесь докторской диссертацией. Тема вашего научного интереса, как мне известно, – «Советский народ как новая историческая общность людей». Она, по моему глубокому убеждению, не утратила своей актуальности и ныне. Только теперь ее придется исследовать в историческом аспекте, поскольку такая общность людей после Беловежья стала достоянием истории. – Немного подумав, ректор с озабоченностью добавил: – Пока не все понятно с Беловежскими соглашениями

и что они в итоге дадут: сохранение и дальнейшее развитие единого Союзного государства в рамках СНГ или окончательный распад СССР? Не спровоцируют ли они распад России? Наши областные власти уже фактически стали на этот путь, преобразовав Свердловскую область в Уральскую республику, правда, пока в составе Российской Федерации (16). Как видите, ситуация очень непростая, национальные отношения в России носят взрывоопасный характер. Будем надеяться, что этого не произойдет, Президент Ельцин и его команда, наконец, поймут, что дальнейшие игры в национализм разрушат Российскую Федерацию, как разрушили СССР.

Кабинет ректора Вадим Андреевич покинул в двойственном настроении. С одной стороны, ректор был прав, что уходить с работы в трудное для страны время не годится; а с другой – заниматься научно-педагогической деятельностью, когда идейные и морально-нравственные ценности и жизненные ориентиры начинают подменяться деньгами и наживой любым путем, не мог. Этому противилась всеми фибрами его душа, душа советского человека, которым он продолжал себя считать.

* * *

Дома Вадим Андреевич поведал жене о своем решении уйти из института и вообще прекратить заниматься научно-педагогической деятельностью и почему он на такое решился; рассказал о своей встрече с ректором и суть разговора с ним.

Мария Григорьевна молча выслушала мужа, а потом, еле сдерживая свои эмоции, заговорила:

– Ты хоть до конца понял, на что ты решился? Не сегодня-завтра я останусь без работы. Началась приватизация нашего предприятия, идет сокращение инженерно-технического персонала. Как жить будем, если ты по собственному желанию уйдешь из вуза, а меня сократят! Как и чем поддержим наших детей в это трудное время? Прислушайся к тому, что сказал и предложил ректор. Надо быть дураком набитым, чтобы из-за каких-то принципов уходить с хорошей работы. И куда? К богу на кулички? Сегодня все принципы брошены под ноги. Каждый старается схватить то, что может. А мы, видишь ли, такие порядочные и честные, лучше останемся без работы и будем ждать с моря погоды, чем заниматься какими-то грязными делами. Может, когда-нибудь и распогодится, но надо же сегодня что-то жевать и одевать. Подумай хорошенько обо всем!

Расстроившись, Мария Григорьевна ушла на кухню, оставив мужа одного в рабочей комнате. Она не слышала, как он перешел в спальную комнату, полураздетый лег на кровать. Позвала на ужин, но муж не отозвался. «Наверное, что-то случилось», – мелькнуло в голове Марии Григорьевны. Она быстро прошла в рабочую комнату, затем в спальню. Увидев лежащего на кровати мужа, с беспокойством его спросила:

– Тебе плохо?

Вместо четкого ответа послышалось еле уловимое, плохо разборчивое «да». Только теперь она обратила внимание на его перекошенное лицо, неподвижно лежавшие руки.

– Это инсульт, – ужаснулась Мария Григорьевна, зная, что это за болезнь. И насколько смогла, сдержанно, скрывая вдруг накатившиеся слезы, промолвила: – Мой родной, время для спасенья есть. Я сейчас же вызову «Скорую».

Екатеринбург, 2018 – 2021 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

Глава первая

1. В мае 1988 года оформилась политическая группа «Демократический союз» во главе с В. Новодворской, которая публично заявила о своем антикоммунизме и приверженности буржуазной демократии западного образца и рыночной экономике.

2. На допускаемое А. Солженицыным «множество огрехов» при толковании исторических событий обратил внимание английский исследователь Уолтер Пакер: «Намерение демифологизировать Ленина достойно похвалы, повесть (“Ленин в Цюрихе” – С. А.) сильно и хорошо написана, но в историческом смысле она содержит множество огрехов и кое в чем дезориентирует читателя. Борис Суварин, который знает историю вопроса глубже, чем Солженицын, справедливо отметил слабые места повести». – Пакёр У. Черная сотня: перевод с английского. М., 1994. С. 153.

* Известный российский писатель С. Залыгин так выразился о Солженицыне: «...мне кажется, что не будь Сталина, не было бы и Солженицына». – «Комсомольская правда». Екатеринбург. 12 января 1991 г.

3. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицын пишет: «Курилко... выходит к этапной колонне тоже в длинной чекистской шинели с устрашающими черными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной яркостью: “Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь республика не со-вец-ка-я, а соловец-ка-я! Усвойте! – нога прокурора еще не вступала на соловецкую землю! – и не вступит! Знайте! – вы присланы сюда не для исправления! Горбатого не исправишь! Порядочек у нас будет такой: скажу ‘встать’ – встанешь, скажу ‘лечь’ – ляжешь! Писем домой писать так: жив, здоров, всем доволен! Точка...” Окаменев от изумления, слушают именитые дворяне, столичные интеллигенты, священники, муллы да темные среднеазиаты – чего не слыхано и не видано, не читано никогда».

Солженицын поясняет, что Курилко еще до 1914 года имел звание полковника, к концу Первой мировой войны стал генералом. После 1917 года – активный борец против советской власти, один из руководителей антибольшевистского подполья в Москве. – Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956 гг. Опыт художественного исследования. М., 1991. С. 28-29.

4. После запрета КПСС и падения советской власти А. И. Солженицын вернулся из эмиграции в Россию. Умер в ночь на 4 августа 2008 года.

5. 3 декабря 1990 года вышло постановление Правительства СССР «Об организации использования продовольствия и медикаментов, поступающих в СССР из-за рубежа по линии гуманитарной помощи».

Только из Старого Света объем помощи в денежном выражении составил 420 млн долларов в форме прямых и бесплатных продовольственных поставок и около 1,2 млрд – в форме гарантий по кредитам и займам для закупки продовольствия и медикаментов. – СССР – Россия. Лихие девяностые / автор-составитель С. Кисин. ООО «Феникс», 2004. С. 60.

6. Константин Кузьмич Николаев – первый секретарь Свердловского обкома КПСС (апрель 1962 – январь 1963 гг.), первый секретарь Свердловского промышленного обкома КПСС (январь 1963 – январь 1965 гг.), первый секретарь Свердловского обкома КПСС (январь 1965 – январь 1971 гг.); Яков Петрович Рябов – первый секретарь Свердловского обкома КПСС (январь 1971 – октябрь 1976 гг.).

* В своей книге «Исповедь на заданную тему» Ельцин так описывает снос дома Ипатьевых в Свердловске, в котором расстреляли императора Николая II и его семью в июле 1918 года: «... по каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых пошла в Москву. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее, скоро получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать ответственность за это бессмысленное решение. Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, и к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали». – Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: РОССПЭН, 2008. С. 61.

** По записке председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова было принято секретное постановление Политбюро ЦК КПСС от 4 августа 1975 года «О сносе особняка Ипатьева в г. Свердловске» следующего содержания:

«1. Одобрить предложения Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенные в записке № 2004-А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка Ипатьева в порядке плановой реконструкции города». – «Комсомольская правда». Екатеринбург. 8–15 декабря 2011. С. 6-7.

*** Е. Черных в своей статье «Ельцин разрушил Ипатьевский дом. А затем рухнул Советский Союз» дает следующий комментарий по поводу сноса особняка: «На самом деле дом ломали два дня, а не одну ночь. Ну, тут Ельцин мог запомнить, допустить ошибку в мемуарах. Но есть более серьезные нестыковки, которые провалами памяти не объяснить. Кру-

шить дом стали 22 сентября 1977 года. Через два года после решения Политбюро. Так долго шел секретный пакет из Москвы на Урал? Да нет, пакет пришел сразу. К первому секретарю Свердловского обкома КПСС Якову Рябову. Однако тот не взял под козырек, не исполнил приказ. Почему? Звоню ветерану партии:

– А чего мне было торопиться? Он стоял в низине, никому не мешал. Я своим подчиненным сказал, мол, когда сделаем полный план реконструкции всего микрорайона, будем проводить там дорогу, а дом помешает, тогда и решим».

А на вопрос Е. Черных, сделали ли при Ельцине план реконструкции микрорайона, Я. П. Рябов ответил: «Нет, конечно! Выслужиться он решил перед Москвой. Он же всегда в Москву рвался на большой пост. Разрушитель! Не хочу даже слышать о нем!» – «Комсомольская правда». Екатеринбург. 8–15 декабря 2011. С. 6-7.

Глава вторая

1. Евфросиния Полоцкая (до крещения – княгиня Предислава) – дочь полоцкого князя Георгия Всеславича. Княгиня целиком посвятила себя служению Богу, приняла монашеский постриг и стала жить при Софийском кафедральном соборе г. Полоцка. Около 1128 года полоцкий епископ Илья поручил преподобной Евфросинии основать женскую обитель. Монастырь скоро стал культурным центром Полоцка. Евфросиния обучала монахинь и послушниц переписыванию книг, вышиванию и другим ремеслам. В 1161 году при монастыре был построен и расписан фресками Спасский собор, ставший украшением обители.

Незадолго до смерти Евфросиния вместе со своей сестрой, также монахиней, Евпраксией и племянником Давидом совершила паломническую поездку в Константинополь и Иерусалим. В Иерусалиме она умерла. Не позднее 1187 года ее мощи перевезли в Киево-Печерский монастырь, в 1910 году – в родной Полоцк, в Спасо-Евфросиниевый монастырь, где они и покоятся по сей день. Память Евфросинии отмечается по православному календарю 5 июня (23 мая). – Энциклопедия православной святости. М., 1997. С. 179-180.

2. Уже в июне 1941 года на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Белоруссии действовали 4 партизанских отряда, в июле – 35, в августе – 61, а к концу того же года сражались с врагом уже 104. – Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Белоруссии с древнейших времен до нашего времени. Минск, 2006. С. 524.

3. В резолюции XXI съезда КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.) по докладу первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» констатировалось: «...Советская страна в результате величайших преобразований во всех областях общественной жизни, на основе победы социализма

вступила в новый период своего развития – период развернутого строительства коммунистического общества». - Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1959. С. 139.

4. Генерал-майор Михаил Васильевич Алимов командовал 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизией в 1946–1950 гг.; генерал-майор Андрей Алексеевич Евдан – в 1956–1962 гг. – Воздушно-десантные войска России. М., 2000. С. 152.

5. Высшее воинское звание Генералиссимуса И. В. Сталину было присвоено в 1945 году.

Глава третья

1. В своем романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский предварил страшный сон о детстве своего персонажа Раскольникова следующим замечанием: «В болезненном состоянии сны отличаются необыкновенной выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностям, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу...». – Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. М., 2006. С. 68.

2. Указ Президента РСФСР Б. Ельцина «О деятельности КПСС и КП РСФСР». – «Российская газета». Издание Верховного Совета РСФСР. 9 ноября 1991 г.

3. Начальник службы безопасности Президента Б. Ельцина, первый заместитель начальника Главного управления охраны РФ в 1991–1996 гг. А. Коржаков так охарактеризовал принципы подбора Б. Ельциным состава своей команды: «В оценке людей у него едва ли не главным критерием было простое правило: если человек не высказывается о Борисе Николаевиче плохо, значит, он может работать в команде. Непрофессионализм или нежелательные для страны действия не имели решающего значения». – Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Издательство «Интербук», 1997. С. 11.

4. XXI-я Областная отчетно-выборная конференция. Курс XXV съезда КПСС. Отчет о работе Свердловского областного комитета КПСС. Доклад Б. Н. Ельцина, первого секретаря обкома КПСС. – «Уральский рабочий». 26 января 1979. С. 3.

5. XXIII-я Свердловская областная отчетно-выборная партийная конференция. Отчет областного комитета КПСС. Доклад Б. Н. Ельцина, первого секретаря обкома КПСС. – «Уральский рабочий». 21 января 1983. С. 3.

6. Из выступления С. Ф. Медунова – первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС – на XXVI съезде КПСС 25 февраля 1981 г.: «В чеканных и мудрых положениях Отчетного доклада Генерального секретаря ЦК КПСС

товарищ Леонид Ильич Брежнев по-ленински глубоко, с гениальной ясностью раскрыл богатый практический опыт нашей партии, дал научный анализ ее внутренней и внешней политики в стремительно меняющихся острых ситуациях современности, наметил захватывающие перспективы дальнейшего восхождения к вершинам коммунистического общества.

Коммунисты, все советские люди с чувством горячей благодарности и беспредельного доверия произносят сегодня имя Леонида Ильича Брежнева, справедливо связывая с ним укрепление мира на земле, неуклонный рост экономического и оборонного могущества социалистической Родины, повышение благосостояния трудящихся. И неисчерпаема любовь к Вам, дорогой Леонид Ильич, советских людей, которые вот уже 36-й год не знают ужасов войны, живут и трудятся под мирным небом». – XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля – 3 марта 1981 года. – Стенографический отчет. Т. 1. М., 1981. С. 226-227.

7. Из выступления Б. Н. Ельцина – первого секретаря Свердловского обкома КПСС 25 февраля 1981 года на XXVI съезде КПСС: «...Минувшее пятилетие стало новой крупной вехой в героической летописи Страны Советов. Как демонстрирует очередной съезд партии, ее сегодняшний день – это могучие производительные силы, которыми располагает наше общество, это блага, которые реально дает развитой социализм, это мир и покой, хранящие их. А все это – результат мудрого коллективного разума, титанического труда, несгибаемой воли и непревзойденного организаторского таланта Коммунистической партии, ее боевого штаба – Центрального Комитета во главе с товарищем Леонидом Ильичем Брежневым (Аплодисменты).

Отчетный доклад Центрального Комитета партии XXVI съезду – важнейший вклад в теорию и практику марксизма-ленинизма. Он дает возможность осмыслить пройденный путь, открывает величественные перспективы для нашего народа. Делегаты Свердловской области целиком и полностью одобряют политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС, положения и выводы Отчетного доклада, поддерживают предложение о необходимости внесения изменений в Программу КПСС...

Областная партийная организация будет настойчиво бороться за выполнение решений съезда, планов одиннадцатой пятилетки, ибо у нас нет иных целей, кроме целей партии, нет выше долга, чем отдать все свои силы, знания и опыт процветанию любимой Родины...

И коммунисты, все трудящиеся Свердловской области заверяют делегатов съезда, ленинский Центральный Комитет, лично Леонида Ильича Брежнева, что за это грандиозное и прекрасное будущее они будут бороться со всей революционной страстью и непоколебимой преданностью делу Коммунистической партии...». – Там же. С. 230-231.

8. Постановление пленума ЦК КПСС «О выступлении т. Ельцина на Пленуме ЦК КПСС»: «1. Признать выступление т. Ельцина Б. Н. на Октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС политически ошибочным. 2. Пору-

чить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении т. Ельцина Б. Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МК КПСС с учетом обмена мнениями, состоявшегося на Пленуме ЦК КПСС». – «Известия ЦК КПСС». 1989. № 2. С. 287.

9. Спустя 20 лет министр печати и информации в 1990–1992 гг. М. Н. Полторанин признал фактически свое авторство фальшивки. В интервью «Комсомольской правде» он поведал следующее: «Это я придумал знаменитую речь Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК КПСС... Его после пленума долбили сильно, но народ не понимал, за что его так, наотмашь. Люди стали интересоваться: что же такого Ельцин наговорил Горбачеву. Я стал выяснять, оказалась не речь, а пустышка. Ельцин же не оратор был. Я ему говорю: “Зачем же вы с такой слабой речью выступили?” Ельцин отвечает, мол, не выдержал, на коленке набросал и вышел. Если бы реальную речь напечатали – народ разочаровался. Я тогда был редактором “Московской правды”. Через месяц после скандального пленума в Академии наук было совещание главных редакторов СССР. Они все стали меня просить: достань знаменитую речь Ельцина на пленуме. Я сел и написал ее. Ночью отскерокопировали. И раздали редакторам. Они развезли ее по всему Союзу, где-то сразу же и напечатали, пошла речь Ельцина гулять по стране. И авторитет его взлетел». – «Комсомольская правда, да! – Екатеринбург». 9–16 июня 2011. С. 5.

10. Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1990. С. 165-168.

11. Пленум ЦК КПСС – октябрь 1987 г. Стенографический отчет. Выступления участников пленума. – «Известия ЦК КПСС». 1989. № 2. С. 242-243; 245-246; 248-249; 254-255; 262-263; 265-266; 279; 280-281.

12. О своем стремлении выступить на XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза Б. Ельцин позже поведал так: «Я считал, что должен попасть на XIX партконференцию и обязан там выступить. Но что делать, если партаппарату как фокуснику, манипулирующему выборами, удастся меня изолировать, я не знал. По крайней мере, я не стал куда-то звонить, чего-то от Горбачева или от других членов Политбюро требовать... Я все думал, как же быть – как же выступить? Список большой, из этого списка, конечно, всегда найдется тот, кому безопасно предоставить слово, лишь бы не дать его мне. Посылаю одну записку – без ответа, посылаю вторую записку – то же самое. Ну, что ж, тогда я решил брать трибуну штурмом. Особенно после того как буквально минут за сорок до перерыва председательствующий объявил, что после обеда конференция перейдет к принятию резолюций и решений. Когда я услышал, что меня в этом списке нет, решился на крайний шаг... И я пошел по длинной лестнице вниз, к дверям, которые ведут прямо в проход к трибуне, и попросил ребят-чекистов открыть дверь. А сотрудники КГБ относились ко мне в основном, надо сказать, неплохо, – они распахнули обе створки дверей, я вытащил

свой красный мандат, поднял его над головой и твердым шагом пошел по этому длинному проходу прямо к президиуму...». – Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 190-191, 192.

13. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза (28 июня – 1 июля 1988 года). Стенографический отчет. В 2-х томах. М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 55-62.

14. «Уральский рабочий». 28 февраля 1989.

15. «Аргументы и факты – Урал». 1991. Февраль. № 8.

16. XXVIII съезд КПСС проходил со 2 по 13 июля 1990 г.

* Позже, оставив пост президента, Б. Ельцин так оправдал перемену своего мировоззрения: «Когда я вернулся из своей первой поездки по США, это было осенью 1989 года, против меня развернулась известная кампания травли в газетах, на телевиденье. В Америке, во время одного из интервью, я сказал фразу: пролетев под статуей Свободы, я сам стал внутренне свободным. В Москве это вызвало переполох. Моей поездкой занялась специальная парламентская комиссия.

Мои помощники и друзья – Илюшин, Суханов – затащили меня в баню, кажется, эта была обычная районная баня, очень непритязательная. Они знали, как я баню люблю, хотели помочь мне снять стресс...

То, что это все происходило в бане, – символично. Баня ведь очищает. Там все чувства чисты. А люди обнажены. Интересно, что бы сейчас сказали мне эти мужики.

Да, тогда я изменил свое мировоззрение, понял, что коммунист я по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению». – Ельцин Б. Н. Записки президента. Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2008. С. 170-171.

17. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977. С. 7.

18. Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР состоялся в июне 1991 г. Первым секретарем был избран И. К. Полозков.

Глава пятая

1. «Правда». 19 сентября 1989.

2.* Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) был сформирован в ночь на 19 августа 1991 года. В него вошли вице-президент Г. Янаев, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Язов, премьер-министр В. Павлов, министр внутренних дел Б. Пуго, председатель Крестьянского союза В. Стародубцев, президент Ассоциации госпредприятий А. Тизяков, первый заместитель Совета обороны СССР О. Бакланов. В «Заявлении советского руководства об отставке М. С. Горбачева и создании ГКЧП СССР» говорилось, что чрезвычайный орган власти образован «в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса,

политической, межнациональной и гражданской конфронтации и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества». – «Правда». 20 августа 1991.

** О ГЧП и причинах его неудачного выступления первый Президент России в своей книге «Записки президента» написал следующее: «Марионеточный, тупой заговор начал только еще проявляться, но я уже успел почувствовать: что-то тут не так. Настоящая хунта так себя не станет вести. Тут расчет на другое. На всеобщий испуг, что ли? На то, что все само образуется?»

Путч провалился тогда, когда в Крым послали слабую делегацию. Руководителей такого уровня как Бакланов, Шенин и Варенников, Горбачев по определению испугаться не мог... В ГКЧП не было лидера. Не было авторитетного человека, чье мнение становилось бы лозунгом и сигналом к действию. Янаев на эту роль не годился. Слишком безвольная фигура». – Ельцин Б. Н. Записки президента: размышления, воспоминания, впечатления... М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 81-82.

*** Политолог С. Кургинян так ответил на вопросы В. Устюжанина и И. Чернака, касаясь событий августа 1991 года и роли в них Ельцина:

«– Чем, на ваш взгляд, был август-91-го – драмой, трагедией или чем-то иным?»

– Трагифарсом с элементами театра абсурда.

– А Ельцин тогда кем оказался?

– Главным действующим лицом. Эдакая смесь Стеньки Разина и некоего византийского императора. Так вот, я до сих пор убежден: единственное, что могли реально предпринять члены ГКЧП, – это сделать Ельцина президентом СССР. Более того, у меня есть ничем не обоснованное ощущение, и я на нем настаиваю, что он этого ждал». – «Комсомольская правда – Екатеринбург». 8 января 1988. С. 3.

3. Даты прекращения деятельности республиканских комитетов КПСС: 14 сентября 1991 г. – КП Азербайджана; 7 сентября 1991 г. – КП Армении; 25 августа 1991 г. – КП Белоруссии; 26 августа 1991 г. – КП Грузии; 7 сентября 1991 г. – КП Казахстана; 31 августа 1991 г. – КП Киргизии; 10 сентября 1991 г. – КП Латвии; 24 августа 1991 г. – КП Молдавии; 6 ноября 1991 г. – КП России и КПСС; 2 октября 1991 г. – КП Таджикистана; 26 августа 1991 г. – КП Узбекистана; 30 августа 1991 г. – КП Украины; 22 августа 1991 г. – КП Эстонии. – «Аргументы недели». 7 декабря 2006.

5. Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И. Об историческом пути КПСС. Поиски новых подходов. М.: Политиздат, 1990. 270 с.

6. Материалы «круглого стола», состоявшегося в Институте марксизма-ленинизма в мае 1988 года, на тему «Политический авангард общества

в условиях второго этапа перестройки» помещены в сборнике «Урок дает история». – М.: Политиздат, 1989. С. 375-411.

7. В 1987 году был опубликован роман А. Рыбакова «Дети Арбата», в котором Сталин произносит слова в связи с расстрелом военных специалистов в Царицыне в 1918 году: «Смерть решает все проблемы. Нет человека – нет проблемы». Позже в своем «Романе-воспоминании» (1997 г.) Рыбаков признал, что, приписывая эту фразу Сталину, он, возможно, от кого-то ее услышал, возможно, сам придумал.

Глава седьмая

1. В пропаганде марксизма среди российской общественности исключительную роль сыграли группа «Освобождение труда», действовавшая под руководством Г. В. Плеханова в Женеве (Швейцария) в 1883 году, а также петербургские кружки Д. Благоева (1883 г.), П. Точисского (1895 г.), М. Бруснева (1889 г.), Н. Федосеева (в Казани). В Екатеринбурге пропагандой марксизма в конце 80-х годов занимался кружок Н. Чердынцева – бывшего студента Петербургского университета, исключенного из него за политическую «неблагонадежность». В 1995 году в Петербурге был организован «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В его создании большую роль сыграли В. И. Ульянов (Ленин), Ю. О. Мартов, Г. М. Кржижановский. Союз развернул практическую работу по сплочению рабочих на базе социалистических ценностей в их борьбе за свои права и улучшение материального положения.

2. О Викторе Курнатовском рассказано в статье Льва Давыдова «Крепче стали». – У истоков партии. Рассказы о соратниках В. И. Ленина. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1969. С. 225-226.

3. Учредительные съезды политических партий России состоялись: Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) – 1898, 1903 гг.; социалистов-революционеров (эсеров) – декабрь 1905 – январь 1906 гг.; конституционных демократов (кадетов) – 1905 г.; Союз 17 октября (октябристов) – 1905 г.

Промонархические, черносотенные организации (в Средневековой Руси «черной сотней» называлось податное посадское население) стали возникать в начале XX века: Русское собрание (1900 г.), Русская монархическая партия (1905 г., Москва), Союз русского народа (1905 г., Петербург), Русский народный союз имени Михаила Архангела (1908 г.).

Первые анархистские группы в России появились весной 1903 года, а уже к концу того же года действовали 12 организаций в 11 городах страны. Центрами анархистского движения стали Белосток, Екатеринослав и Одесса.

4. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 15 ноября 1991 года упразднены министерство финансов СССР, его предприятия и организации; постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 года ликвидировалась сеть Госбанка СССР. Его предприятия, учреждения, ма-

териально-техническая база переходили в ведение Центрального банка России; 22 ноября 1991 года президент России Б. Ельцин подписал указ «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР», которым более 70-и союзных министерств и ведомств переводились в российскую юрисдикцию.

Глава восьмая

1.* Постановлением Совета Труда и Оборона от 6 декабря 1930 года предусматривалось строительство завода химического машиностроения в Свердловске. Проектное задание было утверждено 9 августа 1931 года. В мае 1935 года строительство завода законсервировали. Во второй половине 30-х годов предпринимались попытки возобновить его строительство. В 1939 году после повторного утверждения проектного задания строительство завода передали Уралтяжстрою. Его пуск намечался на 1942 год.

* Начавшаяся Великая Отечественная война ускорила строительство Уралхиммашзавода. Уже в конце августа – начале сентября 1941 года на строительную площадку УЗХМ прибыли оборудование и рабочие киевского завода химического машиностроения «Большевик». В каких условиях разворачивалось строительство завода, его бывший директор В. П. Курганов позже вспоминал (назначен на эту должность 16 августа 1941 года): «Жилье отсутствовало, поэтому строители разместились в привезенных с собой палатках. До наступления морозов построить хотя бы бараки не было времени. Поэтому решили вырыть 16 землянок, каждую на 150–200 человек. В них строители разместили не только людей, но и различные службы, в том числе столовую и склад инструмента, спецодежды, обуви».

* О первых трудных шагах завода вспоминал его ветеран В. Ю. Дайновский: «Происходило это зимой. Снегом заметало нашу площадку, которую и заводской территорией-то назвать было нельзя. Сталь буквально обжигала руки. Мороз пробирал до самых костей. Если точишь длинную деталь, то пока резец дойдет до края заготовки, другой конец льдом покрывался – эмульсия замерзала. Рядом со станками ставили мы большие жаровни с раскаленным коксом и отогревали леденеющие пальцы. Варежки не наденешь – какая же токарю работа в рукавицах?»

* В ноябре 1941 года Уралхиммаш располагал законченным производственным циклом для изготовления оборудования Уральскому алюминиевому заводу; в декабре завод получил задание выпустить опытную партию минометов. С января 1942 года заводу установили план по их поставке с непрерывным возрастанием выпуска.

Официальной датой рождения Уралхиммашзавода считается 28 февраля 1942 года, когда была подготовлена для отправки на фронт крупная партия минометов, изготовленная в феврале.

В сентябре 1945 года завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За успешное выполнение заданий по выпуску боеприпасов

для фронта и поставки оборудования для цветной и черной металлургии». – Шаги Химмаша. 1942–1992 / сост. И. Давыдов. Внешторгиздат, 1992. С. 42-48; 12; 14; 38.

2. По поводу авторства крылатой фразы «Религия – опиум для народа» С. Кузьмина пишет: «Кто подумал, что эта фраза Ленина, ошибается. Ее автором является немецкий писатель Новалис (1772–1801 гг.). Но и это еще не все. Во введении к работе “К критике гегелевской философии права” Маркс писал: “Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа”». – «Комсомольская правда. – Екатеринбург». 8–15 декабря 2011. С. 56.

3. Законодательной базой, на которой строились отношения между советской властью и церковью, стал декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви.

В послевоенное время ЦК КПСС принял ряд постановлений против искривления ленинского подхода к религии и церкви. В ноябре 1954 года было принято развернутое постановление ЦК, в котором осуждались «грубые ошибки» в научно-атеистической пропаганде, в частности «оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющие религиозные обряды», изображение служителей культа и верующих людей «не заслуживающими политического доверия». В 1960 году ЦК КПСС осудил тех руководителей, которые «занимают пассивную, оборонительную позицию» по отношению к «пережиткам прошлого в сознании советских людей» и религиозным предрассудкам. – «Коммунист». 1988. № 4. С. 115-123.

4. Имеется в виду «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР», принятый сессией Верховного Совета СССР в декабре 1958 года. В соответствии с этим Законом началась реформа образования в стране. Ее целью было сделать образование более гибким, динамичным, отвечающим успешному развитию Советского государства в условиях научно-технической революции.

Глава девятая

1. Проекты союзных договоров опубликованы:
  - Союзный договор. – «Правда». 24 ноября 1990.
  - Договор о Союзе Суверенных государств. – «Правда». 9 марта 1991.
  - Договор о Союзе Суверенных государств. – «Правда». 28 июня 1991.
  - Договор о Союзе Суверенных государств. – «Правда». 16 августа 1991.
  - Договор о Союзе Суверенных государств. – «Известия». 26 ноября 1991.

2. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии (док. Генеральный секретарь Л. И. Брежнев) утверждалось: «За годы социалистического

строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей – советский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями – отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единодушным одобрением политики Коммунистической партии». – Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 76.

3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 53.

4. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 65.

5. Там же. С. 66-67.

6. «Комсомольская правда. – Екатеринбург». 3 августа 1991. С. 3.

7. Постановление пленума Центрального Комитета КПСС от 11 декабря 1990 г. «О концепции союзного договора и задачах партийных организаций». – «Правда». 14 декабря 1990.

8. Национальные отношения в СССР: опыт истории и современность. Беседа за «круглым» столом. – «Вопросы истории КПСС». 1989. № 4. С. 40-60.

9. Там же. С. 55.

10. Там же. С. 41-42.

11. Там же. С. 43.

12. «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года». Постановление Верховного Совета СССР. – «Известия». 23 марта 1991.

13. По поводу программы культурно-национальной автономии, пропагандируемой российскими буржуазными партиями до 1917 года, Ленин отозвался критически: «“Культурно-национальная автономия” означает именно самый утонченный и поэтому самый вредный национализм, означает разращение рабочих лозунгом национальной культуры, пропаганду глубоко вредного и даже антидемократического разделения школьного дела по национальностям. Одним словом, интернационализму пролетариата эта программа противоречит, безусловно, отвечая лишь идеалам националистических мещан». – Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 22.

14. «Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?»: сб. документов. М., 1902. С. 72-83.

15. «Российская газета». 20 ноября 1991.

16. В 2008 году вышла книга Игоря Пыхалова «За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие?» На основе использования огромных как опубликованных, так и архивных материалов он доказывает второе: о справедливости данной акции. – Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депорта-

ции – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза – Пресс, 2008. 478 с.

Глава одиннадцатая

1. 4 апреля 1866 года на Александра II было совершено первое покушение. В Летнем саду (в Петербурге) в него стрелял Д. В. Каракозов. После этого на императора совершалось еще несколько покушений: 25 мая 1867 года в него стрелял поляк А. Березовский (Париж); 2 апреля 1879 года – А. К. Соловьев (Петербург); 19 ноября 1879 года народовольцы попытались взорвать царский поезд под Москвой. 5 февраля 1880 года С. Н. Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце. 1 марта 1881 года Александр II был смертельно ранен на набережной Екатерининского канала при взрыве бомбы, брошенной народовольцем Гриневицким. – Россия. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Олма, 2007. С. 14-15.

2. «Комсомольская правда». 1 октября 1991.

3. «Комсомольская правда». 29 октября 1989.

4. За боевые и трудовые подвиги ВЛКСМ награжден: орденом Красного Знамени (1928 г.); орденом Трудового Красного Знамени (1931 г.); орденом Ленина (1945 г.); орденом Ленина (1948 г.); орденом Ленина (1956 г.); орденом Октябрьской Революции (1968 г.).

Глава двенадцатая

1. Из сообщения ТАСС: «12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических республик, летчик, майор Гагарин Юрий Алексеевич...

По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89,1 минуты; минимальное удаление от Земли (в перигее) равно 175 километров, а максимальное расстояние (в апогее) составляет 302 километра; угол наклона плоскости орбиты к экватору – 65 градусов 4 минуты...

После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полета 12 апреля 1961 года в 10 часов 55 минут московского времени советский корабль “Восток” совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза...». – «Комсомольская правда». 13 апреля 1961.

2. 18 апреля 1961 года правительство Советского Союза выступило с заявлением в связи с вооруженным вторжением на Кубу противников Кубинской революции (произошло 16 апреля), в котором резко осудило акт неприкрытой агрессии против кубинского народа и его революционного правительства. Заявление заканчивалось предупреждением: «Советское

правительство оставляет за собой право, если вооруженное вмешательство в дела кубинского народа не будет прекращено, предпримет с другими странами все меры для оказания необходимой помощи Республике Кубе». – «На смену»! Свердловск. 19 апреля 1961.

Глава тринадцатая

1. В обращении Съезда народных депутатов РСФСР к гражданам Белоруссии, России, Украины 2 ноября 1991 года говорилось: «Мы обращаемся ко всем, кто готов сделать хотя бы шаг, одно усилие, чтобы предотвратить национальную катастрофу народов Белоруссии, России, Украины: сделайте этот шаг!

Предпримите самое малое, чтобы отвести беду, готовую обрушиться на народы братских республик!

Обращайтесь ко всем своим родным, близким, друзьям, просто знакомым, живущим в Белоруссии, Российской Федерации и на Украине, с мольбой не рвать кровное родство и единство. Нельзя допустить, чтобы стремление к государственной независимости обернулось разрывом связей между народами Белоруссии, России, Украины. Абсолютная независимость – это независимость сестер от братьев, родителей от детей, стариков от внуков!

Обращайтесь к своим коллегам по научной деятельности, искусству, литературному творчеству с призывом не губить исторического единства творческих и научных школ, не разрушать основ великой славянской культуры...

Сплочение наших народов и республик способно свершить великое дело государственного единения ради блага нынешних и будущих поколений!». – «Российская газета». 20 ноября 1991.

2. «Российская газета». 19 октября 1991.

3. «Российская газета». 29 октября 1991.

4. 24 августа 1991 года Совет Министров РСФСР предложил «Президенту СССР М. С. Горбачеву расформировать Кабинет Министров СССР.

Впредь до формирования нового состава Кабинета Министров СССР постановления, распоряжения и другие решения Кабинета Министров СССР не подлежат исполнению на территории РСФСР министерствами, ведомствами СССР и РСФСР, объединениями, предприятиями, организациями и гражданами Российской Федерации.

На указанный период руководство министерствами и ведомствами СССР, подведомственными им объединениями, предприятиями и организациями, распоряжениями на территории РСФСР принимает Совет Министров РСФСР». – «Российская газета». 28 августа 1991.

5. «Аргументы и факты – Урал». 1991. № 50 (декабрь). С. 3.

6. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 из 9 млн жителей Белоруссии погиб каждый третий. Более 800 тыс. бойцов и командиров-белорусов Красной армии погибли на фронте. Оккупанты разрушили по-

чти 80% городов и районных центров республики (209 из 270, бывших до войны), сожгли 9 200 сел и деревень, 628 деревень сожгли вместе с их жителями. Таких беспрецедентных потерь не понесла ни одна из республик Советского Союза. – Мальцев Л. С. Вооруженные силы Республики Беларусь. История и современность. Минск, 2003. С. 136.

7. Как пишет Ю. Емельянов, в декабре 1952 года Сталин подготовил проект постановления о назначении председателем Совета Министров СССР вместо себя П. К. Пономаренко. Это предложение было поставлено на письменное голосование в Президиуме ЦК КПСС. За него проголосовали все, кроме Г. М. Маленкова, А. П. Берии, Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина. – «Советская Россия – Улики». 21 ноября 2010. С. 11; «Советская Россия». 24 декабря 2019. С. 3.

8. Мазуров К. Т. Незабываемое. М., 1988. С. 362.

9. Машеров Петр Миронович (1918–1980 гг.). Родился в бедной крестьянской семье на Витибщине. Учитель математики и физики. С первых дней Великой Отечественной войны включился в активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, стал одним из организаторов подпольного и партизанского движения в оккупированной врагом Белоруссии. С апреля 1942 г. – командир партизанского отряда имени Щорса, затем комиссар партизанской бригады имени Рокоссовского, первый секретарь Вилейского подпольного обкома ЛКСМ Белоруссии. Дважды ранен. В 1944 г., в возрасте 26 лет, удостоен звания Героя Советского Союза. В послевоенное время, до избрания в 1965 г. первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, руководил комсомольской и партийной организациями ряда областей республики. При его руководстве республиканской партийной организацией Белоруссия вышла на передовые позиции в различных сферах своего развития. Герой Социалистического Труда.

10. В Белоруссии в 1990–1991 гг. начали действовать Объединенная демократическая партия Беларуси, Социал-демократическая партия Беларуси, Национально-демократическая партия Беларуси, Белорусская социал-демократическая громада, Белорусская крестьянская партия, Белорусская католическая громада, Белорусское христианско-демократическое единство, Белорусский народный фронт «Адраджэньне», Партия коммунистов и другие. – История Беларуси. Вопросы и ответы. Минск, 1993. С. 201-202.

11. Генеральные секретари ушли из жизни: Л. И. Брежнев – в 1982 г., Ю. В. Андропов – в 1984 г., К. У. Черненко – в 1985 г.

12. После январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС в литературных журналах были опубликованы многие произведения, которые прежде не пропускала цензура. В числе их были: «По праву памяти» А. Т. Твардовского; «Реквием» А. А. Ахматовой; «Белые одежды» В. Д. Дудинцева; «Зубр» Д. А. Гранина; «Ночевала тучка золотая» А. И. Приставкина; «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова; «Брестский мир» М. Ф. Шатрова; «Мы» Е. И. Замятина; «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана. Эти произведения ста-

ли своеобразными «локомотивами гласности», разрушали социалистическую мотивацию советских людей.

13. Председатель Совета Министров РСФСР (1983–1988 гг.). Председатель Президиума Верховного Совета Российской Федерации (1988–1990 гг.). Виталий Иванович Воротников позже отмечал: «Главное, что у Горбачева и его присных не было концепции перестроечного процесса. Не говоря уже о программе. Ведь комплексная программа перестройки была утверждена Верховным Советом только в декабре 1990 года! Но уже было поздно. Все предшествующие годы ее разрабатывали, рассматривали – и отменяли. Вновь вносили. Рассматривали и отменяли. По-моему, трижды. А параллельно пытались решать какие-то частные проблемы». – «Советская Россия». 22 января 2011. С. 2.

14. Глава Советского правительства Н. И. Рыжков в своей книге «Перестройка: история предательств» приводит такой факт: «Помнится, мне довелось присутствовать на встрече Горбачева с руководителями средств массовой информации. Так там он просто набросился на дерзких газетчиков, потребовавших от него обозначить четкую концепцию перестройки. Перестройку невозможно уложить в прокрустово ложе концепции, яростно утверждал он. Ехидно вопрошал: если ноги будут с этого ложа торчать, значит – их надо отрезать? И подводил итог: мы видим цель, а средства ее достижения познаем в пути». – Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 28.

15. Среди законодательных актов в области экономики, дестабилизировавших экономическую жизнь страны, были законы СССР «О бригадном подряде» (1986 г.), «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.), «О кооперации СССР» (1988 г.). Все они оказались несовершенными, к тому же были деформированы многими подзаконными актами и в результате играли в большей степени разрушительную роль.

16. К гуманному, демократическому социализму. Программное заявление XXVIII съезда КПСС. – Материалы XXVIII съезда КПСС. Политиздат, 1990. С. 77-97.

17. Решения о независимости (о выходе из СССР) республики приняли: Армения – 18 октября 1991 г.; Азербайджан – 21 сентября 1991 г.; Белоруссия – 27 июля 1990 г. (19 сентября 1991 г.); Грузия – 9 апреля 1991 г.; Казахстан – 16 декабря 1991 г.; Киргизия – 31 августа 1991 г.; Латвия – 18 ноября 1990 г.; Литва – 11 марта 1990 г.; Молдова – 27 августа 1991 г.; Таджикистан – 9 сентября 1991 г.; Туркменистан – 27 октября 1991 г.; Узбекистан – 31 августа 1991 г.; Украина – 24 августа 1991 г.; Эстония – 20 августа 1991 г. – «Аргументы неделі». 7 декабря 2006.

18. «Известия». 3 сентября 1991.

Глава четырнадцатая

1. По поводу важности выбора профессии К. Маркс писал: «Если мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее должным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы бесполезные существа на свете, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание... Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии... является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом». – Маркс и Энгельс о молодежи. М., 1972. С. 248, 250.

2. Позже, после войны, полковник в отставке И. Ф. Титков рассказал в своей книге «Бригада “Железняк”» о боевых действиях этого партизанского формирования. – Титков И. Ф. Бригада «Железняк». Издание второе. Минск, 1982.

Глава пятнадцатая

1. Нечволодов А. Сказание о русской земле. Репринтное издание в четырех томах. Книга 1. Уральское отделение Всесоюзного культурного центра. Русская энциклопедия, 1991. С. 48-49.

2. О происхождении, толковании имен см.: «Словарь имен». М., 1998.

3. Соловьев С. М. Сочинения. Книга 1. История России с древнейших времен. Т. 1-2. М., 1988. С. 128.

4. Карамзин Н. М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М., 1988. С. 66.

5. Княжин Я. Б. Вадим Новгородский. Трагедия в стихах в пяти действиях. СПб., 1782.

6. 17 марта 1991 года во время Всесоюзного референдума около 2/3 избирателей Свердловска проголосовали против сохранения СССР. – «Областная газета». Екатеринбург. 7 декабря 2011. С. 5.

7. Вот как пишет о начавшихся забастовках в СССР Н. И. Рыжков, в то время председатель Совета Министров СССР: «Первой забастовкой, что повлекла за собой нормальные переговоры и закономерно разумный компромисс, стала, если я не ошибаюсь, та самая, шахтерская – в Норильске, в 1989 году... Она же стала первой в невероятно тяжелой для экономики, для нравственного состояния людей, для страны в целом и неостановимо в долгой цепочке забастовок, которые из явления капиталистического мгновенно стали явлением социалистическим». – Рыжков Н. Перестройка: история предательства. С. 297.

8.* Приведенные авторами данные о числе репрессированных в сталинский период нашей истории сильно расходятся. Так, Д. Волкогонов считал, что в 1937–1939 гг. было репрессировано 3,5–4 млн человек; А. Минкин

назвал следующую цифру: с 1935 по 1941 гг. осуждено 19 840 тыс., из них расстреляно 7 млн человек. Почитаемый в постсоветскую эпоху писатель А. Солженицын пошел дальше: в своем заявлении для испанского телевидения в 1976 году он утверждал, что число жертв репрессий в СССР составило 110 млн человек. – Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина // «Октябрь». 1988. № 12. С. 129; Минкин А. Мертвое время // «Московский комсомолец». 10–17 марта 2010. С. 4; «Советская Россия». 17 декабря 2009. «Отечественные записки». С. 5.

* В 1989 г. по поручению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и члена Политбюро А. Н. Яковлева Академия наук СССР создала Комиссию по исследованию потерь населения в сталинский период. Для нее открыли до того строго охранявшиеся архивы ОГПУ – НКВД – МГБ. Комиссия пришла к выводу, что за 32 года – с 1921 по 1953-й – за «контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления» были осуждены 4 060 306 человек. Из них к высшей мере наказания приговорены 799 455 человек. – «Аргументы и факты – Урал». 18–24 декабря 2019. С. 42.

* Исследователи В. Земсков, А. Дугин, И. Пыхалов считают, что в период с 1921 по 1953 годы в СССР за контрреволюционные преступления были приговорены к высшей мере наказания 643 тыс., а реально расстреляны 300–500 тыс. человек – примерно 0,1 от всех живших в тот период советских людей. – «Советская Россия – Улики». 21 февраля 2013. С. 3.

9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.

10. Когда в СССР с подачи Хрущева из Сталина сделали «преступника», Шарль де Голь, президент Франции в 1955–1969 гг., так отозвался по этому поводу: «...Те люди, которые были после него у власти, фактически делали все, чтобы его уничтожить... Сталин не ушел в прошлое – он растворился в будущем». – «Советская Россия – Отечественные записки». 19 декабря 2019. С. 8.

11.* Эта оценка Беловежских соглашений, подписанных руководителями России, Белоруссии и Украины – Б. Ельциным, С. Шушкевичем, Л. Кравчуком, принадлежит Президенту России В. Путину в его послании Федеральному собранию в 2005 году.

* Американский писатель и публицист Майкл Давидоу так оценил влияние СССР в мире, в том числе и на США: «...СССР оказывал позитивное влияние не только на сдерживание ядерной опасности, но и на развитие социальных программ в США». – «Правда». 24 января 1992.

12. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. 271 с.

13. В документе, подписанном Б. Ельциным, С. Шушкевичем, Л. Кравчуком, утверждалось: «Мы, республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие договор 1922 года, далее именуемые высокими договариваю-

щимися сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и как геополитическая реальность прекращает свое существование...». – «Советская Россия». 17 ноября 1994. С. 3.

14.* Экс-министр иностранных дел Белоруссии и участник Беловежской встречи руководителей России, Белоруссии и Украины Петр Кравченко в своей книге «Беларусь на распутье или Правда о Беловежском соглашении» пишет: «Вечер 7 декабря оказался отмечен и курьезным происшествием. После ужина Ельцин поднимался на второй этаж, где располагались его апартаменты. И вдруг на середине лестницы споткнулся и стал падать спиной назад. С учетом его солидного телосложения такое падение могло бы закончиться трагично. Охрана замешкалась, все оцепенели, но ситуацию спас Шушкевич, который поднимался вслед за Ельциным и ловко подхватил Бориса Николаевича... Если бы Ельцин свалился с лестницы, вискулевская встреча совсем с иными результатами вошла бы в историю. Чего доброго, и СССР избежал бы распада...». – «Комсомольская правда. – Екатеринбург». 8 декабря 2006. С. 16.

* Писатель Александр Солженицын так отозвался о Беловежском соглашении: «Россия одной из первых объявила свою в кавычках “независимость”. От кого независимость? От 25 миллионов брошенных соотечественников. В Беловежье близоруко не позвали Назарбаева? Почему в Беловежье близоруко поверили Кравчуку без всяких гарантий, что действительно будет реальный государственный союз. Действительно будет. А он на второй день распался. А потом кинулись в другую крайность: создали хрупкое безжизненное СНГ. Но вы сами видите, кто серьезно верит в СНГ? Или что оно будет существовать». – «Уральский рабочий». 2 ноября 1993. С. 2.

15. В этой связи определенный интерес представляют наблюдения С. Гаражи: «...До и после украинского референдума я намеренно выясняла мнение у десятков, если не у сотен киевлян и они в те дни были одинаковы: “Чем быть вместе с Россией, у которой такой Ельцин, то лучше мы будем жить самостоятельно с нашим умеренным Кравчуком”». – Гаража С. За кем пойти следом // «Правда». 19 ноября 1992.

16.* В одном из первых своих интервью Станислав Шушкевич признался, что он не ожидал такого поворота – упразднения СССР и образования СНГ: «Если бы у меня за день до этого спросили, возможен ли такой вариант, я бы ответил: “Нет, не возможен”». – «Аргументы и факты – Урал». № 1, январь 1992. С. 4.

* Позже Шушкевич стал оправдывать Беловежские соглашения. Проиграв в 1994 году президентские выборы (первым президентом Беларуси был избран А. Г. Лукашенко), он объяснил свое поражение «политрукловской» неграмотностью белорусского народа, продемонстрировав тем самым свое неуважение к нему. «Эта неграмотность политрукловская из учебников последних 50–70 лет, она просто выросла в сознание людей», –

заявил он. – Голуб А. Откровения «беловежского зубра» // «Правда». 11 ноября 1995.

17.* Уже на следующий день после подписания Беловежских соглашений, 9 декабря 1991 года, Президент СССР М. Горбачев выступил с заявлением «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик». В нем он вначале упомянул о «позитивных моментах» данного соглашения, а потом пожурил подписантов за «скоропалительность появления документа», за то, что «он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан...». – Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М., 1992. С. 489-490.

* Против подписантов антигосударственных документов никаких уголовно наказуемых действий предпринято не было. Вот что в связи с этим замечает Ю. М. Воронин, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель председателя Верховного Совета РФ в 1992–1993 гг., один из шести членов делегации во главе с Б. Ельциным, утвержденной Верховным Советом для подписания Союзного договора от имени России: «Боялись ли беловежские авантюристы, что М. Горбачев может, что называется, взбрыкнуть? Боялись. Е. Гайдар убеждал, что М. Горбачев не сумеет использовать силу – сдвинуть с места военных, которых за последние годы многократно “подставляли”, было нелегко. Да и авторитет М. Горбачева у военных был призрачным. Как рассказывал мне позднее С. Шушкевич, в случае острой необходимости на всякий случай был подготовлен вертолет, чтобы улететь в Польшу, искать поддержку на Западе. Однако Л. Кравчук неустанно повторял: “Горбачев к силовым методам не обратится”». – «Советская Россия». Приложение «Улики». 16 декабря 2010. С. 5.

18.* 10 декабря Верховные Советы Белоруссии и Украины ратифицировали Беловежские соглашения. В Белоруссии «за» проголосовали 263 депутата, 2 – воздержались. Против ратификации проголосовал А. Лукашенко, будущий первый президент Республики Беларусь. В Украине против Беловежских соглашений проголосовали несколько депутатов (из 250). Но из разных соображений. Некоторые из них не хотели вообще никакого союза с «москалями» даже в форме СНГ. 12 декабря Верховный Совет России ратифицировал Беловежские соглашения, в том числе денонсацию Союзного договора 1922 года. «За» проголосовали 188 депутатов, против – 6, воздержались – 7. Фракция «Коммунисты России» тоже голосовала «за». Лишь будущий депутат Госдумы от КПРФ С. Решульский воздержался от денонсации Союзного договора.

* 18 декабря 1991 года Совет Республик Верховного Совета СССР заявил, что «воспринимает с пониманием Соглашение Республик Беларусь, РСФСР и Украины о создании Содружества Независимых Государств и считает его реальной гарантией выхода из острейшего политического и

экономического кризиса». – Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 499.

* 21 декабря 1991 года в Алма-Ате к Беловежским соглашениям присоединились еще восемь республик. А 25 декабря М. Горбачев заявил о сложении с себя функций Президента СССР. В тот же день поздно вечером над зданием, в котором много лет заседал Верховный Совет СССР, был спущен алый флаг Советского Союза и водружен трехцветный стяг России. Закончилась героическая и трагическая история Союза Советских Социалистических Республик.

* По поводу исчезновения с географической карты мира одной из двух сверхдержав глава оставшейся из них, Президент США Дж. Буш (старший), с нескрываемым оптимизмом оценил случившееся: «На протяжении более 40 лет Соединенные Штаты шли во главе Запада в борьбе против коммунизма и той угрозы, которую он представлял для наших самых чтимых ценностей... Теперь с этой конфронтацией покончено... Восточная Европа свободна. Самого Советского Союза больше нет... Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам». – «Известия». 27 декабря 1991. С. 1.

19. Позже в СМИ появились сведения о потерях, которые понес Советский Союз за годы перестройки: с 1985 по 1991 гг. золотой запас страны сократился с 2 500 до 240 тонн; экономический рост упал с 2,3% до 11% (в минусе); внешний долг увеличился с 10,2 млрд до 52 млрд долларов; курс рубля по отношению к американской валюте вырос с 64 руб. до 90 руб. (за один доллар). – «Комсомольская правда – Екатеринбург». 7–14 декабря 2006. С. 5.

20. В сентябре 1991 года решением Совета Министров Республики Беларусь Беловежская пуца (заповедно-охотничье хозяйство) получила новый статус: Государственный национальный парк «Беловежская пуца».

Часть вторая

Глава 1

1. Одним из первых решений нового парламента России – 1-й Государственной думы, избранной россиянами 12 декабря 1993 года, – стало постановление об амнистии граждан, находившихся под следствием или содержавшихся под стражей в связи с участием в событиях 19–21 августа 1991 года, 1 мая и 21 сентября – 4 октября 1993 года. Лишь генерал армии В. И. Варенников, заявивший о своей невинности в событиях 19–21 августа и не принявший амнистию, был оправдан судом.

2.* Участие ограниченного контингента Советских войск в гражданской войне в Афганистане продолжалось в течение десяти лет (1979–1989 гг.). Безвозвратные потери ОКСВ составили 13 833 человека, санитарные (боевые ранения, травмы, увечья, заболевания) – 23 258; пропали без вести в Афганистане (по состоянию на 15 февраля 1989 года) – 333 человека. – Ляховский А. Трагедия и доблесть Афганистана. М., 1995. Приложения № 13, 14.

** 8 тысяч жителей Свердловской области участвовали в боевых действиях в Афганистане, 300 из них – жители Екатеринбурга. 240 свердловчан не вернулись с «афганской войны», около 2 000 человек стали инвалидами. – «Комсомольская правда – Екатеринбург». 16 февраля 2008.

*** Содержание 40-й армии и ведение боевых действий в Афганистане ежегодно обходилось бюджету СССР в 3 млн долларов. – «Аргументы и факты – Урал». 17–23 декабря 2014. С. 59.

**** В декабре 1989 года Второй съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором ввод советских войск в Афганистан осуждался как морально, так и физически. – «Ветеран Афганистана». 14 августа 2009.

***** Однако с такой упрощенной оценкой Съезда об участии СССР в «афганской войне» не все, в том числе и ветераны Афганистана, согласны. Генерал-майор А. А. Ляховский, помощник руководителя Оперативной группы Министерства обороны СССР в республике Афганистан генерала армии В. И. Варенникова – советника Верховного главнокомандующего Вооруженными силами республики Афганистан Наджабуллы, автор указанной книги, считает: «На базе всестороннего анализа обстановки есть основания полагать, что советское руководство было втянуто в эту войну в результате хорошо организованной стратегической дезинформации в рамках глобальной операции, имевшей конечной целью ликвидацию социалистического лагеря и развал СССР». – Ляховский А. Указ. соч. С. 5.

***** В январе 1992 года президент США Дж. Буш старший, выступая в Конгрессе с посланием о положении страны, заявил: «Коммунизм умер в этом году. Америка выиграла “холодную войну”». – «Правда». 30 января 1992.

Позже он же признал: «Мы потратили 4 триллиона долларов на то, чтобы выиграть “холодную войну”, и в сравнении с этой суммой то, что США намереваются сейчас (24 млрд долларов на помощь России), – это, конечно же, мелочи». – «Известия». 11 апреля 1992.

3.* После неудачных попыток сформировать вооруженные силы СНГ, руководители бывших советских республик, ставших независимыми, пошли на создание собственных Вооруженных сил. 7 мая 1992 года вышел указ Президента РФ Б. Ельцина «О создании Вооруженных сил Российской Федерации». 23 мая 1992 г. появился приказ министра обороны РФ п. Грачева «О составе Вооруженных сил Российской Федерации».

** На момент распада СССР в Белорусском военном округе числилось до 180 тыс. военнослужащих. В мае 1992 году округ был распущен. 1 января всем военнослужащим было предложено присягнуть Республике Беларусь либо уволиться.

Глава вторая

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 3013. Оп. Д. 4. Л. 136.

2. Спустя полвека историей загадочной гибели студентов-туристов из УПИ под руководством Игоря Дятлова заинтересовалась «Комсомольская правда». Ее корреспонденты изложили несколько своих версий по поводу гибели студентов на Северном Урале. Вышел американо-российский фильм «Тайна перевала Дятлова» («Комсомольская правда». 26 июня 2013). Наряду с «Комсомолкой» к выяснению тайны гибели группы Дятлова подключились другие СМИ. Появилось множество версий причин гибели этой группы: ссора, ошибки участников группы, сход лавины, метиловый спирт, инфразвук, шаровая молния, нападение беглых заключенных или местных жителей, НЛЮ, испытание секретного оружия, нападение медведя, снежный человек, техногенная катастрофа и др. В сентябре 2018 года прокуратура начала проверку этой таинственной гибели спортсменов-туристов. Специалисты изучили материалы уголовного дела (более 400 страниц), из архивов Екатеринбурга, Каменск-Уральского, Ивделя и Серова, проводились эксперименты на месте гибели туристов. В июле 2020 года зам. начальника управления Генпрокуратуры в УрФО Андрей Кирьянов озвучил официальную и окончательную версию причины смерти группы Игоря Дятлова. «Все ранения погибших характерны для телесных повреждений групп туристов-альпинистов, которые попадают в лавину», – объявил Курьянов.

Однако с такой версией причины гибели группы Дятлова не все согласны, включая родственников погибших. – «Аргументы и факты – Урал». 18–21 июля 2020. С. 11.

Глава третья

1. Самарин Юрий Евгеньевич (1949–2011). В 1990 году был избран депутатом Свердловского городского Совета народных депутатов при поддержке движения «Демократический выбор», а затем – его председателем. На этом посту он оставался до октября 1993 года. В последующие годы был членом политсовета Свердловского отделения партии «Правое дело».

Ю. Е. Самарин учился в музыкальном училище имени Чайковского (г. Свердловск) по классу скрипки. В 1972 году окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище. До 1978 года служил во флоте. В 1978–1990 гг. – военный представитель на машиностроительном заводе им. Калинина (Свердловск).

Погиб в автокатастрофе 3 сентября 2011 года. – «Областная газета – Екатеринбург». 6 сентября 2011.

2. 16 мая 1991 года Свердловский городской Совет принял решение «О проведении опроса жителей города по вопросу возвращения исторического названия города». Проведенный Уральским исследовательским центром информации 1–5 июля 1991 года телефонный опрос пятисот жителей города дал следующие результаты: 40% опрошенных высказались за возвращение городу исторического имени; 30% – против; 9% проявили безразличие; 12% затруднились с ответом. Несмотря на то, что менее 50% из пятисот опрошенных высказались за переименование города, городской Совет на внеочередной сессии 4 сентября 1991 года принял постановление «О восстановлении исторического названия города». 23 сентября того же года Президиум Верховного совета РСФСР утвердил данное постановление Свердловского горсовета. – «Уральский рабочий». 29 сентября 1991.

3.* «Комсомольская правда» 1 мая 1991 года сообщила: «Русская национальная партия обратится к правительству Российской Федерации и Председателю Верховного Совета РСФСР с просьбой официально пригласить в страну великого князя Владимира Кирилловича. Одна из целей этой партии – установление ограниченной конституционной монархии, провозглашение русским царем законного претендента на русский престол великого князя Владимира. Члены партии не будут препятствовать утверждению президентской власти, считая президента главой Кабинета Министров, а царя – символической главой государства. Для достижения своей цели они (члены партии) намерены действовать законным парламентским путем».

** В 2013 году по данным ВЦИОМ 28% россиян были не против возрождения монархии в России; 11% опрошенных отдали предпочтение монархии перед республикой. В Москве и Петербурге предпочтение монархии отдали 19% опрошенных; только 6% хотели бы возвращения Романовых, а 14% готовы короновать кого-то из действующих политиков. – «Аргументы недели». 29 января – 4 февраля 2020. С. 16.

Глава четвертая

1. «За химическое машиностроение». Орган (газеты) парткома, завкома и дирекции ордена Трудового Красного Знамени Уральского завода химического машиностроения. 13 апреля 1962.

2. «За химическое машиностроение». 6 апреля 1962.

Глава пятая

1. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы, 1988.

2. После ряда встреч «в верхах» между Горбачевым и Рейганом (Женева, ноябрь 1985 г.; Рейкьявик, октябрь 1986 г.; Вашингтон, декабрь

1987 г.) советская и американская стороны подписали 8 декабря 1987 г. соглашение об уничтожении ракет средней и меньшей дальности... Советская сторона взяла на себя обязательство демонтировать и уничтожить в течение трех лет 1 752 ракеты, американская – 869. Это соглашение было дополнено шестью месяцами позже установлением детальной системы взаимного контроля. – Верт Н. История советского государства 1900–1991 гг.: пер. с фр. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 462.

2. В 1989–1991 гг. в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии произошли «бархатные революции», названные так потому, что власть в этих странах переходила оппозиции мирным парламентским путем. Исключением стала Румыния, где борьба за власть сопровождалась кровопролитием, а руководитель Румынской компартии Н. Чаушеску был убит. В августе 1990 года ГДР стала частью ФРГ и прекратила свое существование как суверенное государство. В 1990 году начался вывод советских войск из Восточной Европы. В 1991 году были распущены Организация Варшавского Договора (ОВД), Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Социалистическое содружество стран перестало существовать.

4. Горчаков Александр Михайлович (1788–1883). Государственный деятель и дипломат, светлейший князь, член Государственного совета, государственный канцлер, почетный член Петербургской академии наук. В 22 года начал дипломатическую службу. В 1855–1856 гг., будучи чрезвычайным посланником в Вене, предотвратил вступление Австрии в Крымскую войну на стороне Франции и Англии против России. В 1856 году Александр II отправил в отставку министра иностранных дел России графа К. Нессельроде. Этот пост занял Горчаков. Его деятельность на посту министра иностранных отличалась умением вести сложные переговоры, добиваться успехов в интересах России. – Россия. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2007. С. 152.

5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинение в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1988–1993.

Глава шестая

1.* В древней «Повести временных лет» Менск впервые упоминается как город, захваченный и сожженный Киевскими князьями Ярославичами (1067 г.).

** В 1697 году все официальное делопроизводство в Менске и на других белорусских землях было переведено на польский язык. Название города в документах получило название «Минск» и в этом звучании начало входить в обиходную речь. – Минск. Книга жизни. Минская фабрика цветной печати, 2007. С. 19, 57.

2. Война между Советской Россией и Польшей велась с 24 апреля по 18 сентября 1920 г. Стремясь восстановить Польское государство в границах 1772 года, Польша вмешалась в Гражданскую войну в России и на

Украине. После ряда успешно проведенных операций против польских войск, Красная армия в августе 1920 года под Варшавой потерпела поражение. 12 октября 1920 года в Риге между воюющими сторонами было подписано соглашение о перемирии, военные действия прекратились. 18 марта 1921 года был заключен Рижский мирный договор между Советской Россией и Польшей. По условиям договора значительная часть западных украинских и белорусских земель отходила Польше. Белоруссия потеряла около 113 тыс. квадратных километров своей территории с населением свыше 4 млн человек (в то время белорусское население составляло почти 8 млн человек). В 1939 году Рижский договор прекратил свое действие. В результате освободительного похода Красной армии в Польшу (Польша потерпела поражение в начавшейся в войне с Германией 1 сентября 1939 г.), западные белорусские земли вошли в состав БССР. Площадь Белоруссии увеличилась на 100 тыс. квадратных километров, а население – на 4,5 млн человек. – Чигринов П. Г. Белорусская история. Научно-популярный очерк. Минск: Современная школа, 2010. С. 646, 722.

Глава седьмая

1. Вот как охарактеризовал безрассудный рывок России в капитализм Георгий Шахназаров, ближайший помощник М. С. Горбачева: «Не успев избавиться от пресловутого Союзного центра, дав себе передышку после “взятия Кремля” всего-навсего пару недель, Президент России приступил к шоковой терапии в экономике: буквально схватив страну за шиворот, потащил ее, полуголодную, упирающуюся, не очень понимающую, чего от нее хотят, десятилетиями приученную жить по плану и повинаться партии, к частному предпринимательству, всевластию банков и бирж, формированию заново отечественной буржуазии...». – Шахназаров Г. С вожжами и без них. Москва: Вагриус, 2001. С. 379.

2. 2 января 1992 года указом Президента РФ были введены свободные (рыночные) цены. Временно не подлежали освобождению лишь цены на энергоносители и некоторые виды продовольствия (хлеб, молоко, общественный транспорт). 29 января 1992 года был издан указ «О свободе торговли», о порядке проведения «малой приватизации». Одновременно с либерализацией цен в два-три раза повышались зарплаты бюджетников и пенсии. Однако из-за чрезмерной монополизации производства и тотального дефицита продовольствия и потребительских товаров цены сразу увеличились в 10–15 раз, на некоторые товары – в 30 раз. За год цены выросли в среднем в 26 раз. Реальные доходы населения за год упали на 44%. Большинство населения оказалось за чертой бедности. Обесценились созданные многолетним трудом вклады в сберкассах. Дорого обошлось населению обещание Президента Ельцина «лечь на рельсы», если цены будут расти. – СССР – Россия. Лихие девяностые / автор-составитель С. Кисин. Ростов-на-Дону: ООО «Феникс». С. 35; История Отечества.

Справочник для старшеклассников и поступающих в вузы. ООО «АСТ-Пресс школа», 2002. С. 786-787.

3. 23–24 ноября 1991 года в Екатеринбурге состоялся учредительный съезд Рабочей коммунистической партии (РКРП). 525 делегатов представляли 12 республик, 4 края, все области Российской Федерации. Приняты программное заявление, устав партии и избраны ее руководящие органы. – «Советская Россия». 26 ноября 1991; «Уральский рабочий». 26 ноября 1991.

4.* В ноябре 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР создал парламентскую комиссию по организации приема архивов КПСС и КГБ СССР, переданных Российскому комитету по делам архивов еще в августе того же года. Во главе комиссии стал Д. Волкогонов. В состав комиссии наряду с учеными-историками вошли представители «Мемориала». – «Известия». 17 ноября 1991.

** В 2010 году депутат Госдумы РФ В. Илюхин предложил провести парламентское расследование по поводу передачи бывшим помощником бывшего президента РФ Б. Ельцина Д. Волкогоновым «библиотеке Конгресса США сотни архивных документов с грифом “секретно”, “совершенно секретно” как в копиях, так и в оригиналах, и теперь они гуляют по всей Европе». – «Советская Россия». 17 июня 2010.

5. Малия Мартин. К пониманию русской революции. Лондон, 1985.

6. В январе 1992 года в «Российской газете» была опубликована статья В. Алексеева, члена-корреспондента РАН, директора Института истории Уральского отделения РАН «Чему учит русская история». В его выступлении перед слушателями ИПК УрГУ воспроизведены основные положения данной статьи. – «Российская газета». 10 января 1992.

7. Выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС, известный советский писатель Ю. В. Бондарев с болью говорил: «Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то стирает из сознания людей память, веру и надежду...». – XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза (28 июня – 1 июля 1988 г.). Стенографический отчет в двух томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 225.

8. Липатникова В. И. Что остается от марксизма? // «Уральский университет». Орган Ученого совета Ордена Трудового Красного Знамени Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 15 апреля 1991; Никитина Э. Остается марксизм // «Уральский университет». 27 мая 1991.

Глава восьмая

1. В партийной организации раскройно-заготовительного цеха Уралхиммашзавода на август 1962 года на учете состояли 40 членов и кандида-

тов в члены КПСС. Партийная прослойка среди работавших в цехе составляла 9%. – ГКУСО (ЦДОСО). Ф. 3013. Оп. 6. Д. 12. Л. 41.

2. О трагических событиях в Новочеркасске в июне 1962 года известный французский историк Н. Верт в своей «Истории советского государства...» коснулся следующим образом: «1 июня 1962 года “Правда” опубликовала постановление о повышении цен на мясо (на 30%) и на масло (на 25%), вызвавшее большое недовольство. Этот шаг сопровождался замораживанием заработной платы и отказом от постепенной отмены подоходного налога. В настоящий бунт перерос народный протест на предприятиях Новочеркасска; для восстановления порядка в городе были использованы войска, применившие оружие, что привело к десяткам жертв среди манифестантов. Волнение в менее острых формах (забастовки, митинги протеста) прокатились по другим городам». – Верт Н. История советского государства. 1900–1991: пер. с фр. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 369.

3.* О тревожном развитии Карибского кризиса и его преодолении позже вспоминал Г. Н. Большаков, который в 1959–1962 гг. работал в Вашингтоне советником посольства СССР по вопросам информации. Он был одним из непосредственных участников драматических тринадцати дней октября 1964 года. «Ранним утром 28 октября меня разбудил телефонный звонок. Это был мой друг журналист Чарлз Бартлетт, который звенящим от радости голосом сообщил, что московское радио начало передачу послания Советского правительства президенту Кеннеди о согласии вывести ракеты и бомбардировщики с Кубы в обмен на выше упомянутые гарантии США республике. Часы, отсчитывавшие секунды войны, начали отсчет первых секунд мира. Позднее мне рассказали в Москве, что решение передать это послание открытым текстом по радио было принято потому, что на его шифровку не оставалось времени, и оно по листкам отправлялось с дачи в Огареве, где заседал Президиум ЦК, на радио, а курьерами были секретарь ЦК А. Ф. Ильичев, председатель Гостелерадио М. А. Харламов и другие». – «Комсомольская правда». 4 февраля 1989. С. 3.

** В результате договоренностей СССР согласился вывести свои ракеты с Кубы, а США – снять блокаду Кубы; позднее американские ракеты были выведены из Турции. – Россия: Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 241.

4. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Свердловское книжное издательство, 1960. С. 92-102.

Глава девятая

1. Судебный процесс по проверке конституционности указов Президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 августа 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР» длился четыре с половиной

месяца, с 6 июля по 30 ноября 1992 года. Всего были проведены 52 заседания, заслушаны 46 свидетелей с обеих сторон, 16 экспертов дали юридическое заключение по существу вопроса. 30 ноября Конституционный суд вынес свое решение. Большинство пунктов трех указов президента РФ признаны соответствующими Конституции, некоторые ей не соответствуют. Смысл таков: запрет высших организационных структур КПСС и РКП соответствует Конституции. Что касается первичных территориальных организаций, то они имеют право на деятельность в соответствии с законом. Та часть имущества, которую КПСС присвоила у государства, подлежит изъятию, а то имущество, которое было исключительно партийным, отчуждению не подлежит. Но что и кому принадлежит, будут решать заинтересованные стороны в судебном порядке. По основному вопросу, который официально именовался «сопутствующим» – о конституционности КПСС, – суд своего мнения не высказал. Это мотивировалось тем, что партия прекратила свое существование в августовские дни 1991 года. – «Известия». 1 декабря 1992.

2. Б. Пугачев, эксперт Конституционного суда. КПСС была не партией, а преступной государственной структурой. – «Известия». 5 мая 1992.

3. Заседание Конституционного суда. День первый, 7 июля. Выступление В. И. Зоркальцева. – «Правда». 14 июля 1992 г. С. 4.

4. Заседание Конституционного суда. День второй, 8 июля. Выступление председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина. – «Правда». 18 июля 1992. С. 4.

5. Заседание Конституционного суда. День второй, 8 июля. Выступление С. М. Шахрая. – «Правда». 18 июля 1992. С. 4.

6. Заседание Конституционного суда. День второй, 8 июля. Выступление А. М. Макарова. – «Правда». 18 июля 1992. С. 6.

7. Ваучер (англ. – voucher) – документ, удостоверяющий оплату товаров, услуг, выдачу кредита, получение денег; то же, что приватизационный чек.

В июне 1991 года Верховный Совет РСФСР принял закон «О именных приватизационных счетах и вкладах». Глава Госкомимущества М. Малей возглавил работу по практической реализации данного закона. Планировалось безвозмездно, по справедливости, передать государственное имущество России всему населению, наделив каждого россиянина его долей – именным приватизационным чеком. Однако такой вариант не устраивал Президента РФ Б. Ельцина. По словам М. Полторанина, ближайшего сторонника Ельцина, в то время министра по печати и информации, президент стремился «как можно скорее распродать все частникам, провести, понимаешь, черту между нами и прошлым» (Комсомольская правда. Екатеринбург. 10–17 ноября 2012. С. 12). На посту руководителя Госкомимуществом М. Малей сменил А. Чубайс, который, по его же признанию, «изящно» провернул операцию по замене уже принятого закона

об именных счетах безымянными ваучерами. С безымянными ваучерами можно было делать все что угодно. Это вполне устраивало Ельцина. 19 августа 1992 года вышел указ Президента о ваучерной приватизации. Указ вступил в силу без обсуждения его Верховным Советом РСФСР, поскольку депутаты находились в отпусках. С 1 октября 1992 года началась массовая раздача гражданам ваучеров, по выражению Ельцина, «бумажек». 14 декабря 1992 года вышел очередной указ Президента «О развитии системы приватизационных чеков в Российской Федерации». В указе, кроме всего прочего, наряду с обыкновенными акциями упоминались привилегированные акции типа «Б». Кто и как мог ими воспользоваться, в документе не уточнялось. До конца 1992 года народу было выдано 150 млн ваучерных «бумажек» номиналом 10 тыс. советских рублей. Сумма 10 тыс. рублей была взята из расчета постсоветской экономики, оцененной в 100 млрд долларов или 1 трлн 400 млрд рублей. От этой суммы взяли 35% – такую долю госимущества решили передать народу – поделили на все население страны, получили номинал ваучера 10 тыс. рублей («Аргументы и факты – Урал». 16–22 ноября 2016. С. 36.). По мнению А. Бузгалина, директора Института экономики Московского финансово-юридического университета, «выгоду от бесплатной ваучеризации получили только три группы: дельцы теневой экономики, директора приватизационных заводов и бывшая партийно-комсомольская бюрократия». – «Аргументы и факты – Урал». 3–9 июля 2019. С. 7.

8. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // «Вопросы истории». 1990. № 11. С. 133.

9. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 85.

10. Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. С. 55.

11. Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 13.

12. Латышев А., кандидат исторических наук, бывший заведующий кафедрой Высшей партийной школы. Из научных трудов. – «Правда». 4 июля 1992. С. 1.

13. Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М.: Мысль, 1974. С. 270.

14. Олейник Борис. Размышления и уроки: коммутанты // «Правда». 27, 29 мая 1991.

15.* Доктор исторических наук, профессор В. Логинов в своей статье «Порочное зачатие антиленинианы» показал, что опубликованные так называемые «документы Сиссона», якобы уличающие Ленина, большевиков в получении огромной суммы немецких марок, являются фальшивкой. Он пишет: «В 1917–1918 гг. американский дипломат и разведчик Сиссон купил (а частью променял на консервы) в Петрограде документы, якобы находившиеся в “секретном архиве” большевиков. Однако вскоре фальшивка была разоблачена. Томаш Масарик – будущий президент Чехословакии – в 1918 году вполне профессионально разоблачивший немецких

шпионов в среде чехов, так оценил сиссоновские материалы: “Для сведущего человека из содержания сразу было видно, что наши друзья купили подделку”... Когда же правительство США заинтересовалось подлинностью сиссоновских “находок”, президент В. Вильсон встретился с Керенским. Тот совершенно категорически заявил: речь идет о грубой подделке». Коснувшись опубликованных Акимом Артюновым в «Курантах» документов немецких архивов, якобы подтверждающих связи большевиков с немецкими властями, Логинов заметил: «Артюнов привел депешу государственного секретаря Германии о необходимости ассигнования 5 миллионов марок “... для политической пропаганды в России”. А где тут речь о большевиках? В документе ведь о них ни слова». И далее Логинов поясняет: «В том же архиве лежат просьбы об ассигновании на “политическую работу” в Италии, и во Франции, и в Англии. Шла война, и содержание агентурной сети во всех странах требовало средств. Артюнов приводит второй документ о субсидиях, третий... И опять – ни одного упоминания о большевиках». – «Правда». 29 января 1993.

** Екатеринбургские историки О. А. Васьковский и А. Т. Тертышный критически оценивают использованные А. Керенским в своих воспоминаниях некоторые документы из секретных архивов министерства иностранных дел Германии с целью «изобличения иностранного происхождения большевизма». «Эта главным образом дипломатическая переписка по военным вопросам, военного и политического положения России, – отмечают авторы. – Но она не дает основание для тех далеко идущих выводов, которые пытается навязать читателям мемуарист (т. е. Керенский – С. А.). Тем более что иные документы касаются обычных межгосударственных отношений. Например, в телеграмме министра иностранных дел Германии барона фон Кюльмана кайзеру Вильгельму от 3 декабря 1917 г., упоминаемой в воспоминаниях, говорится: «Мы сможем оказать помощь России самыми различными способами; она примет долгосрочную форму, если Россия заранее обязуется поставлять нам морским путем зерно, сырье и т. д. Керенский, ссылаясь на исследование немецкого историка Ф. Фишера, сообщает, что всего из Германии большевики получили до и после захвата власти 80 млн марок золотом. Но, надо полагать, сделавшись правящей партией, большевики пользовались финансовой поддержкой не за свою шпионскую деятельность», – считают Васьковский и Тертышный. – Васьковский О. А., Тертышный А. Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург: Издательство Уральского института народного хозяйства, 1993. С. 94.

16. Липатникова В. И., кандидат философских наук. Что осталось от марксизма // «Уральский университет». Орган (газета) Ученого совета ордена Трудового Красного знамени Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 15 апреля 1991.

17. Никитина Э. Остается марксизм // «Уральский университет». 27 мая 1991.

18. «Советская Россия». 13 марта 1988.

19. Секретарь парткома Свердловского педагогического института в 1989–1991 гг. Борис Исаевич Лившиц, став кандидатом в депутаты Свердловского областного Совета, заявил: «Мои политические взгляды: поддерживаю требование об отмене 6-й статьи (Конституции СССР – С. А.), о плюрализме форм собственности, о региональном хозрасчете. Разделяю по большинству вопросов позицию Межрегиональной депутатской группы. Считаю широкое привлечение к их работе самостоятельных общественных организаций» // «Народный учитель». Газета коллектива преподавателей, сотрудников и студентов ордена Знак Почета Свердловского государственного педагогического института. 15 февраля 1990.

20. Заседание Конституционного суда. День третий, 9 июля. Выступление председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина. – «Правда» 18 июля 1992. С. 6.

21.* Позже, после Конституционного суда и принятых им решений по «делу КПСС», член суда, судья В. О. Лучин на пресс-конференции высказал свое особое мнение по поводу запрета КПСС и КП РСФСР, ссылаясь на ряд законодательных актов РСФСР: «Президент мог делать только то, что ему предписано Конституцией и законами, его полномочия – закрытые полномочия. В данном случае они не позволяли ему ни приостанавливать деятельность политических партий, ни объявлять их собственность государственной. Не президентское это дело». – Виктор Лучин: Я обязан защищать Конституцию // «Правда». 3 декабря 1992.

** 4 января 1992 года Правительство РФ приняло постановление «О передаче денежных средств и другого имущества, ранее принадлежавшего КПСС и Коммунистической партии РСФСР». Согласно постановлению денежные средства в рублях, принадлежащие КПСС и КП РСФСР, зачислялись на специальный внебюджетный фонд Правительства РФ. На федеральные внебюджетные счета, открываемые в учреждениях банков, зачислялись денежные средства в рублях, принадлежащие краевым, областным, городским и районным комитетам КПСС и КП РСФСР. – «Российская газета». 21 декабря 1992.

22. Заседание Конституционного суда. День шестой. 14 июля. Выступление Г. А. Зюганова. – «Правда». 21 июля 1992. С. 5.

23. В переданном «Правде» для опубликования полном тексте своего выступления в Конституционном суде академик В. Коптюг излагает свою позицию относительно роли социализма на путях дальнейшего развития мировой цивилизации: «Один из важнейших выводов состоявшейся конференции ООН заключается в том, что модель развития, использованная десятком богатых капиталистических стран мира, исчерпала себя. Интенсивное наращивание в рамках этой модели промышленного потенциала в

значительной мере за счет ограбления других стран... это тупиковый, гибельный для человечества путь... Спасти мир в рамках существующей капиталистической модели развития невозможно. Неизбежно поэтому определенное смещение этой модели в сторону социалистических вариантов организации общества. Это то, что обычно понимают под конвергенцией (сближением) развития двух основных социально-экономических формаций. Поэтому разрушать социалистическую систему и заранее хоронить социалистические и коммунистические идеи на пороге XXI века – значит не знать или не понимать уже выявившихся тенденций мирового развития, вести дело к превращению страны в сырьевой придаток развитых стран». – Академик В. Коптюг. Споткнулись на пороге XXI века // «Правда». 11 августа 1992.

24. Выступление свидетеля В. И. Долгих, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС (1982–1988 гг.), секретаря ЦК КПСС (1972–1988 гг.) в Конституционном уде. – «Правда». 17 октября 1992. С. 3.

25. Выступление А. Н. Яковлева в Конституционном суде. – «Правда». 22 октября 1992. С. 4.

26. * Коммунистическая партия (КПРФ) была воссоздана в феврале 1993 г. после постановления конституционного суда «по делу КПСС». 13-14 февраля состоялся II чрезвычайный съезд КПРФ. В его программном заявлении говорилось, что «съезд восстановил деятельность коммунистов... Главными целями и принципами... являются социализм и коммунизм, как идеал будущего... Коммунисты выступают за всемерную интеграцию самостоятельных государств, образовавшихся на территории СССР...». – «Правда». 3 марта 1993 г.

** II чрезвычайный съезд избрал Центральный исполнительный комитет и Центральную контрольно-ревизионную комиссию. Председателем ЦИК был избран Г.А. Зюганов. – «Правда». 16 февраля 1993 г.

*** В воссоздании Свердловской областной организации КПРФ важную роль сыграли областные конференции коммунистов 6 февраля и 5 июня 1993 г. – «Уральский рабочий». 10 февраля 1993 г., 8 июня 1993 г.

Глава десятая

1. «За химическое машиностроение». Орган (газета) парткома, завкома и дирекции завода ордена Трудового Красного Знамени Уральского завода химического машиностроения. 8 января 1963. С. 1.

2. Там же.

3. 20 января 1962 года партком Уралхиммашзавода рассмотрел вопрос «О работе партийной организации цеха № 9 по руководству социалистическим соревнованием и активному участию в управлении производством». В принятом постановлении отмечалось, что «партийная организация цеха, прежде всего, неудовлетворительно осуществляет руководство социалисти-

ческим соревнованием и проявляет беззаботное отношение к задаче всемерного привлечения трудящихся к управлению производством. Принимаемые коллективом цеха и отдельными бригадами социалистические обязательства проверяются формально...». Партийному бюро цеха, начальнику цеха, цеховому поручалось устранить отмеченные недостатки, а дирекции завода – ускорить ремонт и введение в эксплуатацию пролета № 2 цеха, обеспечить своевременную выдачу технической документации на плановые задания цеху. – ГКУСО (ЦДООСО). Ф. 3013. Оп. 6. Д. 11. Лл 7-11.

Глава одиннадцатая

1.* Владимир Исаков: «События в Доме Советов – не конец, а начало трагедии» // «Областная газета. Екатеринбургские ведомости». 13 октября 1993.

** Радикальный демократ Виталий Клепиков в своей статье «Бывшие рвутся в будущее» уничижительно охарактеризовал впечатления В. Исакова о штурме Дома Советов, его переживания, когда защитники советской власти, прекратив сопротивление, подверглись аресту, а некоторые из них, в их числе и Исаков, – насилию. – «Областная газета – Екатеринбургские ведомости». 22 октября 1993.

2. Открытое противостояние Верховного Совета РФ и Президента РФ Б. Ельцина началось в связи с решением Правительства РФ приступить к форсированной ваучерной приватизации госимущества. При ней основная масса населения, получая безымянные чеки вместо именных, предусмотренных законом, фактически оказывалась отстраненной от получения своей доли госимущества. В декабре 1992 года конфликт между властями перешел в открытую фазу – седьмой съезд народных депутатов РФ не утвердил кандидатуру Егора Гайдара главой правительства РФ. Внеочередной восьмой съезд (март 1993 г.) отклонил предложение Б. Ельцина о проведении всенародного референдума по вопросу доверия законодательной и исполнительной властям, а тот в свою очередь издал указ о приостановлении действия Конституции РСФСР и введении «особого порядка управления». В ответ на действия Президента девятый съезд попытался отстранить его от должности. Но, не набрав большинства голосов, депутаты согласились на проведение референдума. В бюллетень для голосования включили следующие вопросы: доверяете ли вы Президенту РФ Б. Н. Ельцину; одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом РФ с 1992 года; считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ; считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Верховного Совета РФ.

Референдум состоялся 25 апреля 1993 года. Кричалками «да-да-нет-да» команда Ельцина смогла убедить более половины голосовавших в поддержке действующего Президента: доверие Ельцину высказали 57,8%,

его социально-экономическую политику одобрили 53% голосовавших. Предложение о досрочных выборах Верховного Совета РФ не прошло.

Политика «шоковой терапии», проводимая правительством Ельцина, обострила социально-экономическую ситуацию в стране, привела к росту безработицы, падению уровня жизни, породила высокую инфляцию, вызвала недовольство населения. Сложная ситуация в стране побудила Ельцина принять радикальные меры по устранению кризисных отношений между ветвями власти и упрочению своего президентского положения. 21 сентября 1993 года он выступил по телевидению и объявил о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ. Одновременно им был подписан указ № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе в России». На 12 декабря 1993 года назначались выборы в новый парламент России – Государственную думу – и референдум по новой Конституции РФ. Эти действия Президента до крайностей возмутили депутатов. Указ Ельцина «О поэтапной Конституционной реформе» Верховный Совет РФ охарактеризовал как государственный переворот, поскольку он нарушал действующую Конституцию РСФСР. Конституционный суд, указав на нарушение Президентом ряда статей Конституции, пришел к заключению об «отрешении Президента Российской Федерации от должности или приведении в действие иных специальных механизмов его ответственности...». Верховный Совет РФ отстранил Ельцина от должности президента и возложил исполнение президентских функций на вице-президента РФ А. Руцкого.

Обе стороны стали готовиться к силовому разрешению кризиса в своих отношениях. Чтобы не допустить кровопролития, председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин 22 сентября 1993 года обратился к федеральным органам власти, к субъектам Федерации со следующими требованиями:

1. Приостановить исполнение указа Президента от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе РФ» и основанных на нем последующих актов Президента.

2. Приостановить исполнение актов десятого чрезвычайного съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, принятых после 20.00 21 сентября 1993 года, включая решение о назначении и. о. Президента.

3. Не допускать применение силы любой из сторон.

4. Исключить любые факты ограничения конституционных прав и свобод (Советская Россия. 29 сентября 1994).

«Нулевой вариант» выхода из острого политического кризиса, предложенный В. Зорькиным, стал предметом обсуждения между представителями исполнительной и законодательной власти в Свято-Даниловском монастыре при миротворческой роли Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Однако достичь согласия при взаимных уступках не удалось, и 3–4 октября 1993 г. разыгралась кровавая драма в центре Москвы – столице России.

3.* В силовом противоборстве с Верховным Советом РФ 3–4 октября 1993 года президентской стороной были задействованы, кроме ОМОНа, спецгрупп «Альфа», «Вымпел», армия: 2-я гвардейская мотострелковая (Таманская), 4-я танковая (Кантемировская) дивизии, 27-я отдельная мотострелковая бригада, 106 воздушно-десантная дивизия, 16-я бригада спецназа, 185 единиц армейской бронетехники, включая танки, БТРы, БМП, БМД. При штурме Дома Советов («Белого Дома») особо отличились офицеры 106 воздушно-десантной и 4-й танковой дивизий. Силовой операцией по захвату Дома Советов руководил министр обороны П. С. Грачев, за что потом был награжден орденом «За личное мужество». – «Советская Россия». 7 октября 2010; 3 октября 2013.

Основной организованной силой, защищающей Дом Советов, были: Союз офицеров России (С. Н. Терехов), Московская организация Союза офицеров России (М. С. Усов), группы поддержки региональных организаций Союза офицеров России, а также от Белорусского союза офицеров (Учредительный съезд Союза офицеров СССР проходил в Минске 19 сентября 1993 г.). К защитникам Дома Советов примкнули активисты «Трудовой России» (В. И. Анпилов) и других организаций. По заявлению В. М. Усова, защитники располагали 50-ю автоматами АКС74У («Советская Россия». 20 сентября 2018).

Генерал-лейтенант А. Баскаев, прибывший в здание Дома Советов 4 октября, как только покинули его штурмовавшие спецгруппа «Альфа» и десантники 106 воздушно-десантной дивизии, обнаружил 1 132 единицы стрелкового оружия, мины-ловушки и взрывные пакеты («Российские вести». 24 сентября 1994. С. 4). Если действительно все это имелось на вооружении защитников Дома Советов и если бы они открыли ответный огонь по штурмующим здание, то не избежать бы огромных человеческих потерь. Но штаб обороны Дома Советов, который возглавлял генерал-полковник В. А. Ачалов, поступил благоразумно, не дав команды на открытие ответного огня.

** Несмотря на то, что защитники Дома Советов не оказали вооруженного сопротивления, людские потери были немалые. Генерал-лейтенант А. Баскаев, ставший комендантом здания бывшего Дома Советов (ныне – Дом Правительства РФ), сначала обнаружил 22 погибших и потом 20–25 раненых и убитых («Российские вести». 24 сентября 1994. С. 3). Известный кинорежиссер С. Говорухин сообщил «Советской России» такие сведения о числе погибших 4 октября 1993 года: «Официальная версия – 49. Президент Ингушетии, Герой Советского Союза Руслан Аушев (я с ним разговаривал вечером четвертого октября) свидетельствует, что к вечеру четвертого октября из Дома вынесли 127 трупов. Это только четвертого и только с цоколя и с первого этажа. Сколько там наверху пушками (убито), никто тогда не знал и сейчас уже не узнает. К тому же люди, находившиеся выше 13 этажа, должны были сгореть в огне – здание пыла-

ло. Пожарникам разрешили подняться только пятого октября – нужно было, чтобы сгорели архивы и трупы» («Советская Россия». 3 октября 2013. С. 2). Народный депутат РФ С. Бабурин, возглавлявший один из комитетов в Верховном Совете и находившийся в Доме Советов 3–4 октября, о числе погибших в те трагические октябрьские дни 1993 года так сказал корреспонденту «Аргументов и фактов»: «Официальную цифру погибших мы знаем – 148 человек. Но я убежден, что их было гораздо больше. Победителям не выгодно было считать погибших. Прокуратура вошла в здание только через сутки, и за эти сутки могли скрыть все что угодно, включая трупы» (Аргументы и факты – Урал». 3–9 октября 2018. С. 3).

4. Вот как повествует А. Нечволодов о принятии христианства киевлянами: «...Владимир, по прибытии в Киев, приступил к очищению города от языческих идолов: некоторых рассекли на части, других сожгли, а самого главного – Перуна привязали к хвосту лошади и потащили с горы, причем двенадцать человек должны были бить его палками для поругания перед народом. Когда его приволокли к берегу и бросили в воду, то многие проливали слезы и долго следовали за пловшим идолом по берегу. Разрушив идолов, приступили к проповеди Христовой Веры; прибывший из Греции митрополит, вместе со священниками, ходил и проповедовал всюду по Киеву слово Божье; сам великий князь Владимир участвовал в этой проповеди. Наконец, когда население таким образом было подготовлено, он приказал оповестить всему городу, чтобы на другой день все некрещенные шли к Днепру. Здесь, 1 августа 988 года, и совершилось величайшее событие Руси: она приняла крещение. Киевляне, стар и млад, входили в воды Днепра. Кто стоял по шею в воде в самой глубине, кто – до персей; малые теснились поближе к берегу, а младенцев взрослые держали на руках. Службу совершали епископ Михаил и прибывшие с царицей священники... После крещения Владимир приказал тотчас рубить и ставить по всему городу церкви...». – Нечволодов А. Сказание о русской земле. Репринтное издание в четырех томах. Книга первая. Уральское отделение Всесоюзного культурного центра «Русская энциклопедия», 1991. С. 179.

5. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1993. 686 с.; Т. 2. М.: ТЕРРА, 1992. 569 с.

6. «Областная газета. Екатеринбургские ведомости». 5 октября 1993. С. 1.

7. Там же.

8. Указ Президента Б. Ельцина о прекращении деятельности Советов всех уровней появился 26 октября 1993 г.

9. Своими переживаниями и надеждами в связи с расстрелом Верховного Совета позже поделился известный советский драматург Виктор Розов, когда совершившееся все еще терзало его: «...после расстрела Дома Советов я совсем испугался, что погибнет наша страна, раз ее вожди прибегают к таким методам, когда в центре Москвы расстреливают других

людей... Начало работы Государственной думы и всего Федерального собрания я представлял себе так: депутаты встанут и почтут минутой молчания безвинно погибших при защите своего предшественника – Верховного Совета. Должно было встать на колени все правительство и покаяться устами любого из своих членов, что никогда ничего подобного не повторится. Произошла же национальная катастрофа, совершилось великое народное бедствие! Нет, не встали, не поклонились. А ведь они должны знать и все время обязательно помнить, что возникли они на человеческой крови». – «Правда». 19 января 1994. С. 4.

10. А. А. Зиновьев: «Западная буржуазная идеология в практическом бытовом применении оказалась гораздо мощнее коммунистической. Уже потому, что она примитивна до ужаса и рассчитана на самые низкие инстинкты, на потребительство. Она имела колоссальный успех в СССР в том числе и потому, что запрещалась. Постепенно посеянные семена взошли, и рвануло... Я за социализм, отвечающий тому историческому опыту, через который прошла наша страна. Как теперь не истолковывают историю заново, революция 1917 года была воистину Великой. И советский период в жизни России был – на сегодня, по крайней мере, – верхом ее величия. И во время войны, хотя я был антисталинистом, я шел в бой как коммунист». – «Правда». 11 марта 1993.

11. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 82.

12. Пересмотренная XXVII съездом КПСС партийная программа формулировалась как «программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны». – Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 122.

13. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 396, 423.

14. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Издательство политической литературы, 1966. С. 196.

15. «Народный учитель». Газета коллектива преподавателей и студентов ордена Знак Почета Свердловского государственного педагогического института. 24 ноября 1990. С. 1.

16.* 1 июля 1993 года Свердловским областным Советом была принята «Декларация об изменении статуса Свердловской области». В ней было заявлено о повышении статуса Свердловской области до уровня республики в составе Российской Федерации (Уральская республика). – «Областная газета – Екатеринбургские ведомости». 6 июля 1993. С. 1.

** 27 октября сессия Свердловского областного Совета народных депутатов приняла Конституцию Уральской республики. – «Областная газета – Екатеринбургские ведомости». 3 октября 1993. С. 1.

*** 31 октября 1993 года глава администрации Свердловской области Э. Россель своим указом возложил на себя полномочия Губернатора Уральской республики. – «Областная газета – Екатеринбургские ведомости». 3 ноября 1993. С. 1.

**** 9 ноября 1993 года Президент РФ Б. Ельцин своим указом отменил решения Свердловского областного Совета народных депутатов от 1 июля 1993 года «О статусе Свердловской области в составе Российской Федерации» и от 27 октября 1993 года «О Конституции Уральской Республики» как не имеющие «юридической силы их принятия». Этим же указом Президент прекратил деятельность Свердловского Совета народных депутатов, его функции передавались Администрации области. Указом от 10 ноября 1993 года Б. Ельцин освободил Э. Росселя от должности главы Администрации Свердловской области и назначил исполняющим обязанности главы Администрации Свердловской области В. Трушникову. – «Областная газета – Екатеринбургские ведомости». 12 ноября 1993.

Оглавление

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	41
Глава четвертая	63
Глава пятая	78
Глава шестая	92
Глава седьмая	114
Глава восьмая	124
Глава девятая	149
Глава десятая	170
Глава одиннадцатая	194
Глава двенадцатая	205
Глава тринадцатая	224
Глава четырнадцатая	243
Глава пятнадцатая	279
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	303
Глава первая	303
Глава вторая	312
Глава третья	334
Глава четвертая	346
Глава пятая	359
Глава шестая	372
Глава седьмая	404
Глава восьмая	421
Глава девятая	432
Глава десятая	459
Глава одиннадцатая	477
ПРИМЕЧАНИЯ	494

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Роман-история в двух частях

Научный редактор: Грибан И. В.,
кандидат исторических наук, доцент

Корректор: Адясова О. А.

Сердюков, А. А.

Человек своего времени : роман-история в двух частях. Часть первая / А. А. Сердюков ; под научной редакцией И. В. Грибан. – Екатеринбург : [б. и.], 2022. – 325 с. – Текст : непосредственный.